

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 5120 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

СЕНТЯБРЬ.

1876.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ГИГИЕНИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ВРАКА. В. О. ПОРТУГАЛОВА.
- II. СМЕРТЬ СТАРАГО ВИВЕРА. Стихотвореніе.
(Изъ Т. Лидса.) А. КОНСТАНТИНОВА.
- III. ИЗРАИЛЬ ВОИНСТВУЮЩІЙ. Недѣля у дагестанскихъ евреевъ. (Гл. IV—V.) В. Н. НЕМРОВИЧА-ДАВЧЕНКО.
- IV. ОСЕННЯЯ ЭЛЕГІЯ. Стихотвореніе. П. З. СУРИКОВА.
- V. ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА. Романъ изъ современной англійской жизни. (Гл. XXXVIII—XLIX.) . . . ДЖ. ЭЛЮТА.
- VI. ВЪШЕНАЯ ЛОЩИНА. Романъ. Часть I. (Гл. I—VI.) П. ЛЪТНЕВА.
- VII. КАЙ МУЦІЙ СЦЕВОЛА. Драматическія сцены.
(Изъ Т. Лидса.) А. КОНСТАНТИНОВА.
- VIII. ЧТО СПАСАЕТЪ ТУРЦІЮ? А. И.
- IX. ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ. Романъ. Часть II.
(Гл. I—III.) Е. А. МАРКОВА.
- X. МАТЬ. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) А. НИХАЙЛОВА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XI. ПРОРОКЪ СЛАВЯНОФИЛЬСКАГО ИДЕАЛИЗМА. П. ЯЗЫКОВ.

(Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ I. Спб. 1876.)

XII. ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. АВОННА.

XIII. НОВЫЯ КНИГИ.

Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета. Спб., 1876 г. — **Въ память Юрія Федоровича Самарина.** Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины. Съ приложеніемъ портрета. Спб., 1876 г. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета. — **Исторія тверскаго княжества.** В. С. Борзаконскаго. Спб., 1875 г. — **Сочиненія А. Михайлова.** Томъ VI. Спб., 1875 г. — **Сочиненія и переводы А. Тархова.** Спб., 1876.

XIV. РАЗВИТІЕ ПЕРВОВЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ. (Ст.

первая.) С. С. ШАНКОВА.

XV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРО-

НИКА. И. ТРИГО.

Сосредоточенное вниманіе Европы на борьбу Сербіи съ Турціей. — Гдѣ искать окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса? — Можетъ-ли мечъ разрубить этотъ гордіевъ узелъ? Роль Франціи въ событіяхъ Балканскаго полуострова. — Политика невмѣшательства, предписываемая осторожностью. — Положеніемъ, принятымъ различными государствами въ крымскую войну, обусловливаются дальнѣйшія событія. — Опасенія французовъ — Боязнь инициативы. — Недовѣріе къ приближеннымъ маршала мак-Магона. — Посредственный уровень французской администраціи. — Симпатія большинства французскаго народа къ сербамъ. — Клерикалы сочувствуютъ туркамъ. — Воззваніе Виктора Гюго: „За сербовъ“. — Вліяніе клерикаловъ на французскую политику по восточному вопросу. — Мнѣніе „Journal des Débats“ о брошюрѣ Гладстона. — Апатія и своекорыстіе французской буржуазіи. — Причины политическаго удаленія. — Несостоятельность французской магистратуры. — Неожиданныя послѣдствія несмѣлимости судей. — Склонность французскихъ судей къ произнесенію обвинительныхъ приговоровъ. — Суды исправительной полиціи. — Политическій характеръ французской полиціи. — Франція можетъ подняться только поднятіемъ нравственнаго уровня своей магистратуры.

XVII. ЕТО НАШИ РУКОВОДИТЕЛИ? И. МИХАНТРОНОВА.

XVIII. ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ СЛАВЯНЪ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“.

XIX. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ ВЪ 1877 ГОДУ.

О ПОДПИСКѢ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛѢ

„ДѢЛО“

въ 1877 году.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ издаваться въ будущемъ 1877 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія десять лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ	15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ	16 р. „

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя вполне отвѣтственной за исправную и своевременную доставку журнала.

ИНСТИТУТЪ ТЮДИКУМА.

ЛА-ШАТЛЭНЬ, въ окрестностяхъ Женевы, въ Пренъ, близъ замка Ротшильда.

Мѣстоположеніе этого учебнаго заведенія, состоящаго подъ наблюденіемъ департамента народнаго просвѣщенія Женевскаго кантона, одно изъ самыхъ лучшихъ по своей красотѣ и гигиеническимъ условіямъ. Большое и прекрасное зданіе, вновь устроенное, окружено обширнымъ паркомъ, въ которомъ расположены гимнастическія игры для воспитанниковъ. Воспитаніе общее, подъ непосредственнымъ руководствомъ директора института и нѣсколькихъ учителей, живущихъ въ самомъ заведеніи; образованіе—реальное, классическое и коммерческое, соотвѣтственно выбору самихъ родителей. Французскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій языки преподаются профессорами-специалистами. Уроки русскаго языка—для русскіихъ воспитанниковъ. Принимаются мальчики отъ 8 лѣтъ и могутъ продолжать курсъ ученія до вступленія своего въ цюрихскій политехникумъ.

Адресоваться за свѣденіями и подробной программой института: Genève-Pregny, Institution Thudichum, M. Thudichum; а также въ Петербургъ, въ Главную Контору журнала „Дѣло“.

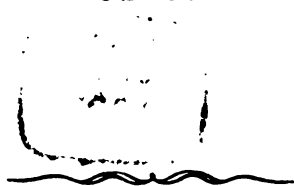
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1876.

Δ
PScar-236-4 (1876, no. 9)

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1876 года.

ГИГИЕНИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ БРАКА.

Въ жизни человѣчества, отъ самыхъ отдаленныхъ доисторическихкихъ временъ до настоящей минуты, легко отличить три главныя формы, три ступени культурнаго развитія. На низшей, первобытной ступени дикарь заботится только о сегодняшнемъ днѣ, онъ преслѣдуетъ лишь интересы минуты; всѣ его стремленія направлены къ тому, чтобы удовлетворить своимъ личнымъ нуждамъ и потребностямъ, возникающимъ лишь въ данный моментъ. Онъ никогда не заботится о завтрашнемъ днѣ, и все, что приобретаеъ сегодня, сегодня-же и съѣдаетъ. Ступенькой выше стоитъ варваръ. Онъ, правда, уже заботится о завтрашнемъ днѣ, но всѣ его заботы ограничиваются чисто-личными, животными стремленіями и узко-эгоистическими интересами; ему чужды понятія о какомъ-бы то ни было общественномъ благѣ или о социальной солидарности.

Человѣкъ цивилизованный отличается отъ варвара и особенно отъ дикаря именно тѣмъ, что онъ ставитъ общее благо выше личнаго или, лучше сказать, преслѣдуя общее благо, онъ въ этомъ находитъ высшее удовлетвореніе своего личнаго счастья.

На обитаемой нами землѣ нѣтъ и не было ни одного народа, у котораго-бы всѣ эти культурныя формы уживались рядомъ, но двѣ формы встрѣчаются довольно часто. Есть племена, состоящія исключительно изъ людей первой категоріи, но, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного, члены котораго состояли-бы исключительно изъ людей третьей категоріи. И это можно почти считать общимъ правиломъ, что степень прогресса и социальнаго развитія того или другаго народа пропорціональна количеству людей той или другой категоріи, то-есть чѣмъ больше число людей третьей кате-

горіи и чѣмъ меньше первой или второй, тѣмъ выше историческое и культурное значеніе народа, и, наоборотъ, чѣмъ меньше людей третьей категоріи и чѣмъ больше первой или второй, тѣмъ ниже социальный уровень народа.

Этимъ фазамъ развитія соотвѣтствуютъ и разнообразныя видоизмѣненія брачныхъ отношеній. Если на самой низшей ступени человекъ имѣетъ въ виду только одно простое удовлетвореніе физиологической потребности, то съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры и цивилизаціи все болѣе и болѣе выясняется, что на высшей ступени развитія человекъ имѣетъ цѣлью, кромя удовлетворенія своимъ физиологическимъ потребностямъ, удовлетворить и нравственнымъ, возвысить и усовершенствовать свою породу, а вмѣстѣ съ ней содѣйствовать прогрессу всего человечества. Вотъ почему самая лучшая и гигиенически-обставленная форма встрѣчается только у народовъ болѣе высокой культуры. Явленіе это чуждо какъ животному міру, такъ и первобытному человеку. Но стремленіе это къ усовершенствованію расы выработалось, конечно, не вдругъ, а медленнымъ и постепеннымъ ходомъ развитія культуры и цивилизаціи, такъ что существующія нынѣ формы взаимныхъ сближеній должны быть разсматриваемы, какъ продуктъ тысячелѣтнаго тяжелаго опыта. Чтобы намъ были ясны всѣ условія, какія только современная наука, въ области гигиеническихъ изслѣдованій, узаконила своимъ авторитетомъ для взаимнаго сближенія людей, необходимо прослѣдить постепенное развитіе этого процесса во времени и пространствѣ. Къ сожалѣнію, это настолько спеціальнй вопросъ, что намъ придется ограничиться лишь немногими данными, наиболѣе интересными, для характеристики этого явленія.

На низшей ступени социального развитія, въ первобытномъ дикомъ состояніи, человекъ не знаетъ брака. Низшія расы имѣютъ, правда, взаимныя половыя сближенія, но у нихъ нѣтъ брака съ опредѣленной цѣлью. Онѣ сходятся лишь для удовлетворенія своимъ физиологическимъ потребностямъ и, за неимѣніемъ другой, высшей нравственной потребности, такъ-же легко тотчасъ-же расходятся, какъ и сходятся. Чувства любви и взаимной привязанности у первобытныхъ народовъ нѣтъ и въ поминѣ. Нѣкоторымъ племенамъ, какъ, напр., альгонкинамъ, до того чуждо это чувство, что въ языкѣ ихъ нѣтъ даже слова *любовь* или

любить. Въ сѣверной Америкѣ индѣйцы тинне не имѣютъ даже словъ для выраженія такихъ понятій, какъ „милый“ или „любимый“. Фуку (Histoire de Travail) утверждаетъ, что и теперь въ сѣверной Австраліи можно встрѣтить весьма странную форму людскихъ отношеній. Группы мужчинъ тамъ бродятъ отдѣльно отъ такихъ-же группъ женскихъ. Эти пауасы живутъ охотой и рыбной ловлей, женщины-же этого племени блуждаютъ отдѣльными группами, отыскиваютъ для своего прокормленія разныя раковины и растенія, что, впрочемъ, достается имъ съ большимъ трудомъ на австралійской скудной почвѣ. Съ наступленіемъ весны въ нихъ пробуждается половой инстинктъ; тогда мужчины предпринимаютъ погоню за женщинами и, разумѣется, не безъ успѣха. Матери выкармливаютъ дѣтей собственнымъ молокомъ и дѣти, рожденныя отъ такой дикой встрѣчи, остаются при матери не долго. Если они принадлежатъ къ мужскому полу, то ихъ выпроваживаютъ на всѣ четыре стороны, какъ только они становятся на своя ноги. Дѣвочки пристають къ той или другой группѣ женщинъ. Вотъ та первобытная форма, которая, по всей вѣроятности, существовала съ различными варіаціями на всемъ земномъ шарѣ. Бакофенъ и Макъ-Ленанъ, лучшіе новѣйшіе писатели, специально изучавшіе вопросъ о бракѣ, говоритъ Д. Лэбокъ, — оба согласны въ томъ, что первоначальное состояніе человѣка въ социальномъ смыслѣ было чистѣйшимъ гетеризмомъ (т. е. отсутствіемъ брака), гдѣ каждый мужчина и каждая взрослая женщина любой маленькой общины смотрятъ другъ на друга какъ на мужа и жену. Умыканіе женщинъ, какъ простыхъ самокъ, о которомъ повѣствуетъ и нашъ Несторъ, составляетъ обыкновенное явленіе въ этомъ періодѣ варварскаго состоянія. Не только сосѣднія и родственныя общины похищаютъ женъ другъ у друга, но и совершенно чуждыя. Примѣромъ могутъ служить, напр., карибы, которые добываютъ себѣ женщинъ сосѣднихъ племенъ, говорящихъ на иныхъ языкахъ, и сплошь и рядомъ можно встрѣтить пары, гдѣ мужъ и жена не понимаютъ другъ друга, — такъ мало они нуждаются въ какомъ-нибудь высшемъ взаимномъ общеніи и въ какихъ-бы то ни было нравственныхъ семейныхъ узахъ.

При такихъ социальныхъ условіяхъ очень оригинально положеніе дѣтей и ихъ отношеніе къ родителямъ до того странно,

что между ними нѣтъ ничего нравственно-общаго. Спикъ и Марціусъ утверждаютъ, что у бразильскихъ индѣйцевъ отецъ не питаетъ никакого чувства привязанности къ своему ребенку, а мать относится къ нему лишь инстинктивно. И ребенокъ вырастаетъ, не зная отца и не чувствуя въ немъ ни малѣйшей надобности; единственная родовая связь существуетъ у него съ матерью.

Эта материнская семья ведетъ и продолжаетъ свой родъ только въ преемственной генерации женщинъ. Въ цѣломъ рядъ поколѣній передается лишь имя матери, отецъ-же фигурируетъ какъ личность вводная и имя его не передается, а скорѣе, наоборотъ, теряется. Пуповина у нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ пользуется такимъ почетомъ, что, напр., жители Фиджи хоронятъ ее съ большой церемоніей, а въ странахъ Уганда и Унгоро въ Африкѣ ее украшаютъ жемчугами, сохраняютъ во всю жизнь индивида и по смерти погребаютъ вмѣстѣ съ нимъ. У нѣкоторыхъ народовъ отецъ играетъ такую ничтожную роль, что, напр., на Суматрѣ мужъ при рожденіи сына теряетъ свое имя, чтобы воспринять имя новорожденнаго. Собственное имя отца передается забвенію и со дня рожденія сына его называютъ: отецъ такого-то; личность его поглощается сыномъ его жены.

Повидимому, золотой вѣкъ, нарисованный воображеніемъ поэтовъ, далеко не соответствуетъ той печальной дѣйствительности, въ которой прозябалъ первобытный человекъ. Это былъ страшный дикарь, и если отнестись безпристрастно къ мрачному прошлому нашей породы, то легко убѣдиться, что нашъ дикій прародитель, прежде, чѣмъ достигнуть ничтожной доли цивилизаціи, долженъ былъ пройти длинный и темный путь варварства. Люди первобытной, доисторической эпохи, по крайней мѣрѣ, какъ намъ рисуютъ ихъ новѣйшія изслѣдованія, совсѣмъ не похожи на тѣ поэтическія существа, которыя мы привыкли рисовать себѣ въ образѣ почтенныхъ старцевъ, окруженныхъ женами и дѣтьми, въ полномъ повиновеніи и глубокомъ уваженіи другъ къ другу. Напротивъ того, это безповойныя и жалкія существа, на которыхъ тяготѣетъ чувство страха какого-то невѣдомаго зла, это безличная и безхарактерная масса, хищная по своимъ стремленіямъ и подчиненная законамъ только животныхъ требованій.

Нѣтъ сомнѣнія, что индивидуальный типъ изъ этой безличной

массы выдѣляется и вырабатывается очень медленно. Въ дикомъ состояніи общества никто не можетъ жить обособленнымъ и обладать чѣмъ-бы то ни было. Каждый человѣкъ тамъ всецѣло принадлежитъ орду и орда всецѣло поглощаетъ его индивидуальность.

Въ большинствѣ индѣйскихъ племенъ Америки слабому человеку никогда не удастся обзавестись подругой жизни: нисколько не нарушая чувства общественной совѣсти, сильный *имѣетъ право* отнять жену у слабого и табунное мнѣніе всегда на сторонѣ похитителя.

Лучемъ свѣта въ этомъ хаосѣ безличныхъ половыхъ отношеній можно считать ту новую фазу развитія, когда племя распадается на отдѣльныя группы, будутъ-ли это роды или семейства, въ которыхъ кровная связь всѣхъ вѣтвей отъ одного и того-же родственнаго корня начинаетъ играть преобладающую роль въ зародышѣ будущихъ соціальныхъ отношеній. Это та первая ступень, какъ замѣчаетъ Лебокъ, съ которой начинается признаніе семейнаго принципа и родственнаго авторитета. Понятіе о бракѣ очищается отъ своего первобытнаго хищническаго характера, отбрасываетъ грубыя формы безличныхъ половыхъ отношеній и получаетъ значеніе болѣе правильнаго человѣческаго сожитія. Во главѣ родственной группы становится старѣйшій или способѣйшій въ родѣ, съ авторитетомъ вождя, судьи, посредника и опекуна. Онъ управляетъ всѣмъ и всѣхъ соединяетъ подъ своимъ покровительствомъ. Женщина, переставая быть общимъ достояніемъ каждаго, кто скорѣе захватитъ ее, дѣлается принадлежностью одного индивида. Она продолжаетъ играть ту-же безличную, рабскую роль, какъ и прежде, но за ней признается право матери и члена семьи. Но семейный принципъ всецѣло господствуетъ надъ личностью. Такъ, напр., въ Цейлонѣ никто другой, какъ только семья, располагаетъ правомъ жениться; семья, а не отдѣльный членъ ея, имѣетъ дѣтей; дѣти безразлично принадлежать всей семьѣ, также какъ и земля, которая никогда не дѣлится.

Въ эту эпоху развитія человечества бракъ есть ничто иное, какъ простая форма собственности; онъ не основывается ни на взаимномъ сочувствіи, ни на согласіи женщины, но вполне подчиняется авторитету семейнаго начала, гдѣ нѣтъ и тѣни уваженія къ личному достоинству женщины и къ нравственнымъ симпаті-

ямъ, а все основывается на принужденіи и грубой силѣ. Сочиненія Тэйлора и Лэбоелъ даютъ намъ по этой части самыя мрачныя картины жизни дикарей. Когда дикари Австраліи случайно встрѣчаютъ какую-нибудь женщину безъ покровителя, они бросаются на нее съ яростію, наносятъ ей жестокіе побои и прачуть свою плѣнницу въ какую-нибудь темницу. Свободное сближеніе и выборъ двухъ половъ, основанныя на взаимной симпатіи, — дѣло немислимое, невозможное въ періодѣ дѣтства человѣческаго рода, и скандальный характеръ брачныхъ обрядовъ у многочисленныхъ варварскихъ племенъ свидѣтельствуетъ о томъ, что личность женщины была простымъ имуществомъ въ семейно-коллективныхъ группахъ.

Народное преданіе глубокой древности приписывало *изобрѣтеніе* брака, въ его лучшей соціальной формѣ, извѣстнымъ определеннымъ личностямъ, прославленнымъ законодателямъ. Такъ у египтянъ это былъ Менесъ, у грековъ Кекропсъ, у индусовъ Светакету, у китайцевъ Фого. Этимъ-то личностямъ приписывается честь введенія этого учрежденія, какъ религіозно-гражданскаго института. И дѣйствительно, ни одно законодательство, при какой-бы то ни было общественной организаціи, не оставалось-бы равнодушнымъ къ этому институту. Такъ или иначе, болѣе или менѣе рационально оно предусматривало его важность и значеніе и вмѣшивалось своимъ авторитетомъ въ его внутреннюю сферу, въ его права и обязанности. Это доказываетъ, что нормальныя условія брака составляютъ предметъ капитальной важности въ мало-мальски благоустроенномъ обществѣ, и дурныя условія его прямо ведутъ, длиннымъ рядомъ поколѣній, къ физическому и нравственному вырожденію рода, племени, расы, а хорошія условія — къ усовершенствованію соціальной группы или коллективнаго типа. Поэтому даже въ простѣйшей, семейной формѣ, гдѣ личность поглощается общиннымъ началомъ, и тамъ существуютъ извѣстныя нормы, освященныя обычаями, для брачныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, гигиеническія требованія, столь необходимыя въ брачномъ быту, многими законодательствами или совершенно игнорировались, или ставились на задній планъ. Имѣя въ виду только религіозную или нравственную сторону брака, законодатели упускали изъ виду тѣ существенныя условія, которыя предписываетъ намъ гигиена, какъ органъ народнаго здоровья. Такъ, напр., полигамія есть самое извращенное и въ высшей степени анти-со-

ціальное учрежденіе, осуждаемое и наукой, и опытомъ, а между тѣмъ воснѣющіе восточные народы осыятили его и религіей, и всеобщимъ обычаемъ. Поэтому вполне резонно говорить де-Бомонъ, что „высшимъ выраженіемъ правильной нормы брака надо считать наилучшую организацію его гигиенической обстановки. Если для насъ не все равно, будутъ-ли рождаться въ средѣ нашей чашле и хилые уроды или существа здоровыя, красивыя и атлетическаго сложенія, то нельзя относиться безразлично и къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя обуславливаютъ эти результаты. Наука въ этомъ отношеніи предстоитъ еще многое провѣрить и разработать, но если-бы мы *умѣли*, а главное — *хотѣли* воспользоваться уже доказанными-ею фактами, то многія печальныя явленія, такъ рѣзко бросающіяся въ глаза въ вымираніи многихъ расъ или извращеніи ихъ физиологическаго типа, были-бы устранены изъ исторіи человѣчества“. Такимъ образомъ гигиена брака имѣетъ полнѣйшее право на наше вниманіе и, благодаря новѣйшимъ выводамъ науки, составляетъ одинъ изъ капитальныхъ вопросовъ общественнаго здоровья. Мы попытаемся указать здѣсь на нѣкоторыя, болѣе важныя пункты затронутаго нами предмета.

1. Форма брака.

Есть двѣ главныя формы брака, свойственныя современнымъ културнымъ обществамъ, это—полигамія (многоженство) и моногамія (одноженство.) Изъ какого-бы источника ни вытекала полигамія и какими-бы обстоятельствами ни обуславливалась живучесть и широкое распространеніе этой формы, гигиена ее рѣшительно осуждаетъ. Это одна изъ тѣхъ формъ, которыя обрекаютъ женщину на безвыходное положеніе гаремной затворницы и рабы своего покупщика. Это одинъ изъ самыхъ отвратительныхъ видовъ денежной привилегіи, потому что только богачи могутъ содержать большое число женъ. И положеніе женщины въ полигаміи, говоря вообще, ужасно. „Характеристической чертой семейной жизни негровъ, говоритъ Вайтцъ,—это самое глубоко-низкое положеніе женщины, выражаемое полигаміей. Негръ смотритъ на женщину, какъ на предметъ чувственнаго удовольствія, какъ на удобство въ жизни, какъ на предметъ роскоши. Каждый содержитъ столько женъ, сколько онъ въ силахъ купить. Король Ашанти имѣетъ

отъ 330 до 3,333 женъ, изъ которыхъ шесть постоянно при немъ, а остальныхъ онъ часто даритъ своимъ приближеннымъ. Бояры или фепукеры на югѣ Гамбін обыкновенно имѣютъ одну жену, но мѣняютъ женъ по-возможности чаще. Тѣмъ не менѣе богатство и знатное происхожденіе освобождаютъ тамъ женщину отъ ея обычной участи; богатныя дѣвушки въ Акрѣ живутъ съ кѣмъ хотятъ и ихъ непостоянство тамъ никому не бросается въ глаза. Сестры короля Ашанти выбираютъ себѣ мужа по своему произволу. Королева Цинга изъ Конго содержитъ много мужей и всѣ знатныя барыни тамъ выбираютъ себѣ наиболее подходящихъ мужей и по собственному усмотрѣнію прогоняютъ ихъ. Такъ-что въ Африкѣ, какъ видно, полигамія и полиандрія (многомужество) достаточно уравновѣшиваютъ другъ друга“. Кроме традиціи, укоренившейся преимущественно отъ первобытно-варварскаго взгляда на женщину, какъ на вьючное животное, Лёбокъ объясняетъ полигамію еще слѣдующими соображеніями. По его мнѣнію, причины ея, весьма, впрочемъ, вѣскія, хотя и не абсолютно-необходимыя, зависятъ отчасти отъ климатическихъ условій. Въ тропическихъ странахъ, гдѣ обыкновенно полигамія преобладаетъ, дѣвушки развиваются очень рано и такъ-же скоро отцвѣтаютъ, между тѣмъ мужчины сохраняютъ свои силы гораздо дольше, и потому неудивительно, если любовь обуславливается не сходствомъ вкусовъ или взглядовъ, а единственно внѣшней привлекательностью. Другая причина должна была имѣть также громадное вліяніе. Извѣстно, на-сколько необходимо молоко для вскормленія дѣтей, а между тѣмъ дикари, стоящіе на одинаковомъ уровнѣ съ неграми, очень бѣдны домашнимъ скотомъ, и это обстоятельство заставляетъ ихъ кормить своихъ дѣтей втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ только материнской грудью, и потому обязанности матери переносятся послѣдовательно на нѣсколькихъ женъ. Какъ-бы то ни было, но изслѣдованія этнографовъ приводятъ къ тому заключенію, что полигамія вызывается и обуславливается недостаткомъ культуры и цивилизаціи, разными внѣшними обстоятельствами, которыхъ человекъ на низшей ступени соціального развитія не въ силахъ устранить, какъ по своему экономическому убожеству, такъ и по своей умственной безпомощности въ борьбѣ съ окружающей природой. Ясно, что полигамія не можетъ счи-

таться явленіемъ нормальнымъ для человѣческаго общества съ гигиенической точки зрѣнія.

Рядомъ съ полигаміей почти на той-же культурной степени встрѣчается другая форма половыхъ отношеній, а именно эндогамія. Это та племенная форма брака, при которой мужчина можетъ жениться только на женщинѣ своего племени. По мнѣнію Лебока, эта форма брака встрѣчается не особенно часто и, кажется, развилась изъ чувства родовой гордости и презрѣнія къ окружающимъ племенамъ. Эндогамія встрѣчается у шукла, на Явѣ, у татаръ манчу, на Сандвичевыхъ островахъ, въ Новой Зеландіи, гдѣ сильно распространено предубѣжденіе противъ иноплеменныхъ женъ. Въ преданіяхъ нѣкоторыхъ племенъ мы находимъ указанія на дѣйствительное происхожденіе этого обычая. Онъ возникъ изъ того совершенно ложнаго убѣжденія, что цѣлость и національныя достоинства племени могутъ всего лучше сохраниться только въ томъ случаѣ, когда чужой элементъ будетъ устраненъ при бракосочетаніяхъ извѣстнаго племени. Но опытъ ясно показалъ, что такая замкнутость преемственно вела къ унаслѣдованію однихъ и тѣхъ-же недостатковъ расы, укореняла одиѣ и тѣ-же физическія и нравственныя слабости и, въ-концѣ-концовъ, приводила къ вырожденію.

Діаметрально-противоположная эндогаміи форма — экзогамія. Такъ называетъ Макъ-Ленанъ обычай, состоящій въ обязательствѣ жениться на женщинѣ чужого племени, но никакъ не своего. Такой бракъ въ своего племени долженъ былъ въ свое время имѣть особенное значеніе. Законъ, побуждавшій мужчинъ искать себѣ женъ въ другомъ племени, имѣлъ въ виду ограничить родственныя кровосмѣсительныя браки. И хотя экзогамія была бессильна радикально уничтожить кровосмѣшеніе, тѣмъ не менѣе она положила конецъ многимъ явленіямъ кровосмѣшенія, и съ этой точки зрѣнія на экзогамію можно смотрѣть, какъ на значительный прогрессъ, какъ на первый шагъ къ болѣе нормальному браку и семьѣ въ современномъ значеніи слова.

Уже съ самыхъ первыхъ временъ организациі племенъ легко усмотрѣть цѣлый рядъ обычаевъ, свидѣтельствующихъ, что въ самую раннюю пору громко заявлялись порицанія и осужденія браковъ между близкими родственниками. Такъ на Цейлонѣ и теперь запрещается отцу видѣть свою дочь, какъ только она

достигаетъ періода зрѣлости, и такое-же запрещеніе предписывается матери по отношенію къ сыну. Въ Азій, у монголовъ, въ Африкѣ, у барса и бассутовъ, у татаръ, у евреевъ невѣстка должна скрываться отъ тестя. Снохачество никакимъ образомъ не можетъ быть тамъ терпимо. У ароваковъ южной Америки зять не долженъ видѣть тещи, и если они живутъ въ одномъ домѣ, то ихъ раздѣляютъ перегородкой. У базъ, у ашанти и у кафровъ, у краснокожихъ теща не имѣетъ права ни видѣть лица своего зятя, ни произносить его имя; когда она его встрѣчаетъ, то она должна закрыть свое лицо. На островахъ Фиджи братья и сестры, двоюродные братья, тесть и его снохи, теща и ея зятя, шурья и снохи не могутъ ни разговаривать между собой, ни ѣсть за однимъ столомъ. Тѣ-же обычай можно встрѣтить въ Австраліи, въ Индіи, на Борнео и въ Африкѣ. Строгость этихъ запрещеній можетъ быть объяснена только какъ реакція противъ сильнаго кровосмѣшенія, пустившаго столь глубокіе корни въ древнемъ обществѣ *). Тэйлоръ полагаетъ, что вредъ женитбы на близкихъ родственницахъ могъ быть главной причиной запрещенія жениться на женщинѣ своего племени. Морганъ также объясняетъ экзогамію единственно преобразовательной попыткой положить конецъ бракамъ между кровными родственниками, чего можно было достигнуть только экзогаміей, такъ-какъ до введенія ея члены всего племени были между собой перепутаны родственными узами. Макъ-Ленанъ полагаетъ, что такое ограниченіе брака возникло вслѣдствіе древняго обычая убивать дѣвочекъ. Такой обычай повелъ, конечно, къ уменьшенію числа женщинъ, вслѣдствіе чего въ племени появилась полиандрія, а она заставила обратиться къ похищенію женщинъ извнѣ. Но Лэбокъ находитъ всѣ эти объясненія неудовлетворительными и приводитъ свое, тоже не особенно остроумное. Онъ утверждаетъ, что, помимо всякихъ другихъ причинъ, уже одно преимущество перекрещиванія породъ, столь извѣстное сельскимъ хозяевамъ, должно было дать замѣтное преобладаніе тѣмъ расамъ, у которыхъ была въ ходу экзогамія, и уже по одному этому неудивительно, что экзогамія была такъ распространена между низшими расами людей. Просу-

*) (Giraud-Téulon, стр. 122—125.

ществовавъ нѣкоторое время, такой порядокъ обратился въ привычку, а потомъ привычка обратилась въ предрасудокъ, который съ теченіемъ времени усилился до значенія религіознаго принципа, — и вотъ готово правило, воспреещающее жениться на женщинахъ своего племени. На это Жиро-Тейлонъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „развѣ законъ скрещиванія, всюду принятый вообще, такъ неоспоримъ въ примѣненіи къ человѣку?“

У нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ даже было замѣчено, что брачная связь между близкими родственниками нисколько не вредила отличительному качеству племени. „Мы не можемъ, говорить Жиро-Тейлонъ, — утверждать вмѣстѣ съ Мавъ-Ленаномъ, что превосходство дѣтей, рожденныхъ отъ экзогамическихъ браковъ, надъ дѣтьми, происходящими отъ браковъ между близкими родственниками, такъ ужъ бросалось-бы въ глаза, чтобы быть фактомъ неоспоримымъ и стало-бы цѣлью. Притомъ причину физическаго и умственнаго преимущества нѣкоторыхъ расъ, вѣроятно, надо искать въ другихъ физиологическихъ условіяхъ. Вопросъ о скрещиваніи нельзя считать въ наукѣ поконченнымъ и основательно порѣшеннымъ. Сравнительная физиологія даетъ столько-же доказательствъ въ одномъ смыслѣ, сколько изученіе человѣческихъ семей даетъ ихъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ...“ (Giraud-Toulon, стр. 126.)

Такое разнообразіе брачныхъ отношеній доказываетъ, что человечество, смотря по обстоятельствамъ, извѣдало самыя причудливыя формы брака и останавливалось по временамъ и въ силу разныхъ внѣшнихъ условій то на полигаміи, то на полиандріи, то вводило у себя эндогамію, то прибѣгало къ экзогаміи, и лишь исподоволь, мало-по-малу выработало моногамію, какъ форму, наиболѣе приличествующую современнымъ требованіямъ культуры и цивилизаціи. Съ другой стороны, также ясно, что форма брака не есть явленіе постоянное, а, напротивъ того, столь-же измѣнчивое, какъ и всѣ другія явленія соціальнаго быта. И моногамія, вызванная экономическими, соціальными и религіозными условіями современныхъ цивилизованныхъ обществъ, подъ вліяніемъ разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ далеко отклоняется отъ своего идеала и страдаетъ многими недостатками. Тайная и явная проституція, лицемеріе и обманъ при за-

ключеіи браковъ, скандальныя сцены закулисной стороны ихъ отравляютъ самыя чистыя стороны этой формы общежитія.

Всякій, конечно, имѣеть право на жизнь, и притомъ на лучшую жизнь. Статистика-же намъ можетъ доказать (если только разумно къ ней отнестись и толково ее поразспросить), что число мужчинъ въ порѣ зрѣлости почти совершенно одинаково съ числомъ женщинъ. Это обстоятельство, однакожь, вѣрно и ясно не съ перваго взгляда. Обыкновенно мальчиковъ родится больше, чѣмъ дѣвочекъ, и притомъ на 100 дѣвочекъ 106 мальчиковъ. Въ отдѣльныхъ семействахъ, само собою разумѣется, трудно замѣтить даже малѣйшій намекъ на стремленіе природы уравновѣсить оба пола, какъ на несомнѣнный ея законъ; но въ цѣлой группѣ семействъ, живущихъ большей или меньшей общиной, этотъ законъ проявляется или втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ, или, напр., въ большихъ городахъ, каждый годъ, а у многолюдныхъ народовъ законъ этотъ можно провѣрить чуть не каждый день. Такъ въ Англіи въ 1859 г. приходилось 956 дѣвочекъ на 1,000 мальчиковъ; во Франціи въ 1858 г. 952 дѣвочки на 1,000 мальчиковъ; въ Австріи въ 1858 г. 946 на 1,000 и въ Пруссіи 945 дѣвочекъ на 1,000 мальчиковъ въ 1860 г. Чтобы опредѣлить, не имѣеть-ли климатъ вліянія на это отношеніе, сравнивали различныя государства и, охвативъ вычисленіями до 70 миліоновъ разлічнаго населенія, пришли къ тому убѣжденію, что климатъ не имѣеть никакого вліянія на равновѣсіе половъ. Если, напр., въ Россіи на 100 дѣвочекъ родится 108 мальчиковъ, то въ Швеціи ихъ родится 104; во Франціи—106, въ Великобританіи—104, въ Пруссіи—105 и во всей Европѣ—106. Для большей вѣрности, конечно, нужно-бы имѣть свѣденія и о тропическихъ странахъ. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ на мысѣ Доброй Надежды въ періодъ 1815 до 1820 г., это отношеніе сохранялось лишь между рабами, въ средѣ-же свободнаго населенія постоянно замѣтно было преимущество на сторонѣ дѣвочекъ: дѣвочекъ рождалось на свѣтъ больше, чѣмъ мальчиковъ.

Между городомъ и селомъ въ этомъ отношеніи замѣтна постоянная разница и въ селѣ избытокъ новорожденныхъ мальчиковъ надъ дѣвочками больше, чѣмъ въ городѣ. Но наибольшее вліяніе на диспропорцію числа рожденій мальчиковъ и дѣвочекъ имѣеть

разница въ возрастѣ родителей. Наблюденія, сюда относящіяся, доказываютъ, что число мальчиковъ или дѣвочекъ преобладаетъ, смотря по тому, кто старше—отецъ или мать, иначе говоря, у кого изъ нихъ преобладаетъ производительная энергія.

Изъ большаго числа рожденій мальчиковъ вытекаетъ и перевѣсъ мужского элемента надъ женскимъ во всемъ юношескомъ возрастѣ и, несмотря на это, въ наиболѣе зрѣломъ возрастѣ преобладаніе женскаго элемента надъ мужскимъ составляетъ общее правило; такъ-что въ любой странѣ Европы число старухъ и вообще взрослыхъ женщинъ больше, чѣмъ число стариковъ и взрослыхъ мужчинъ, хотя перевѣсъ тутъ самый ничтожный, напр., во Франціи на 100 мужчинъ 101 женщина, въ Пруссіи на 100 мужчинъ 100,42 женщины и только въ Соединенныхъ Штатахъ эта разница рѣзко бросается въ глаза, а именно на 100 мужчинъ здѣсь приходится всего 95 женщинъ. Исключеніе, слѣдовательно, составляютъ Соединенные Штаты Америки, но это объясняется эмиграціей, которая доставляетъ въ Америку больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. За то въ Италіи оказывается значительный перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами, а именно на 5 процентовъ.

Вообще-же перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами въ большинствѣ европейскихъ государствъ объясняется большею смертностью мужчинъ, зависящей отъ болѣе напряженнаго труда, отъ болѣе активной и рискованной жизни, а главное—отъ истребительныхъ войнъ. Словомъ, если въ одномъ мѣстѣ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ, то въ другомъ мѣстѣ больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ, и перевѣсъ того или другого пола, во-первыхъ, слишкомъ ничтоженъ и въ общей массѣ крупныхъ населеній легко ускользаетъ, во-вторыхъ, онъ объясняется разными социальными условіями и случайностями, легкоустраняемыми при болѣе нормальномъ строѣ жизни. Въ большей части европейскихъ государствъ, дѣйствительно, замѣчается избытокъ женщинъ надъ мужчинами, но непрерывныя войны и постоянная эмиграція, повидимому, достаточно поясняютъ это явленіе; въ Америкѣ-же, наоборотъ, избытокъ мужчинъ надъ женщинами объясняется той-же эмиграціей и страшнымъ обычаемъ природныхъ американовъ истреблять своихъ дѣтей. Притомъ-же въ самой Америкѣ явленіе это повсюду одинаково. Если въ одномъ мѣстѣ Америки,

по словамъ Диксона, на одну женщину приходится цѣлый десятокъ мужчинъ, то у мормоновъ, насчитывающихъ до 200,000 населенія, на одного мужчину приходится цѣлый десятокъ женщинъ. Если въ Европѣ есть излишекъ въ женщинахъ сравнительно съ мужчинами, то въ Америкѣ оказывается излишекъ мужчинъ. Во всякомъ случаѣ, констатируемая разница въ отношеніи распредѣленія половъ такъ ничтожна и такъ случайна, что возводить ее въ общій законъ было-бы слишкомъ смѣло. Но это естественное уравнительное отношеніе половъ ясно указываетъ на моногамію, какъ на нормальное явленіе брака. Въ полигаміи, какъ я уже замѣтилъ, неизбежно является отвратительная привилегія богатаго мужчины обладать нѣсколькими женщинами, какъ наложницами и проститутками, между тѣмъ какъ бѣднякъ, неимѣющій возможности купить себѣ жену, остается на всегда холостякомъ, безъ домашняго очага и безъ семейнаго пріюта. Отсюда то громадное развитіе проституціи на Востокѣ, — развитіе, о которомъ мы не имѣемъ даже приблизительнаго понятія. „Восточная женщина, говоритъ Макъ-Ленанъ, — начиная отъ великолѣпнаго гарема падишаха и до того грязнаго площаднаго рынка, на который ее выводятъ, какъ животное, для продажи, — жалкая раба и проститутка. У нея нѣтъ ни *своихъ* желаній, ни собственной воли, ни сердечныхъ привязанностей, ни самостоятельнаго взгляда на жизнь; какъ только она начинаетъ понимать, она уже знаетъ, что ея будущее, что всѣ ея чувства и помыслы будутъ принадлежать не ей, а ея обладателю, который ее купитъ; что самая красота не спасетъ ее отъ грубаго деспотизма покупателя. Унизить личное достоинство женщины глубже невозможно, но тамъ, гдѣ нѣтъ и въ поминѣ этого достоинства, что-же можетъ быть, кромя проституціи? И она проникаетъ всюду, во всѣ слои и углы восточнаго общества. Омерзительныя сцены гаремно-казематной жизни намъ отчасти извѣстны, извѣстно также и то, что гаремы одинаково развращаютъ какъ женщину, такъ и мужчину; первую они искалѣчиваютъ нравственно, второго физически, какъ будто мстя за униженіе женщины ея деспоту. Истощеніе, идиотизмъ и бѣшенство — обыкновенные спутники гаремнаго сладострастія, и развратные падишахи — бѣшеные идиоты, слишкомъ обыкновенное явленіе въ ряду константинопольскихъ и персидскихъ властителей.

Задача гигиены—охранять интересы каждаго индивида, а потому гигиена должна отдать предпочтеніе моногаміи изъ всѣхъ формъ брака. Мы говоримъ, что эта форма наиболѣе соотвѣтствуетъ гигиеническимъ условіямъ и требованіямъ науки, потому что всякое учрежденіе или всякое установленіе отношеній только тогда прочно, когда оно въ интересѣ всѣхъ и выгодно для всѣхъ безъ изыятія; въ противномъ случаѣ всякое уклоненіе отъ этого основнаго закона рано или поздно, но непремѣнно приводитъ къ гибельнымъ результатамъ.

2. Возрастъ брачующихся.

Наука, опытъ и статистическія вычисленія разрѣшаютъ этотъ вопросъ довольно опредѣленно, хотя и не въ пользу нашихъ прихотливыхъ желаній. Не безъизвѣстно, конечно, всѣмъ, что между организаціей мужчины и женщины громадная разница, но едва-ли многіе согласятся допустить, что, кромѣ полового различія, замѣтны весьма существенныя отличія какъ въ физиологическихъ отправленияхъ, такъ и въ строеніи болѣе важныхъ органовъ. Голова человѣка отличается наиболѣе сложной конструкціей, но между мужскимъ и женскимъ черепомъ существуетъ рѣзкая и характерная противоположность, впервые серьезно обследованная Александромъ Эккеромъ. Въ математикѣ привыкли считать форму шара самой правильной и наилучшей формой сравнительно съ виѣстимостью другихъ формъ тѣхъ-же размѣровъ. Мужской черепъ наиболѣе приближается къ формѣ шара, женскій-же, напротивъ того, представляетъ овалъ. Физиономія женскаго черепа отличается отъ мужского слѣдующими характеристическими признаками: 1) лицевая часть женской головы сравнительно съ сводомъ черепа меньше, чѣмъ у мужчинъ; 2) основаніе женскаго черепа меньше свода черепа, сравнительно съ тѣми-же размѣрами въ мужскомъ черепѣ; 3) черепной сводъ женской головы ниже черепного свода мужской головы; 4) черепной сводъ женской головы плоскій, черепной сводъ мужской головы полукруглый; 5) если смотрѣть въ профиль, то легко замѣтить, что контуръ женской головы почти четырехугольный, и это признакъ самаго красиваго женскаго типа головы, какой встрѣчается только въ античныхъ произведеніяхъ искусства и у самыхъ бра-

сивныхъ женщинъ кавказскаго племени, особенно въ центральной Греціи. Контуръ мужскаго черепа, какъ въ профиль, такъ и en face, описываетъ полукругъ. Несомнѣнно, что и въ качествѣ мозга есть существенная разница, будетъ-ли она зависѣть отъ общаго строенія организма и его общей пропорціи или отъ степени упражненія и развитія, — обстоятельство, котораго мы не намѣрены здѣсь касаться уже по одному тому, что изслѣдованіе этого вопроса страдаетъ весьма ощутительнымъ недостаткомъ точныхъ данныхъ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ остается важнымъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ организаціи мужчины и женщины существуетъ рѣзкое фізіологическое отличіе. Оно, между прочимъ, выражается тѣмъ, что женщина принимаетъ болѣе активное участіе въ величайшемъ изъ законовъ фізіологіи—въ производительномъ актѣ. Она подвергается беременности, страданіямъ родовъ, она кормитъ ребенка своей грудью, переноситъ множество болѣзней, соединенныхъ съ безплодіемъ, зависящимъ отъ мужчины, или съ холостой жизнію и раннимъ вдовствомъ. На ея-же долю выпадаютъ самыя печальныя послѣдствія соціальной бѣдности, такъ губительно отражающейся на ней, какъ на матери, и на ея хилыхъ и безкровныхъ дѣтяхъ. Вслѣдствіе всего этого организмъ женщины скорѣе достигаетъ своего полнаго развитія, чѣмъ мужской, но за то и скорѣе отживаетъ свой продуктивный періодъ. Такъ въ 45 лѣтъ прекращается уже продуктивная функція женщины, между тѣмъ какъ мужчина въ этомъ возрастѣ считается еще въ полной воспроизводительной силѣ, въ порѣ зрѣлости.

„Половыя различія у человѣка, говоритъ Дарвинъ,—гораздо значительнѣе, чѣмъ у большей части животныхъ видовъ. Въ общемъ итогѣ мужчина гораздо рослѣе, тяжелѣе и сильнѣе, чѣмъ женщина; плечи у него болѣе четырехугольной формы и мускулы обрисовываются сравнительно рѣзче. Благодаря тѣсной связи, существующей между развитіемъ мышцъ и выступомъ бровей, надбровныя дуги у мужчины вообще сильнѣе обозначаются, чѣмъ у женщины. Тѣло его и въ особенности его лицо болѣе волосисто, чѣмъ тѣло женщины; голосъ его силенъ и разнообразенъ. Говорятъ, будто у нѣкоторыхъ племенъ женщины слегка отличаются отъ мужчинъ даже цвѣтомъ тѣла. И у европейцевъ, пожалуй, женщины ярче окрашены, чѣмъ мужчины, какъ это можно замѣ-

тять, когда оба пола подвергаются одинаковымъ вліяніямъ со стороны погоды.

„Мужчина болѣе отваженъ, воинственъ и энергиченъ, чѣмъ женщина, и умъ у него сравнительно живѣе и изобрѣтательнѣе. Мозгъ его положительно больше мозга женщины, но находится-ли это въ прямой связи съ болѣшимъ объемомъ его тѣла сравнительно съ объемомъ тѣла женщины, это, я думаю, далеко не выяснено. У женщины лицо представляетъ болѣе круглую форму; челюсти и основаніе черепа бывають меньшихъ размѣровъ. Очертанія ея тѣла круглѣе; нѣкоторыя части ея тѣла рѣвче выдаются и, наконецъ, глаза у нея шире, чѣмъ у мужчины.

„Женщина достигаетъ половой зрѣлости въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ мужчина. Такъ докторъ Макнарами видѣлъ въ Калькуттѣ дѣвочку изъ индусовъ, которая десяти съ половиной лѣтъ сдѣлалась матерью. Дитя родилось послѣ 6-часовыхъ потугъ и молодая мать кормила его собственною грудью съ полнымъ успѣхомъ. Среди индусовъ не рѣдкость встрѣтить 12 и 13-лѣтнихъ матерей, но этотъ случай выходитъ изъ ряду вонъ“ *).

Изъ всего этого несомнѣнно вытекаетъ то неизбѣжное основное фізіологическое и гигиеническое правило, что при вступленіи въ бракъ мужчина всегда долженъ быть старше женщины или, по крайней мѣрѣ, одинаковаго съ ней возраста. Обратное явленіе, то-есть браки, въ которыхъ женщина старше мужчины, и притомъ на нѣсколько лѣтъ, совершенно противорѣчатъ главнымъ условіямъ фізіологіи, гигиены, и въ дѣйствительной жизни влечетъ за собой самыя неестественныя отношенія, подчасъ преступныя послѣдствія, которыя могутъ быть объяснены развѣ недостаткомъ нравственнаго развитія одной стороны и недостаткомъ умственнаго развитія другой. Это отношеніе возрастовъ инстинктивно чувствуется на всѣхъ ступеняхъ человѣческой культуры. У самыхъ низшихъ расъ мужчина, вступающій въ бракъ, обыкновенно старше женщины. Единственное исключеніе изъ этого общаго правила, какое только мы знаемъ, представляетъ намъ одно готтентотское жалкое, малорослое и почти уже выродившееся племя

*) „Медицинскій Вѣстникъ“, 1874, № 3.

„Дѣло“, № 9, 1876 г.

южной Африки (вузиавы), у котораго считается позоромъ, если женщина вступаетъ въ бракъ, будучи моложе своего мужа.

Но если эта относительная пропорція возраста составляетъ непремѣнное гигиеническое условіе брака, то нужно опредѣлить тотъ возрастъ, въ который цѣлесообразнѣе всего вступать въ бракъ. Мы знаемъ, что люди неумѣренно недолговѣчны и не оставляютъ послѣ себя иногда вовсе никакого потомства. Затѣмъ, намъ Дарвинъ говоритъ (стр. 253), что по весьма точнымъ статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1855 г., оказалось, что во Франціи холостяки между 20 и 30 годами умираютъ въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ люди женатые. Такъ на 100 мужчинъ между 20 и 30 годами умираетъ ежегодно холостыхъ 11,3, а женатыхъ только 6,5. То-же явленіе было замѣчено въ 1863 и 1864 гг. на шотландскомъ населеніи старше 20-лѣтняго возраста: тамъ на 1,000 холостыхъ между 20 и 30 годами умирало ежегодно 14 эт, женатыхъ-же всего только 7,24, то-есть менѣе, чѣмъ на половину. По поводу этого вопроса и въ виду такихъ данныхъ д-ръ Старкъ говоритъ: „Безбрачіе дѣйствуетъ на жизнь губительнѣе, чѣмъ занятіе самими вредными промыслами или пребываніе въ нездоровой мѣстности или въ домѣ, гдѣ не принимается никакихъ мѣръ для очищенія воздуха. Уменьшеніе смертности есть, по его словамъ, прямой результатъ браковъ и болѣе правильныхъ привычекъ, сопровождающихъ брачную жизнь“. Поэтому-то д-ръ Старкъ приходитъ къ тому заключенію, что бракъ самъ по себѣ способствуетъ продленію жизни. Существуетъ еще одинъ замѣчательный фактъ, подтверждающій, повидимому, выводъ д-ра Старка, а именно: процентъ смертности гораздо сильнѣе среди вдовныхъ мужчинъ и женщинъ во Франціи, чѣмъ среди женатыхъ, но докторъ Фарръ приписываетъ это явленіе бѣдности и беспорядочнымъ привычкамъ, вызваннымъ расторженіемъ семейныхъ узъ и горемъ. (Хотя-бы и такъ! Но это только подтверждаетъ достовѣрность самаго факта.) Вообще можно согласиться съ д-ромъ Фарромъ, что меньшій процентъ смертности женатыхъ сравнительно съ неженатыми, составляющій, повидимому, общій законъ, обуславливается постояннымъ вымираніемъ несовершенныхъ типовъ и искуснымъ подборомъ лучшихъ индивидуумовъ изъ каждаго послѣдовательнаго поколѣнія; подборъ этотъ относится только до брачнаго состоянія и дѣй-

ствуєть на всѣ физическія, умственныя и нравственныя свойства. Изъ этого можно заключить, что здоровые и предусмотрительные люди, откладываящіе бракъ до извѣстнаго времени изъ благоразумія и предосторожности, выживаютъ дольше и оставляютъ по себѣ болѣе здоровое поколѣніе, чѣмъ люди, вступающіе въ бракъ очертя голову. Изъ этого далѣе слѣдуетъ, что слишкомъ медлитъ вступленіемъ въ бракъ также не особенно благоразумно. Есть множество случаевъ, что мужчина, достигшій 60 лѣтняго (возраста и привыкшій къ семейной обстановкѣ, рискуєть жениться на молодой дѣвушкѣ. Кромѣ нравственныхъ неурядицъ такихъ запоздалыхъ браковъ, обыкновенно является физическое безсиліе поколѣнія, происходящаго отъ такихъ ненормальныхъ соединеній.

Но если холостая жизнь и старческіе браки гигиенически оказываются крайне враждебными человѣку, то еще опаснѣе и губительнѣе по своимъ неотвратимымъ послѣдствіямъ вступленіе въ слишкомъ ранніе браки. Извѣстно, что всякій физиологическій органъ имѣетъ свою физиологическую функцію, что органъ, отрѣшенный отъ своей функціи, атрофируется; но органъ, вызванный преждевременно къ своему физиологическому отправленію, расплывается еще дороже за это нарушеніе. Люди, вступающіе преждевременно въ бракъ, подвержены несравненно большей смертности, чѣмъ холостые, и эта участь одинаково постигаетъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Для женщинъ бракъ въ слишкомъ молодые годы въ высшей степени вреденъ; собранныя во Франціи статистическія данныя показываютъ, что замужнихъ женщинъ, недостигшихъ 20-лѣтняго возраста, умираєть въ годъ вдвое болѣе, чѣмъ незамужнихъ того-же возраста. Смертность среди женатыхъ мужчинъ, недостигшихъ 20-лѣтняго возраста, также чрезвычайно велика. Во Франціи изъ 1,000 женатыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ ежегодно умираєть 24,3, а изъ 1.000 неженатыхъ мужчинъ того-же возраста умираєть лишь 6,7. Эта странная, поразительная разниця ясно показываетъ, что слишкомъ ранніе браки въ высшей степени вредно дѣйствуютъ какъ на самихъ виновниковъ такихъ соединеній, такъ и на ихъ потомство.

Но если смертность между женатыми мужчинами до 20 лѣтъ въ 4 раза болѣе, чѣмъ между холостыми того-же возраста, то между замужними женщинами до 20 лѣтъ смертность только вдвое болѣе, чѣмъ между дѣвушками того-же возраста. Опасность

слишкомъ раннихъ браковъ для обоихъ половъ, такимъ образомъ, весьма очевидна. Къ тому-же надо прибавить, что женщины слишкомъ юныя, вступаая въ бракъ, очень часто остаются безплодными или-же дѣти ихъ отличаются крайне ничтожной живучестью и слишкомъ быстро вымираютъ. И если это справедливо вообще, то еще рѣзче проявляется опасность раннихъ браковъ между женщинами слабого или болѣзненнаго тѣлосложенія. Нервные, истерическія дѣвушки, страдающія малокровіемъ или блѣдной немочью, вступаая рано въ бракъ, тѣмъ самымъ обрекаютъ себя или на вѣрную гибель, или на мучительную, незавидную жизнь. То-же самое можно сказать и о слишкомъ позднихъ бракахъ или о такихъ бракахъ, гдѣ слишкомъ велика разница въ лѣтахъ брачующихся, если, напр., мужъ старше своей жены лѣтъ на 20 или 30, и наоборотъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ продолжительность жизни обоихъ супруговъ или одного изъ нихъ и дѣтей ихъ находится въ крайней опасности. А если дѣти переживаютъ первый періодъ дѣтства, то они впоследствии впадаютъ въ чахотку, заболѣваютъ золотухой и въ-концѣ-концовъ все-таки вымираютъ или влечатъ самую жалкую жизнь, превращаясь въ вѣчное достояніе врачей, аптекъ, минеральныхъ водъ и тому подобныхъ врачебныхъ палліативовъ. Послѣ всего сказаннаго ясно, что возрастъ брачующихся имѣетъ громадное вліяніе какъ на среднюю продолжительность жизни, здоровье и смертность супруговъ, такъ и на плодovitость и долговѣчность ихъ потомства и на среднюю продолжительность жизни дѣтей, а можетъ быть тутъ-же кроется и отношеніе или перевѣсъ рожденій мальчиковъ и дѣвочекъ. Поэтому гигиена считаетъ себя въ правѣ установить нормой для вступленія въ бракъ тотъ возрастъ, когда мужчина и женщина достигаютъ своего полнаго физическаго и полового развитія. Этотъ возрастъ для женщины наступаетъ, какъ мы видѣли, не раньше 20 лѣтъ и для мужчины не раньше 25. Эта физиологическая разница въ то-же время указываетъ на то золотое правило, что мужъ долженъ быть старше своей жены не болѣе, какъ на 5 или на 6 лѣтъ. Само собою разумѣется, что теоретическія предписанія науки слишкомъ далеки отъ практическаго примѣненія ихъ въ социальной средѣ, отъ возможности осуществить ихъ на дѣлѣ, но это вовсе не обязываетъ науку молчать и игнорировать признанія ея общественныя аномаліи.

3. Близкое родство.

Едва-ли будетъ большою несправедливостію, если мы позволимъ себѣ сказать, что человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ особеннымъ умѣньемъ во зло употреблять и свои физиологическія отправления, и законы природы, и тѣмъ, что онъ умѣетъ доводить свои увлеченія до крайностей, за которыя потомъ жестоко платится. Но нужно отдать полную справедливость находчивости человѣка, что онъ всегда съумѣетъ найти и приискать нужныя оправданія своимъ увлеченіямъ. Чтобы убѣдиться въ совершенной безвредности кровныхъ браковъ между самыми близкими родственниками, человѣкъ старается доказать возможность ихъ примѣрами изъ растительнаго и животнаго царства. Такъ д-ръ Юліусъ Саксъ утверждаетъ, что „мужскія и женскія клѣточки или органы ихъ производящія появляются на одномъ и томъ-же растеніи то совершенно рядомъ, то на болѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга, или-же они образуются на разныхъ экземплярахъ того-же растительнаго вида; слѣдовательно, половыя клѣточки одного и того-же растительнаго вида по происхожденію своему могутъ находиться въ различномъ родствѣ; онѣ могутъ относиться другъ къ другу какъ сестры, какъ дѣти сестеръ, какъ внуки или правнучки ихъ. Спрашивается: какое вліяніе оказываетъ это родство мужскихъ и женскихъ клѣточекъ по происхожденію на успѣхъ оплодотворенія? Въ настоящее время еще нельзя дать въ этомъ отношеніи общаго закона, но огромное большинство явленій указываетъ на то, что *половое соединеніе слишкомъ близкихъ по происхожденію половыхъ клѣточекъ вредно для сохраненія растеній и притомъ вообще тѣмъ вреднѣе, чѣмъ дальше простирается морфологическая и половая дифференцировка*“. Съ другой стороны, наблюденія, сдѣланныя въ противоположномъ направленіи, приводятъ къ результатамъ, діаметрально расходящимся съ вышеуказаннымъ выводомъ, такъ что вопросъ остается открытымъ и требуетъ еще новыхъ и болѣе разностороннихъ изслѣдованій.

Еще менѣе опредѣленныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи достигаютъ современныя наблюденія въ области животнаго міра. Даже такой авторитетъ, какъ Дарвинъ, останавливается

на полусловѣ и не даетъ рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Правда, снѣгъ его въ послѣднее время спеціально занялся этимъ вопросомъ и выражаетъ довольно положительно то мнѣніе, что кровосмѣсительные браки вовсе не имѣютъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія приписываетъ имъ старая школа натуралистовъ, но и его доводы страдаютъ проблематическими данными и не разрѣшаютъ вопроса. Что же касается практическаго взгляда на близкое родство брачующихся, то здѣсь все зависѣло отъ личнаго произвола и общепринятаго обычая народовъ. Классическіе авторы говорятъ намъ о бракахъ между сестрами и братьями на такомъ обширномъ пространствѣ и до того общераспространенныхъ, что въ нихъ нельзя видѣть какое-то исключительное явленіе. Арабы, египтяне, персы очень часто прибѣгали къ такимъ бракамъ уже въ историческую эпоху и мы не находимъ протеста ни въ ихъ законодательствахъ, ни въ общественномъ мнѣніи. По Діодору, египетскіе цари даже обязаны были жениться на своихъ сестрахъ; этому же обычаю слѣдовали многія царственныя династіи малой Азіи. Тотъ же обычай и теперь встрѣчается у царей Мадагаскара. По Платону, дельфійская Пифія толковала, что бракъ между братомъ и сестрой не только дозволенъ, но что это даже законъ природы. Съ другой стороны, мы знаемъ, что у нервобитныхъ народовъ, въ большинствѣ случаевъ, строго воспрещены браки между кровными родственниками. Такъ у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, также какъ и у австралійцевъ, никто не можетъ жениться на женщинѣ одного съ нимъ фамильнаго имени. Самоѣды никогда не берутъ себѣ женъ изъ своего племени, но непременно изъ чужого, неродственнаго племени. Лапландцы никогда не допускаютъ браковъ между кровными родственниками и т. д. Такихъ примѣровъ можно представить множество, но они ничего не доказываютъ ни *за*, ни *противъ* кровосмѣсительныхъ соединеній. Они встрѣчаются и у народовъ цивилизованныхъ, особенно тамъ, гдѣ принятый изъ стари обычай разрѣшаетъ подобныя связи. Поэтому нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ считался въ наукѣ порѣшеннымъ и окончаннымъ. И если противъ этихъ браковъ ратуютъ многіе весьма серьезныя ученые, какъ Будэнъ, Шазаренъ, Рилле, Старкъ, Трусо и т. п., то другіе совершенно или отчасти отрицаютъ вредъ его. Перье и съ недавняго времени снѣгъ Дарвина стоятъ

во главѣ той серіи ученыхъ, которые не признають никакого вреда въ бракахъ между близкими родственниками. За ними слѣдуютъ Седуэнъ, Буржуа, Сансонъ, Смитъ и главнѣйшимъ образомъ Вазэнъ. Наиболѣе компетентные защитники брака между кровными родственниками, Перье и Вазэнъ, оба, однакожь, согласны въ томъ, что такіе браки только тогда безвредны, когда брачующіеся супруги оба совершенно здоровы, хорошо сложены, не имѣютъ никакихъ пороковъ и уродливостей и не приносятъ съ собой ни малѣйшаго зародыша наследственныхъ недуговъ. Но такія требованія едва-ли выполнимы, потому что въ нашъ вѣкъ очень трудно пріискать такихъ безупречныхъ субъектовъ и такія безукоризненно совершенныя и почти идеальныя существа. Даже между людьми, вовсе несостоящими въ родственныхъ отношеніяхъ, и то трудно было-бы или, по крайней мѣрѣ, очень долго пришлось-бы искать такихъ отборныхъ субъектовъ. Эти ученые въ своемъ рвеніи отстаютъ свой взглядъ вынуждены, однакожь, на компромисъ. Они опираются на томъ, что всякій физическій недостатокъ передается наследственно и можетъ въ бракахъ между близкими родственниками еще болѣе усиливаться. Поэтому они считаютъ браки между близкими родственниками предосудительными изъ боязни наследственной передачи болѣзней и пороковъ, такъ-какъ въ бракахъ между отдаленными и чуждыми субъектами такіе недостатки ослабляются и исчезаютъ. Слѣдовательно, какъ Перье, такъ и Вазэнъ съ точки зрѣнія гігіены должны сдѣлать небольшую уступку и не могутъ не высказаться противъ кровныхъ браковъ. Тѣмъ не менѣе основаніе, на которомъ они строятъ свой взглядъ, довольно шатко, и Будэнъ своими остроумными изслѣдованіями значительно подрываетъ послѣдній кредитъ къ ихъ доводамъ. Дѣйствительно, Будэна немножко трудно разувѣрить и опровергнуть, когда онъ свои убѣжденія и воззрѣнія подкрѣпляетъ самими точными статистическими данными. Такъ самъ Перье сознается, что тамъ, гдѣ можно заподозрить какую-нибудь наследственную болѣзнь, лучше избѣгнуть родственнаго брака. Гигіена же вообще въ такихъ случаяхъ очень подозрительна, и мы не сдѣлаемъ ей ни малѣйшаго упрека въ этомъ отношеніи. Полагаютъ, можетъ быть, не безъ нѣкотораго основанія, что въ большинствѣ случаевъ браки между близкими и кровными родственниками влекутъ за собой дѣлный рядъ патологическихъ явленій,

а именно: глухонѣмоту, слѣпоту (retinite pigmentosa), альбинизмъ, умопомѣшательство и идиотизмъ, паучью болѣзнь, безплодіе и множество другихъ уродствъ, какъ шестипалость, кривыя ноги и проч. Всѣ такія явленія въ бракахъ между близкими родственниками объясняли чуть не исключительно наследственной передачей. Но едва-ли это объясненіе удовлетворительно и вѣрно. Мы знаемъ, что, напримѣръ, между китайцами, гдѣ строго воспрещены кровные браки, глухонѣмота почти не встрѣчается, у евреевъ-же, гдѣ кровное родство вовсе не составляетъ помѣхи для брака, число глухонѣмыхъ, идиотовъ и случаевъ умопомѣшательства, именно какъ слѣдствіе такихъ браковъ, встрѣчается, говоря относительно, довольно часто и несравненно чаще, чѣмъ въ христіанскомъ населеніи. Такъ въ Пруссіи на 100,000 евреевъ насчитываютъ 27 случаевъ глухонѣмоты, а на 100,000 католиковъ только 3 случая. Будь глухонѣмота лишь послѣдствіемъ наследственной передачи, она должна была-бы проявиться въ средѣ евреевъ несравненно чаще и, во всякомъ случаѣ, встрѣчалась-бы и у китайцевъ. Значитъ, наследственность сама по себѣ играетъ здѣсь второстепенную роль.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ Америкѣ рабство довело негровъ до кровосмѣшенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и браки между ближайшими и кровными родственниками были тамъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, и вотъ въ средѣ негровъ число глухонѣмыхъ въ 90 разъ больше, чѣмъ въ средѣ бѣлаго населенія.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ защитники кровосмѣсительныхъ браковъ готовы видѣть лишь вліяніе наследственной передачи. Но по строгому изслѣдованіи оказывается, что родители глухонѣмыхъ и ихъ предки никогда не страдали этими болѣзнями, что они, напротивъ того, пользовались всегда отличнымъ здоровьемъ и что наследственно не могло быть передано то, чего прежде не существовало въ извѣстномъ родѣ. Это первое. Второе обстоятельство еще важнѣе. Когда бракосочетаются глухонѣмые, несостоящіе между собою въ близкомъ и кровномъ родствѣ, то отъ нихъ обыкновенно рождаются здоровыя дѣти, одаренныя и слухомъ, и рѣчью, и глухонѣмота, которая въ этомъ случаѣ должна была-бы непременно явиться, вовсе не встрѣчается. Такіе факты скорѣе подрываютъ довѣріе къ теоріи наследственности, чѣмъ говорятъ въ пользу кровныхъ браковъ. Теперь спрашивается:

соединяются бракомъ люди совершенно здоровые, крѣпкіе, красивые, но родственные—и вотъ вмѣсто того, чтобы передать своимъ дѣтямъ свои физическія достоинства, которыми они одарены въ избыткѣ, они передаютъ имъ то, чего сами не имѣли никогда, именно глухонѣмоту, идиотизмъ, разные пороки и недостатки. А между тѣмъ стоитъ такимъ глухонѣмымъ соединиться бракомъ не съ родственниками, какъ этотъ недостатокъ совершенно исчезаетъ. Принципъ наследственности здѣсь не выдерживаетъ критики. Не менѣе интересны случаи, когда браки между близкими родственниками остаются совершенно безплодными. Но очень часто стоитъ такой безплодной женщинѣ овдовѣть или разойтись съ мужемъ-родственникомъ и сойтись съ другимъ мужемъ, не родственникомъ, чтобы сдѣлаться счастливой матерью подчасъ многочисленной семьи.

Въ общемъ итогѣ, всѣ вышеприведенныя данныя позволяютъ приблизительно высказаться относительно близкаго родства такимъ образомъ. Кто хочетъ рискнуть и не боится произвести на свѣтъ глухонѣмыхъ, идиотовъ, умопомѣшанныхъ или всякаго рода уродовъ или вовсе остаться безъ потомства, тотъ можетъ вступать въ бракъ съ близкими родственниками, но кто при вступленіи въ бракъ задается цѣлью усовершенствованія своей породы, кому дорого будущее своей семьи, кто не хочетъ быть производителемъ уродовъ, падающихъ лишнимъ бременемъ на общество, тотъ легко убѣдится, что браки между кровными и очень близкими родственниками вредны, какъ въ растительномъ и въ животномъ царствѣ, такъ и въ средѣ человѣка, тотъ не рискнетъ своимъ будущимъ семейнымъ благомъ и не вступитъ въ такой бракъ. Само собою разумѣется, что такое категорическое заявленіе со стороны гигиены не можетъ считаться безусловно вѣрнымъ, пока біологія не разрѣшитъ окончательно этого вопроса, но задача гигиены состоитъ не въ томъ, чтобы основывать свои совѣты на проблематическихъ данныхъ, а держаться практическихъ выводовъ, добытыхъ опытомъ.

4. Подборъ.

Разнообразіе человѣческихъ племенъ, населяющихъ землю, и множество подраздѣленій нѣкоторыхъ народовъ на касты, сосло-

вія, классы общества спутывають наши понятія и порождать массу предрасудковъ, преграждающихъ путь къ установленію правильныхъ отношеній и взглядовъ на половыя отношенія. Помимо этого, въ индивидуальныхъ свойствахъ мужчины и женщины современные біологи также усматривають отличительныя черты, неостающіяся безъ вліянія при обсужденіи брачнаго вопроса. Такъ, по мнѣнію Дарвина, женщина обладаетъ большею мягкостью характера, чѣмъ мужчина, и чувство эгоизма въ ней менѣе развито. Мужчина въ соперничествѣ съ другими мужчинами развиваетъ въ себѣ чувство честолюбія, которое слишкомъ рано переходитъ въ эгоизмъ. „Вообще, говоритъ Дарвинъ, — признано, что способность къ соображенію, быстрой смѣтливости и, можетъ быть, перемчивости болѣе сильно развита въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ“. „Главное различіе въ интеллектуальныхъ способностяхъ того и другого пола заключается въ томъ, что мужчина, за какое-бы дѣло онъ ни взялся, достигнетъ сравнительно съ женщиной гораздо большаго совершенства — все равно, требуетъ-ли это дѣло глубины мысли, сообразительности или воображенія, или же простого употребленія чувственныхъ органовъ и рукъ. Если-бы мы составили два списка именъ мужчинъ и женщинъ, наиболѣе знаменитыхъ въ поэзіи, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, въ исторіи, наукѣ и философіи, и на каждый предметъ выставили по полдюжину именъ, то оба списка оказались-бы далеко неравнаго достоинства“.

Съ этими замѣчаніями Дарвина можно согласиться лишь относительно. Абсолютно они едва-ли могутъ выдержать строгую критику. Такъ несомнѣнно, что въ дѣлѣ подбора и организаціи брачныхъ отношеній внѣшняя красота мужчинъ и женщинъ играетъ первенствующую роль и рѣдко кто справляется объ интеллектуальныхъ и душевныхъ качествахъ своихъ суженныхъ. Затѣмъ часто сближаетъ людей или сходство внѣшнихъ особенностей, или совершенный контрастъ внѣшнихъ и внутреннихъ характеристическихъ чертъ. Намъ или нравится въ другихъ то, чего въ насъ нѣтъ, или, напротивъ того, мы возводимъ въ идеальныя свойственныя намъ качества, подмѣченныя въ другихъ. Вотъ почему мы иногда видимъ, какъ красивыя женщины, но тихія и кроткія, предпочитаютъ хотя некрасивыхъ, но энергичныхъ и пылкихъ мужчинъ, и, наоборотъ, спокойнымъ и кроткимъ мужчи-

нашъ нравятся энергическія и съ сильнымъ характеромъ женщины. Храбрость и энергія мужчинъ уравниваются кокетствомъ и изяществомъ женщинъ.

Притомъ человекъ въ высшей степени социальное существо, на которое экономическія обстоятельства оказываютъ величайшее давленіе, и подъ ихъ-то влияніемъ онъ рѣдко располагаетъ совершенно свободнымъ выборомъ. А съ другой стороны, „богатство и общественное положеніе, говоритъ Дарвинъ, — также привлекаютъ его очень сильно. А между тѣмъ дальновиднымъ выборомъ человекъ могъ бы способствовать не только сильнѣйшему физическому сложенію своего потомства, но и совершенствованію умственныхъ и нравственныхъ его качествъ. Оба пола должны-бы воздерживаться отъ брачнаго союза съ особами, которыя значительно уступаютъ имъ въ умственныхъ или физическихъ качествахъ. И кто идетъ къ этой цѣли, тотъ оказываетъ немаловажную услугу человечеству“.

Это мнѣніе Дарвина доказываетъ лишь, что онъ слишкомъ увлеченъ теоріей наслѣдственности. И еще болѣе Дарвина этой теоріей увлеченъ самый горячій его послѣдователь — Гальтонъ, написавшій довольно серьезный трактатъ о наслѣдственности таланта. Совершенно вѣря въ компетентность такого громкаго авторитета, какъ Гальтонъ, мы, однакожь, позволимъ себѣ воздержаться отъ крайнихъ увлеченій его теоріей и въ подтвержденіе своего скептицизма представимъ нѣсколько данныхъ, тоже нелишнихъ фактического основанія. Намъ говорятъ, что всѣ великіе люди имѣли замѣчательныхъ матерей, и мы охотно этому вѣримъ; намъ говорятъ, что отецъ Рафаэля былъ хорошею живописецъ, что мать Ванъ-Дика тоже рисовала, что отецъ, сынъ и внукъ Верне были знаменитые художники, что оба брата Тициана и сынъ одного изъ нихъ тоже были живописцы. Все это совершенно вѣрно, но отсюда до абсолютной наслѣдственности таланта еще далеко. Возьмемъ наудачу нѣсколько великихъ именъ. Колумбъ — сынъ ткача; Коперникъ — сынъ простого бюргера; Кеплеръ — сынъ бѣднаго трактирщика. Предки Ньютона не выдавались никакими умственными способностями. Шекспиръ — сынъ перчаточника; Спиноза — сынъ простого еврея; Каятъ — сынъ сѣдельнаго мастера; Пристлей — сынъ купца; Эрштедъ — сынъ аптекаря; Линней — сынъ пастора; Кювье — сынъ ка-

кого-то офицера; Вольтеръ — сынъ нотариуса; Руссо — сынъ бѣднаго часовщика; Лессингъ — сынъ пастора; Гердеръ — сынъ школьнаго учителя; Шиллеръ — сынъ надзирателя школы, а мать его была дочь булочника; Веранже — сынъ бѣднаго портного; Гейне и Берне — сыновья какихъ-то неизвѣстныхъ евреевъ; папа Григорій VII (Гильдебрандъ) — сынъ кузнеца; Іоаннъ Гуссъ — сынъ бѣднаго чешскаго поселанина; Мартинъ Лютеръ — сынъ бѣднаго рудокопа; Джордано Бруно — сынъ солдата; Веніаминъ Франклинъ — сынъ бѣднаго шоловара; Стефенсонъ — сынъ бѣднаго угольщика; Фультонъ, изобрѣтатель пароходства — сынъ бѣднаго простолюдина; Аркрайтъ былъ первоначально бѣднымъ цирюльникомъ; Жаккаръ — сынъ фабричныхъ рабочихъ; Мурильо — сынъ бѣднаго работника; Доминикино — сынъ бѣднаго болонскаго башмачника; Жераръ Довъ — сынъ бѣднаго стекольщика; Сальваторъ Роза — сынъ бѣднаго неаполитанскаго землемѣра; Рубенсъ — сынъ бургомистра; Альбрехтъ Дюреръ — сынъ серебряныхъ дѣлъ мастера; Аннибаль Карачи — сынъ портного. Возьмемъ у насъ: Ломоносовъ — сынъ прасола; Державинъ — сынъ бѣднаго армейскаго офицера; Бѣлинскій — сынъ чембарскаго уѣзднаго лекаря; Кольцовъ — сынъ воронежскаго мѣщанина; Сперанскій — сынъ дьячка, и т. д. Выхватить два-три таланта изъ громадной массы историческихъ именъ и на нихъ основать теорію наслѣдственности, по меньшей мѣрѣ, не строго научно, и великимъ ученымъ въ такихъ случаяхъ слѣдовало-бы быть нѣсколько осторожнѣе въ своихъ обобщеніяхъ, чтобы всякая мелкая сошка не смѣла-бы сомнѣваться въ ихъ проріцаніяхъ. Но этого мало. Представимъ еще нѣкоторые факты въ доказательство того, какъ подчасъ человечество безсильно создать что-нибудь породистое, несмотря на всѣ благопріятныя къ тому обстоятельства.

Такъ Ванъ-Дикъ былъ въ связи съ красавицей, крестьянкой Анной Ванъ-Опемъ въ селѣ Савантгамъ, потомъ онъ былъ женатъ на аристократкѣ въ Лондонѣ, Маріи Рутвенъ. У него были двѣ дочери. Одна отъ аристократки — Джустиніана, а другая побочная — Марія-Терезія. Ни та, ни другая ничего не унаслѣдовали отъ своего отца, кромѣ денегъ. Рафаэль Санціо жилъ съ замѣчательной красавицей, дочерью хлѣбника, Форнариной, и изъ этого ничего гениальнаго не вышло. Давидъ Теньеръ младшій былъ женатъ на Аннѣ Брегель, на дочери знаменитаго живописца Петра Бре-

геля Бархатнаго. Казалось-бы, какой еще нуженъ искусственный подборъ для того, чтобы создать цѣлый рядъ выдающихся живописцевъ, и въ результатѣ—ничего. Волей-неволей приходится допустить, что по отношенію передачи эстетическаго таланта законъ подбора еще требуетъ разъясненій.

Въ противоположность наследственности таланта, мы рискуемъ сдѣлать нѣкоторыя другія обобщенія, можетъ быть болѣе согласныя съ историческими фактами. Тщательно анализируя происхожденіе всѣхъ великихъ людей, фигурировавшихъ въ исторіи человѣчества, мы находимъ, что:

- 1) Ни одинъ мировой геній не родился отъ генія.
- 2) Ни одинъ мировой геній не произвелъ на свѣтъ подобнаго себѣ генія или таланта.
- 3) Большинство великихъ людей происходитъ прямо изъ народа и
- 4) Природа не любитъ наследственныхъ привилегій, которыми любитъ обставлять себя человѣкъ.

Наконецъ 5) талантъ или геній, которому суждено оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи развитія человѣчества, есть продуктъ множества социальныхъ условій, которыя далеко выходятъ за предѣлы физиологическихъ законовъ и управляютъ нами независимо отъ нихъ. Само собою разумѣется, что отъ Аполлона Бельведерскаго и Венеры Медицейской всегда больше шансовъ получить хорошіе образцы, чѣмъ отъ сближенія какого-нибудь Квазимодо и Юліи Пастраны. Но не всегда рамки, разграничивающія сословія, ведутъ къ усовершенствованію и къ идеальному типу поколѣнія. Скорѣе наоборотъ: мы знаемъ, какъ нѣкоторыя европейскія аристократіи вырождаются вслѣдствіе постоянного смѣшенія въ тѣсныхъ предѣлахъ и безъ обновленія свѣжей кровью. Одно несомнѣнно, что интеллигентный классъ много теряетъ, когда онъ вступаетъ въ бракъ съ лицами неинтеллигентными. Примѣровъ и доказательствъ тому много. Еще Миль очень справедливо замѣтилъ въ сочиненіи „О подчиненіи женщины“, что мужъ, вступающій въ бракъ съ невѣжественной женою, подъ вліяніемъ ея принижается нравственно. Несомнѣнно, что всякій имѣетъ право на лучшее, всякій долженъ стремиться овладѣть лучшимъ, и въ этой борьбѣ за лучшее и лежитъ гарантія усовершенствованія человѣческой породы, этимъ же путемъ легче всего достигнуть устраненія недостатковъ.

улучшенія человѣческой организаціи какъ въ наружныхъ свойствахъ, такъ и во внутреннихъ достоинствахъ. Силѣ подбора мы, слѣдовательно, придаемъ съ точки зрѣнія гигиены извѣстное, довольно, впрочемъ, ограниченное значеніе, совершенно чуждое всякихъ крайностей. Замѣтимъ встать, что интеллигентныя личности, сосредоточенныя на преслѣдующей ихъ идеѣ и поглощенныя своей дѣятельностію, часто избѣгали брака, какъ лишней обузы. Такъ, напр., такіе колоссы интеллигенціи, какъ Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Гегель, Бокль, Кантъ, Гумбольдтъ остались безъ потомства, прожили свой вѣкъ внѣ брачныхъ узъ. Можетъ быть, съ точки зрѣнія Гальтона, это величайшая потеря для человѣчества, но мы еще разъ повторимъ, что ни одинъ еще гений не произвелъ на свѣтъ такого-же гевія, какъ онъ, не говоря уже о томъ, что жизнь многихъ изъ нихъ отравлена была семейными заботами и дразгами. Неларомъ такой исключительный умъ, какъ Кантъ, до конца жизни утверждалъ, „что жениться хорошо, а не жениться еще лучше“. Оставляя въ сторонѣ эти крайности, мы позволяемъ себѣ утверждать, что бракъ вправѣ въ видахъ гигиены руководствоваться всѣми выгодами подбора для усовершенствованія человѣческой породы.

5. Помѣсь.

Опыты, произведенныя въ этомъ направленіи, дали крайне поучительные результаты и привели къ нѣкоторымъ обобщеніямъ, которыхъ мы съ чисто-гигиенической точки зрѣнія не вправѣ игнорировать. Въ растительномъ мірѣ образованіе помѣсей ограничивается довольно опредѣленными предѣлами. По Саксу (стр. 577), „могутъ скрещиваться только растительныя формы, близкія другъ къ другу по систематическимъ признакамъ; всего легче и полнѣе удается скрещиванье обыкновенно между различными разновидностями того-же вида; труднѣе, хотя во многихъ случаяхъ возможно, полученіе помѣсей двухъ различныхъ видовъ того-же рода“.

„Кромѣ близкаго систематическаго сродства возможность скрещиванья опредѣляется еще особымъ отношеніемъ данныхъ растений другъ къ другу, которое выражается только успѣхомъ скрещиванья и можетъ быть названо вмѣстѣ съ Негели *половымъ*

сродствомъ. Половое сродство не всегда идетъ параллельно внѣшнему сходству растеній; такъ еще не удалось произвести комбъ: яблони и груши“.

Что касается человѣка, то вопросъ этотъ очень сложный и далеко не разрѣшенъ въ наукѣ окончательно. Мы коснемся его лишь на-столько, на-сколько это намъ нужно для нашихъ гигиеническихъ соображеній.

На всемъ земномъ шарѣ насчитывается около 1,300 миліоновъ людей. Кювье дѣлилъ эту массу населенія на три расы; Агассицъ принималъ восемь типовъ; Литтре и Робенъ насчитываютъ семь видовъ; Бори-де Сень-Винцентъ — 15 видовъ, а Демуленъ—16 видовъ. Блуменбахъ-же допускаетъ только пять отличительныхъ группъ, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ отдѣльной части свѣта.

Такъ-какъ всѣ эти дѣленія условны и не основаны на какомъ-нибудь неопгрѣшимомъ началѣ, то можно считать справедливымъ или близкимъ къ истинѣ блуменбаховское подраздѣленіе. Тогда у насъ окажется пять расъ или видовъ: кавказская, монгольская, негритянская, малайская и американская или индѣйская раса. Каждая изъ этихъ расъ дѣлится на множество семействъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ нѣсколькихъ племенъ. Населяютъ эти племена, семейства и расы земной шаръ довольно рѣзко очерченными этнографическими линіями. Вникая поглубже въ ихъ размноженіе, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ отличаются особенной устойчивостью, другія обладаютъ весьма слабой способностью сохранять свои расовые признаки и при смѣшеніи съ другими племенемъ легко теряютъ свой первоначальный типъ. Затѣмъ нельзя не признать, что по отношенію къ цивилизаціи они занимаютъ различныя степени и представляютъ постепенную градацію. Такъ несомнѣнно, что папуасы находятся на самой низкой ступени культурнаго развитія. Выше ихъ негры и индѣйцы; несравненно выше ихъ монгольское племя и во главѣ цивилизаціи стоитъ, безспорно, кавказское племя, и то, конечно, не цѣликомъ, а съ извѣстными подраздѣленіями.

Если какое-нибудь племя при бракосочетаніяхъ строго держивается своей собственной среды и не допускаетъ постороннихъ подмѣсей, то это обстоятельство само по себѣ еще не ведетъ къ ухудшенію породы, а тѣмъ менѣе къ вырожденію. Такъ

еврейское племя, въ продолженіи всей своей исторической жизни чуждое пошѣсей и вѣрно своей злополучной замкнутости, не исчезло съ лица земли и только, можетъ быть, благодаря этой исключительности оно сохранило свой типъ и приобрѣло рѣдкую устойчивость въ преодолѣніи всѣхъ климатическихъ и социальныхъ невгодъ. „Нѣтъ другой расы, говоритъ статистикъ Кольбъ, — на свѣтѣ, которая-бы должна была бороться съ такими постоянными и страшными преслѣдованіями, какъ еврейская. Между тѣмъ является несомнѣнною истиною, что іудей лучше другихъ племенъ въ состояніи проживать и благоденствовать въ различныхъ климатахъ. Это можно въ особенности замѣтить въ Алжирѣ. У французовъ и другихъ европейцевъ, поселенныхъ въ этой землѣ, количество смертныхъ случаевъ превышаетъ количество рожденій; то-же явленіе видно у негровъ и даже у мавровъ; только у іудеевъ рожденій больше, чѣмъ смертныхъ случаевъ“ (стр. 12). Напротивъ того, тѣ племена, которыя, не установившись ни исторически, ни антропологически, допускали у себя полный просторъ всякаго рода сближеніямъ и пошѣсямъ, очень скоро подвергались процессу весьма быстрога вырожденія, какъ, напр., тасманійцы и другіе островитяне.

Кавказская - же раса, осѣдая въ Европѣ, высылала поселенцевъ во всѣ части свѣта и выходцы ея встрѣчаются всюду. Вездѣ сыны кавказской расы вступали въ сближеніе съ туземными первобытными племенами, но нигдѣ не образовалось новой расы, которая превзошла-бы въ какомъ-бы то ни было отношеніи первенствующую во всѣхъ отношеніяхъ кавказскую расу. Нигдѣ мы не видимъ улучшенія и усовершенствованія европейскихъ племенъ внѣ Европы отъ смѣшенія съ другими племенами. Напротивъ того, мы видимъ рѣзкое ухудшеніе европейскихъ племенъ, смѣшивающихся съ другими, низшими расами. Такъ Клапротъ утверждаетъ, что скрещиваніе монголовъ съ бѣлыми расами даетъ продукты, въ которыхъ преобладаетъ монгольскій типъ, и притомъ такъ постоянно, что если монголь, поселяясь въ Европѣ, женится на европейкѣ, то всѣ его потомки, даже правнуки, всегда удерживаютъ черты той націи, отъ которой происходятъ. Въ Россіи встрѣчаются примѣры тому на каждомъ шагу. По мнѣнію Палласа, очень часто можно встрѣтить въ Россіи (вѣроятно, въ Сибири) браки между русскими (славянами по

происхожденію) съ бурятами (монгольскаго происхожденія). Дѣти такихъ браковъ представляютъ собой смѣшанныя существа, по имени карими. Эти гибриды имѣютъ черные глаза, такіе-же волосы, всѣ черты азіятскія отъ матери и никакого слѣда европейскаго происхожденія отъ отца.

То-же повторяется и въ Африкѣ. Нотсъ замѣтилъ уже давно, что дѣти отъ негра и отъ бѣлой больше похожи на негра. То-же самое утверждаетъ Причардъ. А Жерди говоритъ, что во всѣхъ своихъ скрещиваніяхъ негръ оставляетъ больше признаковъ отличія своей расы и болѣе глубокія впечатлѣнія, чѣмъ бѣлые, потому что дѣти всегда наследуютъ отъ него и цвѣтъ его кожи, и характеръ его волосъ, и черты его лица. Китайцы, вступающіе въ бракъ съ малайцами, даютъ такіе-же результаты. Дѣти отъ такихъ скрещиваній цѣлымъ рядомъ поколѣній сохраняютъ унаследованныя отъ отца характерныя черты. И вездѣ, гдѣ племя слишкомъ смѣшанное, а не однородное, тамъ скрещиванія ведутъ къ помѣсямъ, въ которыхъ черты однороднаго племени выступаютъ рельефнѣе, а черты смѣшаннаго племени мало-по-малу ступиваются. Всѣ такого рода скрещиванья и помѣси, однакожь, до сихъ поръ не создали ни одной цивилизованной націи, сколько-нибудь замѣтной исторически или даже политически. Поэтому слишкомъ широкое скрещиванье безъ всякаго разбора пока еще не дало особенно блестящихъ результатовъ, въ силу которыхъ всякое скрещиванье было-бы особенно желательно.

Возьмемъ, на примѣръ, южную Америку. Это, по справедливости, вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ. Кого здѣсь нѣтъ? Съ открытіемъ Америки сюда впервые нахлынули волны европейскихъ народовъ, особенно испанцы и французы, которые встрѣтили здѣсь массу туземныхъ аборигеновъ — индѣйцевъ. Затѣмъ сюда присоединились негры и произошелъ такой винигреть, подобнаго которому трудно принскать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Плоды этихъ скрещиваній получили возможно разнообразныя прозвища. Такъ, дѣти отъ бѣлыхъ съ туземными американцами называются метисы (*mestizos*); въ Бразиліи ихъ называютъ мамелюками. Дѣти отъ бѣлыхъ и негровъ называются мулатами (*mulati, mulatos*). Это первая категория. Затѣмъ слѣдуютъ квартероны, октавоны и пр. И вся эта амальгама не представляетъ ничего особенно выдающагося. Никто не

скажетъ, чтобы эта смѣсь превзошла въ какомъ-нибудь отношеніи европейское племя. Европейцы лично отъ этихъ скрещиваній ровно ничего не выиграли, а если кто выигралъ, то, конечно, только тѣ племена, съ которыми европейцы смѣшались и которыя хотя отчасти стали лучше своего одичавшаго типа.

Совершенно другое явленіе представляетъ намъ сѣверная Америка. Тутъ совсѣмъ другой народъ, другія побужденія, другіе отношенія и нравы, совсѣмъ другія и послѣдствія. Англо-саксонецъ вообще, по природѣ своей и по своему характеру, не расположенъ ко всякаго рода скрещиваніямъ безъ разбора. Поселившись въ Америкѣ, англо-саксы и германцы не послѣдовали примѣру испанцевъ и оттолкнули отъ себя какъ туземныхъ аборигеновъ, такъ и негровъ, съ которыми лишь впоследствии стали вступать въ бракъ, и то каждый разъ умерщвляли тайные плоды преступной любви. Въ сѣверной Америкѣ нѣсколько европейскихъ племенъ, поселившись съ самаго начала большими массами, успѣли прочно и тщательно оберегали чистоту и неприимчивость своихъ племенъ, а если и вступали въ брачныя отношенія, то развѣ между собою, и то съ разборомъ и осторожностью. Оттого они сохранились лучше, окрѣпли и создали первенствующее и могущественнѣйшее государство Новаго Свѣта.

Мы отсюда приходимъ къ тому убѣжденію, что помѣси между родственными, близкими и однородными племенами могутъ лишь послужить на пользу народу; напротивъ того, помѣси между отдаленными, неродственными племенами, принадлежащими къ различнымъ расамъ и племенамъ, скорѣе могутъ вредить устойчивости цивилизованнаго племени, пошатнуть его формирующуюся однородность, задержать его органической ростъ, ослабить его ферментное развитіе.

Славянское племя, населяющее восточную полосу Европы, пока не принадлежитъ еще къ особенно устойчивымъ расамъ; оно представляетъ собой еще неокрѣпшее, не совсѣмъ однородное племя, и какъ только оно вступаетъ въ бракъ съ низшими расами, оно уступаетъ другимъ европейскимъ расамъ, болѣе окрѣпшимъ въ силѣ ассимиляціи. Такъ русскіе, поселившіеся среди якутовъ, по выраженію профессора Щапова, сами обьякутились, вмѣсто того, чтобы якутовъ обрусить. Вотъ почему славянамъ слѣдуетъ быть нѣсколько осторожнѣе. Притомъ численность ихъ такъ велика,

что они скрещиванія свои смѣло могутъ ограничить собственной средой, между своими собственными племенами и съ сосѣдними цивилизованными европейскими расами, тщательно избѣгая скрещиванья съ азіятскими племенами монгольскаго типа. На этомъ основаніи, на нашъ взглядъ, съ точки зрѣнія гигиены, образованный русскій человѣкъ можетъ жениться на польскѣ, украинкѣ, чешкѣ, сербкѣ, нѣмкѣ, французкѣ, шведкѣ, даже еврейкѣ. Онъ тѣмъ только улучшить свою породу и принесетъ этимъ пользу своей націи въ антропологическомъ отношеніи. Но за то образованному русскому человѣку не пристало и не слѣдуетъ жениться на мордовкѣ, якуткѣ, зырянкѣ, остячкѣ, камчадалкѣ, тунгускѣ, буряткѣ, киргизкѣ и т. п. Такой бракъ поведетъ къ ухудшенію чисто-русской породы. Это ухудшеніе особенно ощутительно обнаруживается у тѣхъ расъ, которыя въ культурномъ отношеніи легко подчиняются вліянію другихъ племенъ.

При этомъ необходимо замѣтить, что женщина вообще считается элементомъ, лучше сохраняющимъ характерность типа и дольше его удерживающимъ. Вотъ почему браки между русскими женщинами и другими славянами и европейцами не представляютъ никакой опасности и могутъ имѣть послѣдствіемъ распространеніе лишь славянскаго элемента, а браки между русскими женщинами и азіятскими мужчинами менѣе опасны, чѣмъ браки между русскими мужчинами и азіятскими женщинами, и этотъ законъ вѣренъ какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ; онъ силенъ и непоколебимъ и въ средѣ людей, которымъ онъ долженъ служить вѣрной гигиенической охраной.

6) *Болѣзненные препятствія.*

Вступающіе въ бракъ должны быть крайне осмотрительны относительно другъ друга; не страдаетъ-ли кто изъ нихъ какою-нибудь серьезной болѣзью, — это вопросъ великой важности. Такъ какъ нѣкоторые недуги, вѣроятно, очень часто наследственны и переходятъ не только отъ отца къ сыну, но даже отъ дѣда къ внуку, то строгій выборъ при вступленіи въ бракъ лицъ, одаренныхъ одними лишь хорошими физическими и умственными качествами, является очень раціональнымъ правиломъ.

Почти всѣ болѣзни мозга и нервной системы вообще, особенно же душевныя страданія и пагубная болѣзнь, преимущественно пе-

редаются наследственно. Для насъ пока темны условія этой передачи, но многолѣтній, вѣковой опытъ не даетъ намъ права сомнѣваться въ нихъ. Кроме того, передаются наследственно такіа болѣзни, которыя обусловлены неправильнымъ питаніемъ всего тѣла, напр., золотуха, подагра, легочная чахотка, ракъ; но самая ужасная болѣзнь, передаваемая наследственно, — это сифилисъ, которымъ отравляется жизнь вступившихъ въ бракъ и жизнь всего ихъ потомства. Горбатія женщины, страдающія искривленіемъ позвоночнаго столба, должны были-бы вовсе избѣгать вступленія въ бракъ.

Конечно, не всякій въ силахъ опредѣлить значеніе той или другой болѣзни и на-сколько та или другая наследственная особенность можетъ мѣшать благосостоянію семейной жизни. Но всякій врачъ можетъ легко вывести сомнѣвающихся изъ заблужденія. Къ сожалѣнію, не у всѣхъ молодыхъ людей хватаетъ храбрости совѣтоваться по этому поводу съ врачомъ. Впрочемъ, въ послѣднее время и этому бываютъ примѣры. Такъ одинъ молодой человѣкъ обратился ко мнѣ съ просьбой разрѣшить его сомнѣніе, можетъ-ли онъ вступить въ бракъ съ дѣвушкой, болѣзнь которой онъ описалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Субъектъ, съ которымъ я хочу вступить въ бракъ, имѣетъ болѣзнь, и болѣзнь, по моему мнѣнію, очень серьезную. Съ нею однажды въ мѣсяцъ дѣлаются припадки такого рода: начинается предварительно болѣть голова, причемъ является хандра, потомъ вдругъ начинается истерическій припадокъ, выражающійся въ неестественномъ хохотѣ, ломаніи рукъ и въ рыданіяхъ. Ее укладываютъ въ постель *и часа два она находится въ безсознательномъ положеніи*. По прошествіи означеннаго времени она приходитъ въ себя и послѣ того чувствуетъ только нѣсколько дней слабость. Ей 24 года; припадки ея начались съ 17 лѣтъ, съ той именно минуты, какъ одно ея желаніе не было исполнено ея родителями. Значитъ, съ нею произошло нравственное потрясеніе. Находите-ли вы эту болѣзнь излечимой съ замужествомъ? Забудьте, что я ее очень люблю и отъ вашего приговора зависить моя судьба. Если даже это проходитъ съ замужествомъ, но если это будетъ имѣть вліяніе на *дѣтей*, то я, конечно, принужденъ буду, какъ-бы я ее ни любилъ, отказаться отъ этого брака“.

Я, конечно, посоветовалъ этому разумному юношѣ воздержаться отъ его намѣренія, въ полной увѣренности, что такое болѣзненное разстройство нервной системы матери можетъ сильно отразиться на дѣтяхъ, которыя могутъ умирать преждевременно, въ конвульсіяхъ, или могутъ впасть въ умопомѣшательство, или заболѣть падучей болѣзью. И я того убѣжденія, что всякій разумный и развитой человѣкъ, вступая въ бракъ, долженъ послѣдовать примѣру этого юноши и обратиться за разрѣшеніемъ своихъ недоразумѣній къ какому-нибудь врачу.

7) Роль чувства.

Взаимная привязанность или искренняя любовь другъ къ другу—неизбѣжное условіе какъ для счастья брачующихся, такъ и для потомства. Бракъ безъ любви, безъ взаимной и нравственной симпатіи—одна лишь мука и хроническое страданіе. Холодность отношеній и условная формальность производятъ на свѣтъ людей апатичныхъ, инертныхъ, неподвижныхъ, слабыхъ характеромъ, вялыхъ душой; напротивъ того, пламенная, пылкая и страстная любовь рождаетъ людей способныхъ, энергическихкихъ, талантливыхъ, подвижныхъ, съ теплой душой и впечатлительныхъ. Но чувство любви вовсе не такая пустая бездѣлица, чтобы ее тратить всюду безъ всякой цѣли и очертя голову. Чувство это должно основываться на чемъ-нибудь дѣйствительно достойномъ любви и ея глубокаго значенія. Красота и разнообразіе самыхъ возвышенныхъ чувствъ женщины, талантъ, энергія и разнообразіе умственной дѣятельности мужчины одни, конечно, могутъ служить элементами и субстратами любви. Даромъ, безъ всякой стоящей причины любить недостойно человѣка; любить лишь свое собственное субъективное ощущеніе слишкомъ животно; любить разумно—нужно знать, кого и за что. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ главнаго элемента семейнаго счастья, и такой бракъ несостоятеленъ съ точки зрѣнія гигиены. Наука вообще и гигиена въ особенности вовсе не чужды идеализаціи и идеаловъ. Стремленіе къ совершенствованію—лучшее выраженіе и оправданіе такой идеализаціи.

8) Обезпеченіе и трудъ.

Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ гигиеническія условія брака, мы должны оговориться, что вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ человѣ-

ческой культуры и во всѣхъ формахъ брака, экономическое положеніе регулируетъ его; оно сильно вліяетъ какъ на его гигиеническую обстановку, такъ и на социальное значеніе. Обеспеченіе семьи въ матеріальномъ отношеніи невольно напрашивается на вниманіе тѣхъ, кто не равнодушно относится къ будущему своего потомства. До какой степени это важно даже въ быту полудикихъ племенъ—это видно изъ того, что у многихъ изъ нихъ приданое невѣсты или выкупъ ея вошли въ обычай, какъ обязательная норма для заключенія брака. Бѣдная невѣста, за которой не предстоитъ ничего взять, при всѣхъ ея личныхъ достоинствахъ, не имѣетъ никакой цѣны для жениха и обыкновенно остается навсегда въ дѣвахъ. Нельзя сказать, чтобы цивилизованные народы особенно далеко ушли отъ жалкихъ дикарей въ этомъ возрѣвннн. Московская купеческая дочка, обладающая самымъ классическимъ физическимъ безобразіемъ и лошадиной умственной тупостью, но имѣющая за собой тысячь сто приданого, имѣетъ во сто разъ больше шансовъ найти себѣ жениха, чѣмъ самая умная и красивая, но безприданная невѣста. Съ этой точки зрѣнія изъ всѣхъ формъ брака моногамія несомнѣнно окажется наиболѣе экономной и расчетливой, но и она требуетъ извѣстнаго экономическаго обеспеченія. „Развитіе благосостоянія человечества, говоритъ Дарвинъ,—представляетъ въ высшей степени запутанный вопросъ; всѣ, немогущіе обезпечить будущность своихъ дѣтей, должны-бы воздерживаться отъ вступленія въ бракъ, потому что бѣдность сама-по-себѣ не только великое зло, но послѣдствія ея еще болѣе гибельны, производя безпечность и распущенность въ супружескихъ отношеніяхъ“ (Происхож. человѣка, стр. 611).

Очевидно, великій натуралистъ является тутъ ученикомъ Мальтуса и послѣдователемъ его теоріи *добровольнаго воздержанія*. Но, во-первыхъ, фізіологическіе законы не легко поддаются экономической морали, а во-вторыхъ, если-бы бѣдность обрекла себя на мальтузіанское самовоздержаніе, то бракъ и семейная жизнь сдѣлались-бы привилегіей однихъ толстыхъ кармановъ и результатомъ такой человѣческой предусмотрительности было-бы то, что проституція наводила-бы цивилизованный міръ сверху и до низу. Притомъ въ самой бѣдности есть свой нравственный стимулъ, возбуждающій энергію и дѣятельность бѣдняка, когда онъ становится лицомъ

къ лицу съ безвыходнымъ положеніемъ своей семьи. Если мы вспомнимъ списокъ великихъ и замѣчательныхъ людей, приведенный нами выше, то можно подумать, что бѣдность какъ-будто способствуетъ проявленію генія, таланта, дарованія. Оно и понятно: борьба съ лишеніями и суровой нуждой даетъ не мало хорошихъ житейскихъ уроковъ, закаляетъ силы, особенно у тѣхъ, кто крестится, по русской пословицѣ, только тогда, когда гремитъ громъ; между тѣмъ какъ обезпеченность и богатство изнѣживаютъ и ослабляютъ нравственную энергію. Поэтому бѣдность не должна пугать бракомъ тѣхъ, которые умѣютъ рассчитывать на себя. Совершенно достаточно, если человѣкъ, задумавшій вступить въ бракъ, имѣетъ обезпеченный трудъ, физическій или умственный, и можетъ положиться на свои личныя силы и на свое знаніе, можетъ надѣяться на себя, что онъ въ силахъ будетъ прокормить семью и воспитать дѣтей, тѣмъ болѣе, что это скорѣе задача и вопросы общественнаго благоразумія, чѣмъ частной заботливости. Требовать же отъ каждаго отдѣльнаго лица предварительнаго накопленія богатства, до вступленія въ бракъ, — это значитъ обрекать девять десятыхъ человѣчества на холостую и бездомную жизнь.

Таковы тѣ скромныя условія, какихъ требуетъ гигиена отъ людей, вступающихъ въ бракъ съ цѣлью продолженія рода въ усовершенствованной формѣ, какъ высшаго житейскаго блага. Свою семью, свое потомство человѣкъ обязанъ обставить всѣми условіями, способствующими и содѣйствующими ея прогрессу, и устранить все то, что можетъ мѣшать ея прогрессивному развитію. Человѣкъ, имѣющаго въ виду такую цѣль, вся окружающая сфера непременно будетъ касаться, и весьма чувствительно. Семейный человѣкъ не можетъ быть индифферентнымъ къ внѣшнему міру и въ интересахъ своей собственной семьи долженъ хлопотать о прогрессивномъ развитіи общества. Люди, соблюдающіе всѣ эти условія при вступленіи въ бракъ, вполне заслуживаютъ названія *перфекціонистовъ* человѣческаго рода или *піонеровъ* его лучшихъ будущихъ судебъ.

В. Португаловъ.

СМЕРТЬ СТАРАГО ВИБЁРА.

(Изъ Т. Лидса.)

Онъ умираеть зимой, одинъ, забытый свѣтомъ,
Нестрашный для враговъ, ненужный для друзей.
Быть можетъ, онъ мечталь поправиться хоть лѣтомъ,
Быть можетъ, умереть хотѣлъ онъ поскорѣй,
Быть можетъ, думаль онъ, что кто-нибудь съ привѣтомъ
Еще придетъ къ нему, и дѣлался мрачнѣй,
Услышавъ за стѣной среди смертельной муки
Ночного пиршества разнузданные звуки.

Быть можетъ, вспоминаль старикъ на смертномъ ложѣ
Подъ этотъ пьяный шумъ минувшіе года,
Когда онъ на пирахъ безпутной молодежи
Растратилъ молодость безъ цѣли, безъ слѣда
Въ сообществѣ блудницъ и празднои холостежи—
Враговъ упорнаго и честнаго труда,—
И грудь его была среди воспоминаній
Полна ненужныхъ слезъ, укуровъ и терзаній.

Куда-жь ушли друзья и почему забыли
Они товарища безпутныхъ кутежей?
Не спять-ли съ давнихъ поръ они въ сырой могилѣ?
Не пали-ль жертвами разнузданныхъ страстей?
Иль скорби во время умы ихъ отрезвили—
И, ставъ на новый путь, отъ женъ и отъ дѣтей
Скрывая каждый слѣдъ минувшаго разврата,
Они покинули стариннаго собрата?

Богъ вѣсть! Но жизнь свою кончалъ онъ позабытый:
Кутиламъ молодымъ не нуженъ сталъ старикъ,
Мужьямъ опасенъ былъ искусный волокита,
А трезвой юности и жалокъ былъ, и дичъ
Виверъ разслабленный, надломленный, разбитый,
Когда его уже коснѣющій языкъ

Описывалъ, дрожа отъ сладкаго волненья,
Картины сальныя разврата и паденья.

Чего бы не далъ онъ, больной, въ уединеннн,
За ласки кроткія заботливой жены,
За дѣтскій поцѣлуй! Но только въ сновидѣннн
Онъ видѣлъ это все и отгонялъ тѣ сны,
Напоминавшіе о жертвахъ увлеченья,
Которыхъ онъ сгубилъ во дни своей весны,
Отрывъ къ разврату путь созданьямъ бѣднымъ этимъ
И завѣщавъ позоръ отверженнымъ ихъ дѣтямъ.

Теперь все кончено: мечты его и думы
Остались вѣчною загадкою для насъ.
Онъ не проснется вновь отъ жизненнаго шума.
Но выраженіе его открытыхъ глазъ,
Несомннутыхъ никѣмъ, такъ мрачно, такъ угрюмо
Намъ говорить, что онъ страдалъ въ предсмертнн часъ
И что его душа въ преддверьи мрачномъ гроба
Была полна одной безсильной, поздней злобой.

А. Константиновъ.

ИЗРАИЛЬ ВОИНСТВУЮЩІЙ.

(Недѣля у дагестанскихъ евреевъ.)

IV.

ОСТАВЛЕННЫЙ ЛУГЪ.

Синія тѣни вечера ложатся на окрестныя горы.

По мѣстному еврейскому обычаю Бениогу отправилъ двухъ своихъ сыновей сопровождать насъ до ночлега.

Молодежь весело перееликается, забавляясь эхомъ, болтаетъ съ важнымъ и серьезнымъ Магомадъ-оглы и на скаку стрѣляетъ въ ласточекъ, закружившихся въ воздухѣ.

Мы едва пробираемся по дну Кай-булагской щели. Направо и налево, то стѣсня насъ, такъ что мы проѣзжаемъ гуськомъ, то расширяясь, высятся почти отвѣсныя стѣны. Зелень треплется на нихъ рѣдкими пятнами, горбины и плоскости камня изорваны черными трещинами, гдѣ гнѣздятся ящерицы и до сумерекъ неподвижно держатся сѣрыя совы. Внизу, по самому дну щели, едва-едва сочтется вода, съ камня на камень, съ уступа на уступъ, чистая, холодная.

— Гдѣ-же это грохотъ воды слышится? заинтересовался я.

— А другой большой рукавъ есть. Онъ вонъ въ ту косую щель ушелъ, тамъ и бурлитъ, ворочая камни.

Въ одноѣ мѣстѣ намъ пришлось проѣхать сквозь небольшой каскадъ. Щель тутъ служивалась, такъ что издали казалось невозможнымъ пробраться въ это игольное ушко. Мы направились туда гуськомъ. Тамъ, въ этой скважинѣ, сверху внизъ обильнымъ дождемъ сыпался ручей студеной воды. Насъ обдало съ ногъ до головы, потому что свернуть было некуда.

— Какъ не отвезуть ручья куда-нибудь въ сторону? замѣтилъ я.

— Христіане не позволяютъ. Захотѣли мы разъ очистить дорогу—столько шуму вышло!

— Это отчего?

— Да, говорятъ, св. Нина нарочно ручей этотъ пустила. Креститься не хотѣли здѣшніе евреи, ну, такъ она и сдѣлала чудо—кто ни пройдетъ, всѣхъ этою водою окрестить. Хочешь, не хочешь, а брызнетъ. Поневоля! Прежде евреи этой дорогой вовсе не ѣздили. Горамъ шли.

— Это неправда! вставилъ Магомадъ-оглы. — Дѣло иначе было. Окрестный народъ давно-давно креститься вздумалъ. Только рѣки не было такой, чтобы въ нее погрузиться могли. Ну, св. Нина и велѣла этому ручью выйти. Кто хотѣлъ крещеніе принять, проѣзжалъ Кай-булагскою щелью. Святой ручей называется.

Христіанскія преданія живутъ еще въ этой давно омусульманившейся странѣ. Развалины христіанскихъ храмовъ встрѣчаются повсемѣстно и окрестное населеніе относится къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Шамиль хотѣлъ-было черезъ своихъ муллъ уничтожить эти развалины, но ни проповѣди, ни приказанія имама не могли побудить народъ разбросать эти уже востройныя глыбы тесаного камня, разбить слѣды алтарей и истребить кресты, оставшіеся на стѣнахъ. Народъ боялся мщенія Миріамъ и вѣрилъ, что, разоривъ остатки храмовъ, онъ озлобитъ горныхъ духовъ, живущихъ въ этихъ красивыхъ руинахъ. Какъ-бы ни была плоха погода, иди хоть проливной дождь, мусульманинъ не станетъ искать защиты подъ кровлями и сводами этихъ церквей. Миѣ не удалось видѣть самому ихъ, но рассказы окрестныхъ жителей рисуютъ необычайно дикія картины горныхъ тущобъ, гдѣ таятся развалины. Въ нихъ только и находятъ убѣжище смѣлый разбойникъ, которому гораздо страшнѣе погоня нукеровъ, чѣмъ обители горнаго духа. Туда-же забираются молодня пары, играющія свадьбы „уводомъ“. Евреи относятся къ этимъ храмамъ съ меньшимъ страхомъ, но все-же трогать ихъ не рѣшаются. Вообще кавказскій горный еврей не питаетъ вражды къ христіанству. Невѣжественные равнины его, поддерживая только обрядности Моисеева закона, чужды фанатизма и исключительно-

сти остального израиля. Кромѣ христіанскихъ храмовъ, особенно уважаются древнія священныя рощи. Въ ихъ заповѣдную глушь проникають съ религіознымъ благоговѣніемъ. Тутъ царитъ вѣчное молчаніе и громкій голосъ челоуѣка не осмѣливается рѣзко нарушать этого спокойнаго сна вѣковѣчныхъ великановъ, переживавшихъ цѣлыя племена, давно исчезнувшія съ лица Кавказа передъ нашествіемъ болѣе сильныхъ и мужественныхъ дружинъ. Въ тѣни этихъ великановъ нѣкогда воздвигались капища невѣдомымъ богамъ, потомъ древніе семиты до Моисеевой эпохи совершали здѣсь свои таинственныя служенія. Наконецъ, тутъ-же царилъ культъ Молоха до тѣхъ поръ, пока эти священныя рощи не огласились гимнами христіанскихъ проповѣдниковъ, смѣненныхъ, въ свою очередь, проповѣдниками и вождями ислама. Такъ-же молчаливы, какъ тогда, такъ и теперь, заповѣдныя дубровы и такой-же покой царитъ подъ ихъ сводами. Солнце рѣдко проникаетъ въ сырыя чащи, гдѣ только шорохъ дикаго звѣря да робкое пѣніе мелкой лѣсной пташки оживляютъ эти безмолвныя могилы павшихъ религіи и исчезнувшихъ народовъ.

Часто на днѣ Кай-булагской щели лежали громадныя скалы, сорвавшіяся сверху. Обѣзжать ихъ было трудно и не безопасно. Въ одномъ мѣстѣ недавно оборвавшійся утесъ стѣной перегородилъ дорогу. Пришлось спѣшиться съ лошадей, взять ихъ подъ уздцы и съ трудомъ, медленно переправить ихъ на другую сторону, рискуя на каждой падени камня, и особенно при спускахъ, сломать ногу коню или себѣ—шею. А тамъ олять новый сюрпризъ. По вѣтру насъ обдало невыразимымъ сирадомъ. Магомадъ-оглы, и тотъ закрылъ носъ. Мнѣ трудно было дышать, но пришлось пересилить отвращеніе. Въ одной изъ тѣснинъ оказался разлагающійся трупъ лошади. Цѣлая стая воронья разомъ поднялась, точно вспыхнула, когда мы подѣхали къ этому неожиданному препятствію. Сверху доносились къ намъ пронзительныя крики потревоженныхъ хищниковъ, въ боковой тѣснинѣ вылъ голодный шакалъ, а впереди уже сгущались сѣрые клубы ночной мглы, заполюя всю щель.

- Пожалуй, и ночь скоро?
- Да. Ущелью конецъ не далеко.
- Значить, еще засвѣтло доберемся.

Мгла становилась все гуще и гуще, рѣдѣя на болѣе широкихъ площадкахъ.

Евреи запѣли унылую пѣсню, странно гармонировавшую съ пустынной и мрачной обстановкой ущелья. Точно въ хоръ этому меланхолическому рокоту воды по дну тѣснины раздавался шелестъ вѣтра, лѣниво пробиравшагося сквозь кай-булагскіе дефілеи къ счастливой и только-что оставленной нами долині.

Мои спутники—дѣти Беніогу—были изъ числа „образованныхъ евреевъ“.

Здѣсь, гдѣ масса израиля невѣжественна до крайности, умѣніе читать уже считалось образованіемъ. По словамъ Іуды Чернаго, въ древности среди кавказскихъ евреевъ было много ученыхъ. Даже талмудскіе толкователи Нахумъ Гамабай, т. е. мидійскій, жилъ въ старой Шемахъ въ Ширванѣ и Симонъ Сафрот. е. ученый, писатель, родился въ Дербентѣ. Въ то время народъ находился на гораздо высшей степени умственного развитія. Іудѣ Черному только въ Дербентѣ попался равинъ, знающій древне-еврейскій языкъ, остальные равинны не имѣли о немъ и понятія.

— Знаете-ли вы говорить по древне-еврейски?

— Моя амлаярецъ (я неграмотный), отвѣчали ему всюду.

Большинство евреевъ не знаютъ и мѣстной грамоты, почему они зависятъ отъ мусульманскихъ муллъ, которые пишутъ имъ письма и разныя бумаги. За это муллы получаютъ отъ общества годовое жалованье. Вообще ни евреи къ мусульманамъ, ни мусульманѣ къ евреямъ не чувствуютъ здѣсь никакой вражды. Они отлично уживаются другъ съ другомъ, причѣмъ татаринъ съ гораздо большимъ пренебреженіемъ относится къ христіанину, чѣмъ къ еврею. Солидарность, существующая между муллами и евреями, доказываетъ, что здѣсь неизвѣстно кагалное устройство, подтачивающее народное благосостояніе западнаго края къ выгодѣ тамошняго израиля. Евреи на Кавказѣ, и именно горскіе: то, чѣмъ они должны были-бы быть вездѣ, не обособленная, въ исключительное положеніе поставленная община, а полноправные, сливающіеся съ общею массою населенія люди, полезные труженики и производители. У насъ еврей-земледѣлецъ—нѣчто вродѣ сіамскихъ близнецовъ, двухголоваго соловья и другихъ чудесъ. Тамъ евреи занимаются мареноводствомъ, воздѣлываютъ фруктовые и

виноградные сады, для чего не довольствуются собственными землями, но, расширяя свое хозяйство, арендуют участки у окрестных владѣльцевъ. Они-же разводятъ низкіе сорта табака, выдѣлываютъ превосходное оружіе, а въ послѣднее время въ широкихъ размѣрахъ занялись овцеводствомъ. Если хотите, и наши евреи занимаютъ тѣмъ-же, но черезъ рабочихъ крестьянъ. Черный трудъ имъ не по душѣ. Кавказскій еврей вездѣ работаетъ самъ, и съ заступомъ, и съ мотыкой, и съ киркой. Поэтому они и на видъ смотрятъ молодцами и красавцами, и окрестное мусульманство къ нимъ относится съ полнымъ уваженіемъ, и въ грязи страстей не гнѣютъ и ростовщицествомъ и гешефтомъ не занимаются, въ виду болѣе производительнаго и честнаго труда. Не ясно-ли, какъ глупо упрекать израиля, что высасываніе жизненныхъ соковъ изъ окрестной среды въ крови у него, что еврей—ростовщикъ и плутъ по природѣ? Такимъ онъ является только тамъ, гдѣ цѣлые вѣка его терзали отчужденіемъ, давили презрѣніемъ, сплачивая въ немъ искусственно страшную силу племенного эгоизма и прививая къ нему кагалныя добродѣтели. Тамъ, гдѣ евреи жили въ иныхъ условіяхъ, какъ, напр., на Кавказѣ, они являются и честными, и полезными людьми. Весь народъ дурнымъ не можетъ быть, а только дурные люди могутъ кидать тѣнь на массы.

Еврейскія училища здѣсь помѣщаются въ сакляхъ близъ синагогъ. Несмотря на незначительное число учащихся (по 15 на 200 домовъ), сакли и тѣсны, и грязны. „Равинъ сидитъ на землѣ и на коврѣ, а вокругъ всѣ мальчики. Вмѣстѣ съ своимъ учителемъ они киваютъ головой, читая молитвы или библію. Печатныя еврейскія азбучки у нихъ рѣдко бываютъ, большею частію равнины рисуютъ на таблицахъ буквы, алфавиты и дѣти учатся читать и писать съ этихъ прописей. Всѣ они пишутъ на колѣнѣ, по мусульманскому способу, къ чему такъ привыкаютъ, что на столѣ имъ работать и трудно, и неудобно. Самое большое училище находится въ Дербентѣ; оно и чисто и просторно. Оканчивающіе здѣсь курсъ получаютъ свидѣтельство на званіе равина или рѣзника. Остальныя-же школы въ Грозномъ, Хасавъ-Юртѣ, Темиръ-ханъ-Шурѣ и деревняхъ въ весьма жалкомъ видѣ“.

Кай-булагская щель какъ разомъ началась, такъ-же разомъ и кончилась узкимъ выходомъ въ нагорную долину.

Мы оставили внизу густые туманы понизей и по узкой тропинкѣ поднялись на ближайшую вершину. Ясный мѣсяцъ уже стоялъ надъ плоскогорьемъ, серебрившимся вдали; серебрилась и мгла внизу, серебрились и скалы подъ его ласковыми лучами. Только глубокия долины казались черными падами тамъ, гдѣ туманъ не заполонялъ ихъ совсѣмъ.

— Хорошій аулъ былъ!

— Что, гдѣ? опомнился я.

— Куда ѣдемъ... Большой аулъ былъ... Теперь пустоеть.

— Неужели никого не осталось?

— Ну! Кому и быть? Цѣлымъ джамантомъ поднялись люди и пошли. Большая часть саклей разрушена теперь, другія сожжены.

— Кто-жь ихъ жегъ, — горцы?

— Горцы? — И Магомадъ-оглы съ негодованіемъ оглянулся на меня. — Развѣ мы станемъ жечь колыбели нашихъ дѣтей и могилы своихъ отцовъ? Подъ этими кровлями росли мы сами, кто-жь рѣшится уничтожать ихъ? Пусть вѣтеръ да дождь уничтожаютъ, пусть ихъ время рушить. Старость для всякаго есть, какъ для человѣка, такъ и для сакли!.. Нѣтъ... во время войны сожжено... Много ауловъ пожжено было... Аулы уничтожены, разрушены, сожжены... А тѣ, кто жилъ въ нихъ, давно на чужбинѣ, и ни слѣда отъ нихъ, точно ихъ и не было.

Только десятая часть выселившихся въ Турцію горцевъ осталась въ живыхъ. Все остальное погубило разсѣянное, изголодавшееся. Ни въ чьихъ преданіяхъ, ни въ чьей пѣснѣ не останется памяти объ исчезнувшемъ народѣ, и скоро, проходя мимо его могилъ, мимо этихъ безмолвныхъ и безлюдныхъ ауловъ, никто не будетъ знать, какая жизнь кипѣла на этихъ обрывахъ, подъ этими плоскими кровлями, какія сердца бились тамъ и какіихъ суровыхъ драмъ были молчаливыми свидѣтелями эти раскидистые дубы и каштаны. А между тѣмъ легендой безъ словъ, духомъ легенды вѣютъ эти каменные вершины, такъ красиво вырѣзавшіяся на лунномъ свѣтѣ, эти темныя и сѣрыя ущелья, эти заповѣдныя лѣса. И только когда изъ массы дикой поросли вдругъ выбьется нежданно благоухающій розовый кустъ и аро-

мать бѣлыхъ лилій встрѣтить васъ въ чащѣ боярышника и плюща, — вы поймете, что здѣсь когда-то жило цѣлое племя, сильное и мужественное, — племя, разогъ исчезнувшее съ лица земли, какъ исчезаетъ дымъ, разсѣиваемый вѣтромъ, какъ исчезаетъ тѣнь отъ тучки, пробѣжавшей по небу, какъ исчезаетъ зыбь на морскомъ просторѣ. И тихо колыхаются эти чудные цвѣты, и едва-едва шелеститъ ихъ листва, точно робко жалуется она вамъ на эту стихійную смерть, смерть цѣлаго народа.

Тропинка круто свернула направо — теперь намъ пришлось вхвать въ тѣни. Лунный свѣтъ ярко билъ на обрывистый спускъ съ горы, вырывая его изъ мрака. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлался отвѣснымъ. Громадныя массы камня, точно сложенного здѣсь циклопическою стѣною, падали внизъ вертикально, серебрясь и выступая на свѣтъ каждою своей выпуклой, каждымъ угломъ и изломомъ. Отвѣсная стѣна скоро переходила въ выпуклую, она уже висѣла надъ долиною. Страшно было смотрѣть на эту горбину, думалось — вотъ-вотъ и она рухнетъ внизъ всею своею грузною, тяжелою массой. И вдругъ я приостановилъ коня и съ чувствомъ, близкимъ къ восторгу, уставился на эту твердню.

Прямо на ней, на этой горбинѣ, *висѣвшей* надъ долиною, точно гнѣзда ласточекъ *висѣли* сакли. Кто и какъ ихъ прилѣпилъ сюда? Голова кружилась еще внизу, что-же должно быть тамъ, на этомъ словно вздрагивающемъ карнизѣ? Прямо съ отвѣса горы выступала плоская кровля и упиралась въ такой-же выступъ пола. Кровля поддерживалась деревянными столбами, полъ былъ утвержденъ на балясинахъ, укрѣпленныхъ вкось въ расщелины скалы. Это была только галерея, веранда, балконъ. И такихъ балконовъ были сотни — прямо изъ горы, прямо на отвѣсѣ. Самое жильѣ или выдолблено въ скалѣ, въ отвѣсѣ, или вровень со стѣною отвѣса возведено надъ карнизомъ. Ласточкины гнѣзда подъ кровлей колокольни, гнѣзда, свитыя на стѣнахъ развалинъ, жильѣ какихъ-то воздушныхъ существъ, птицъ что-ли, — короче, что хотите, только это не аулъ, не село, не обитель человека. Что-то волшебное, призрачное, одурающее, что-то похожее на сонъ, далекое отъ дѣйствительности. А этотъ лунный блескъ, выхватывающій ласточкины гнѣзда изъ мрака, этотъ лун-

ный свѣтъ, который точно курится на ихъ плоскихъ кровляхъ, свѣтъ, обращающій деревянныя жерди въ серебряныя колонны, разщелившійся камень — въ матовыя глибы, свѣтъ, на которомъ только черными трещинами или зѣвами кажутся входы въ сакли и окна ихъ. А еще выше, надъ этимъ воздушнымъ ауломъ, надъ этими гнѣздами, унизавшими выдавшійся карнизъ, величаво дремлютъ голубоватыя вершины горъ, подернутыхъ серебряною пылью, крутыя, безлюдныя, скалистыя. Едва-едва ложатся на нихъ тѣни отъ впадинъ и склоновъ, но этотъ общій колоритъ безъ оттѣнковъ, однообразный, рисующій только ихъ профили, дѣлаетъ ихъ еще величавѣе, еще грандіознѣе.

Смотришь — и тянетъ туда, и манитъ, и въ то-же время кружится голова и замираетъ сердце. И чудно-очаровательнымъ кажется царство этой лазурно-серебряной ночи. И жаль дернуть уздечку, жаль ступить впередъ на шагъ, жаль потерять изъ глазъ этотъ поэтический сонъ!.. Вѣдь знаешь, что съ новымъ поворотомъ такой-же величаво-прекрасный пейзажъ развернется передъ тобою, но больно разстаться съ этимъ, къ которому привязалось сердце, какъ будетъ больно разстаться съ тѣмъ, который встрѣтитъ меня на поворотѣ.

— Что это?.. Какой аулъ?

— Тамъ ночевать будемъ.

— Значитъ, это-то и есть безлюдный, оставленный поселокъ? Магомадъ-оглы кивнулъ головой.

Идти туда, въ эту могилу исчезнувшаго народа? Да, это достойный памятникъ ему, грандіозный мавзолей эти гордыя, траурныя вершины!

И вѣдь нигдѣ ни звука. Точно притаилась ночь и ждетъ чего-то. Точно вся замершая отъ восторга, любитъ окрестность на яркій мѣсяцъ, а мѣсяцъ, весь исходя лучами, любитъ на нее. И смотрятъ они въ глаза другу, и нѣтъ предѣла ихъ красоты, нѣтъ конца ихъ поэтическому счастью.

Прошелъ часъ — мы все ѣхали, прошелъ другой — тоже! А аулъ все тамъ-же лѣжится въ сторонѣ. Какъ-то мы доберемся до него, какъ?..

Ничего теперь ясно не помню. Точно сонъ видѣлъ и позабылъ его.

Представляется только мнѣ, какъ мы зигзагами подымались вверхъ по горѣ, то направо, то налѣво. Точно въ туманѣ видится впереди фигура Магомадъ-оглы, то сливающаяся съ контурами окрестныхъ скалъ, то вся выступающая на лунный свѣтъ, сгорбленная на малорослой, горской лошаденкѣ, стукъ копытъ которой дробится въ ухахъ, одинъ нарушая мертвое безмолвіе пустыни, окружавшей насъ. Евреи давно отстали и вернулись домой; въ горахъ я былъ одинъ, — одинъ съ моимъ молчаливымъ спутникомъ, плотно завернувшимся въ бурку. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить, за то думалось и грезилось много.

Помню только, что по сторонамъ зіяли бездны; тамъ курился бѣлый паръ. Какое-то озеро блеснуло и опять снова покрылось тьмою, новые клубы мглы захоронили его. Чортъ знаетъ, что за скалы вставали передъ нами, точно сторожевые великаны, преграждавшіе путь къ сокровищамъ или заколдованнымъ долинамъ.

Подымались, подымались, и когда я опомнился, когда я оглядѣлся, оказалось, что аулъ, ласточкины гнѣзда, дразнившія воображеніе тамъ снизу, оказались далеко подъ моими ногами, далеко такъ, что ихъ и разобрать было трудно; только напрягая зрѣніе, я различалъ плоскіе четырехугольники кровель, блиставшіе точно серебряныя дощечки. Мы, слѣдовательно, зигзагами поднялись выше аула, выше тѣхъ скалъ, на которыхъ лѣпятся его воздушныя сакли.

Нужно было опуститься внизъ осторожно, медленно, соразмѣряя каждый шагъ лошади.

Крутизна была необычная.

Конь почти сползалъ на переднихъ ногахъ, вытянутыхъ и ушправшихся о всякую неровность по дорогѣ. Онъ поминутно хрипѣлъ и помахивалъ головою, точно предупреждая меня объ опасности. А дѣйствительно, промахнись тутъ только — и костей бы не собрать!.. Даже страшно было долго смотрѣть внизъ. Тутъ начинались отвесы, о которыхъ говорилъ я, и пропасть, точно пасть какого-то чудовищнаго, сказочнаго звѣря, зіяла подъ нами, беспощадная, поджидающая, притаявшаяся, оскалившая свои зубы — утесы, словно челюсть расположенные по ея окраинамъ. Теперь приходятъ сравненія въ голову, а тогда не до того было. Просто замерло все и упало внутри. Даже Магомадъ-

оглы, на что ужь человѣкъ привычный, а и тотъ уткнулся въ свою бурку и ни слова!.. Значить, и ему жутко стало, и ему, старому горному волку, не по-себѣ.

Наконецъ, мы поѣхали вдоль карниза.

Встревожили горнаго орла, мирно отдыхавшаго въ выбоинѣ стараго утеса. Поднялъ недоумѣло голову старшій хищникъ и, подпустивъ насъ шаговъ на пять, медленно расправилъ крылья и грузно поднялся на ближайшую скалу, откуда долго еще провожалъ насъ его недовольный клекоть.

Въ одномъ мѣстѣ тропинка разрывалась. По карнизу прошла трещина поперекъ его. Вотъ-бы тутъ въ туманѣ или когда туча на утесъ уляжется, спокойная и непроглядная, — бѣда! Трещина шириною аршина полтора, внизу — пропасть. Конь подобрался и какъ-то бокомъ перешелъ ее. Я даже и не смотрѣлъ внизъ — голова могла закружиться. Карнизъ-то, какъ оказывается, висѣлъ надъ бездной, выдвигаясь сплошнымъ, болшею частью, плитнякомъ. Точно мы въ магометанскій рай пробирались по узкому, какъ остріе сабли, мосту. Наконецъ, прямо передъ нами блеснули мазанки и сакли оставленнаго аула, точно кладбище, безмолвныя и печальныя. Ни собаки, ни человѣка. Только въ камняхъ шуршитъ змѣя да сброшенные копытами нашихъ лошадей камни пересчитываютъ всю неровность откоса, дробясь на тысячу сухихъ, словно щелкающихъ звуковъ.

— Смотри, не попади съ лошадыю куда-нибудь въ саклю. Ненадежныя сакли-то. Кое-гдѣ устои распались. Пожалуй, еще рухнешь внизъ вмѣстѣ съ саклей!

Мы добрались до сравнительно широкой площадки. Посрединѣ была куча камней и мусора. Изъ нея приподымалась только половина разрушенной башни.

— Мечеть была, сухо проговорилъ Магомадь-оглы. — Ваши взорвали. Вонъ что осталось, махнулъ онъ рукою на щербень и камни, сумрачно отвертываясь отъ меня въ сторону. Вѣдь во мнѣ все-таки являлся передъ нимъ одинъ изъ исконныхъ враговъ его народа, одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ побѣдителей, что разрушили его мечети, истребили и сожгли его аулы, а братьевъ его изгнали на далекую, непривѣтливую чужбину. Этого и горское гостепрѣимство выдержать не могло. Понятно, что и Маго-

надъ-огни, подъ вліяніемъ разомъ нахлынувшихъ на него впечатлѣній, не хотѣлъ говорить со мною.

Внизу и рядомъ лѣпились ласточкины гнѣзда — сакли... Вверху возносились въ недослаемую высь гордыя вершины. А мы, точно мухи, цѣплялись по этимъ отвесамъ.

Наконецъ, мѣсто для лошадей найдено, хоть имъ до утра придется довольствоваться только тѣмъ сѣномъ, которое было съ нами.

Ихъ нельзя было стреножить и пустить. Оборвались-бы въ пропасть. Мы сами чувствовали себя не совсѣмъ бодро. Хоть гора эта и карнизы ея держатся цѣлые вѣка, но сообразивъ, какъ они висятъ надъ бездоннымъ проваломъ, я невольно задумывался:

„А что, какъ сорвемся и съ этии ласточкиными гнѣздами, и съ этимъ ненадежнымъ пьедесталомъ аула?“

Мы, дѣйствительно, были уже въ оставленномъ аулѣ.

V.

Изгнанникъ.

— Богатый аулъ былъ, большой!.. Должно быть, Аллахъ прогнѣвался, что предалъ его въ руки невѣрныхъ.

— Да развѣ можно жить на такихъ кручахъ?

— Орелъ можетъ, а курицѣ, разумѣется, нельзя. Зачѣмъ вы выгоняли насъ отсюда? Вѣдь занять эти аулы вамъ и думать нечего, работать на тѣхъ горахъ, гдѣ работали мы, вы еще долго не будете, да и не умѣете. Неужели изъ одной злобы?.. Развѣ можно лишать человѣка отцовской могилы и колыбели его ребенка?

Меня поставило въ тупикъ расположеніе аула.

За той площадкой, гдѣ мы оставили лошадей, не было доступа въ сакли, примыкавшія задними своими стѣнами прямо къ горной породѣ. Сакли лѣпились по отвѣсу, — понятно, что переходъ изъ одной въ другую былъ невозможенъ. Сверхъ того были сакли, построенныя на другихъ. Кровля нижней сакли служитъ поломъ для верхней, а эта, въ свою очередь, подпираетъ третью.

Въ однои мѣстѣ было пять ярусомъ такихъ сакель. Были и не отдѣльныя, а четырехъ и трехъ-этажныя сакли, принадлежавшія одному хозяйству.

— Какъ-же тутъ проходили?

— А по кровлямъ.

Въ кровляхъ оказались большія отверстія, сквозь которыя проникали внутрь сакли. Въ сакляхъ двухъ-ярусныхъ сначала нужно было попасть въ верхнюю, а оттуда уже сквозь дыру въ полу ея—въ нижнюю. Переходы становились еще болѣе сложными тамъ, гдѣ приходилось опускаться въ пятую саклю, перейдя всѣ четыре верхнія. Понятно, что только пѣшеходы могли попадать сюда. Это, впрочемъ, оказалось только предмѣстьемъ аула. Большая часть его разбросана внизу.

Отсюда можно было рассмотреть только силуэты двухъ круглыхъ башенъ и какія-то груды стѣнъ.

— Отчего-же туда мы не пробрались?

— Негдѣ.

— Во всякомъ случаѣ, тамъ удобнѣе.

— Молчи, ради Аллаха! Тамъ все выжжено, истреблено, уничтожено.

Дѣйствительно, на другой день мы проѣзжали мимо этихъ развалинъ, которыя уже захватываетъ обильная поросль въ свои задушающія объятія. Сквозь груды щебня пробивается боярышникъ, дикія лозы взбѣгаютъ вверхъ по башенкамъ сакель и опускаютъ внутрь, сквозь ихъ пробитыя кровли, свои цѣпкія, змѣистыя вѣтви. Бизиль, лавро-вишній и барбарисы подступаютъ все ближе и ближе изъ окрестныхъ лѣсовъ, словно враждебная армія, желающая захватить въ свое сплоченное кольцо жалкую и разоренную дружину противника — оставленные сады, гдѣ еще толпятся, сбившись въ кучу, хурма, инжиръ, черешня, айва и персики. Виноградныя плантаціи одичали кругомъ и заполонены сорными травами. На небольшихъ площадеахъ, отвоеванныхъ у горъ, хлѣбные посѣвы прежняго аула заглохли и только остатки ирригаціонныхъ работъ еще попадаются порою, свидѣтельствуя, что здѣсь далеко не дикари жили, а трудилось и измышляло свободное племя, застигнутое нами въ періодъ его среднихъ вѣковъ. На восточномъ берегу Чернаго моря, уадыге, цивилизація стояла на гораздо нижней степени развитія, но и тамъ, напри-

мѣръ, обработка земли нисколько не уступала нашей отечественной. Вотъ что, наприимѣръ, говоритъ путешественникъ: черкесы мастера обращаться съ своими полями. Обработанные ими мѣста мудро обрѣботывать кому-либо другому. Они лѣпятся, болѣею частію, на возвышенныхъ скалахъ, на которыхъ, казалось-бы, и самая обработка невозможна. Конечно, обработка здѣсь только ручная, но и она была такъ тщательна, что черкесы не знали неурожаевъ. Орудія самыя своеобразныя, но они отличались прочностію и были хорошо направлены. Черкесы мастера дѣлать цѣпны (мѣстные топоры). Пшеница убирается женщинами посредствомъ серпа, но онъ такъ малъ, что похожъ скорѣе на дѣтскую игрушку. Всѣ полевныя произведенія черкесы перерабатывали у себя дома: водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ они не знали, а размоль производили на ручныхъ жерновахъ 8 вершковъ въ діаметрѣ. Замѣчательно хорошо они выдѣлывали крупу изъ гоми. За то въ Дагестанѣ мельницы превосходныя, хотя и нѣсколько своеобразнаго устройства.

Въ Дагестанѣ обработка земли была еще затруднительнѣе. Воспользовавшись карнизамъ горъ или нарочно изрывъ ихъ террасами, горцы свозили туда изъ долины плодоносную землю на ослахъ. Сколько разъ нужно было повторять эту экскурсію, чтобы образовать узкія полоски земли подъ посѣвъ! Потому сверху, пользуясь какимъ-нибудь ручьемъ, проводилась вода по всѣмъ террасамъ, такъ-что ни одна пядень земли не оставалась неорошенной. Затѣмъ уже сѣялся хлѣбъ, сверху внизъ. Такъ-же сверху внизъ производилась и уборка жатвы. Такія обработанные террасы и теперь часто встрѣчаются тамъ, гдѣ горцы остались на своихъ мѣстахъ; остальные представляютъ мерзость запустѣнія, отъ которой дѣлается тяжело на душѣ...

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, всякое оставленное поле, всякое заброшенное хозяйство вовсе не доказываетъ поступательнаго движенія прогресса! А такихъ полей и хозяйствъ здѣсь тысячи! Есть мѣста, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ приходилось по 3,000 человекъ на 1 квадратную милю, а теперь и по 30 не начеть.

— Куда-же мы дѣнемся на ночь?

— А вотъ сейчасъ выберемъ мѣсто. Погоди.

И Магомадь-оглы пошелъ куда-то по кровлямъ ближайшихъ савель.

Я стоялъ одинъ на карнизѣ—и странное дѣло, какъ-будто и не встати, передо мною разомъ возникла картина изъ далекаго-далекаго прошлаго.

Громадная зала, вся заставленная большими черными столами.

Лампы низко висятъ надъ ними, озаряя головы, наклоненныя надъ книгами. Въ углахъ и у потолка сгущается мракъ. Черная ночь смотреть въ окна. Мы всѣ, мальчуганы, сидимъ на табуретахъ, боясь шевельнуться, чтобы не попасть въ уголь.

— Посторонними занятіями не развлекаться! У кого на столѣ будетъ не учебникъ — въ карцеръ! свирѣпствуетъ воспитатель, маршируя по серединѣ залы, ровно и медленно, отъ стѣны къ стѣнѣ, какъ маятникъ тутъ-же висѣщихъ часовъ. То онъ выступитъ на свѣтъ, блеснетъ широкою лысиной, то снова спрячется въ сумракъ. Худошавая фигурка его напрасно хочетъ быть величавой, тоненькія ножки старательно отбиваютъ темпъ: разъ, два, разъ, два.

Передо мной добросовѣстно развернуть учебникъ Марго, но за то въ немного выдвинутомъ ящикѣ—одинъ изъ томиковъ кругосвѣтнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиля. Рядомъ однозвучно-назойливо кто-то долбитъ:

„Россіане отличались изстари великодушіемъ и гостепріимствомъ, россіане отличались изстари великодушіемъ и гостепріимствомъ, россіане...“

Съ другой стороны слышится такая-же долбня: квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ...

Но мнѣ ничего не слышно... Столько-же мнѣ шѣпаютъ они, сколько муха, что жужжать около, сколько монотонные шаги дежурнаго офицера. Передо мной развертываются чудныя тропическія картины, вѣчно зеленыя пальмы смотрятся въ тихія воды бирюзовыхъ озеръ. Воздухъ полонъ аромата. Въ чащѣ лѣвъ притаился тигръ и зорко выглядываетъ оттуда, не покажется-ли около стройный сидуть вѣтвистой серны. Вверху звенятъ невидимыя хоры птичьихъ голосовъ. Ярко сверкая на солнцѣ, ползетъ громадная змѣя. И словно змѣя крадутся къ одинокому европейскому путешественнику нагіе дикари, готовы свои отравленныя стрѣлы.

И гдѣ эти казенныя бѣлыя стѣны, гдѣ эти черныя столы, гдѣ эти долбящіе уроки товарищи!.. Дыханіе захватываетъ, жарко дѣлается, глаза горятъ, ощущеніе чего-то щекочущаго пробѣгаетъ по всему организму. Я самъ тамъ, съ этимъ европейцемъ-путешественникомъ, самъ стою съ ружьемъ и жду встрѣчи. И хорошо на душѣ, и поэтическіе сны роятся въ головѣ, и мысли далеко-далеко бродить, за тридцать земель, въ тридцатомъ царствѣ.

Въ такомъ тридцатомъ царствѣ я былъ теперь и такъ-же жарко разливалась кровь по жиламъ, такъ-же порывисто дышалось... Совершенно тѣ-же ощущенія, тотъ-же неопредѣленный поэтической восторгъ, только грезы становились дѣйствительностью, сны видѣлись на яву.

— Нашелъ одну саклю! перервалъ мои мечты Магомадъ-оглы.

Я послѣдовалъ за нимъ, съ кровли на кровлю. Какъ все это ветхо! На одной крышѣ нога моя провалилась внизъ, едва удержался на другой. Въ промежуткахъ между саклями чернѣли внизъ бездонныя ямы. Прежде здѣсь были переброшены мостки, теперь все это лежало далеко внизу, разрушенное, упавшее. Черезъ эти интервалы приходилось перепрыгивать.

Наконецъ, Магомадъ-оглы, шедшій впереди, провалился сквозь землю. Былъ—и нѣтъ его.

— Магомадъ! крикнулъ я.

— Йо!.. послышалось, точно изъ погребя, внизу.

Пощупалъ ногой — отверстие внизъ. Лѣсенка въ немъ. Ходъ въ саклю черезъ кровлю. Осторожно спустился туда. Тьма—хоть глазъ выколи. Добрался до пола. Что-то зашуршало мимо, хлопнулось объ стѣну, ударилось въ другую. Какія-то теплыя, точно шероховатую пленкой обтянутыя крылья скользнули по лицу, скользнули внизъ вдоль груди. Опять два-три разлета—и летучая мышъ шарахнулась въ дыру кровли. Противное ощущеніе! На лицѣ точно зудъ. Даже холодный потъ выступилъ на лбу.

Щелканье огнива о кремьнъ и брызги золотыхъ искръ въ черной, густой тьмѣ. Искры сыплются обильно. Запахло трутомъ, натертымъ порохомъ. Вонъ огонекъ рдѣеть тамъ. Все ярче и ярче. Видно Магомадъ возится за нимъ.

— Да вѣдь у меня спички есть, догадался я.

Зажгли тонкую восковую свѣчку, бывшую со мной.

Голня стѣны. Куча сора на полу. Что-то возится тамъ, только слышенъ шорохъ. Шорохъ и вдоль стѣнъ, въ которыхъ пустуютъ темными впадинами ниши. Склепъ, могила, только не жильё человѣка.

— Гдѣ-же тутъ спать?

Ни слова въ отвѣтъ. Магомадъ возится въ углу.

— Да чего ты ищешь тамъ въ углу, Магомадъ?

— Постой!

Что-то заскрипѣло, точно ржавныя петли...

Кунакъ мой отыскалъ люкъ.

— Это еще что за подземелье?

— Сюда пойдёмъ.

И Магомадъ вторично провалился сквозь землю...

Я, разумеется, послѣдовалъ за нимъ. Въ полу былъ входъ во вторую саклю. Когда я, въ свою очередь, провалился въ нее, свѣжій воздухъ пахнулъ мнѣ прямо въ лицо... Стѣна оказалась пробитой не окнами, а какими-то круглыми дырками. Оттуда свѣтилъ сюда яркій мѣсяцъ и ночная прохлада струилась вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ, курившимся въ долинахъ... Тутъ и на полу было чище, да и затхлость могильная не стѣсняла дыханія.

— Богатый хозяинъ былъ, хорошій человѣкъ... Кунакъ мой. Теперь умираеть въ Турціи, должно быть...

И Магомадъ-оглы, насупившись, сѣлъ въ уголъ пустой сакли.

Тѣ-же ниши въ стѣнахъ... Днемъ тутъ, должно быть, филины да совы гнѣздятся... Ишь сколько перьевъ разбросано повсюду... Нѣжный пухъ мелкихъ пташекъ, вѣрно охотничья добыча ночного хищника... Свѣтъ луны былъ такъ ярокъ, что мы затушили свѣчу. Какая-то черная тѣнь мелькнула въ окнѣ и исчезла... Вѣрно большая птица пролетѣла мимо... И опять тишина невозмутимая...

Я подошелъ къ бойницамъ... Эка ширь озаренная!.. Точно серебрястый паръ заполонилъ весь этотъ просторъ... А все-таки жутко было при мысли, что вся эта скала можетъ разомъ рухнуть внизъ вмѣстѣ съ своимъ ненадежнымъ пьедесталомъ — карнизомъ изъ обвѣтрившагося гранита.

Тутъ вѣдь должна быть дверь... Вѣрно и балконъ есть... Въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, что-то сквозило, точно лезвее. Оказался

выходъ. Я осторожно пріотворилъ его... Мѣсяцъ ярко блеснулъ въ глаза и точно занавѣсъ приподнялся надъ всею этой окрестностью...

Признаюсь, впрочемъ, въ своей трусости. На балконъ ступить я не рѣшился. Можетъ быть, подпорки сгнили, долго-ли рухнуть! Все равно, и отсюда видны и разливы рѣки внизу, и бѣлыя стѣны аула, тоже оставленнаго горцами, и черные силуэты горъ, оставшихся въ тѣни, за свѣтомъ. Какая это чудная пустыня, какое поэтическое убѣжище... Право, вполнѣ становится понятно, что фиваидскіе отшельники не особенно должны были страдать въ своемъ добровольномъ заточеніи, гнѣздясь на вершинахъ скалъ среди пустыни.

Магомадъ-оглы упорно молчалъ.

Я завернулся въ пальто и рѣшился заснуть, не обращая вниманія на ящерицъ, если-бы имъ вздумалось скользнуть около..

Долго-ли продолжалось мое забытье — не знаю. Помню, что нѣсколько разъ открывалъ глаза, встрѣчая все ту-же яркую лунную ночь, и опять все мѣшалось передо мною... Будь тутъ снопы камыша — спать было-бы удобно... Но этотъ жесткій полъ давалъ-таки себя чувствовать, особенно послѣ цѣлаго дня, за исключеніемъ двухъ-трехъ часовъ, проведенныхъ въ сѣдлѣ. Наконецъ удалось заснуть.

— Кунакъ! Кунакъ!

Я открылъ глаза.

Надо мной наклонился Магомадъ-оглы. Мѣсяцъ былъ прямо въ лицо ему, и такое на немъ было странное выраженіе, что я разомъ приподнялся. Старикъ весь блѣдный, въ глазахъ не страхъ, а что-то растерянное, недоумѣлое...

— Чего тебѣ?

— Уйдемъ отсюда, пожалуйста уйдемъ.

Голосъ какой-то нервный сталъ...

— Это зачѣмъ еще?

— Шайтанъ здѣсь... Внизу шайтанъ есть.

Видимо старается тише говорить, чтобы его никто не слышалъ. Едва уловишь звуки словъ.

— Вѣрно сова крикнула...

— Говорю тебѣ, что шайтанъ... Слышишь?

И онъ взялъ меня за плечо. Чувствую, какъ вздрагиваетъ его рука.

— Ничего нѣтъ.

— Постоѣй.

Тишина полная, ни звука... Даже звонъ въ ушахъ поднимается, какъ всегда, когда кругомъ царитъ ненарушимое безмолвіе, — тотъ звонъ, что похожъ на отдаленное пѣніе стрекозъ въ жаркій лѣтній день подъ солнцемъ среди застывшаго въ безвѣтріе зеленого луга... Но вотъ... Что это... Дѣйствительно...

Я самъ замеръ... Страхъ-ли Магомада такъ заразительно по-дѣйствовалъ на меня или дѣйствительно холодно стало, только меня проняла дрожь...

И опять ничего, и опять безмолвіе... полное, гробовое...

— Слышалъ?

Точно вѣтерокъ дунулъ въ ухо, такъ тихъ былъ голосъ моего товарища.

Я только кивнулъ головою... „Показалось“, думаю. И опять... опять дрожь проняла.

Это не стонъ, не крикъ, а точно отголосокъ стона, отраженіе его... Шорохъ ящерицы по залитому луннымъ свѣтомъ пространству пола слышенъ, но тотъ тайный, легкій звукъ какъ-то прямо проходитъ къ сердцу, проникаетъ... Какъ онъ ни слабъ, но, казалось, если-бы мы даже кричали, шумѣли, ухо все-таки уловило-бы его... Точно вдыхалъ кто-то внутри горы и вздохъ страдальческій, больной проходилъ сквозъ камни невидимыми скважинами и трещинами въ оставленную саклю.

— Шайтанъ...

— Что за пустяки! опомнися я. — Такъ что-нибудь.

Но тутъ мою руку схватила его рука, холодная, влажная. Чувствую, какъ пальцы его впииваются въ мою ладонь, и я вполне понимаю его страхъ.

Стонъ слышится громче и на этотъ разъ уже не отголосокъ, а точно кто-то жалуется внизу... Такъ дѣти всхлипываютъ во снѣ...

Вѣдь и не вѣришь въ чертовщину, а волосы зашевелились на головѣ... На нервы дѣйствовало.

— Что-нибудь есть. Голосъ слышенъ именно снизу... Вѣдь не съ боку, не сверху, а снизу... Это — человекъ.

— Какой человекъ будетъ тамъ плакаться... Шайтанъ, говорю тебѣ.

— Магомадъ-оглы, есть внизу что-нибудь? Погребъ, яма, пещера, что-ли?

— Нѣтъ, такая-же сакля.

— И въ нее входятъ изъ нашей сакли?

— Вонъ оттуда.

Магомадъ тревожно указалъ въ уголъ.

— Такъ-же, какъ мы вошли сюда изъ верхней?

— Да.

— Тамъ кто-нибудь есть... Это или женщина, или ребенокъ.

Магомадъ сталъ еще блѣднѣе и судорожно ухватился за меня.

— Ребенокъ... да... ребенокъ плачетъ... Бѣжать надо, слышишь... Скорѣй бѣжать... Онъ часто оборачивается ребенкомъ и плачетъ, а какъ сойдешь къ нему, зубами за горло схватить, прокусить и кровь выпить... Да, это его плачь, дѣйствительно что дитя всхлипываетъ...

— Магомадъ, твоя жена, должно быть, похрабрѣй тебя. Ты-бы ужъ за одно бабьи шальвары надѣлъ. Вспомни, сколько тебѣ лѣтъ. Пристойно-ли старику, видѣвшему не разъ смерть лицомъ къ лицу, бояться призрака? Можетъ быть, тамъ мучится кто-нибудь, нуждающійся въ нашей помощи, такой-же путникъ, какъ и мы.

Старикъ нѣсколько оправился, но я видѣлъ, что на него надежда плоха. Даже равнодушіе его, съ какимъ онъ принялъ названіе „бабн“, доказывало, что онъ сильно растерянъ. Въ другой разъ это не сошло-бы мнѣ даромъ.

— Гдѣ входъ туда?

Онъ указалъ на уголъ, остававшійся во тьмѣ.

Пришлось вздуть свѣчу. Пламя свѣтило тускло. Съ такимъ-же скрипомъ приподнялась доска люба.

Какъсь, я не рѣшался войти туда. Точно устыдившись своего страха, Магомадъ-оглы приблизился и наклонился надъ отверстиемъ входа.

Это ужъ не стонъ... нѣтъ. Это слова слышны. Точно кто-то мечется въ недугѣ и усиливается говорить громче, когда мочи нѣтъ и когда каждое слово его только вырывается изъ груди. Слышная этотъ ропотъ, такъ и представляешь себѣ, какъ должна судо-

рожно подыматься и опускаться грудь, какъ вытягивается и выгибается шея несчастнаго прежде, чѣмъ онъ выдавить изъ нея хриплый звукъ.

Магомадъ уже совсѣмъ оправился. Онъ зорко смотрѣлъ внизъ и точно припоминалъ что то, бормоча про себя.

— Саидъ-ага! крикнулъ онъ внизъ и прислушался.

Стоны прекратились.

— Саидъ-ага!

Внизу кто-то заговорилъ, но такъ тихо... Этого, впрочемъ, довольно было Магомаду, и быстрѣе, чѣмъ я думалъ, онъ опустился внизъ. Я постоялъ-постоялъ и рѣшился туда-же отправиться, „провалиться“.

Провалился и—остолбенѣлъ.

Куча соломы, должно быть, принесена недавно. Лунный свѣтъ сквозь дыру въ стѣнѣ такъ и бьетъ туда, выхватывая изъ мрака лицо трупа, — трупа неподвижнаго, синяго, но съ яркими, живыми, воспаленными глазами... Черные круги легли вокругъ нихъ, оттого они словно глядятъ изъ рамокъ, сосредоточивая свою силу. Горбатый носъ какъ-то заострился и посинѣлъ у ноздрей. Губы, землистыя, сморщенные, едва видны изъ-подъ свалывшейся космами сѣдой бороды. Голый черепъ, угловатый, неровный, такъ и свѣтится. Въ первую минуту только черепъ да глаза и были различены мною.

Какая костлявая грудь! Лунный блескъ скрадывалъ впадины между ребрами. Выдѣлялись однѣ кости, точно скелетъ лежалъ передъ нами. Глазъ даже обманывался. Словно кости грудной клѣтки подымались и опускались судорожно. Видно, что старику трудно дышать было... Что-то хрипѣло у него внутри. А это развѣ не рука скелета? Вѣдь ни мускуловъ, ни жилъ незамѣтно. Ноги уходятъ въ темный уголъ.

— Саидъ-ага!

Онъ повернулся и на минуту взгляды его остановился на Магомадъ-оглы. Ни искры сознанія. Видно, что не узнаетъ его вовсе.

— Кто это? спрашиваю.

Спутникъ мой молчитъ, пристально разглядывая лежащаго.

Поперегъ полосы луннаго свѣта, точно трепетавшей на полу, черная линія посоха и сума... А тамъ далѣе, въ тѣни, еще

два глаза... Еще сидуетъ... Неподвижно, опасно выглядываетъ чье-то лицо.

Я взялъ за руку Магомада и кивнулъ туда.

— Айша!

И онъ подошелъ къ женщинѣ. На минуту лицо ея выдвинулось на свѣтъ, точно она хотѣла показаться Магомаду, и опять спряталось. Но совершенно достаточно было и этого, чтобы рассмотреть другой трупъ, другія заостренншія черты... Только онъ какъ-то дико выдѣляются изъ-за сѣдыхъ прядей волосъ. Лохмотья едва закрываютъ тѣло...

Какъ хрипло говоритъ она... Магомадъ кажется сильно взволнованнымъ. Неужели слезы, у него, у этого стараго дагестанскаго волка?

— Умирать вернулись сюда! прерывисто сообщаетъ онъ мнѣ, — умирать пришли изъ Турціи... На отцовскія могилы... Сандъ-ага большой человекъ былъ... Пять ауловъ у него подъ рукой считалось... А это Айша—жена.

И онъ опять разспрашивалъ женщину.

— Тайно шли... по ночамъ. Боялись, что не пустятъ въ старшій аулъ. А имъ только и всего—умереть на родной землѣ. Старикъ недѣлю ужъ болѣлъ. Жена ему помогаетъ.

— Отчего-же они не зашли сначала въ аулъ къ вамъ? Могли бы отдохнуть тамъ.

— Вай-вай! Твоя голова да будетъ здорова. Что это говоришь ты? „Возьми свои мысли въ руки“. Да ихъ-бы тамъ сейчасъ русское начальство остановило, и вмѣсто того, чтобы умереть здѣсь, они умерли-бы въ тюрьмѣ...

Сандъ-ага, не желая покориться русскимъ, выселился отсюда, со всѣми ауломъ, въ Турцію. Здѣсь онъ былъ богатымъ человекомъ. У него ходили по лугамъ табуны коней, стада барановъ паслись въ окрестностяхъ. Вокругъ сакли его, внизу тамъ, на цѣлую версту раскидывались фруктовые сады. Виноградники сходили къ самой рѣкѣ, переливаясь съ полями пшеницы и посѣвами кукурузы... Онъ бросилъ все. Продавать землю, домъ, имущество было некому и некогда; ему не вѣрилось, что оставшихся заставить перейти на другія мѣста и построиться въ казачьихъ станицахъ. Сандъ-ага собралъ, что было, что можно взвалить на лошадей и ословъ, и съ нѣсколькими вьюками отпра-

вился въ Турцію, уводя за собою дочерей и сына... Прошло восемь лѣтъ и онъ возвратился назадъ, оставивъ дочерей въ гаремѣ какого-то паши, а сына, зарѣзаннаго курдами, въ придорожномъ рву негостепріимной чужбины. Старика тянуло назадъ. Тамъ, среди малоазійскихъ равнинъ, ему грезилась постоянно родина, ея снѣговныя горы, ея благоуханныя долины. Только-бы взглянуть на все это еще разъ—и умереть, умереть у себя, лечь тамъ, гдѣ легли цѣлыя поколѣнія его нѣкогда славнаго и могучаго рода... И вотъ онъ, словно травленный волкъ, прокрался сквозь кордонную линію, черезъ ахалцхский уѣздъ, вступилъ въ Закавказье, прошелъ Гурію, Карталинію, съумѣлъ проскользнуть незамѣченнмъ черезъ Тифлисъ, и все таки пѣшкомъ, едва ступая своими старческими ногами, добрался до Дагестана. Воображаю, какъ шли сюда эти путники, мужъ и жена, старцы, опираясь о свои посохи, сгорбась, шагъ за шагомъ. Сколько мѣсяцевъ должно было пройти прежде, чѣмъ они увидѣли эти скалы, эти полувоздушные карнизы, эти ласточкины гнѣзда, прежде, чѣмъ онъ остановился здѣсь на высотѣ, съ печальнымъ восторгомъ оглядывая окрестности, гдѣ нѣкогда онъ былъ властелиномъ и куда теперь возвращается безправнымъ нищимъ, хоронясь отъ свѣта Божьяго, отъ взгляда людскаго!..

Не такъ-ли загнанный, раненый звѣрь забирается подальше въ свое логовище, чтобы молча, безъ слова, умереть на покоѣ, не видя за собою погони, не слыша злобнаго лая остервенѣлой своры и безумнаго гиканья забрызганнаго кровью хозяина.

Говорилъ одинъ Магомадъ. Больной только хрипѣлъ; жена его молчала, опустивъ голову, точно она потеряла языкъ. Видно, что словъ не было передать всю тоску, всю муку своего сердца... Видно, что заковѣтѣла она отъ этой боли... Плакала-бы, да слезъ нѣтъ... Высохли давно и внутри все жечь.

Сталъ ей Магомадъ про своихъ рассказывать, про родныхъ, знакомыхъ—и головы не подыала. Видно, все въ ней замерло.

— Ахъ, вы бѣдныя, бѣдныя... Мой аулъ недалеко... Нужно перенести къ себѣ... Саидъ-агъ не долго жить!.. А какой уздень былъ! Какъ мы съ нимъ вашихъ били! Въ пяти набѣгахъ виѣстѣ участвовали. Съ Шамилемъ на Тифлисъ выходили... Да, было время! Точно солнцемъ въ голову ударить, какъ вспомнишь преж-

нее... Точно заслѣпятъ тебя... Великъ Богъ и Магометъ пророкъ его. Они знаютъ, для чего испытываютъ свой народъ!..

Глаза мои нѣсколько привыкли къ темнотѣ и я различалъ, почти всю, женщину, сидѣвшую въ углу: голова ея какъ-то ушла въ плечи, приподнятыя вверхъ, руки сжаты были между колѣнами. Какъ должны были изголодаться они!..

Магомадъ-оглы далъ ей было мяса. Она только посмотрѣла на него и опять поникла...

— Абрекомъ былъ, всегда у Саида прятался... Могучій человекъ!.. Рабовъ у него были сотни... Три жены въ гаремѣ сидѣло... Самъ Шамиль (да успокоитъ Аллахъ святую душу его въ раю!) уважалъ Саида... А теперь—вонъ... Солома... Точно шакалы его оборвали кругомъ... Ай, Саидъ, Саидъ!.. Зачѣмъ мы еще живемъ, зачѣмъ Израиль не возьметъ насъ отсюда?.. Лучше-бы насъ въ бою убили, чѣмъ такъ кончать!..

Я понялъ, что мое присутствіе, какъ бывшаго врага, не совсѣмъ удобно и непріятно дѣйствующимъ лицамъ послѣдняго акта этой потрясающей драмы изгнанія и смерти... Поднялся на верхъ, только до самого утра не могъ заснуть. Передо мною возникалъ образъ этого умирающаго старика, жизнь, полная поразительныхъ контрастовъ. Приволье горскаго узденя, богатство, безшабашная жизнь смѣлаго воина газавата—и потомъ нищенство въ малоазійскихъ деревушкахъ, страдальческое паломничество на родину и безмолвная смерть въ оставленномъ аулѣ, нѣкогда кипѣвшемъ жизнью и силой, а теперь молчаливомъ, разрушающемся...

Умрутъ здѣсь старики, умрутъ въ сакляхъ, гдѣ они выросли, гдѣ шумѣли ихъ дѣти, гдѣ умерли ихъ отцы...

Такой-же бродяга-туристъ, какъ я, случайно, черезъ нѣсколько лѣтъ, забредетъ сюда и на сгнившей трухѣ соломы найдетъ что-то разбросанныя кости... И никто ему не расскажетъ о величавой эпопее страданій, свершившихся здѣсь, въ этихъ голыхъ, разваливающихся стѣнахъ ласточкина гнѣзда... И сколько такихъ костей разбросано по Дагестану, въ оставленныхъ аулахъ земли Адыге на восточномъ берегу Чернаго моря... Роется въ нихъ голодный шакалъ... вылевываетъ мертвыя очи хищный воронъ и, словно торжествуя, каркаетъ съ высоты на весь просторъ этой грандіозной долины...

И только старикъ чугурчи, перебирая свою двухструнную балалайку, вспомнить, что былъ когда-то великій узденъ Саидъ-ага, и передасть о немъ вольнолюбивой молодежи!..

Магомадъ только утромъ вышелъ изъ подвала. Онъ даже не взглянулъ на меня...

Спустя полчаса мы спускались внизъ. Надъ нами висѣлъ карнизъ оставленнаго аула. Въ солнечномъ блескѣ орлиными гнѣздами чернѣли сакли... Вонъ тамъ, съвозъ эту черную продушину окна, смотреть теперь умирающій... Голубое небо свѣтитъ ему... Вѣтерокъ заноситъ ароматы горныхъ цвѣтовъ въ его келью... И, въ агоніи, онъ станетъ вызывать свои дружины, что давно лежатъ въ горныхъ могилахъ, воинственный крикъ газавата въ послѣдній разъ надорветъ его грудь и, улыбаясь ангелу смерти, замретъ старикъ, воображая, что кругомъ звенятъ шашки и льется кровь, что онъ бѣшено мчится впереди своихъ узденей, развѣвая по вѣтру священное знамя пророка!..

Молчаливо, покорно, безъ видѣній и грезъ сойдетъ за нимъ въ могилу Айша... Развѣ-развѣ примерещутся ей ласковые голоса дѣтей, разсѣянныхъ на чужбинѣ... Пахнѣтъ благоуханіемъ тѣхъ розъ, которыя давнымъ-давно насадила она въ своемъ садикѣ... Такъ тускнѣетъ послѣдній лучъ заката, такъ медленно замираетъ далекая пѣсня...

— Аллахъ этого не забудетъ!.. Неужели не исполнилась мѣра гнѣва его! въ глухомъ, безвыходномъ отчаяніи шепталъ про себя Магомадъ-оглы, взбираясь на крутой гребень скалистой горы...

А яркое небо безоблачно; весело шумитъ потокъ, сбѣгая въ долину, еще веселѣе свищетъ птичка въ тутовомъ деревѣ.

И опять пахнетъ жасминами...

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе будетъ.)

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ.

Я отворилъ окно. Осенняя прохлада
Струею полилась въ мою больную грудь.
Какъ тихо въ глубинѣ увянувшаго сада!
Туда, какъ въ темный склепъ, боюсь я заглянуть.

Поблекъ и облетѣлъ уборъ его красивый;
Отъ бури и дождя ничѣмъ не защищенъ,
Качаясь и дрожа, стоитъ онъ сиротливо,
И въ шелестъ вѣтвей печальный слышенъ стонъ...

Раздастся здѣсь порой воронъ полетъ тяжелый,
Да галки на гумнѣ, за садомъ, прокричатъ,—
И стихнетъ все опять... И съ думой невеселой
Гляжу я изъ окна въ пустой, заглохшій садъ.

Здѣсь радостно жилось весной и жаркимъ лѣтомъ;
Но больно вспоминать объ этихъ чудныхъ дняхъ,
О зелени полей, облитыхъ яркимъ свѣтомъ,
О сладкомъ гнѣнѣ птицъ въ долинахъ и лѣсахъ.

Природа замерла, нахмурилась сурово;
Поблекнувшей листвою покрылася земля
И холодомъ зимы повѣялъ съверъ снова
Въ раздѣтныя лѣса, на темныя поля.

Вотъ желтый листъ, кружась, упалъ передо мною...
Съ глубокой на него я грустью посмотрѣлъ!
Не такъ-же-ль я измѣть безжалостной судьбою,
Какъ этотъ слабый листъ,—засохъ и пожелтѣлъ?

Прошла моя весна, и лѣто миновало,
И на лугу моемъ засохли всѣ цвѣты;

Ихъ прежняя краса подъ холодомъ увяла;
Разсѣялись мои надежды и мечты.

Какъ листья желтые, давно онѣ опали;
Осенній вѣтеръ ихъ размыкалъ безъ слѣда,
И то, чѣмъ жизнь моя красна была вначалѣ,
Все горькимъ опытомъ убито навсегда.

Вѣкъ доживаю я, какъ дерево сухое,
Минувшему сказавъ печальное „прости!“—
И мучить душу мнѣ сознанье роковое,
Что близокъ мой конецъ и мнѣ ужъ не цвѣсти.

И. Суриковъ.

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА XXXVIII.

Черезъ два дня послѣ рѣшенія вопроса о томъ, какое ния принять Мирѣ для публики, въ четвертомъ часу пополудни у дверей скромнаго домика м-съ Мейрикъ, въ Чельси, остановился экипажъ и раздался звонокъ. Всѣ молодныя дѣвушки были дома: Кэти рисовала, м-съ Мейрикъ, Мабъ и Эми сидѣли за громаднымъ вышиваньемъ, занимавшимъ почти всю комнату, а Мира, не отличавшаяся въ этой отрасли искусства, читала вслухъ. Услыхавъ необычайный звонокъ, онѣ всѣ взглянули другъ на друга съ удивленіемъ.

— Кто это? промолвила м-съ Мейрикъ;—неужели это леди Малинджеръ? Посмотри, Эми, стоятъ-ли у дверей великолѣпный экипажъ?

— Нѣтъ, остановился только кабъ. Это, вѣрно, джентльменъ.

— Это, конечно, первый министръ, сказала Кэти. — Гансъ увѣряетъ, что первые люди въ Лондонѣ не пренебрегаютъ кабомъ.

— О-о! воскликнула Мабъ;—это не лордъ-ли Россаль!

Въ эту минуту въ комнату вошла служанка и подала м-съ Мейрикъ карточку, а черезъ отворенную дверь уже виднѣлась замѣчательная фигура, но не почтеннаго перваго министра, а Юлія Блесмера съ его громадной головой, длинными ногами, развѣвающимися волосами и золотыми очками. Ничто не могло по-

ставить въ тупикъ м-съ Мейрикъ; быстро сообразивъ, въ чемъ дѣло, она съ удовольствіемъ подумала, что если такая важная особа не потребовала Миру къ себѣ, а потрудила сама пожаловать, то, значить, она чувствовала живой интересъ къ молодой еврейкѣ. Но все-же, въ виду его массивной, физически поразительной фигуры, скромный домикъ въ Челси показался всему семейству какой-то игрушечной клѣткой для мышей. Одинъ взглядъ Клесмера вселялъ въ каждомъ невольную мысль, что онъ привыкъ къ многочисленнымъ собраніямъ и къ широкой дѣятельности. Онъ былъ самодоволенъ, но это самодовольство такъ-же естественно шло къ нему, какъ длинные пальцы, и было-бы сильнѣйшей афектаціей съ его стороны, если-бъ онъ вздумалъ притворяться скромникомъ. Напротивъ, смиренное жилище м-съ Мейрикъ, повидимому, привлекло его вниманіе и онъ съ любопытствомъ осматривался по сторонамъ, вспоминая, что онъ въ дѣтствѣ близко зналъ подобный-же небогатый семейный очагъ въ Богеміи.

— Я надѣюсь, что васъ не обезпokoилъ, сказалъ онъ почти-тельно, обращаясь къ м-съ Мейрикъ; — я былъ здѣсь по сосѣдству и думалъ выиграть время, лично явившись къ вамъ. Нашъ общій другъ, м-ръ Деронда, сказалъ мнѣ, что я могу въ вашемъ домѣ имѣть честь познакомиться съ молодой особой, миссъ Лапидотъ.

Входя въ комнату, Клесмеръ уже замѣтилъ Миру, но съ утонченной учтивостью поклонился всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, какъ-бы недоумѣвая, которая изъ нихъ миссъ Лапидотъ.

— Это мои дочери, а вотъ миссъ Лапидотъ, отвѣчала м-съ Мейрикъ, указывая на Миру.

— А! произнесъ Клесмеръ съ улыбкой удовлетвореннаго ожиданія и низко поклонился Мирѣ, которой онъ сразу понравился, какъ добрый человѣкъ, хотя строгій судья и великій музыкантъ. — Вы не откажетесь для перваго знакомства мнѣ тотчасъ что-нибудь спѣть?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала Мира, подходя къ фортепяно; — вы очень добры, что интересуетесь моимъ пѣніемъ. Я сама буду себѣ аккомпанировать?

— Конечно, промолвилъ Клесмеръ, садясь противъ Мира по приглашенію м-съ Мейрикъ, которая нарочно его такъ усадила,

предполагая, что, видя передъ собою молодую дѣвушку, онъ найдетъ болѣе прелести въ ея пѣніи.

Сердца всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Миры, сильно билось и никто не смѣлъ прямо смотрѣть на страшнаго Клесмера, который, нахмуривъ брови, приготовился слушать. Ихъ утѣшала только мысль, что Деронда, слышавшій всѣхъ знаменитыхъ пѣвицъ, отдавалъ преимущество Мирѣ; что-же касается до нея, то она была совершенно сповойна и начала пѣть съ полнѣйшимъ самообладаніемъ. Она выбрала знаменитую оду въ Италіи Леопарди: „O, patria mia“, переложенную на музыку съ поразительнымъ эффектомъ.

— Это произведеніе старика Лео, сказалъ Клесмеръ, когда она кончила.

— Да, онъ былъ моимъ послѣднимъ учителемъ въ Вѣнѣ, отвѣчала Мира съ задумчивой улыбкой; — онъ таковой вспыльчивый и добрый. Онъ предсказалъ, что мой голосъ никогда не будетъ годиться для сцены, и онъ правъ.

— Продолжайте, пожалуйста, произнесъ Клесмеръ, выставляя нижнюю губу и бормоча что-то себѣ подъ носъ.

Всѣ три сестры взглянули на него съ ненавистью, за то, что онъ не похвалилъ пѣнія Миры, а м-съ Мейрикъ начала опасаться за результатъ экзамена.

Желая исполнить просьбу Клесмера и полагая, что ему всего болѣе понравится нѣмецкая музыка, Мира начала пѣть одинъ за другимъ романсы Гретхенъ изъ „Фауста“, князя Радзивила. Клесмеръ молча слушалъ, а когда она кончила, онъ всталъ и, пройдясь по комнатѣ, возвратился снова къ фортепяно, гдѣ Мира стояла, скрестивъ свои маленькія ручки, въ ожиданіи строгой критики.

— Позвольте мнѣ позать вамъ руку: вы настоящій музыкантъ, сказалъ онъ наконецъ, сверкая глазами и протягивая руку.

Мабъ едва не расплакалась и всѣ три молодныя дѣвушки признали Клесмера очаровательнымъ. М-съ Мейрикъ свободно перевела духъ. Но черезъ минуту онъ снова насупилъ брови и съ разстановкой произнесъ:

— Намъ нечего заноситься слишкомъ далеко, мы не соловей и должны быть смиренны.

Мабъ гнѣвно подумала: „развѣ она самонадѣянна?“ и тотчасъ перестала находить его очаровательнымъ.

Мира молчала, зная, что онъ выскажетъ свое мнѣніе болѣе опредѣленно и специально.

— Я не совѣтовалъ-бы вамъ пѣть въ большой залѣ, продолжалъ Клесмеръ; — но въ гостиной вы будете имѣть успѣхъ, а въ Лондонѣ карьера подобной пѣвицы очень блестяща. Потому вы получите, конечно, и уроки. Не прійдете-ли вы ко мнѣ на маленькій концертъ въ среду?

— Я буду вамъ очень благодарна, отвѣчала Мира; — я, во всякомъ случаѣ, предпочла-бы зарабатывать себѣ хлѣбъ, не выходя на публичную арену. Я постараюсь исправить всѣ недостатки моего пѣнія, но скажите, чѣмъ именно мнѣ слѣдуетъ заняться?

— Я васъ познакомлю съ Асторгой, промолвилъ Клесмеръ; — онъ отецъ всѣхъ хорошихъ пѣвцовъ и дастъ вамъ добрый совѣтъ. М-съ Клесмеръ, если вы позволите, заѣдетъ къ вамъ до среды, прибавилъ онъ, обращаясь къ м-съ Мейрикъ.

— Мы сочтемъ это за величайшую честь.

— Вы споете ей что-нибудь, прибавилъ Клесмеръ, смотря на Миру; — она отличная музыкантша и имѣетъ прекрасную душу, что лучше всякаго музыкальнаго уха. Ваше пѣніе ей понравится. *Vor den Wissenden sich stellen...* Вы знаете конецъ?

— Да: *Sicher ist's im allen Fällen*, отвѣчала Мира поспѣшно.

— *Schön*, произнесъ Клесмеръ и снова протянулъ ей руку.

Конечно, онъ прибѣгнулъ къ самой деликатной формѣ похвалы и внушилъ молодымъ дѣвушкамъ самое глубокое къ себѣ уваженіе. Но представьте изумленіе Мабъ, когда, неожиданно устремивъ на нее свой взглядъ, Клесмеръ рѣшительно сказалъ:

— Эта молодая особа хорошая музыкантша, я вижу.

— Да, отвѣчала Мира, видя, что Мабъ очень смутилась, — и у нея удивительный *toucher*.

— О, Мира, я не играю, а бранчу, промолвила Мабъ съ ужасомъ, боясь, что этотъ сатана въ сѣрнхъ панталонахъ прикажетъ ей сыграть что-нибудь, но, къ ея удивленію и радости, онъ сказалъ, обращаясь къ м-съ Мейрикъ:

— Не пожелаетъ-ли ваша дочь прійхать къ намъ вѣстѣ съ миссъ Ланидотъ и послушать музыку?

— Она будетъ очень рада и, конечно, воспользуется съ благодарностью вашимъ приглашеніемъ, отвѣчала м-съ Мейрикъ.

Поклонившись очень почтительно всѣмъ, Клесмеръ вышелъ изъ комнаты; м-съ Мейрикъ послѣдовала за нимъ.

— Она годится, сказалъ Клесмеръ, когда дверь за ними затворилась;— если она не будетъ насиловать своего голоса, то можетъ имъ сдѣлать себѣ состояніе. Деронда мнѣ сказалъ, что въ этомъ главное дѣло. Вы печетесь о ней. Она, кажется, очень хорошая дѣвушка.

— Она ангелъ, воскликнула мягкосердная женщина.

— Нѣтъ, она хорошенькая еврейка и ангеламъ до нея нѣтъ никакого дѣла, отвѣчалъ Клесмеръ съ улыбкой; — но она, кажется, нашла себѣ ангела-хранителя.

Съ этими словами онъ простился съ м-съ Мейрикъ и вышелъ изъ маленькаго домика въ Чельси.

Когда раздался шумъ отъѣзжающаго экипажа, въ маленькой гостиной произошла самая оживленная сцена. Мабъ начала бѣшено вертѣться, хлопая въ ладоши; м-съ Мейрикъ, поцѣловавъ Миру, благословила ее; Эми воскликнула съ жаромъ:

— Бъ средѣ не поспѣеть ей новое платье.

Одна Мира молча сидѣла передъ фортепьяно и слезы медленно катились по ея щекамъ.

— Ну, ну, Мабъ, сказала м-съ Мейрикъ;— полно плясать, поговоримъ серьезно.

— Да, да, поговоримъ! воскликнула Мабъ, усаживаясь у ногъ матери. — Гансъ обѣщалъ придти сегодня. Какъ жаль, что его здѣсь не было при Клесмерѣ! Мира, о чемъ ты плачешь?

— Отъ радости. Я вамъ всѣмъ такъ благодарна; и онъ былъ такъ добръ ко мнѣ.

— Да, наконецъ смилостивился, замѣтила рѣзко Мабъ; — но онъ съ самаго начала для поощренія могъ-бы тебя похвалить. Я его возненавидѣла за его холодное, дерзкое „продолжайте“. Онъ мнѣ показался тогда просто уродомъ.

— У него прекрасный профиль, возразила Кэти.

— Да, теперь, а не тогда. Я терпѣть не могу людей, которые держатъ свои мнѣнія закупоренными, чтобъ вдругъ съ трескомъ ихъ выпустить на свѣтъ. Они какъ-бы боятся сдѣлать вась счастливыми безъ предварительнаго искуса. Впрочемъ, я ему все

прощаю, прибавила Мабъ великодушно, — за его приглашеніе. Но какъ это онъ узналъ, что я музыкантша? Ужь не потому-ли, мама, что у меня лобъ очень выдается впередъ?

— Онъ видѣлъ, какъ ты слушаешь музыку, и тотчасъ призналъ въ тебѣ талантъ, отвѣчала м-съ Мейрикъ. — Повѣрь мнѣ, у него заколдованные очки и онъ видитъ въ нихъ все. На какую это нѣмецкую фразу ты такъ скоро ему отвѣтила, моя умница?

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказала Мира съ улыбкой; — я учила наизусть эти двѣ строфы и онъ гласитъ, что легко пѣть или дѣлать что-бы то ни было передъ компетентными судьями.

— Вотъ почему ты его и не испугалась, замѣтила Эми; — но намъ надо разрѣшить серьезный вопросъ о томъ, какое платье надѣнетъ Мира въ среду?

— Я поѣду въ этомъ черномъ, шерстяномъ платьѣ, сказала Мира, вставая съ мѣста; — мнѣ только придется купить бѣлыя перчатки и новые ботинки.

— Вонъ идетъ Гансъ! воскликнула м-съ Мейрикъ; — стойте смирно и мы спросимъ его мнѣніе о вашемъ платьѣ. Художники въ этомъ случаѣ лучшіе совѣтники.

— Отчего-же вы никогда не спрашиваете моего совѣта? сказала Кэти съ упрекомъ.

— Юноши, дитя мое, такое опасное отродье, что съ ними нельзя было-бы справиться, если-бы мы не придавали имъ излишней цѣны, отвѣчала м-съ Мейрикъ и прибавила, когда вошелъ въ комнату Гансъ: — Намъ необходимо твое мнѣніе о платьѣ Меры. Клесмеръ только-что былъ здѣсь и пригласилъ ее пѣть въ его домъ въ среду. Она полагаетъ, что это платье годится.

— Всякій призналъ-бы мой костюмъ эффектнымъ, если-бы я играла на театрѣ роль бѣдной еврейки, поющей передъ богатыми христіанами, промолвила Мира.

— Да, этотъ костюмъ представлялъ-бы прекрасный контрастъ съ блестящими модными туалетами.

— Но вы, Мира, не должны считать евреевъ единственными бѣдными людьми, возразила Эми; — напротивъ, много бѣдныхъ христіанъ и страшно богатыхъ евреевъ.

— Я не хотѣла сказать ничего дурного, произнесла Мира, — но я всегда сама придумывала себѣ костюмы для сцены и постоянно играла въ самыхъ простенькихъ платьяхъ.

— Нѣтъ, по зрѣлому обсужденію, оно никуда не годится, сказалъ Гансъ: — оно слишкомъ театрально. Вамъ не слѣдуетъ разыгрывать роли еврейки, богатой или бѣдной.

— Я дѣйствительно еврейка, и не разыгрываю никакой роли, сказала Мира. — Я всегда была и останусь еврейкой.

— Это вашъ взглядъ, отвѣчалъ Гансъ, — а по-нашему все равно, чѣмъ-бы ни была совершеннѣйшая на свѣтѣ женщина: еврейка или христіанка.

— Мнѣ никто еще не говорилъ такихъ комплиментовъ, промолвила Мира съ улыбкою.

— Но мы удалялись отъ платья, сказала Эми; — если это не годится, то какъ-же мы успѣемъшить новое до среды, чѣмъ болѣе, что завтра воскресенье?

— Право, оно отлично, сказала Мира; — вы знаете, что я не рисуюсь, если-бъ даже и казалась нѣсколько театральной. Бѣдная Вероника, сидя на развалинахъ, могла быть также заподозрѣна въ желаніи порисоваться.

— Я съ вами поступилъ низко! воскликнулъ Гансъ, не считая возможнымъ скрывать долѣе свою вину; — я вѣдь исторію Вероники сочинилъ. Никто не знаетъ, чѣмъ кончилась ея жизнь. Простите мнѣ этотъ обманъ.

— Отъ всей души, отвѣчала Мира послѣ минутнаго изумленія; — но вы прекрасно поняли чувства еврейки, которая измѣнила своей вѣрѣ и потомъ раскаялась. Если она и не сдѣлала того, что вы ей приписали, то могла это сдѣлать.

— Но возвратимся-же къ платью! воскликнула Эми.

— Это дѣло рѣшеное, отвѣчала Мира, взглянувъ на м-съ Мейриль.

— А какъ твое мнѣніе, Гансъ? спросила его мать.

— Это платье рѣшительно не годится, отвѣчалъ Гансъ; — она не будетъ сидѣть на развалинахъ, а очутится среди изящно одѣтыхъ барынь. Нѣтъ, мама, вы должны поѣхать съ нею въ Риджентъ-Стритъ и купить черной шелковой матеріи на платье;шить его всегда успѣютъ. Мирѣ не слѣдуетъ возбуждать къ себѣ

созаѣвнїя нищенской одеждой, а всѣ должны съ благодарностью относиться къ ея таланту.

— Я также думаю, что м-ръ Деронда желалъ-бы видѣть ее въ красивомъ шелковомъ платьѣ, сказала м-съ Мейрикъ.

— Конечно, произнесъ Гансъ рѣзко;—вы можете мнѣ повѣрить на слово насчетъ чувствъ джентльмена.

— Я желаю сдѣлать то, что м-ръ Деронда нашель-бы приличнымъ, промолвила Мира, смотря на м-съ Мейрикъ.

Гансъ отвернулся и, подойдя къ столу Кэти, началъ разсматривать ея рисунки.

— Ты нарисовалъ-бы голову Клесмера, Гансъ, сказала Кэти;—ты его, вѣрно, часто видалъ?

— Видалъ-ли я его! воскликнулъ Гансъ и, сѣвъ за фортепьяно, сталъ представлять, какъ Клесмеръ играетъ.

Но черезъ минуту онъ снова вскочилъ и, взглянувъ на Миру, промолвилъ:

— Вамъ, можетъ быть, не нравится эта пародїя? Прошу васъ всегда останавливать меня, какъ скоро вамъ надоѣдаютъ мои глупости.

— Благодарю васъ, отвѣчала Мира съ улыбкой;—но вы еще ничего не дѣлали, что-бы мнѣ не нравилось. Ему, впрочемъ, это и невозможно, какъ вашему сыну, прибавила она, обращаясь къ м-съ Мейрикъ.

Въ улыбкѣ молодой дѣвушки виднѣлось что-то большее, чѣмъ простая веселость, и Гансъ вознмѣлъ новыя надежды. Роза не можетъ помѣшать нѣсколькимъ пчеламъ принимать ея сладкое благоуханіе за признакъ личнаго расположенія.

ГЛАВА XXXIX.

Способность предвидѣнія—спорный вопросъ, но стремленія и желанія нѣкоторыхъ людей принимаютъ иногда опредѣленную форму живыхъ образовъ, дѣло, которое они готовятъ, является передъ ними уже совершеннымъ, событіе, желанное или внушающее страхъ, облекается въ реальную, дѣйствительную оболочку. Къ подобнымъ мечтателямъ, которые, однако, бываютъ не менѣ трезвы и логичны, чѣмъ самые расчетливые торгаши, принадлежалъ Мардо-

хей, поразившій Деронду, какъ любопытная загадка. Но интересъ, возбужденный въ молодомъ человѣкѣ этимъ чахоточнымъ евреемъ, очевидно пламеннымъ изслѣдователемъ одной изъ вѣтвей человѣческаго знанія, не шелъ далѣе смутнаго, неопредѣленнаго любопытства, такъ-какъ онъ не отвѣчалъ какой-либо идеѣ или ожиданію Деронды. Но встрѣча съ нимъ произвела совершенно иное впечатлѣніе на Мардохея. Впродолженіи многихъ лѣтъ замѣчая въ себѣ постоянный упадокъ своихъ физическихъ силъ и чувствуя умственное одиночество, онъ пламенно желалъ найти юное существо, которому могъ-бы передать всѣ сокровища своего ума, найти душу, настолько сродственную, чтобъ она продолжала великую работу его вротевой, страдальческой жизни. Весь запасъ свѣтлыхъ иллюзій, обыкновенно отличающій чахоточнаго больного, былъ сосредоточенъ въ Мардохеѣ не на физическомъ выздоровленіи, а на этомъ пламенномъ стремленіи воскреснуть въ лицѣ другого, — стремленіи, возникшемъ изъ мрачнаго разочарованія и постепенно превратившемся въ надежду, въ увѣренность.

Постоянно изучая фізіономію людей съ одной неизмѣнной цѣлью, онъ, наконецъ, опредѣлилъ себѣ ясно, чего искалъ. Изслѣдуя тайныя причины неудачъ и преградъ, встрѣченныхъ имъ на своемъ пути, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что этотъ желанный идеальный человѣкъ долженъ былъ представлять совершенный съ нимъ контрастъ. Обладая всѣми элементами, необходимыми для сочувствія дѣлу Мардохея, таковой еврей, образованный, нравственно развитый, съ пламенной энергіей и живой восприимчивостью, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличаться красотой, силой, здоровьемъ, быть изящнымъ человѣкомъ, привыкшимъ къ свѣтскому обществу, одареннымъ живымъ краснорѣчіемъ и свободнымъ отъ всѣхъ дразгъ нищеты. Ему слѣдовало доказать въ-очію, что блескъ и величіе были доступны евреямъ, а не оплакивать судьбу своего народа среди нищеты и физическаго безсилія, съ отличительной печатью отверженной расы на лицѣ. Составивъ въ своемъ умѣ идеальнѣе отыскиваемого человѣка, Мардохей часто бродилъ по картиннымъ галереямъ, англійскимъ и заграничнымъ, стараясь поддержать въ себѣ дорогой образъ благороднѣйшими и возвышеннѣйшими типами человѣческой красоты, доступной и еврейской расѣ. Но эти прогулки всегда оканчивались мрачнымъ разочарованіемъ, потому что очень мало знаменитыхъ картинъ, на которыхъ изображено юное, кра-

сивое, величественное лицо, мыслящее, но не пассивное, а способное на геройские подвиги. Однакожь онъ не увывалъ и вѣрилъ, что мечты его души были слишкомъ возвышенны и жизненны, чтобъ онъ не нашли достойнаго воплощенія, и чѣмъ это другое, прекрасное, могучее я принимало въ его глазахъ болѣе опредѣленныя формы, тѣмъ пламеннѣе любилъ онъ это невѣдомое, дорогое существо. Сосредоточивая всѣ свои мысли на одномъ предметѣ, Мардохей, наконецъ, дошелъ до того, что въ области его фантази этотъ идеальный юноша всегда представлялся медленно приближающимся къ нему изъ голубой дали, озаренной золотистыми лучами восходящаго или заходящаго солнца. Что именно блаженная сцена встрѣчи рисовалась ему такъ, а не иначе, объяснялось тѣмъ, что онъ болѣе всего любилъ смотрѣть съ одного изъ лондонскихъ мостовъ на восходъ или закатъ солнца, нѣжно отражавшійся въ зеркальной поверхности рѣки.

Въ послѣднее время жажда воплотить въ другомъ существѣ свою идеальную жизнь становилась все тревожнѣе и пламеннѣе, по мѣрѣ того, какъ ясенѣе приближалась минута физической смерти. Поэтому, не теряя своей увѣренности въ конечномъ появленіи идеальнаго юноши, Мардохей дѣлалъ и самыя скромныя попытки оставить послѣ себя хоть какой-нибудь слѣдъ своей умственной работы. Уже около двухъ лѣтъ онъ жилъ у Эздры Когана, подъ кровомъ котораго всѣ добродушно смотрѣли на него, какъ на странную смѣсь работника, учителя, вдохновеннаго идіота, несчастнаго предмета благотворительности, набожнаго челоуѣка и опаснаго еретика. По мѣрѣ того, какъ сынъ Когана Іаковъ подросталъ и выказывалъ раннія способности къ ловкимъ комерческимъ сдѣлкамъ, Мардохей началъ его учить, и, видя привязанность къ себѣ ребенка, возмѣлъ намѣреніе сдѣлать его механическимъ орудіемъ передачи другому поколѣнію своихъ возвышенныхъ идей, которыя онъ никогда не передавалъ даже намеками его практическимъ родителямъ. Послѣ каждаго урока англійской грамоты и арифметики онъ заставлялъ ребенка учить наизусть еврейскую поэму, въ которой онъ еще юношей излилъ всѣ пламенные стремленія своей души.

„Эти слова запечатлѣются въ умѣ ребенка, думалъ онъ;—это своего рода книгопечатаніе. Можетъ быть, настанетъ день, когда

онъ пойметъ смыслъ заученныхъ словъ и будетъ руководствоваться ими. Такъ бываетъ и съ цѣлыми народами“.

Маленькому Іакову чрезвычайно нравилось повторять непонятные звуки, произносимые Мардохеемъ съ пламеннымъ жаромъ, и онъ тѣмъ болѣе любилъ эту игру, что потомъ грозными тирадами ново-еврейской поэзіи запугивалъ до слезъ своихъ маленькиихъ сестеръ и обращалъ въ бѣгство громаднаго кота. Конечно, иногда, повторяя вдохновенныя строфы вслѣдъ за своимъ учителемъ, онъ вдругъ дѣлалъ уморительныя гримасы, кувыркался или схватывалъ за носъ Мардохея. Но послѣдній все терпѣливо переносилъ и продолжалъ свои странные уроки, пока одно неожиданное обстоятельство не положило имъ конецъ. Іаковъ какъ-то случайно увидалъ на улицѣ бродячихъ гимнастовъ и его дѣтское воображеніе всецѣло занялось подражаніемъ ихъ головоломнымъ упражненіямъ. Поэтому неудивительно, что Мардохей, декламируя однажды новый отрывокъ изъ своей поэмы и взглянувъ на Іакова, который пересталъ вдругъ повторять слова, увидѣлъ, къ своему ужасу, что мальчикъ стоялъ на головѣ и старался языкомъ поднять съ полу мѣдную монету. Какъ ни привыкъ Мардохей къ страннымъ забавамъ ребенка, но эта непонятная выходка показалась ему дьявольской насмѣшкой надъ его энтузіазмомъ, какъ нарочно въ эту минуту вылившимся въ пламенной поэтической молитвѣ.

— Дитя, дитя! воскликнулъ онъ страшнымъ голосомъ и, закрывъ глаза, откинулся въ изнеможеніи на спинку кресла.

— Что? спросилъ испуганный Іаковъ, быстро подбѣгая къ нему, и, не получивъ отвѣта, началъ съ безпокойствомъ теревить его за руку.

Мардохей открылъ глаза; они дико и злобно блестя.

— Дитя! произнесъ онъ глухимъ шопотомъ и схватилъ ребенка за плечи, — твое поколѣніе проклято. Вы превратите золотыя крылья ангеловъ въ деньги и въ дорогія кольца для презрѣнныхъ женщинъ. Вы переименуете свое имя, но ангелъ возмездія съ огненнымъ мечомъ васъ признаетъ и сердца ваши будутъ мрачными мотыльками для мертвыхъ желаній, которыя превратятъ вашу жизнь въ мерзость запустѣнія.

Эта грозная, хотя непонятная для ребенка рѣчь, такъ перепугала его, что онъ горько заплакалъ. Видя дѣтскія слезы, Мар-

дохей тотчасъ пришелъ въ себя и молча прижалъ къ своей груди голову мальчика, который вскорѣ успокоился.

Однако, эта сцена очень подѣйствовала на пламеннаго энтузіаста, который, несмотря на свою увлекающуюся натуру, отличался трезвымъ умомъ и постоянно упрекалъ себя за ложно направленную энергію. Въ подобномъ-то настроеніи, онъ впервые увидалъ Деронду въ книжной лавкѣ. Лицо и вся фигура молодого человѣка поразили его необычайнымъ сходствомъ съ идеаломъ, который онъ носилъ въ своемъ сердцѣ. Тѣмъ большее отчаяніе почувствовалъ онъ, когда Деронда сказалъ, что онъ не еврей. Неужели великой надеждѣ, безусловной увѣренности Мардохея предстояло такое-же разочарованіе? Но когда онъ увидалъ въ тотъ-же день Деронду за столомъ у Когановъ, то отрицаніе имъ еврейскаго происхожденія потеряло для Мардохея всякое значеніе и первое впечатлѣніе воскресло съ новой силой. Это второе свиданіе, при еще болѣе странной обстановкѣ, казалось, вполне ручалось за осуществленіе его надеждъ; спрашивая, знаетъ-ли незнакомецъ еврейскій языкъ, онъ совершенно забылъ объ отсутствіи въ немъ другихъ необходимыхъ условій для его идеала. Но рѣшительное „нѣтъ“ вновь повергло Мардохея въ самое мрачное и уже безнадежное отчаяніе.

Первые дни послѣ неожиданной встрѣчи съ Дерондой были чрезвычайно тяжелы для Мардохея; онъ теперь походилъ на матросовъ погибающаго въ морѣ корабля, которые, съ радостью замѣтивъ на горизонтѣ парусъ, видятъ съ ужасомъ, что онъ не движется, и повторяютъ мрачно: „это намъ только мерещится“. Но все-же дорогой, желанный образъ воплотился въ дѣйствительную, живую форму; плодъ теоретическихъ идей осуществился практически. Естественно, что этотъ образъ уже не выходилъ изъ духовнаго кругозора энтузіаста и ему казалось, что лицо Деронды всегда принадлежало столь пламенно ожидаемому другу и помощнику. Мало-по-малу разочарованіе и отчаяніе уступили мѣсто упорному сопротивленію всѣмъ доказательствамъ неосуществимости его надеждъ. Теперь онъ постоянно видѣлъ Деронду, во снѣ и на яву, въ лучезарномъ свѣтѣ рождающагося дня.

Мардохей зналъ, что незнакомецъ придетъ для выкупа своего перстня, и желаніе снова его увидать перешло съ теченіемъ времени въ увѣренность, что онъ непременно его увидитъ. Такииъ

образомъ, весь январь прошелъ для Мардохея въ томъ нервномъ волненіи, когда впечатлительные люди не могутъ взяться ни за какое серьезное дѣло, ежеминутно ожидая переменъ своей судьбы. Онъ не могъ продолжать учить Иакова еврейской поэзіи, не могъ посѣщать и маленькаго клуба, гдѣ онъ также старался проводить свои идеи. Одного только просила его душа въ эти дни напряженнаго ожиданія — мирнаго, поэтическаго зрѣлища рѣки при пурпурныхъ лучахъ заходящаго солнца, нѣжно отражавшихся въ водѣ, которая какъ-будто дышетъ жизнью, могущей превратить горе въ радость и утѣшніе.

ГЛАВА XL.

Выйдя изъ маленькаго домика въ Чельси, Деронда находился въ такомъ напряженномъ настроеніи, что желалъ какии-нибудь физическимъ трудомъ успокоить свои нервы. Поэтому, проходя мимо чельсійской пристани, онъ взялъ лодку и принялся съ жаромъ грести. Онъ отправился въ Сити, въ книжную лавку Рама, гдѣ надѣялся увидѣть Мардохея, съ которымъ хотѣлъ поближе познакомиться прежде выкупа перстня. Естественно думая о тѣхъ свѣденіяхъ насчетъ семейства Коганъ, которыя намѣревался собрать у чахоточнаго еврея, онъ мало-по-малу сосредоточилъ свои мысли на этой странной личности, до сихъ поръ казавшейся ему только орудіемъ къ достиженію своей цѣли. Точно такъ вербовщикъ никогда не помышляетъ о мрачныхъ драмахъ, которыя побуждаютъ рекрутовъ стекаться къ нему.

„Вѣроятно, получивъ отъ него необходимыя свѣденія, думалъ Деронда, — я не стану добиваться узнать его исторію или какія надежды возбудилъ я въ немъ. Весь мой интересъ къ нему, конечно, тотчасъ пропадетъ, хотя, быть можетъ, мы походимъ на два корабля, встрѣчающіеся на морѣ, на палубѣ которыхъ найдутся два изгнанника, непрѣнно узнавшіе-бы другъ друга, если-бы только они увидались. Правда, мало вѣроятія, что существуетъ близкая связь между мною и этимъ чахоточнымъ человѣкомъ.“

Занятый подобными мыслями, Деронда гребъ изо всей силы и вскорѣ приблизился къ Блекфрайерскому мосту, гдѣ онъ хотѣлъ выйти. Было четыре часа и сѣренькій день медленно умиралъ

среди пурпурнаго блеска заходящаго солнца. Деронда утомился отъ тяжелой гребли и, передавъ весла яличнику, надѣлъ пальто. Застегивая верхнюю пуговицу, онъ поднялъ голову и неожиданно увидалъ Мардохея, пристально смотрѣвшаго на него съ моста. Лицо его, рельефно выступавшее на лучезарномъ фонѣ неба, представляло поразительное сочетаніе физической слабости и духовной энергіи. Стоя по обыкновенію на мосту и устремивъ свои взоры вдаль, Мардохей уже давно замѣтилъ приближавшуюся лодку и не сводилъ съ нея глазъ съ какимъ-то нервнымъ предчувствіемъ; наконецъ, сидѣвшій въ лодкѣ поднялъ голову и онъ увидалъ его лицо, лицо желаннаго, идеальнаго друга. Между тѣмъ Деронда, боясь, что Мардохей его не признаетъ, сталъ поспѣшно махать ему рукой. Мардохей торжественно снялъ шляпу; онъ чувствовалъ, что его внутреннее пророчество исполнилось. Преграды, затрудненія, несоотвѣтствіе условій,—все въ его глазахъ исчезло, и сердце энтузіаста преисполнилось радостью, точно цѣль всей его жизни была окончательно достигнута. Желанный, давно ожидаемый другъ явился среди лучезарнаго, солнечнаго сіянія и манялъ его къ себѣ; это случилось—случится и остальное.

Черезъ нѣсколько минутъ Деронда вышелъ на берегъ и подошелъ къ Мардохею, который стоялъ неподвижно все на томъ-же мѣстѣ.

— Я очень радъ, что васъ вижу, сказалъ Деронда; — я отправлялся къ вамъ, въ книжную лавку. Вы знаете, что я былъ у васъ вчера?

— Да, отвѣчалъ Мардохей съ какой-то таинственной торжественностью, — поэтому я и пришелъ на мостъ.

— Но вы не знали, что я былъ въ Чельси? произнесъ Деронда, невольно вспомнившій намекъ Когана на сумасшествіе Мардохея.

— Нѣтъ, но я ожидалъ увидать васъ на рѣкѣ. Я жду васъ здѣсь уже пять лѣтъ.

Впалые глаза Мардохея съ глубокой любовью смотрѣли на Деронду, который глубоко былъ тронутъ этой патетической нѣжностью незнакомаго ему человѣка, хотя и объяснялъ ее иллюзіей.

— Я буду очень радъ, если могу быть вамъ полезенъ, отвѣчалъ онъ искренно; — но вы, вѣрно, устали, поѣдьте въ кабъ, куда вы желаете.

— Поѣдѣте въ книжную лавку, мнѣ уже пора; но посмотрите прежде на рѣку, сказалъ Мардохей, повертываясь и говоря въ полголоса, — посмотрите, какъ лучезарный свѣтъ медленно умираетъ. Въ дѣтствѣ я уже любилъ этотъ мостъ. Когда у меня еще были силы, я ставалъ здѣсь всегда до появленія звѣздъ на мрачномъ небѣ, но закатъ солнца былъ мнѣ всего болѣе по душѣ. Закатъ солнца такъ походитъ на мою жизнь: она тихо, медленно меркнетъ и мои силы медленно исчезаютъ. Я все ждалъ на этомъ мосту и, наконецъ, мой любимый закатъ солнца принесъ мнѣ новую жизнь, новое я, которое будетъ жить, когда отъ меня останется только одинъ прахъ земной...

Деронда ничего не отвѣчалъ. Мардохей произвелъ на него поразительное впечатлѣніе. Первая мысль, что онъ подверженъ галлюцинаціямъ, теперь разсѣялась; натура Деронды была широкая и способная признавать существованіе невѣдомыхъ для него міровъ, онъ не могъ сразу назвать съумасшедшимъ всякаго искренно убѣжденнаго человѣка. Кромѣ того, онъ привыкъ сочувственно отзываться ко всякому, кто обращался къ нему за помощью, а это обращеніе со стороны Мардохея еще было окружено таинственнымъ, торжественнымъ ореоломъ.

— Поѣдѣте, сказалъ Мардохей послѣ продолжительнаго молчанія; — мы можемъ выйти изъ каба въ началѣ улицы и подойти къ лавкѣ пѣшкомъ. Рамъ вскорѣ уйдетъ и оставитъ насъ однихъ, а пока вы посмотрите книги.

Повидимому, этотъ энтузіастъ былъ такъ-же остороженъ и обращалъ такое-же вниманіе на мнѣніе другихъ, какъ противоположный полюсъ энтузіаста — практическій человѣкъ.

По дорогѣ Деронда, хотя и думалъ по-прежнему о Мирѣ и ея пропавшихъ родственникахъ, но чувствовалъ, что не онъ будетъ задавать вопросы Мардохею, а послѣдній станетъ руководить ихъ разговоромъ. Въ умѣ его произошла реакція и онъ говорилъ себѣ: „я становлюсь суевѣренъ и жду судьбы, которая могла-бы объяснить темныя слова оракула. Должно быть, есть какое-нибудь сродство между нами, если онъ такъ сильно чувствуетъ нашу взаимную связь. Но можетъ-ли быть болѣе сродства вѣры, хотя-бы заблуждающейся, и надежды, хотя-бы постоянно разочаровывающейся! Какъ-бы то ни было, если только возможно, я его не разочарую“.

Черезъ десять минутъ они, съ внутренней дрожью, точно влюбленные, очутились наединѣ въ маленькой, освѣщенной газомъ книжной лавкѣ. Мардохей прислонился спиною къ конторкѣ, а Деронда сталъ противъ него въ трехъ шагахъ. Какъ-бы я желалъ увѣковѣчить эти два лица, какъ Тиціанъ въ „Платежѣ дани“ увѣковѣчилъ два другіе типа! Представьте себѣ тридцатилѣтнее, энергичное еврейское лицо съ трагическимъ отпечаткомъ чахотки въ блестящихъ глазахъ, желтоватой блѣдности, заостренныхъ чертахъ, окаймленныхъ черными волосами и бородой, прибавьте къ пламенному чахоточному лицу полный любви и нѣжности взглядъ умирающей матери, съ радостью говорящей своему единственному сыну: „дита мое“. Вотъ портретъ Мардохея. Теперь посмотрите на другое лицо, не болѣе восточное, чѣмъ многіе типы такъ-называемыхъ латинскихъ расъ, сіяющее молодостью, здоровьемъ и мощнымъ, мужественно-спокойнымъ взглядомъ.

Лучшее качество Деронды, утонченная симпатія къ ближнимъ, никогда не подвергалось такому тяжелому испытанію, какъ въ эту минуту. Онъ, конечно, не былъ увѣренъ, какъ Мардохей, въ сродствѣ между ними, но чувствовалъ глубокую симпатію къ воплю о помощи, вырвавшемуся изъ глубины человѣческой души, и готовность къ воспринятію безъ всякихъ предразсудковъ идей Мардохея; эта способность къ воспринятію — столь-же рѣдкая и могучая сила, какъ мужество; она придавала лицу Деронды такое спокойное, кроткое и добродушное выраженіе, что довѣріе Мардохея къ нему еще болѣе усилилось.

— Вы не знаете, что привело меня сюда и соединило насъ, сказалъ онъ, наконецъ, спокойно, какъ-бы приберегая силы;—но вы видите, что я умираю, что день быстро клонится въ вечеру, что свѣтъ меркнетъ. Вы пришли во-время.

— Я очень радъ, что пришелъ во-время, отвѣчалъ съ чувствомъ Деронда.

— Все это видимыя причины, почему я въ васъ нуждаюсь, продолжалъ Мардохей; — но тайныя причины относятся къ давнему времени моей юности, когда я учился въ другой странѣ. Тогда мои идеи, возлюбленные идеи, были ниспосланы мнѣ свыше, какъ еврею, и я почувствовалъ, что въ сердцѣ моемъ бьется сердце всей еврейской расы. Но вы, можетъ быть, меня принимаете за невѣжественнаго мечтателя, повторяющаго старинныя

идеи, не зная даже, что онъ старинныя, за человѣка, никогда неприкасавагося къ великому источнику человѣческаго знанія? Нѣтъ, Англія только родина моего брэннаго тѣла, но моя настоящая жизнь началась въ Голандіи, у ногъ брата моей матери, ученаго равина. Послѣ его смерти я учился въ Гамбургѣ и Геттингенѣ, усвоивая болѣе широкій взглядъ на мой народъ и знакомясь со всѣми отраслями науки. Я былъ молодъ, свободенъ и не зналъ бѣдности, потому что съ дѣтства научился ремеслу. Я посѣтилъ всѣ главнѣйшіе наши центры въ Германіи и ясно сознавалъ свою цѣль въ жизни. Про меня говорили: „онъ питается мечтами“, и я не спорилъ, потому что мечты созидаютъ и питаютъ міръ. Моя душа жила среди людей, воскресившихъ въ средніе вѣка древній нашъ языкъ и соединившихъ философію язычниковъ съ вѣрою нашихъ отцовъ. Она витала въ Испаніи и Провансѣ, вступала въ ученые споры съ Эбнъ-Эздрой, внимала воинственнымъ кликамъ крестоносцевъ и воплю преслѣдуемаго израиля. А когда безмолвный языкъ моей души заговорилъ, то полилась та древняя рѣчь, которую они оживили своею кровью, страданіями и пламеннымъ стремленіемъ найти снова центръ для своей расы.

— Вы писали исключительно на еврейскомъ языкѣ? спросилъ Деронда.

— Да, отвѣчалъ Мардохей печально; — въ юности я углубился въ эту одинокую пустыню, не чувствуя, что она пустыня. Вокругъ меня были рады великихъ мертвецовъ и они меня слушали. Но вскорѣ я увидѣлъ, что живые отворачиваются отъ меня; я обращался съ своею рѣчью къ вліятельнымъ, знатнымъ и богатымъ евреямъ, но никто не хотѣлъ меня слушать. Меня упрекали въ ереси. Я говорилъ, что наши высшіе наставники совращаютъ насъ съ истиннаго пути, а мнѣ отвѣчали: „не вамъ ихъ учить“. Правда, я былъ тогда уже бѣденъ, удрученъ семейными заботами и являлся къ богатымъ въ нищенской одеждѣ, съ связкой еврейскихъ рукописей.

— Но хотя вы привыкли писать постоянно по-еврейски, вы прекрасно владѣете англійскимъ языкомъ, замѣтилъ Деронда.

— Теперь ужъ слишкомъ поздно, отвѣчалъ Мардохей, качая головой; — я не могу болѣе писать. Мои произведенія походили-бы теперь на мое умирающее тѣло, и какъ-бы ни дышала въ нихъ

божественная мысль, люди стали-бы смѣяться надъ бѣднымъ евреемъ, и больше всѣхъ мои соотечественники.

Говоря это, Мардохей опустилъ голову и впалъ въ мрачное отчаяніе, какъ-бы забывъ, что надежда его не совсѣмъ еще покинула.

— Я вполне вамъ сочувствую, произнесъ Деронда нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ; — но то, что вы написали, не можетъ пропасть. Положитесь на меня: я доставлю вамъ средства къ печатанію вашего труда.

— Этого мало, поспѣшно отвѣчалъ Мардохей, поднимая голову и говоря съ прежней энергіей; — вы должны быть не только моею правой рукой, но моею второй душой, второй жизнью. Вы должны имѣть мою вѣру, мои надежды. Вы примете изъ моихъ рукъ великое наслѣдіе евреевъ.

Произнося послѣднія слова, Мардохей положилъ руки на плечи Деронды и его лицо сіяло пламеннымъ торжествомъ. Деронда поблѣднѣлъ; ему было страшно разочаровать этого умирающаго энтузіаста, а въ то-же время онъ не могъ поддерживать его иллюзію, зная, что въ концѣ-концовъ онъ не оправдаетъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Инстинктивно онъ положилъ свою руку на руку Мардохея и произнесъ тихо, какъ-бы не вполне увѣренный въ то, что говорилъ:

— Развѣ вы забыли, что я вамъ сказалъ въ наше первое свиданіе? Развѣ вы забыли, что я не принадлежу къ вашей расѣ?

— Не можетъ быть, отвѣчалъ Мардохей шопотомъ, и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ, вполне увѣренный въ своемъ тайномъ средствѣ съ Дерондой: — вы не знаете вашего происхожденія.

— Почему вамъ это извѣстно? спросилъ Деронда, отнимая руку.

— Я знаю, я знаю, воскликнулъ Мардохей съ нетерпѣніемъ; — скажите мнѣ все. Почему вы отрицаете, что вы еврей?

Онъ не подозрѣвалъ, что его вопросъ затрогивалъ самую чувствительную струну въ сердцѣ Деронды, что неизвѣстность насчетъ его происхожденія, которая темеръ была единственной надеждой Мардохея, представляла источникъ страданій для Даниѣля, который съ юности опасался узнать что-либо роковое о своей, не-

извѣстной ему матери. Но въ эту минуту онъ ощущалъ какое-то новое, странное волненіе; онъ боялся не исполнить своего долга въ отношеніи несчастнаго умирающаго человѣка, который обращался къ нему съ жгучей мольбой. Послѣ минутнаго молчанія онъ произнесъ съ большимъ усиленіемъ и дрожащимъ голосомъ:

— Я никогда не видалъ моей матери и не знаю, кто она. Я никого не называлъ отцомъ, хотя убѣжденъ, что мой отецъ—англичанинъ.

— Все откроется, все узнается, торжественно произнесъ Мардохей; — я васъ нашель. Это случилось, случится и все остальное.

— Мы не должны терять изъ вида, что внѣшнія событія не всегда осуществляютъ наши пламенные надежды, отвѣчалъ Деронда.

— Вы хотите сказать, что я поддаюсь иллюзіямъ, вы хотите напомнить мнѣ, что исторія нашего народа полна иллюзій, произнесъ Мардохей, сіяющее лицо котораго нѣсколько отуманилось, но не потеряло выраженія упорной энергіи;—я все это знаю; но моя надежда можетъ исчезнуть только тогда, если вы сдѣлаете ее иллюзіей, а этого вы никогда не сдѣлаете.

— Мое происхожденіе не зависитъ отъ меня, отвѣчалъ Деронда, чувствуя, что онъ долженъ быть твердъ въ эту критическую минуту;—и я не могу обѣщать вамъ, что буду стараться раскрыть эту тайну. Чувства, пустившія корни въ моей душѣ въ продолженіи полужизни, могутъ помѣшать мнѣ сдѣлать то, на что я не рѣшался до сихъ поръ. Надо ждать, пока я узнаю тайну своей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ необходимо ближе познакомиться съ той судьбой, которую вы мнѣ предназначаете.

— Вы все узнаете. Мы для того и встрѣтились. Вы сомнѣваетесь во мнѣ, но ваше сомнѣніе ничто для меня. Я знаю всѣ системы философіи, новыя и старыя, и могъ-бы доказать справедливость своей теоріи передъ судомъ ихъ всѣхъ.

Въ этихъ словахъ звучала уже не горячая мольба о помощи, а сознательная, повелительная сила, и Деронда, здоровенный, мощный юноша, отличавшійся умственной самостоятельностью и склонностью къ строгой критикѣ, инстинктивно чувствовалъ, что нахо-

дился подъ вліяніемъ этого болѣзненнаго человѣка, который съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Я готовъ, на-сколько возможно, удовлетворить вашимъ желаніямъ, отвѣчалъ онъ, — и нисколько не умаляю значенія вашихъ трудовъ и страданій. Познакомьте меня съ вашими идеями.

Въ эту минуту въ книжную лавку вошелъ Рамъ и Мардохей съ Дерондой отправились молча въ жилищу Когана.

— Моя комната слишкомъ мала; намъ слѣдовало-бы встрѣчаться въ другомъ мѣстѣ, сказалъ Мардохей. — Здѣсь по близости есть таверна „Рука и Знамя“, въ которой собирается маленькій клубъ, гдѣ я членомъ. Мы можемъ занять тамъ для нашей бесѣды особую комнату.

— Хорошо, можно и тамъ встрѣчаться, отвѣчалъ Деронда;— но, быть можетъ, вы мнѣ позволите прискаты вамъ другую, болѣе удобную квартиру?

— Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно. Я ничего не приму отъ васъ, кромѣ братства вашей души. Но я очень радъ, что вы богаты.

— Я не богатъ, но не нуждаюсь ни въ чемъ.

— Я желалъ, чтобъ ваша жизнь была свободна отъ заботъ, сказалъ Мардохей;—моя была постояннымъ вавилонскимъ плѣненіемъ.

Подходя къ лавкѣ Когана, Деронда вдругъ вспомнилъ о цѣли своего посѣщенія Мардохея и неожиданно спросилъ:

— Можете вы мнѣ сказать, почему съ матерью Когана нельзя говорить объ ея дочери?

Мардохей долго не отвѣчалъ, какъ-бы съ усиліемъ сосредоточивая свои мысли на новомъ предметѣ.

— Я знаю почему, отвѣтилъ онъ, наконецъ,—но я не скажу ни слова объ ихъ семейныхъ дѣлахъ. Я живу у нихъ, и все, что слышу, останется тайной. Ихъ исторія, на-сколько она никому не вредитъ, составляетъ ихъ неотъемлемую собственность.

Деронда покраснѣлъ отъ этого непривычнаго для него упрека и былъ очень разочарованъ неудачей своихъ поисковъ; но хотя у него были въ карманѣ деньги для выкупа перстня, Коганы потеряли въ его глазахъ всякій интересъ и ему не хотѣлось къ нимъ войти. Поэтому онъ на улицѣ про-

стился съ Мардохеемъ, общаая въ субботу или въ понедѣльникъ вечеромъ зайти за нихъ.

— Помните, что вся моя надежда на васъ, произнесъ Мардохей, — и что каждый день — цѣлая вѣчность для моихъ увядающихъ силъ.

— Я сдержу свое слово, отвѣчала Деронда и протянула руку.

Мардохей крѣпко ее пожалъ и съ прежней энергіей произнесъ:

— Все это случилось, случится и остальное.

На этомъ они разстались.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ОТКРЫТІЕ ТАЙНЫ.

ГЛАВА ХЛІ.

Представьте себѣ борьбу, возбужденную свиданіемъ съ Мардохеемъ въ умѣ Деронды, не только впечатлительномъ, но и привыкшемъ подвергать строгой критикѣ всякій представлявшійся ему вопросъ. Даже самому холодному, прозаическому человѣку Мардохей и его странная рѣчь показались-бы явленіемъ необыкновеннымъ, а Деронда былъ такъ глубоко взволнованъ, что, при обычной въ немъ умственной реакціи, онъ началъ сознательно обсуждать причины своего волненія и средства противостоятъ ему, такъ-какъ его очень пугало могучее вліяніе энергичной вѣры въ него Мардохея. Конечно, онъ нисколько не стыдился, что на него вліялъ бѣдный еврей, хотя это противорѣчило всѣмъ понятіямъ современнаго общества. но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ, чтобы состраданіе къ восторженному энтузіасту и сочувствіе къ нему увлекло его сердце безъ согласія разума по неизвѣстному, темному пути. Здравый разумъ ясно говорилъ, что ничего не случилось необыкновеннаго, что чахоточный еврей былъ просто фанатикъ, который въ Дерондѣ случайно встрѣтилъ олицетвореніе своихъ мечтаній.

Фанатизмъ не такъ часто встрѣчается въ наши дни, какъ банкротство, но все-же можно безошибочно сказать, что въ ту минуту, когда Мардохей ждалъ на мосту осуществленія своихъ грезъ, десятки другихъ энтузіастовъ находили влючъ къ познанію физической и нравственной природы. Безъ всякаго сомнѣнія, слѣдовало на-сколько возможно его успокоить и утѣшить, но въ его идеяхъ не могло быть ничего серьезнаго. Вотъ что сказалъ-бы практическій человекъ вродѣ сэра Гюго; Деронда тоже повторялъ себѣ эти трезвые доводы, но въ то-же время чувствовалъ, что представлявшаяся его разрѣшенію задача касалась вѣчнаго вопроса о родствѣ великихъ благодѣтелей человѣчества и возвышенныхъ мыслителей съ изобрѣтателями квадратуры круга и безумными мечтателями. Сдѣлайте отвлеченный выводъ о главныхъ способностяхъ и усиліяхъ величайшаго изъ людей и вамъ придется отнести его къ очень сомнительному ряду увлекающихся идеалистовъ; Коперникъ и Галилей были непреклонно убѣждены въ правотѣ своей идеи, но изобрѣтатель *regretium mobile* убѣжденъ въ своемъ открытіи столь-же непреклонно. Такое мѣрило непригодно для человѣческаго ума, и если мы хотимъ избавить себя отъ ложныхъ и несправедливыхъ приговоровъ остракизма, то должны изслѣдовать основательно и сочувственно тотъ предметъ, который возбуждаетъ въ энтузіастѣ непреклонное убѣжденіе. Нельзя сказать: „Пусть послѣдующіе вѣка судятъ о достоинствѣ великихъ умовъ“. Мы — первое звено послѣдующихъ вѣковъ, и ихъ сужденіе только можетъ быть справедливо, если справедливо сужденіе каждой единицы, входящей въ ихъ составъ. Безъ этого условія паровая машина была-бы похоронена въ умѣ Уата.

Этотъ взглядъ былъ свойственъ Дерондѣ по его природѣ и не дозволялъ-бы ему презрительно отнестись къ Мардохею, если-бъ даже послѣдній не заявилъ на него особыхъ требованій, столь взволновавшихъ впечатлительнаго молодого человека. Въ чемъ-же состояли эти требованія? Онъ долженъ былъ всецѣло принять идеи, вѣру и надежды Мардохея. Конечно, рационально говоря, трудно было вообразить болѣе чудовищныя, нелѣпыя грезы, основанныя на невѣроятной, бездоказательной гипотезѣ, что Деронда былъ еврей. Но самъ Деронда съ тринадцати лѣтъ соединялъ самыя пламенные стремленія своего сердца на бездоказательной гипотезѣ, что сэръ Гюго его отецъ. Онъ привыкъ сдерживать свои чувства

и руководить ихъ этой гипотезой, а подобное состояніе нравственной неизвѣстности даже имѣло для него своеобразную прелесть. Естественно, что Деронда задавалъ себѣ теперь одинъ вопросъ за другимъ. А если дѣйствительно идеи Мардохея могутъ овладѣть его умомъ? Если ему суждено заимствовать у Мардохея тотъ идеалъ человѣческаго долга, къ которому его душа смутно стремилась? Конечно, это предположеніе было очень невѣроятно, но, по своему строю ума, Деронда невольно отстаивалъ возможность подобной гипотезы. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что Мардохей былъ еврей, бѣдный работникъ и мечтательный энтузіастъ, не могло удержать Деронду отъ воспринятія его идей.

— Я презираю тѣхъ слѣпцовъ, которые отвернулись отъ Колумба, говорилъ онъ самъ себѣ; — не могу-же я отвернуться отъ этого еврея и признать немислимымъ всякое духовное съ нимъ сродство только потому, что онъ облакаетъ его въ фантастичныя формы. Наши взаимныя отношенія конечно, не зависятъ отъ его убѣжденія, что насъ сблизило какое-то таинственное сродство. Для меня наше знакомство очень просто и къ нему привела цѣпь совершенно реальныхъ фактовъ. Если-бъ я не встрѣтилъ Мирн, то, вѣроятно, не сталъ-бы интересоваться евреями и, конечно, не искалъ-бы Эдры Когана, а слѣдовательно, не остановился-бы передъ книжной лавкой Рама, гдѣ впервые увидѣлъ Мардохея. Съ своей-же стороны, онъ жаждалъ ученика и я случайно подошелъ подъ идеальный образъ, созданный его воображеніемъ. Онъ принялъ меня за еврея, но вѣдь то-же показалось и сѣдому старику во Франкфуртѣ. Весь вопросъ теперь для меня заключается въ томъ, что будетъ, если, несмотря на всѣ вѣроятія, его убѣжденіе окажется справедливымъ и я дѣйствительно усвою себѣ его идеи? А если результатъ нашей встрѣчи будетъ противоположный? Я тогда причину страшное разочарованіе Мардохею, и къ этому надо приготовиться. А если я не обману его надеждъ, то результатъ будетъ-ли менѣе горекъ для меня?

Деронда колебался дать опредѣлительный отвѣтъ на этотъ прямой вопросъ. Въ послѣднее время въ его сердцѣ возникли чувства, пошатнувшія то отвращеніе, которое прежде возбудила-бы въ немъ мысль, что онъ — еврей. Къ тому-же его романтическая натура видѣла чарующій интересъ въ предполагаемой возможности вступить на стезю баснословныхъ героевъ, отыскивающихъ свое

тайное наслѣдіе, тѣмъ болѣе, что эта стезя лежала столько-же въ области мысли, сколько и въ области энергичной дѣятельности. Но все-же онъ допускалъ только предполагаемую возможность такого результата и ничего болѣе. При этомъ увѣренность, что его отецъ никто иной, какъ сэръ Гюго, еще сильнѣе укоренилась въ немъ въ виду возникшихъ сомнѣній, и мысль, что когда-нибудь эта увѣренность можетъ оказаться иллюзіей, не возбуждала въ немъ никакого чувства удовольствія. Во всякомъ случаѣ, онъ повторялъ себѣ, какъ говорилъ Мардохею, что ничего не предприметъ для открытія роковой тайны. Онъ считалъ теперь эту неизвѣстность даже самымъ желаннымъ для себя положеніемъ. Если послѣдующія сношенія съ Мардохеемъ обнаружатъ, что его идеи только безумныя иллюзіи, то недостатокъ доказательствъ въ еврейскомъ происхожденіи Деронды спасетъ Мардохея отъ тяжелаго разочарованія въ его готовности продолжать святое дѣло. Съ другой стороны, эта неизвѣстность могла служить предлогомъ для принятія Мардохеемъ той матеріальной помощи, которую Деронда желалъ ему оказать.

Вотъ какія мысли наполняли голову Деронды въ тѣ четыре дня, которые прошли до исполненія его обѣщанія зайти за Мардохеемъ, чтобъ отправиться въ таверну „Рука и Знамя“.

ГЛАВА XLII.

„Если есть степени въ страданіяхъ, то израиль стоитъ во главѣ всѣхъ народовъ; если продолжительность горя и терпѣнія, съ которымъ оно переносится, облагораживаетъ человѣка, то евреи находятся въ рядахъ высшей аристократіи на свѣтѣ; если литературу называютъ богатой благодаря нѣсколькимъ классическимъ трагедіямъ, то что-же сказать о національной трагедіи, продолжающейся пятнадцать вѣковъ, и въ которой поэты и актеры въ то-же время герои?“

Деронда недавно прочелъ эти строки въ „Die Synagogale Poesie des Mittelalters“ Цунца и онъ невольно вспомнилъ о нихъ, отправляясь къ Коганамъ, которые, конечно, не представляли признаковъ аристократіи горя или какой-либо другой. Эзра Ко-

ганъ не отличался патетизмомъ мученика и его страсть къ наживѣ. повидимому, поощрялась успѣхомъ. Этотъ закладчикъ, безъ сомнѣнія, не былъ символомъ великой еврейской трагедіи и, однакожъ, не былъ-ли типичнымъ фактъ, что жизнь Мардохея, въ которой вылилось все національное сознание еврейскаго народа, гнѣздилась подь кровомъ невѣжественнаго, самодовольнаго благоденствія Когановъ?

Все семейство встрѣтило Деронду съ сіяющими лицами, но когда онъ спросилъ о Мардохеѣ, Коганъ отвѣчалъ:

— Право не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. У него всегда тутъ не хорошо, прибавилъ онъ, указывая на лобъ, — но онъ очень акуратенъ, работающъ и прекрасно занимается съ моимъ мальчикомъ. Въ послѣдніе-же дни онъ ходитъ какъ во снѣ или сидитъ какъ восковая фигура.

— Я позову Мардохея, если желаете? предложилъ маленькій Яковъ, но мать его перебила:

— Нѣтъ, отвори дверь въ мастерскую и джентльменъ самъ пройдетъ къ нему. Тихе, не шуми.

Мальчикъ неслышно отворилъ дверь и Деронда остановился на порогѣ. Маленькая комната была освѣщена свѣчкой съ зеленымъ абажуромъ и догорающимъ огнемъ въ каминѣ. На столѣ, придѣланномъ къ окну, валялось нѣсколько золотыхъ вещей, а въ углу виднѣлась груда книгъ. Мардохей сидѣлъ въ большомъ креслѣ, спиной къ двери, и, облокотившись на столъ, смотрѣлъ на часы, стоявшіе противъ него. Онъ находился въ нервномъ ожиданіи, какъ узникъ, прислушивающійся къ шагамъ тюремщика, который долженъ его освободить.

— Я пришелъ за вами, готовы-ли вы? сказалъ Деронда.

Мардохей мгновенно обернулся, схватилъ мѣховую шапку и молча послѣдовалъ за Дерондой.

— Вы забыли шарфъ и пальто, сказала молодая г-жа Коганъ и Мардохей вернулся за ними въ свою комнату.

Выйдя на улицу, Мардохей съ сожалѣніемъ сообщилъ Дерондѣ, что въ этотъ вечеръ въ тавернѣ „Рука и Знамя“ было собраніе ихъ клуба и потому комната очистится очень поздно.

— Пойдите въ клубъ, если меня впускать, отвѣчалъ Деронда. — Что это за собраніе?

— Клубъ философовъ. Намъ немного, какъ кедровъ ливан-

скихъ. Мы всё бѣдны, но иногда между нами появляются знатные люди. Каждый человѣкъ имѣетъ право провести гостя, интересующагося нашимъ предметомъ. За комнату мы не платимъ, но требуемъ пива и другихъ напитковъ. Я, когда могу, посѣщаю этотъ клубъ; тамъ бывають и другіе мои соотечественники. Эти бѣдные философы напоминають мнѣ великихъ наставниковъ, передавшихъ намъ идеи нашей расы и сохранившихъ душу израиля отъ совершеннаго уничтоженія.

— Я съ удовольствіемъ приму участіе въ вашемъ собраніи, произнесъ Деронда, который былъ въ сущности очень доволенъ, что отлагается его разговоръ съ Мардохеемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они открыли стеклянную дверь съ красною занавѣской и вошли въ небольшую комнату, освѣщенную газомъ, мерцавшимъ сквозь облако дыма. Семь человѣкъ различнаго возраста, отъ тридцати до пятидесяти лѣтъ, плохо одѣтые, съ глиняными трубками въ зубахъ, слушали съ сосредоточеннымъ вниманіемъ отрывокъ изъ „Прометея“ Шелли, который декламировалъ бѣлокурый толстякъ въ сѣромъ костюмѣ.

При входѣ Мардохея его всё привѣтствовали съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ состраданія и тотчасъ отвели ему самое покойное мѣсто у стола передъ каминомъ. Деронда, представленный Мардохеемъ, былъ также радушно принятъ и сѣлъ противъ своего друга. Окинувъ быстрымъ взглядомъ все общество, онъ тотчасъ замѣтилъ, что въ этой группѣ характеристическихъ фигуръ не преобладала чисто-англійская кровь (если ланцетъ можетъ представить ея образецъ). Миллеръ, бѣлокурый толстякъ, торговецъ старыми книгами, имѣлъ дѣда, называвшаго себя нѣмцемъ, и предковъ, отвергавшихъ, что они евреи; Буканъ, сѣдельникъ, былъ шотландецъ; Пошъ, часовщикъ, представлялъ типъ маленькаго, живого черно-волосаго еврея; Гедсонъ, оптикъ, принадлежалъ къ тѣмъ добродушнымъ, рыжимъ евреямъ, которыхъ принимаютъ за необыкновенно любезныхъ англичанъ; Крупъ, башмачникъ, вѣроятно, былъ кельтическаго происхожденія, хотя онъ самъ этого не зналъ. Только трое представляли неоспоримые признаки англійской расы: рѣзчикъ на деревѣ Гудвинъ съ открытымъ лицомъ и пріятнымъ голосомъ; ассистентъ химическаго лаборанта — Марабльсъ и блѣдный русый конторщикъ Лилли. Это общество избранныхъ представителей бѣднаго люда, соединившихся во имя знанія, что рѣдко слу-

чается и въ высшихъ классахъ, возбудило въ Дерондѣ большой интересъ. Смотри на своихъ неожиданныхъ собесѣдниковъ съ уваженіемъ, какъ на равныхъ себѣ, онъ потребовалъ воды съ коньякомъ и сталъ подчивать всѣхъ сигарами, которыя обыкновенно носилъ въ карманѣ болѣе для друзей, чѣмъ для себя. Хорошее впечатлѣніе, произведенное имъ на всѣхъ, немедленно выразилось тѣмъ, что пренія, на минуту пріостановленные, продолжались по-прежнему, точно никого не было посторонняго.

— Мы разсуждали о причинахъ социальныхъ переворотовъ, сказалъ Миллеръ, обращаясь къ Дерондѣ, — и я старался доказать, ссылаясь между прочимъ и на Шелли, что главная изъ этихъ причинъ — сила идей.

— Я съ вами несогласенъ, Миллеръ, возразилъ Гудвинъ; — или вы разумѣете подъ идеями слишкомъ много и тогда ваша мысль не ясна, или вы разумѣете извѣстный рядъ идей и тогда ваше понятіе о предметѣ слишкомъ узко. Всѣ дѣйствія, въ которыя человѣкъ влагаетъ мысль, — идеи; на примѣръ, сѣять зерно, строить лодку, обжигать кирпичи; всѣ эти идеи примѣняются къ жизни и развиваются вмѣстѣ съ нею, но онѣ не могутъ существовать безъ матеріала, дающаго имъ пищу. Свойства дерева и камня, поддающихся рѣзцу, возбуждаютъ идею о вааяніи. Подобныя идеи, соединяясь съ другими элементами жизни, пріобрѣтаютъ силу. Чѣмъ медленнѣе происходитъ это соединеніе, тѣмъ менѣе онѣ имѣютъ силы. Что же касается причинъ социальныхъ переворотовъ, то я полагаю, что идеи — нѣчто вродѣ парламента, внѣ котораго существуетъ народъ, и этотъ народъ работаетъ надъ социальными переворотами, не зная, что дѣлаетъ парламентъ.

— Но если вы принимаете ассимиляцію иѣриломъ силы, замѣтилъ Пошъ, — то часто самыя непрактичныя идеи принимаются всего быстрѣе.

— Онѣ, можетъ быть, дѣйствуютъ, измѣняя распредѣленіе газовъ, сказалъ Марабльсъ; — теперь инструменты стали такъ усовершенны, что вскорѣ люди начнутъ опредѣлять распространеніе идей по переиѣнамъ въ атмосферѣ и въ нашихъ нервахъ.

— Да, прибавилъ Пошъ саркастически; — вотъ, на примѣръ, идея національности. Дикіе ослы слышатъ ее въ воздухѣ и отличаются большимъ стаднымъ чувствомъ.

— Вы не признаете идеи національности? спросилъ Деронда,

невольно замѣчая странный контрастъ между словами Поша и его типичными чертами, прямо выдающими его расу.

— Скажите лучше, что онъ не знаетъ этого чувства, прибавилъ Мардохей, грустно смотря на Поша; — если національность не чувство, то она не можетъ имѣть и силы, какъ идея.

— Хорошо, Мардохей, отвѣчалъ добродушно Пошъ; — такъ-какъ чувство національности вымираетъ, то идея ея представляется призракомъ смерти.

— Чувство можетъ казаться умирающимъ и все-же воскреснуть, отвѣчалъ Деронда; — націи воскресали, и мы, можетъ быть, увидимъ восстановление могущества арабовъ, одушевляемыхъ нынѣ новой энергіей.

— Аминь, аминь! произнесъ Мардохей, смотря на Деронду сверкающими, радостными глазами.

— Это можетъ быть вѣрно для дикихъ народовъ, возразилъ Пошъ, — но у насъ, въ Европѣ, чувству національности суждено умереть. Оно немного еще продержится въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ деспотизмъ. Но вообще все теченіе прогресса противорѣчить идеѣ національности.

— Горе тому, кто не видитъ необходимости въ сопротивленіи при извѣстныхъ обстоятельствахъ, произнесъ Мардохей; — душа народа можетъ казаться умирающей отъ недостатка общаго движенія, но кто скажетъ: источникъ жизни въ этомъ народѣ иссякъ, онъ никогда болѣе не будетъ націей; такъ повелѣваетъ теченіе событій и я не стану сопротивляться! Эти слова, конечно, не произнесетъ человѣкъ, въ душѣ котораго откликается жизнь его народа. Его душа — источникъ сопротивленія и ядро пламени, которое можетъ, воспламенивъ души всѣхъ, проложить новый путь для послѣдующихъ событій.

— Я не отрицаю патріотизма, замѣтилъ Гедонъ, — но мы всѣ знаемъ, что вы, Мардохей, придаете ему особое значеніе. Конечно, вы знаете образъ мыслей Мардохея? прибавилъ онъ, обращаясь къ Дерондѣ. — Я рациональный еврей и стою за свой народъ по семейнымъ воспоминаніямъ. Я поддерживаю нашу вѣру рациональнымъ образомъ и не оправдываю соотечественниковъ, переиѣняющихъ религію, такъ-какъ не вѣрю въ обращеніе еврея. Теперь, когда мы достигли политической равноправности, нѣтъ и предлога къ подобному отступничеству. Но я желалъ-бы, чтобъ нашъ на-

родъ отдѣлялся отъ всего исключительнаго и суевѣрнаго. Нѣтъ никакого основанія намъ мало-по-малу не смѣшаться съ той націей, среди которой мы живемъ. Вотъ куда ведетъ насъ прогрессъ. Мнѣ, напримѣръ, все равно, женятся-ли мои сыновья на христіанкахъ или на еврейкахъ. Я стою за старую пословицу: „отечество человѣка тамъ, гдѣ ему хорошо“.

— Такую страну не легко найти, сказалъ съ улыбкой Пошъ;— къ тому-же вы получаете десятью шилингами въ недѣлю болѣе меня и у васъ вдвое менѣе дѣтей. Если-бъ кто-нибудь открылъ въ Іерусалимѣ хорошую торговлю часами, то я переѣхалъ-бы туда. Что вы на это скажете, Мардохей?

— Я скажу, отвѣчалъ Мардохей, какъ-бы не замѣчая всѣхъ намековъ на его любимую идею,— что пусть человѣкъ, презирающій своихъ братьевъ и ихъ наслѣдіе, остается вдали отъ нихъ. Я также рациональный еврей, но что значитъ быть рациональнымъ? Если рационально сказать: „я не знаю своихъ родителей и не хочу знать своихъ дѣтей“, то такъ-же рационально еврею объявить, что онъ не находитъ никакого различія между нимъ и язычникомъ, что онъ не дорожитъ пророческимъ сознаніемъ своей національности и не пожалѣетъ, если евреи исчезнутъ съ лица земли. Пусть еврей забудетъ все прошѣдшее своего народа, пусть смѣется надъ тѣмъ, что его народъ не составляетъ болѣе націи, — вѣдь главная забота еврея подражать богатому язычнику.

Произнеся эти слова, Мардохей замолчалъ и откинулся назадъ на спинку кресла.

— Мы удалились отъ вопроса о соціальныхъ переворотахъ, замѣтилъ Буканъ.

— Ничего, отвѣчалъ Миллеръ,— пусть сегодня будетъ еврейская ночь. Мы уже давно не обсуждали еврейскаго вопроса. Мы вѣдь всѣ философы, люди безъ предрасудковъ, и не менѣе любимъ нашихъ друзей Мардохея, Поша и Гедсона оттого, что они евреи; наконецъ, мы всѣ родня другъ другу по Адаму. Поэтому, не оскорбляя никого, я считаю себя вправѣ сказать, что въ моихъ глазахъ еврейскій народъ никогда не игралъ важной роли въ свѣтѣ. Конечно, въ старину ихъ безжалостно притѣсняли, и я вовсе не желаю, чтобъ кого-бы то ни было, бѣлаго, чернаго, желтаго или бураго брата подвергали тираніи, но я все-

же повторяю вмѣстѣ съ философами прошедшаго столѣтія, что евреи никогда не играли важной роли, какъ народъ, хотя и говорятъ, что они своимъ умомъ могутъ покорить весь міръ. Отчего же, спрошу я, они этого не сдѣлали до сихъ поръ?

— Отчего? отвѣчалъ Пошъ;—да по той-же причинѣ, по которой умнѣйшіе люди въ странѣ не попадаютъ въ парламентъ; оттого, что на свѣтѣ слишкомъ много дураковъ.

— Можетъ-ли нашъ народъ покорить весь міръ—вопросъ совершенно пустой, сказалъ Мардохей;—каждая нація имѣетъ свою работу, приносящую пользу всѣмъ. Но, какъ сказала Леви, израиль—сердце человѣчества.

— По крайней мѣрѣ, евреи не отстали ни отъ какой другой націи въ самохвалствѣ, и если они погибли, то не отъ излишней скромности, замѣтилъ Лилли.

— О! хвастаются одинаково всѣ націи, сказалъ Миллеръ.

— Какъ-бы то ни было, прибавилъ Лилли,—и какую пользу евреямъ ни принесли въ прошедшемъ, они народъ отпѣтый. Они представляютъ типъ упорной преданности къ мертвой старинѣ. Они могутъ выказывать хорошія способности, взявшись за либеральныя идеи, но какъ нація, для нихъ развитіе немислимо.

— Это неправда, отвѣчалъ Мардохей съ прежней энергіей;—покажите мнѣ другой народъ, для котораго религія, законъ и нравственная жизнь составляютъ одно, который сохранилъ и развилъ свое духовное наслѣдіе во время самыхъ жестокихъ преслѣдованій. Рассказываютъ про одного римлянина, что онъ спасъ свою рукопись, держа ее въ зубахъ, въ то время, какъ переплывалъ черезъ рѣку. Нашъ народъ совершилъ гораздо больший подвигъ. Онъ геройски защищалъ свое мѣсто среди націй; когда у него отрубили руку, онъ схватился зубами за свою землю, но видя, что соха прошла тамъ, гдѣ стоялъ его храмъ, онъ сказалъ себѣ: „духъ мой живъ и я сохраню его“. Преслѣдуемые, какъ бѣшенныя собаки, евреи возбудили къ себѣ общую зависть своимъ умомъ и богатствомъ; они усвоили себѣ всѣ высшія знанія и распространили ихъ повсюду; но они были разбѣяны по всѣмъ самымъ дикимъ странамъ и подвергались самымъ ужаснымъ жестокостямъ. Неудивительно, что еврейская толпа невѣжественна, суевѣрна; но въ какомъ-же языческомъ народѣ нѣтъ невѣжественной толпы? И

все-же среди невѣжественныхъ людей, придерживающихся нашему закону въ трехъ частяхъ свѣта, еще не умерла душа израиля. Возстановите органической центръ еврейскаго народа, дайте вѣдную форму тому единству, которое сохранило его религію, — и нашъ разсѣянный повсюду народъ, имѣя отечество и національную политику, возвыситъ свой голосъ наравнѣ со всѣми народами Востока и Запада. Когда все это исполнится, то пламя жизни воскреситъ оледенѣвшіе члены израильскаго тѣла и суевѣріе исчезнетъ, не отъ позорнаго отступничества, но въ лучезарномъ блескѣ великихъ событій, расширяющихъ человѣческую душу и оживляющихъ человѣческое знаніе.

Голосъ Мардохея дошелъ до полушопота, но при вдохновенномъ блескѣ его глазъ онъ нисколько не утратилъ своего поразительнаго эффекта. Его необыкновенное волненіе, очевидно, происходило отъ присутствія Деронды, къ которому собственно онъ и обращался съ своей пламенной рѣчью, хотя, конечно, его энергію подстрекало и хорошо извѣстное ему равнодушіе другихъ слушателей. Однако, глаза всѣхъ были устремлены на него, и не безъ сочувствія. Впрочемъ, добродушный и раціональный Геденъ, питавшій къ Мардохею наибольшую симпатію, счелъ своимъ долгомъ возражать, особенно въ присутствіи гостя.

— Вы, Мардохей, смотрите на все съ своей особой точки зрѣнія, которая вамъ кажется раціональной. Я знаю, что вы не ожидаете возстановленія Іудеи отъ сверхестественнаго чуда, но вѣдь съ этимъ вопросомъ соединено слишкомъ много нелѣпостей, изобрѣтенныхъ евреями и христіанами. Что-же касается неразрывной связи нашей расы съ Палестиной, то она только породила растлѣвающее суевѣріе. Подонки нашего народа отправляются туда, чтобъ жить на чужой счетъ нищими. Безполезно бороться съ фактами. Мы должны ими руководиться и тогда только наша дѣятельность можетъ быть названа раціональной. Самые ученые и либеральнѣе люди между нами, придерживаясь нашей религіи, стремятся къ тому, чтобъ выбросить изъ нея вѣру въ буквальное исполненіе пророчествъ о возстановленіи еврейскаго народа. Кроме того, очистите еще нашу религію отъ нѣкоторыхъ излишнихъ обрядовъ — и она станетъ простѣйшей изъ всѣхъ религій, связующимъ звеномъ между нами и всѣмъ свѣтомъ.

— Вы хотите вырвать дерево съ корнемъ, произнесъ съ иро-

нической улыбкой Пошъ,—оборвать на немъ всѣ сучья съ листьями и очистить кору, чтобъ сдѣлать изъ него трость. Но по мнѣ лучше ужъ бросить его въ огонь, какъ никуда ненужный хворостъ; я не знаю, почему наша старина болѣе священна, чѣмъ браминская или буддѣйская.

— Вы, Пошъ, отвѣчали Мардохей, — потому такъ говорите, что потеряли душу еврея. Я превозношу не суевѣріе, а преклоняюсь передъ живымъ источникомъ всепросвѣтляющей вѣры. Вы начали нашу сегодняшнюю бесѣду съ вопроса о социальныхъ переворотахъ и я, переходя отъ общаго къ частному, утверждаю, что жизнь нашего народа, вдохновившая весь свѣтъ, не достигнетъ своего высшаго проявленія иначе, какъ добившись снова національной самостоятельности. Какое мнѣ дѣло до того, что десять племенъ израиля разсыяны повсюду, что толпы евреевъ смѣшались съ язычниками — народъ нашъ все-же существуетъ. Пусть финансовые князья, ученые, художники, ораторы, государственные люди, въ жилахъ которыхъ течетъ еврейская кровь, сохранившая энергію и находчивость еврейскаго генія,— пусть они скажутъ: „мы поднимаемъ наше знамя, мы соединяемся для великаго дѣла, достойнаго подвиговъ Моисея и Эздръ“. У нихъ достаточно богатства, чтобъ купить нашу землю у бѣдныхъ, развращенныхъ завоевателей; у нихъ довольно государственныхъ знаній, чтобъ составить планъ дѣйствій, довольно краснорѣчія, чтобъ убѣдить всѣхъ въ ихъ правотѣ. Развѣ между нами нѣтъ поэта или пророка, который могъ-бы устыдить христіанскую Европу и доказать, что ея ненавистями и междоусобіями пользуются турки? У насъ довольно ума и знанія, чтобъ создать новое, великое, простое, какъ въ старину, государство, обеспечивающее всѣмъ евреямъ равенство и свободу. Тогда голосъ презираемаго, униженнаго еврея будетъ слышанъ въ международномъ судѣ, совѣтѣ націй, какъ голосъ англичанина, американца. И весь свѣтъ выиграетъ отъ этой побѣды евреевъ. Во главѣ Востока станетъ могучая община, которая понесетъ знамя цивилизаціи и будетъ нейтральнымъ убѣжищемъ для Востока, какъ Бельгія для Запада. Вы мнѣ скажете, что много преградъ мѣшаютъ успѣху этого великаго дѣла. Да, преграды существуютъ, но пусть духъ великихъ подвиговъ вдохновитъ умы высшихъ представителей нашего народа — и начало будетъ положено.

— Я съ этимъ согласенъ, Мардохей, отвѣчалъ Пошъ;—когда князья биржи и мудрые ученые примутъ вашу теорію, то всѣ преграды исчезнутъ.

— Если мы обратимся къ исторіи, замѣтилъ—Деронда, то увидимъ, что многіе великіе перевороты сначала казались безнадежными. Напримѣръ, борьба за единство Италіи была начата Мадзини при самыхъ мрачныхъ обстоятельствахъ; все было противъ него: соотечественники были невѣжественны или равнодушны, правительства враждебны, Европа не вѣрила въ его успѣхъ. Всѣ издѣвавшіеся надъ нимъ были, повидимому, правы, но въ-концѣ-концовъ дѣло объединенія увѣнчалось успѣхомъ. Пока въ народѣ сохраняется слѣдъ національнаго сознанія, нельзя отчаиваться, чтобъ не наступилъ день воскресенія народныхъ силъ и энергій.

— Аминь, произнесъ Мардохей;—необходимо одно—закваска; а мысль о наслѣдіи израиля живетъ въ сердцахъ миліоновъ людей, хотя еще до сихъ поръ какъ неясный зародышъ. Пусть зажжется свѣточъ великой еврейской общины, пусть разумъ израиля выкажетъ себя колоссальнымъ внѣшнимъ фактомъ, пусть совершится великое переселеніе—и израиль составитъ націю, члены которой будутъ по-прежнему встрѣчаться во всѣхъ странахъ свѣта, также какъ англичане и нѣмцы, но у него будетъ національный центръ и національное общественное мнѣніе. Кто скажетъ, что это немислимо? Даже Барухъ Спиноза, неотличавшійся преданностью къ своему народу, сказалъ, что онъ не видитъ причинъ, почему израилю не сдѣлаться снова избранной націей. Кто можетъ утверждать, что исторія и литература нашей расы—мертвая буква? Онѣ такъ-же вѣчно живутъ, какъ исторія и литература Греціи и Рима, которыя произвели революцію въ Европѣ, двинули впередъ современную мысль и заставили содрогнуться могущество нечестивыхъ. Наслѣдіе Греціи и Рима извлекли изъ могилы, а наше наслѣдіе никогда не переставало одушевлять миліоны человѣческихъ существъ.

Мардохей простеръ къ небу свои длинныя, сухія руки и умолъ. Слова его, очевидно, тронули Гедеона, потому что, возражая, онъ говорилъ еще мягче прежняго.

— Настаивая на великомъ наслѣдіи нашихъ отцовъ, вы, Мардохей, забываете, что въ немъ есть большая доля ненависти.

— Я беру только хорошее и отвергаю все дурное, отвѣчалъ

Мардохей. — Я желаю для еврейской нации лишь добра, которое принесетъ пользу не только ей, но и всѣмъ другимъ націямъ. Какъ не быть ненависти въ сердцахъ евреевъ, когда они невѣжественны и гонимы всѣми, но пусть они сдѣлаются гражданами своего національнаго государства—и душа израиля выкажетъ все свое величіе, основавъ новую націю на старыхъ, очищенныхъ принципахъ, доведенныхъ до послѣдняго ихъ результата, согласно современному прогресу. Два вѣка тому назадъ одинъ корабль перенесъ черезъ Атлантическій океанъ ядро великой сѣверо-американской нации. Новый народъ, состоявшій изъ различныхъ расъ и сектъ, быстро развивался и, наконецъ, сто лѣтъ тому назадъ его геройскіе граждане основали великую націю, положивъ въ основаніе ея европейскіе принципы, развитые и усовершенствованные. Пусть наши мудрецы и богачи выкажутъ себя героями. Они знаютъ все прошедшее Запада и Востока, они могутъ усвоить себѣ все, что до сихъ поръ было хорошаго, и еще увеличить, расширить это добро. Новая Персія съ своей очищенной религіей прославила себя въ искусствахъ и философіи. Такова будетъ судьба и новой Іудеи, которая, находясь между Востокомъ и Западомъ, представитъ общее ядро примиренія. Время Мессіи настанетъ тогда, когда израиль подниметъ свое національное знамя. Это время близко; пора снять тяготящее на нашемъ народѣ проклетіе и уготовать какъ ему, такъ и всему свѣту, свѣтлую будущность. Вотъ цѣль всѣхъ нашихъ усилій и эта цѣль будетъ достигнута.

Произнеся шопотомъ послѣднія слова, Мардохей поникъ головой и закрылъ глаза. Всѣ молчали. Никогда онъ такъ пламенно и полно не излагалъ своихъ идей и каждый изъ присутствующихъ невольно подвергся вліянію его энтузіазма. Поставить новую тему для обсужденія никому не хотѣлось и члены маленькаго клуба быстро разошлись одинъ за другимъ, простившись съ Мардохеемъ, который, повидимому, ничего не замѣчалъ, оставаясь въ какомъ-то забытьѣ.

ГЛАВА XLIII.

Оставшись вдвоемъ съ Мардохеемъ, Деронда не хотѣлъ нарушать его спокойствія, пока онъ самъ не очнется. Когда-же онъ

открылъ глаза, то взглянулъ на молодого человѣка не съ удивленіемъ, а съ спокойной радостью. Деронда молча пододвинулъ къ нему свой стулъ.

— По теоріи каббалы души умершихъ воплощаются въ новыя тѣла для большаго совершенствованія; освободившись отъ пришедшаго въ ветхость тѣла, душа можетъ присоединиться къ другой, сродственной, нуждающейся въ ней душѣ для общаго совершенствованія и совмѣстнаго исполненія своей земной задачи. Когда моя душа освободится отъ этого изнуреннаго тѣла, то она присоединится къ вашей душѣ и совершитъ предназначенное ей дѣло.

Мардохей умолкъ, и Деронда, сознавая, что онъ ждетъ сочувственнаго отвѣта, произнесъ:

— Все, что я могу по совѣсти сдѣлать для васъ, я сдѣлаю.

— Знаю, отвѣчалъ Мардохей съ покойной увѣренностью;— вы вполне раздѣляете мои идеи и вѣрите въ ихъ исполненіе, тогда какъ другіе сомнѣваются. Вы будете продолжать мою жизнь, съ той минуты, когда она внезапно порвалась, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія;—я вижу себя въ этотъ памятный день моей жизни. Утреннее солнце заливало лучезарнымъ свѣтомъ набережную Триеста; греческій корабль, на которомъ я отправлялся въ Бейрутъ въ качествѣ приказчика у одного купца, долженъ былъ выйти въ море черезъ часъ. Я былъ тогда молодъ, здоровъ, дышалъ легко. Я сказалъ себѣ: „пойду на Востокъ, посмотрю тамъ землю и народъ, чтобъ потомъ проводить свои идеи сознательнѣе, пламеннѣе“. Я находился въ какомъ-то восторженномъ состояніи и сердце мое ликовало. Стоя на берегу, я ждалъ своего товарища, какъ вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Эзра, я былъ на почтѣ, вотъ письмо къ тебѣ“.

— Эзра! воскликнулъ Деронда внѣ себя отъ изумленія.

— Да, Эзра, отвѣчалъ Мардохей, совершенно углубившись въ свои воспоминанія;—я ожидалъ письма отъ матери, съ которой былъ постоянно въ перепискѣ. Я распечаталъ конвертъ и первыя слова, жгучій вопль о помощи, возвратили меня съ небесъ на землю: „Эзра, сынъ мой!..“

Мардохей остановился, и Деронда, затаивъ дыханіе, ожидалъ продолженія его разсказа. Странная, невѣроятная мысль блеснула въ его головѣ.

— О моей матери можно было сказать: „и дѣти ея вѣчно ее благословляли“, продолжалъ Мардохей;—у нея было много дѣтей, но всѣ умерли, кромѣ меня, старшаго, и младшей дочери, составлявшей всю ея надежду. „Эзра, сынъ мой, писала она,—онъ укралъ ее и увезъ; они никогда не возвратятся“. Моя судьба—была судьба всего израиля. За грѣхъ отца душа моя подверглась неволѣ и я долженъ былъ отказаться отъ своего святого дѣла. Существо, давшее мнѣ жизнь, находилось въ одиночествѣ, въ нищетѣ, въ несчастіи. Я отвернулся отъ блестящаго, теплаго юга и пошелъ на мрачный сѣверъ. Время было холодное, въ пути я переносилъ всевозможныя лишения, чтобъ сохранить матери послѣднія мои деньги. Подъ конецъ путешествія я провелъ одну ночь подъ открытымъ небомъ, на снѣгу, и съ того времени началась моя медленная смерть. Но, соединившись съ матерью, я долженъ былъ работать. Кредиторы отца все у нея отобрали и ея здоровье было совершенно разстроено горемъ о своемъ пропавшемъ ребенкѣ. Часто по ночамъ я слышалъ, какъ она плакала, и, вставъ, молился съ нею вмѣстѣ, чтобъ милосердное небо спасло Миру отъ зла.

— Миру! повторилъ Деронда, желая убѣдиться, что слухъ его не обманывалъ;—вы сказали: Миру?

— Да, такъ звали мою маленькую сестру.

— Вы никогда не имѣли извѣстія о ней? спросилъ Деронда какъ можно спокойнѣе.

— Никогда, и до сихъ поръ не знаю, услышана-ли ваша молитва и спасена-ли Мира отъ зла. Сила нечестивыхъ велика; она отравила мою жизнь и довела до могилы мать. Послѣ четырехлѣтнихъ страданій она умерла и я остался одинъ среди горя и болѣзни. Но что объ этомъ говорить, теперь все прошло, прибавилъ Мардохей, смотря на Деронду съ радостной надеждой чахоточнаго больного. — Мое дѣло будетъ окончено другимъ, и гораздо лучше. Я буду жить въ васъ.

Съ этими словами онъ судорожно сжалъ руку Деронды, сердце котораго сильно билось. Неожиданное открытіе, что Мардохей братъ Миры, придало его страннымъ отношеніямъ въ чахоточному еврею новую нѣжность. Но онъ молчалъ, боясь сказать Мардохею, въ его возбужденномъ состояніи, что его сестра жива и достойна его.

— Пойдемте, я не могу болѣе говорить, проговорилъ послѣ

продолжительнаго молчанія Мардохей, и Деронда проводилъ его до лавки Когана, гдѣ они разстались молча, еще разъ пожавъ другъ другу руку.

Деронда теперь чувствовалъ въ одно и то-же время радость и беспокойство: онъ радовался, что отысканъ братъ Миры, вполне ея достойный, но беспокоился о томъ, какъ лучше открыть тайну обоимъ и какія принять предварительныя мѣры; наконецъ онъ сознавалъ, что соединеніе Миры съ братомъ было для него началомъ вѣчной разлуки съ нею. Относительно чувствъ Миры къ брату онъ ни мало не сомнѣвался и былъ увѣренъ, что она пойметъ величіе Мардохея. Да, величіе; этимъ словомъ Деронда опредѣлялъ впечатлѣніе, произведенное на него энтузіастомъ-евреемъ. Она, конечно, захочетъ жить вмѣстѣ съ братомъ и потому надо было вдвойнѣ позаботиться о доставленіи ему всѣхъ удобствъ въ жизни, особенно необходимыхъ въ его болѣзненномъ положеніи. Эти заботы онъ рѣшился снова раздѣлить съ м-съ Мейрикъ: по счастью, лучшій кварталъ Лондона для чахоточныхъ находится близъ маленькаго домика въ Чельси, и Деронда сталъ сразу обдумывать, какъ омеблировать маленькую квартиру, украсивъ ее своими старыми книгами въ пергаментномъ переплетѣ, покойными креслами и медальонами Мильтона и Данта. Впрочемъ, главнымъ украшеніемъ скромной квартиры, по мнѣнію Деронды, должна быть Мира.

„По крайней мѣрѣ, думалъ онъ, — сосредоточеніе всѣхъ надеждъ Мардохея на мнѣ привело къ тому, что онъ нашелъ прекрасную, любящую сестру“.

ГЛАВА XLIV.

А Гвендолина? Она думала о Дерондѣ гораздо болѣе, чѣмъ онъ объ ней. Она часто спрашивала себя, какъ онъ смотритъ на тотъ или другой предметъ и какъ вообще проводить время. Несмотря на сознаніе его превосходства, она воображала, что занимаетъ въ его мысляхъ гораздо большее мѣсто, чѣмъ было въ дѣйствительности. Только очень разумные люди, съ значительной жизненной оытностью, не думаютъ, что ихъ беспокойство или

радость непременно отражаются въ другихъ, а потому Гвендолинѣ, при ея молодости и нравственномъ одиночествѣ, было извинительно придавать излишнюю важность тѣмъ признакамъ сочувствія, которые выказывалъ ей единственный человѣкъ, подчинившій ее своему влиянію. Между тѣмъ она старалась слѣдовать его совѣту. „Онъ сказалъ, говорила она себѣ, — что я должна интересоваться ближними и расширять свои знанія, но какъ приняться за дѣло?“ Она недоумѣвала, какія именно книги посоветовалъ-бы онъ ей читать; съ полуиронической улыбкой вспоминая самыхъ скучныхъ авторовъ, она собиралась спросить Деронду, не они-ли лучшее лекарство для ума. Но вскорѣ она раскаялась въ этой вспышкѣ и, незамѣтно для всѣхъ, отнесла изъ библиотеки въ свою комнату сочиненія Декарта, Бэкона, Локка, Бутлера и Борка. Какъ всякая умная и образованная молодая женщина, она знала, что эти авторы были украшеніемъ человѣчества; была убѣждена, что Деронда ихъ читалъ, и надѣялась, что, напитавшись ихъ мыслями, она станетъ смотрѣть на вещи болѣе основательно и тогда ея взгляды будутъ сходиться съ его взглядами болѣе, чѣмъ сходятся теперѣ.

Но удивительно, какъ мало времени у нея оставалось для подобной умственной работы. Она постоянно должна была разыгрывать роль м-съ Грандкорть, чувствуя, что за нею всегда слѣдить требовательный взглядъ ея мужа, который нашелъ достойную цѣль для своей стойкой, упорной натуры — извлеченіе изъ брака съ Гвендолиной полного для себя удовлетворенія, тѣмъ большаго, чѣмъ очевиднѣе выказывалось ея сопротивленіе. Хотя она внутренно возставала противъ своего невыносимаго положенія, но ни за что не примирилась-бы съ мыслью, что не разыграетъ съ успѣхомъ взятой на себя роли. Она не могла рѣшиться дѣйствіемъ или словомъ обнаружить передъ всѣмъ міромъ свою тайну и всего болѣе боялась, чтобы какое-нибудь пламенное чувство не побудило ее невольно къ откровенной исповѣди. Но рѣшимость молчать передъ всѣми придавала особый, страстный характеръ ея откровенности съ Дерондой, о которомъ она постоянно думала, какъ о лучшемъ орудіи противъ себя самой. Въ прогулкахъ верхомъ, на охотѣ, въ обществѣ она замѣняла искреннюю веселость искусной пародіей и всѣ сосѣди признавали едипогласно, что м-съ

Грандкортъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ ведетъ себя среди неожиданныхъ почестей и блеска.

— Она смотритъ на окружающее, великолѣпіе ее какъ на самую обыденную обстановку, говорила о ней м-съ Аропинтъ. — Съ перваго взгляда кажется, что она не возвысилась благодаря своему браку, а удостоила Грандкорта чести снизойти до него.

Особенно при матери Гвендолина старалась казаться вполне счастливой и бѣдная м-съ Давило была до того обманута, что объясняла себѣ нѣкоторое отчужденіе отъ нея молодой четы сравнительнымъ равнодушіемъ дочери, для которой бракъ создалъ новые интересы. Всѣ сношенія матери и дочери ограничивались присылкой изрѣдка экипажа за м-съ Давило и Гаскойнами, съ приглашеніемъ на обѣдъ, послѣ котораго они ночевали въ Динло и возвращались домой на другое утро; кромѣ того, Гвендолина иногда заѣзжала къ матери на нѣсколько минутъ, а Грандкортъ ждалъ ее у воротъ на лошади или въ экипажѣ. Вотъ и все.

Дѣло было въ томъ, что когда Гвендолина сказала мужу, что она во второй разъ пригласитъ м-съ Давило и Гаскойновъ, то Грандкортъ послѣ минутнаго молчанія произнесъ холодно:

— Мы не можемъ вѣчно имѣть у себя *этихъ людей*. Гаскойнъ слишкомъ многорѣчивъ. Сельскіе пасторы всегда навѣвajúть скуку.

Эти слова были грознымъ предзнаменованіемъ для Гвендолины. Прежнее желаніе не допускать мать до слишкомъ близкаго знакомства съ ея брачною жизнью только усилилось при мысли, что объ ней такъ презрительно выражался Грандкортъ. Но, конечно, она не могла объяснить ей истинной причины своего кажущагося отчужденія, не могла сказать матери: „м-ръ Грандкортъ не желаетъ васъ часто видѣть; вообще лучше намъ порѣже видѣться, а то вы скоро догадаетесь, что я несчастна“. Поэтому она ловко избѣгала прямого отвѣта на намеки матери, а когда послѣдняя начала очень настаивать на переѣздѣ въ сосѣдство съ Райландсомъ, Гвендолина произнесла поспѣшно:

— Тамъ, мама, вамъ не будетъ такъ хорошо, какъ здѣсь. Вы имѣете въ Офендинѣ подъ рукою дядю и тетю Гаской-

новъ, безъ которыхъ вамъ будетъ скучно. Что-же касается насъ, то мы, можетъ быть, не будемъ долго жить въ Райландсѣ.

Между тѣмъ презрительное veto, наложенное мужемъ на ея родственниковъ, возбуждало въ ней все большую и большую къ нимъ привязанность. Она никогда прежде не питала такого нѣжнаго чувства къ дядѣ Гаскойну и не отдавала предпочтенія его веселому, дѣятельному и добродушному характеру передъ холодной напыщенностью Грандкорта, ежедневно леденившей ее. Въ этомъ отношеніи она, быть можетъ, безсознательно расширяла свой умственный горизонтъ, чего не могла-бы достигнуть чтеніемъ глубокомысленныхъ авторовъ, которые требовали полного отреченія отъ окружававшихъ ее мелочей ежедневной жизни.

При подобномъ положеніи дѣлъ неожиданное появленіе въ одно прекрасное утро Гвендолины въ Офендинѣ безъ мужа привело въ восторгъ всѣхъ обитателей скромнаго дома и случайно зашедшихъ м-ра и м-съ Гаскойнѣ. Пасторъ вышелъ на встрѣчу племянницѣ и протянулъ руку, чтобъ помочь ей сойти съ лошади; Гвендолина такъ быстро и весело соскочила и вбѣжала въ комнату, что невольно поддержала во всѣхъ мысляхъ объ ея безпредѣльномъ счастьѣ.

— М-ръ Грандкортъ уѣхалъ по дѣлу и я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ пріѣхать къ вамъ, мама, сказала она, снимая шляпу и садясь рядою съ м-съ Давило за столъ, накрытый для завтрака; — я нарочно явилась нечаянно, чтобъ застать васъ врасплохъ. Какой противный на васъ, мама, чепчикъ, но вы, конечно, не ожидали моего визита, нехорошая, никогда недумавшая о себѣ мама.

— Брани меня, голубушка, сколько хочешь, отвѣчала м-съ Давило, сіяя отъ радости, — но очень жаль, что мнѣ нечѣмъ тебя угостить. Джозоза, сварите ей шеколаду. Она встарину его очень любила.

Миссъ Мерри встала и вышла изъ комнаты, хотя Гвендолина поспѣшно сказала:

— Нѣтъ, дайте мнѣ просто кусокъ хлѣба или сухарь. Я не могу ѣсть. Я пріѣхала съ вами проститься.

— Какъ! Вы уже ѣдете въ Райландсѣ? спросилъ Гаскойнѣ.

— Нѣтъ, мы переѣзжаемъ въ Лондонъ, отвѣчала Гвендолина, ломая кусокъ хлѣба, но не кладя его въ ротъ.

— Немного рано, замѣтила м-съ Гаскойнъ; — вѣдь Гранд-кортъ не членъ парламента.

— О, остается только одинъ день охоты и у Генлея какія-то дѣла въ городѣ, произнесла Гвендолина;—а я очень рада вѣхать въ Лондонъ.

— Ты увидишь свой дождь въ Гросвенорскомъ скверѣ, сказала м-съ Давило, пожирая глазами свою любимицу.

— Да, въ Лондонѣ найдется многое, что повидать и сдѣлать.

— Я желалъ-бы, милая Гвендолина, промолвилъ м-ръ Гаскойнъ добродушно, — чтобы ты употребила все свое вліяніе на м-ра Грандкорта и уговорила его поступить въ парламента. Человѣкъ въ его положеніи долженъ имѣть голосъ въ политикѣ. Я не знаю, каковы именно его политическія мнѣнія,—онъ при мнѣ никогда прямо не высказывался,—но это все равно. Я думаю не о томъ, сходимся-ли мы въ политическихъ убѣжденіяхъ, а забочусь объ его значеніи въ странѣ. Жена всегда имѣетъ большое вліяніе на мужа. Подѣйствуй на него, голубушка.

Пасторъ чувствовалъ, что онъ исполнялъ свою обязанность, придавая, такимъ образомъ, браку племянницы значеніе общественнаго благодѣянія; но Гвендолинѣ его слова показались горькой насмѣшкой. Если-бъ она была въ веселомъ настроеніи духа. то, конечно, разсмѣялась-бы замѣчанію Гаскойна, что онъ не слышалъ отъ Грандкорта прямого объясненія его политическихъ убѣжденій. А вліяніе жены! Нѣкогда сама Гвендолина вѣрила въ безпредѣльную силу этого вліянія, а теперь? Теперь она думала только, какъ-бы приличнѣе отвѣтить дядѣ.

— Я съ удовольствіемъ исполнила-бы вашъ совѣтъ, произнесла она; — но, полагаю, м-ру Грандкорту противны всѣ заботы и безпокойства, предшествующія выборамъ. А главное—онъ не любитъ рѣчей; кандидатамъ-же это необходимо.

— Не всегда, отвѣчалъ Гаскойнъ;—человѣкъ съ извѣстнымъ положеніемъ и вѣсомъ можетъ обойтись безъ длинныхъ рѣчей. Провинціальный депутатъ, въ палатѣ и внѣ ея, чѣмъ меньше говорить, тѣмъ лучше. Скажи м-ру Грандкорту, что это мое мнѣніе.

— А вотъ и Джозефа съ моимъ шеколадомъ, воскликнула Гвендолина, обрадовавшись случаю избѣгнуть общанія передать

слова дяди Грандкорта, который, конечно, принялъ-бы ихъ такъ, какъ не ожидалъ почтенный пасторъ.

Вообще Гаскойнъ пришелъ къ тому убъжденію, что Грандкортъ былъ очень гордъ, но, сознавая вполнѣ свое значеніе и преимущество во многихъ отношеніяхъ, онъ не оскорблялся холодностью къ нему Грандкорта и нисколько не думалъ о немъ хуже, чѣмъ если-бъ видѣлъ съ его стороны самую любезную предупредительность. Добродушный пасторъ утѣшалъ себя тѣмъ, что представитель стариннаго, знатнаго рода не можетъ быть запахибрата со всѣми; но м-съ Гаскойнъ обижалась за мужа и вивила Гвендолину въ надменномъ обращеніи ея мужа.

— Твой дядя и Анна, вѣроятно, поѣдутъ въ Лондонъ на Святой, сказала она недовольнымъ тономъ;— милый Рексъ получаетъ ученую степень и зоветъ отца съ Анной, чтобъ вмѣстѣ отпраздновать свой выходъ изъ университета. Я нисколько не удивлюсь, если лордъ Бракеншо пригласитъ ихъ къ себѣ; со времени его возвращенія въ замокъ, онъ очень любезенъ съ нами.

— Я надѣюсь, что дядя привезетъ Анну погостить къ намъ, сказала Гвендолина, рискнувъ на подобное приглашеніе ради приличія въ данную минуту, но внутренно надѣясь, что ей никогда не представится необходимости принимать въ домѣ Грандкорта кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ. — Я очень радуюсь счастью Рекса.

— Не надо радоваться заранѣе, произнесъ Гаскойнъ, — хотя самые безпристрастные люди говорили мнѣ, что онъ подаетъ блестящія надежды своими необыкновенными способностями и твердой нравственной подкладкой.

— Онъ будетъ великій юристъ, прибавила м-съ Гаскойнъ.

— Какая радость! произнесла Гвендолина, противорѣча своему внутреннему убъжденію, что въ жизни нѣтъ никакой радости.

— Ты еще не знаешь, Гвендолина, какъ любезенъ и добръ былъ къ намъ лордъ Бракеншо, сказала м-съ Давило:— онъ просилъ меня быть его гостьей въ этомъ домѣ, пока я не найду подходящей квартиры. Теперь такая квартира представилась: старикъ Джодсонъ умеръ и я нанимаю его домикъ. Онъ только въ милѣ отъ Гаскойновъ и хотя маленькій, но тебѣ не будетъ стыдно за меня. Помнишь, это бѣлый, низенькій домъ въ алеѣ, ведущей къ церкви.

— Да, но у васъ нѣтъ мебели, бѣдная мама, промолвила Гвендолина грустно.

— О, я на это отълаживаю деньги, сказала м-съ Давило, кладя руку на плечо Гвендолины;—ты знаешь, кто меня сдѣлать богатой. Къ тому-же Джозоза просто даромъ ведетъ хозяйство. Она дѣлаетъ чудеса.

— Пойдемте, мама, на верхъ, мнѣ надо поправить шляпку. произнесла Гвендолина, неожиданно поднося руку къ волосамъ и, быть можетъ, незамѣтно приводя ихъ въ беспорядокъ.

Ея сердце было такъ переполнено, что она готова была заплакать, хотя ясно сознавала, что положеніе матери было-бы гораздо хуже, если-бъ она не вышла замужъ за Грандкорта.

— Вѣроятно, я никогда болѣе не увижу всего этого, сказала Гвендолина, входя въ знакомую спальню и бросаясь въ кресло передъ зеркаломъ.

Она очень поблѣднѣла отъ усилія удержать свои слезы и тяжело переводила духъ.

— Ты нездорова, голубушка? спросила м-съ Давило съ испугомъ.

— Нѣтъ, мнѣ немного тошно отъ шеколада, отвѣчала Гвендолина, протягивая руку.

— Мнѣ позволять ухаживать за тобою, если ты будешь больна? спросила м-съ Давило нервнѣе и крѣпко сжала руку дочери.

Какой-то внутренней голосъ говорилъ ей, что ея драгоценное дѣтище никогда ее такъ не любило и такъ не нуждалось въ ней, какъ въ эту минуту.

— Конечно, отвѣчала Гвендолина, прижимаясь къ матери;—но вы знаете, что я никогда не бываю больна. Вамъ нечего беспокоиться обо мнѣ, а будьте счастливы, на-сколько это возможно съ дѣвочками. Онѣ всегда были лучшими дочерьми, чѣмъ я, прибавила она съ улыбкою.

— Ты всегда была доброй дочерью, дитя мое.

— Но я никогда для васъ ничего не сдѣлала, кромѣ того, что вышла замужъ за м-ра Грандкорта, произнесла Гвендолина, желая шуткой скрыть свое смущеніе, —но и это я сдѣлала потому, что находила для себя пріятнымъ.

— Боже избави, чтобы ты вышла замужъ только ради меня! Твое счастье—половина моего благополучія.

— Такъ будьте въ половину благополучнѣе, это для васъ диковина, сказала Гвендолина, поправляя шляпку, и прибавила съ своей старинной, веселой улыбкой:—м-ръ Грандкортъ даетъ мнѣ ужасно много денегъ и требуетъ, чтобъ я ихъ расходовала, а я не умѣю. Вы знаете, что я терпѣть не могу добрыхъ дѣлъ, и у меня осталось на рукахъ тридцать фунтовъ. Вотъ они. Я желала-бы, чтобъ дѣвочки употребили ихъ на себя, при переѣздѣ въ новый домъ. Скажите это имъ отъ меня.

Гвендолина сунула деньги въ руку матери и поспѣшно пошла къ дверямъ.

— Да благословить тебя Господь, отвѣчала м-съ Давило;— онѣ будутъ чрезвычайно счастливы, что ты вспомнила о нихъ.

— Онѣ очень противны, но вѣдь темеръ онѣ мнѣ не надоѣдаютъ, сказала Гвендолина, весело улыбаясь.

Она сама не понимала, что чувствовала въ эту минуту къ своимъ сестрамъ, но, во всякомъ случаѣ, не хотѣла, чтобъ этому чувству придавали серьезное значеніе. Она была рада, что вышла изъ спальни, не обнаруживъ своего смущенія, и очень прилично простилась съ матерью и сестрами.

„Я, кажется, хорошо играю роль м-съ Грандкортъ“, думала она съ саркастической улыбкой, возвращаясь домой.

Она была увѣрена, что Грандкортъ уѣхалъ въ Гадсмиръ. Она это отгадала, точно также, какъ и имена обитателей Гадсмира. Но эти догадки произвели въ ней странную борьбу противоположныхъ чувствъ, побудившую ее немедленно предпринять поѣздку въ Офендинъ. Ее поражало явное противорѣчіе въ ея чувствахъ. Почему ей было непріятно, что Грандкортъ заботился о тѣхъ самыхъ существахъ, которыя возбуждали въ ней угрызенія совѣсти? Не давала-ли она себѣ слово до свадьбы дѣйствовать въ ихъ пользу? Ей слѣдовало радоваться, что Грандкортъ думалъ объ нихъ, такъ-какъ онъ сказалъ ей, что собирается писать духовную, но съ тѣхъ поръ, какъ она стала женою Грандкорта, мысль, что онъ ѣздитъ въ Гадсмиръ, жгла ее, какъ раскаленное желѣзо. Она сама навлекла на себя страшное униженіе постоянного безмолвія изъ боязни, чтобъ онъ не узналъ ея роковой тайны. Она должна была идти прежнимъ путемъ, какъ сказала Дерондъ, и въ самую пламенную минуту ненависти къ мужу, который съ перваго дня под-

чинилъ ее своей желѣзной волѣ, она чувствовала, что это подчиненіе было неизбѣжно. Всякая попытка освободиться отъ этого ига могла только повлечь за собою новое, худшее униженіе. Она не смѣла преднамѣренно измѣнить свою будущность, обѣщавшую ей одинъ позоръ. Несмотря на укоры совѣсти, она все-же считала, что самымъ худшимъ результатомъ ея брака было-бы ея публичное униженіе, и она находила нѣкоторое утѣшеніе въ мысли, что ея тайну знаетъ только одна м-съ Глашеръ. Ей и не приходило въ голову, чтобъ свиданіе у Шепчущаго-камня было устроено Лушемъ, а письмо м-съ Глашеръ ясно обнаруживало, что она столько-же боялась открытія тайны, какъ и Гвендолина.

Точно также ошибочно считала она тайной для мужа пламенное чувство сопротивленія, которое, къ ея ужасу, свирѣпствовало въ ея душѣ. Конечно, Грандкорть не зналъ мыслей Гвендолины, но съ удивительной прозорливостью угадывалъ, что она втайнѣ возставала противъ его могущественнаго вліянія, и это нисколько не умаляло удовольствія побороть ее.

ГЛАВА XLV.

На третій день послѣ прибытія Грандкортовъ въ Лондонъ Гвендолина получила приглашеніе на музыкальный вечеръ у леди Малинджеръ. Она очень разсѣянно занялась осмотромъ своего новаго дома, — такъ мысли ея были заняты ожиданіемъ увидѣть Деронду и миссъ Лапидотъ, которая „была способна перенести все, представлявшееся ей въ формѣ долга“. Гвендолина вспомнила слово-въ-слово все, что Деронда говорилъ о Мирѣ, и особенно эту фразу, которую она повторяла съ горечью и съ смутнымъ сознаніемъ, что она сама подчинялась не чувству долга, а необходимому слѣдствію своего позорнаго поступка, скрыть который она старалась изъ себялюбія.

Гостиння леди Малинджеръ были не очень переполнены гостями, когда вошли м-ръ и м-съ Грандкорть. Около получаса былъ уже начатъ инструментальный концертъ и Гвендолина еще изъ дверей увидала Клесмера за фортепьяно, а Миру стоявшему рядомъ и

приготовлявшеюся пѣть арію Лео „O, patria mia“. Гвендолину тотчасъ провели на почетное мѣсто противъ пѣвицы, и она, сія своимъ свѣтло-зеленымъ бархатнымъ платьемъ и сверкающими, мрачными для нея одной, бриліантами, поклонилась съ улыбкой Клесмеру. Онъ отвѣчалъ такой-же улыбкой и они оба невольно вспомнили то памятное утро, когда она заявляла самолюбивое желаніе сдѣлаться артисткой и стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стояла маленькая еврейка, а не находится въ блестящей толпѣ, способной выразить только или восторгъ, или порицаніе недоступному ей таланту.

— Онъ думаетъ, что я теперь на своемъ мѣстѣ, сказала сама себѣ Гвендолина съ злобною ироніей.

Помѣтившись рядомъ съ сѣромъ Гюго и разговаривая съ нимъ, она смотрѣла по сторонамъ и слегка кивала головою знакомымъ. Деронды нигдѣ не было видно и она боялась продолжать свой поспѣшный обзоръ присутствующихъ, чтобы не дать повода мужу снова упрекнуть ее въ неприличномъ поведеніи. Но прежде, чѣмъ она опустила глаза, они встрѣтились со взглядомъ м-ра Луша, котораго сѣръ Гюго принималъ, какъ полу-джентльмена. Онъ стоялъ подлѣ Грандкорта, разговаривавшаго съ лордомъ Центритомъ. Впервые въ головѣ Гвендолины блеснула непріятная мысль, что этотъ человѣкъ знаетъ всю прошедшую жизнь ея мужа. По ея желанію, онъ былъ изгнанъ изъ ихъ дома и не показывался ей на глаза, такъ-что она почти забыла его; но теперь онъ неожиданно снова появился и стоитъ рядомъ съ Грандкортомъ. Отвернувшись отъ этого антипатичнаго человѣка, хотя по необходимости съ легкимъ поклономъ, она неожиданно отыскала глазами Деронду. Онъ не смотрѣлъ на нее и она утѣшала себя мыслью, что онъ, вѣрно, видѣлъ ее, когда она вошла въ комнату. Онъ стоялъ недалеко отъ двери вмѣстѣ съ Гансомъ Мейрикомъ, котораго онъ представилъ леди Малинджеръ, какъ своего друга и товарища. Они оба съ безпокойствомъ ожидали перваго дебюта Миры. Деронда едва не обнаружилъ своего смущенія и почти грубо отвернулся отъ леди Центритъ, когда она сказала ему:

— Ваша жидовочка—красавица, этого отъ нея отнять нельзя. Но гдѣ-же еврейская самонадѣянность? Она застѣнчива, какъ монахиня. Вѣроятно, она научилась этому на сценѣ.

Онъ начиналъ чувствовать въ отношеніи Миры то-же самое, что

ощущалъ самъ въ юности, когда сэръ Гюго хотѣлъ сдѣлать его знаменитымъ пѣвцомъ; ему неприятно было, что на нее смотрѣли, какъ на презрѣнную игрушку, покупаемую публикой для своей забавы. Въ такомъ настроеніи, онъ увидалъ входившихъ въ гостиную Грандкортовъ.

— Вотъ Ван-дикова красавица, герцогиня! воскликнулъ Гансъ, указывая Дерондѣ на Гвендолину.

— Я думалъ, что ты восхищаешься только Вероникой, отвѣчала Деронда саркастически, неожиданно почувствовать къ Гвендолинѣ прежнее отвращеніе, какъ-будто ея красота и блескъ были виновны въ томъ, что свѣтъ дурно обращался съ Мирой.

— Я не восхищаюсь Вероникой, а обожаю ее, произнесъ Гансъ;— ради другихъ женщинъ я способенъ на все зло, а ради Вероники я могу даже сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, а это гораздо труднѣе.

— Шш! промолвилъ Деронда подъ предлогомъ, что начинается пѣніе, но въ сущности для того, чтобъ прекратить разговоръ, который принялъ для него неприятный оборотъ.

Онъ никогда еще не слыхалъ, какъ Мира пѣла „O, patria mia“, но хорошо зналъ великолѣпную оду Леопарди къ Италіи, которая въ то время, скованная цѣпями, неутѣшно рыдала о погибшей свободѣ. Вдохновенныя слова поэта въ устахъ Миры напоминали ему невольню о Мардохеѣ и его геройской преданности своему народу.

Пѣніе Миры вполне удовлетворило его надеждамъ. Среди взрыва всеобщихъ рукоплесканій Клесмеръ нагнулся къ ней и сказалъ ей вполголоса:

— Хорошо, хорошо. Crescendo лучше, чѣмъ прежде.

Но ее безпокоила мысль, доволенъ-ли былъ ею Деронда. Она боялась неудачи своего перваго дебюта не столько для себя, сколько для него, потому что была ему одолжена своимъ появленіемъ въ аристократическомъ домѣ, служившемъ ему семейнымъ очагомъ. Она бросила на него, хотя издали, нѣжный взглядъ; онъ это замѣтилъ, но не подошелъ къ ней, а съ любопытствомъ слѣдилъ за длинной вереницей восторженныхъ поклонниковъ ея таланта, которые толпились вокругъ нея. Наконецъ, всѣ разступились передъ Гвендолиной, которую подвела къ фортепяно м-съ Клесмеръ. Упокоившись насчетъ успѣха „маленькой жидовочки“,

Деронда началъ мягче смотрѣть и на блестящую Гвендолину; ему даже стало стыдно за минутную жестокость къ ней и онъ вспомнилъ, что она ясно дала ему почувствовать въ прежнія съ нимъ свиданія, что она также нуждалась въ спасеніи; но ее спасти было гораздо труднѣе, чѣмъ бѣдную дѣвушку, хотѣвшую броситься въ рѣку, и Деронда чувствовалъ себя на это неспособнымъ. Но развѣ могъ онъ ради этого отвертываться отъ нея? Онъ рѣшился подойти къ ней при первой возможности и доказать, что онъ исполнилъ цѣлнть ея довѣріе къ нему.

Клесмеръ всталъ, когда Гвендолина подошла къ фортепяно, и, сказавъ нѣсколько словъ, отошелъ въ сторону, смотря съ улыбкой на обѣихъ красавицъ, изъ которыхъ одна, болѣе блестящая, ухаживала за другой, болѣе скромной.

— Позвольте васъ поблагодарить за доставленное удовольствіе, сказала Гвендолина; — я слышала отъ м-ра Деронды, что мнѣ предстоитъ большое удовольствіе, но вашъ талантъ превзошелъ всѣ мои ожиданія.

— Вы слишкомъ добры, отвѣчала Мира, съ любопытствомъ смотря на Гвендолину, какъ на блестящую представительницу незнакомаго ей свѣта.

— Мы всѣ захотимъ брать у васъ уроки, по крайней мѣрѣ, я, продолжала Гвендолина; — я пою очень дурно, это можетъ вамъ подтвердить м-ръ Клесмеръ, прибавила она, саркастически взглянувъ на великаго музыканта; — но мнѣ выговаривали за то, что я не хочу быть посредственностью, если не въ состояніи сдѣлаться ничѣмъ лучшимъ; хотя я полагаю, эту теорію не раздѣляетъ м-ръ Клесмеръ.

— Напротивъ, вамъ всегда стоитъ продолжать ваши музыкальныя занятія, а миссъ Лапидотъ съ удовольствіемъ поможетъ вамъ, сказалъ Клесмеръ, и съ этими словами удалился въ другую комнату.

— Я очень рада, если могу васъ чему-нибудь научить, произнесла Мира наивно-серьезнымъ тономъ; — я желаю имѣть побольше уроковъ, но я только-что начала этимъ заниматься, и если дѣло пойдетъ успѣшно, то я должна быть благодарна не себѣ, а своему почтенному учителю.

Гвендолина поспѣшила пережѣнить разговоръ, не желая зайти слишкомъ далеко въ разговоръ объ урокахъ.

— Вы недавно въ Лондонѣ и, вѣроятно, познакомились за-
границей съ м-ромъ Дерондой? спросила она.

— Нѣтъ, въ первый разъ я увидала его нынѣшнимъ лѣтомъ
въ Англии.

— Но онъ васъ часто видѣлъ и слышалъ? продолжала Гвен-
долина;— онъ отзывался объ васъ самымъ лестнымъ образомъ. Онъ,
повидимому, знаетъ васъ хорошо.

— Я ему всёми обязана, промолвила Мира съ чувствомъ;—
я была бѣдная, беспомощная дѣвушка; онъ сжалился надо мною
и познакомилъ меня съ добрыми людьми, которые сдѣлались мо-
ими лучшими друзьями.

Бѣдная Гвендолина хотя и желала нѣбогда сама сдѣлаться
артисткой, но теперь полагала, что обращеніе, которое она сочла-бы
грубымъ въ отношеніи къ себѣ, было очень любезно, когда дѣло
шло о еврейкѣ, долженствовавшей давать ей уроки. Мира-же,
какъ всегда, старалась объяснить, что была многимъ обязана Де-
рондѣ, и по чувству деликатности не хотѣла допустить въ дру-
гихъ мысли, что между нею и Дерондой существуютъ какія-либо
другія отношенія, кромѣ благодарности съ ея стороны и благо-
дѣянія съ его. Однакожь, ея отвѣтъ былъ-бы очень непріятенъ
Дерондѣ и Гансу, если-бъ они слышали, какъ она себя унижала
передъ Гвендолиной, но послѣдняя была очень довольна всёми,
что слышала, и думала только о нѣжномъ состраданіи Деронды,
которое, хотя и въ другой формѣ, она испытала на себѣ. По-
этому, вида, что Клесмеръ собирается играть, она отошла отъ
Миры въ очень хорошемъ расположеніи духа, нисколько не подо-
зрѣвая, чтобъ эта юная еврейка могла играть какую-нибудь роль
въ ея жизни, кромѣ учительницы, если-бъ она нашла время и
желаніе брать другіе уроки, кромѣ тѣхъ, которые свѣтъ давалъ
ей ежедневно за очень дорогую цѣну.

Съ обычнымъ въ ней рѣзкимъ переходомъ отъ благоразумной
осторожности къ смѣлому удовлетворенію минутной фантазіи, она
сѣла въ отдаленный уголь на маленькую кушетку, близь того
мѣста, гдѣ стоялъ Деронда. Онъ естественно подошелъ къ ней и,
поздоровавшись, сѣлъ рядомъ. Сначала они молча слушали игру
Клесмера, а потомъ Гвендолина, въ величайшему своему неудо-
вольствію, увидала, что не вдалькѣ стоялъ Лушъ и могъ подслу-

шать ихъ разговоръ. Однакожь, она не могла болѣе сдержатъ себя и сказала учтивымъ, равнодушнымъ тономъ:

— Миссъ Лапидотъ вполнѣ оправдываетъ всѣ ваши похвалы.

— Скоро-же вы въ этомъ убѣдились, отвѣчалъ Деронда иронически.

— Я не говорю обо всѣхъ ея достоинствахъ, о которыхъ вы такъ краснорѣчиво распространялись, но она прекрасно поетъ и вообще прелестное существо. Я увѣрена, что ее ожидаетъ громкій успѣхъ.

Слова эти рѣзали уши Дерондѣ и онъ не хотѣлъ на нихъ отвѣчать. Она поняла, что онъ былъ ею недоволенъ, но не хотѣла говорить откровенно, пока Лушъ былъ такъ близко. Наконецъ, когда онъ удалился, она сказала съ нетерпѣнiемъ:

— Вы презираете меня за мою искусственную рѣчь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Деронда, холодно смотря на нее; — это бываетъ иногда очень извинительно, но я не думаю, чтобы ваши послѣднiя слова были совершенно искусственны.

— Вамъ что-то въ нихъ не понравилось. Что именно?

— Такихъ тонкостей нельзя объяснить словами.

— Вы думаете, что я ихъ не пойму, отвѣчала Гвендолина дрожащимъ голосомъ, и потомъ прибавила, едва удерживаясь отъ слезъ: — развѣ я такъ тупа, что ничего не понимаю, когда вы говорите со мной?

— Нѣтъ, произнесъ Деронда болѣе мягкимъ голосомъ; — но одного человѣка поражаетъ то, къ чему хладнокровенъ другой. Что-же касается вашей тупости, то я имѣлъ много доказательствъ противнаго, прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Но можно чувствовать свои недостатки и не быть въ состоянiи поступать хорошо, сказала Гвендолина, не улыбаясь, такъ-какъ холодность Деронды ее грустно поразила; — вы не должны во мнѣ ничему удивляться. Я уже слишкомъ стара, чтобъ измѣниться, и не знаю, какъ приняться за разумъ, какъ вы мнѣ совѣтовали.

— Рѣдко выходитъ какая-нибудь польза изъ моихъ проповѣдей и потому мнѣ лучше вовсе не вѣшшваться, отвѣчалъ Деронда и грустно подумалъ, что его непрощенное вѣшшательство по дѣлу ожерелья можетъ въ-концѣ-концовъ привести ее еще къ худшей азартной игрѣ, чѣмъ рулетка.

— Не говорите этого! воскликнула Гвендолина поспѣшно, не желая пропустить случая высказать то, что уже давно накипѣло у нея на сердцѣ; — если вы отчаяваетесь во мнѣ, то я совершенно погибну. Ваши слова о томъ, что я не должна быть эгоистичной и невѣжественной, послужили для меня большой поддержкой. Если-же вы теперь сожалѣете, что вмѣшались въ мои дѣла, то это значитъ, что вы отчаяваетесь во мнѣ и бросаете меня; но знайте, что всѣ послѣдствія падутъ на васъ, потому что если-бъ вы захотѣли, то, находясь постоянно подлѣ меня, вы могли-бы измѣнить меня къ лучшему.

Говоря это, она не смотрѣла на него, но на свой вѣтеръ, и, проговоривъ послѣднія слова, удалилась на свое прежнее мѣсто. Между тѣмъ Мира начала тихимъ, мелодичнымъ голосомъ:

„Per pietà non dirmi addio“.

Дерондъ это пѣніе казалось продолженіемъ мольбы Гвендолины; но когда замерла послѣдняя нота, онъ очнулся какъ-бы изъ забытья и упрекнулъ себя за нелѣпое преувеличеніе Гвендолиной его вліянія надъ нею.

— Какой ты счастливый, сказалъ Гансъ, подходя къ нему: — сидѣлъ на кушеткѣ съ Ван-диковой герцогиней и имѣлъ съ невѣроятной ссорой.

— Ссору? повторилъ Деронда съ безпокойствомъ.

— Конечно, о богословскихъ вопросахъ. Она сдѣлала тебѣ выговоръ, научила, какъ слѣдуетъ думать о данномъ предметѣ, и величественно удалилась. Я желалъ-бы написать портреты ея и ея мужа. Онъ настоящій типъ баритона-герцога въ *Луcretiis Борджіа*.

Деронда надѣялся, что впечатлѣніе, произведенное на постороннихъ зрителей его разговоромъ съ Гвендолиной, было только плодомъ фантастическаго воображенія Ганса. Точно также Гвендолина надѣялась, что мужъ не замѣтилъ ея обращенія съ Дерондой, которое, какъ она сама сознавала, не соответствовало ея идеалу достойнаго приличія. Возвращаясь домой, Грандкортъ, дѣйствительно, не сдѣлалъ ей никакого замѣчанія, а только сказалъ:

— Лучше будетъ завтра обѣдать у насъ съ нѣсколькими другими лицами. Надѣюсь, ты будешь съ нимъ вести себя прилично.

Сердце Гвендолины судорожно забилось. Она хотѣла сказать: „ты нарушаешь слово, данное мнѣ передъ свадьбой“, но не смѣ-

ла. Она боялась ссоры съ нимъ, какъ-будто эта ссора должна была кончиться насиліемъ съ его стороны.

— Я думала, что ты рѣшительно заперъ ему дверь нашего дома, сказала она послѣ минутнаго молчанія и скорѣе съ покорностью побѣжденнаго, чѣмъ съ негодованіемъ.

— Онъ мнѣ теперь нуженъ, и ты будешь съ нимъ лична.

Оба замолчали. Въ брачной жизни бываетъ минута, когда самый лучший мужъ, общавшій женѣ до свадьбы не курить, неожиданно вынимаетъ сигару въ полномъ убѣжденіи, что жена должна примириться съ табачнымъ дымомъ. М-ръ Лушъ былъ, если можно такъ выразиться, очень большой сигарой.

ГЛАВА XLVI.

Настало время для открытія Мардохею, что Мира его сестра, и для переѣзда его на новую квартиру, гдѣ онъ могъ-бы жить вмѣстѣ съ нею. М-съ Мейрикъ, которой Деронда рассказалъ все, кромѣ своихъ особыхъ отношеній къ Мардохею, помогла ему найти приличную квартиру въ Бромптонѣ, въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія отъ ея дома, такъ что братъ и сестра могли постоянно пользоваться ея материнскими попеченіями. Она старательно скрывала свои хлопоты отъ дѣтей, такъ-какъ они непремѣнно все разболтали-бы Мирѣ, а м-съ Мейрикъ и Деронда хотѣли обезпечить ея независимость прежде, чѣмъ она узнаетъ брата. Быть можетъ, добрая женщина сомнѣвалась въ достоинствахъ еврея, и если радовалась предполагаемому счастью Мирны, то изъ слѣпой вѣры къ словамъ Деронды. Болѣзнь Мардохея, конечно, возбуждала въ ней сожалѣніе, но какъ могла она сочувствовать его энтузиазму, который ей казался простымъ еврейскимъ упорствомъ, какъ могла радоваться появленію въ своемъ семейномъ кружкѣ чловѣка, выражавшагося подобно стариннымъ пуританамъ въ романѣ Вальтеръ-Скота? Она нисколько не была прозаична, но можно съ восторгомъ читать цѣлую ночь біографіи суровыхъ аскетовъ и въ то-же время придти въ тупикъ, если-бъ одна изъ подобныхъ личностей явилась вдругъ къ вамъ въ гости, а тѣмъ болѣе оказалась вашимъ родственникомъ. Къ тому-же м-съ

Мейриксъ всегда надѣялась вмѣстѣ съ своими дочерьми, что преданность Миры къ еврейской вѣрѣ мало-по-малу ступается отъ постоянныхъ дружескихъ сношеній съ ея семействомъ, и въ глубинѣ своего сердца оканчивала романъ молодой еврейки не отысканіемъ ея родственниковъ, а свадьбой съ Гансомъ, любовь котораго не была тайной для матери. А теперь явился братъ, который, конечно, укрѣпитъ въ Мирѣ всѣ ея еврейскія стремленія. Поэтому она не могла удержаться, чтобъ не сказать Дерондѣ:

— Я не менѣе вашего рада, что ея братъ не закладчикъ Коганъ, и увѣрена, что Мардохей хорошій человѣкъ, но я никогда не любила фанатиковъ, вѣроятно, потому, что въ юности меня преслѣдовали проповѣдями.

— Я не думаю, чтобъ Мардохей надоѣдалъ кому-нибудь своими проповѣдями, отвѣчалъ Деронда;— онъ не фанатикъ, то-есть человѣкъ съ узкимъ, одностороннимъ взглядомъ, несправедливо и несочувственно относящійся къ людямъ противоположныхъ мнѣній. Мардохей—энтузіастъ; я такъ называю высшій умъ, стремящійся къ общему благу всего человѣчества. Онъ не еврей въ строгомъ смыслѣ этого слова и выказываетъ удивительное снисхожденіе и сочувствіе ко всѣмъ. Люди, съ которыми онъ живетъ, чрезвычайно его любятъ, хотя не въ состояніи понимать его идей.

— Хорошо, я буду любить его за тѣ хорошія стороны, которыя увижу въ немъ, а относительно другихъ достоинствъ я повѣрю вамъ на-слово. Согласно вашему опредѣленію, можно быть фанатикомъ и поклоняться только здравому смыслу; мой мужъ всегда говаривалъ, что плохо было-бы жить на свѣтѣ, если-бы въ немъ не было ничего, кромѣ здраваго смысла. Во всякомъ случаѣ—(разговоръ происходилъ въ квартирѣ, приготовляемой для брата и сестры),—я позабочусь, чтобъ нигдѣ не дуло изъ оконъ и чтобъ у брата Миры была мягкая постель.

— Теперь надо обо всемъ предупредить Мардохея и перевезти его сюда, что, пожалуй, будетъ не легко, сказалъ Деронда:

— А вы хотите рассказать объ этомъ Мирѣ прежде, чѣмъ я своимъ дѣтямъ? спросила м-съ Мейриксъ, но видя, что Деронда колеблется своимъ отвѣтомъ, прибавила тономъ убѣжденія:—я полагала-бы лучше сказать обо всемъ Гансу и дѣвочкамъ наканунѣ вечеромъ, а на другое утро, когда вы пріѣдете, они нарочно уйдутъ изъ дома.

— Да, я думаю, что такъ будетъ лучше, но пожалуйста не восстанавливайте ихъ противъ Мардохея, представляя его Мукль-ротомъ, сказалъ Деронда съ улыбкою.

— Будьте спокойны, я такъ пламенно выставлю всѣ причины, говорящія въ его пользу, что сама увѣрю въ него.

Деронда не сталъ болѣе распространяться о Мардохеѣ, потому что его всецѣло занимала мысль, какъ перевезти Мардохея, не нанося оскорбленія семейству Коганъ, привязанностью котораго Мардохей, очевидно, дорожилъ. Въ послѣднее время онъ видался съ Мардохеемъ въ тавернѣ, но теперь написалъ ему, что на другой вечеръ придетъ въ квартиру Когановъ, такъ-какъ имѣеть сообщить ему нѣчто важное. Деронда надѣялся, что это письмо послужитъ маленькимъ подготовленіемъ.

Дѣйствительно, когда онъ явился въ назначенный часъ, то все семейство Коганъ встрѣтило его не только съ обычной любезностью, но и съ какою-то безмолвной таинственностью. Только маленькій Ляковъ, отворивъ дверь въ мастерскую, громко воскликнулъ:

— Мардохей, къ вамъ пришелъ молодой франтъ.

Мать и бабушка закричали на мальчика, а Деронда, войдя въ мастерскую, увидалъ, что въ ней были сдѣланы нѣкоторыя приготовления для его приѣма: огонь горѣлъ въ каминѣ, свѣчи были зажжены, коверъ положенъ на полъ передъ креслами.

— Вы пришли сказать мнѣ нѣчто, чего жаждетъ моя душа, сказалъ Мардохей, идя на-встрѣчу Дерондѣ и говоря торжественнымъ, пламеннымъ тономъ.

— Да, я имѣю сказать вамъ нѣчто важное и, надѣюсь, радостное для васъ, отвѣчала Деронда.

— Вы узнали о своемъ происхожденіи! воскликнулъ Мардохей съ жаромъ;—вы теперь мой братъ. Насъ не раздѣляетъ никакое сомнѣніе. Наслѣдіе нашихъ отцовъ—ваше.

— Я ничего не узналъ новаго о себѣ, промолвилъ Деронда, зная, что разочарованіе будетъ тяжело для Мардохея, но не желая поддерживать въ немъ несбыточныхъ надеждъ.

Мардохей опустился въ кресло въ безмолвномъ отчаяніи.

— Но, продолжалъ Деронда послѣ минутнаго молчанія, — я познакомился съ близкой къ вамъ особой.

Мардохей спокойно взглянулъ на Деронду, не дѣлая даже никакихъ догадокъ.

— Это — лицо, близкое къ вашей покойной матери, сказалъ Деронда, желая понежному подготовить Мардохея, но видя, что онъ безпокойно вздрогнулъ, поспѣшно прибавилъ:— оно было для васъ и для матери дороже всего на свѣтѣ.

Мардохей схватилъ Деронду за руку и въ глазахъ его виднѣлся страхъ услышать мрачную вѣсть о дорогомъ существѣ. Деронда его понялъ и мгновенно произнесъ:

— То, о чемъ вы молили Бога, случилось. Мира спасена отъ зла. Ваша сестра достойна матери, которую вы такъ уважали.

Мардохей снова откинулся на спинку кресла и, закрывъ глаза, началъ что-то бормотать про себя по-еврейски. Мало-по-малу онъ успокоился и лицо его приняло такое невозмутимое, счастливое выраженіе, какое иногда бываетъ у покойниковъ. Впервые Деронда нашель въ немъ сходство съ Мирой. Какъ только Мардохей могъ выслушать рассказъ Деронды, онъ передалъ ему исторію Мира, но не распространялся о поведеніи ея отца, объяснилъ ея бѣгство въ Англію желаніемъ найти мать и, скрывъ ея попытку утопиться, описалъ подробно ея пребываніе въ домѣ его друзей.

— Она болѣе всего заботится объ отысканіи своей матери и брата, прибавилъ онъ;— и для этой цѣли я, принимая въ ней живое участіе, явился въ этотъ домъ. Имя Эздры Когана было для меня самымъ интереснымъ на свѣтѣ. Признаюсь, я очень боялся, чтобъ Коганъ не оказался ея братомъ, и вотъ почему я васъ спрашивалъ объ его сестрѣ. Но узнавъ, что ея Эзра скрывается подъ именемъ Мардохея, я успокоился; у нея вполнѣ достойный братъ.

— Мардохей — мое настоящее имя. Меня зовутъ Эзра-Мардохей Коганъ.

— Вы не родственникъ Коганамъ?

— Нѣтъ. Мое сердце только лежитъ къ людямъ, которые пріютили меня изъ любви къ соотечественнику, которая сохранилась еще въ еврейскихъ сердцахъ. Я мирюсь съ ихъ невѣжествомъ и, питая къ нимъ благодарность, сознаю всю нравственную нищету еврейскаго народа.

— Но вы не обязаны оставаться у нихъ теперь, потому что нашлись болѣе близкіе вамъ люди, сказалъ Деронда;— вамъ слѣдуетъ, не правда-ли, жить теперь съ вашей сестрой, и я пригото-

вилъ для васъ обоихъ квартиру, по близости къ ея друзьямъ. Пожалуйста, исполните мое желаніе. Я тогда буду въ состояніи бывать у васъ часто въ тѣ часы, когда Мира занята. Но, главное, Мира пожелаетъ ухаживать за вами, а вы должны, какъ братъ, быть ея покровителемъ. У васъ будетъ вдоволь книгъ и вы не откажетесь заниматься со мною, а иногда кататься по рѣкѣ. Вы найдете въ новомъ помѣщеніи отдохъ и комфортъ, которые вамъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимы. Согласитесь на мою просьбу и вы меня осчастливите.

Деронда говорилъ съ искреннимъ чувствомъ, а Мардохей пристально смотрѣлъ на него.

— И вы еще хотите, чтобъ я сомнѣвался въ вашемъ еврейскомъ происхожденіи, сказалъ онъ съ жаромъ послѣ непродолжительнаго молчанія;—развѣ съ самой первой минуты наши души не узнали другъ друга какъ-бы послѣ долгой разлуки? Развѣ мы не походимъ на листья одного дерева, колеблемые однимъ дуновеніемъ? Кровь израиля течетъ въ вашихъ жилахъ.

Деронда молчалъ, но лицо его побагровѣло. Онъ не могъ ни отрицать словъ Мардохея, ни соглашаться съ ними. Онъ ждалъ, чтобъ Мардохей далъ ему болѣе рѣшительный отвѣтъ.

— Все, что вы желаете, я сдѣлаю, сказалъ, наконецъ, Мардохей твердо; — моя мать, да благословить ее предвѣчный Богъ, подтвердила-бы ваше желаніе. Я принимаю все, что вы для меня приготовили, и домъ Миры будетъ моимъ дожомъ. Но, прибавилъ онъ грустно, — мнѣ жаль разстаться съ Коганами и ихъ дѣтьми. Скажите вы имъ объ этомъ, у меня не хватитъ духу.

Деронда согласился и они тотчасъ пошли въ гостиную, гдѣ было собрано все семейство, отъ Когана и его матери до маленькой Евгеніи. Извѣстіе о томъ, что Мардохей разстается съ ними, произвело грустное впечатлѣніе на всѣхъ.

— Вы будете жить въ другомъ домѣ, гдѣ нѣтъ такихъ дѣтей, какъ здѣсь, сказала г-жа Коганъ плачевнымъ голосомъ.

— Не будетъ у васъ ни Якова, ни Аделаиды, ни Евгеніи, прибавила бабушка.

— Некому теперь учить Якова, надо его отправить въ школу, сказалъ Коганъ рѣшительно;—тяжело ему будетъ.

При этихъ словахъ Яковъ громко разревился и ему тотчасъ стали вторить Аделаида и Евгенія. Пока женщины унимали дѣ-

тей, Коганъ произнесъ длинную, не совсѣмъ связную рѣчь, въ которой старался выразить, что они были очень рады за Мардохея этой пережѣнѣ къ лучшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ не сожалѣть, что у нихъ отнимается доброе дѣло, которое, конечно, принесло-бы имъ свою долю пользы.

— Друзья мои! воскликнулъ Мардохей, — я никогда не разстался-бы съ вами ради лучшей пищи, одежды или жилища. Вы услащали мнѣ любовью каждый кусокъ хлѣба, и я надѣялся до конца своей жизни учить Якова. Конечно, я не отвернулся-бы безъ важной причины отъ вашей теплой доброты. Но вы знаете: „награда за исполненіе одной обязанности заключается въ способности исполнить другую“, какъ говорятъ Бенъ-Азай. Вы обратили свой долгъ къ ближнимъ въ радость для себя и для меня; ваша награда будетъ въ томъ, что вы никогда не лишитесь возможности доставлять себѣ счастье подобными дѣлами. А Якову можно будетъ приходить ко мнѣ.

— Конечно, произнесъ Деронда, — ваша новая квартира недалеко, въ Бромптонѣ.

— Такъ вы, сэръ, не объ ученыхъ предметахъ хотѣли поговорить съ Мардохеемъ? сказалъ Коганъ съ улыбкой; — я всегда подозрѣвалъ, что тутъ кроется нѣчто важное.

— Мардохей вамъ, можетъ быть, объяснить, почему я искалъ его, произнесъ Деронда, вставая съ мѣста и прощаясь съ Коганами.

Мардохей проводилъ его на улицу и торжественно промолвилъ:

— Неисповѣдимы пути провидѣнія! Моя жизнь только начало великаго дѣла, которое вы исполните.

Деронда молча пожалъ ему руку и они разстались.

XLVII.

Деронда съ такимъ удовольствіемъ занимался всѣми подробностями туалета Мардохея и мебелировки квартиры, точно онъ былъ художникъ и подбиралъ эффекты для своей картины. Онъ уже предвкушалъ то впечатлѣніе, которое произведетъ Мардохей въ сѣрой шерстяной фуфайкѣ и длинномъ коричневомъ халатѣ, походившемъ на францисканскую рясу. Конечно, при этомъ главной его

заботой было удалить отъ Миры всякую непріятность въ ея жизни съ братомъ, но, устроивъ все какъ можно лучше, онъ невольно спрашивалъ себя, не ошибался-ли онъ насчетъ ея чувствъ: очень можетъ быть, что въ бѣднѣйшей обстановкѣ она, подобно ему, скорѣе поняла-бы величіе своего брата. Однакожь, ему надо было думать не объ одной Мирѣ, а также и о томъ, чтобы расположить въ пользу Мардохея все семейство Мейрикъ, а потому онъ еще болѣе старался удалить всякій малѣйшій поводъ къ возбужденію въ нихъ обыкновеннаго чувства отвращенія къ евреямъ. Онъ еще удвоилъ-бы эти усилія, если-бъ слышалъ разговоръ и-съ Мейрикъ съ своими дѣтьми однажды вечеромъ, послѣ того, какъ Мира ушла спать.

— Сядьте всѣ вокругъ меня, сказала и-съ Мейрикъ. — Гансъ, полно тебѣ хохотать въ девяносто девятый разъ надъ одними и тѣми-же стихами. Я вамъ должна рассказать кое-что очень важное.

— Я это видѣла уже давно по вашимъ глазамъ и таинственнымъ отлучкамъ изъ дома, отвѣчала Кэти.

— Если ужъ ты такъ умна, то, можетъ быть, знаешь, что братъ Миры найденъ, произнесла и-съ Мейрикъ.

— Чортъ его возьми! воскликнулъ Гансъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, сказала Маѣ; — а если-бъ ты у насъ пропала?

— Я не могу не сожалѣть объ этомъ, произнесла Кэти. — А ея мать? Гдѣ она?

— Она умерла.

— Я надѣюсь, что ея братъ хорошій человѣкъ, сказала Эни.

— А я надѣюсь, что онъ не похожъ на ассирійца въ Хрустальномъ дворцѣ, промолвилъ Гансъ, нахмуривъ брови.

— Я никогда не видывала такихъ безчувственныхъ дѣтей, сказала и-съ Мейрикъ, подстрекаемая оппозиціей къ пламенной защитѣ Мардохея; — вы нисколько не думаете о радости Миры.

— Но она едва помнитъ своего брата, замѣтила Кэти.

— Люди, пропадавшіе двѣнадцать лѣтъ, не должны отыскиваться, произнесъ Гансъ: — они всѣмъ иѣшуютъ.

— Гансъ, отвѣчала съ упрекомъ и-съ Мейрикъ, — если-бъ я пропала двадцать лѣтъ, то...

— Я говорилъ о двѣнадцати годахъ, перебилъ ее Гансъ; — на такой срокъ пропавшій родственникъ пропалъ на-всегда.

— А все-же хорошее дѣло находить пропавшихъ, сказала Мабъ.— Принцъ Камарильзаманъ его отыскалъ?

М-съ Мейрикъ разсказала подробно все, что знала, и потомъ прибавила:

— М-ръ Деронда съ восторгомъ и уваженіемъ отзывается о Мардохеѣ. Онъ говоритъ, что Мира именно способна оцѣнить такого брата.

— Деронда съума сошелъ на жидакъ! воскликнулъ Гансъ съ отвращеніемъ и, вскочивъ, швырнулъ отъ себя стулъ;— онъ хочетъ только усилить въ Мирѣ ея предразсудки.

— Стыдись, Гансъ, такъ говорить о м-рѣ Дерондѣ, замѣтила Мабъ.

— И мы ужъ теперь никогда не будемъ просиживать вечера по-прежнему, продолжалъ Гансъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ;— этотъ пророкъ Елисей будетъ вѣчно торчать между нами, а Миру вѣчно будетъ занимать одна мысль— какъ-бы отправиться въ Іерусалимъ. Помните мое слово, ее совершенно испортятъ и сдѣлаютъ вмѣсто артистки ханжей. Все пойдетъ къ чорту. Миѣ остается только спиться съ круга.

— Фи, Гансъ! произнесла Кэти съ нетерпѣніемъ.— Мужчины— самыя ужасныя чудовища на свѣтѣ. Все непремѣнно должно дѣлаться по ихъ желанію или они становятся нестерпимы.

— Я желала-бы знать, зачѣмъ ты, Гансъ, былъ въ университетѣ и учился всему, если ты такой ребенокъ, сказала Эми;— надо примириться съ человѣкомъ, котораго посылаетъ намъ Провидѣніе.

— Надѣюсь, что вамъ всѣмъ понравится этотъ ходячій плачъ Іереміи, отвѣчалъ Гансъ, схватывая шляпу;— не къ чему быть самостоятельнымъ человѣкомъ, если необходимо подчиняться какому-то сумасшедшему. Тогда лучше быть старымъ башмакомъ. а я не башмакъ и не старій. Ну, прощайте, мама, прибавилъ онъ, поспѣшно цѣлуя м-съ Мейрикъ и въ дверяхъ уже прибавилъ:— прощайте, дѣвчонки.

— Если-бъ только Мира видѣла, какъ ты ведешь себя! воскликнула Кэти. Но Гансъ не удостоилъ ее отвѣтомъ и громко хлопнулъ дверью.— Какъ-бы я желала видѣть Миру въ ту минуту, когда м-ръ Деронда объявитъ ей эту новость. Я знаю, что она будетъ великолѣпна!

Обдумавъ хорошенько. Деронда написалъ м-съ Мейрикъ письмо.

въ которомъ просилъ разсказать Мирѣ все, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ желаетъ остаться съ Мардохеемъ и ожидать ея прїѣзда съ Мирой. Въ сущности-же ему было противно лично выдавать себя за общаго благодѣтеля.

Въ глубинѣ своей души Деронда чувствовалъ нѣкоторое безпокойство о томъ, какъ встрѣтить сестру Мардохей, привыкшій столько лѣтъ предаваться всецѣло своимъ восторженнымъ идеямъ. Конечно, онъ выказывалъ теплое расположеніе къ семейству Коганъ, особенно къ маленькому Якову, но онъ къ нимъ привыкъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и Деронда замѣтилъ съ удивленіемъ, что Мардохей ничего не разспрашивалъ о Мирѣ, а молча подчинялся переменѣ, происшедшей въ его жизни. Онъ послушно, какъ ребенокъ, надѣлъ свою новую одежду и только съ улыбкой сказалъ Дерондѣ:

— Я желалъ-бы сохранить мое старое платье, какъ воспоминаніе о прошедшемъ.

Когда наступило время посѣщенія Миры, Мардохей сѣлъ въ кресло и, закрывъ глаза, упорно молчалъ, но его руки и вѣки нервно дрожали. Онъ находился въ томъ нервномъ состояніи, которое свойственно людямъ, направившимъ въ одну извѣстную точку все свое умственное бытіе и вдругъ побуждаемымъ своротить въ сторону отъ назначеннаго себѣ пути. Впечатлительная натура пугается встрѣчи съ прошедшимъ, отъ котораго она уже давно отвернулась; быть можетъ, въ этой встрѣчѣ кроется радость, но и радость бываетъ страшная.

Деронда также чувствовалъ какое-то безпокойство и, услыхавъ звонокъ, пошелъ на-встрѣчу Мирѣ. Онъ съ изумленіемъ увидалъ, что на ней были старая шляпка и плащъ, въ которыхъ она хотѣла утопиться въ Темзѣ. М-съ Мейрикъ не менѣе его изумилась этому костюму, когда Мира вышла изъ своей комнаты.

— Вы хотите пойти къ брату въ этой одеждѣ? спросила она.

— Да, братъ бѣденъ и я хочу быть какъ можно ближе къ нему, а то онъ станетъ меня чуждаться, отвѣчала Мира, воображавшая, что увидитъ Мардохея въ одеждѣ простаго работника.

Деронда не могъ промолвить ни слова, но ему стало стыдно, что онъ такъ хлопоталъ о приличной вѣшной обстановкѣ. Мира была очень блѣдна и задумчива; они молча пожали другъ другу руку.

Когда Деронда отворилъ дверь и пропустилъ впередъ Миру, Мардохей всталъ съ кресла, устремляя пламенный взоръ на молодую дѣвушку. Она сдѣлала два шага и остановилась. Они молча посмотрѣли другъ на друга. Имъ казалось, что при этомъ свиданіи присутствуетъ невидимо ихъ любимая мать.

— Эзра, сказала, наконецъ, Мира тѣмъ самымъ тономъ, которымъ она произносила это слово, рассказывая Мейрикамъ о матери и братѣ.

— Это голосъ нашей матери! произнесъ Мардохей, подходя къ Мирѣ и нѣжно положивъ руку на ея плечо;—ты помнишь, какъ она меня такъ называла?

— Да, а ты отвѣчалъ съ любовью „матушка“, промолвила Мира и, обнявъ его, поцѣловала съ дѣтскимъ жаромъ.

Мардохей былъ гораздо выше ея и потому она должна была притянуть къ себѣ его голову, а сама приподняться на цыпочкахъ, причежь ея шляпка свалилась и ея кудри рассыпались.

— Милая, милая головка, сказалъ Мардохей, съ любовью глядя волоса Мира.

— Ты очень боленъ, Эзра? промолвила Мира грустно.

— Да, дитя мое, я недолго останусь съ тобою на этомъ свѣтѣ, спокойно отвѣчалъ онъ.

— Я буду очень любить тебя и расскажу тебѣ все, продолжала Мира;—а ты меня научишь, какъ сдѣлаться хорошей еврейкой. Это ей будетъ по сердцу. Я постоянно буду сидѣть съ тобою въ свободное время, потому что я работаю и буду содержать насъ обоихъ. Ты не знаешь, какіе у меня чудесные друзья!

До этой минуты она забыла, что въ комнатѣ были посторонніе, но теперь она взглянула съ благодарностью на м-съ Мейрикъ и Деронду.

— Посмотри на эту прекрасную женщину, продолжала она:—я была несчастна и одинока; она мнѣ вѣрила и обращалась со мною, какъ съ дочерью. Пожалуйста, дайте вашу руку брату, прибавила она нѣжно, взяла руку м-съ Мейрикъ и, соединивъ ее съ рукою Мардохея, поднесла ихъ къ своимъ губамъ.

— Провидѣніе послало васъ сестрѣ, сказалъ Мардохей;—вы исполнили то, о чемъ всегда молилась наша мать.

— Я думаю, что намъ лучше теперь уйти, промолвилъ

вполголоса Деронда, дотрогиваясь рукою до плеча м-сь Мейриксъ, которая тотчасъ послѣдовала за нимъ.

Онъ боялся, чтобъ Мира не стала при немъ рассказывать, какъ онъ спасъ ее, что онъ старательно скрылъ отъ Мардохея, и теперь, увидавъ первую встрѣчу брата съ сестрой, онъ уже болѣе не боялся оставить ихъ наединѣ.

ГЛАВА XLVIII.

Тяжелый, напрасный трудъ стараться устроить свою жизнь такъ, чтобъ наша безопасность была вполне обеспечена; это краснорѣчиво доказалъ Макиавелли ссылкой на примѣръ Цезаря Борджіа, который заранѣе принялъ мѣры къ устраненію всѣхъ случайностей, могущихъ ему повредить послѣ смерти отца, и только не предусмотрѣлъ одного—что онъ самъ могъ умереть тотчасъ послѣ отца.

Значеніе Грандкорта, какъ англійскаго подданнаго, было чисто пассивное, происходившее отъ его поземельныхъ владѣній. Политическія и общественныя движенія касались его только чрезъ повышение или пониженіе ренты, и его біографу не надо было-бы изучать шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, политики Бисмарка, рабочихъ союзовъ, избирательныхъ системъ и послѣдней коммерческой паники. Грандкортъ пробѣгалъ лучшія газетныя статьи по этимъ предметамъ, и нельзя сказать, чтобъ его взгляды не отличались широтою, такъ-какъ онъ считалъ всѣхъ нѣмцевъ, коммерческихъ дѣятелей и избирателей „варварами“; но онъ никогда не принималъ никакого участія въ политическихъ спорахъ, смотрѣлъ искоса на всякаго, кто заговаривалъ съ нимъ о политикѣ, а самъ хранилъ торжественное молчаніе, которое не разъ колебало мнѣнія шаткихъ мыслителей.

Однако въ сферѣ своего личнаго интереса онъ выказывалъ нѣкоторые изъ высшихъ дипломатическихъ качествъ. Ничто въ отношеніяхъ Гвендолины къ Дерондѣ не ускользало отъ его взгляда. Онъ не признавалъ себя ревнивымъ, потому что ревность доказывала-бы сомнѣніе въ своей силѣ помѣшать тому, чего онъ не желалъ. Ему нисколько не было непріятно, что жена предпочитала его обществу обществу другого, но онъ хотѣлъ, чтобы она была вполне убѣждена въ невозможности противорѣчить въ чемъ-бы то

ни было его волѣ. Хотя, быть можетъ, передъ женитьбой онъ выказывалъ колебаніе и дѣйствовалъ по капризу, теперь-же онъ нисколько не колебался насчетъ смысла супружескихъ узъ. Онъ не раскаивался въ своемъ бракѣ, который далъ ему новую цѣль въ жизни, новый предметъ для подчиненія своей волѣ. Онъ не раскаивался и въ своемъ выборѣ. Онъ любилъ блескъ и Гвендолина вполне удовлетворяла его вкусу. Онъ не желалъ-бы имѣть женою женщину, равную или выше его по общественному положенію. Ему было-бы противно, если-бъ у его жены были ногти не длинныя и не красивыя, уши слишкомъ большія или красныя. Ему было-бы досадно, если-бъ она не умѣла разговаривать умно и остро. Всѣ эти требованія врядъ-ли покажутся чрезмѣрными, но, конечно, немногіе были-бы довольны, подобно ему, тѣмъ, что Гвендолина вышла за него замужъ не по любви, а по другимъ побужденіямъ, и что она отличалась гордымъ, вспыльчивымъ характеромъ, который тѣмъ пріятнѣе было укрощать. Грандвортъ предпочиталъ любви господство и потому находилъ свой выборъ вполне удовлетворительнымъ. Онъ взялъ на себя роль мужа и рѣшился ни въ какомъ случаѣ не дозволить себя дурачить. Онъ былъ далекъ отъ ревности, хотя его поведеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень походило на ревность; такъ желтый цвѣтъ всегда походить на желтый, хотя онъ составляется изъ смѣси различныхъ цвѣтовъ.

Грандвортъ переѣхалъ въ Лондонъ ранѣе обыкновеннаго для того, чтобъ заняться своимъ духовнымъ завѣщаніемъ и заключеніемъ выгодной сдѣлки съ дядей насчетъ наслѣдства Дипло, такъ-какъ искусно веденная тактика сэра Гюго достигла своей цѣли. Но, кромѣ того, онъ желалъ показать великосвѣтскому обществу свою прелестную жену, на которой онъ женился совершенно неожиданно для всѣхъ. Правда, онъ ставилъ ни во что восхищеніе другихъ, но для того, чтобъ презирать восхищающимися зрителями, надо было, чтобъ они существовали, а это было возможно только въ Лондонѣ. Поэтому онъ находилъ удовольствіе являться съ женою въ блестящемъ обществѣ, на обѣдахъ, балахъ и модныхъ прогулкахъ. Ему было пріятно, что ею всѣ восхищались и ухаживали за нею, онъ даже былъ-бы не прочь, чтобъ она кокетничала съ толпою своихъ поклонниковъ. Но одно только ему не нравилось—ея обращеніе съ Дерондой.

На музыкальномъ вечерѣ леди Малинджеръ Грандкорта поразили, не менѣе Ганса, горячій разговоръ Гвендолины съ Дерондой, но онъ не сдѣлалъ ей никакого замѣчанія, боясь высказать слишкомъ рѣзко свое отвращеніе, что было-бы только униженіемъ для его гордости. Говоря о томъ, кого пригласить къ себѣ на вечеръ, онъ просто упомянулъ Деронду вмѣстѣ съ Малинджерами, съ цѣлью доказать, что присутствіе или отсутствіе Деронды для него не имѣло никакого значенія. Однакожь черезъ нѣсколько дней онъ нашель случай сказать, хотя вовсе не встати:

— Ничто такъ не противно въ женщинѣ, какъ неумѣнье держать себя въ обществѣ и бросаться публично на шею кому-бы то ни было. Женщина должна прежде всего имѣть прекрасныя манеры, иначе невозможно выѣзжать съ нею въ свѣтъ.

Гвендолина поняла этотъ намекъ и съ испугомъ подумала, неужели она не умѣетъ вести себя въ обществѣ. Но выговоръ мужа только увеличилъ ея желаніе какъ можно чаще видѣться съ Дерондой. Это, однакожь, было довольно трудно среди шумной и разнообразной столичной жизни, имѣвшей все-же для Гвендолины много сторонъ, удовлетворявшихъ ея самолюбію. За то тѣ сравнительно рѣдкіе случаи, когда она могла поговорить съ Дерондой, принимали въ ея глазахъ гораздо большую важность, чѣмъ они дѣйствительно имѣли. Что-же касается Деронды, то онъ, конечно, ея не избѣгалъ, желая доказать самымъ деликатнымъ образомъ, что ея откровенность нисколько не уменьшила его уваженія. Кромѣ того, какъ могъ онъ не находить удовольствія въ ея обществѣ? Она была не только любопытной загадкой, но и прелестной женщиной, въ судьбѣ которой онъ считалъ себя нѣсколько ответственнымъ, тѣмъ болѣе, что, думая о своей собственной будущности, онъ нисколько не связывалъ ея съ этимъ блестящимъ существомъ, умолявшимъ его о постоянной помощи, на томъ основаніи, что онъ однажды предостерегъ ее отъ опасности.

Какъ мы уже сказали, Грандкортъ своими замѣчаніями только усиливалъ въ Гвендолинѣ то чувство, которое хотѣлъ въ ней уничтожить. Одно изъ нихъ имѣло близкое отношеніе къ Мирѣ. Однажды за завтракомъ Гвендолина сказала съ своей прежней рѣшимостью:

— Я хочу извлечь пользу изъ нашего пребыванія въ городѣ брать уроки пѣнія.

— Зачѣмъ? процѣдилъ Грандкорть.

— Зачѣмъ? повторила Гвендолина, надувъ губы; — потому, что я не могу наѣсться до усыпленія страсбургскимъ паштетомъ, курить сигары или ѣздить въ клубъ, а надо-же чѣмъ-нибудь развлечь свою скуку. Въ какое время дня, когда ты занятъ, мнѣ лучше брать уроки у маленькой жидовки, вошедшей теперь въ моду?

— Когда хочешь, отвѣчалъ Грандкорть и потомъ прибавилъ, неподвижно смотря на нее, — я, право, не знаю, къ чему свѣтской женщинѣ пѣть. Любители всегда разыгрываютъ изъ себя дураковъ. Никакая леди, конечно, не рискнетъ пѣть въ обществѣ, а дома никто не нуждается въ ея завываніяхъ.

— Я люблю откровенность, это лучшее качество мужа, отвѣчала Гвендолина, — но ты, вѣроятно, не будешь имѣть ничего противъ приглашенія миссъ Лапидотъ на нашъ вечеръ? Леди Бракеншо и Раймондсы, тонкіе музыкальные цѣнители, приглашали ее на свои музыкальные вечера, а м-ръ Деронда, хорошій музыкантъ, говоритъ, что ея пѣніе какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ домашнимъ концертамъ. Я думаю, что его мнѣніе можетъ служить авторитетомъ.

— Неприлично Дерондѣ такъ расхваливать эту дѣвчонку, сказалъ небрежно Грандкорть.

— Неприлично! повторила Гвендолина, покраснѣвъ.

— Да, особенно когда ей повровительствуетъ леди Малинджеръ. Ему слѣдовало-бы молчать о ней. Мужчинамъ понятно, въ какихъ онъ съ нею отношеніяхъ.

— Тѣмъ мужчинамъ, которые судятъ о другихъ по себѣ! воскликнула Гвендолина, болѣзненно поблѣднѣвъ.

— Конечно, а женщины должны полагаться на сужденіе мужчинъ, а иначе онѣ могутъ попасть въ просакъ. Ты, вѣроятно, считаешь Деронду святымъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Гвендолина, призывая на помощь все свое самообладаніе, — я считаю его не святымъ, но не такимъ чудовищемъ, какъ многие.

Она встала, отодвинула стулъ и медленно вышла изъ комнаты, словно пьяница, боящійся обнаружить, что онъ пьянъ. Запершись въ своей уборной, она долго сидѣла блѣдная, неподвижная. Даже послѣ прочтенія рокового письма м-съ Глашеръ она

не ощущала такого отчаянія, какъ въ эту минуту. Деронда оказывался вовсе не такимъ человѣкомъ, какимъ она его себѣ представляла, и это разочарованіе болѣзненно сжало ея сердце. Она не разсуждала, было-ли замѣчаніе Грандкорта справедливымъ или нѣтъ, а содрагалась отъ представлявшагося ей страшнаго образа, тѣмъ болѣе вѣроятнаго, что ея вѣра въ Деронду не была ни на чемъ основана. Она вовсе не знала его прошедшаго и, какъ ребенокъ, слѣпо довѣрилась ему. Его строгій тонъ въ отношеніи ея и упреки казались ей теперь отвратительными, всѣ высшія теории были, очевидно, только обманомъ, а прекрасное, серьезное лицо Деронды, повидимому, служило только маской для прикрытія обыкновеннаго свѣтскаго разврата. Всѣ эти мысли съ необычайной быстротой смѣнялись въ ея головѣ, но вдругъ въ ней произошла неожиданная реакція.

— Это неправда, произнесла она почти вслухъ; — какое мнѣ дѣло, что думаетъ о немъ Грандкортъ!

Но это не значило, чтобъ въ ней воскресла прежняя слѣпая вѣра, а просто она хваталась за соломенку, какъ утопающій. Но она не могла оставаться съ этимъ горькимъ сомнѣніемъ въ сердцѣ. Съ обычнымъ своимъ пыломъ она стала обдумывать средства, чтобъ узнать истину. Прежде всего она хотѣла ѣхать къ леди Малинджеръ и вывѣдать отъ нея все, что ей извѣстно о Мирѣ, потому что она рѣшилась написать Дерондѣ, которому она могла выразить всю горечь своего разочарованія. Наконецъ, она остановилась на немедленномъ посѣщеніи Миры подъ предлогомъ пригласить ее на свой вечеръ. Она не видѣла другого способа разсѣять свое сомнѣніе. Она даже не имѣла времени обстоятельно объ этомъ подумать. Если-бъ мысль, приводившая ее въ бѣшенство, была живымъ существомъ, то она вступила-бы въ личную борьбу съ нимъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ.

Вставъ съ кресла, она позвонила, спросила, дома-ли м-ръ Грандкортъ, и, узнавъ, что онъ уѣхалъ, приказала заложить карету и принялась одѣваться. Потомъ она сошла въ гостиную и стала ходить взадъ и впередъ, не узнавая себя въ громадныхъ зеркалахъ и не замѣчая ничего въ своей золоченой клѣткѣ. Конечно, до ея мужа дойдетъ, куда она ѣздила, и онъ такъ или иначе накажетъ ее за это, но ей теперь ни до чего не было дѣла,

кромя необходимости убѣдиться, что она не напрасно вѣровала въ Деронду.

У нея былъ адресъ Миры и черезъ нѣсколько минутъ она уже вѣхала къ ней въ великолѣпномъ экипажѣ, быстро уносящемъ ея безпокойно бьющееся сердце. Она не знала, что спросить у Миры, и какъ узнаеть то, чего жаждала ея душа; вообще она ничего не сознавала, пока не очутилась въ комнатѣ миссъ Лапидотъ и не услышала за дверью голоса Деронды. Овладевшее ея смущеніе было такъ велико, что она сама испугалась и съ нервной дрожью стала снимать перчатки. Но когда вышла Мира и съ нѣжной улыбкой привѣтствовала ее, она нашла въ себѣ достаточно силы, чтобъ также съ улыбкой протянуть ей руку. Прелестное лицо молодой дѣвушки и голосъ Деронды какъ-то успокоили ее и она теперь смутно чувствовала, что тайна, за разгадкой которой она пріѣхала, не могла быть страшной. Между тѣмъ Мира сѣла подлѣ Гвендолины и смотрѣла на нее въ безмолвномъ ожиданіи.

— Вы, вѣроятно, удивляетесь, что я сама пріѣхала, сказала, наконецъ, Гвендолина страннымъ, застѣнчивымъ тономъ; — можетъ быть, мнѣ слѣдовало вамъ написать... но у меня до васъ большая просьба.

— Я очень рада, что вижу васъ, а не ваше письмо, отвѣчала Мира, съ удивленіемъ замѣчая неожиданную переимѣну въ „Вандиковой герцогинѣ“, какъ называлъ ее Гансъ.

Спокойное, розовое личико молодой дѣвушки представляло поразительный контрастъ съ блѣдными, взволнованными чертами блестящей красавицы въ роскошной шляпкѣ съ перьями.

— Я думала, продолжала Гвендолина, — по крайней мѣрѣ, я надѣялась, что вы не откажете въ моей просьбѣ пѣть у насъ на вечеръ четвертаго числа, какъ у леди Бракеншо. Я была-бы вамъ очень благодарна.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я пріѣду въ половинѣ десятаго или въ десять, отвѣчала Мира, не спуская глазъ съ Гвендолины, которая приходила все больше и больше въ смущеніе.

— Пожалуйста въ половинѣ десятаго, сказала она и умолкла, чувствуя, что ей нечего болѣе говорить.

Но она не могла уѣхать; это было невозможно. Голосъ Деронды раздавался въ ея ухахъ.

— М-ръ Деронда въ сосѣдней комнатѣ? промолвила она наконецъ.

— Да, отвѣчала Мира совершенно спокойно, — онъ читаетъ по-еврейски съ моимъ братомъ.

— У васъ есть братъ? спросила Гвендолина, которая совершенно забыла, что леди Малинджеръ рассказывала ей объ этомъ.

— Да, онъ очень боленъ, въ чахоткѣ, и м-ръ Деронда — лучший его другъ, также какъ и мой, произнесла Мира съ жаромъ.

— Скажите, промолвила Гвендолина почти шопотомъ и крѣпко схвативъ Миру за руку, — скажите мнѣ правду. Вы убѣждены, что онъ хорошій человѣкъ? Вы не знаете ничего о немъ дурного? Все, что говорятъ противъ него, — ложь?

Конечно, гордая, умная женщина не могла поступить болѣе по дѣтски, но изъ словъ Гвендолины Мира поняла только, что они выражали торжественное негодованіе.

— Кто говорить дурно о немъ? произнесла она, сверкая глазами и дрожащимъ голосомъ. — Я не повѣрила-бы, даже если-бы ангелъ явился мнѣ и сталъ-бы доказывать виновность м-ра Деронды. Онъ спасъ меня, когда я, бѣдная, покинутая всѣми, хотѣла утопиться. Вы тогда приняли-бы меня за нищую, а онъ обошелся со мною, какъ съ царской дочерью. Онъ поселилъ меня въ семействѣ прекраснѣйшей женщины и нашелъ моего брата. Онъ уважаетъ брата, несмотря на его нищету, и братъ также уважаетъ м-ра Деронду. А это не бездѣлица, прибавила Мира, гордо закинувъ голову; — мой братъ очень ученый, и м-ръ Деронда говорить, что мало такихъ превосходныхъ людей на свѣтѣ.

Въ послѣднихъ словахъ Миры звучало пламенное негодованіе противъ всѣхъ, не исключая и Гвендолины, которые сомнѣвались въ совершенствѣ Деронды; но Гвендолина не замѣтила этого, а только чувствовала какое-то сладостное утѣшеніе. Она ясно сознавала, что Деронда такъ-же мало походитъ на представленіе, которое составилъ себѣ о немъ Грандкортъ, какъ лондонское туманное утро, пропитанное газомъ, на свѣтлое, благоухающее деревенское утро.

— Благодарю васъ, благодарю, сказала она поспѣшно прежнимъ шопотомъ и, вставъ съ мѣста, громко прибавила, пожимая руку Мирѣ: — мнѣ пора ѣхать, до свиданія... вы будете у меня четвертаго... Очень вамъ благодарна.

Мира молча отворила ей дверь и не могла понять, почему она вдруг приняла гордый, холодный видъ.

Гвендолинъ было вовсе не до того, чтобъ выразить теплое сочувствіе къ тому существу, которое совершенно успокоило ея душевную тревогу. Необходимость опровергнуть слова Грандкорта о Дерондѣ не позволяла ей ни о чемъ думать, пока эта цѣль не была достигнута, но какъ только образъ Деронды возсталъ снова передъ нею во всей своей непорочной чистотѣ, она почувствовала, что ей не мѣсто у Миры, и ей стало страшно встрѣтиться съ Дерондой. По дорогѣ-же домой она начала думать о томъ, что ожидало ее въ блестящей тюрьмѣ на Гросвенорскомъ скверѣ. У подъѣзда ее встрѣтилъ Грандкортъ, возвратившійся съ прогулки, и, бросивъ сигару, торчавшую у него въ зубахъ, помогъ ей выйти изъ кареты. Она прошла прямо въ гостиную, чтобъ помѣшать ему послѣдовать за нею далѣе и тѣмъ отрѣзать ей отступленіе, если-бъ оно потребовалось. Опустившись въ кресло, она стала медленно снимать перчатки, какъ-бы не замѣчая его присутствія, хотя онъ сѣлъ противъ нея такъ близко, что нельзя было избѣгнуть его взгляда безъ преднамѣреннаго усилія.

— Могу я узнать, куда ты ѣздила въ такое странное время? спросилъ онъ, наконецъ.

— Конечно, отвѣчала Гвендолина, не смотря на него:— я ѣздила пригласить миссъ Ланидотъ...

— И спросить объ ея отношеніяхъ къ Дерондѣ? прибавилъ Грандкортъ холоднымъ, презрительнымъ тономъ.

Въ первый разъ со времени своей свадьбы она съ ненавистью посмотрѣла ему прямо въ глаза и открыто, съ горечью, сказала:

— Да, все, что вы говорили,—низкая ложь.

— Она вамъ это сказала? промолвилъ Грандкортъ еще болѣе презрительно.

Гвендолина не могла произнести ни слова. Неустрашимая, пламенная злоба мгновенно смѣнилась въ ней глубокимъ молчаніемъ. Она не могла ничѣмъ доказать справедливости своихъ словъ; могучіе, безспорные доводы въ ея глазахъ казались теперь слабыми, бессмысленными. Она имѣла одно доказательство—свое убѣжденіе въ невинности Деронды, но для Грандкорта это убѣжденіе было только безуміемъ. Она поспѣшно отвернулась отъ него и вышла-бы изъ комнаты, если-бъ онъ не загородилъ дорогу.

— Ты можешь когда угодно принимать ее для пѣнія, сказалъ Грандкортъ, понимая все свое преимущество, — но помни пожалуйста, что тебѣ не слѣдуетъ болѣе бывать въ ея домѣ. Ты моя жена и должна дѣлать то, что я считаю приличнымъ. Рѣшившись бытъ м-съ Грандкортъ, ты приняла на себя обязанность не корчить дуры, а сегодня ты сыграла дурацкую роль, и если ты будешь продолжать, то вскорѣ о тебѣ заговорять въ клубахъ, какъ о помѣшанной Ты не знаешь свѣта. Ты вышла замужъ за меня и должна руководствоваться моимъ мнѣніемъ.

Каждое изъ этихъ медленно произнесенныхъ словъ имѣло для Гвендолины страшную повелительную силу. Грандкортъ зналъ это и никогда болѣе не упомянулъ о случившемся. Однакожь, Гвендолина нисколько не отреклась отъ своей воскресшей вѣры въ Деронду, подобно тому, какъ во время религіозныхъ преслѣдованій старые протестанты сохраняли втайнѣ библію или католики крестъ. Но замѣчательно, что изъ разговора съ Мирой она вынесла только убѣжденіе, что Деронда былъ ея благодѣтелемъ. а тотъ фактъ, что онъ читалъ по-еврейски съ ея братомъ, совершенно ускользнулъ отъ ея вниманія.

Однако результатъ этого разговора, на-сколько онъ касался Грандкорта, ясно обнаружился въ ея постоянной внутренней борьбѣ и даже въ нѣкоторой внѣшней перемѣнѣ, быть можетъ, видимой только одному Дерондѣ. Послѣ cadaго случайнаго съ нею свиданія онъ все болѣе замѣчалъ, что въ ней усиливалась наружная блестящая холодность, рядомъ съ которой рѣзко отличались пугавшія его рѣдкія вспышки чувства. На самомъ дѣлѣ она подвергалась той дисциплинѣ непокорной воли, которая подчиняетъ только половину существа и укрѣпляетъ силу сопротивленія въ другой половинѣ. Грандкортъ скорѣе угадывалъ, чѣмъ замѣчалъ въ Гвендолинѣ подобную непокорную волю, которая, по-видимому, какъ доказывала поѣздка къ Мирѣ, тѣмъ болѣе развивалась въ ней, чѣмъ чаще она видѣла Деронду. Онъ сознавалъ, что между нею и Дерондой происходило что-то „дьявольски глупое“; онъ не подозрѣвалъ существованія между ними любви, а о другихъ чувствахъ, связывающихъ между собою людей, онъ не имѣлъ никакого понятія; но, очевидно, эта „глупость“ поддерживала въ Гвендолинѣ внутреннее волненіе, которое могло въ-концѣ-концовъ

обнаружиться и внѣшними непріятными признаками. Поэтому, смутно замѣчая въ Гвендолинѣ нѣчто, угрожавшее опасностью его супружескому спокойствію, онъ рѣшился уничтожить его въ самомъ зародышѣ. Но среди средствъ, принятыхъ имъ съ этою цѣлью, было одно очень странное и далеко не столь искусное, какъ только-что приведенныя его рѣчи.

Онъ хотѣлъ, чтобъ Гвендолина узнала содержаніе его завѣщанія, но не отъ него самого, такъ-какъ его гордой, скрытной натурѣ было-бы въ высшей степени непріятно прямо упоминать женѣ о своихъ отношеніяхъ къ м-съ Глашеръ. Но, съ другой стороны, онъ желалъ дать ей почувствовать, что ему было хорошо извѣстно, какъ сознательно выходила она за него замужъ, зная отлично объ его отношеніяхъ къ Лидіи, что и давало ему право повести теперь рѣчь о такомъ щекотливомъ предметѣ. Большинство людей на его мѣстѣ написали-бы все, что онъ хотѣлъ сообщить женѣ, но Грандкортъ не любилъ писать; даже самая маленькая записка была для него наказаніемъ и къ тому-же онъ давно возложилъ всю корреспонденцію на Луша; поэтому Грандкортъ не входила въ голову мысль письменнаго объясненія съ Гвендолиной и онъ считалъ Луша единственно возможнымъ способомъ сообщенія съ нею, тѣмъ болѣе, что этотъ почтенный господинъ казался ему такимъ-же слѣпымъ орудіемъ, какъ перо и чернила.

Грандкортъ былъ увѣренъ, что Гвендолина, какъ женщина, знавшая правило сложенія, подозрѣвала участіе Луша въ устройствѣ ея свиданія съ м-съ Глашеръ и потому просила удалить его изъ Дипло. Но сложныя чувства женщины, возбуждаемыя сложными причинами, не опредѣляются одной способностью складывать дважды два, и въ этомъ отношеніи у Грандорта не доставало того элемента мышленія, который избавилъ-бы его отъ ошибки—именно личнаго знакомства на опытъ съ данными сложными чувствами. Онъ правильно отгадалъ, что Гвендолину мучили оскорбленная гордость и сознаніе необходимости подчиниться его волѣ, но укоры совѣсти, если-бъ онъ даже зналъ о нарушеніи даннаго ею слова, были ему непонятны и потому онъ не подозрѣвалъ о ихъ существованіи. Онъ былъ увѣренъ, что она просто питала безмолвную ревность къ Лидіи, а Лидія написала ей, отсылая брилліанты, что они нѣкогда принадлежали ей, и другія любезности, на которыя способна ревнивая женщина. Онъ вну-

тренно торжествовалъ, что могъ усилить въ Гвендолинѣ эту ревность, заставляя ее въ то-же время еще болѣе безмолвствовать. Его цѣль заключалась въ томъ, чтобъ заставить эгоизмъ жены вторить его эгоизму, и, выбравъ Луша средствомъ сообщенія съ нею, онъ нисколько не хотѣлъ ее оскорбить, а предполагалъ, что она признаетъ въ немъ единственно возможнаго между ними посредника.

Однажды утромъ Грандкортъ вошелъ въ будуаръ Гвендолины и, остановившись передъ нею, сказалъ самымъ добродушнымъ и убѣдительнымъ тономъ, на какой онъ былъ способенъ:

— Мнѣ надо тебѣ объяснить кое-что о финансовыхъ дѣлахъ и я просилъ Луша поговорить съ тобой. Онъ все знаетъ и единственный человѣкъ, который можетъ объяснить это дѣло. Я уѣзжаю и тотчасъ пошлю его сюда. Вѣдь тебѣ все равно.

— Ты знаешь, что не все равно, отвѣчала Гвендолина съ сердцемъ;—я его не приму.

Съ этими словами она вскочила съ кушетки и хотѣла выбѣжать изъ комнаты, но онъ предупредилъ ее и всталъ спиной къ двери.

— Не изъ чего шумѣть, произнесъ онъ спокойно, точно дѣло шло объ отказѣ ѣхать на обѣдъ;—на свѣтѣ много неприятныхъ людей, съ которыми мы вынуждены говорить. Человѣкъ, умѣющій вести себя, не дѣлаетъ скандала изъ подобнаго пустяка. Надо поговорить о дѣлѣ, за что, конечно, не можетъ взятыя свѣтскій франтъ. Если я поручилъ дѣло Лушу, то тебѣ не слѣдуетъ поднимать скандала и кусать губы. Онъ этого не стоитъ.

Грандкортъ такъ долго тянулъ эту рѣчь, что Гвендолина успѣла обдумать его слова прежде, чѣмъ онъ ихъ кончилъ. Что могъ онъ ей сказать о финансовыхъ дѣлахъ? Въ этомъ отношеніи ей скорѣе пришла въ голову ея мать, чѣмъ м-съ Глашеръ. Но какая польза была ей отказываться отъ разговора съ Лушемъ? Могла-ли она просить Грандкорта объясниться съ нею лично? Это было-бы вполнѣ невыносимо, если-бъ онъ даже согласился, что было очень сомнительно. Въ настоящую минуту она сознавала только, что не могла долѣе оставаться узницей, передъ которой мужъ заслонялъ дверь; отвернувшись, она прислонилась къ сосѣдней этажеркѣ.

— Я сказалъ Лушу, чтобъ онъ переговорилъ съ тобой во

время моего отсутствія, продолжалъ Грандкортъ, снова останавливаясь передъ нему.— Позвать его?

— Да, отвѣчала Гвендолина послѣ продолжительнаго молчанія и отвернувшись отъ мужа.

— Я возвращусь во-время для прогулки верхомъ, если ты желаешь, прибавилъ Грандкортъ, но она ничего не отвѣчала.

„Она страшно сердится“, подумалъ онъ, но такъ-какъ ея гнѣвъ былъ безмолвный, то и не представлялъ для него ничего неприятнаго.

Подождавъ съ минуту, онъ взялъ ее за подбородокъ и поцѣловалъ, хотя она не подняла глазъ. Потомъ онъ молча вышелъ изъ комнаты.

Что ей было дѣлать? Она даже не имѣла никакого повода къ жалобѣ. Всѣ ея романтическія иллюзіи при выходѣ замужъ за Грандкорта заключались въ томъ, что она заберетъ его въ руки. Теперь-же оказалось, что онъ забралъ ее въ руки. Она ждала разговора съ Лушемъ, какъ пытки, потому что факты, возбуждавшіе въ ней пламенные укоры совѣсти, становились еще ужаснѣе въ его устахъ. Но все это было частью той страшной игры, въ которой проигрышъ не былъ просто минусомъ, а роковымъ плюсомъ, никогда неходившимъ въ ея расчетъ.

Лушъ не чувствовалъ ни особаго удовольствія, ни особой неприятности отъ порученнаго ему дѣла. Передавъ ему все, что слѣдовало, Грандкортъ прибавилъ:

— Будьте какъ можно менѣе неприятны.

Лушъ хотѣлъ было отвѣчать, что это зависѣло отъ обстоятельствъ, но, подумавъ, сказалъ, что составитъ на бумагѣ краткій очеркъ всего дѣла, хотя не упомянулъ, что этимъ удовольствуется. Вообще изъ его словъ можно было вывести, что свиданіе съ Гвендолиной не было ему противно. По завѣщанію Грандкортъ оставлялъ ему кое-что и потому не существовало причины ему быть не въ духѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что зналъ всѣ тайны мужа и жены, но ихъ неудачная брачная жизнь не возбуждала въ немъ дьявольской радости, хотя, конечно, ему было пріятно, что его ожиданія оправдались и этотъ бракъ не оказался столь счастливымъ, какъ надѣялась Гвендолина и какъ увѣрялъ Грандкортъ. Вообще Лушъ не былъ сердитымъ, злопамятнымъ человекомъ, но все-же чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе, что могъ уни-

зять прелестную красавицу, которая обходилась съ нимъ очень дерзко.

Когда лакей доложилъ Гвендолинѣ о м-рѣ Лушѣ, она уже оправилась отъ смущенія и рѣшила не обнаруживать передъ нимъ своихъ чувствъ, что-бы онъ ни сообщилъ. Съ холоднымъ достоинствомъ она пригласила его сѣсть и едва ему поклонилась.

— Полагаю, излишне говорить, началъ онъ, держа въ рукахъ свернутый листъ бумаги,—что я никогда не явился-бы къ вамъ по своему желанію. М-ръ Грандкорть поручилъ мнѣ переговорить съ вами, какъ онъ самъ, конечно, вамъ объяснилъ. Я пользуюсь довѣріемъ м-ра Грандкорта болѣе пятнадцати лѣтъ и потому нахожусь въ исключительномъ положеніи. Онъ говоритъ со мною о дѣлахъ совершенно откровенно и никто другой не могъ-бы исполнить этого порученія, которое я принялъ на себя только изъ дружбы къ нему. Это должно служить мнѣ извиненіемъ въ вашихъ глазахъ, если-бъ вы предпочли имѣть дѣло со всякимъ другимъ, кромѣ меня.

Она ничего не отвѣчала, по его слова показались ей очень дерзкими, хотя для посторонняго они, повидимому, дышали уваженіемъ.

— Въ этой бумагѣ вы найдете, продолжалъ онъ, — краткое извлеченіе изъ той части завѣщанія м-ра Грандкорта, съ которой онъ хочетъ васъ познакомить. Будьте такъ добры—прочтите, но прежде я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ въ видѣ предисловія, и надѣюсь, что вы меня простите, если они не будутъ вамъ пріятны.

— Говорите все, что нужно, безъ всякихъ извиненій, сказала Гвендолина такимъ тономъ, какимъ она встрѣтила-бы вора-собачника, требовавшаго вознагражденія за находку имъ-же украденной собаки.

— Я долженъ напомнить вамъ нѣчто, случившееся до сватовства м-ра Грандкорта, продолжалъ Лушъ, платя нѣсколько дерзкимъ тономъ за ея холодное презрѣніе; — вы, конечно, помните, что встрѣтили даму въ Кардельскомъ лѣсу и она вамъ объяснила, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ м-ру Грандкорту.

Губы Гвендолины были такъ-же блѣдны, какъ ея щеки; слова Луша поражали ее кинжаломъ въ самое сердце и она уже забы-

ла свой гнѣвъ на его такого наглаго посредника, среди бушевавшихъ въ ней разнородныхъ чувствъ.

— М-ру Грандкорту извѣстно, что вы знали заранѣе эту несчастную исторію, и онъ считаетъ необходимымъ довести до вашего свѣденія свои намѣренія касательно его состоянія и будущности. Конечно, ему самому непріятно говорить объ этомъ и потому онъ поручилъ мнѣ выслушать ваши замѣчанія или возраженія на его планъ. Сдѣлайте милость, прочитайте эту бумагу.

Съ этими словами Лушъ всталъ и подаль ей свернутый листъ.

Рѣшившись не обнаруживать своихъ чувствъ передъ Лушемъ. Гвендолина не ожидала услышать, что ея мужъ зналъ, при какихъ условіяхъ она вышла за него замужъ. Она не смѣла протянуть руки и взять бумагу, боясь, что Лушъ замѣтитъ ея смущеніе. Съ минуту Лушъ молча стоялъ передъ нею; наконецъ, она тихо, но все-же съ гордымъ пренебреженіемъ произнесла:

— Положите бумагу на столъ и пройдите въ другую комнату.

Лушъ повиновался и, усѣвшись въ кресло въ маленькой гостиной, сказалъ самъ себѣ:

„Ее покорило. Она не подозрѣвала, какую цѣну придется заплатить за такой первоклассный товаръ, какъ Генлей Грандкортъ“.

Но все-же ему казалось, что нищая молодая дѣвушка, выйдя замужъ за Грандкорта, получила болѣе, чѣмъ могла когда-нибудь ожидать, и что она выказала необыкновенную ловкость. Ея обѣщаніе Лидіи, конечно, ничего не значило, а бѣгство за-границу оказалось гениальной хитростью.

Между тѣмъ Гвендолина собиралась съ силами, чтобъ прочесть бумагу. Это было необходимо. Ее побуждали къ тому всѣ волновавшія ее чувства: гордость, сопротивленіе упорной волѣ мужа, стремленіе къ свободѣ, укоры совѣсти и страхъ новыхъ несчастій. Но не легко было сразу понять дѣловой слогъ завѣщанія: наконецъ, она разобрала, что въ случаѣ неимѣнія сына отъ жены. Грандкортъ назначалъ своимъ наслѣдникомъ маленькаго Генлея. Вотъ все, что прямо ее заинтересовало, остальное-же, въ томъ числѣ назначеніе ей послѣ смерти Грандкорта нѣсколькихъ тысячъ

и пожизненнаго владѣнія Гадсмиромъ, она пробѣжала вскользь. Того, что она узнала, ей было совершенно достаточно и она могла отпустить Луша съ презрительной энергіей, которая воскресла въ ней при мысли, что этимъ распоряженіемъ насчетъ наслѣдства ей хотѣли нанести окончательное униженіе. Она сунула бумагу въ первую попавшуюся книжку и вышла въ другую комнату, гдѣ ждалъ ее Лупгъ. Увидя ее, онъ всталъ, но она, не останавливаясь, медленно прошла мимо и, бросивъ на него презрительный взглядъ, гордо произнесла:

— Скажите м-ру Грандкорту, что его распоряженія вполне соотвѣтствуютъ моему желанію.

Лушу оставалось только восхищаться ея граціозной спиной и непреклоннымъ, смѣлымъ умомъ. Впрочемъ, онъ не желалъ болѣе для нея кары и отправился съ удовольствіемъ въ клубъ, гдѣ его ожидалъ завтракъ съ салатомъ изъ гомара.

А Гвендолина? Возвратясь домой, Грандкортъ нашелъ ее въ амазонкѣ, совершенно готовой для прогулки. Она рѣшилась не сказываться больной, не запирается въ своей комнатѣ, а дѣйствовать совершенно въ духѣ гордаго отвѣта, посланнаго мужу. Поэтому, не давая себѣ времени на мучительныя думы, она тотчасъ послѣ ухода Луша позвонила горничную и принялась за свой туалетъ съ обычнымъ вниманіемъ. Конечно, Грандкортъ хотѣлъ произвести на нее громадное впечатлѣніе своимъ завѣщаніемъ, и можетъ быть, вполнѣ доказеть ему, что это впечатлѣніе было совершенно противоположное тому, котораго онъ ожидалъ, но теперь она могла только обнаружить вызывающее удовольствіе. Она инстинктивно сознавала, что было-бы непростибельнымъ самоуниженіемъ выразить какимъ-бы то ни было признакомъ ревность въ ту минуту, когда ей напомнили, что она выходила замужъ сознательно, вполнѣ понимая всѣ условія предстоявшей ей брачной жизни. Ей не было времени обстоятельно обсудить, что предпринять въ будущемъ, а только она дала себѣ слово поразить мужа своимъ холоднымъ достоинствомъ. Она не только поѣхала съ нимъ верхомъ, но, возвратясь домой, переодѣлась и отправилась на званый обѣдъ; при этомъ не было ни малѣйшей пережѣны въ ея обращеніи съ мужемъ и даже—характеристическая черта—она не взяла изъ рукъ горничной платокъ, надушенный случайно духами, которыхъ не терпѣлъ Грандкортъ. Гвен-

долина ни за что не хотѣла быть предметомъ отвращенія для человѣка, котораго она ненавидѣла; отвращеніе должно было остаться всецѣло на ея сторонѣ.

Но не думать о томъ, что однажды вошло въ голову, все равно, что не слышать звона въ своемъ ухѣ. Мысль, неразрывно связанная съ нашими чувствами или страстями, всюду проникаетъ, какъ воздухъ, и разговоры, шутки, улыбки, поклоны — только медовый сотъ, черезъ который мысль свободно проходитъ, хотя не всегда выносить благоуханіе меда. Не углубляясь въ уединеніе, Гвендолина въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ невольно прошла черезъ лабиринтъ мыслей, обсуждая и отвергая тысячи путей для безопаснаго выхода. Конечно, ее всего болѣе тяготило сознаніе, что Грандкорть объяснялъ себѣ всѣ ея прошедшіе поступки самыми низкими побужденіями; она съ горечью вспоминала теперь объ его ухаживаніи и была вполне увѣрена, что онъ, зная ея призрачную тайну, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ поборолъ ея безмолвное сопротивленіе до свадьбы и тиранилъ ее послѣ свадьбы. „Я потребую развода“, было ея первою мыслью. Потомъ она прибавляла: „я брошу его, будетъ-ли онъ на это согласенъ или нѣтъ; если этотъ мальчикъ его наслѣдникъ, то я уже искупила свою вину“. Однакожь, она не могла уяснить себѣ возможности практически исполнить эту рѣшимость. Какъ она могла возвратиться въ свое семейство, поселить въ немъ горе и произвести скандалъ въ покинутомъ ею обществѣ? Какая будущность предстояла ж-съ Грандкорть, возвратившейся къ ея бѣдной матери, которая снова погрязнетъ въ нищетѣ, тогда какъ одною изъ главныхъ причинъ, оправдывавшихъ бракъ Гвендолины, была помощь матери? Чѣмъ могла она оправдать бѣгство отъ мужа? Ея мать только плакала-бы, дядя совѣтовалъ-бы ей возвратиться къ мужу, тетка и Анна съ испугомъ смотрѣли-бы на нее, а Грандкорть могъ потребовать ее обратно. Настоятъ на разводѣ! Сказать это было легко, но она не могла привести ни одной благоумной или законной причины для расторгенія брака. Съ чего было ей начать? На что жаловаться? Каждое ея слово могло только служить къ ея собственному обвиненію. „Нѣтъ, ужь если мнѣ суждено быть несчастной, оканчивала она всѣ свои мечты о бѣгствѣ, — то лучше, чтобъ мое несчастіе не было никому извѣстно“. Къ тому-же, съ своимъ обычнымъ сознаніемъ правды,

она повторяла постоянно, что не имѣла никакого права жаловаться на добровольно, сознательно заключенную сдѣлку, а тѣмъ болѣе нарушить ее. Среди доводовъ, побуждавшихъ ее подчиниться своей судьбѣ, однимъ изъ главныхъ было инстинктивное сознание, что, бросивъ мужа, она разстанется и съ Дерондой. Соединеніе имени Деронды съ сомнительнымъ положеніемъ одинокой, разводной жены было немислимо. И что-бы онъ сказалъ, если-бъ зналъ все? Конечно, онъ посовѣтовалъ-бы ей смиренно переносить подготовленную себѣ судьбу, если она не была увѣрена, что, избравъ другой путь, она сдѣлается лучшей женщиной. А было-ли это возможно для одинокой, разочарованной, подозрительной для всѣхъ „бѣглянки“, если-бъ ей и удалось достигнуть призрачной свободы? Бѣглая м-съ Грандкорть была-бы болѣе жалкимъ существомъ, чѣмъ Гвендолина Гарлетъ, вынужденная учить дочерей епископа и подвергаться инспекторскому надзору м-съ Момпертъ. Достоинно еще замѣчанія, что она ни разу болѣе не взглянула на бумагу, принесенную Лушемъ; спрятавъ ее въ шкатулку, она гордо рѣшилась не удовлетворять своего любопытства относительно назначенной ей доли наслѣдства, сознавая, что въ глазахъ ея мужа и его наперсника она была такимъ низкимъ созданіемъ, которое согласно на всѣ самыя позорныя условія для сохраненія блестящей, роскошной обстановки.

Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, іюнь смѣнилъ май, а м-съ Грандкорть оставалась по-прежнему на своемъ мѣстѣ, сіяя красотой, граціей и блескомъ среди обычныхъ спенъ свѣтской жизни, начинающая отъ слушанія въ воскресенье проповѣди моднаго проповѣдника до субботней оперы. Но можно-ли удивляться, что ея непокорная воля скрывала свой внутренній протестъ подъ маской внѣшняго подчиненія? Подобное явленіе встрѣчается часто и многіе открыто объясняютъ его длиннымъ рядомъ самыхъ сложныхъ доводовъ, хотя въ сущности они мирятся съ своей судьбой только потому, что она менѣе неприятна, чѣмъ всѣ другія возможныя для нихъ положенія. У бѣдной Гвендолины было въ одно и то-же время слишкомъ много и слишкомъ мало умственной силы и благороднаго достоинства, чтобъ дѣйствовать самостоятельно, выдѣляясь изъ безличной толпы. Неудивительно поэтому, что выраженіе ея лица и манеры принимали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хо-

лодный, рѣзкій оттѣнокъ, благодаря постоянной необходимости заглушать въ себѣ всякое проявленіе чувства.

Такъ, напримѣръ, однажды утромъ, проѣзжая верхомъ по парку съ Грандкортъ, она увидала на поворотѣ дороги, прямо противъ нихъ, чернокудрую красавицу съ маленькой дѣвочкой и русымъ мальчикомъ. Она тотчасъ узнала въ нихъ единственныхъ существъ въ мірѣ, съ которыми она не желала-бы встрѣтиться. Они ѣхали шагомъ и Грандкортъ былъ съ той стороны, гдѣ показалось рѣзовое видѣніе; Гвендолина поспѣшно отвернулась отъ пронизательнаго взгляда устремленныхъ на нее черныхъ глазъ, а Грандкортъ проѣхалъ мимо, не выражая ни малѣйшимъ движеніемъ, что онъ призналъ м-съ Глашеръ и своихъ дѣтей. Гвендолина вскипѣла злобой; ей стало стыдно за себя и досадно за Грандкорта. „Вы могли-бы хоть поклониться ей“, хотѣла она воскликнуть, но уста отказывались произнести эти слова. Если онъ, какъ ея мужъ, не хотѣлъ при ней признавать то существо, которое она согнала съ принадлежащаго ей мѣста для того, чтобъ самой его занять, то могла-ли она его упрекнуть? Ей пришлось молчать.

М-съ Глашеръ не случайно попала въ встрѣчу Гвендолинѣ, а намѣренно устроила эту сцену въ паркѣ. Она пріѣхала въ Лондонъ для покупки учебныхъ пособій дѣтямъ и, конечно, видѣлась съ Лужемъ, который утѣшалъ ее увѣреніями, что въ-концѣ-концовъ побѣда останется на ея сторонѣ, что бракъ Грандкорта съ Гвендолиной будетъ такъ или иначе расторгнутъ и ея сынъ получитъ желанное наслѣдство. Она также имѣла свиданіе съ Грандкортъ, который, какъ всегда, совѣтовалъ ей вести себя благоразумно, грозилъ въ противномъ случаѣ тяжелой карой и выразилъ готовность быть щедрымъ болѣе обыкновеннаго, въ чемъ ему должны были помочь деньги, получаемыя отъ сэра Гюго за Дипло. Хотя все это нѣсколько успокоило разгнѣванную Медузу и, улучшивъ ея матеріальное положеніе, подавало блестящія надежды въ будущемъ, но она все-же не могла отказать себѣ въ удовольствіи нанести ударъ соперницѣ неожиданнымъ появленіемъ передъ нею. Такъ змѣя, отброшенная въ сторону, все-же высовываетъ свое жало, хотя ея злоба вполне бессильна. Узнавъ отъ Луша, когда именно Гвендолина ѣздитъ верхомъ въ паркѣ, она въ продолженіи нѣсколькихъ дней поджидала ее, рискуя даже возбудить противъ себя негодованіе Грандкорта. Впрочемъ, у нея было отличное

оправданіе: неужели она не могла гулять съ дѣтьми въ паркѣ?

Но даже Лидія не могла предвидѣть, какъ сильно поразить Гвендолину встрѣча съ нею. Ее взволновало до глубины души, что Грандкорть не счелъ нужнымъ признать женщину, которая нѣкогда была ему дороже всего на свѣтѣ и до сихъ поръ оставалась матерью его дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ мрачный образъ женщины, лишенной общественнаго уваженія, какъ бы пролилъ новый свѣтъ на предстоящую ей будущность, если-бъ она покинула мужа. Неопредѣленный страхъ все болѣе и болѣе овлаđивалъ ею и она чувствовала, что ей не было спасенія изъ этой блестящей тюрьмы. Да, ей не было другого спасенія, кромѣ смерти, но смерти не своей. Такая женщина, какъ Гвендолина, не могла-бы думать о своей смерти и рисовать себѣ мрачную картину вступленія въ невѣдомый міръ. Для нея доступнѣе была мысль о смерти Грандкорта, но и это представлялось ей невѣроятнымъ. Его тираническая власть надъ нею была, казалось, такъ живуча, что мысль ось его смерти, какъ единственное средство спасенія отъ укоровъ совѣсти и тяготѣвшаго надъ нею ига, соединялась въ ея умѣ съ другою мыслью—что это спасеніе для нея недоступно. Ей казалось, что онъ будетъ вѣчно жить и вѣчно держать ее въ цѣпяхъ подъ своей непреклонной волей. Ей было страшно даже думать объ его смерти, ей мерещилось въ мрачной области фантазіи, что онъ за подобныя мысли задушитъ ее собственными руками.

Черезъ два дня послѣ встрѣчи Гвендолины съ м-сь Глашеръ въ паркѣ она была приглашена на большой концертъ у Клесмера, который роскошно жилъ въ великолѣпномъ домѣ на Гросвенерской площади, какъ настоящій князь музыки. Она съ нетерпѣніемъ ожидала этого вечера, зная, что она тамъ встрѣтитъ Деронду, и заранѣе приготовила фразу, которая, не выражая прямо того, что она никогда не рѣшилась-бы высказать, была-бы достаточно ясна, чтобъ онъ понялъ ея положеніе. Но Деронда, какъ нарочно, держался отъ нея въ сторонѣ и она, боясь обнаружить свое нетерпѣніе заговорить съ нимъ, приняла на себя еще болѣе обыкновеннаго недоступный, холодный видъ, что подало поводъ м-ру Вандернугу замѣтить:

— М-сь Грандкорть вскорѣ будетъ достойной парой своего мужа.

Наконецъ, когда Деронда случайно сошелся съ нею, она поспѣшно остановила его.

— М-ръ Деронда, прїѣзжайте завтра ко мнѣ въ пять часовъ, сказала она смѣло, открыто, съ царскимъ величіемъ, точно разрѣшая просимую аудіенцію.

— Непремѣнно! отвѣчалъ Деронда съ низкимъ поклономъ.

Онъ-было подумалъ, не лучше-ли ему написать Гвендолинѣ, что не можетъ прїѣхать. До сихъ поръ онъ тщательно избѣгалъ посѣщенія Грандкортовъ, но никакъ не могъ рѣшиться сдѣлать неприятное Гвендолинѣ, а его отказъ, объясненный или презрительнымъ равнодушіемъ съ его стороны, или искусственной пародіей на равнодушіе, былъ-бы одинаково оскорбителенъ. Поэтому онъ сдержалъ свое слово.

На слѣдующій день Гвендолина, подъ предлогомъ нездоровья, отказалась отъ прогулки верхомъ, когда лошади были уже у крыльца. Она боялась, однакъ, что Грандкортъ также останется дома, но онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и молча уѣхалъ. Приказавъ никого не принимать, кромѣ м-ра Деронды, она сошла въ гостиную и стала ходить взадъ и впередъ въ первомъ раздраженіи. Ее тревожила мысль, что Деронда вскорѣ явится и она будетъ принуждена говорить съ нимъ; то, что она цѣлыми часами готовилась ему сказать, теперь казалось ей невозможнымъ, непріозвучимымъ. Впервые какая-то странная застѣнчивость удерживала ее отъ откровеннаго обращенія съ нимъ, и теперь, когда уже было поздно, она опасалась, не счелъ-ли онъ ея приглашеніе неприличнымъ. Въ такомъ случаѣ онъ, конечно, перестанетъ ее уважать. Но черезъ мгновеніе она отогнала отъ себя эту страшную мысль. Какъ велико было волненіе Гвендолины, доказывало одно обстоятельство, хотя и мелкое, но никогда съ нею до сихъ поръ не случавшееся. Неожиданно увидавъ себя въ большомъ зеркалѣ, она не могла не замѣтить, что ея лицо и бѣлоснѣжная шея особенно рельефно выдавались на темномъ фонѣ чернаго платья. Она быстро отвернулась, побѣжала въ будуаръ и, схвативъ кружевную косынку, накинула на себя такъ, что она скрыла всю голову и шею, оставляя открытымъ только лицо. Этимъ явнымъ презрѣніемъ къ вѣншности она думала уничтожить всякое подозрѣніе кокетства съ ея стороны; вмѣстѣ съ тѣмъ ей казалось, что ея нервное волненіе не будетъ такъ замѣтно, но черныя кружева не могли скрыть тревожнаго блеска ея глазъ и нервную дрожь губъ.

Она стояла среди комнаты, когда вошелъ Деронда, и съ пер-

ваго взгляда замѣтила, что въ немъ также произошла кабая-то перемѣна. Она не могла-бы ясно опредѣлить, въ чемъ именно онъ перемѣнился, но онъ не казался уже такимъ счастливымъ, какъ обыкновенно, и говорилъ съ нею какъ-то принужденно. Они оба поздоровались очень отрывисто и Гвендолина не сѣла, а облокотилась на спинку кресла, Деронда-же стоялъ противъ нея, держа въ рукахъ шляпу. Оба они не знали, что сказать, хотя мысли его были совершенно далеки отъ Гвендолины. Она приняла его смущеніе за отблескъ своего.

— Вы удивляетесь, зачѣмъ я васъ просила пріѣхать? сказала она, наконецъ, нерѣшительно;—я хотѣла кое-что у васъ спросить. Вы сказали, что я ничего не знаю. Это правда. Но у кого-же мнѣ спросить совѣта, если не у васъ?

Въ эту минуту она чувствовала совершенную невозможность сказать ему то, что хотѣла. Деронда видѣлъ ея необычайное волненіе, и, предчувствуя новый кризисъ, промолвилъ грустнымъ, нѣжнымъ тономъ:

— Я сожалѣю только, что могу принести вамъ такъ мало пользы.

Эти слова придали ей смѣлости и она продолжала поспѣшно, какъ-бы торопясь все высказать:

— Я хотѣла вамъ сказать, что много думала о вашемъ совѣтѣ... Но что дѣлать, я не могу перемѣниться... Все меня окружающее возбуждаетъ только дурныя чувства. Я должна жить по-прежнему... Я не могу ничего измѣнить... Это невозможно...

Она остановилась на минуту, какъ-бы сознавая, что не могла подыскать настоящихъ словъ, но потомъ продолжала такъ-же поспѣшно:

— Но если я буду вести прежнюю жизнь, я сдѣлаюсь еще хуже. А я не хочу этого. Я хотѣла-бы исправиться. Я знаю, что есть хорошіе люди и что они счастливы. Я—презрѣнное существо. Я чувствую, что ненавижу людей. Я хотѣла бѣжать, но не могу. Многое меня удерживаетъ. Вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ все равно? Нѣтъ, я все чувствую и всего боюсь. Мнѣ страшно сдѣлаться совсѣмъ дурной. Скажите, что мнѣ дѣлать?

Говоря это, она забыла обо всемъ, кромѣ своего несчастнаго положенія, которое она хотѣла обрисовать Дерондѣ въ этихъ отрывочныхъ, неясныхъ словахъ. Глаза ея были широко раскрыты

и болѣзненно горѣли, въ голосѣ ея, едва возвышавшемся надъ шопотомъ, слышалось сдержанное рыданіе.

То, что чувствовалъ Деронда въ эту минуту, онъ впоследствии называлъ страшнымъ, невыносимымъ. Слова казались ему теперь столь-же бессильными для спасенія бѣдной Гвендолины, какъ если-бъ дѣло шло о спасеніи погибавшаго въ морѣ корабля. Какъ могъ онъ однимъ словомъ измѣнить горькую судьбу этого юнаго солдата? Онъ боялся что-нибудь промолвить. Слова, которыя вертѣлись у него на языкѣ, казались только выраженіемъ беспомощнаго отчаянія. Прежде всего онъ хотѣлъ сказать: „признайтесь во всемъ мужу, не скрывайте отъ него ничего“. Но эту мысль надо было объяснить подробными доводами, а онъ не успѣлъ еще произнести первое слова, какъ дверь отворилась и Грандкортъ вошелъ въ комнату.

Онъ нарочно возвратился, чтобъ подтвердить свое подозрѣніе. Представившаяся ему картина поразила его: онъ увидалъ лицо Гвендолины, искаженное горемъ, а Деронда, стоя въ трехъ шагахъ, смотрѣлъ на нее съ такимъ нѣжнымъ сожалѣніемъ, какъ-будто присутствовалъ при послѣдней борьбѣ съ жизнью любимаго существа. Не выразивъ ни малѣйшаго удивленія, Грандкортъ кивнулъ головою Дерондѣ, взглянулъ вторично на Гвендолину и, пройдя мимо нихъ, сѣлъ спокойно въ кресло.

Увидавъ мужа, Гвендолина вздрогнула, но не двинулась съ мѣста. Въ эту минуту она не могла прикидываться и чувствовала только тупое отчаяніе при мысли, что ея свиданіе съ Дерондой окончено, что занавѣсъ опустился. Естественно опасаясь для нея послѣдствій этой сцены и чувствуя, что, оставаясь долѣе, онъ только увеличилъ-бы подозрѣніе Грандкорта, Деронда просто сказала:

— Прощайте, я не могу долѣе оставаться.

Онъ протянулъ руку и она дозволила ему пожать ея холодные пальцы, но не промолвила ни слова.

Когда онъ ушелъ, Гвендолина опустилась въ кресло въ какомъ-то тупомъ ожиданіи пытки. Но Грандкортъ не обратилъ на нее никакого вниманія; онъ довольствовался тѣмъ, что доказалъ ей невозможность его обманывать. Вечеромъ они должны были ѣхать на балъ; Гвендолина отказалась подъ предлогомъ нездоровья и онъ, даже не улыбнувшись, поѣхалъ одинъ.

На слѣдующее утро онъ спокойно произнесъ:

— Я отправляюсь на яхтѣ въ Средиземное море.

— Когда? спросила Гвендолина, и въ сердцѣ ея проснулась надежда.

— Постѣ завтра. Яхта въ Марселѣ. Лущъ поѣхалъ впередъ, чтобы все приготовить.

— Я приглашу на это время маму погостить у меня, сказала Гвендолина съ неожиданной радостью.

— Нѣтъ, ты поѣдешь со мной.

ГЛАВА XLIX.

Прощаясь съ Гвендолиной, Деронда не сказалъ: „на врядъ-ли мы скоро увидимся, я увѣжаю“. Онъ боялся этими словами дать почувствовать Грандворту, что его отъѣздъ имѣлъ важное значеніе для Гвендолины.

Онъ дѣйствительно увѣждалъ изъ Англїи, и при чрезвычайно серьезныхъ для него обстоятельствахъ; вотъ почему, отправляясь къ Гвендолинѣ, онъ находился въ большомъ волненїи. Въ это утро онъ получилъ записку отъ сэра Гюго: „Приходи немедленно, очень нужно“. Деронда, конечно, въ ту-же минуту поскакалъ къ баронету и очень успокоился, увидавъ его здоровымъ и спокойнымъ.

— Я надѣюсь, что не случилось ничего дурного, сэръ? спросилъ Деронда.

— Нѣтъ, Данъ, отвѣчалъ сэръ Гюго съ необыкновеннымъ чувствомъ;—сядь. Я имѣю тебѣ кое-что передать. Ничего не случилось дурного для меня, дитя мое, конечно, если случившееся не очень опечалитъ тебя. Признаюсь, я этого никогда не ожидалъ и потому не подготовлялъ тебя къ подобному извѣстію. По важнымъ причинамъ я никогда не говорилъ тебѣ о твоёмъ происхожденїи, но вслѣдствїи старался, чтобы оно не имѣло дурныхъ для тебя послѣдствїй.

Сэръ Гюго остановился, но Деронда не произнесъ ни слова. Только онъ одинъ могъ понять, какую важность имѣла для него эта минута торжественнаго объясненїя. Сэръ Гюго никогда не видалъ его такимъ блѣднымъ, встревоженнымъ.

— Я дѣйствовалъ согласно желанїю твоей матери, продолжалъ

Растетъ въ сердцахъ у черни суетвѣрной,
 А на умѣ у всѣхъ одинъ вопросъ:
 На долго-ли у насъ достанетъ хлѣба?
 И долго-ль мы съумѣемъ голодать,
 Не заплативъ за хлѣбъ своею честью?

Второй гость.

Да, врагъ нашелъ къ побѣдѣ вѣрный путь:
 Страшнѣй борьбы народнымъ массамъ голодъ.
 Скорѣй всего онъ можетъ развратить
 Умы толпы. Когда предъ нею гибнутъ
 Всѣ близкіе, родные и друзья,
 Просящіе въ предсмертныхъ мукахъ хлѣба,—
 Ей не легко безмолвно созерцать
 Странанья ихъ и думать хладнокровно,
 Что требуетъ кровавыхъ этихъ жертвъ
 Спокойствіе грядущихъ поколѣній.
 Пускай сенатъ въ цѣнѣ понизилъ соль,
 Пускай онъ снялъ налоги съ неимущихъ,
 Пускай онъ далъ народу сотни льготъ,—
 Народъ его усилій не оцѣнитъ
 Въ дни голода: народу нуженъ хлѣбъ.

Хозяинъ.

Но гдѣ-жь исходъ? Горацію Коклему
 Сдержать враговъ за Тибромъ удалось,
 Но отогнать ихъ полчища отъ Рима
 У насъ нѣтъ силъ: открытою борьбой
 Мы сгубимъ Римъ.

Первый гость.

А долгимъ выжиданьемъ
 Заставимъ чернь предать его врагамъ
 И безъ борьбы поступимся свободой.
 Которая куда намъ дала
 Дни голода?

Второй гость.

Геройскій подвигъ нуженъ,
 Чтобъ поднять опять народный духъ.

Хозяинъ.

Легко сказать!

Второй гость.

Теперь такое время,
 Когда для насъ одинъ герой нужнѣй
 Народныхъ массъ: онѣ безъ духа тѣло
 И только онѣ съумѣеть въ нихъ вдохнуть
 Духъ мужества.

Первый гость.

Кай Муцій точно то-же
 Настоячиво твердилъ еще вчера,
 Когда я съ нимъ прислушивался къ толкамъ
 На улицахъ.

Хозяинъ.

Да, кстати, гдѣ-же онѣ?

Первый гость.

Не знаю. Онѣ вчера былъ какъ-то страненъ
 И молчаливъ. Онѣ шелъ какъ-бы во снѣ
 И отвѣчалъ безсвязно на вопросы,
 Нахмуривъ лобъ и опустивъ свой взглядъ.

Хозяинъ.

Здоровъ-ли онѣ?

Первый гость.

Вотъ выдумалъ! Здоровья
 Ему судьба послала за троихъ.

Хозяинъ.

Но сдержанность душъ его открытой
 Несвойственна. Безпечный нашъ силачъ
 Бывалъ всегда болтливъ и откровененъ
 И въ радости, и въ горѣ, какъ дитя...
 А, впрочемъ, мы живемъ въ такое время,
 Когда звучить всѣ рѣже, все слабѣй
 И дѣтскій смѣхъ: веселость вмѣстѣ съ хлѣбомъ
 И ввозится, и тратится—и тотъ,
 Бто родился весельчакомъ безпечнымъ,
 Въ дни голода глядитъ мрачнѣе всѣхъ,

Боясь своей неосторожной шуткой
Чужую скорбь сильнѣй разбередить.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ-же и Кай Муцій.

Хозяинъ.

Да вотъ и онъ! Откуда?

Кай Муцій.

Изъ сената.

Я заходилъ за пропускомъ туда.

Первый гость.

За пропускомъ?

Кай Муцій.

Я уйду изъ Рима.

Хозяинъ.

Не можетъ быть! Куда-же?

Кай Муцій.

Въ вражій станъ.

Пора пресѣчь постыдную облаву.

Свободный Римъ не неразумный звѣрь,

Котораго въ капканъ загнать довольно,

Чтобъ съ голоду несчастный тамъ издохъ.

Молчать и ждать, что будетъ дальше съ нами,

Теперь нельзя. Голодной смерти пасть

Грудныхъ дѣтей вседневно похищаетъ

У матерей, лишенныхъ молока;

Для каждаго становится обузой

Его семья; вчерашніе рабы

Въ дни вольности скорбятъ о рабствѣ сытомъ;

Растетъ число трусливыхъ бѣглецовъ,

Стремящихся предать свою отчизну

Ея врагамъ; встревоженный народъ

Уже клянетъ за голодъ свой свободу.

Безжалостно готовясь задушить

Всѣ блага дней грядущихъ вмѣстѣ съ нею.

Свобода-же, какъ отпрыскъ молодой,
 Посаженный садовникомъ недавно,
 Еще корней надежныхъ не дала
 И никому плодовъ не подарила.
 Ей нужно дать окрѣпнуть. Пусть она
 Обрадуется желаемой жатвой
 И привлечетъ сердца народныхъ массъ.

Хозяинъ.

Ты правъ вполнѣ. Мы говорили то-же
 Передъ твоимъ приходомъ. Только что-жь
 Ты думаешь свершить?

Кай Муцій.

Убить Порсенну.

Хозяинъ (послѣ минутнаго молчанія.)

Удастся-ли?

Кай Муцій.

Убью я или нѣтъ—
 Вопросъ не въ томъ. Важна рѣшимость ваша
 Послѣдовать примѣру моему.
 Я промахнусь—пускай другой стремится
 Удачнѣе направить свой ударъ;
 Погибнетъ онъ—иди на смѣну третій,
 И если намъ придется согнуть всѣмъ,
 То вѣрьте мнѣ, что согнемъ мы не даромъ.
 Порсенна храбръ, но если каждый день
 Во время сна и на яву онъ будетъ
 Подозрѣвать вблизи себя убійца,—
 Отступитъ онъ въ смущеніи отъ Рима
 Иль вызоветъ его въ открытый бой
 И прекратитъ постыдную облаву,
 Ведущую несчастный нашъ народъ
 Къ предательству или къ голодной смерти.

Хозяинъ.

Не обочтись!

Кай Муцій.

Повѣрьте мнѣ, друзья,
 Не устоятъ первѣйшій изъ героевъ
 Предъ массою невѣдомыхъ убійць,
 Безтрепетныхъ, спокойныхъ, осторожныхъ,
 Смѣняющихъ другъ друга каждый день,
 Изъ-за угла грозящихъ нападенемъ
 Среди пировъ, во время сна врагу.
 Прихода ихъ тревожно ожидая,
 Утратить онъ веселость на пирахъ,
 Лишится сна при наступленьи ночи.
 Подозрѣвать начнетъ своихъ друзей
 И умереть захочетъ лучше разомъ,
 Чѣмъ каждый день предъ смертью трепетать...

Первый гость.

Ты правъ, ты правъ! Мучительнѣе пытки
 Не выдумать!

Кай Муцій.

Но дайте клятву мнѣ
 Не унывать при первой неудачѣ
 И довершить, чего не кончу я.

Хозяинъ.

Ты знаешь насъ: мы не измѣнимъ слову.
 По жребію, одинъ по одному,
 Мы затравимъ врага въ его берлогѣ
 И Римъ спасемъ.

Кай Муцій.

Итакъ, клянитесь всѣ
 Идти на смерть!

Всѣ (обнажаятъ мечи.)

Клянемся! Смерть Порсеннѣ
 И да хранитъ свою свободу Римъ!

СЦЕНА II.

Лагерь Порсенны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Порсенна, секретарь, солдаты.

Порсенна.

Не принесли-ль намъ новостей изъ Рима?

Секретарь.

Нѣтъ, консулы тамъ ловятъ бѣглецовъ.

Порсенна.

Тѣмъ хуже имъ. Для лишнихъ ртовъ имъ нуженъ
И лишній хлѣбъ, а съ хлѣбомъ корабли
Въ рукахъ у насъ. Голодной смерти муки
Покорности научать храбрецовъ...
Сведи расчетъ, что слѣдуетъ солдатамъ
Намъ уплатить. Погаснетъ скоро день
И намъ пора на отдыхъ.

(Секретарь садится. Его окружаютъ солдаты.)

Дни осады

Мнѣ тяжелѣй, чѣмъ самый жаркій бой.
Я утомленъ лѣнивнымъ выжиданьемъ,
Когда падеть въ изнеможеніи Римъ
Къ моимъ ногамъ. Бездѣйствіе солдату
Страшнѣй всего. Но вызвать Римъ къ борьбѣ
Я не рѣшусь. Онъ приступъ нашъ недавно
Уже отбилъ. Быть можетъ, и теперь
Съ отчаянья добьется онъ побѣды;
А двухъ побѣдъ довольно, чтобы въ немъ
Воскресла вновь старинная отвага,
Смущавшая не разъ мои войска...
Нѣтъ, голодомъ смирить его я долженъ.
Когда въ рукахъ голодныхъ матерей
Начнутъ стонать безпомощныя дѣти,

Когда начнутъ на римскихъ площадяхъ
Тревожить всѣхъ безчисленныя трупы,
Когда народъ взволнованный въ сенатъ
Въ отчаяньи ворвется съ крикомъ: „хлѣба!“ —
Смирится Римъ... О, если-бы скорѣй
Мнѣ удалось сломить его гордыню!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Кай Муцій (входитъ сбоку.)

Кай Муцій.

Мнѣ удалось проникнуть въ вражій станъ.
Теперь скорѣй за дѣло.

(Осматривается.)

А, Порсенна!

Ты окруженъ толпой своихъ солдатъ,
Ты ни предъ чѣмъ не трусишь съ ихъ ватагой,
Ты думаешь, смѣясь, о томъ, что Римъ
Въ дни голода умѣетъ только плакать?
Ошибся ты! Римъ мститъ своимъ врагамъ!

(Наноситъ ударъ секретарю.)

Порсенна.

Остановись!

Секретарь.

Убійца!

(Умираетъ.)

Одинъ изъ солдатъ.

Задержите

Скорѣй его!

Порсенна.

Кто ты такой?

Кай Муцій.

Кто я?

Я римлянинъ; меня зовутъ Кай Муцій.
Какъ врагъ, врага рѣшился я убить
И шелъ вполне готовый на убійство,

Какъ и на смерть. Безстрашно воевать
И умирать безстрашно — въ духѣ римлянъ.
Не я одинъ на дѣло такъ смотрю.
Нѣтъ, рядъ бойцовъ стремится къ той-же чести
Свершить свой долгъ.

Порсенна.

О чемъ ты говоришь?

За что ему отпустилъ ты?

Кай Муцій.

Я Порсеннѣ

Отпустилъ за Римъ.

Одинъ изъ солдатъ.

Онъ не узналъ царя!

Порсенна.

Порсенна — я.

Кай Муцій.

Проклятая ошибка!..

Но все равно! Я не одинъ. За мной
Съ ножомъ къ тебѣ прокрадутся другіе.
Готовься-же, когда достанетъ силъ,
Въ опасности, сражайся ежечасно
За жизнь свою и ежечасно жди
Мечей враговъ въ своемъ надежномъ станѣ.
Въ моемъ лицѣ подобною войной
Грозить тебѣ все юношество Рима.
Отбрось-же все оружье, планы битвъ,
И въ бой вступаай съ отдѣльными бойцами!

Порсенна.

Въ огонь его!

Кай Муцій.

Что значить смерть въ огнѣ

Для тѣхъ, кого зоветь на подвигъ слава?
Ихъ не легко страданьемъ запугать.
Смотри сюда.

(Кладетъ правую руку на
огонь жертвенника.)

Порсена.

Что вздумалъ ты, безумецъ?..

(Въ сторону.)

Не слушаетъ!.. Въ огнѣ его руга;
Она горитъ... Какъ смѣло выраженье
Его лица. Не дрогнуть ни на мигъ
Его черты... Подобная отвага
Бросаетъ въ дрожь... Какъ счастлива страна,
Умѣвшая взростить такихъ героевъ!..
Я за него испытываю боль
Въ своей рукѣ... Остановись! Довольно!..

(Солдату.)

Веди его отъ жертвенника прочь!

(Какъ Муцію.)

Свободенъ ты! Ты отплатилъ страшнѣе
Себѣ, чѣмъ мнѣ. Гордился-бъ я тобой,
Когда-бъ ты былъ слугою моею отчизны.

Кай Муцію.

За то, что ты умѣешь храбрость чтить,
Тебѣ готовъ открыть я добровольно
То, что узнать при помощи угрозъ
Не могъ-бы ты. Цвѣтъ римской молодежи,
Въ лицѣ трехсотъ извѣстныхъ смѣльчаковъ,
Клялся дойти такимъ путемъ къ побѣдѣ.
По жеребью я первымъ былъ изъ нихъ.
За мной пойдутъ другіе чередою,
Покуда рокъ имъ не предастъ тебя,
Покуда ты не отойдешь отъ Рима.

Порсена.

Иди!

Кай Муцію.

Прощай! Но помни, что съ собой
Твой сонъ, твой миръ я уношу. Отнынѣ
Ты будешь знать, что полчище убійцъ,
Незнающихъ ни жалости, ни страха,
Слѣдитъ вездѣ и всюду за тобой.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Порсенна и одинъ изъ стражей.

Порсенна.

Толпа убійць безъ жалости и страха...
 Придетъ ко мнѣ... Когда?.. Сегодня?.. Въ ночь?..
 Во время сна?.. Какъ хладнокровно руку
 Онъ жегъ себѣ. Что-жь значить для него
 Убить врага?..

(Задумывается.)

Усилить нужно стражу...

Но вѣтъ-ли въ ней предателей?.. Они
 Уже ее, быть можетъ, подкупили?..
 И трудно-ли смутить теперь солдатъ,
 Скучающихъ въ бездѣйствіи осады
 О брошенныхъ семействахъ и домахъ?..
 Въ чужой странѣ солдатъ мирать съ войною
 Плоды побѣдъ, убійствъ и грабежа.
 Бездѣйствіе рождаетъ только ропоть...
 Вступить въ борьбу?.. Но если гордый Римъ
 Начнетъ, какъ левъ, отстаивать свободу
 И побѣдить?.. Что скажутъ про царя,
 Разбитаго въ бою свободной чернью,
 Идущаго съ повинною въ сепать?..
 Онъ будетъ радъ позору царской власти
 И, предложивъ постыдный, гнусный миръ,
 Вполнѣ отмстить мнѣ за тебя, Тарквиній.

(Прислушивается.)

Что тамъ за шумъ?.. Опять толпы солдатъ
 Волнуются... Ихъ вѣчнымъ раздраженьемъ
 Съ охотою воспользуется врагъ,
 Своихъ убійць въ мой лагерь подсылая...
 Имъ ничего не стоитъ нынче-жь въ ночь
 Прийти ко мнѣ, уснувшаго зарѣзать,
 И предложить желанный миръ войскамъ,
 Уставшимъ жить безъ дѣла, на чужбинѣ...

(Молчаніе.)

Нѣтъ, конечно!.. Эй, римлянинъ, ко мнѣ!

Солдаты.

Тотъ римлянинъ ушелъ.

Порсенна.

За нимъ въ погоню
Пошли скорѣй! Вернуть его сейчасъ!

(Солдаты уходятъ.)

Еще я царь; еще мои солдаты
Грозятъ сгубить голодной смертью Римъ;
Еще народъ смущенный въ немъ трепещетъ
За будущность... Да, я могу дарить
Изъ жалости врагамъ своимъ пощаду...
Они пойдутъ теперь на всякій миръ...
И честь свою, и выгоды отчизны
Я сохраню... Свободнымъ будетъ Римъ,
Но потому, что такъ рѣшилъ Порсенна.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Порсенна и Кай Муцій.

Кай Муцій.

Ты звалъ меня?

Порсенна.

А, это ты, смѣльчакъ!..

Ты храбростью стяжалъ любовь Порсенны.
Порсенна чтитъ отвагу и въ врагахъ.
Не станетъ онъ губить такихъ героевъ,
Какъ ты. Ты спасъ своимъ геройствомъ Римъ.
Иди въ сенатъ. Пусть плетъ скорѣй въ мой лагерь
Своихъ пословъ. Я вамъ дарю миръ!

А. Константиновъ.

ЧТО СПАСАЕТЪ ТУРЦІЮ?

I.

Турецкая имперія сдѣлала все, чтобы довести себя до гибели, и если она существуетъ до сихъ поръ въ Европѣ, то этимъ она обязана исключительно опеке великихъ европейскихъ державъ. Безъ нихъ „больной человѣкъ“ давно-бы умеръ, но имъ было выгодно спасать его отъ смерти, и онѣ спасали его, спасали, давая ему денегъ, усмиряя его волнующихся подданныхъ, посылая ему на помощь оружіе и людей, являясь его союзниками во время вѣнскихъ войнъ. Само турецкое правительство было тутъ не при чемъ: оно шло и идетъ тѣмъ путемъ, по которому можно дойти только до паденія. Чтобы понять это, достаточно бросить хотя самый поверхностный взглядъ на правительственную систему Турціи.

Нѣчто невѣроятное, нѣчто поражающее представляютъ финансовыя дѣла турецкой имперіи. Просматривая отчеты о ея финансовомъ положеніи, не вѣришь, что передъ тобою лежатъ серьезныя росписи расходовъ дѣйствительнаго существующаго правительства. Эти росписи кажутся чѣмъ-то фантастическимъ, какою-то злою сатирою надъ вымышленными правителями, безумно расточающими денежныя средства подвластной имъ страны. Иностранныя займы являются предметомъ всѣхъ заботъ этихъ правителей. Чувствующихъ, что безъ этого подспорья государственная машина, управляемая ими, должна остановиться.

Эти займы, начиная съ 1854 года, почти постоянно возрастаютъ. Въ 1854 г. турецкое правительство занимаетъ 3,000,000 фунт. стерлинг.; въ 1874 г. оно дѣлаетъ заемъ уже въ 40,000,000

фунтовъ. Вся сумма этихъ безумныхъ ежегодныхъ займовъ, сдѣланныхъ втеченіи двадцати лѣтъ, простирается до 143,896,200 фунтовъ. Кромѣ того, обанкротившееся турецкое правительство не уплатило за два года ни процентовъ по займамъ, ни части, подлежащей, согласно условіямъ займовъ, къ погашенію, что составляетъ до 15,000,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Слѣдовательно, весь итогъ государственныхъ долговъ Турціи дошелъ теперь до 170,000,000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. почти до 1,190,000,000 рублей серебромъ. Вся задача управленія турецкихъ министровъ финансовъ заключалась въ добываніи этихъ денегъ. Если министръ финансовъ отказывалъ султану въ деньгахъ—онъ слеталъ съ мѣста. Вслѣдствіе этого приходилось такъ или иначе изворачиваться и дѣлать внѣшніе займы. Тутъ пускались въ ходъ всевозможныя средства. Главнымъ изъ этихъ средствъ былъ обманъ, пусканіе пыли въ глаза при помощи различныхъ „рѣчей“ и государственныхъ „соображеній“.

Въ 1862 году одинъ изъ министровъ финансовъ писалъ: „Государственный кредитъ есть могучій двигатель всѣхъ чудесъ нашего времени. Условія-же, при которыхъ государство можетъ пользоваться кредитомъ, во-первыхъ, экономія въ администраціи, т. е. расходование государственныхъ денегъ на предметы, только полезныя для государства, и, во-вторыхъ, точное выполненіе всѣхъ обязательствъ, обдуманно принятыхъ на себя государствомъ“. Это писалось, но этого никто не думалъ исполнять да и не могъ исполнить, потому что султанъ во всякое время дня и ночи могъ потребовать у министра финансовъ всѣ деньги, занятыя совсѣмъ для другихъ цѣлей. Ограничить требованія султана, отказать ему въ выдачѣ денегъ — никто не имѣлъ права. Султанъ стоялъ выше всякихъ ограниченій, выше всякихъ государственныхъ нуждъ и цѣлей. Самъ султанъ, для того, чтобы уладить повыгоднѣе и поскорѣе тотъ или другой внѣшній заемъ, произносилъ не менѣе блестящія рѣчи, чѣмъ рѣчи его министровъ. Такъ въ 1872 году онъ, между прочимъ, замѣтилъ: „Величіе и успѣхи нашего государства составляютъ постоянный предметъ нашихъ живѣйшихъ заботъ. Мы при различныхъ обстоятельствахъ не разъ высказывали наше желаніе достигнуть этихъ цѣлей. На этомъ пути у насъ не было недостатка въ поддержкѣ

и облегченіи... хотя финансы, этотъ живой источникъ силы и могущества государствъ, не могли еще покуда достигнуть того состоянія, которое внушало-бы желаемое довѣріе“. Затѣмъ слѣдовало „но“, при помощи котораго начинались разъясненія, какихъ успѣховъ достигло въ послѣднее время турецкое правительство, сдѣлавшее сотни реформъ, поглотившихъ деньги, и заявлялось, что кредитъ государства укрѣпляется все болѣе и болѣе каждый день, что доходы увеличиваются, что правительство создало „настоящій финансовый бюджетъ“ и т. д. Эта рѣчь была сознательною ложью султана, но эта ложь была нужна для того, чтобы удачнѣе заключить новый внѣшній заемъ. Впрочемъ, этихъ „рѣчей“ было недостаточно для надуванія общества: нужны были продѣлки гораздо покрупнѣе.

Въ началѣ 1872 года Махмудъ-паша и Эмиръ-паша выработали бюджетъ на время отъ 1 марта 1872 г. по 28 февраля 1873 г. Согласно съ этимъ бюджетомъ дефицитъ не долженъ былъ превышать $\frac{1}{2}$ миліона фунтовъ стерлинговъ. Это былъ первый обнародованный государственный законъ, касавшійся турецкихъ расходовъ и доходовъ. Когда при помощи этого подробнаго и обстоятельнаго бюджета было приобрѣтено довѣріе на лондонской биржѣ и былъ заключенъ заемъ,—оказалось, что вся эта роспись доходовъ и расходовъ была чистѣйшимъ и наглѣмъ надувательствомъ. Съ крайне циничною развязностью правители признались, что все это было простымъ „ловкимъ маневромъ“, „военною хитростью“. Великій визиръ назначилъ комисію для провѣрки бюджета и Эмиръ-паша, сдѣлавшійся въ это время губернаторомъ Смирны, былъ отставленъ и привлеченъ къ отвѣтственности. Оказалось, что сбереженія въ расходахъ, выставленныя въ бюджетѣ, должны были быть достигнуты при помощи отставки чиновниковъ, а увеличеніе доходовъ не основывалось ни на чемъ: десятинный сборъ съ земледѣльцовъ не обуславливался увеличеніемъ урожая и былъ произвольно увеличенъ на бумагѣ; табачная-же монополія, предоставленная правительствомъ двумъ греческимъ банкирамъ, Заграфи и Зарифи, грозила, кромѣ того, совсѣмъ уничтожить воздѣлываніе табака. Не лучше были и другіе бюджеты. Такъ въ бюджетѣ на 1874—1875 годъ показывалось увеличеніе доходовъ противъ 1873 года слишкомъ на 20,000,000 рублей.

Но изъ всѣхъ государственныхъ доходовъ только $\frac{1}{29}$ часть, т. е. сборъ съ Египта, Румыніи, Сербіи, могла считаться вѣрною, остальные-же $\frac{28}{29}$ частей доходовъ были или сомнительны, или преувеличены. Такъ налогъ на дома въ Константинополѣ былъ невѣронъ вслѣдствіе переселенія массы домовладѣльцевъ изъ Стамбула, а новый патентный сборъ съ иностранцевъ былъ встрѣченъ на первыхъ-же порахъ протестомъ со стороны всѣхъ дипломатовъ. Голодъ въ Діарбекірѣ и Ангорѣ, наводненіе въ Багдадѣ, чума въ Аравіи тоже заставляли бояться за успешные сборы податей, хотя эти подати и собирались настоящими грабителями. Но турецкіе финансисты не унывали и къ слѣдующему году придумали новую ловушку для довѣрчивыхъ людей. При составленіи бюджета на 1875—1876 годъ былъ обнародованъ законъ, согласно съ которымъ министръ финансовъ долженъ былъ представить одобренный комитетомъ министровъ проектъ государственнаго бюджета на разсмотрѣніе особой комисіи изъ высшихъ сановниковъ и членовъ финансоваго міра и потомъ поднести султану этотъ проектъ для разрѣшенія недоразумѣній, могущихъ возникнуть между комисіей и министрами.

Всѣ подобныя реформы имѣли одну и ту-же цѣль: обмануть европейскія биржи. Но обманъ удавался не легко. Это уже видно изъ того, что при каждомъ новомъ займѣ турецкимъ правительствомъ терялась значительная часть капиталной суммы и ему приходилось платить очень большіе проценты. Если принять, что весь турецкій долгъ доходилъ до 1,190,000,000 рублей, то можно смѣло утверждать, что въ дѣйствительности въ государственную кассу прибавилось не болѣе 718,000,000 рублей,—по крайней мѣрѣ, эти цифры подтверждаются финансовымъ альманахомъ, редактируемымъ въ Константинополѣ. Кромѣ того, проценты по этимъ займамъ равнялись 7°/_o и 11°/_o съ номинальной суммы, т. е. среднимъ числомъ $9\frac{1}{2}$ ^o/_o, а съ дѣйствительно полученной суммы доходили до 15°/_o. Все это показываетъ, что давать деньги турецкому правительству рѣшались только тѣ спекуляторы, которые играютъ на биржѣ въ азартную игру. Заключались эта займы, главнымъ образомъ, на лондонской биржѣ.

Съ 1854 года по 1869 годъ турецкіе займы подписывались на французской и англійской биржахъ, но послѣ франко-прус-

ской войны Франція успѣла освободиться отъ турецкихъ бумагъ и турецкіе займы стали заключаться исключительно въ Англии. Но даже въ Англии въ 1873 году новый турецкій заемъ былъ встрѣченъ крайне холодно и едва могъ состояться. Въ 1874 году Садыкъ-паша долженъ былъ провести пять мѣсяцевъ въ Парижѣ и Лондонѣ, чтобы заключить опять заемъ, причѣмъ банкирамъ-капиталистамъ былъ представленъ проектъ конвенціи между Оттоманскою Портою и оттоманскимъ банкомъ. Согласно съ этою конвенціею, банкъ уполномочивался получать всю сумму доходовъ имперіи и обязывался прежде всякихъ другихъ расходовъ уплачивать проценты и дѣлать погашеніе фондовъ государственнаго долга. Банкъ долженъ былъ получать прямо отъ сборщиковъ податей всѣ доходы имперіи. Онъ уполномочивался выдавать изъ поступившихъ въ него доходовъ деньги, необходимыя для покрытія нуждъ государства, и производить расходы, разрѣшаемыя бюджетною комисіею, въ которой банкъ ех officio имѣеть своего представителя. „Закономъ повелѣвается, чтобы никакая отрасль администраціи не превышала въ своихъ расходахъ той суммы, которая опредѣлена въ бюджетѣ, дозволенномъ комисіею, и постановляется, что если по исключительнымъ обстоятельствамъ отероется необходимость въ дополнительномъ расходѣ, то подлежащій департаментъ входитъ съ докладомъ къ правительству объ ассигнованіи суммы, по мѣрѣ надобности, съ обозначеніемъ предмета, требующаго дополнительныхъ расходовъ,— правительство-же должно отослать докладъ на одобреніе комисіи и только по ея одобреніи временно допускается дополнительный расходъ“. Такимъ образомъ, турецкое правительство дошло до того, что соглашалось сдѣлать заемъ съ условіемъ подчиниться во всѣхъ своихъ расходахъ банку, который, конечно, долженъ былъ попасть въ руки англійскихъ капиталистовъ. Если-бы банкъ остался въ рукахъ турецкихъ финансистовъ, то, разумѣется, англичане не дали-бы ни гроша турецкому правительству, зная, какъ часто оно устраивало подобныя ловушки.

Итакъ, турецкое правительство дошло съ своею системою займовъ до подчиненія себя лондонскимъ биржевицамъ, дошло до того, что и при этомъ подчиненіи капиталистамъ иностраннаго государства ему не удался заемъ въ 1875 году. До такого уни-

женія не доходило еще ни одно изъ сколько-нибудь значительныхъ правительствъ, но до этого дошло и должно было неизбежно дойти правительство, повидимому, самое сильное, самое гордое, съ презрѣніемъ смотрѣвшее на всѣ другія правительства, незнавшее никакихъ предѣловъ своему произволу, распоряжавшееся судьбами подвластныхъ ему народовъ совершенно безконтрольно. Къ этому унизительному положенію вела турецкое правительство вся система его управленія государствомъ. Въ этой системѣ лежали первыя сѣмена гибели Турціи.

Мы мелькомъ взглянемъ на эту систему, не входя въ излишнія подробности, такъ-какъ дѣло представляется яснымъ и безъ нихъ.

II.

Государственный строй турецкой имперіи носитъ характеръ чисто-азіатскаго деспотизма. Султанъ или падишахъ, являющійся въ то-же время „главою правовѣрныхъ“, сосредоточиваетъ въ своей особѣ всѣ власти. Онъ господишь надъ душою и тѣломъ подданныхъ, главный военный начальникъ, высшій судья и верховная духовная власть. Онъ руководствуется въ своихъ поступкахъ только предписаніями корана и преданіями. Другихъ законовъ для него не существуетъ. Народъ существуетъ для него, а не онъ для народа. Его отношенія къ подданнымъ совершенно тѣ-же, что отношенія рабовладѣльца къ рабамъ: у него въ рукахъ всѣ права, у нихъ нѣтъ никакихъ правъ.

При такомъ порядкѣ вещей султаны, воспитывавшіеся въ гаремахъ, среди интригъ, роскоши и разврата, неполучавшіе никакого сколько-нибудь сноснаго образованія, могли доходить и доходили до самыхъ невообразимыхъ преступленій, до крайней расточительности, до послѣдней степени разнузданности нравовъ. Они не стѣснялись ничѣмъ. Даже въ семейной жизни, говорить Гервинусъ, султаны не были застрахованы отъ варварскихъ обычаевъ. Все, что мы встрѣчаемъ съ ужасомъ въ грубые вѣка завоеваній, повторялось въ Турціи въ вѣка гуманизма: родственники султана должны были дѣлаться убійцами своихъ собственныхъ дѣтей; устраненіе всѣхъ опасныхъ для престолонаслѣдія

родственниковъ освятилось изрѣченіемъ кораяа о томъ, что „воле- нія хуже казни“; Мухамедъ II возвелъ въ законъ правило, что каж- дый наслѣдникъ престола для безопасности долженъ казнить сво- ихъ братьевъ. Если родственники султана были на-столько не за- страхованы отъ казни, то еще хуже должно было быть положеніе его подчиненныхъ. Власть самыхъ независимыхъ пашей, царив- шихъ въ отдаленныхъ окраинахъ государства, была, по выраже- нію Гервинуса, только „удлиненною веревкою рабства“ и не защищала отъ гибели и казни. Быть первымъ намѣстникомъ сул- тана, напримѣръ, при Селимѣ I, значило подвергаться вѣчной опас- ности.

Повидимому, султанамъ нечего было бояться, имѣя въ рукахъ подобную власть. Но на дѣлѣ выходило совершенно иначе: тѣмъ большею властью пользовался султанъ, тѣмъ болѣе отвѣтствен- нымъ являлся онъ въ глазахъ народа, войска, духовенства. Го- лодъ въ странѣ, неудачная война, обременительные налоги, — все это ставилось ему въ вину. Въ глазахъ народа онъ былъ всемо- гущимъ и потому долженъ былъ отвѣчать за все. Не даромъ-же въ народныхъ легендахъ идеальный султанъ являлся человѣкомъ, переодѣвающимся въ простое платье и ходящимъ среди народ- ныхъ массъ, чтобы узнать нужды народа, чтобы спасти правыхъ и наказать виновныхъ. Къ несчастью, подобныя идеальныя сул- таны могли существовать только въ области фантази, а не въ дѣйствительности. Да и могло-ли быть иначе? Если-бы они были даже, людьми болѣе развитыми, образованными, энергичными и чест- ными, то и тогда они не могли-бы знать всего, что дѣлается вокругъ нихъ, не могли-бы выискать во всѣ дѣла сами, не могли- бы провѣрять всего лично. Государственное управленіе обширною страной, раскинушеюся въ Европѣ, Азій и Африкѣ, — дѣло крайне сложное и требующее многихъ и многихъ лицъ. Эти-то лица и являлись главными виновниками и дурного управленія страной, и гибели султановъ.

Въ дѣйствительности законодательная и исполнительная власть находилась въ Турціи въ рукахъ великаго визиря и шейхъ-уль- ислама, затѣмъ идутъ министры, потомъ губернаторы отдѣльныхъ провинцій и цѣлая масса болѣе мелкихъ чиновниковъ. Всѣ эти лица были, повидимому, ничтожнымъ прахомъ передъ всемогущимъ

султаномъ, отъ котораго они получали всё свои права, все свое значеніе, всё свои богатства. Но, въ сущности, эти лица были очень сильны, потому что они въ дѣйствительности являлись настоящими правителями; отъ нихъ зависѣли всё сборы податей, въ ихъ рукахъ была возможность обманывать султановъ, немогущихъ вникать во всё дѣла, у нихъ были всё средства притѣснять народъ, выжимая изъ него послѣдніе соки. Вслѣдствіе этого помощники султана являлись на дѣлѣ нерѣдко людьми болѣе могущественными и, во всякомъ случаѣ, болѣе страшными, чѣмъ самъ султанъ. Ихъ отношенія къ народу были тѣ-же самыя, которыя существовали между султаномъ и его подданными: народъ являлся въ ихъ глазахъ доходною статьею и только. Зная, что ихъ участь зависитъ отъ перваго каприза падишаха, отъ первой серальной интриги, эти правительственные лица ситѣнили какъ можно скорѣе и больше награть денегъ. Такимъ образомъ, вся система турецкихъ властей въ дѣлѣ управленія странною сводилась къ одному стремленію: добыть какими-бы то ни было путями и средствами какъ можно болѣе капиталовъ для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, прихотей и желаній. Этою системою руководились всё, начиная съ самого падишаха и кончая какими-нибудь низшими сборщиками податей. Народъ, мѣста, государственная казна, внѣшніе займы,—все это разсматривалось какъ источникъ доходовъ и выгодныхъ сдѣлокъ. О потребностяхъ и нуждахъ народа, объ обязанностяхъ, связанныхъ съ извѣстнымъ мѣстомъ служенія, о выгодахъ государственной казны, о правительственныхъ цѣляхъ, для которыхъ дѣлались займы, никто и не думалъ и не могъ думать, такъ-какъ ни одно изъ правительственныхъ лицъ не могло поручиться за прочность своего положенія и должно было заботиться только объ обезпеченіи себя въ будущемъ при помощи казнокрадства, взяточничества и грабительства. Такое положеніе, конечно, выгодно для людей, умѣющихъ грабить, и потому каждый стремится занять хотя какое-нибудь мѣсто въ правительственныхъ сферахъ. Европейскіе турки, по словамъ Э. Реклю, принимаютъ очень мало участія въ черной работѣ, такъ-какъ именно они-то и получаютъ мѣста отъ правительства и управляютъ странною или, вѣрнѣе сказать, ничего не дѣлаютъ и только получаютъ доходы.

Конечно, эти мѣста получаютъ не даромъ. Продажа мѣстъ, говоритъ Гервинусъ, — сдѣлалась вполне законною уже при Мурадѣ III (въ 1566 году), который самъ продавалъ мѣста высшимъ сановникамъ. Эта страшная язва все болѣе и болѣе развѣдала государственное тѣло Турціи и система „бакшиша“, даванья „на водку“, могла заставитьъ Фридриха II не безъ основанія замѣтить, что „турки продадутъ за деньги и своего пророка“. Продажность заглушила въ турецкихъ властяхъ всѣ гражданскіе инстинкты, всякое сознаніе своихъ обязанностей въ отношеніи къ народу и государству, всякое чувство справедливости. Эта-же продажа мѣстъ была причиною многочисленности чиновниковъ: султаны и губернаторы изобрѣтали новыя должности, чтобы имѣть возможность ихъ продавать. При изобрѣтеніи этихъ должностей вовсе не заботились о жалованьи, такъ-какъ всѣ знали, что масса чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, кормится не жалованьемъ, а продажей своихъ услугъ народу, вымогательствомъ денегъ у народа. Вслѣдствіе этого въ Турціи только высшіе сановники получаютъ невообразимо большіе оклады, всѣ-же низшіе чиновники получаютъ отъ правительства такое маленькое содержаніе, что жить на эти средства нѣтъ никакой возможности, да сверхъ того и это содержаніе выдается только въ крайнихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, само правительство заставляетъ чиновниковъ пользоваться посторонними доходами, которые обращаются въ полный грабѣжъ.

Вслѣдствіе этого въ Турціи продажно все и, главнымъ образомъ, правосудіе, и въ то-же время ни одно дѣло, ни одна обязанность не исполняется какъ слѣдуетъ. Сборщики податей, судьи, учителя, почтовые чиновники, офицеры, — всѣ эти лица за деньги для васъ готовы нарушить любое постановленіе; по обязанности-же не сдѣлаютъ и не дѣлаютъ ничего. Эта повальная продажность и подкупность должна увеличиваться тѣмъ болѣе, что всѣ турки привыкли къ болѣе или менѣе широкой жизни. Причѣмъ для этой широкой жизни имъ служитъ самъ падишахъ. Чисто восточная роскошь султана превосходитъ всякія вѣроятія. Когда приходилось тратить 56,000,000 талеровъ на погашеніе вышнихъ долговъ, пишетъ К. Шмейдлеръ, —

когда на армію тратилось 30,000,000 талеровъ, а на флотъ 6,000,000 талеровъ, султанъ получалъ по бюджету 12,000,000 талеровъ. Но эти двѣнадцать миліоновъ были чисто-номинальною суммою и султанъ могъ потребовать во всякое время и требовалъ дополнительныхъ суммъ, которыя были гораздо болѣе суммъ, назначавшихся ему по бюджету. Его окружала цѣлая масса людей, которыхъ нужно было дарить, за которыхъ платились долги. Все это требовало денегъ и денегъ. Недаромъ-же министръ финансовъ долженъ былъ ежеминутно дрожать за свое мѣсто. Англійскіе корреспонденты говорятъ, что Абдуль-Азисъ ежедневно требовалъ себѣ денегъ и денегъ; первое его требованіе всегда почтительно отклонялось по неизмѣннѣ денегъ въ казнѣ; но онъ предъявлялъ свои требованія снова и снова; ему излагалось положеніе государственныхъ финансовъ, но онъ не отступалъ отъ своихъ требованій и посылалъ солдатъ брать изъ казнохранилища деньги, предназначавшіяся на войско, и тратилъ ихъ на подарки придворнымъ. Таковой образъ жизни не могъ не отразиться на образѣ жизни остальныхъ классовъ общества.

Министры, вали и тому подобныя сановники дѣлали все возможное, чтобы жить такъ-же широко, какъ жилъ ихъ повелитель. Каждый изъ этихъ правительственныхъ лицъ наворовывалъ себѣ громадное состояніе. По свѣденіямъ, приводимымъ въ одномъ изъ фельетоновъ „Голоса“, Мехмедъ-Рухди-паша оставилъ по смерти своей, на другой день отставки, необычайное богатство. Давудъ-паша послѣ трехъ лѣтъ управленія министерствомъ публичныхъ зданій уѣхалъ за-границу и жилъ во дворцѣ на озерѣ Кюмо; по смерти его семья наследовала отъ него болѣе полумиліона фунтовъ стерлинговъ. Рива-паша, морской министръ, бывший торговецъ овощами, оцѣнилъ себя въ 3,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Гуссейнъ-Авни-паша, прежде совершенный бѣднякъ, въ шесть лѣтъ сталъ необычайно богатъ и приобрѣлъ это богатство по сдѣлкамъ съ контрагентами поставки оружія и обмундированія войскъ во время завѣдыванія своего военнымъ департаментомъ. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали эти господа для удовлетворенія требованій султана и своихъ стремленій къ наживѣ, это видно изъ слѣдующаго курьезнаго факта, неизмѣющаго ничего себѣ подобнаго въ остальныхъ европейскихъ государ-

ствахъ. Великій визирь Махмудъ-паша по вступленіи своемъ въ должность выказалъ стремленіе къ экономіи. Это стремленіе выказалось въ томъ, что онъ отставилъ множество лишнихъ чиновниковъ и очистилъ суды отъ поступившихъ туда на мѣста бывшихъ „набивателей трубокъ“ и „конюховъ“ султанскаго двора. Въ одноиъ министерствѣ финансовъ онъ оставилъ за штатомъ тысячу чиновниковъ. По этой цифрѣ можно судить, какое множество дармоѣдовъ получало отъ правительства мѣста при помощи подарковъ и протекцій со стороны придворной челяди. Но это было не все: Махмудъ-паша пошелъ далѣе. Онъ получалъ 120,000 талеровъ жалованья, военный министръ получалъ 90,000 талеровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ — 54,000 талеровъ, — эти содержанія Махмудъ-паша не уменьшилъ, но онъ уменьшилъ на 30 и на 40% жалованье губернаторовъ, вали, которые, конечно, пополняли эти убытки на счетъ народа. Далѣе онъ сталъ уменьшать и содержанія мелкихъ чиновниковъ: сначала онъ сталъ удерживать 5% изъ ихъ жалованья; потомъ сталъ вычитать еще 5% на несуществовавшій пенсіонный фондъ; далѣе понизилъ жалованье еще на 2½ процента и, наконецъ, еще на 5%. Изъ всего остального жалованья они стали получать только часть, такъ-какъ многое изъ слѣдующихъ имъ суммъ терялось и пропадало гдѣ-то въ дорогѣ; сверхъ того, втеченіи 8 или 10 мѣсяцевъ жалованье не выдавалось вовсе, такъ что служащіе принуждены были занимать деньги за 2 и за 2½% въ мѣсяць, если они не могли воровать или не желали умереть съ голоду. Въ заключеніе всего при выдачѣ имъ жалованья мѣсяць былъ сосчитанъ въ 40 дней и, такимъ образомъ, въ году оказалось не 12, а 9 мѣсяцевъ. Последняя мѣра была совершенно въ духѣ оффенбаховскихъ оперетъ и вице-король изъ „Периколы“ едва-ли съумѣлъ-бы придумать болѣе остроумный способъ обирания служащихъ. Немудрено, что при отставкѣ Махмуда-паши ему, впервые въ Бонстантинополѣ, устроили кошачій концертъ.

Разумѣется, всѣ мѣры, подобныя тѣмъ, къ которымъ прибѣгалъ Махмудъ-паша для сбереженія финансовъ, вели чиновниковъ прямо къ взяточничеству, къ продажности, къ вымогательствамъ. Всѣ эти пороки должны были быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе были склонны эти люди къ болѣе или менѣе удобной жизни;

турки-же всегда отличались стремленіемъ пожить въ свое удовольствіе.

Такова система управленія, которой придерживаются турецкія власти: добыть какъ можно болѣе денежныхъ средствъ для себя — вотъ вся ихъ цѣль. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на то, какъ и гдѣ добываются эти деньги.

III.

Рабовладѣльцы всегда могутъ эксплуатировать своихъ рабовъ двоякимъ способомъ. Расчетливый и цивилизованный рабовладѣлецъ, зная, что стоитъ ему каждый рабъ, и понимая, что этотъ рабъ можетъ работать только до известнаго предѣла, дорожить этою рабочею силою, не требуетъ отъ нея больше, чѣмъ она можетъ дать, и, такимъ образомъ, довольно долго пользуется ею и извлекаетъ изъ нея большія выгоды. Рабовладѣлецъ нерасчетливый и грубый изнуряетъ своего раба непосильною работою и плохимъ обращеніемъ очень быстро и, въ погоню за быстрою наживою, лишаетъ себя въ близкомъ будущемъ рабочей силы, которая надламывается въ непосильномъ трудѣ и которую можно замѣнить новою, только сдѣлавъ большія затраты. Турецкія власти принадлежали и должны были принадлежать къ числу послѣднихъ рабовладѣльцевъ: онѣ вовсе не задумывались надъ вопросомъ, можетъ-ли вынести народъ всѣ тягости, которыми обременяли его; имъ была важна только возможность выжать изъ народа лично для себя все то, что можно было выжать: будущее ихъ нисколько не интересовало, потому что будущее принадлежало не имъ.

Турецкая эксплуатація, замѣчаетъ Э. Реклю, — не была ученою эксплуатаціею человѣческихъ силъ, основанною на знаніи людей и стремящеюся унижить ихъ методически. Османлисы не знали этого искусства „разумно угнетать“, — искусства, которое было знакомо голандскимъ губернаторамъ зондскихъ острововъ. Здѣсь общество могло идти своимъ путемъ, только-бы паша и его фавориты могли обогащаться вволю, дорого продавая правосудіе и мѣста, да награждая отъ времени до времени палочными ударами въ чемъ-нибудь провинившихся передъ ними несчастныхъ. Эти

чиновники не выказывали особенной любознательности по части различныхъ дѣлъ ввѣреннаго ихъ управленію края и не требовали никакихъ рапортовъ и докладовъ о положеніи той или другой личности, той или другой семьи. Ихъ управленіе было, по большей части, грубо и жестоко, но оно, если можно такъ выразиться, было чисто-внѣшнимъ и не касалось сущности вещей. При такомъ порядкѣ не могла зародиться и развиваться общественная жизнь, но отдѣльныя личности могли сохранить свои характерныя индивидуальныя особенности и свои національныя учрежденія; такъ греческая община, славянскія общинныя учрежденія не погибли подъ этимъ управленіемъ, лишеннымъ зрѣло обдуманнаго плана. Въ Турціи вслѣдствіе этого болѣе, чѣмъ въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, сохранилась автономія извѣстныхъ отдѣльныхъ группъ населенія. Въ виду этого хаоса расъ и націй, которыя было-бы не легко подчинить однообразной дисциплинѣ, лѣнивые турецкіе чиновники пришли къ самому простому заключенію: они оставили все идти своимъ порядкомъ. Турція была всегда шѣстомъ, гдѣ удобнѣе всего подготавливались возстанія, такъ-какъ заговорщики не обращали на себя ничего вниманія.

Но вовсе не такъ распоряжались чиновники тамъ, гдѣ дѣло шло о высасываніи денегъ. Здѣсь они являлись и изобрѣтательными, и дѣятельными людьми. Трудно себѣ представить, съ чего-бы не брали турецкія власти налоговъ и податей: поголовная подать, деньги за освобожденіе отъ воинской службы, десятая часть доходовъ отъ земледѣлія, сборъ за стада барановъ, сборъ за стада свиней, сборъ съ занимающихся шелководствомъ, сборъ съ винокуровъ, штепельный сборъ, пошлины на табакъ, сборы съ соляныхъ копей, съ недвижимыхъ имуществъ, съ лѣсныхъ дачъ, съ каменоломень, почтовые и телеграфные сборы, подати съ государствъ, находящихся въ зависимости отъ Турціи, и т. д., и т. д. Доходныя статьи изобрѣтались всеми средствами, какъ, напримѣръ, патентный сборъ съ иностранцевъ, возбудившій протестъ дипломатовъ. При такомъ порядкѣ вещей, конечно, не можетъ развиваться ни земледѣліе, ни промышленность. Земледѣлецъ не только не заботится о хорошемъ урожаѣ, но простоумышленно ограничиваетъ жатву съ своего поля, такъ-какъ

обильная жатва принесла-бы ему не мало горя: увеличеніе сбора съ полей влечетъ за собою увеличеніе податей и въ то-же время навлекаетъ подозрѣніе сборщика, дѣлающаго обыскъ у земледѣльца въ надеждѣ уличить послѣдняго въ утайкѣ и въ обманѣ. Точно также торговецъ въ какомъ-нибудь маленькомъ городѣ, видя, что его дѣла идутъ не дурно, начинаетъ съезживаться, уменьшать свои расходы, запускать свой домъ, чтобы только скрыть отъ всѣхъ свое благосостояніе. Такимъ образомъ капиталы торговцевъ лежатъ безъ оборотовъ, а земли ослабѣютъ нерѣдко вовсе безъ обработки. Эта система та самая, которая существовала вездѣ при крѣпостномъ правѣ: о крестьянахъ, скрывающихъ свои сбереженія, боящихся хорошаго урожая, писалъ еще Ж. Ж. Руссо, проѣзжая по французскимъ деревнямъ. Однѣ и тѣ-же причины даютъ однѣ и тѣ-же результаты.

Горе тому, кто вздумаетъ въ Турціи обработать никому непринадлежашіе пустыри; какъ только онъ соберетъ съ нихъ жатву, такъ тотчасъ-же духовенство или какой-нибудь паша предъявятъ на нихъ свои права и, наградивъ земледѣльца палочными ударами, воспользуются всѣми плодами чужого труда. Скрыть размѣры жатвы земледѣльцу невозможно, такъ-какъ онъ подвергается самому тщательному и назойливому обыску. Но этого мало. Чтобы избѣжать обмановъ со стороны земледѣльцевъ, нѣкоторые сборщики податей придумали слѣдующій способъ: они заставляютъ земледѣльцевъ не убирать съ полей жатвы, пока они не пріѣдутъ за податями и не провѣрятъ ее. Такимъ образомъ втеченіи цѣлыхъ недѣль на поляхъ лежитъ неубраннымъ сборъ маиса, риса, хлѣба, подвергаясь опасности быть съѣденнымъ животными, разнесеннымъ бурей, подмоченнымъ дождями. Иногда сборщики пріѣзжаютъ за слѣдующею имъ частью жатвы, когда она уже потеряла половину своей цѣны. Порой земледѣльцы не снимаютъ даже винограда, чтобы только избѣжать обременительныхъ податей за этотъ сборъ.

Но на кого-же главнымъ образомъ ложатся эти сборы? На христіанъ, а не на турокъ.

Турки, желая спокойно пользоваться доходами съ поземельной собственности, уступаютъ свои земли мечетямъ и сами оставляютъ себѣ только право пользоваться доходами съ этихъ земель, осво-

бождаясь въ то-же время отъ поземельныхъ налоговъ, такъ-какъ „святыя“ земли не подлежатъ налогамъ. Подобныя земли теперь составляютъ почти треть всей территоріи; онѣ ничего не приносятъ государству. Но такъ-какъ государство нуждается не въ уменьшеніи, а въ увеличеніи доходовъ, то оно и взыскиваетъ съ земледѣльцевъ-христіанъ все то, что оно теряетъ на земляхъ, сдѣлавшихся „святыни“.

IV.

Разсказывать о томъ, какъ собирались съ народа подати значило-бы разсказывать страшную, хотя и однообразную исторію мученичества плательщиковъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ на зажиточныхъ жителей нападали сборщики, какъ грабители, заключали ихъ въ тюрьмы и брали ихъ имущество. Чиновники совершали всякія злодѣйства, обвиняя зажиточныхъ людей въ анти-турецкомъ образѣ мыслей. Несчастнымъ, преслѣдуемымъ жертвамъ оставалось только спастись бѣгствомъ. Изъ пятидесяти семействъ, бѣжавшихъ при началѣ послѣдняго возстанія въ Черногорію, многія были переловлены и засажены въ тюрьмы. Сборщики податей прибѣгали къ пыткамъ, чтобы собрать подати: они загоняли плательщиковъ на деревья или на крыши домовъ и вымучивали у нихъ деньги при помощи медленнаго огня; въ зимнее время они привязывали на улицахъ плательщиковъ съ босыми ногами и держали ихъ на холоду до тѣхъ поръ, пока несчастные не отдавали послѣдней домашней утвари. Всѣ собранныя деньги шли въ карманы этихъ чиновниковъ или частью попадали въ государственную казну, но ни одна копейка не шла на пользу страны, на учрежденіе школъ, на развитіе судебныхныхъ учрежденій, на улучшеніе городовъ, на устройство медицинской части въ государствѣ и т. д. Купцы, землевладѣльцы и земледѣльцы давно привыкли къ этому способу выжиманія денегъ и нерѣдко встрѣчали сборщиковъ съ оружіемъ въ рукахъ; дѣло доходило до кровавыхъ схватокъ, побѣдителями въ которыхъ оставались сборщики. Несчастные плательщики иногда прибѣгали съ жалобами къ вали, но здѣсь ихъ встрѣчали съ обычною гру-

бостью. Жалобы, посланныя въ Константинополь, оставались безъ послѣдствій или, что еще хуже, передавались тому-же вали, на чиновниковъ котораго приносились жалобы.

Даже англичанъ поражалъ способъ собиранія податей въ Турціи. „Въ Ангорѣ, писали англичане,—территорія которой въ два раза больше британскихъ острововъ, съ населеніемъ въ три миліона, опять голодъ, вслѣдствіе страшной засухи, за которою слѣдовала крайне суровая зима, а затѣмъ и опустошительная эпидемія, истребившая 50,000 душъ. Все это вмѣстѣ причинило убытки въ нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Обширные участки земли остаются безъ обработки; энергія населенія крайне потрясена; оно упало духомъ; всеобщее нищенство и безпомощность. Бѣдствія еще болѣе усилились и плачевное положеніе населенія ухудшилось еще отъ того, что Порты признала необходимымъ взыскать съ населенія недоимки, запущенныя имъ отъ 1872 и 1873 годовъ, въ количествѣ 1½ миліона фунт. стерл., и, такимъ образомъ, возвысить десятину податей на 2½ части доходовъ, добываемыхъ населеніемъ. Декретъ Порты объ этомъ взысканіи былъ обнародованъ вали, который произвелъ въ полицейскомъ строѣ реформу учрежденіемъ отряда живописно обмундированныхъ, но безпощадныхъ грабителей, опустошающихъ народъ во имя правительства и въ свою личную пользу. Сверхъ того, назначенъ новый вали, седьмой втеченіи трехъ лѣтъ, который объявляетъ, что его выгода собирать, а не запускать подати. Истощеніе народа производится безпощаднѣе, чѣмъ прежде; сдѣлана надбавка на земельный налогъ за текущій годъ и впредь за будущій. Подать, наложенная на христіанъ за освобожденіе отъ воинской службы, взыскивается безъ милосердія; за несостоятельность лицъ въ платежѣ отвѣчаетъ цѣлая община подъ страхомъ заключенія въ тюрьму и конфискаціи имѣнія. Бывшіе до сихъ поръ полуголодными и даже тѣ, которые жили милостынею, принуждены продавать свои зимніе запасы и стричь овецъ среди зимы. Новыя неистовства подкрѣпляются остріемъ сабель полиціи, насилія которой переходятъ вслѣія границы въ такой степени, что старшины христіанскихъ общинъ посылаютъ своихъ жонъ и дѣтей продавать изъ домовъ все, что можно продать. Эти и еще страшнѣйшія жестокости, о которыхъ можно сообщить

достоверныя подробности, вызваны заботою правительства собрать сумму, необходимую для очистки процентовъ кредиторамъ по купонамъ займовъ, подлежащихъ уплатѣ въ предстоящемъ январѣ. Что-бы избѣжать экзекуцій и пытокъ и удовлетворить требованія сборщиковъ податей, народу приходилось прибѣгать къ помощи скупщиковъ, кулаковъ, которые эксплуатировали его до послѣдней степени. „Болгарскій народъ обрабатываетъ землю, а грекъ держится за плугъ“, говоритъ старая поговорка, и это правда: болгарскій крестьянинъ работалъ на грековъ и на мусульманъ, но не на себя. Онъ трудился всю жизнь и оставался всю жизнь нищимъ и рабомъ. Ему приходилось продавать жатву на корню, за полцѣны; онъ долженъ былъ брать деньги у скупщиковъ заимообразно, платя имъ большіе проценты; онъ нерѣдко принужденъ былъ отработывать свой долгъ, причемъ задѣльная плата понижалась до minimum'a.

Прямыхъ слѣдствіемъ такого порядка вещей была нищета народа. Его эксплуатировали всѣ: деньги, платимыя имъ правительству, шли не на удовлетвореніе его потребностей; онъ оставался въ прежнемъ невѣжествѣ. Вслѣдствіе этого земледѣіе не улучшалось, промышленность оставалась въ застоѣ. Грязь и голодъ, холера и чума истребляли тысячи и тысячи людей. Недаромъ-же Турцію считали главнымъ очагомъ эпидемій, которыя постоянно тревожили Европу, переходя изъ турецкихъ владѣній въ западно-европейскія государства. Эти эпидеміи были прямымъ слѣдствіемъ нищеты народа и нерадѣнія правительства. Это было ясно для всѣхъ; этого не понимало только турецкое правительство, не знавшее, что бѣдность народа обусловливаетъ бѣдность правительства и что бѣдное правительство всегда бываетъ слабымъ правительствомъ.

Оно думало, что государственное управленіе страню пойдетъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше будетъ инстанцій, чѣмъ больше будетъ чиновниковъ, и довело управленіе до того, что никто не зналъ, что дѣлается въ странѣ. При этой массѣ инстанцій и чиновниковъ не было и не могло быть никакого контроля, никакой отчетности въ управленіи, такъ что по статистическимъ свѣденіямъ страна благоденствовала, а на дѣлѣ гибла отъ нищеты и неурядицы.

Оно сводило всю свою финансовую мудрость на то, чтобы какъ можно болѣе брать податей съ народа и какъ можно болѣе добывать денегъ при помощи внѣшнихъ займовъ, и воображало себя богатымъ, когда въ государственномъ казначействѣ скапливались миліоны, не замѣчая того, что этихъ миліоновъ далеко не достало-бы, если-бы оно вздумало хотя отчасти удовлетворить самыя насущныя нужды и потребности страны.

Оно считало себя сильнымъ, создавая громадную армію, которая служила бременемъ для страны и поглощала деньги, необходимыя для другихъ цѣлей. Въ 1869 г. оно ввело воинскую повинность для магометанъ, которые должны были поступать въ военную службу по жеребью или по желанію. Срокъ службы опредѣлялся въ 20 лѣтъ, изъ которыхъ 4 года приходились на дѣйствительную службу, низамъ, 2 года на первую резервную, идатіаль, 6 лѣтъ на вторую резервную, редифъ, и 8 лѣтъ на ландштурмъ, гѣадъ. Населеніе магометанское должно было платить за освобожденіе отъ воинской повинности и могло временно служить во флотѣ. Армія должна была состоять изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ и вспомогательныхъ силъ. Къ 1878 году вся численность войскъ должна была дойти до 700,000 человекъ. Флотъ уже въ 1872 году состоялъ изъ 115 паровыхъ судовъ и изъ 53 парусныхъ, съ 2,190 орудіями, 20,000 матросами и 3,600 морскими солдатами. Изъ Америки было выписано 100,000 ружей, у Круппа было заказано 500 орудій большого калибра, кромѣ того Круппъ получилъ заказъ на 600,000 ружей. Все это требовало громадныхъ затратъ, но турецкое правительство не останавливалось передъ ними, полагая, что сила государства именно въ томъ и состоитъ, чтобы имѣть какъ можно болѣе войска. Оно ошибалось глубоко: Турція была всегда слабымъ государствомъ, потому что она была бѣднымъ государствомъ, такъ на нее и смотрѣли всѣ европейскія державы уже съ давнихъ поръ.

V.

Первый симптомъ того, что сосѣднія державы считаютъ это или другое государство слабымъ, заключается въ внѣшательствѣ

этихъ государствъ во внутреннія дѣла слабой державы. Вмѣшиваться во внутреннія дѣла сильнаго государства не рѣшится ни одна держава, какъ-бы ни казались ей несправедливы и вопіющіи эти дѣла. Никто, конечно, не подумаетъ являться съ своими совѣтами и наставленіями передъ прусскимъ правительствомъ, негодуя на него за его отношенія къ католическимъ подданнымъ прусскаго государства. Никто не думалъ вмѣшиваться въ дѣла англійскаго управленія, когда англичане расправлялись съ ирландцами или съ Ост-Индіей. Всѣ видятъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находятся католики въ Пруссіи. Всѣ приходили въ ужасъ, слыша о казняхъ и варварствахъ въ Ирландіи и въ Ост-Индіи, но всѣ молчали: Пруссія и Англія на-столько сильныя государства, что постороннія державы должны глядѣть сквозь пальцы на все совершающееся въ этихъ государствахъ.

Совсѣмъ не то было съ Турціей.

Она своею государственною системою довела себя до такой слабости, что стала въ зависимость отъ вліяній всѣхъ европейскихъ державъ, которыя являлись постоянно то дурными, то хорошими ея совѣтниками. Турцію давно уже стали называть „больнымъ человѣкомъ“ и европейскія державы наперерывъ другъ передъ другомъ старались быть ея „врачами“, конечно, не безъ задней мысли если не о мѣстѣ въ духовномъ завѣщаніи больного человѣка, то, во всякомъ случаѣ, о поживѣ, которая всегда достается людямъ, находящимся около умирающаго.

Уже въ давнія времена сильное вліяніе на турецкое правительство оказываютъ французы. Подъ французскимъ вліяніемъ воюетъ съ нѣмцами Солиманъ III; подъ вліяніемъ Шатонёфа въ 1688 году султанъ не заключаетъ мира въ Вѣнѣ; французскій же посланникъ задариваетъ вліятельныхъ турокъ, чтобы помѣшать заключенію мира съ Англіей и Голандіей; въ 1739 году вліяніе Франціи на турецкое правительство сильно повредило Австріи; въ 1769 году подъ вліяніемъ Франціи Мустафа предпринялъ походъ противъ Россіи и т. д. Это вліяніе не было нисколько похоже на обыкновенное вліяніе тѣхъ или другихъ европейскихъ дипломатовъ, на ту или другую европейскую дер-

жаву. Здѣсь посланники распоржались, какъ дома, подкупали великихъ визирей, министровъ, высшихъ сановниковъ, давали правительству субсидіи. Не съ особеннымъ уваженіемъ смотрѣли на Турцію тѣ, кто платилъ ей деньги. Наглость доходила до того, что одинъ изъ посланниковъ Франціи, Феріоль, настаивалъ на томъ, чтобы явиться передъ султаномъ при оружіи, что было противъ всѣхъ обычаевъ Турціи. Султанъ Мустафа II никакъ не соглашался на это и приказалъ вышвырнуть посланника вмѣстѣ съ его шпагой. Послѣ множества самыхъ грубыхъ выходовъ Феріоля, пришлось признать его съумасшедшимъ и отозвать изъ Константинополя, хотя Франція и не особенно церемонилась съ государствомъ, получавшимъ отъ нея субсидіи и взятки.

Въ концѣ XVIII вѣка Англія беретъ перевѣсъ надъ Франціею въ дѣлѣ вліянія на турецкое правительство и англійскія деньги даютъ возможность Турціи поддерживать свое существованіе. „Турціи, собственно говоря, угрожалъ раздѣлъ гораздо раньше, замѣчаетъ Шлоссеръ, — но для англичанъ сохраненіе самостоятельности турецкой имперіи было важно“. Возможность раздѣла турецкой имперіи была собственно пугаломъ для англичанъ, а вслѣдъ за ними и для другихъ европейскихъ державъ, опасавшихся, что при этомъ раздѣлѣ самая выгодная доля достанется Россіи. Эта мысль собственно высказывается уже въ 1774 году австрійскимъ посланникомъ, который докладываетъ своему правительству, что русскіе могутъ въ двое сутокъ достигнуть Константинополя и что вообще существованіе турецкой имперіи зависитъ въ будущемъ только отъ Россіи. Эта мысль овладѣла умами всѣхъ дипломатовъ и мало-по-малу Турція сдѣлалась главною ареною ихъ интригъ и борьбы. Они сходились между собою только въ одномъ—въ вопросѣ о неприкосновенности и нераздѣльности Турціи. Этотъ вопросъ былъ главнымъ вопросомъ всѣхъ договоровъ съ Турціей и въ сущности уже тогда свидѣтельствовалъ о безнадежности ея положенія.

Послѣ войны Россія съ Турціею при Екатеринѣ II, мы заключили союзъ съ Портою противъ французовъ, занимавшихъ тогда Египеть. Англичане поспѣшили приступить къ этому союзу и включили въ договоръ условіе о неприкосновенной цѣ-

лости турецкихъ владѣній. Съ этой поры въ Константинополѣ начинаютъ господствовать то виѣсть, то попеременно два посланника: англійскій и русскій, старающіеся помѣшать снова возникавшей пріязни между Портою и Франціей. Это имъ удается только отчасти. Несмотря на то, что первый посланникъ Наполеона, маршалъ Брюнъ, не умѣлъ обращаться съ турками, несмотря на то, что англичане наущивали туркамъ о намѣреніи со стороны Наполеона раздѣлить Турцію и овладѣть Египтомъ, турки при первыхъ побѣдахъ Наполеона поняли, что Наполеонъ I смѣнный „падишахъ“, сошлись снова съ французами и французы опять стали хозяйничать въ Турціи. Ловкій французскій посланникъ Себастиани, не жалѣя ни денегъ, ни обѣщаній, убѣдилъ Порту разорвать союзъ съ Россіей и Англіей, предложилъ свои услуги султану въ дѣлѣ преобразованія турецкаго войска на европейскій ладъ, привезъ французскихъ офицеровъ для обученія солдатъ и инженеровъ для постройки крѣпостей.

Но несмотря на такое множество опекуновъ, несмотря на ихъ подарки, ссуды и субсидіи, турецкая имперія дѣлалась все бессильнѣе и бессильнѣе, придерживаясь своей обычной системы управленія: она истощала народъ, она не поощряла ни земледѣлія, ни промышленности, султанъ и его приближенные тратили непомерно много денегъ, алчное чиновничество буквально грабило страну. Слѣдствіемъ всего этого были постоянные бунты и возстанія; Турція теряла земли, теряла власть надъ завоеванными ею странами; Крмиъ, Бессарабія, Сербія выскользнули у нея изъ рукъ, Греція готовилась къ освобожденію. Все ясно показывало, что турецкая правительственная система должна привести Турцію къ окончательной гибели, что греки и славяне скоро освободятся отъ неумѣлаго и невѣжественнаго правительства. Но шли годы, а Турція все продолжала существовать, подвластные ей народы все продолжали страдать. Чѣмъ-же можно было объяснить это явленіе? Виѣшательствомъ западно-европейскихъ державъ во внутреннія дѣла Турціи.

Можно смѣло сказать, что если-бы европейскія державы не считали выгоднымъ для себя помогать турецкому правительству во время его борьбы съ подвластными ему христіанскими народами, то эти народы, несмотря на численное превосходство ту-

рецкихъ силъ, были-бы давно свободны. Но европейскія державы постоянно стояли за цѣлость турецкой имперіи и являлись ея помощниками, когда надо было подавить волненіе въ ея провинціяхъ съ христіанскимъ населеніемъ, съ которыми турецкое правительство никогда не справилось-бы безъ ихъ помощи. Такая политика европейскихъ державъ была не новостью.

„Въ пятнадцатомъ столѣтіи, говоритъ Гервинусъ, — завоеванія османовъ утвердились вслѣдствіе политической зависти и столкновенія различныхъ интересовъ, т. е. вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ, которыя и въ наше время помогаютъ Турціи влечить свое болѣзненное существованіе. Восточный вопросъ при самомъ своемъ возникновеніи былъ въ сущности тѣмъ-же, чѣмъ мы видимъ его теперь. Каждый участникъ крестоваго союза требовалъ свою долю добычи, но главную ея часть союзники не уступили-бы никому изъ своей среды. Союзники пришли-бы еще къ соглашенію относительно того, что выбросить въ видѣ награды Венеціи, Генуѣ, Венгріи, Альбаніи. Но что-же было дѣлать съ Константинополемъ? Объ этомъ умалчивалъ Пій II (1463 г.) на собраніи итальянскихъ князей въ Римѣ, — умалчивалъ, какъ сдѣлалъ это послѣ Наполеонъ I передъ Александромъ I“. Когда обсуждался вопросъ о томъ, кому достанется Константинополь, европейскія правительства всегда приходили къ тому убѣжденію, что лучше пусть онъ остается въ рукахъ турокъ, чѣмъ перейдетъ въ руки какого-нибудь изъ существующихъ въ Европѣ государствъ, что лучше допустить турецкія звѣрства, чѣмъ открыть какому-нибудь государству путь къ преобладанію надъ другими государствами. Всѣ очень хорошо знали, что въ умѣнныхъ рукахъ Константинополь будетъ ключомъ къ богатству и могуществу любого государства. Но чтобы оставить Константинополь въ рукахъ турокъ, нужно было дѣлать все возможное, чтобы турецкое правительство не ослаблялось. Вотъ почему всѣ великія европейскія державы всегда спѣшили вмѣшиваться въ дѣла Турціи, когда ей угрожали волненія ея подданныхъ - христіанъ, и при этомъ вмѣшательство было не въ пользу освобожденія этихъ христіанъ: Европа старалась только доказать Турціи, что нужно обращаться съ подданными мягче, что нужно обнадёживать ихъ реформами, что слѣдуетъ дать имъ хоть по буквѣ закона ка-

кія-нибудь права. Наша печать нерѣдко выражала въ послѣднее время свое негодованіе „на бездушіе“ тѣхъ или другихъ западно-европейскихъ государствъ, хладнокровно смотрящихъ на совершающіеся въ Турціи ужасы. Но эта политика не нова, эти отношенія повторались десятки разъ. Стоитъ только вспомнить дни освобожденія Греціи: офиціальная исторія этого времени очень подробно изложена въ недавно появившемся сочиненіи г. Бухарова „La Russie et la Turquie“ и мы воспользуемся нѣсколькими фактами изъ этого сочиненія.

VI.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣсколько обществъ, преданныхъ дѣлу Греціи, образовалось въ Германіи, Италіи и Испаніи съ цѣлью подготовить переворотъ и заготовить для этого нужными силами. Во время вѣнскаго конгресса одно изъ этихъ обществъ приняло характеръ чисто-политическаго союза и насчитывало среди своихъ членовъ значительныхъ людей, вродѣ Капо д'Истрія и Александра Ипсиланти, министра и генерала, состоявшаго на службѣ у императора Александра I. Разсчитывая на помощь Россіи, за которую греки съ самоотверженіемъ проливали кровь въ войнѣ 1770 года, Ипсиланти воспользовался шаткнмъ положеніемъ оттоманской имперіи, перешелъ въ 1821 году Прутъ съ храбрнмъ, но малочисленнымъ войскомъ, завладѣлъ Яссами и объявилъ, что Греція, поддерживаемая Россією, открыто возстаетъ противъ Турціи. „Неужели вы предоставите Грецію ея участи, писалъ онъ императору Александру I, — когда однимъ своимъ словомъ вы можете спасти ее отъ чудовищной тиранніи и отъ ужасовъ продолжительной и отчаянной борьбы? Спасите насъ; спасите христіанскую религію отъ испытываемыхъ ею гоненій; возвратите намъ наши церкви и наши алтари, откуда истекаетъ божественный свѣтъ Евангелія, озаряющій великую націю, находящуюся подъ вашимъ сѣнпетромъ! Освободяте Европу отъ турокъ, этихъ чудовищныхъ варваровъ, и вы прибавите тогда ко всѣмъ титуламъ, которыми украшаютъ васъ благодарныя христіанскія націи, титулъ освободителя

Греціи". Но, несмотря на свои симпатіи къ дѣлу грековъ, императоръ Александръ I не могъ одобрить образъ дѣйствій Ипсиланти, такъ-какъ этотъ образъ дѣйствій былъ діаметрально противоположенъ тѣмъ принципамъ, которые императоръ былъ обязанъ свято уважать, согласно съ трактатами 1815 года. Во имя этихъ принциповъ онъ не могъ поддерживать и поощрять тайныя интриги противъ турецкаго правительства, имѣвшія цѣлью низверженіе того порядка вещей, который былъ съ такимъ трудомъ водворенъ въ Европѣ. Вслѣдствіе этого Ипсиланти былъ вычеркнутъ изъ списка русскихъ офицеровъ. Русское правительство боялось, что этого генерала сочтутъ за его агента, и дѣлало все возможное, чтобы разсѣять эти подозрѣнія. Въ то-же время императоръ не положилъ никакихъ преградъ турецкимъ войскамъ, вошедшимъ въ княжества для подавленія тамъ революціи; онъ даже обязалъ своихъ дипломатическихъ агентовъ на Востоку выразить, какъ мало онъ одобряетъ возстаніе. Въ короткое время турецкая армія разсѣяла войско Ипсиланти и самъ предводитель возстанія долженъ былъ бѣжать въ Австрію, гдѣ его продержали въ заключеніи 7 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе турки слишкомъ рано праздновали подавленіе революціоннаго движенія, такъ-какъ неудавшаяся попытка Ипсиланти была сигналомъ для общаго возстанія, вспыхнувшаго одновременно и на югѣ, и на сѣверѣ Греціи. Морея и острова Архипелага поднялись съ такою неукротимою энергіею, что восторжествовали надъ турками, неожиданными ни въ какомъ случаѣ нападенія съ другой стороны. Особенно серьезныя потери причинилъ туркамъ греческій флотъ, тѣмъ болѣе, что египетскій паша Али присоединилъ свои силы къ греческимъ силамъ и результатомъ этихъ усилій было освобожденіе всей Морен. Султанъ пришелъ въ ярость отъ сознанія своего безсилія въ дѣлѣ подавленія революціи при помощи одного своего оружія и призвалъ своихъ подданныхъ къ истребленію всѣхъ христіанъ, находившихся въ предѣлахъ оттоманскихъ владѣній. Страшная рѣзня произошла въ Константинополѣ и быстро распространилась по всѣмъ остальнымъ частямъ имперіи. Тысячи христіанъ были убиты самымъ варварскимъ образомъ. Мусульмане врываются въ христіанскія церкви и хватали молящихся во время богослуженія въ торжественный день Пасхи. Чтобы дать

понять, какія жестокости производились тогда, стоитъ только напомнить, что патріархъ Григорій, почтенный старецъ, былъ оторванъ отъ алтара и въ полномъ облаченіи повѣшенъ передъ церковью. До этого еще никогда не доходилъ турецкій фанатизмъ прежде; не доходить онъ до этого даже теперь. Эти жестокости были не безъизвѣстны Европѣ, но было сомнительно, чтобы она обратила на нихъ серьезное вниманіе и пришла на помощь грекамъ въ то время, когда почти всѣ правительства наперерывъ другъ передъ другомъ старались выказать свое рвеніе по части подавленія революціонныхъ попытокъ, которыя сказывались въ Неаполѣ и въ остальной Италіи. Князь Меттернихъ былъ оракуломъ тогдашней политики; онъ объявлялъ, къ ужасу всѣхъ правительствъ, что духъ анархій готовъ задушить общественный порядокъ и что революція грековъ была покушеніемъ, которое не можетъ быть оправдано даже самымъ страшнымъ угнетеніемъ. Императоръ Александръ I, слѣдуя принципамъ священнаго союза, подъ вліяніемъ интригъ Меттерниха, воздерживался отъ всякаго движенія, которое могло-бы привести пользу его единовѣрцамъ, хотя послѣ константинопольскихъ событій онъ не могъ смотрѣть спокойными глазами на оскорбленія, которымъ подвергались христіанская церковь и ея почитатели. Но что-же онъ могъ сдѣлать, когда противъ него была вся Европа? Русское общество громко говорило о мщеніи и войско было одушевлено желаніемъ помѣряться силами съ турками. Къ несчастью, императоръ Александръ I былъ слишкомъ сильно погруженъ въ дѣла Европы и часто упускалъ изъ виду тѣ интересы, которые непосредственно касались Россіи, замѣчаетъ г. Бухаровъ. Это замѣчаніе кажется намъ не вполне справедливымъ: русское правительство просто покорялось необходимости, зная, что новая война со всей Европой можетъ слишкомъ дорого обойтись Россіи. Императоръ видѣлъ, что настроеніе другихъ великихъ державъ было вовсе не таково, чтобы поощрить попытку объявить войну Портѣ, хотя-бы эта война и могла быть вполне оправдана, такъ-какъ Россія могла упрекнуть султана не за одно оскорбленіе христіанской религіи. Диванъ еще затруднял исполненіе нѣкоторыхъ параграфовъ бухарестскаго договора, особен-

но-же въ дѣлѣ русской торговли на Черномъ морѣ. Въ виду этого, достоинство своей собственной власти не позволяло императору оставаться въ бездѣйствіи, но онъ надѣялся прекратить распрю дипломатическимъ путемъ и приказалъ своему посланнику въ Константинополь спросить у султана объясненій на этотъ счетъ. Положеніе нашего посланника, графа Строгонова, въ Константинополь дѣлало затруднительнымъ исполненіе возложенной на него задачи. Онъ не могъ ожидать поддержки отъ посланниковъ другихъ державъ, которые не довѣряли ему или, лучше сказать, не довѣряли русскому правительству, а лордъ Страффордъ-Редклиффъ, вѣрный адептъ Меттерниха, даже не трудился скрывать свою ненависть къ Строгонову. Съ другой стороны, разбѣры греческаго возстанія заставляли Диванъ думать, что возстаніе тайно поддерживается Россіей, и это ложное убѣжденіе естественно вліяло на отношенія Порты къ Россіи. Видя невозможность подѣйствовать на Диванъ, Строгоновъ рѣшился на болѣе энергическую мѣру и представилъ турецкому правительству ультиматумъ, въ которомъ упрекалъ турокъ въ нарушеніи существующихъ трактатовъ, въ убыткахъ, принесенныхъ русскому торговому флоту, въ оскорбленіяхъ православной религіи, и требовалъ мѣръ, которыя гарантировали-бы на будущее время политическую и религіозную свободу греческой націи. Диванъ не отвѣтилъ даже на ультиматумъ Строгонова; нашъ посланникъ оставилъ Константинополь со всѣми членами нашего посольства. Казалось, война была неизбежна, но Меттернихъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ вліятельные члены европейской дипломатіи были слишкомъ заинтересованы вовлеченіемъ Россіи въ ихъ собственную политику, чтобы допустить дѣло до войны. Попытки европейской дипломатіи встрѣтили сильное неодобреніе въ общественномъ мнѣніи Россіи, которое было возбуждено до послѣдней крайности и требовало войны и войны. Но это общественное мнѣніе въ то время не могло ничего сдѣлать, такъ-какъ оно даже не могло прибѣгнуть къ помощи прессы, чтобы развить свои взгляды и отнестись критически къ мѣрамъ и политикѣ Европы по части событій, волновавшихъ Востокъ. Изъ всѣхъ совѣтниковъ императора Александра I только Капо д'Истрія требовалъ энергическихъ мѣръ для принужденія

Порты сохранять трактаты и дать гарантіи для сохраненія политическихъ и гражданскихъ правъ греческой націи; другіе совѣтники говорили, напротивъ, что такая политика была-бы покровительствомъ революціоннымъ идеямъ и привела-бы къ разрыву дружескихъ отношеній, существовавшихъ между европейскими правительствами съ вѣнскаго конгресса. Императоръ, увлеченный этими эфемерными доказательствами и боявшійся нарушить европейскій миръ, сохраненіе котораго онъ считалъ своею миссіею, поддался до такой степени вліянію Несельроде, что тотъ официально объявилъ въ Вѣнѣ, что императоръ будетъ постоянно поддерживать союзъ, столь счастливо утвердившійся между европейскими державами, и не окажетъ никакой поддержки грекамъ безъ согласія своихъ союзниковъ. Императоръ былъ увѣренъ, что Европа удовлетворитъ справедливыя желанія грековъ, но не таково было намѣреніе западныхъ державъ. Видя въ существованіи оттоманской имперіи главное условіе европейскаго равновѣсія, онѣ дѣлали все возможное, чтобы не ослабить эту имперію. Независимость Греціи, по ихъ мнѣнію, ослабила-бы Турцію и дала-бы новое значеніе Россіи на Востокѣ. Мѣшая-же Россіи помочь грекамъ, онѣ и ослабляли значеніе Россіи, и поселяли недовѣріе къ ней въ націяхъ, которыя видѣли въ ней свою естественную защитницу. Европейская политика побудила императора даже удалить Строгонова и Капо д'Истрія. Меттернихъ взялся за дѣло самъ и побудилъ русское правительство послать въ Вѣну Татищева, сговорчивый характеръ котораго былъ ему извѣстенъ. Татищевъ на первомъ-же засѣданіи въ Вѣнѣ заявилъ, что русское правительство не желаетъ войны и ни въ чемъ не отступить отъ рѣшеній союзниковъ. На другомъ засѣданіи онъ заявилъ, что Россія не требуетъ независимости грековъ, а желаетъ только свободы вѣроисповѣданія и гарантій противъ турецкихъ злоупотребленій. Во все время совѣщаній Татищевъ являлся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Меттерниха и можно было впередъ сказать, что переговоры не приведутъ ни къ какому рѣшительному измѣненію дѣлъ, хотя для Россіи былъ удобный случай именно въ это время помочь грекамъ, такъ-какъ Берлинъ выразилъ согласіе стоять рука объ руку съ Россіей. Но бездѣй-

ствіе Татищева дало возможность Меттерниху склонить Пруссію на свою сторону. Союзники побудили Порту удовлетворить требованія Россіи относительно торговаго флота, а вопросъ о Греціи оставили въ сторонѣ. Императоръ Александръ I былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла, но все еще ждалъ, что союзники помогутъ Греціи. Но время проходило, а помощи не было ни откуда. Однако, греки твердо поддерживали возстаніе. Это начало убѣждать европейскія державы въ томъ, что у грековъ достанетъ силъ для борьбы съ турками. Это убѣжденіе утвердилось еще болѣе, когда въ концѣ года Греція объявила свое правительство независимымъ и избрала президентомъ Александра Маврокордато. Это юное правительство продолжало войну, которая ежеминутно грозила Греціи гибелью. Турки совершали злодѣйства, которыя превосходили всякое вѣроятіе; такъ, напримеръ, на островѣ Хиосѣ изъ ста тысячъ жителей послѣ звѣрскихъ убійствъ осталось всего 900 человѣкъ. Это, наконецъ, начало выводить Европу изъ ея равнодушнаго спокойствія. Маврокордато хлопоталъ и надѣялся, что императоръ Александръ I ступится, наконецъ, за грековъ, но онъ забывалъ о вліяніи Меттерниха. На веронскомъ конгрессѣ, гдѣ были греческіе депутаты, никто не поднялъ голоса за Грецію, а императоръ Александръ I высказалъ на греческія дѣла тотъ-же взглядъ, какой высказывался на дѣла Италіи и Испаніи. Турція уже приготовлялась нанести рѣшительный ударъ грекамъ, когда къ нимъ пришла неожиданная помощь. Въ половинѣ 1822 года лордъ Каннингъ смѣнилъ лорда Кестльрейга, и Англія, видѣвшая по-прежнему необходимость поддерживать цѣлость Турціи, пришла къ убѣжденію, что „интересы этой политики не должны исключать интересовъ гуманности“. Каннингъ, англичанинъ, помогъ грекамъ. При его содѣйствіи они сдѣлали въ Англіи заемъ въ 800,000 фунтовъ стерлинговъ, а въ мартѣ 1823 года онъ призналъ грековъ воюющей стороною. Порты встревожились и призвала на помощь себя Мегмета-Али, египетскаго пашу, при помощи котораго туркамъ удалось добиться сильныхъ побѣдъ надъ греками. Начались опять неслыханныя злодѣйства. Для грековъ, казалось, не было спасенія. Все русское общество снова и снова настаи-

вало на необходимости защитить грековъ, но императоръ Александръ I все еще считалъ своею священною обязанностью сохранять принципы священнаго союза и боялся общеевропейской войны. Этой войны не вынесла-бы Россія, которая, по обыкновению, не была готова къ военнымъ дѣйствіямъ. Грекамъ оставалась одна надежда на Англію и, дѣйствительно, Каннингъ каждую минуту готовъ былъ придти къ нимъ на помощь, но только боялся вооружить противъ себя европейскія континентальныя державы. Наконецъ гордіевъ узелъ разрубился неожиданно: на престолъ взошелъ императоръ Николай и тотчасъ-же рѣзко заявилъ передъ посланниками твердое намѣреніе покончить греко-турецкій вопросъ. „Если одна изъ державъ отступится отъ союза со мною, прибавилъ онъ,—то я принужденъ буду дѣйствовать одинъ; вы легко можете предусмотрѣть, что это для меня не особенно трудно“. Лордъ Каннингъ понялъ необходимость не допустить императора Николая сказать послѣднее слово въ этомъ вопросѣ и поручилъ герцогу Веллингтону заявить русскому императору, что Англія будетъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ заодно съ Россіей. 4 апрѣля 1826 г. былъ подписанъ протоколъ, касавшійся дѣлъ Греціи. Но что вынесли греки въ эти пять лѣтъ!..

Оскверненіе храмовъ, безчестіе женщинъ, убійство дѣтей, сдираніе кожи съ плѣнныхъ, грабежъ имущества,—все, что вносили теперь славяне, вынесла и Греція, но только размѣры этихъ мученій были крупнѣе теперешнихъ. И все это допускала и терпѣла Европа втеченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, руководствуясь известными политическими соображеніями. Эти политическія соображенія были тѣ-же, что въ пятнадцатомъ вѣкѣ, тѣ-же, что и теперь. Европа боялась ослабить Турцію, потому что ослабленіе Турціи могло дать перевѣсъ въ силѣ какому-нибудь другому государству; Европа боялась раздѣлить Турцію, потому что у Турціи въ рукахъ былъ Константинополь. Вотъ главная причина, вслѣдствіе которой всѣ комбинаціи европейскіхъ дипломатовъ насчетъ судьбы Турціи сводились къ одному и тому-же выводу: нужно поддерживать и спасать Турцію до послѣдней степени, хотя-бы погибали отъ этого тысячи и тысячи ея хри-

стіанскихъ подданныхъ, такъ-какъ паденіе Турціи будетъ предлогомъ для вѣчныхъ войнъ изъ-за ея наслѣдія. Это несправедливая, безсердечная, страшная политика, но, въ несчастію, Европа не можетъ придерживаться другой политики, такъ-какъ ни одно государство не вѣритъ въ честность и искренность другого государства. Могла-ли когда-нибудь вѣрить Россія Австріи? Не враждовала-ли вѣчно Пруссія съ Франціей изъ-за рейнскихъ провинцій? Могла-ли Англія хладнокровно допустить образованіе сильнаго славянскаго государства, которое было-бы естественнымъ союзникомъ Россіи? Могла-ли Россія не бояться преобладанія развитой, промышленной Англіи въ Константинополѣ? Конечно, нѣтъ. Вслѣдствіе этого, турецкое правительство, неуѣлое, расточительное, доводящее государство до послѣдней степени безправія и разоренія, всегда могло и можетъ рассчитывать на то, что его спасутъ его опекуны, что они покроютъ его дефициты, что они пополнятъ его войска, что они защитятъ его въ неравной борьбѣ съ его подданными и съ его сосѣдями и скажутъ, какъ говорилъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ святѣйшій папа: „лучше турки, чѣмъ греки“. Четыре столѣтія не измѣнили ни характера вопроса, ни характера европейскихъ государствъ. Вотъ почему, смотря на настоящую борьбу „больного человѣка“ съ славянскими племенами, трудно надѣяться теперь на какой-нибудь окончательный исходъ этой борьбы въ пользу славянскихъ племенъ. Европа не сдумаетъ отречься отъ своей политики, потому что она по-прежнему не вѣритъ безкорыстію всѣхъ державъ, замѣшанныхъ въ восточномъ вопросѣ. Въ каждомъ голосѣ, поднимающемся въ пользу славянъ, она слышитъ голосъ алчущаго власти и выгодъ государства. Въ этомъ, и только въ этомъ, лежитъ объясненіе того, какимъ образомъ могло существовать столько вѣковъ государство, правительственная система котораго носила въ себѣ всѣ начала для быстрой гибели. Вотъ почему, когда говорятъ, что магометане угнетаютъ христіанъ, мы готовы сказать не безъ основанія: неправда! Не турки, не магометане угнетаютъ христіанъ; турки сдѣлали все, чтобы явиться народомъ безсильнымъ, народомъ, идущимъ къ упадку, народомъ, съ которымъ легко бороться. Нѣтъ, подвластныхъ туркамъ христіанъ приносятъ въ жертву ихъ христіанскіе собратья,

давно утратившіе свою искренность и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣру въ чужую искренность...

Если-бы не было между западно-европейскими государствами взаимной вражды, взаимной зависти, взаимнаго недовѣрія, — Турція давно-бы пала подъ давленіемъ своихъ постоянно возстававшихъ подданныхъ-христіанъ, которыхъ она подавляетъ теперь при помощи денегъ, солдатъ и оружія, доставленныхъ ей даромъ другими христіанами. Это фактъ прискорбный, постыдный, но въ то-же время это фактъ дѣйствительно существующій.

А. М.

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сторона мол, стороншка!..

(Народн. пѣсня.)

I.

„Миколинъ день.“

Осень кончалась сухими, желѣзными морозами. Застывшая въ чугуны грязь дорогъ сбивала подковы и перебивала пополамъ шины колесъ. Установилась по всей Руси та „колоть“, когда невозможно въѣхать ни на саняхъ, ни на колесахъ. На бурныхъ паренахъ и овсянкахъ стали попадаться необычныя русскому полю фигуры верховыхъ. Жестокій холодный вѣтеръ не смолкая дулъ съ сѣвера черезъ пустыя, почернѣвшія поля, обивая послѣдній листъ, угопя послѣднюю птицу, изгоня послѣднюю надежду изъ груди человѣка. Мужики, занятые молотьбою и взметами, кинулись къ своимъ хатамъ. Спѣшили перекрывать худыя крыши, обваливали избы навозомъ по самыя окна, обвязывали стѣны снопами замашекъ, мазали печи и обивали сажу. Всѣ торопливо готовились на встрѣчу страшной вѣдьмѣ, на пяти-мѣсячную борьбу съ нею. Скотина съ недѣлю перестала ходить въ поле; поле опустѣло и обезлюдѣло, и только сѣрне бурьяны на межахъ одиноко колыхались на вѣтрѣ. На мужицкихъ дворахъ уже повывдвинули сани изъ-подъ навѣсовъ, чинили полозья и вязки, навязывали кресла. Вотъ уже послѣдніе гости полей, журавли, поднялись въ путь.

Выѣхавъ утромъ на парену за бурьяномъ, Василій Мелентьевъ долго смотрѣлъ, какъ высоко въ холодномъ воздухѣ тянули на югъ журавли. Съ жѣрными, жестяными скрипомъ, неспѣшно махали они своими большими крыльями, вытянувшись другъ за дружкой косымъ трехугольникомъ, и съ суровымъ равнодушіемъ глядѣли сверху на покидаемыя ими непріютныя поля, на возню человека, хлопотавшаго около своихъ тѣсныхъ лачугъ; они покидали его, жалкаго и бѣднаго, со всею его муравьиною суетнею на жертву надвигавшимся зимнимъ вьюгамъ, а сами въ могучемъ полетѣ уходили въ края, гдѣ вѣчное солнце, вѣчная зелень и вѣчное тепло. Жутко стало Василью, когда, стоя на телѣгѣ, закинувъ голову вверхъ, провожалъ онъ прощальнымъ взглядомъ исчезающій въ высотѣ сѣрый караванъ. Холодный вѣтеръ срывалъ съ него шапку, трепалъ его бороду, хлесталъ полами его полушубка; бурьяны, словно злые духи пустынного поля, неистово кивали бородами макушками. Зашевелилось и на сердцѣ у Василья какое-то смутное влеченіе вдаль, въ дальнюю даль, за вольными журавлями, къ теплomu морю, на свободныя степи... Никогда онъ не бывалъ тамъ, но сердце его не разъ замирало отъ этой мечты, неясной и сладкой, какъ бабкина сказка въ дѣтствѣ. Припомнились ему скучные зимніе вечера въ дымной, полутемной хатѣ, припоминалась большая дорога съ длинными обозами въ крещенскій морозъ, когда иглы стоятъ въ воздухѣ и снѣгъ скрипитъ и сверкаетъ, какъ толченое стекло. Тоскливо повѣсилъ Василій голову и сталъ наваливать бурьянъ.

Зима подкралась врасплохъ. Мужики не успѣли еще оснаститься какъ слѣдуетъ. Наканунѣ Михайлова дня еще ѣздили въ телѣгахъ; ночью подъ самый праздникъ легла зима. Проснулся народъ утромъ—ужь ея заячья шуба на всемъ! Съдая, лохматая вѣдьма овладѣла землею, какъ врагъ крѣпостью, и лежала на ней, притаившись, крѣпко впившись въ нее всѣми когтями. Теперь ужь не вывернешься изъ ея лапъ!..

Мужикъ давно звалъ зиму и повеселѣлъ отъ нея. Во всѣ концы побѣжали по пушистымъ коврамъ мужицкіе дровни, раскатываясь на косогорахъ, ныряя въ лощинахъ. Поплелись на городской базаръ нескончаемой вереницей возы съ сѣномъ, соломой и хворостомъ.

Пушкинъ, художникъ, чутьемъ понимавшій жизнь народа, не

даромъ сказалъ въ своей поэмѣ: „Зима; крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь“. Учитель Лидочки, родившійся на Петербургской сторонѣ и воспитавшійся въ 1-ой линіи Васильевскаго острова, объяснялъ въ классѣ это торжество крестьянина тѣмъ, что будто-бы славянамъ, какъ народу сѣверному по преимуществу, свойственно нѣкоторое боготвореніе зимы, подобно тому, какъ египтяне боготворили злого Тифона; что главнѣйшія празднества славянина, коляда, масляница и проч., имѣютъ тѣсную связь съ поклоненіемъ зимѣ, и т. п. Но, не въ обиду будь сказано учителю съ Петербургской стороны, онъ на этотъ разъ просто вралъ. Онъ и не могъ не врать, потому что онъ знаетъ исторію русской литературы, но не знаетъ исторіи русской деревни.

Деревенскій мужикъ, покупающій на деньги только соль, деготь да подковы изъ всего своего хозяйства, отъбывающійся покупать себѣ даже мыло, потому только, что бѣлье можно мыть гречишной золой изъ овина, а рожу можно вовсе не мыть,—этотъ мужикъ слишкомъ хорошо понимаетъ разницу между осенью, когда онъ тратитъ ежедневно деготь и подковы, ломаетъ телѣги, въ которыхъ каждое колесо стоитъ 2 рубля, и между зимою, когда онъ ѣздитъ на рублевыхъ санишкахъ, безъ всякой подмазки и поломки. Деревенскій мужикъ понимаетъ также разницу между осенью грязью, когда проваливаешься на каждомъ мосту и застреваешь въ каждой лошинѣ, и зимней дорожкой, когда Николай угодникъ перекидываетъ по всей Руси даровые мосты безъ гвоздей, безъ досокъ черезъ рѣки и болота. Во всемъ этомъ, очевидно, не выдуманная причина для его торжества.

Хотя по пословицѣ „Введенье ломаетъ леденъ“, однако и на Введенье зима „не отдала“. Съ декабря пошли глубокіе снѣга и страшные морозы. „Варвара пришла съ мостомъ“, „Микола съ гвоздемъ“, „Варвара моститъ, Микола гвоздитъ“. Народъ терпѣливо переживалъ никольскіе морозы, зная, что и за ними еще много придется ждать и терпѣть: сначала филиповскіе, съ Спиридонъ-поворота, когда „солнце поворачиваетъ на лѣто, зима на морозъ“, потомъ рождественскіе, потомъ крещенскіе, самые лютые, а тамъ срѣтенскіе, когда „зима съ весной встрѣчается“, афанасьевскіе, пока не придутъ сороки. Отъ сороковъ всего останется только „сорокъ послѣднихъ морозовъ“, а тамъ и тепло. Уже съ Евдокеи-„навозныя-проруби“ начинается показывать себя весна.

На Евдокею уже „бурица у порога напивается“. Въ сороки жаворонки должны прилетѣть; съ Алексѣй-Божьяго-человѣка— „съ горь потоки“; потомъ, смотришь, и „красная горка“— холмы зазеленѣютъ; какая будетъ погода на красную горку, такая и все лѣто. По красной горкѣ замѣчаютъ, можно-ли сѣять гречу или нѣтъ. Въ апрѣлѣ „земля прѣтеть“, а на Руфа „земля рухнетъ“, все оттааетъ—начинается весна.

Къ варварину дню увѣровалъ шишовскій мужикъ, что зима стала, что „открылся путь“. Бородатая, красная рожи, въ полушубкахъ и овчинныхъ тулупахъ, въ высокихъ валенкахъ, въ теплыхъ шапкахъ, плотно подпоясанные, — закопопились по бѣлому лицу матушки Руси. Двинулись по большой дорогѣ обозы съ рагоженными тюками, съ высокими крашеными дугами, съ толстоногими коренниками. Пошли вездѣ ярмарки. Палѣхи поползли изъ своихъ голодныхъ лѣсовъ въ хлѣбныя мѣста съ досками и бревнами. Настали ясные и синіе морозные дни, съ глубокимъ, скрипучимъ снѣгомъ, съ черными галками на ракигахъ, тѣ дни, когда Русь особенно кажется Русью, когда русская печь, русскій тулупъ, русскій самоваръ и русская водка дѣлаются особенно понятными; такихъ дней не знаетъ ни одинъ чужеземецъ, а русскій человѣкъ привыкъ къ нимъ и дѣлается только веселѣе отъ нихъ да разговорчивѣе, похлопываетъ себѣ рукавицей объ рукавицу да перетапчивается съ прибаутками на мѣстѣ, чтобы пятки не пристыли къ снѣгу.

Въ коптевской Пересухѣ наступало важное событіе— престольный праздникъ. Миколинь день для всей окрестности былъ центромъ тяжести цѣлаго года. Кто считаетъ деревенскимъ „праздникомъ праздниковъ“, по ученію нашей церкви, Свѣтлое Христово Воскресенье, тотъ глубоко ошибается. „Праздникъ праздниковъ“ въ каждой русской деревнѣ—это храмовой праздникъ, въ которомъ русскій человѣкъ видитъ свой собственный торжественный день, отличающій его отъ всѣхъ сосѣднихъ деревень, день своего личного, спеціальнаго покровителя. Русскій народъ особенно любитъ осенніе престольные праздники. Троица, Вознесеніе, Спасъ, — все это въ нѣкоторомъ смыслѣ постные праздники. Работы полны руки, старый хлѣбъ съѣденъ, новаго еще нѣтъ, свѣжины нѣтъ, птицы нѣтъ, продавать нечего—стало-быть, денегъ нѣтъ, а денегъ нѣтъ—водки нѣтъ. Но съ Покрова одинъ за однимъ начинаются настоя-

щѣ „престолы“: Покровъ, Базанская, Скорбящая, Митріевъ день, Михайло-Архангель и т. д., до Миколина дня, русскаго престольнаго дня по преимуществу. Гуси и утки, отжирѣвшіе на до- ровомъ зернѣ, рѣжутся и продаются огуломъ съ наступленіемъ морозовъ и домашняго корма. Свиной, подобравшихъ послѣдній колосокъ на жневьяхъ, бьютъ на сало и свѣжину; баба только знаетъ управляется съ студнями, кишками, требухой, обрѣзью; бьютъ и лишняго барана, чтобы не кормить зимою, продаютъ на покровскихъ ярмаркахъ всякую лишнюю скотину, требующую зим- наго ухода и содержанія; а тутъ хлѣба уже намолочено за осень. продана конопля, закромы полны — и деньга шевелится въ мужиц- кой кошнѣ, а работы никакой; хоть мѣсяць прогуляй, бѣды больш- ой не будетъ. Понатеръ мужикъ свой хребетъ пяти-мѣсячной работой изо дня въ день, съ зари до зари, хочется ему и вздох- нуть когда-нибудь отъ работы, побаловать себя плодами трудовъ своихъ. Оттого никогда не бываетъ на святой Руси такихъ длин- ныхъ, веселыхъ и пьяныхъ праздниковъ, какіе начинаются съ По- крова. Хорошо губернскому чиновнику ворчать на мужицкое пьян- ство; хорошо и столичному журналисту метать въ деревенскаго му- жика свои литературные громы за его безобразіе. Вѣдь ни гу- бернскій чиновникъ, ни столичный журналистъ не вспомнятъ того, что эти переѣзды цѣлыхъ сель съ пьянства на пьянство, отъ Ка- занской къ Скорбящей, отъ Скорбящей къ Митрію. — для мужика тотъ-же „зимній сезонъ увеселеній“, который въ столичной жизни принимаетъ такой сложный и разнообразный характеръ. Итальян- ская опера съ своимъ дорого стоящимъ абонементомъ, англій- скіе клубы съ тысячными поварами и тысячною игрою, всевозмож- ные балы, собранія и маскарады, на которые выдаются тысячи, всевозможныя гулянья на тысячныхъ рысакахъ, всѣ Дюссо и Бо- рели съ ящичками шампанскаго, — все это роскошное и разнообра- зное бездѣлье „образованнаго“ челоѣка деревенскому мужику за- жѣняется однимъ своимъ дешевымъ пьянымъ праздникомъ. Онъ пьетъ много, но пьетъ за то шиповскую водку по 40 коп. за штофъ, а не французское вино по 5 руб. за бутылку. Напив- шись, онъ ругается и дерется и валяется, какъ свинья. Но врядъ- ли лучше его ругани и его грубыхъ зуботычинъ та утонченная руготня и та утонченная драка, которая составляетъ сущность нашихъ собственныхъ общественныхъ отношеній во время хро-

ническаго кутежа, скромно называемаго нами нашею общественною жизнью. И если нашу свѣтскую молодежь, нашихъ свѣтскихъ старичковъ, развозятъ покойныя кареты на рысакахъ, а не растаскиваютъ за волосы хныкающія бабы, то въ этомъ преимуществѣ еще нельзя видѣть ничего особенно нравственнаго. Во всякомъ случаѣ, самый строгій моралистъ долженъ согласиться, что спина, вспахавшая, скосившая, свозившая и смолотившая десять десятинъ, имѣетъ болѣе основаній кой-когда поваляться хотя-бы въ безмысленномъ бездѣйствіи, чѣмъ другая спина, неиспытавшая на себѣ во всю жизнь иной тяжести, кромѣ тяжести шармеровскаго фрага. И съ точки зрѣнія соціальной пользы, безвреднѣе извлекать изъ самого себя всѣ источники наслажденія, замѣняя оперу и концертъ собственною глоткою, балеты—собственнымъ трепакомъ, французскія гостинницы съ татарскою прислугою—своей собственной хатой, собственной бабой, выписныхъ орловскихъ рысаковъ—сивую кобылой, взрощенной на домашней соломѣ, чѣмъ покупать это наслажденіе цѣною тяжкаго труда многихъ и многихъ.

Нужно глубоко скорбѣть о томъ, что русскій человекъ—пьяный человекъ. Но выражая эту скорбь, слѣдуетъ разумѣть подъ русскимъ человекомъ не одного мужика въ тулупѣ, пьющаго сивуху, какъ разумѣютъ это многіе крыловскіе Климычи. Прежде чѣмъ подумать о мужикѣ, который работаетъ и пьетъ, не лишнее вспомнить о другой части нашего общества, которая подъ разными видами и названіями безобразничаетъ не меньше мужика въ тулупѣ, отличаясь отъ него только тѣмъ, что не работаетъ.

Нравственное безобразіе и бездѣліе городской жизни—зло гораздо болѣе глубокое и опасное, чѣмъ скотскій отдыхъ человека, работающаго, какъ лошадь.

Уже за недѣлю кругомъ Пересухи чуялся въ воздухѣ „Миколинь день“. Никто не занимался ни на какія работы на эти дни, всѣ норвали къ своимъ домамъ, къ своему хозяйству. Кто только могъ, всякій старался разсчитаться съ хозяиномъ, бросить мѣсто, какъ-бы ни было оно выгодно, чтобы на „праздникъ“ чувствовать себя вполне свободнымъ. Кто не разсчитывался совсѣмъ, требовалъ у хозяина отпуска на праздникъ съ такою настоятельностью, что отказать ему—значило вынудить его уйти самовольно. Послѣдній работникъ былъ убѣжденъ въ невозможности такого отказа и самый неуступчивый хозяинъ не рѣшался

на него. Къ празднику стали собираться въ Пересуху такіе люди, о существованіи которыхъ многіе забыли, но которые имѣли съ Пересухой какую-нибудь связь въ настоящемъ или прошедшемъ. Приходили мастеровые изъ Крутогорска въ новыхъ картузахъ, въ новыхъ поддевахъ, съ новыми гармониками, собрались всѣ бывшіе коптевскіе дворовые, кто откуда, мужчины, женщины, дѣвки, мальчишки. Нѣкоторые явились къ празднику даже изъ Ростова, изъ Таганрога, сдѣлавъ нѣсколько сотъ верстъ пути. Пришелъ старый пьяница, воръ и охотникъ Абрамка, съ перебитой спиной, только-что разсчитавшійся въ Тавріи съ землянымъ подрядчикомъ, принесъ въ сапогѣ 27 рублей сальными бумажками и такой запахъ сивушной гари, что его можно чуютъ за версту. Пришелъ знаменитый балагуръ, силачъ и пьяница Николай-столарь, вдвойнѣ чувствовавшій себя именинникомъ въ Миколинь день — за себя и за свое село, притащилъ съ собою къ сестрѣ жену и дочь, снявъ ихъ для этого съ мѣста у какой-то крутогорской вдовы-генеральши. Припелся зачѣмъ-то изъ Ростова лакей Андрушка-Дардыка, который былъ извѣстенъ только тѣмъ, что никто не могъ глядѣть на него безъ смѣха, и у котораго въ Пересухѣ оставалось всей родни — невѣстка покойной жены. И, однако, Дардыка во время своихъ странствованій по Ставрополіамъ и Ростовамъ твердо вѣрилъ, что Пересуха — его родина, что „*въ случаѣ чего*“ онъ „*домой махнетъ*“; когда онъ послѣ Михайлова дня потребовалъ расчетъ у хозяина, которому служилъ, по своей дерзости, вмѣсто повара, и хозяинъ сталъ его удерживать, ласково говоря: „куда это тебя, Андрей, подмыло? жиль-бы у меня!“ то Андрей - Дардыка отвѣтилъ ему не безъ гордости: „что-жь жить-то! мы вонче ужъ не крѣпостные... Надо и домой сходить, дома провѣдать; по чужимъ людямъ вѣкъ не проживешь!“

Съ вечера подъ „Миколинь день“ уже открылся праздникъ. Народъ по сосѣднимъ деревнямъ, черезъ которыя лежала дорога въ Пересуху, высыпалъ на улицу и смотрѣлъ, „какъ ѣдетъ праздникъ“. „*Праздникъ ѣхалъ*“ со всѣхъ сторонъ: изъ Прилѣпъ, изъ Спасовъ, изъ Мужланова, отовсюду, гдѣ только могли найтись вумовья, сваты или родня пересухинскихъ. Имѣтъ куша въ

селѣ, гдѣ веселый престольный день, большое удовольствіе и гордость для мужика. „Праздникъ ѣхаль“ не просто по-мужицки: всякій гость норовилъ обрядить себя, свои санишки, своихъ лошадей какъ только можно лучше. Только самый бѣдный ѣхаль въ розвальняхъ; мало-мальски зажиточный хозяинъ имѣетъ на торжественный случай особенныя сани съ рѣшетчатой спинкой и скамьей, которыя мужики называютъ „диванными санями“. Устилаютъ ихъ коврами, лошадь накрываютъ попоной, надѣваютъ наборный хомутъ, у кого есть, подвязываютъ колокольчикъ и бубенцы. У кого своихъ нѣтъ, разживается у добрыхъ людей. Рѣдкій гость ѣдетъ въ одиночку; въ гости, въ городъ, и особенно на праздникъ, мужикъ не считаетъ приличнымъ тащиться на одной лошаденкѣ, словно съ возомъ, а всегда припрягаетъ хоть какую-нибудь пристяжку, иногда 2-лѣтняго жеребенка, чтобы только бѣжалъ для виду. На вычищенныхъ, прикрытыхъ ковриками санкахъ самодовольно сидятъ праздничныя фигуры бабъ и мужиковъ, въ крытыхъ тулупахъ, въ заячьихъ шубахъ, въ цвѣтныхъ платкахъ, въ свѣжесмазанныхъ сапогахъ. Тутъ ужъ съ трудомъ увидишь обычную сермягу, лапотъ и корявые нагольные тулупы съ дырами. Всѣ поѣзжане сознаютъ особенность своего положенія и поглядываютъ на глазбюшій народъ, неучаствующій въ праздникъ, съ нѣкоторою спокойною гордостью. Они чувствуютъ, что составляютъ часть торжества, что въ ихъ образѣ ѣдетъ „Миколинъ день“, а не простые проѣзжіе.

— Бабушка! что-же не выйдешь? кричить, запыхавшись, босоногая дѣвчонка, вбѣгая въ хату. — „Миколинъ день“ ѣдетъ!

— О-о? ужъ тронулся? торопливо спрашиваетъ бабка, слѣзая съ своей печи. — Пойти посмотрѣть. Что не сказала раньше!

— Ей-богу, бабушка, только-что сама увидѣла! съ восторженнымъ увлеченіемъ кричитъ дѣвчонка. — Спасскіе тронулись... Да все па-а-арами! да все съ колокола-а-ми! А ужъ разодѣты какъ... Матрена-то Гусарова въ шубѣ бархатной, а на головѣ шаль желтая, Богъ меня убей!

Иванъ Мелентьевъ ходилъ по своему двору, загоня лошадей въ хлѣвы и задавая имъ двойную порцію корму, хорошо зная, какъ приходится скотинѣ голодать во время мужицкаго праздника. Онъ совсѣмъ стоговился къ празднику и на душѣ его было необыкновенно спокойно: плетни оправлены, горница побѣлена мѣ-

лошъ, овса и соломы наготовлено вдоволь, вся сбруйка справлена, санки починены, лошади почищены и подкормлены; вывелъ ихъ послѣ обѣда поить, ажъ играютъ. А ужъ насчетъ угощенья онъ всегда покоенъ: захватилъ въ городѣ три ведра вина, купилъ нѣсколько фунтиковъ „гостинцу“; объ остальномъ не ему заботиться. Хозяйка его Арина около печи да погреба никому не уважить. У нея ужъ непремѣнно заготовлена къ „престольному“ всякая всячина, какая потребна мужику.

Какъ ударили къ вечернѣ въ большой колоколь, стали подѣзжать первые гости.

Праздный народъ выспалъ на улицу смотрѣть, къ кому кто пріѣхалъ.

— Ишь ты, къ Губанку гости какіе понаѣхали! толковала промежъ себя любопытная публика. — Въ сапогахъ всѣ и шубы крытыя! А лошади-то — сытныя, овсяныя... Хорошіе гости. Вотъ у Никонорчевыхъ меринъ, должно, полтора ста бумажекъ стоитъ...

— Купилъ за полтора ста, какъ-же! возражали другіе. — Онъ за него на ярмаркѣ лѣтошній Покровъ съ десяткомъ полтора ста отдалъ...

Матвѣй-Одинокихъ, бѣдный старый мужичонокъ съ края села, шелъ въ это время изъ кабака, гдѣ онъ добылъ еще четвертку водки для своихъ гостей, но уже не на деньги, а въ долгъ.

На-встрѣчу ему шли трое хозяевъ въ пушистыхъ новыхъ шубахъ, распахнутыхъ поверхъ плотныхъ дубленыхъ полушубковъ съ цвѣтною строчкой.

— Старички милые, братцы мои! кричалъ подгулявшій Матвѣй, помахивая боченкомъ и останавливая компанію. — Вотъ еще четверточку на бѣдность свою добралъ... Далъ въ долгъ, прахъ его возьми... думалъ не дастъ — далъ! Что я вамъ скажу, старички мои умные: разорили меня гости... Къ богатому хозяину и гости хорошіе, одѣтые, обутые ѣдутъ, а къ нищему и гости нищіе... Срамъ одинъ, а чести никакой! Понаѣхали это въ лаптяхъ, кто въ чемъ, ни на одномъ сапогъ нѣтъ! Что мнѣ въ такихъ гостяхъ-то, а принимать надо! Мы, говорятъ, еумовья... къ тебѣ, говорятъ, пріѣхали... А вѣдь вино лопаютъ, что и хорошіе гости, только подавай...

— Ты вотъ что, Матюха, отвѣтилъ, смѣясь, рябой, широко-рожей Потапъ, у котораго были лучшія лошади на селѣ: — ты на это не гляди, что у гостей твоихъ на локтяхъ дыры, на колѣнкахъ

заплаты. Такіе-то, старикъ, и бывають съ деньгами. Знаешь: скупого отъ бѣднаго не отличишь, а тароватаго отъ богатаго.

— А ну ихъ къ дѣду! махнулъ рукой старикъ, съ горемъ направляясь къ своей хибаркѣ.

Арина и невѣстка ея Домна встрѣчали гостей, громко чмокаясь въ губы и щеки. Пріѣхала къ ней изъ Спасовъ дочка съ зятемъ, пріѣхалъ кумъ съ цѣлой семьей изъ Мужланова, мужикъ справный, имѣвшій свою конную рушку и масляницу, понаѣхало со стороны челоуѣкъ восемь.

— Что, Аринушка, небоись умадлась? спрашивали жалостливо бабы, усаживаясь на лавки.

— Затаскалась, други, совсѣмъ, словно вѣникъ въ банѣ не-трепалась, съ убѣжденіемъ увѣряла Арина.—То достань, то сготовь, то почисти!... все въ одинъ горбъ! Да ужъ и стара, други мои милые, стала, силушки прежней нѣтъ! Вѣдь на седьмой ужъ десятокъ жить пошла. Ишь руки-то высохли, глянуть скверно. Домнушка моя—грѣхъ сказать—баба покорливая, меня, старуху, почитаетъ, да все будто не сама. Все по-моему не угодить. Я вѣдь на порядки строга, у меня чтобъ хорошо да хорошо было...

— Какже можно! вздыхали гости, считавшія неприличнымъ въ чемъ-нибудь не соглашаться съ хозяйкой. — Не молоденькая ты хозяйка, слава-богу, знаешь, какіе порядки заводить... Вашъ дворъ извѣстно какой... По чужимъ угламъ не пойдете шарить, солцы да крупицы просить...

— И ни-ни-ни! одушевленно кричала Арина. — Смерть этого не люблю. Коли такое дѣло, обойдусь безъ чего, а по сосѣдямъ побираться не пойду. Нѣтъ, нѣтъ, голубушки, у насъ и завода этого не было споконъ вѣку.

— Свать, а свать, выпьемъ, поднеси съ морозу! кричалъ спасскій дьячекъ, бывшій въ числѣ гостей и пріѣхавшій уже съ порядочнымъ зарядомъ. — Народъ у тебя, видишь, какой хорошій собрался, все хозяева большіе, ну, значить, и толковать нечего: подноси! Такъ и въ писаніи сказано: напои иже жаждуть... Ты понимаешь меня, свать, что я по-церковному говорю тебѣ: иже жа...

Кончить это церковное слово дьячекъ Яковъ затруднился и недостающіе звуки дополнилъ выразительнымъ жестомъ.

— И то, Ивановичъ, подноси съ холодку, что-то продрогли,
„Дѣло“, № 9, 1876 г.

поддерживали дьячка другіе гости, перетаптываясь смазными сапогами.

Но настоящій праздникъ былъ еще впереди. Хотя и вечеромъ пили и ѣли изрядно, однако, все немножко попридерживались. „До обѣдень будто не законъ“, думалъ про себя всякій. Въ обѣднѣ набилось народу въ тѣсную пересухинскую церковь—продохнуть нельзя. Тутъ не было такого церковнаго старосты, какъ Силай Күзьмичъ у Троицы на Прилѣпахъ; церковь была деревянная, бѣдная, никакихъ затѣй, вродѣ городского протопопа или соборнаго дьякона, тутъ не затѣвали, печей въ церкви не было, поэтому господа очень рѣдко посѣщали зимой пересухинскую церковь. Только Трофимъ Ивановичъ съ Лизою и Надей пріѣхали въ обѣднѣ, такъ-какъ онъ считался церковнымъ старостою.

Въ церкви было холодно, какъ въ погребѣ, и, во всякомъ случаѣ, холоднѣе, чѣмъ на дворѣ. Однако пересухинскія бабы и дѣвки преспокойно стояли-себѣ въ однихъ кожаныхъ башмакахъ и чуть не въ однихъ платьяхъ, нарочно распахивая свои ваточныя и заячьи шубки, чтобы всѣ видѣли ихъ цвѣтныя наряды. Весело было глядѣть съ возвышенія клироса на эту пеструю толпу волновавшагося внизу праздничнаго народа: круглыя, широкія рожи деревенскихъ дѣвокъ—рѣшетомъ не покрыть,—въ яркихъ платкахъ, съ безмятежно-счастливымъ довольствомъ смотрѣли кругомъ себя; двадцати-градусный никольскій морозъ только поддруманилъ до густоты малины ихъ тугія деревенскія, гвоздемъ не уволупнешь, щеки, которыя-бы навѣрное не ущипнулъ своими рыхлыми пальцами уличный любезникъ Невскаго проспекта. Какъ не любоваться имъ? Дома онъ цѣлый годъ ходитъ безсѣменно въ толстыхъ замашныхъ рубахахъ и въ затрапезной юбкѣ изъ домашняго сукна. А теперь посмотри, какъ нарядились! Плисъ да миткаль, да розовыя ситцы, да французскіе платки! Все подоставали изъ сундуковъ, что у кого было; самая бѣдная, и та такъ принарядилась, что и не узнаешь, кто она. А мужики стоятъ—богачъ, подумаешь, на богачѣ. У кого шуба небрытая—свита нова! Поверхъ полшубка, кушаки бабы понаткали имъ яркіе, длинные, три раза опояшется, еще концы ниже колѣнъ пустить; всѣ причесаны, сейчасъ видно, что бабы ихъ накануне цѣлый часъ въ печкѣ парили. Каждый свѣчку принесъ, каждый на кошелекъ трошникъ изготовилъ.

Попъ Никита служилъ обѣдню почти-что совсѣмъ трезвый. Это съ нимъ случалось крайне рѣдко и рѣже всего въ престольный праздникъ. Но послѣ послѣдняго престола Трофимъ Ивановичъ обѣщалъ Никитѣ сдѣлать съ нимъ такую скверную вещь. если онъ напьется до обѣдни, что попъ Никита не рѣшился на этотъ разъ полюбопытствовать, исполнить-ли въ самомъ дѣлѣ Трофимъ Ивановичъ свое обѣщаніе. „Не искушай Господа Бога твоего, сказано въ писаніи“, съ жолчнымъ удареніемъ на слогъ „его“ отвѣтилъ онъ своему другу капитану Толстикову, соблазнявшему его „дернуть троичку“ передъ благовѣстомъ, и позволилъ себѣ выпить только одинъ стаганчикъ, безъ котораго, по его мнѣнію, у него въ головѣ туманъ стоялъ.

Мужики не любили Никиту за его безобразіе и обзывали „сыченкомъ“. Дѣйствительно, съ нимъ невозможно было имѣть никакого дѣла. Напьется пьянъ и выдумываетъ разныя юродства: просятъ его, напримѣръ, окрестить ребенка Иваномъ или Семеновъ, а онъ нарочно возьметъ да и окреститъ какимъ-нибудь Іегудиломъ, такъ-что кумовья только глаза вытаращатъ, да еще и ломаются надъ ними; какъ приходится поминать въ молитвѣ имя младенца, онъ подмигиваетъ и ухмыляется съ насмѣшкой; а не то послѣ крестинъ подойдетъ къ отцу, къ матери, да и хвалится: „въ другой, дескать, разъ еще хуже имя выберу, что и произнести скверно! Я васъ отучу четвертабами попу оплачиваться, станете рублевники доставать!“ Одного мужика Никита отпѣлъ, не поминая вовсе имени, словно хоронили некрещенаго человѣка; кричитъ себѣ: „упокой Господи душу раба твоего!“ да и только. Ужъ его шопотомъ то тотъ, то другой проситъ; дьякона подослали: „батюшка, моль, раба Константина“, под-сказываютъ ему. А онъ уперся, что лошадь норовиная, мотааетъ на всѣхъ головой: „ступайте, говорить, къ чорту, я больше вашего знаю“, и опять за свое: „упокой Господи душу раба твоего!“ Такъ и не помянулъ имени. Никиту два раза преосвященный ссылалъ за наказанье въ монастырь воду толочь и всякій разъ опять возвращалъ въ Пересуху.

Въ нынѣшній престоль Никита не только велъ себя прилично, но даже счелъ нужнымъ сказать народу проповѣдь, чѣмъ мужики были очень довольны.

— Нонче славная обѣдня была, говорилъ потомъ старикъ

Мелентьевъ.—Попъ проповѣдь сказывалъ и молебень пѣлъ. Вѣдь онъ съ водки дуракъ, а тверезый—поди какой! Божественное учить сказывать, хоть-бы протопопу въ соборѣ. Слова все мудренныя у его понайдены, не наши; простому человѣку, что грамотѣ не ученъ, и понять ничего нельзя... Вотъ онъ, братъ, у насъ какой, „сыченовъ“—то нашъ... кабы не пилъ, живи съ Богомъ!

Проповѣдь попъ Никита почему-то сказывалъ на текстъ: „воззрите на птицы небесныя, тѣи бо не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы“ и т. д. Тайнымъ поводомъ этого текста было желаніе Никиты торжественно уюлотъ пересухинскій приходъ, что онъ мало даетъ своему попу. Мало даетъ, стало-быть, много печется о корысти своей, Бога забываетъ. Такова была суть проповѣди. Но такъ-какъ проповѣдь была начата слишкомъ издадека и все время извивалась окольными путями, хоронясь за евангельскіе тексты, имѣвшіе мало общаго съ истиннымъ замысломъ проповѣдника, да, кромѣ того, на всякомъ шагу Никита считалъ нужнымъ огорошивать своихъ слушателей диковинными словами, вродѣ: „нещевати“, „преизбыточествующей“ и т. п., то весьма естественно, что пересухинскіе полушубки, придвинувшіеся стѣною къ аналою, только пыхтѣли, потѣли да тяжело вздыхали, непронятые ни на волосъ богословскою сатирою Никиты.

— Объ чемъ это попъ проповѣдь сказывалъ? спрашивали мужики у стараго Афонасія, выходя изъ церкви.

— О Миколѣ угодникѣ сказывалъ, нѣшто не слыжалъ? коротко отвѣтилъ Афонасій, непоощрявшій длинныхъ разговоровъ.

— Слыжать-то слыжалъ, да ты все будто больше нашего знаешь, по твоему старчеству.

Безлобое, бессмысленное лицо попа Никиты, съ примасленными коровьимъ масломъ, грязно-рыжими, жесткими волосами, просіяло несказаннымъ удовольствіемъ, когда, отбывъ всѣ тягости зимней утрени и зимней ранней обѣдни въ нетопленной церкви, съ ничтожною поддержкою въ антрактѣ—единственного стаканчика, онъ торжественно растворилъ въ послѣдній разъ царскія врата и вышелъ къ народу для „отпуста“ въ своихъ бѣлыхъ валенкахъ, торчавшихъ изъ-подъ высокоподтянутаго подрясника, когда онъ послѣ „святыхъ славныхъ Богоотецъ нашихъ Іоакима и Анны“ помянулъ „святителя и чудотворца Миръ ликійскаго Николая и всѣхъ святыхъ“ и на распѣвъ вытянулъ послѣднее, поэтому любимѣйшее

свое изрѣченіе цѣлой обѣднѣ: „помилуетъ и спасетъ васъ яко благу и челоувѣколюбецъ“, — поэтъ Никита былъ въ такомъ размягченномъ настроеніи духа, что едва не произнесъ вслухъ шевелившегося у него на душѣ восклицанія Богопріимца и пророка Сижеона: „Нынѣ отпускаеши раба твоего“. Пастырскіе труды, пастырская официальность, пастырское воздержаніе — кончены; они назади, вмѣстѣ съ мраками и мразами ночи; передъ Никитой сплошной Миколинъ день, безъ всякихъ терніевъ; вотъ кругомъ него, благословляющаго на „отпустъ“ паству, столпились всѣ милые люди, знаменующіе своимъ праздничнымъ видомъ земныя радости, ожидающія сейчасъ ихъ духовнаго пастыря. Произнося имя великаго чудотворца ливійскихъ Миръ, Никита невольно косится на полное и добродушное лицо Трофима Ивановича, который болѣе всѣхъ олицетворяетъ въ глазахъ Никиты святительскій праздникъ, такъ-какъ именно съ кулебяки Трофима Ивановича, съ его изумительнаго травника, съ его пяти-годовалыхъ наливокъ ежегодно начинаются для Никиты восторги „престольнаго“. Ужь послѣ него и далеко безъ сравненія съ нимъ чередуются ниспадающей лѣствицей инныя угощенія, у инныхъ чадъ церкви, что представляется воображенію Никиты уже безъ всякихъ индивидуальных особенностей, какъ одно сплошное трехдневное испиваніе зеленой водки и набранье въ мѣшки ситныхъ пироговъ.

Воротилась отъ обѣднѣ Пересуха и теперь по всему селу идетъ дымъ коромысловъ! Избы растворены настезь и паръ столбомъ бьетъ изъ дверей. Въ избахъ нельзя ни продохнуть, ни протолкнуться. Сколько можно умѣстить столовъ, стоять столы, и за столами на лавкахъ все красныя, какъ свекла, лица въ черныхъ и рыжихъ космахъ; кто не умѣстился за столы, ждутъ очереди, толкаясь среди избы. Галдѣнье идетъ такое, что за двѣ версты за деревню уйдешь, и то слышишь.

Отъ дыханья и рычанья мужицкихъ глотокъ изба пропитывается водочнымъ запахомъ, словно кабацкій штофъ. Непривычная голова сразу опьанѣетъ отъ одного этого запаха, не говоря уже объ одуряющемъ спиртѣ, который еще сильнѣе другого разливается по избѣ — отъ мужицкаго курева. Махорка такъ и воротитъ носъ на сторону, а мужицкія чугуныя груди, мужицкіе нервы потягиваютъ въ себя съ наслажденіемъ это поганое зелье, сплевывая на сторону и пуская облака ѣдлагаго дыма, безъ вся-

кой церемоніи, въ ротъ, ность, въ глаза своимъ собесѣдникамъ. Никто не кашляетъ и не поперхнется. У кого вышелъ табакъ или кто трубочку дома забылъ, только съ завистью поглядываетъ на курящихъ счастливецъ, порою выпрашивая себѣ затянуться разовъ пятокъ. Возьметъ торопливо слюнявую трубку, пребывающую обыкновенно въ голенищѣ дегтарнаго сапога, въ тѣсномъ общеніи съ онучами, и, не обтирая ея, прямо несетъ къ себѣ въ ротъ. Тутъ сейчасъ и другой охотникъ присосѣдится и себѣ выпроситъ, и опять, не обтирая, прямо въ ротъ; обойдетъ трубочка штуки три-четыре немыхъ ртовъ съ водочною гарью, съ копотью махорки внутри, и опять вернется прямо въ ротъ услужливому хозяину. Бабы совѣмъ съ ногъ сбились. Чугуны и горшки верхомъ наварили, нажарили и напарили онѣ разнаго мяса,—мужики все поѣдаютъ безъ остатка да только покрикиваютъ на хозяйку, чтобы еще несла.

Николай столяръ, даромъ-что гость, кричитъ пуще хозяина да при этомъ еще откалываетъ такія прибаутки, что даже старья бабы отъ сраму посмотрѣтъ на людей не смѣютъ.

— Охъ, сватья, во что это только мужики лопаютъ? изумленно сообщаетъ Арина, выскочивъ на минутку къ сосѣдѣ за порожней чашкой. — Вотъ ужъ съ какого часу за столы сѣли: все ѣдятъ и пьютъ, все ѣдятъ и пьютъ! Куда это только въ нихъ проваливается? А Николка безпутный пуще всѣхъ; чужой-то кусокъ дешевле: какъ учаль крикать, разинетъ пасть да такъ полпоросенка и унесетъ разомъ. Я, говоритъ, гость; ну извѣстно, не скажешь!

— Гдѣ ужъ гостю сказать! съ сочувственнымъ вздохомъ подерживаетъ Арину сосѣдка, выковыривая пальцемъ изъ кубана топленое масло.—Такъ-то и у меня, Панкратьевна! Мы вотъ пошли къ людямъ вдвоемъ, а люди-то къ намъ вшестеромъ навалились! Стѣны ломаются! Обѣли вчистую!.. Бросала, бросала имъ на столъ гусей да курей, и бросать уморилась. А водкой знай поливаютъ, знай поливаютъ! много-ли дня ушло, а ужъ вторую четверть почали!

— Какъ это только хватаетъ насъ, бабъ! съ горькимъ вздохомъ заключаетъ Арина, торопливо убѣгая въ свою хату.

Ни щей, ни похлебки не готовитъ на престольный пересухинская баба. Готовится только то, что можно взять пальцами и засунуть въ ротъ даже пьяною рукою. Поставила Арина сво-

имъ гостямъ студень съ хрѣнкомъ, потомъ вареную свѣжину, потомъ взреную баранину — на холодное; а за холодными стала подавать жаркое: подала жаренаго гуся, подала жареной баранины, подала жаренныхъ куръ, послѣ всѣхъ — жаренаго селезня. И за каждымъ кушаньемъ мѣняла штофы. Послѣ жарього мужики попросили каши, заключительнаго лакомства мужицкаго пира. Намастила Арина гречишную кашу такъ, что съ ложки течеть, — мужики ѣдятъ да похваляютъ хозяйку, что масла не пожалѣла. Только-что залили водьбою послѣднюю ложку гости Мелентьева, пришелъ Потапъ къ себѣ просить. Повалили къ Потапу. У Потапа опять за столъ сѣли, опять стали ѣсть и пить. То-то радости мужику! Съ одного двора на другой, отъ однихъ столовъ да за другіе. Точно, что праздникъ. Прошли обѣды — стали рядить сани парами, а кто и тройками — кататься. Тутъ ужъ не то, что въ церковь ѣхать — чинно и честно. Понаваливались на сани, что снопы на возъ, краснощекія, пьяныя бабы, чуть не другъ на дружку. Бѣто угораздилъ бокомъ на грядку, кто чуть колѣнками на кресла попалъ, ухватился за первую попавшюся шею и держится словно за столбъ. Крикъ, хохотъ, давка на саняхъ.

Пьяный парень, качаясь на ногахъ, править стоя, отдавъ лошадымъ возжи и неистово гикая на нихъ; повалившіеся на сани мужики тоже гикаютъ на лошадей и махаютъ на нихъ со всѣхъ сторонъ; у кого руки скребуть по снѣгу словно грабли, у кого голова свѣсилась и стучить по грядкѣ. Мужику мало горя! Вали на ледъ! Лошади сами словно пьяныя подъ вліяніемъ пьяныхъ криковъ; коренныя несутся вскачь, ёрзая въ огаловкахъ, сани раскатываются съ быстротою, захватывающею духъ. Бухъ! Сани перевернулись, всё на льду... Парень, правившій въ стойку, перевернувшись, пришелся въ ледъ головой, что бурьякъ въ грядку, бабы и мужики другъ на дружку! А кого придавило саними, протащился сажень десять, скребя носомъ, пока сами лошади не остановились. То-то хохоту и веселья! Распутались кое-какъ, опять на сани; ни вздоху, ни оху, только другъ дружку ругаютъ. А съ прочихъ саней дождь сыпятся прибаутки и насмѣшки... Стой! Другіе перевернулись! Надъ другими хохотъ. Пьяныя головы совсѣмъ очумѣли на морозѣ. Пуще и пуще разбираетъ ихъ веселье. „Перегоняй, Нефѣдка! Задѣвай за грядку,

переверни ихъ хорошенько!..“ Сбачутъ сани мимо саней, обгоняя другъ друга, съ неистовымъ крикомъ, при общемъ участіи всѣхъ сидящихъ, стоящихъ и лежащихъ; ловкій возница сильнымъ ударомъ полоза угодилъ въ лѣвую градеу нагоняемыхъ саней и вскинулъ ихъ на бокъ. При взрывѣ новаго хохота и новой ругани, онъ несется дальше, за другими санями, а его сзади уже нагоняетъ иной удалецъ, норовя перекинуть его прежде, чѣмъ тотъ нагонитъ переднихъ.

Завидѣли въ Спасехъ катанье Миколина дня, повысыпалъ народъ на улицу—поглядываютъ съ добродушной завистью, какъ веселится народушко; Миколинъ день, съ бубнами, колоколами и пьяными пѣснями, врывается въ улицу села и несется по ней на удивленіе зѣвающей толпы, яркій, сытый, пьяный и веселый...

— То-то пьяны! то-то пьяны, тетушка! говорить съ изумленіемъ молодецъ. — Головы такъ и мотаются съ саней...

— У пересухинскихъ завсегда хорошій праздникъ... со вздохомъ замѣчаетъ старуха. — Нѣшто это у насъ, у грѣшныхъ! Тамъ теперь цѣлыхъ семь день тверезаго не найдешь, стало, есть на что пить!

Въ вечеру собралась въ Пересухѣ „улица“. Дѣвки, въ однихъ башмакахъ и ваточныхъ пальтахъ, повели хороводы. Въ избахъ никого не осталось; даже малые ребята, кто въ чемъ, высыпали на „улицу“. Старики только заходили въ избы выпить и опять шли на улицу — гадѣть и шататься, обнявшись другъ съ дружкой. Все село, изъ двора въ дворъ, было теперь вполне пьяно. Лысый староста Савелій лѣзъ драться съ щеголеватымъ портнымъ Костикомъ, который „оченно ужъ маслился“ къ его молодой женѣ. Человѣкъ шесть стариковъ немилосердно били за что-то широкоплечаго и низенькаго мужиченка, который вопилъ на все село, особенно обижаясь на то, что его били „у своего двора“. Въ хороводѣ тоже драка. Пересухинскіе парни, раздосадованные на непрошенное участіе въ хороводѣ какого-то лдащаго мужлановскаго парня, въ видѣ смѣха прихватили ему виѣсть съ шапкой и косматые виски.

— Ты чего тутъ не видалъ? съ хохотомъ обступаютъ ребята струсившаго парня. — Безъ тебя обойдется! Давай-ка сюда шапку!..

Насилу вырвался изъ пьяныхъ лапъ мужлановскій любезникъ и пустился бѣжать цѣликомъ черезъ поля, преслѣдуемый уськаньемъ хохотавшей толпы.

— Что, Левонuşка, бѣжка не хвалять, да съ нимъ, видно, хорошо? кричали ему въ догонку насмѣшливые голоса.

— А ты, Настыка, чего съ чужими балуешься? Али мало тебѣ ребятъ на своемъ селѣ? пристали парни къ дѣвкѣ. — Смотри, мы тебя обдѣлаемъ, что и на улицу не покажешься!..

— У, черти! отбивалась Настыка. — Выдумаютъ выдумки. Нѣшто я его сюда звала? Онъ самъ, чортъ, залѣзъ... А я даже съ нимъ и слова не сказала...

— То-то—не сказала... Мотри у насъ! дружно грозили недоувѣрчивые парни.

Падали пьяные мужики и бабы, кому гдѣ приходилось, кто въ сугробы околицъ, кто подъ плетнемъ дворовъ, кто прямо на голомъ выгонѣ. Некому больше было поднимать ихъ. Но и на ночномъ морозѣ эти чугуныя груди сопѣли и храпѣли, какъ никогда не храпѣтъ хилому кабинетному челювѣку на его теплой и покойной постели. Самыя ревнивыя и строгія бабы растеряли своихъ мужей. Въ овинахъ и на сѣновалахъ спали помѣшавшіяся парочки, никѣмъ непреслѣдуемыя и сами едва сознающія, гдѣ онѣ и съ кѣмъ онѣ.

Пересухинская Аспазія—Авдотья Колесникова, у которой всякую ночь собирались веселиться забубенныя головы, три дня сряду лежала, раскинувшись на лавкѣ, какъ очумѣлая; приподыметъ, хлебнетъ водки и опять упадетъ. Парни навѣщали ее непрерывною чередою, но Авдотья только поведетъ глазами, спросить: „Это ты, Матюша, али ты, Васыка?“ признаетъ кто, да и закроетъ опять глаза: не замай-себѣ балуются ребята, какъ знаютъ, а мнѣ что!..

Старый мужъ Авдотьи, Никифоръ, тоже съ самыхъ обѣдовъ не вылѣзалъ изъ-подъ лавки, куда упалъ пьяный.

Къ свѣту было много бѣдъ. Одного изъ проруби вытащили—замороженнаго въ конецъ. Кого подняли въ полѣ — чуть дышетъ, застылъ совсѣмъ. Бабы разыскивали своихъ стариковъ по чужимъ дворамъ, по огородамъ и гумнамъ; старосту Савелья нашли въ овинной ямѣ, пятками вверхъ, съ головой, налитой кровью, какъ святонедѣльное яйцо.

Съ Потапомъ приключилось еще хуже: ввечеру поѣхалъ онъ въ кабагъ докупить вина и всю зимнюю ночь лѣшій прокружилъ его по болоту въ виду своего села. Два раза Потапъ подѣзжалъ къ своему двору: уткнется оглоблями въ сарай, встанетъ, осмотрится: „куда это, говоритъ, меня лѣшій завелъ? Это, должно, мещерскіе дворы“, да и повернетъ назадъ въ болото искать дорогу. Бъ свѣту пріѣхалъ въ село въ третій разъ: увидѣлъ на порогѣ Арину Мелентьеву, спрашиваетъ:

— Что ты, взаправду, Арина, али бѣсь, Ариной скидываешься?

— Я точно Арина, Потапушка, войди къ намъ, погрѣйся.

— Нѣтъ, не обманешь, я знаю, ты бѣсь; Арина въ Мелентьевомъ дворѣ живетъ, въ Пересухѣ, а ты вотъ среди поля меня морочишь!

Насилу ужъ Арина въ хату его втащила; видитъ—снѣій, страшный такой, даже перепугалась, тоже думала сперва, не лѣшій-ли Потапомъ скинулся.

II.

Надинъ урокъ.

— Пиши, Артемка, ты все зѣваешь! строго командовала Надя, сидя въ залѣ своего стараго дома среди пятерни бѣловолосыхъ, пухлыхъ мальчугановъ въ лаптяхъ и овчинныхъ тулупчикахъ. Это были крестники и ея, и старшихъ сестеръ, которыхъ всѣ сестры обучали грамотѣ, чередуясь по недѣлѣ. Теперь была недѣля Нади. Коптевскій домъ уже давно былъ замураванъ на зиму; двойныя окна уныло глядѣли своими темными переплетами и кирпичами, оклеенными бумагою, а стекла, запушенные мятелю, бушевавшею цѣлую ночь, пропускали въ замуравленные комнаты тусклый свѣтъ сѣраго неба. Двери скрипѣли на тяжелыхъ блокахъ, печи были натоплены, и все звало съ неприятнаго надворья, отъ подвижной хозяйственной работы, внутрь теплаго дома, за тихія, усидчивыя занятія зимняго дня.

Пятеро мужиченковъ съ серьезными и наивными рожами, противъ обычая опратно причесанные и даже съ вымытыми ручен-

бами, сосредоточенно наклонившись надъ аспидными досками, самыми добросовѣстнымъ образомъ выдѣлывали своими неуклюжими пальцами хитрыя для нихъ фигуры буквъ. Есть особенная красота въ откровенномъ, полномъ здоровья и простоты лицѣ крестьянскаго мальчика.

Надя, въ темномъ шерстяномъ капотикѣ, съ затяжнымъ пояскомъ, въ своемъ рабочемъ фартучкѣ съ нагрудникомъ, въ самомъ дѣловомъ зимнемъ настроеніи духа, виѣстѣ съ тѣмъ прыщущая румянцемъ здоровья, зорко слѣдила за работою своей команды. Митька, сынъ ключника Михѣя, сидѣлъ около Нади и громко читалъ по верхамъ книгу, почти припадъ лицомъ къ страницамъ ея и усердно вода по ней своими корявымъ пальчикомъ.

— Позвала вну-чка — жу-чу! вытягивалъ онъ нараспѣвъ съ непоколебимою твердостью. — Ба-бка—за внучку, внучка — за жу-чку...

Писавшіе насторожили уши и, не поднимая головъ, глядѣли изподлобья на Митьку, дослушивая окончаніе складнаго и занятнаго разсказа. Рученки ихъ, крѣпко державшія свои грифеля, остановились.

— Поз-ва-ла ма-шка—мышку, мышка—за ма-шку, ма-шка—за жу-чку! съ торжественной серьезностью вычитывалъ Митька, весь ушедшій воображеніемъ въ предпріятіе мышки.— Тя-нутъ-по-тя-нутъ, вы-та-щи-ли—рѣ-пу!..

Дружный и сочувственный хохоть писаекъ встрѣтилъ конецъ разсказа.

— Мышка всему голова! со смѣхомъ замѣтилъ Артемка.

— Ахъ, вы, лѣнтяги этакіе! встрепенулась Надя, теперь только замѣтивъ непрощенную Митькину публику. — Пиши сейчасъ! Ужь развѣсили уши... Вотъ Никитка обѣ стороны написалъ, а Артемка все на второй линейкѣ... Ну, Артемка, а тебя нынче съ ученья прогону, если ты еще зѣвать будешь... Такой срамникъ...

Артемка припалъ смущеннымъ лицомъ къ доскѣ и заскрипѣлъ грифелемъ.

Надя учила своихъ ребятшекъ безъ всякихъ особенныхъ хитростей; она даже не слыхала, что есть на свѣтѣ звуковая метода и что она раздѣляется на синтетическую, аналитическую и эклектическую... Если-бы ее заставили произносить знакомыя бе, ве, ге,

де, какъ бѣ, вѣ, гѣ, дѣ, она-бы пришла въ меньшее затрудненіе, чѣмъ ея деревенскіе выученики. Надя переняла учительское искусство отъ Вари, а Варя учила такъ, какъ ее учили, и только мелькомъ слышала, что есть какая-то наука—педагогика, о трудностяхъ которой она составила себѣ самое преувеличенное понятіе. Но за то и Варя, и Надя владѣли, сами того не зная, тѣмъ дорогимъ ключемъ, съ помощью котораго всякая метода достигаетъ хорошаго конца. Онѣ всей душой добивались, чтобы ихъ ребятишки чему-нибудь выучились, и, дѣйствительно, ихъ ребятишки не только хорошо читали въ двѣ зимы, но добывали много полезныхъ свѣденій и были въ десять разъ развитѣе учениковъ земскихъ школъ, въ которыхъ угрюмые бурсаки съ безучастнымъ негодованіемъ заставляли мальчишекъ „учить звуковую методу“ и „арифметику по Грубе“, вслѣдствіе строгаго предписанія училищнаго начальства.

Надя, съ искреннимъ сознаніемъ своего собственнаго невѣжества, дѣлилась съ своими ребятишками всѣми своими скромными и простыми познаніями; читала имъ тѣ рассказы, которые такъ недавно интересовали ее самую; показывала имъ картинки, требовала отъ нихъ свободнаго пересказыванья того, что говорила имъ. Дѣтишки овладѣли крошечною бібліотекою коптевскаго дома, какъ своей собственностью. Они знали въ глаза каждую книжку и по одному переплету могли уже догадаться, какія въ ней картинки. Они сами, смотря по настроенію духа, по погодѣ, по времени года, требовали то той, то другой книжки.

— Вотъ что, барышня Надя, важно заявляетъ головастый Никитка общее желаніе. — ты намъ нонче тое книжку почитай, что въ зеленой корочкѣ, что еще объ богатырѣ объ татарскомъ, какъ поць нашъ его съ коня ссадилъ...

— Какой поць? Вотъ брешеть! мона-а-хъ! дружно поправляютъ остальные. — Пересвѣтъ-монахъ... позабы-ы-ль?!...

— Ну, все одно, монахъ... Знаешь ту-то?

— Знаю, знаю. Это о мамаевомъ побоищѣ? говорить Надя.

— Ну вотъ ее самую... Мамаево побоище, это что Куликово поле прозывается... Дюже хорошо! Почитайка-сь!..

А то вдругъ пошепчутся, пошепчутся между собою да и скажетъ одинъ:

— Нонче-бы намъ, барышня Надя, ты-бъ о землѣ да о солн-

цѣ картинку показала... А то мы вчистую позабыли... Помнишь, еще какъ барышня Варя насъ до Козьмы Демьяна учила, такъ картинку приносила... Ты ту-то картинку сама умѣешь разбирать? Варвара-то, та лихо разбираетъ... Что куды слѣдуетъ, все намъ перетолковала...

— А помнишь, ребята, еще яблочко съ погребу подать приказала, поддержалъ Митька. — На спицу насаживала!.. То-то смѣху... Артемка слопать хотѣлъ... Ей-богу... Ужь вотъ дурень!

— Анъ брешешь! Самъ хотѣлъ слопать... меня научаль... огрызается обиженно Артемка, покраснѣвъ до бѣлковъ и смущенно косясь на Надю.

Надя своимъ здоровымъ инстинктомъ держалась той середины въ обращеніи съ ребятами, которая одна оправдывается результатомъ. Ея честный, трудовой взглядъ на обязанности жизни возмущался всякою распушенностью, какой-бы характеръ она ни носила; она не сантиментальничала съ дѣтьми, не умѣла разжигать имъ всякаго пустяка до обезсиленія ихъ собственнаго мозгового желудка; не мудрствуя лукаво, она требовала, чтобы мальчишки, приходившіе учиться, дѣйствительно учились; но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ безъискусственно любила ихъ, чувствовала къ нимъ такую естественную близость, что между нею и ребятами установилось неразрушимое довѣріе. „Барышню Надю“ они любили гораздо больше, чѣмъ своихъ матерей и сестеръ. Только отъ нея они видѣли ласку и интересъ къ ихъ вкусамъ. Просидѣвъ въ теплыхъ, чистыхъ хоромахъ съ „барышней Надею“ часа три-четыре, слушая любопытные рассказы о разныхъ невѣдомыхъ вещахъ, казалось верхомъ блаженства для деревенскихъ мальчугановъ, и Надя не знала другого наказанія, какъ отослать гнѣваго домой. Но и это случалось въ полгода разъ. Надя не дѣлала никакихъ росписаній и не разграничивала своихъ занятій на разные тонкія категоріи. Ей вовсе было неизвѣстно, что чтеніе можетъ быть „статарнымъ“ или объяснительнымъ, что существуютъ „катехизическій“ и „евристическій“ способы изученія, она не слыхала не только о Дистервергѣ, но даже и о Песталоцци. Но Надя на себѣ самой и на Артемѣ убѣдилась, что ребенка невозможно держать долго на одномъ и томъ-же занятіи и что когда Артемка и Никитка поработаютъ, послѣ двухъ-часоваго ученія, въ ея цвѣтницѣ, они вдвое лучше учатся въ третій

часть. Точно также убѣдилась Надя, что дѣти произносятъ слова правильно, когда читать книгу громко и ясно, и хорошо понимаютъ все то, что хорошо объяснено имъ. Открытіямъ своимъ она не придавала никакихъ греческихъ названій, потому что была убѣждена, что не дѣлала никакихъ открытій, а учила по безхитроственному соображенію своего безхитростнаго разума, и что хуже ея врядъ-ли кто можетъ учить.

Надя посвящала обыкновенно свой послѣдній часъ чтенію. Ребятишкамъ давались купленные у венгерца-разнощика пятикопеечныя картинки съ звѣрями и птицами и они съ наслажденіемъ и съ удивительною наблюдательностію копировали ихъ въ свои тетрадки. А Надя громко читала имъ, въ видѣ награды, что-нибудь занимательное.

На этотъ разъ она читала имъ отрывки изъ записокъ охотника Аксакова. Дѣтшки съ увлеченіемъ слушали эту книгу, потому что могли не только понимать, но и критиковать и дополнять описаніе книги на основаніи своего собственнаго мальчишечьяго опыта... Кромѣ того, ничего они не слушали такъ охотно, какъ серьезные рассказы о жизни звѣрей, безъ олицетворенія и разнаго миндальничанья.

Чтеніе было во всемъ разгарѣ, когда въ дверяхъ залы появились Суровцовъ и Протасевъ.

Они неслышно подѣхали къ дому въ кабриолетъ Протасева по пушистому снѣгу, который еще плохо держалъ полосья.

Надя зардѣлась, какъ макъ, вдругъ увидѣвъ ихъ на порогѣ передней. Покраснѣли даже кончики ея хорошенькихъ, изящно округленныхъ ушей, розовыхъ и сквозныхъ, какъ лепестокъ душистаго горошка. И Суровцовъ, и Протасевъ молча улыбались, любясь на милую сцену, которую они застали врасплохъ. Но дѣтшки не обратили на нихъ никакого вниманія, и Никитка, который въ это время, высунувъ языкъ и положивъ голову на руку, усердно вырисовывалъ прельщавшую его пасть бенгальскаго тигра съ кривыми зубами, безъ церемоніи крикнулъ Надѣ, не прекращая своей работы:

— Ну что-жь, Надя! читай дальше... Чего стала!.. Какъ это-сь онъ чортову курицу видалъ?.. Хитро!

Однако Надя шумно прервала свои классы и отпустила ребятъ домой. Напрасно Суровцовъ и Протасевъ упрасивали ее продол-

жать чтеніе и не стѣсняться ихъ приходомъ. Надя и слышать не хотѣла; она была совершенно сконфужена и даже торопливо спрятала въ столъ книгу, которую читала.

— Зачѣмъ такая послѣдность? съ дружественной улыбкой спросилъ Суровцовъ, не сводя радостнаго взгляда съ смиреннаго, дѣтскаго личика Нади.

— О, нѣтъ, я не отъ васъ! съ убѣжденіемъ отвѣтила Надя. — Вы не будете смѣяться, я знаю...

— Такъ это отъ меня? шутливо подхватилъ Протасьевъ. — М-ше Коптевъ составила обо мнѣ мнѣніе какъ о какомъ-то ужасномъ насмѣшникѣ, недоступномъ ничему доброму...

— О, нѣтъ, почему-жъ вы думаете?... нерѣшительно отговаривалась Надя. — Мнѣ просто совѣстно заниматься при чужихъ, потому что я сама не хорошо знаю, какъ нужно учить... Но вѣдь зимою такъ мало дѣла... надо-жъ заняться чѣмъ-нибудь...

— Видите-ли, Надежда Трофимовна, я-бы никогда не осмѣлился привезти къ вамъ въ будничный день сего джентльмена, если-бы онъ не имѣлъ дѣла къ Трофиму Ивановичу, безъ церемоніи объяснилъ Суровцовъ. — Мы собственно пріѣхали не къ вамъ, а „къ мировому“. Поэтому вы напрасно распустили свою школу.

— Привезти меня—хорошо; но себя? съ улыбкой перебилъ его Протасьевъ. — Вы, кажется, себѣ позволяете нарушать рабочіе часы молодыхъ дѣвицъ, юный профессоръ, потому что вамъ лично нечего дѣлать у „мирового“.

— О, Анатолій Николаевичъ у насъ свой! Онъ намъ никогда не иѣшаетъ! наивно возразила Надя, даже не подозрѣвая невѣжливости своего отвѣта.

Протасьевъ немного поморщился, но тотчасъ-же ослабилъ своей безжизненной улыбкой.

— Я начинаю ему завидовать, этому счастливцу-педагогу! сказалъ онъ сквозь зубы. — Я думалъ до сей поры, что педагогія пугаетъ молодыхъ барышень.

Надѣ не хотѣлось невѣжливо обойтись съ Протасьевымъ, котораго она не любила, и она усиленно отыскивала въ своемъ мозгу, о чемъ-бы поговорить съ нимъ. Въ это время она замѣтила подъ окномъ модный кабриолетъ, на которомъ сидѣлъ, одѣтый жокеемъ, маленькій мальчикъ.

— Какъ довольны вы нашимъ Борькой, м-г Протасьевъ?

— Вашимъ Борькой? изумленно переспросилъ Протасьевъ. — Что это значить „вашъ Борька“?.. De qui parlez vous?

— Борька—сынъ моей покойной кормилицы Агафьи, просто-душно наставляла Надя;—онъ-же у васъ нанялся? Онъ-же ѣздитъ съ вами? Такой хорошенькій мальчикъ.

— А! не грумъ-ли мой?.. Тотъ, что со мною въ кабриолетъ ѣздитъ?.. спохватился, улыбнувшись, Протасьевъ.—А я и не зналъ, что онъ вашъ... Такъ онъ называется Борькой? Tant mieux... Нужно его фаворизировать.

— Мы такъ жалѣли, что онъ къ вамъ нанялся, продолжала Надя.—Этакій крошечный и уже занимается. Онъ-бы никогда не пошелъ, если-бы не дура тетка. Вѣдь наша кормилица Степанида ему родная тетка; она была сестра моей кормилицѣ... Соблазнилась, что вы ему предлагали три рубля въ мѣсяць... Онъ у васъ, кажется, три рубля получаетъ?

— Ma foi, je n'en sais rien, chère demoiselle, улыбался Протасьевъ.—Это дѣло моего управляющаго... Tous ses comptes и расчеты...

— Да я навѣрное знаю, что три рубля! утверждала Надя;—двѣ пары сапогъ въ годъ и три рубля; мнѣ тогда-же Степанида сказала...

— Ça peut bien être, ça peut bien être... неудержимо смѣялся Протасьевъ, изумляясь деревенской наивности Нади.—Вы, я вижу, большая хозяйка...

Вошелъ Трофимъ Ивановичъ и увлекъ мужчинъ въ свой кабинетъ. Надя очень этому обрадовалась, потому что присутствіе Протасьева ее крайне смущало.

— Барышня, Алена Митріева давно васъ дожидается, ужъ часа два, объявила Маришка.

— Что-жъ ты мнѣ не сказала?

— Да вы-жъ мальчиковъ учили; побоялась.

Надя пошла въ дѣвичью. Молодая баба, разрумяненная морозомъ, разфурфуренная, въ ярбихъ платкахъ, въ яркомъ платьѣ, яркомъ фартукѣ, бросилась ей навстрѣчу.

— Здравствуй, кума, что-жъ такъ долго не приходила? ласково сказала Надя, крѣпко цѣлуясь съ бабой и усаживая ее на крашенный деревянный диванъ.—Ну, садись, садись. Надо тебя уго-

стить чѣмъ-нибудь. Маришка, бѣги, скажи Дарьѣ, чтобы поставила поскорѣй маленькій самоварчикъ. Нужно чайкомъ куму угостить. А водочку пьешь?

— Вотъ, барышня-кумушка! что-же я за окаянная такая, чтобы водки не пила... весело говорила кума. — Водка не скоромная, завсегда можно пить, и въ среду, и въ пятницу!..

Надя усѣлась на диванчикѣ рядомъ съ кумою и вся предалась бесѣдѣ.

— Что-же твой Афонька? Не бойсь, любишь его?

— Да што-жь не любить! онъ мнѣ сынь. Любить надо, ухмылялась кума.

— Бабку брала?

— Да, брала. Мы вѣдь, барышня-кумушка, по своему положенію, тогда ужъ бабку беремъ, какъ роды кончатся. Родила-то я одна. Чуть не умерла. Свекровь это на толчеѣ была, никого во дворѣ, помочь некому. Ну, а потомъ бабка пришла, обмыла.

— Много бабкѣ заплатила? полюбопытствовала Надя.

— Да у насъ одно положеніе, барышня: за мальчика гривну, за дѣвочку пятакъ. Ну, знамо дѣло, на обѣдъ позовешь, на крестины. А тамъ на родины опять. Дорого родины стоили: всѣмъ это пироговъ напекти, а сама какъ очумѣлая ходишь.

— А нужно очень родины справлять! Ты-бы лучше Афонькѣ бѣлье пошила, чѣмъ на вздоръ тратишься.

— Какъ на вздоръ, барышня? нельзя-же. Вѣдь тоже каждый съ собой приносить, кто что можетъ... Мы ихъ угощаемъ, они насъ.

— Замашекъ нонче много брали? Будетъ работы на зиму? освѣдомилась Надя.

— Эхъ, барышня-кумушка, кому у насъ брать? У другихъ пять бабъ во дворѣ; выйдутъ кучкой—спорится работа; а у насъ во дворѣ я да я... Свекровь стара. Прижаливаемъ ее. Только и брали, что у пона.

— Ну, тамъ надо тебѣ дать пудикъ. У насъ, кажется, много замашекъ.

Маришка принесла графинчикъ водки съ кусочкомъ бѣлаго хлѣба, и Надя стала пить свою куму водкой, потомъ чаемъ. Молодая баба сидѣла и угощалась безъ малѣйшаго стѣсненія, чувствуя, что она въ своемъ правѣ, и со всею искренностію от-

носила къ Надѣ, единственно какъ къ кумѣ. Она свободно передавала ей всѣ новости своего хозяйства и быта, чего-бы, конечно, никогда не сдѣлала посторонней барышнѣ. Ни у кого другого и не сдѣла-бы она такъ развязно въ хоромахъ. Надя тоже самымъ искреннимъ образомъ видѣла въ Аленѣ нѣкотораго рода родственницу, „свою“, во всякомъ случаѣ, которую ей нисколько не было стыдно угощать и занимать на правахъ равенства. Ей даже въ голову не приходило, находять-ли другіе приличнымъ или неприличнымъ съ ея стороны подобное поведеніе. У Нади не было на-готовѣ никакихъ теорій о равенствѣ людей и она не переставала считать себя барышнею, Алену—бабою. Но она любила людей не для краснаго слова, не по требованію системы, не изъ подражанія. Она ихъ любила просто по своей доброй, неспорченной натурѣ, по чувству человѣчности, ее цѣликомъ наполнявшему; оттого въ какихъ-бы обстоятельствахъ и при какихъ-бы условіяхъ она ни встрѣчалась съ людьми, она всегда относилась къ нимъ тепло и искренно, мало обращая вниманія на форму, въ которой ей приходилось высказываться.

Суровцовъ, посидѣвъ нѣсколько времени для приличія въ кабинетѣ Трофима Ивановича, давно съ нетерпѣніемъ прислушивался къ голосу Нади, стараясь угадать, гдѣ она и съ кѣмъ бесѣдуетъ. Коптевскія дѣвочки мало чинились съ нимъ, поэтому онъ позволялъ себѣ заглядывать во внутреннія комнаты. Голосъ Нади довелъ его до дѣвичьей.

— Вашъ нельзя выйти на минутку ко мнѣ? сказалъ онъ тихимъ, любящимъ голосомъ, тонъ котораго такъ хорошо былъ знакомъ Надѣ.

Суровцовъ никакъ не рассчитывалъ найти Надю за самоваромъ съ бабою и не могъ не расхохотаться отъ неожиданности этого впечатлѣнія.

— Это моя кума, объяснила Надя, вставая съ такимъ-же веселымъ смѣхомъ.— Не хотите-ли и вы чашку чаю? Только пожалуйста Протасьеву не говорите.

— Ну вот! Напугалъ я васъ этимъ Протасьевымъ. Вы не кончили съ кумой?

— Ничего, ничего. Мы съ нею свои; она и одна посидитъ. Угощай ее хорошенько, Марша, чтобы цѣлый самоваръ выпила. Слышишь, кума?

— Охъ, кумушка-матушка, да вѣдь съ него лопнешь!.. шутила въ отвѣтъ бума.

Надя повела Суровцова по коридору въ пустую диванную. Сестры были наверху, за своими занятіями.

— Я ѣду въ Крутогорскъ на-дняхъ, пришелъ проститься съ вами, сказалъ Суровцовъ, нѣжно и близко глядя въ глаза Нади. — Не будетъ-ли у васъ порученія къ Обуховымъ?

— О, да, я вашъ дамъ маленькое порученіе, отвѣчала Надя. — Записочку къ Алешѣ. Вы заѣдете къ нимъ?

— Разумѣется, если это вамъ нужно. Впрочемъ, мнѣ-таки интересно посмотрѣть на этого бѣднаго мальчика. Какъ онъ чувствуетъ себя въ городѣ? Боюсь, что въ немъ развивается очень опасная религіозная манія... Мнѣ очень досадно, что онъ не любитъ меня и не вѣритъ мнѣ... Я часто собираюсь потолковать съ нимъ обстоятельнѣе и навести его на болѣе свѣтлый строй мыслей. А то его организмъ положительно не выдержитъ. Постоянная внутренняя борьба, постоянныя сомнѣнія, да еще въ этомъ переходномъ возрастѣ, когда и безъ того вся кровь приливаетъ къ легкимъ...

— Знаете что, Анатолій Николаевичъ, сказала Надя въ раздумьи. — Я очень люблю Алешу. Все, что вы сдѣлаете для него, вы сдѣлаете для меня. У этого мальчика золото, а не сердце, но его совѣсти испортили. Онъ постоянно переписывается со мною съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ въ городъ. Но я еще ни разу не отвѣчала ему. Что могу я сказать ему? Я сама ничего не знаю. Если-бы вы говорили съ нимъ чаще, я увѣрена, онъ во многомъ-бы измѣнился. Онъ ужасно преувеличиваетъ вещи, я это чувствую, но доказать не могу... тѣмъ болѣе, что такъ много правды въ томъ, что онъ говоритъ...

— Да, это самый трудный изъ всѣхъ вопросовъ воспитанія! сказалъ Суровцовъ. — Вредно быть неискреннимъ, а искренность для нѣкоторыхъ натуръ, пожалуй, губительна.

Надя что-то напряженно обдумывала.

— Анатолій Николаевичъ! вы скажете мнѣ всю правду? вдругъ спросила она нерѣшительно, поднимая взглядъ на Суровцова.

— Мнѣ кажется, я обязанъ сказать вамъ всю правду, что-бы ни вышло изъ этого... отвѣчалъ Суровцовъ, старавшійся сообразить, о чемъ хочетъ спросить его Надя.

— Знаете, Анатолий Ниволаевичъ, слегка покраснѣвъ отъ смущенія, продолжала Надя. — Сдѣлаемъ уговоръ, чтобы всегда другъ другу говорить всю правду?.. Мнѣ кажется, иначе будетъ не хорошо... Человѣкъ можетъ ошибаться, что нужно и чего не нужно... Вѣдь все-таки душу другого не увидишь насквозь... Какъ вы думаете?

— Совершенно такъ-же, какъ вы, Надежда Трофимовна; у васъ такая умная головка... Вы меня поражаете своимъ вѣрнымъ чутьемъ.

— Помните, когда мы гуляли съ Алешей при лунѣ наканунѣ его отъѣзда? продолжала Надя.

— Помню, помню.

— Вы говорили о безсмертіи.

— Да, кажется; впрочемъ, говорилъ не я, а Алеша; мнѣ пришлось только отвѣчать, и, признаюсь, я съ большою неохотою затрогиваю эти щекотливыя и трудныя темы.

— О, все, что вы говорили, было вѣрно... я потомъ думала объ этомъ ночью; но мнѣ показалось, что чѣмъ вѣрнѣе ваши слова, тѣмъ они ужаснѣе...

Суровцовъ вздрогнулъ и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Надю.

— Почему-же ужасны? нетвердо спросилъ онъ.

— Потому, что потери невозвратимы... Разъ умеръ — и кончено... Никогда и нигдѣ не встрѣтить тѣхъ, кто были намъ дороги. — развѣ это не ужасно?

— Да; люди гораздо жалче, чѣмъ они думаютъ о себѣ. Но что-жъ дѣлать? Глинѣ приходится помириться съ тѣмъ, что она глина, что ей положенъ предѣлъ. Можетъ быть, и сладко грезнить, чтобы у насъ былъ кошелекъ Фортуната съ неизсякаемыми червонцами, чтобы о нашемъ пропитаніи заботились не мы сами, а скатертка-самобранка, и чтобы коверъ-самолетъ уничтожалъ для насъ разстояніе. Но вѣдь сомнѣваться, что это сказки, довольно трудно. Сказка о вѣчной молодости заманчива, конечно.

— Сказка, сказка... прошептала Надя. — Когда разсуждаешь, видишь, что сказка... Но какъ часто хочется, чтобы это была правда!.. А вамъ никогда этого не хочется?

— Мнѣ хотѣлось этого очень давно и очень сильно... Но теперь не хочется, потому что я не въ состоявіи хотѣть не-

возможнаго. Возрастъ несбыточныхъ надеждъ для меня прошель.

— Вамъ не жаль этихъ надеждъ?

Суровцовъ подумалъ нѣсколько минутъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не жаль! Всему свое время; сны бывають увлека-
тельную дѣйствительной жизни, но ужь разъ проснулся — захо-
чешь не сновъ, а настоящаго дѣла, какъ-бы ни было оно под-
часъ скучно и трудно...

Надя замолчала и думала.

— Но какъ-же Алешу отвратить отъ этихъ мыслей? спросила она.—Въ нихъ столько привлекательнаго и возвышеннаго! Развѣ можно чѣмъ-нибудь замѣнить теплоту подобныхъ грезъ?

— Я думаю, можно, въ тихомъ раздумьи говорилъ Суров-
цовъ.—Эта теплота—потребность добра... Добро можно обратить на людей, на землю, не на одно небо... Изъ Алеши могъ-бы выйти сильный гражданскій духъ, полезный общественный дѣя-
тель. Но его не направили во-время. Его исканіе добра приняло мистическій характеръ. Необходимо теперь освѣтить ему новыя перспективы. Но для этого нужно, чтобы онъ вѣрилъ своему учи-
телю, а мнѣ онъ не повѣритъ.

— Да, онъ не повѣритъ вамъ... грустно сказала Надя. — Въ этомъ его большое несчастіе... Мнѣ кажется, онъ погибнетъ, Анатолій Николаевичъ... Мнѣ кажется, его нельзя спасти... Вы какъ думаете?

— Я общалъ вамъ говорить всю правду, отвѣчалъ Суров-
цовъ;—я думаю то-же, что вы.

III.

Баронеса Мейнъ.

Надѣ почему-то стало хорошо на душѣ, когда почти всѣ ихъ сосѣди разѣхались изъ своихъ деревень. Какъ ни мало она участвовала въ общественной жизни, все-таки жизнь эта отнимала у нея время и отвлекала ее отъ того, что ей казалось теперь нуж-
нѣе и важнѣе всего.

Она даже отчасти была рада, что не будетъ нѣкоторое время видѣть своего Анатолія. Наступила зима съ своими длинными

деревенскими вечерами, зовущими на работу, съ своими трезвыми днями, чуждающимися удовольствій. Надѣ представлялось, что она должна сдѣлать въ эту зиму очень много; она такъ мало знала, такъ неясно понимала изъ того, что сама уважала. Свои свѣденія въ хозяйствѣ Надя не считала ни во что и относилась къ нимъ съ тѣмъ неосновательнымъ пренебреженіемъ, съ которыми скромные люди обыкновенно относятся къ своимъ собственнымъ силамъ. Конечно, хозяйство будетъ необходимо для Анатолія, и она сознавала, что сильно поможетъ ему съ этой стороны, но развѣ Анатолій можетъ удовлетвориться однимъ этимъ? У него самого столько талантовъ, столько высокихъ потребностей. Надя чувствовала необходимость хоть въ чемъ-нибудь стать ему по плечу, имѣть возможность вполнѣ раздѣлить хотя какой-нибудь изъ его благородныхъ вкусовъ, помимо матеріальныхъ вопросовъ жизни. Она будетъ учиться много и горячо. Она спросила у Анатолія совѣта, какія книги прочесть ей въ эту зиму, и набрала у него такихъ книгъ. Лучше она бросить на это время хозяйство. Все равно, ужь скоро придется его бросить! Даша замѣнить ее при выпойкѣ телятъ. А больше какое дѣло зимой? Чего сама Надя не пойметъ, она поговорить съ Варей; Вара почти все знаетъ, что знаетъ Анатолій, только сказать такъ не можетъ; а читала она ужасно много; должно быть, всѣ книги, какія есть. Но всего этого Надѣ казалось мало; читать, учиться она будетъ и съ Анатоліемъ; онъ обѣщалъ ей это; онъ говорилъ, что самую старую и знакомую книгу онъ перечтетъ съ безконечнымъ наслажденіемъ, если будетъ нужно перечесть ее съ Надею. Онъ обѣщалъ ежедневно давать ей уроки естественной исторіи, показывать микроскопъ, дѣлать опыты изъ химіи; у него это все есть. А Надя ничего такъ не любила, какъ естественную исторію; она ее никогда не знала, но послѣ нѣсколькихъ рассказовъ Анатолія ей показалось, что она понимаетъ все такъ легко и все до такой степени тамъ интересно, что она могла проводить въ этихъ занятіяхъ цѣлыя дни,—конечно, съ Анатоліемъ, въ его миленькомъ, уютномъ кабинетикѣ, гдѣ все зоветъ къ наслаженію трудами. Но этого всего еще мало. Надѣ хотѣлось больше. Она не сомнѣвалась, что свадьба ихъ должна быть скоро; но въ душѣ своей она отлагала ее еще на годъ, и сердце ея горѣло страстнымъ желаніемъ приготовить Анатолію къ

этому дню подарокъ, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ порадовать его выше всего. Ей жаждалось показать Анатолію, что она не такая глупая и дикая дѣвочка, какою могъ ее считать какой-нибудь Протасевъ или Овчинниковъ, и что если ей помогутъ, она можетъ сдѣлать то, что и другіе. Анатолій засталъ ее какъ-то въ цвѣтникѣ и очень удивился ея мастерству ухаживать за растеніями. Онъ долго говорилъ съ ней потомъ о ботаникѣ и высказалъ мысль, что для женщины онъ не знаетъ болѣе подходящей науки. „Тутъ и хозяйство, и врачеваніе, и украшеніе дома, и культъ изящнаго, говорилъ Анатолій. — Занятіе, которое-бы не гнало женщины изъ ея дома, отъ ея неизбѣжныхъ интересовъ, и имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ всю глубину научнаго содержанія, трудно найти“... Надя запомнила эти слова Анатолія; они запали ей въ душу, какъ пророчество и какъ указаніе. Ее восхищала картина разумной и тихой жизни, которую набросалъ тогда Анатолій, рассказывая про одного своего пріятеля-зоолога; этотъ молодой ученый поселился въ маленькомъ домикѣ на южномъ берегу Крыма, прямо надъ моремъ, и проводилъ тамъ время въ философской простотѣ, предаваясь своимъ любимымъ трудамъ. Эти труды неразлучно дѣлила съ нимъ его молодая жена: она прекрасно рисовала акварелью.

— Когда, бывало, я входилъ къ нимъ, онъ сидитъ съ микроскопомъ и скальпелемъ, она рядомъ съ нимъ съ кистью и красками, рисуя то, что нужно было для его изслѣдованій. Спокойно и отрадно дѣлалось у меня на душѣ, говорилъ Надѣ Суровцовъ. — Это была истинно-человѣческая, истинно-европейская жизнь, безъ всякихъ преданій Азіи; полезный трудъ и вмѣстѣ глубокая жизнь сердца—идеаль цивилизаціи; честная простота быта работающаго человѣка и необходимыя удобства разумнаго существа... Я всегда потомъ мечталъ о такой жизни!..

И Надя тоже стала мечтать о подобной жизни. Вспомнился ей и другой разговоръ Анатолія.

— Терпѣть не могу этой заказной обязанности все знать, всѣмъ заниматься! разсуждалъ онъ одинъ разъ по поводу воспитанія дѣвицъ Баншинныхъ. — Люди сумѣли ввести мотивъ лжи даже и въ такую безгрѣшную область, какъ знаніе. Развѣ можно знать обо всемъ, развѣ мы должны это знать? Кто знаетъ обо всемъ, тотъ ровно ничего не знаетъ!.. Человѣку, даже способ-

ному, по силамъ одно, два серьезныхъ дѣла; остальному онъ можетъ предаться на-сколько позволяетъ ему главное дѣло; поэтому онъ не смѣетъ придавать значенія этимъ поверхностнымъ своимъ занятіямъ. Прежде всего человекъ долженъ рѣшить какъ можно искреннѣе, въ чемъ его сила, куда заставляютъ его направляться собственные вкусы и обстоятельства его положенія. Все остальное онъ долженъ опереть на этомъ твердомъ центрѣ, связать съ нимъ, привести къ нему. Въ этой центральной силѣ — сама личность человека.

Надя раздѣляла вполне этотъ взглядъ Анатоля, хотя не сознавала этого прежде. Съ той минуты она долго думала, въ чемъ ее собственный центръ? На что ей нужно опереться и притянуть всѣ свои другія силы? Только въ самые послѣдніе дни передъ отъѣздомъ Суровцова вдругъ просвѣтлѣло въ головѣ Нади. Она поняла своимъ простымъ разсудкомъ, что прошедшее складывается не даромъ, что его не вычеркнешь изъ жизни, что силу свою нужно искать именно тамъ. Да, сомнѣнья нѣтъ никакого. Она хозяйка, она чувствуетъ въ себѣ добрыя порывы матери. Зачѣмъ-же лгать на себя? Она должна остаться тѣмъ, что она есть; вѣдь и Анатоій полюбилъ ее такую, а не какою-нибудь иною, не хитроумною книжницею, не блестящею свѣтскою львицею. Она не Ева Каншина и не Лида Обухова; она Надя Коптева. Надя стала глубже и подробнѣе разсматривать себя съ этой труднодобытой точки зрѣнія. У Нади была страсть лечить народъ, помогать страдающимъ, особенно дѣтямъ и женщинамъ. Изъ всѣхъ телятъ Надинаго хозяйства самымъ любимымъ теленкомъ былъ тотъ, который хромалъ и кашлялъ, который больше нуждался въ ее уходѣ. Она собирала воробьевъ съ перешибленными крыльями, галчатъ, упавшихъ изъ гнѣзда, цыплятъ и индюшатъ, которыхъ колесомъ переѣхали или лошадь раздавила копытомъ, и отдѣляла ихъ подъ свое особенное покровительство. Богъ знаетъ, что дѣлала съ ними Надя, но только всегда она выпускала ихъ здоровыми изъ своего лазарета. Надя теперь, размышляя, вдругъ почувала въ себѣ врача. Ей пришло сейчасъ въ голову, почему ей всегда такъ нравились занятія въ цветникѣ.

Всѣ эти различные вкусы получили, наконецъ, общій центръ. Надя должна быть врачомъ, простымъ деревенскимъ врачомъ, такимъ,

какого требуютъ неиспорченныя натуры деревенскихъ бабъ, ребятишекъ, телятъ и индюшатъ. Она будетъ заниматься ботаникой, сажать въ саду лекарственныя травы, изучать ихъ свойства, собирать ихъ. Анатолий познакомитъ ее съ устройствомъ организмовъ, съ ихъ живнiю. Она читала давно, года два тому назадъ, въ кабинетѣ у отца старую макробиотику Гуфланда. Эта книга глубоко подѣйствовала на нее, хотя она не поняла въ ней многого. Но идея о наукѣ правильной жизни, сообразной съ законами природы, крѣпко засѣла въ головѣ Нади. Она теперь изучитъ эту науку долготѣтя во всей ея полнотѣ. Она чула скорѣе инстинктомъ, чѣмъ соображенiемъ разума, что научныя занятiя Анатолiя очень близки къ предмету ея замысловъ. Онъ вездѣ придетъ къ ней на помощь. Картина жизни южно-бережскаго друга встала при этомъ въ фантази Нади во всемъ своемъ чарующемъ свѣтѣ. Они работаютъ вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ. Въ воображенiи Нади такъ отчетливо и въ такихъ заманчивыхъ краскахъ очерчивается молодая женская фигура съ кистью въ рукахъ, наклонившаяся надъ рисованьемъ. Лучи солнца играютъ въ маленькой, веселой комнаткѣ, на чистыхъ и милыхъ предметахъ; въ открытомъ окнѣ видно южное море, южное небо. Нада никогда не видала ихъ, но со словъ Анатолiя представляла себѣ ихъ неизъяснимую прелесть.

— Да, мнѣ необходимо рисовать акварелью! сказала сама себѣ Нада. — Если я буду заниматься ботаникою, цвѣтами, мнѣ необходимо рисовать! Когда Варя давала мнѣ въ дѣтствѣ рисовальную школу, она всегда удивлялась, съ какою точностью и твердостью я передавала рисункъ. Помню, мнѣ было легко, меня ничто не затрудняло.

У Нади слегка закружилась голова отъ радостнаго волненiя надежды. Ея женскiй ревнивый инстинктъ не могъ помириться даже съ неясною мыслью о томъ, что не она, а кто-нибудь другой выполнить для ея Анатолiя ту картину домашняго счастья, которую онъ представлялъ себѣ съ такою увлекательностию. Зачѣмъ онъ разсказалъ ей объ этой молодой, счастливой парѣ на счастливомъ берегу моря, объ этой женской ручкѣ, работающей кистью рядомъ съ микроскопомъ мужа? „Анатолий никогда не забудетъ этой картины, всегда будетъ томиться по ней, что-бы ни говорилъ онъ въ мое утѣшенiе! часто думалось Надѣ; — я

должна, я обязана взять эту кисть въ свою руку. Я не хочу, чтобы, смотря на меня, онъ не находилъ того, чего просить его сердце, и искалъ другую, *рисующую* ручку“.

Въ головѣ Нади созрѣло довольно смѣлое и быстрое рѣшеніе, на которое она-бы никогда не рискнула въ болѣе спокойномъ состояніи духа. Надѣ вспомнилось, съ какою особенною привѣтливостію относилась къ ней баронеса Мейенъ въ рѣдкіе визиты къ ней Нади; баронеса много разъ просила Надю пріѣзжать къ ней за-просто, съ работою, съ книгою; предлагала давать ей уроки музыки, заниматься съ нею нѣмецкимъ языкомъ. Теперь Надѣ вдругъ жадно захотѣлось отправиться къ баронесѣ и просить ея помощи.

— Она такая милая, простая; я знаю, что она говоритъ правду; съ нею я не буду стѣсняться, говорила сама себѣ Надя. — Вѣдь если-бы я много знала, я-бы помогла ей во всемъ!

У баронесы Надя видѣла цѣлый портфель букетовъ, рисованныхъ акварелью на прекрасной толстой бумагѣ. Она знала, что баронеса хорошо рисовала цвѣты и что еще недавно составила для своего мужа альбомъ всей его оранжерей.

Баронеса немного удивилась, увидавъ входящую Надю, дѣтскій румянецъ которой, и обыкновенно очень свѣжій, еще болѣе разгорѣлся отъ небольшого смущенія, съ какимъ она входила на этотъ разъ въ домъ баронесы. Надя была одна, чего она никогда не дѣлала до сихъ поръ.

— Ахъ, это вы, *chère amie*; *bonjour*, съ доброю и искренною улыбкою сказала баронеса, поднимаясь ей навстрѣчу и протягивая обѣ свои руки. — Собрались, наконецъ. Мнѣ такъ хочется всегда васъ видѣть. Боже мой, что значить молодость! На васъ посмотрѣть завидно, моя душечка, продолжала баронеса, съ любовью оглядывая Надю. — Вы цвѣтете, какъ настоящій деревенскій розанъ... Въ столицѣ нельзя встрѣтить ни такихъ цвѣтущихъ, ни такихъ искреннихъ личекъ, какъ ваше... Вы извините мою безцеремонность!.. Садитесь ко мнѣ на диванъ... поближе.

— Ахъ, вы рисуете! почти вскрикнула Надя, теперь только замѣтивъ, что баронеса Мейенъ встала изъ-за рисовальнаго столика, на которомъ были разложены всѣ принадлежности. Она по-

краснѣла до ушей отъ своего невольнаго восклицанія и поспѣшно прибавила, чувствуя, что сейчасъ сконфузится еще болѣе:—Я къ вамъ съ большою просьбой, Ольга Александровна: вы мнѣ предлагали когда-то принять меня въ свои ученицы.

— Я и теперь готова повторить свою просьбу, сѣге аміе, улыбалась м-ше Мейенъ, которой очень нравился и дѣтскій конфузъ, и дѣтская прямота обращенія Нади.—Вы захотѣли учиться музыкѣ? Это прекрасная мысль.

— Нѣтъ, не музыкѣ, Ольга Александровна. У меня, кажется, нѣтъ способности къ музыкѣ и это очень трудно. Пожалуйста выучите меня рисовать акварелью; я очень хочу выучиться и буду очень стараться!

Надя сказала это такъ торопливо и вмѣстѣ такъ убѣдительно и серьезно, что баронеса посмотрѣла на нее внимательнѣе прежняго.

— Съ большимъ удовольствіемъ, моя душечка, на-сколько сама умѣю, ласково отвѣтила она.—Я, признаюсь, не предполагала въ васъ любви къ рисованію... Вы рисовали когда-нибудь? Почему вы остановились именно на рисованіи?

— Я люблю цвѣты и мнѣ хочется научиться рисовать ихъ, сказала Надя, разгораясь больше.—Красками я никогда не рисовала, а карандашомъ я порядочно снимала головки, животныхъ... только давно... года три назадъ... Я думаю, что могу рисовать. Для этого, кажется, не нужно столько времени, сколько для музыки.

— О, конечно, если у васъ есть охота и способность.

— А какъ часто вы позволите мнѣ пріѣзжать къ вамъ? спросила Надя.

— Душечка моя, вы знаете, я несчастнѣйшій въ мірѣ человѣкъ; я вѣчно праздна. Я не веду хозяйства и не имѣю дѣтей, а въ деревнѣ безъ этого нечего дѣлать. Чѣмъ чаще вы, мой ангелъ, будете пріѣзжать ко мнѣ, тѣмъ болѣе доставите мнѣ наслажденія. Я никогда не думала, что мои рисовальныя таланты пригодятся кому-нибудь. Мнѣ будетъ такое удовольствіе, если мы съ вами сдѣлаемъ успѣхи. Мнѣ вы такъ, моя душечка, нравитесь.

— Значитъ, можно всякій день пріѣзжать, Ольга Александровна?

— Всякій день? Отлично!.. Чего-же лучше! Такъ вы такой ревностный художникъ? Но, милая моя, обдумали-ли вы это хорошо? Не надоѣсть-ли это вамъ очень? Не помѣшаетъ-ли это вашимъ другимъ занятіямъ? Вѣдь вы такая дѣятельная хозяйка!

— О, нѣтъ. для этого я брошу и хозяйство, и все... съ увлеченіемъ сказала Надя, неумѣвшая хитрить.

Баронеса опытнымъ взглядомъ свѣтской женщины замѣтила неспокойное отношеніе Нади къ ея будущимъ урокамъ; она видѣла, что въ этой внезапной страсти къ рисованью кроется что-то другое, болѣе серьезное, но привычки баронесы были такъ далеки отъ обычнаго провинціального кумовства и въ ея характерѣ было столько благородной доброты, что она не хотѣла останавливаться на какихъ-нибудь произвольныхъ предположеніяхъ, пока сама Надя не найдетъ нужнымъ разъяснить ей истинные мотивы своего влеченія.

Дѣло было улажено и Надя тогда-же начала свой первый урокъ. Баронеса радовалась этимъ урокамъ вѣдь-ли менѣе самой Нади. Въ ея однообразный, безжизненный бытъ внесено было этимъ столько содержанія.

Она теперь смотрѣла на Надю, какъ на взрослую свою дочь, и, несмотря на спокойствіе и обычную сдержанность, воспитанную въ ней свѣтомъ, горѣла давно незнакомымъ стремленіемъ подѣлиться съ Надей, чѣмъ только могла. Баронеса была женщина хорошо образованная для своего положенія, читала много серьезнаго и, главное, думала. Она цѣнила условія свѣта, потому что съ дѣтства не могла себя вообразить жизни, неудовлетворяющей всѣмъ требованіямъ приличія и удобства. Но видѣть съ тѣмъ ее давно не удовлетворяло отсутствіе серьезныхъ цѣлей и полезныхъ занятій въ кругу людей, среди которыхъ ей приходилось жить до сихъ поръ.

Сама она всегда читала и работала, то кистью, то за инструментомъ; но всѣ эти занятія не имѣли никакого результата, никакой опредѣленной цѣли. Они были для нея менѣе скучнымъ препровожденіемъ времени, чѣмъ будучая глѣнь или гостинная болтовня, но ничѣмъ не больше. Въ другой обстановкѣ, болѣе стѣсненной, меньше заслоненной отъ суровыхъ требованій жизни, серьезный характеръ баронесы, конечно, скоро приобрѣлъ-бы недостававшую складку энергіи и предприимчивости; но бонны, гувернантки и

учительницы, оберегавшія ея дѣтство отъ перваго года до двадцати лѣтъ, снабдили ее всякими умѣньями и знаніями, кромѣ умѣнья бороться съ настоящею жизнью и кромѣ знанія этой настоящей жизни во всѣхъ ея трудахъ и страданіяхъ. Духъ чело-вѣка, съ котораго такъ заботливо сдували всякую садившуюся на него пушинку и такъ усердно расчищали и сглаживали всѣ неровности пути, предъ нимъ открывавшагося, само собой разумѣется, не могъ уже стать активнымъ и тогда, когда онъ вполне созрѣлъ. Оттого честная и правильная мысль страннѣмъ образомъ соединялась въ баронесѣ съ полнымъ безсиліемъ примѣнить ее на дѣлѣ, повліять ею на судьбу другихъ. Способности начинанія, борьбы, рѣшительнаго стремленія къ цѣли совсѣмъ не существовало въ характерѣ баронесы. Это качество усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у нея никогда не было дѣтей. Какъ-бы ни была обезпечена судьба чело-вѣка его внѣшнимъ благополучіемъ, дѣти всегда, во всѣхъ условіяхъ, представляютъ трудную задачу, требующую энергіи, постоянства и строго поставленной цѣли. Съ ними каждый день требуется инициатива, борьба. Самъ баронъ Мейенъ до того былъ поглощенъ своими праздными интересами иностранной политики, а впоследствии еще развившеюся въ немъ отъ бездѣлья страстью къ спиритизму, что баронеса рѣдко проводила съ нимъ часы своего досуга, такъ-что и съ этой стороны не представлялось ровно никакой необходимости о чемъ-нибудь хлопотать, что-нибудь предвидѣть и предупреждать. Оттого-то деревенскій бытъ баронесы производилъ на Суровцова какое-то странное впечатлѣніе. Ему было пріятно войти въ это жилище цивилизованнаго чело-вѣка, снабженное всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ его жизнь спокойною, изящною и удобною во всѣхъ подробностяхъ; здѣсь не было никакой торопливой, кричащей роскоши разбогатѣвшаго откупщика или желающаго разбогатѣть адвоката, — роскоши, заведенной въ одинъ день, для потребности одного дня, которую такъ-же легко принять, какъ и внести, и которая составляетъ исключительно вопросъ денегъ — есть онѣ или нѣтъ ихъ. Напротивъ, вся обстановка баронесы носила на себѣ характеръ давноустановившихся, въ кровь всосавшихся привычекъ, которыя составляютъ такую-же необходимую потребность, какъ привычка умываться или имѣть постель для большинства людей; обдуманность, умѣренность и полное соответствіе всѣхъ подробностей одной съ другою — сообщали дому баро-

несы ту физиономію почтенности, тотъ букетъ дѣйствительнаго, а не театральнаго приличія, котораго никогда не имѣетъ домъ людей, недостаточно приличныхъ сами-по-себѣ, сколько-бы они ни сыпали денегъ на него. Но въ этой мягкой, слегка ароматической атмосферѣ хорошаго дворянскаго дома, слишкомъ защищеннаго отъ свободнаго дуновенья дикаго воздуха полей, чувствовалась дѣйствительно какая-то тоскливая духота. Эти установившіеся, неизмѣнные, какъ ходъ часовъ, распорядки домашней жизни, независѣвшіе ни отъ чего, что совершалось кругомъ, эти тихія, полныя самоуваженія и уваженія къ другимъ движенія прислуги по дому, тихій тонъ голосовъ, осторожное ступанье ногъ нѣсколько напоминали ему могилу и невольно заставляли его дружелюбно относиться къ тому безпорядочному, но живому шатанью изъ угла въ уголь, къ тѣмъ грубымъ, но исполненнымъ жизни шумамъ и крикамъ, которыми было такъ богато большинство обычныхъ помѣщичьихъ домовъ шишовскаго уѣзда.

Суровцовъ не разъ говорилъ объ этомъ съ Надею и Надя сама горячо присоединялась въ этомъ случаѣ къ его мнѣнію. Но и Суровцовъ, и Надя оба любили баронессу Мейенъ и цѣнили ея цивилизованныя, человѣчные взгляды на вещи, ея добрый, мягкій характеръ, чуждый шишовскаго злорадства ко всѣмъ и каждому.

— Какая жалость! говорилъ Надѣ Суровцовъ. — Иногда посмотришь на человѣка: видишь, что въ немъ все готово для хорошаго и нужнаго дѣла, и въ то-же время понимаешь, что оня этого дѣла дѣлать не будетъ, да и не можетъ... Вотъ хоть-бы Ольга Александровна... Умная барыня, добрая, съ самыми честными вкусами... И читала довольно, и думала кое-о-чемъ... И въ добавокъ талантливая какая: на всѣ руки... А вѣдь никуда не годна!.. Сбило съ ногъ воспитанье, вредная среда довольства... Вдунь смолоду огонь въ эти способности, при этой счастливой обстановкѣ, — какая-бы вышла женщина!.. Чего-бы она не сдѣлала! А теперь скинетъ-себѣ такъ, никому ненужная и не нуждаясь ни въ комъ.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

МАТЬ.

(Съ сербскаго.)

Разстиляется тьма по землѣ,
Въ отдаленіи что-то горить...
Мать съ ребенкомъ своимъ на скалѣ,
За кустами укрывшись, сидить...
Ночь свѣжѣетъ. Несчастливая мать,
Прикрывая сынишку тряпьемъ,
Тихо шепчетъ, боясь зарыдать:
„Отдохни, мы далеко идемъ!

„Здѣсь не жить намъ. Въ родной сторонѣ
Все враги истребили до тла;
Мы оставили домъ свой въ огнѣ,
Нѣтъ у насъ ни двора, ни кола.
Твой отецъ, защищая семью,
Былъ зарѣзанъ вчера по утру,
Братъ убитъ былъ въ кровавомъ бою,
А сестра... погубили сестру...

„Я бѣжала съ тобой. Можетъ быть,
Мы спасемся еще, подожди...
Мнѣ-то—мнѣ уже больше не жить,
У тебя-же вся жизнь впереди.
На послѣдній, отчаянный бой
Поднялся нашъ страдалецъ-народъ
И, быть можетъ, надъ нимъ и тобой
День желанной свободы взойдетъ.

„Долго ждали мы этого дня,
Вызвавъ къ битвѣ врага своего,
Жизнь свою ни во что не цѣня...
Ты въ грядущемъ увидишь его...

Если-жь врагъ уцѣлѣеть въ краю,—
 Будь и ты, какъ отецъ твой, бойцомъ;
 Легче разомъ погибнуть въ бою,
 Чѣмъ стонать цѣлый вѣкъ подъ ярмомъ.

„Человѣку ни гора, ни бѣда
 Хуже рабства судьба не дала.
 Если будешь рабомъ ты... Но нѣтъ!
 Не для рабства тебя я спасла.
 Для свободы спасла я тебя,
 Сберегла я тебя для любви...
 Проклиная ты не будешь меня
 За спасенье... Родной мой, живи!“

Замолчала она, а дитя
 Неподвижно лежитъ на рукахъ:
 Нѣтъ отвѣта на ласки ея,
 Нѣтъ улыбки на святыхъ устахъ,
 Взоръ открытъ съ выраженьемъ тупымъ,
 Страшенъ мертвенный холодъ чела,—
 И надъ мертвымъ ребенкомъ своимъ,
 Обезумѣвши, мать замерла.

А. Микайлловъ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОРОКЪ СЛАВЯНОФИЛЬСКАГО ИДЕАЛИЗМА.

(Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ I. Спб. 1876.)

I.

Сочиненія Аполлона Григорьева издалъ другъ его Н. Н. Страховъ. Онъ-же послѣ смерти А. Григорьева напечаталъ въ „Эпохѣ“ письма Григорьева къ нему.

Въ предисловіи Н. Н. Страховъ говоритъ, что имя А. Григорьева очень извѣстно, но значеніе его—даже для огромнаго большинства—совершенно темно. Но „одна изъ прямыхъ и простыхъ причинъ этого заключается, по словамъ Н. Н. Страхова, въ малой доступности для читающихъ самаго рода писаній Григорьева. Критика по существу дѣла есть нѣкоторое философское разсужденіе и, слѣдовательно, требуетъ особаго упражненія и усилія мысли“. Это-ли причина, что значеніе Григорьева темно для большинства? Правда, Григорьевъ писалъ не особенно ясно, язмышъ его угловатъ, тяжелъ и дубоватъ, но и для пониманія Бѣлинскаго требовалось тоже особое упражненіе и усиліе мысли, а вѣдь Бѣлинскаго читали и понимали. Значить, причина не въ этомъ. Въ чемъ-же?.. Когда Григорьевъ умеръ, а это совершилось въ сентябрѣ 1864 года, въ его портфель Н. Н. Страховъ нашель листъ бумаги, исписанный кругомъ рукою Григорьева. Листъ былъ озаглавленъ: „Краткій послужной списокъ на память моимъ старымъ и новымъ друзьямъ“. Вотъ содержаніе этого любопытнаго документа, какъ онъ напечатанъ въ „Воспоминаніяхъ“ Н. Н. Страхова.

„Въ 1844 году я пріѣхалъ въ Петербургъ, весь подъ вѣяніемъ „Дѣло“, № 9, 1876 г.

емъ той эпохи, и началъ печатать напряженнѣйшія стихотворенія, которыя, однако, очень интересовали Вѣлинскаго, чѣмъ ерундистѣе были.

„Въ 1845 году они изданы книжкою. Отзывъ Вѣлинскаго.

„Въ 1846 году я редактировалъ „Пантеонъ“ и со всѣмъ увлеченіемъ и азартомъ городилъ въ стихахъ и повѣстахъ ерундищу непроходимую. Но за то свою, не кружка.

„Въ 1847 году, поэтому, за первый свой честный трудъ, за „Антигону“, я былъ обруганъ Вѣлинскимъ хуже всякаго школьника.

„Я уѣхалъ въ Москву и тамъ несъ азартъ въ „Городскомъ Листѣ“, но опять-таки свой азартъ—и былъ обруганъ.

„Вышла странная книга Гоголя, и рука у меня не поднялась на странную книгу, проповѣдывавшую, что „съ словомъ надо обращаться честно“.

„Вышла моя статья въ „Листѣ“ и я былъ оплеванъ буквально именемъ *подлеца*...

„Въ 1848 и 1849 году я предпочелъ заниматься, пока можно было, въ потѣ лица работой переводовъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

„Въ 1850 году послалъ, не надѣясь, что она будетъ принята, статью о Фетѣ. Приняли. Я сталъ писать туда лѣтопись московскаго театра. Не надолго. Не переварилась.

„Явился Островскій и около него, какъ центра, кружокъ, въ которомъ *нашлись* всѣ мои, дотолѣ смутныя вѣрованія. Съ 1851 по 1854 г. включительно—энергія дѣятельности и ругань на меня неимовѣрная, до пѣны рта. Въ эту-же эпоху писались извѣстныя стихотворенія, во всякомъ случаѣ, замѣчательныя искренностью чувства.

„Москвитянинъ“ падалъ отъ адской скупости... „Современникъ“ началъ заискивать Островскаго и, какъ привѣсовъ, меня, думая, что поладимъ. Факты. Наѣхали въ Москву Дружининъ и Панаевъ.

„Съ 1853 по 1856 годъ, разумѣется урывками, переводилъ „Сонъ“; лѣтомъ 1856 года я *запродалъ* его Дружинину за 450 рублей.

„Лѣтомъ-же написана одна изъ серьезнѣйшихъ статей моихъ: „Объ искренности искусства“ въ „Весѣдѣ“. Молчаніе.

„Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, я явился въ „Современникъ“ съ прозвищемъ „проницательнѣйшаго изъ нашихъ критиковъ“.

„Въ 1857 году выдался случай ѣхать за границу. Тамъ я ничего не писалъ, а только думалъ. Результатомъ думы были статьи „Русскаго Слова“ въ 1859 году. Возвратъ вообще былъ блистательный. Сейчасъ-же готовились выдать патентъ на званіе оберъ-критика. Некрасовъ купилъ у меня разомъ: 1) Venezia la bella, 2) Паризину Байрона и 3) „Сонъ“ въ его будущее изданіе Шекспира.

„Въ мое отсутствіе вышли только: 1) Мои стихотворенія лучшей, москвитяниновской эпохи жизни у Старчевскаго въ „Сынѣ“, статья о критикѣ въ „Библиотекѣ“ (mention honorable съ готовымъ патентомъ на оберъ-критика) и „Сонъ“.

„При статьяхъ „Русскаго Слова“ вотъ какъ: цензоръ Гончаровъ самъ занесъ мнѣ первую съ адмираціями. При послѣдующихъ—градъ насмѣшекъ Добролюбова, взрывъ о... хохота въ „Искрѣ“ и пр. Не мало меня удивили потомъ братья Достоевскіе, Сграховъ, Аверкіевъ мнѣніемъ о нихъ, а особенно Ильинъ, катающій изъ нихъ наизусть цѣлыя тирады.

„А мысли-то мои прежнія, москвитяниновскія, вообще всѣ какъ-то получили право гражданства.

„Въ іюль въ 1859 года, въ отъѣздъ графа Кушелева, я не позволилъ г. Хмѣльницкому вымарать въ моихъ статьяхъ дорогія мнѣ имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина, Шевырева. Я былъ уволенъ отъ критики. Фактъ.

„Негдѣ было писать—я сталъ писать въ „Русскомъ Мирѣ“. Не сошлись. У Старчевскаго—не сошлись.

„Въ 1860 году привезъ отвѣтъ на дикій вздоръ Дудышкина „Пушкинъ—народный поэтъ“, читалъ Куткову—очень нравилось. Отправился въ Москву черезъ мѣсяцъ въ качествѣ критика. Статей моихъ не печатали, а заставляли дѣлать какія-то недоступныя для меня выписки о воскресныхъ школахъ и читать рукописи, не печатая, впрочемъ, ни одной изъ мною одобренныхъ (между прочимъ, „ярмарочныхъ сценъ“ Левитова) и печатая вещи Райсы Гарднеръ, обруганныя мною... Зачѣмъ меня приняли? Богъ одинъ вѣдаетъ... Факты.

„Опять въ Петербургъ. Начало „Времени“. Хорошее время и время недурныхъ моихъ статей. Но съ четвертой покойнику До-

стоевскому стало какъ-то жутко частое употребленіе именъ (нынѣ безпрестанно повторяемыхъ у насъ) Хомякова и проч.

„Вижу, что и тутъ дѣло плохо. Въ Оренбургъ.

„Воротился. Опять статьи во „Времени“... Плещеевъ писалъ между прочимъ Михаилу Михайловичу, по поводу статей о Толстомъ, что „въ статьяхъ Григорьева найдешь всегда много поучительнаго“. Еще-бы!.. Получше люди находили—да еще тирады, какъ Ильинъ, наизусть катали!

„Недурное тоже время. Ярны статьи о театрѣ—культъ Островскому, и смѣлые упреки Гоголю за многое, безцензурно и безпошлинно.

„Нецеремонно перенесъ три большихъ мѣста изъ старыхъ статей въ новыя, не находя нужнымъ этихъ мѣстъ передѣлывать. Опять обвиненъ „въ похищеніи гривенника“ возрадовавшимися этому нашими врагами и въ неизвинительной распущенности друзьями, забывшими, что цѣлый годъ изъ „Наблюдателя“, статьями цѣликомъ, какъ о Полежаевѣ, переносилъ въ „Записки“ Вѣлинскій.

„Запретъ „Времени“. Горячія статьи въ „Якорѣ“.

„Опять „Эпоха“! Опять съ тѣми-же культурами и тѣми-же достоинствами и недостатками. Редакторская цензура!..

„Ну, и что-же дѣлать? Видно и съ „Эпохой“, какъ критику, а не какъ другу, конечно, приходится разставаться... Тѣмъ болѣе... но пора кончить...“

„Послужной списокъ“ Григорьева есть конспектъ его душевной лѣтописи. Разъяснивъ ее по его письмамъ, мы поймемъ Григорьева, какъ человѣка. Григорьевъ—историческій продуктъ, онъ повтореніе въ литературѣ того, хотя съ инымъ оттѣнкомъ и въ меньшей силѣ, чѣмъ были въ живописи Брюловъ, а въ музыкѣ Глинка. Если-бы Григорьевъ ту-же собственную душу, вмѣсто того, чтобы высказывать ее словами, высказалъ звуками, у него было-бы больше почитателей и его-бы знали лучше. И это не парадоксъ. Какое былъ явленіе Григорьевъ, какой именно моментъ изображалъ онъ собой, какъ представитель извѣстнаго направленія, намъ покажутъ лучше всего его письма, а почему его направленіе осталось безъ послѣдствій—покажутъ его статьи.

II.

Григорьева заѣдало чувство „ненужности“, которое сочтется душевной болью въ каждомъ словѣ его послужного списка. Въ письмѣ отъ 11 іюля 61 года онъ говоритъ, что много-много невозможнаго нужно для того, чтобы жизнь, хоть на минуту, перестала ему представляться съ ея черныхъ сторонъ. „Самая простая вещь, пишетъ онъ, — что я рѣшительно одинъ, безъ всякаго знамени. Славянофильство также не признавало и не признаетъ меня своимъ, да я и не хотѣлъ никогда этого признанія. Одинъ человѣкъ, съ кѣмъ у меня *все* общее — Островскій; да вѣдь и о немъ, подавшемъ руку тушинцамъ, я по отношенію къ себѣ могу сказать:

А тотъ, чей острый умъ тебя и понималъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.

„Погодинъ, единственный мой политическій вождь, такъ падохъ до популярности, что изъ рукъ вонъ. Подумай-ка, много-ли людей, ищущихъ правды?..“

И затѣмъ Григорьевъ говоритъ, что есть вопросъ, который глубже и обширнѣе всѣхъ нашихъ вопросовъ того времени — и вопроса о крѣпостномъ состояніи, и вопроса о политической свободѣ, — это вопросъ о нашей умственной и нравственной самостоятельности. Этотъ вопросъ о самостоятельности явился, по словамъ Григорьева, въ допотопныхъ формахъ въ „Москвитянинѣ“, — явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями. То была пора перваго появленія Островскаго, Писемскаго, пора, когда, подъ покровительствомъ Погодина и его щитомъ, московская передовая молодежь зрѣла и формировалась. „О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, пишетъ А. Григорьевъ, — какія высокія, пророческія рѣчи лились, бывало, на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, несмотря на пьянство и безобразія, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!.. Пуста и гола жизнь послѣ этого сна...“ Еще-бы не пуста! Время увлеченія, то время, когда Лажневъ, въ порывѣ любви къ человѣчеству, обнималъ и цѣловалъ липу, — эта пора переживается, какъ извѣстно, всякимъ порядоч-

нымъ челоѣкомъ и на всякаго кладесть свое клеймо. Кружокъ, въ который попалъ Григорьевъ, находился подъ вліяніемъ Погодина и славянофильства, которое, впрочемъ, Григорьевъ то отрицалъ въ себѣ, говоря, что онъ служить славянству, то признавалъ себя несправивимымъ славянфилемъ. Но если, по словамъ Инсарова, вся штука заключалась въ томъ, чтобы выгнать турокъ изъ Европы, то штука, которой хотѣлъ кружокъ погодинскихъ учениковъ, была похитрѣе. Челоѣкъ болѣе спокойнаго ума выскочилъ-бы скоро на прямую дорогу, но Григорьевъ былъ горячій энтузіастъ, челоѣкъ очень пылкій и нетерпимый, и потому понятно, что онъ запутался,—запутался въ самой шири того, что онъ чувствовалъ, къ чему стремился, но чего нельзя было понять.

А. Григорьевъ совѣтуетъ Н. Н. Страхову сойтись повороче съ Островскимъ, потому что только у него одного можно узнать элементы будущаго возрожденія (допотопнаго бытія) въ новыхъ, стройныхъ формахъ. По поводу „Кузмы Минина“ Островскаго А. Григорьевъ говоритъ, что въ этомъ произведеніи, составляющемъ событіе, прямое быть или не быть положительному представленію народности и, можетъ быть, такой толчекъ впередъ, какаго еще и не предвидѣлось. Но, по словамъ того-же А. Григорьева, Островскій еще не все—онъ только одна сторона новой вѣры. „Если-бы я вѣрилъ только въ элементы, вносимые Островскимъ, давно-бы съ моей узкой, но относительно вѣрной и торжествующей идеей я внесъ-бы въ общее вѣявіе духа жизни... Но я-же вѣрю и знаю, что однихъ этихъ элементовъ недостаточно, что полное и цѣльное сочетаніе стихій великаго народнаго духа было только въ Пушкинѣ, что могучую односторонность исключительно народнаго, пожалуй земскаго, что скажется въ Островскомъ, должно умѣрять сочетаніе другихъ, тревожныхъ, пожалуй бродячихъ, но столь-же существенныхъ элементовъ народнаго духа въ комъ-либо другомъ. Вотъ когда рука объ руку съ выраженіемъ коренастыхъ, крѣпкихъ, дубовыхъ началъ пойдетъ и огненный, увлекающій порывъ иной силы—жизнь будетъ полна и литература опять получить свое царственное значеніе. А этого, Богъ знаетъ, дождемся-ли мы! Шутка—чего я жду!..“ Да, штука, которой хотѣлъ Инсаровъ, была проще. Но А. Григорьеву въ минуты вѣры и энтузіазма все казалось возможнымъ. Онъ

считалъ возможнымъ появленіе такого поэта, стихъ котораго ударилъ-бы по сердцамъ съ невѣдомою силою и журчаніе поэтическихъ звуковъ котораго напоило-бы весь окружающій насъ воздухъ и въ каждомъ сердцѣ забила-бы живымъ ключемъ вѣра, любовь, порывъ лиризма. „Не говори мнѣ, что я жду невозможнаго, такого, чего время не даетъ и не дастъ, пишетъ А. Григорьевъ;— жизнь есть глубокая иронія во всемъ; во времена торжества разсудка она вдругъ показываетъ оборотную сторону медали и посылаетъ Калиостро; въ вѣкъ паровыхъ машинъ — вертитъ столы и приподнимаетъ завѣсу какого-то таинственнаго, ироническаго міра духовъ, странныхъ, причудливыхъ, насмѣшливыхъ, даже похабныхъ“. И рядомъ съ этой вѣрой въ будущее идетъ полное безвѣріе въ самого себя. Въ минуты безвѣрія А. Григорьевъ называлъ себя старой, никуда негодной кобылой, и все, что зовется дѣятельностью, представлялось ему ничтожнымъ, пустымъ и мелкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что „едино есть на потребу“. Въ минуты сомнѣнія А. Григорьевъ отрицалъ всѣ направленія тогдашней журналистики, и „Современника“, и „Русскаго Вѣстника“, и всѣхъ и вся, и самого себя *par dessus le marché*... Эти тяжелыя минуты сознанія своей ненужности и полное отчаяніе безвѣрія во что-бы то ни было дѣйствовали страшно на А. Григорьева. Въ такія минуты предъ нимъ вставала безотраднѣйшая мысль безотраднѣйшей книги „Екклезіаста“,— мысль о суетѣ суетъ. „Муки во всемъ сомнѣвающагося ума — вздоръ въ сравненіи съ муками во всемъ сомнѣвающагося сердца, пишетъ А. Григорьевъ, — сердца, озлобленнаго и само на себя, и на все, что оно кружомъ видѣло... Да, я все видѣлъ надъ собою и отъ этого видѣннаго у меня въ одну ночь выросли въ бородѣ и вискахъ сѣдые волосы...“ И затѣмъ Григорьевъ говоритъ, что въ его жизни никто не виноватъ, кромѣ его прирожденнаго вѣянія. „Не въ ту струю попалъ — струя моего вѣянія отпешая, отзвучавшая, и проклятіе лежитъ на всемъ, что я ни дѣлалъ“.

То, что рассказываетъ о себѣ Григорьевъ въ „послужномъ спискѣ“ и въ одномъ изъ писемъ, могло, дѣйствительно, вызвать только самое мрачное отчаяніе и безвѣріе. Куда-бы ни являлся Григорьевъ съ своею работою, вездѣ у него срывалось, и кончалъ онъ тѣмъ, что приходилось разойтись съ журналомъ. Последнее время онъ пристроился къ „Времени“, но и

тутъ чувствовалъ себя одинокимъ. „Лучше я буду киргизовъ обучать русской грамотѣ, чѣмъ обязательно писать въ такой литературѣ, въ которой нельзя подать свободно руку хоть-бы Асоченскому, въ томъ, въ чемъ онъ правъ, и смѣло спорить съ кѣмъ угодно“. Его глубоко оскорбляло совершенно, впрочемъ, справедливое замѣчаніе М. Достоевскаго, что Кирѣевскій и Хомяковъ вовсе не глубокіе мыслители. Такая, повидному, мелочь, какъ исключеніе изъ статьи Григорьева эпитета *глубокіе*, выводила его изъ себя. Понятно, какъ онъ долженъ былъ относиться къ тѣмъ, кого онъ не считалъ людьми своего лагеря и обзывалъ тушинцами. Давая совѣтъ „Времени“, какъ ему поступить, чтобы сдѣлаться честнымъ, самостоятельнымъ и первенствующимъ органомъ, онъ говоритъ, что первое дѣло принять лозунгомъ абсолютную правду, а второе—не заводить срамной дружбы съ „Современникомъ“. „Пока не пройдутъ Добролюбовы, честному и уважающему свою мысль писателю, говоритъ Григорьевъ,—нельзя обязательно литературствовать, потому что негдѣ, потому что повсюду гонять истину, а обличать тушинцевъ совершенно бесполезно. Лично имъ это какъ къ стѣнѣ горохъ, а публика тоже вся на ихъ сторонѣ. Но понимаетъ-ли публика то, что она читаетъ, и то, что она слышитъ, понимаетъ-ли литература и журналистика то, что она дѣлаетъ?“ Григорьевъ говоритъ, что ни публика, ни журналистика не понимаютъ въ сущности ничего и играютъ въ пустыя слова. „Гласность, свобода, говоритъ Григорьевъ,—все это въ сущности для меня слова,—слова, быющія только слухъ, слова вздорныя, бессодержательныя. Гласность „Искры“, свобода „Русскаго Вѣстника“ или теоретиковъ,—неужели въ серьезныя минуты самоуглубленія можно вѣрить въ эти штуки?“ Въ Европу Григорьевъ не вѣрилъ, не вѣрилъ онъ и въ тамошнюю науку. Про себя онъ говоритъ, что онъ не консерваторъ, но и не революціонеръ. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ себя не считалъ славянофиломъ. Не вѣрилъ онъ и въ пережвѣныя формъ жизни и хотя сочувствовалъ многому, но вѣри ни во что не имѣлъ. „Дѣло иное сочувствіе и дѣло иное вѣра. Согласись, пишетъ онъ Н. Н. Страхову,—что вѣдь въ сущности и ты только сочувствуешь, а вѣришь еще плохо! Да и вѣрять-то пока не во что“. Причину этого безвѣрія, мрака и хандры, одолѣвшихъ Григорьева до апатія, до полной безнадежности, онъ

самъ объясняетъ въ одномъ письмѣ „неумолимыми заложеними аскетизма и шетизма, ничѣмъ земнымъ неудовлетворяющимися“. „Если-бъ я былъ богатъ, пишетъ Григорьевъ,—я-бы, вѣроятно, вѣчно странствовалъ и, конечно, преимущественно съ религиозными цѣлями, къ великому горю и, можетъ быть, даже смѣху васъ всѣхъ!“

Въ Григорьевѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ ему натурахъ чувство любви заключало въ себѣ много неопредѣленнаго, неяснаго, трудно-удовлетворяемаго и потому склоннаго къ религиозному мистицизму, отворачивающемуся отъ всего реальнаго и за то тѣмъ легче отдающемуся трудно-удовлетворяемому идеализму, переходящему въ мечтательность. Г. Страховъ рассказываетъ, что передъ отъѣздомъ Григорьева въ Оренбургъ его сильно мучило сомнѣніе по одному житейскому дѣлу. Онъ спрашивалъ совѣта г. Страхова и разъ даже вздумалъ настаивать, чтобы онъ рѣшилъ это дѣло за него. „Когда я отказывался рѣшить дѣло, которое я не ясно понималъ, говоритъ г. Страховъ,—онъ сталъ просить, чтобы я помолился и попросилъ рѣшенія свыше. Хмѣльной, указывая мнѣ на стѣну моей комнаты, онъ настойчиво повторялъ: *Geh und bete! Geh und bete!*“ Въ минуты приступа подобнаго душевнаго состоянія Григорьева грызла безысходная хандра. Тогда онъ глушилъ въ себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія, и когда они вставали все такъ-же свѣтлыя, непотерявшія никакихъ своихъ правъ надъ душою, „мнѣ становилось страшно, говоритъ онъ,—и я чувствовалъ, что увя! одно только глубокое, болѣзненное сожалѣніе приковываетъ меня къ моему настоящему міру, лишенному всякаго разумнаго и нравственнаго значенія“. Три раза въ Оренбургѣ онъ уже хотѣлъ все это порѣшить, и могъ тогда порѣшить, какъ пишетъ онъ. „Да, выйдешь, бывало, изъ дома, перекрестишься на церковь и вдругъ скажешь себѣ: нѣтъ, потеряю еще, пострадаю еще... Больше сея любви ничто-же есть, аще кто душу свою положить за други своя... А на душѣ отъ такого рѣшенія легче все-таки не становилось. Понятно, почему. Я зналъ, что, живя такъ дальше, я влекусь неминуемо къ гибели, не физической, а нравственной, къ жизненнымъ подлостямъ, къ потерѣ самаго дорогого — моихъ убѣжденій. Мысль зрѣла, зрѣла, тоска грызла, грызла и, разумеется, воспоследовалъ загулъ. Что затѣи было — опредѣлить трудно. Все кругомъ меня завертѣлось и, кажется, самая жизнь

сошла съума... И все это я понимаю... И, въ-концѣ-концовъ, стонетъ только одно слово: *жалъ!* жалъ и ничего не подѣлаешь! Такъ должно быть. Вотъ я нынче... и пошелъ на урокъ. Хожу по классу и диктую грамматическіе приѣтры, а что-то давить грудь, подступаетъ къ горлу и того-и-гляди прорвется истерическими рыданіями“...

Въ Григорьевѣ было очень много чувства любви, которую можно-бы назвать семейной, прародительской, исторической. И его любовь къ поэзіи имѣла тотъ-же оттѣнокъ. Онъ дорожилъ всѣмъ, что напоминало ему эпоху молодости, и потому ему было совершенно непонятно равнодушіе молодого поколѣнія къ Пушкину. Въ одномъ письмѣ Григорьевъ говоритъ, что современное молодое поколѣніе отнесется съ холодностью къ пламеннымъ строфамъ Гарольда, котораго онъ переводилъ тогда, отнесется холодно ко всему тому, „чѣмъ мы *жили*, по чему мы строили свою жизнь, — все это *не нужно*. Нужны Минаевы, некрасовскій откупъ народныхъ слезъ, статьи Добролюбова и „Искра“. Вотъ что нужно... и только!“ *Понимая* современное молодое поколѣніе, Григорьевъ жилъ любовью къ Россіи въ ея органическихъ началахъ, и тамъ, гдѣ онъ не находилъ „исторіи“, ни жизнь, ни люди, ни такое-же честное исканіе правды, какимъ отличался и самъ Григорьевъ, ему были непонятны.

Въ первомъ письмѣ изъ Оренбурга онъ пишетъ, что ничего онъ не боялся такъ, какъ жить въ городѣ безъ исторіи, преданій и памятниковъ. И вотъ какъ-разъ онъ очутился именно въ такомъ городѣ. Кругомъ глушь и степь да близость Азіи. „Городъ—смѣсь скверной деревни съ казенными домами. Ни стараго собора, ни одной чудотворной иконы—ничего, ничего“. Тверь поразила Григорьева своею мертвенностью: „точно сказочные города, которые заснули. А у нея была *исторія*,—куда-же она подѣвалась? Только великолѣпный по стилю иконостасъ испорченнаго мѣстнымъ усердіемъ собора напоминаетъ еще о бывшей жизни“. Ярославль плѣнилъ Григорьева своей неописанной красотой и онъ называетъ его настоящей столицей Поволжья, но за то онъ еще больше былъ огорченъ всѣмъ тѣмъ, что нашелъ за Казанью. Волгой Григорьевъ восхищается, но „я, говоритъ онъ,—романтикъ, вспоминалъ о ея разбойникахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ грабительство еп grand разиѣнялось на мелочь, на грабительство изво-

шиковъ и проч., а крикъ: „сарынь на кичку“, размѣнялся на безконечныя крики: „на водку!“ Съ Казанью кончаются города и начинаются сочиненныя притоны вродѣ Самары, Бузулука и Оренбурга.“

Конечно, это еще не даетъ яснаго понятія о томъ органическомъ, къ чему тяготѣлъ Григорьевъ. Но во всей исторіи прошлаго и во всемъ повомъ онъ цѣнилъ только то, что называлъ умственной и нравственной самостоятельностью. На вопросъ Н. Н. Страхова, въ чемъ она должна быть, А. Григорьевъ отвѣчаетъ такимъ вопросомъ: „Въ сферѣ науки, напр., что мы предъявимъ на судъ исторіи, какъ ты думаешь? Вѣроятно, не „Судьбы Италіи“ Кудрявцева и не „Абата Сугерія“ Грановскаго, даже не философскія статьи Каткова, а 1) объясненіе геродотовой Скифіи и другія вещи Надеждина, 2) громадную ученость и оригинальныя взгляды на жизнь и исторію Сеньковскаго, 3) уединенное мышленіе Бирѣвскаго, 4) религіозныя записки и брошюры Хомякова, да 5) погодинскія письма въ сферѣ политики“. Вотъ съ чѣмъ, по мнѣнію Григорьева, Россія должна явиться на судъ. Но что-же это такое? „Это не славянофильство“, говоритъ Григорьевъ, и въ другомъ письмѣ пишетъ, что онъ такъ-же мало славянофилъ, сколько мало западникъ, такъ-же далекъ отъ Аскоченскаго, какъ и отъ Добролюбова. „Что-же я такое? спрашиваетъ Григорьевъ.—Этого пока я еще и самъ не знаю. Прежде всего я критикъ, засимъ—человѣкъ, вѣрующій только въ жизнь“. Такъ-ли?

Какъ критикъ, Григорьевъ отличался чутьемъ, хотя въ то-же время очень часто увлекался и преувеличивалъ. Прочитавъ въ „Отеч. Запискахъ“ первую статью Щапова „Великорусскія области во времена междуцарствія“, Григорьевъ увидѣлъ въ статьѣ фактическое оправданіе всего того, что думаетъ о Руси и ея исторіи г. Островскій и что онъ самъ думалъ и гадательно высказывалъ, и затѣмъ онъ дѣлаетъ чрезъ г. Страхова замѣчаніе „Времени“, которое гоняется за такими писателями, какъ Малловъ, и не умѣетъ залучить Щапова, который носитъ въ себѣ цѣлое, совсѣмъ *новое* и вполне народное направленіе. „Какъ это журналу, толкующему, непрерывно о народности, не сойтись съ Щаповымъ и Павловымъ? Тутъ, въ этихъ статьяхъ, новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое, и въ этихъ статьяхъ, и, можетъ быть, въ „Мининѣ“ Островскаго, — идетъ на конеч-

ное истребленіе б...словія „Вѣстника“, празднословія западниковъ, суесловія „Дня“, хохлословія Костомарова и бусесловія „Современника“. А вы зѣваете да печатаете *буиство* Масловыхъ и грошовый либерализмъ... Затѣмъ онъ спрашиваетъ, какую цѣль хочетъ преслѣдовать „Время“? Иной, кромѣ знанія широкой народности, ему и имѣть нельзя; всѣ другія цѣли: социализмъ, англійское устройство, русская народность и проч., и проч. разобраны. „Еще вопросъ: гдѣ будетъ „Мининъ“? Въ „Современникѣ“ быть ему неприлично, въ „Днѣ“ невозможно, въ „Библіотекѣ“? Отчего-же не у васъ? Денегъ, что-ли, не хватитъ при пяти тысячахъ подписчиковъ? Краевскій, вѣроятно, купилъ-бы его на вѣсь золота, и хорошо-бы сдѣлалъ. Пусть Островскій положить его на вѣсы, какъ Бреннъ положилъ мечъ, и скажетъ: *vae victis*. Устранивши глупую вражду съ Островскимъ, „Записки“ съ Щаповымъ опять станутъ передовымъ органомъ, а вы зѣваете. Вѣдь пять тысячъ подписчиковъ результатъ чего — пресыщенія публики тѣмъ, что даютъ ей, и упадка „Русскаго Вѣстника“. Вѣдь это все еще въ ожиданіи будущихъ благъ отъ свѣжей новинки, поймите это, „господа и братія“. Нужна прочная основа — опредѣленность взгляда и борьба за взглядъ“. Въ этихъ словахъ Григорьевъ является чистымъ публицистомъ съ чутьемъ, является бойцомъ, знающимъ, какъ пользоваться минутой, чтобы расположить свои силы и пользоваться ими.

Вотъ весь Григорьевъ, какимъ мы его видимъ въ его письмахъ. Матеріалъ этотъ, конечно, не особенно богатый, чтобы опредѣлить вполнѣ составъ души Григорьева, и дополнить свѣденія могли-бы поэтому лучше всего его друзья. Н. Н. Страховъ и дѣлаетъ это своими примѣчаніями къ каждому письму.

Если-бы опредѣленія темперамента человѣка было совершенно достаточно для опредѣленія состава его души, то Григорьева слѣдовало назвать меланхоликомъ. Темпераментъ-ли дѣйствовалъ на его душевную дѣятельность или дѣятельность измѣняла его темпераментъ, но по общему онъ меланхоликъ, переходящій въ ипохондрика. Г. Страховъ называетъ впечатлительность Григорьева болѣзненной. Григорьевъ вообще не былъ избалованъ похвалами и на него въ литературѣ нападали постоянно, большею частію онъ не обращалъ вниманія на нападки, а иногда пустяки совершенно выбивали его изъ себя. То у него являлось какъ-будто

слишкомъ много самолюбія, то слишкомъ мало. Но сильнѣе всего дѣйствовало на него молчаніе. Въ этомъ отношеніи Григорьеву особенно не везло, и едва-ли кто-нибудь изъ писателей встрѣчалъ такъ мало публичныхъ заявленій сочувствія, какъ Григорьевъ. По словамъ г. Страхова, молчаніе вѣяло на него холодомъ и пустотою и парализовало его совершенно. Вотъ гдѣ причина, что онъ считалъ себя ненужнымъ и не находилъ себѣ мѣста въ природѣ. Ему иногда казалось, что новая жизнь, которой онъ не хотѣлъ признавать, скоро уничтожить и измѣнить всѣхъ людей его настроенія. Когда Майковъ читалъ въ кругу знакомыхъ свою еще ненапечатанную поэму „Смерть Люція“, Григорьевъ послѣ чтенія воскликнулъ: „Я умру, какъ Люцій, ни отъ чего не отрекаясь“.

Григорьевъ по чувствамъ человѣкъ общественный; онъ—боецъ, и въ минуты самаго большого личнаго страданія онъ старался искать утѣшенія въ чтеніи своихъ любимыхъ писателей. Такъ, въ Оренбургѣ, пишетъ Григорьевъ,—въ минуты горя онъ окружалъ себя страстно преданными учениками или читалъ „Минина“. „И я плачу, и все кругомъ меня плачетъ, и до ночи вѣрится, что въ жизни есть что-нибудь повыше личнаго страданія“. Въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ, въ минуты тревоги и разстройства, точно также, какъ въ минуты сильнаго возбужденія, все равно, съ виномъ или безъ вина, Григорьевъ, по словамъ г. Страхова, забывалъ о себѣ и всю мысль бросался въ сферу общихъ интересовъ. Впечатлительно-нервный, онъ не могъ ни работать, ни думать спокойно и жилъ приливами и отливами энтузіазма. За возбужденіемъ слѣдовалъ всегда упадокъ силъ, Григорьевъ тускнѣлъ, обезцвѣчивался, точно терялъ самого себя, и за тѣмъ слѣдовало смутное, тревожное исканіе идеала въ своей собственной жизни. Какъ всѣ нервики и энтузіасты Григорьевъ былъ человѣкъ въ высшей степени напряженный. У него не было ровнаго спокойствія, точнаго знанія своихъ силъ и умѣнья пользоваться ими правильно. Меланхоликъ и мистикъ, онъ звалъ себя „вѣяніемъ“ и отдавался своимъ внутреннимъ теченіямъ, думая, что непогрѣшимость лежитъ въ самой природѣ человѣка и въ безошибочной сердечной непосредственности. Отдаваясь чувству и живя чувствомъ, Григорьевъ не давалъ особенной цѣны привычкамъ и въ жизни ихъ, какъ кажется, совсѣмъ не имѣлъ. Такимъ-же

онъ былъ и въ своей работѣ. Какъ самъ говорить, начиная писать, онъ не зналъ, что онъ будетъ писать и какъ напишетъ. Увлекаемый вѣяніями, Григорьевъ не хотѣлъ дѣлать ни малѣйшей уступки чужимъ мнѣніямъ. Несмотря на то, что онъ обвинялъ другихъ, что они не ищутъ истины, самъ Григорьевъ этой истины искалъ не путемъ разсудочнымъ и не путемъ знанія, а какимъ-то внутреннимъ наитіемъ, съ мистической вѣрой, что правда сидитъ въ душѣ человѣка прирожденною. Хотя Григорьевъ нигдѣ и не высказываетъ прямо этого, но вѣра въ вѣяніе и въ какое-то призваніе свыше заставляеть думать, что Григорьевъ смотрѣлъ на себя, какъ на боговдохновеннаго пророка. Понятно, что такое воззрѣніе на себя не оправдывалось ни самою дѣятельностью Григорьева, ни тѣми истинами, которыя онъ думалъ проповѣдывать. Если онъ былъ способенъ возбудить энтузіазмъ въ людяхъ увлекающихся и молодыхъ, то едва-ли можно было ожидать, чтобы онъ воздѣйствовалъ на людей, хотя тоже отличавшихся не меньшимъ энтузіазмомъ, но мысль которыхъ была вполне опредѣленна, програма ясна и поведеніе точно. Въ столкновеніи съ этими людьми Григорьевъ долженъ былъ почувствовать свое нравственное и умственное безсиліе и, конечно, ихъ возненавидѣлъ. Искатель безусловной правды, онъ не умѣлъ жить во времени и долженъ былъ придти къ сознанию, что отъ жизни, отъ настоящаго отворачиваться безнаказанно нельзя. Такъ и случилось. Беспорядокъ души, чего-то искавшей, чѣмъ-то неудовлетворенной, отразился беспорядкомъ мысли, беспорядкомъ всего строя и склада жизни, и привелъ Григорьева къ преждевременному истощенію, упадку силъ и смерти.

Въ іюнѣ 1863 года Григорьевъ внезапно пріѣхалъ въ Петербургъ. Григорьевъ былъ въ очень дурномъ положеніи и сталъ усердно работать, чтобъ выйти изъ него. Онъ написалъ цѣлый рядъ критическихъ статей во „Время“ и мало-по-малу оправился и устроился. Къ концу года онъ даже пустился въ щегольство своимъ костюмомъ. И все это какъ-то вдругъ рухнуло, говорить г. Страховъ. „Началось это разрушеніе какъ-разъ съ начала изданія несчастнаго „Якоря“. Конечно, у самого Григорьева было желаніе имѣть такой органъ, гдѣ-бы онъ могъ вполне высказываться, потому что это ему не удавалось или не дозволяли въ другихъ органахъ, и вотъ Григорьевъ принялся горячо за

дѣло и поѣхалъ въ Москву, чтобы подобрать сотрудниковъ. Москва подѣйствовала на Григорьева дурно. Возбудила-ли она въ немъ воспоминаніе молодости и тѣхъ свѣтлыхъ минутъ, когда онъ жилъ всею душою въ мечтахъ о свѣтломъ будущемъ Россіи, правильно развившейся изъ основъ, но только Григорьевъ прогулялъ всѣ деньги и вернулся въ Петербургъ, не сдѣлавъ для журнала ничего. Григорьевъ хотя и очень трудился надъ первыми номерами „Явора“, но изъ нихъ ничего не вышло, и, увидѣвъ неудачу, онъ упалъ духомъ. Мысль и жизнь точно въ немъ выдохлись и ни объ литературѣ, ни объ Россіи имъ и сказать было нечего. Только о театрѣ онъ писалъ еще съ увлеченіемъ и статьями этими привлечь вниманіе. Къ этому-же времени принадлежить начало „Эпохи“. Григорьевъ какъ-будто приободрился, опять явился литературнымъ критикомъ; но въ этой и прежней работѣ была уже большая разница. Григорьевъ велъ беспорядочную жизнь, работалъ мало, и его денежные затрудненія не уменьшались, а увеличивались. Въ концѣ іюня, говоритъ г. Страховъ,—онъ опять попалъ въ долговое отдѣленіе. На нѣкоторое время онъ приободрился, пересталъ пить, сталъ работать усерднѣе, но это продолжалось не долго. И прежде Григорьевъ бывалъ въ подобныхъ-же положеніяхъ, но онъ легче приходилъ въ себя. Теперь-же, какъ ни возились друзья съ Григорьевымъ, что они ни дѣлали, ничто не помогало. Помощь не была помощью. Деньги, которыя бралъ Григорьевъ, исчезали, точно онъ ихъ ронялъ въ воду, и на другой день онъ опять въ нихъ нуждался и опять просилъ. Друзья недоумѣвали и не знали, что дѣлать. Нужно было выждать, не придетъ-ли Григорьевъ въ порядокъ самъ, но онъ въ порядокъ не приходилъ, и даже освобожденіе его изъ долгового отдѣленія по желанію одной, незнакомой ему дамы, не привело ни къ чему. Черезъ четыре дня послѣ освобожденія Григорьевъ умеръ. Умственная и практическая беспорядочность убили человѣка, который при другихъ условіяхъ не раскидалъ-бы такъ своихъ способностей и силъ.

Что говорить объ этомъ человѣкѣ, послѣдней волнѣ того теченія, которое было такъ сильно въ пору молодости Григорьева! Это теченіе заѣло не его одного и только одно оно было причиною, что Григорьевъ былъ не въ силахъ понять своего времени и примкнуть къ новому направленію. „Вѣяніе“ не привело его ни

бъ какому берегу, а породило только безпорядокъ въ мысляхъ и чувствахъ и отняло всякое жизненное значеніе даже отъ всего того, что онъ носилъ въ себѣ хорошаго. И причиной этого былъ все тотъ-же мечтательный и злополучный славянизмъ и „основы“, которые заставили Григорьева закрыть глаза отъ жизни и уйти въ мечты о недостижимомъ. Самъ Григорьевъ говорилъ, что жизнь иститъ тѣмъ, кто отъ нея отворачивается, и выкидываетъ ихъ изъ себя. Такъ она и поступила съ Григорьевымъ. Можно сказать, что Григорьева заѣлъ славянизмъ, заѣла ошибочная мысль и вѣра въ самобытность какихъ-то славянскихъ основъ, не тѣхъ основъ народности, которыя каждому народу создаютъ его европейскій, типическій видъ, а тѣхъ основъ, съ которыми будто-бы мы, русскіе, призваны исправить культурныя ошибки Европы и дать мировому прогрессу иное, славянское направленіе. Григорьевъ былъ послѣднимъ могоиканомъ этого направленія, послѣднимъ выразителемъ старой вѣры, и если ему не пришлось, подобно Юліану-отступнику, сказать: ты побѣдилъ, галилеянинъ, то это придется сказать тѣмъ, кто послѣ Григорьева вздумалъ-бы молиться старымъ богамъ.

Если-бы Григорьевъ былъ человѣкомъ съ политической жилкой, конечно, онъ понялъ-бы всѣ свои ошибки. Въ жизнь нельзя выступать съ одними вѣяніями, а ей нужно давать готовую программу. Григорьевъ хотѣлъ начать съ того, чѣмъ можно только кончить. Онъ бесплодно гонялся за мечтательнымъ идеаломъ и называлъ теоретиками тѣхъ, кто въ сущности были истинными общественными практиками. Оттого Григорьеву и былъ такъ ненавистенъ реализмъ, а „Міръ Божій“ г. Разина онъ считалъ чуть-ли не богохульной и развращающей книгой.

III.

У Ап. Григорьева было много мыслей, подъ которыми подписался-бы любой изъ тѣхъ, кого Григорьевъ называлъ тушинцами и теоретиками. Мысли эти ввели многихъ въ недоумѣніе, и пока Григорьевъ не выяснился, его готовы были залучить въ критики журналы самыхъ противоположныхъ направленій. Это лучше всего доказываетъ, что то *свое*, которымъ Григорьевъ хотѣлъ отли-

чатся, было слишкомъ неясно и неопредѣленно. Не могло-бы этого, конечно, случиться, если-бъ Григорьевъ обладалъ точнымъ, яснымъ взглядомъ, выработанными принципами, установившимся мировоззрѣніемъ, а не одиными правильными, а чаще неправильными мыслями. Правильныя мысли больше всего сбивали съ толку поклонниковъ Ап. Григорьева, да, пожалуй, и нынче еще вводятъ въ недоразумѣніе фельетонныхъ критиковъ.

Говоря о „значеніи комедіи Островскаго въ литературѣ и на сценѣ“, Ап. Григорьевъ старается опредѣлить, что такое народность въ литературѣ. Онъ раздѣляетъ народъ въ обширномъ смыслѣ отъ народа въ тѣсномъ смыслѣ. Народъ въ обширномъ смыслѣ—собирательное лицо, слагающееся изъ чертъ всѣхъ классовъ народа, высшихъ и низшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ. Это, такъ-сказать, средній человѣкъ, имѣющій общую, типическую, характерную фізіономію, физическую и нравственную, которой онъ отличается отъ другихъ собирательныхъ народныхъ единицъ. Подъ именемъ-же народа въ тѣсномъ смыслѣ онъ понимаетъ ту часть его, которая наиболѣе, сравнительно съ другими, находится въ непосредственномъ, неразвитомъ состояніи. Литература будетъ народной въ первомъ смыслѣ, если она отражаетъ взглядъ на жизнь, свойственный всему народу, но опредѣлившійся съ большею точностью и художественностью въ передовыхъ ея слояхъ. Въ тѣсномъ-же смыслѣ литература будетъ народной, если она приравнивается къ взглядамъ, понятіямъ, вкусамъ неразвитой массы для ея воспитанія, или-же изучаетъ эту массу, какъ нѣчто отдѣльное, даже чудное, чтобы знакомить съ нею развитые слои общества. Въ обоихъ случаяхъ предполагается извѣстная разрозненность; но въ первомъ смыслѣ народность литературы есть понятіе безусловное, лежащее какъ-бы въ природѣ, а во второмъ это понятіе относительное, обязанное своимъ происхожденіемъ болѣзненному факту. Подобную литературу Ап. Григорьевъ не считалъ художественной.

Вѣрно-ли такое дѣленіе? Съ перваго взгляда—да, а въ сущности—нѣтъ. Совершенно справедливо, что французы противопоставляютъ слову *nationalité* терминъ *popularité*. Но неужели Григорьевъ не счелъ-бы художественнымъ такое произведеніе изъ жизни народа въ тѣсномъ смыслѣ, въ которомъ представлялись-бы его понятія и чувства, и мысли, и драматическія положенія, и

высшій, потрясающій трагизмъ, неизвѣстный людямъ интеллигенціи? Почему-же, если изображеніе будетъ художественно, т. е. если не будетъ похоже ни на статистику, ни на этнографію, а даетъ живое, потрясающее изображеніе внутренняго душевнаго міра простолюдина, оно не будетъ художественно? Развѣ Островскій своими комедіями не открылъ невѣдомый, новый міръ, развѣ онъ не ознакомилъ развитыхъ людей, развитое общество съ чудными сторонами купцовъ и простолюдиновъ, и почему, въ такомъ случаѣ, Ап. Григорьевъ считалъ Островскаго первымъ русскимъ писателемъ? Мы ставимъ этотъ вопросъ, конечно, не для того, чтобы опровергать Ап. Григорьева, а только для того, чтобы указать на неточность и неясность его мысли. Ап. Григорьевъ говоритъ, что народная литература во второмъ смыслѣ не больше, какъ педагогика или естественная исторія. А искусство, если и беретъ типъ изъ міра въ тѣсномъ смыслѣ народнаго, то показываетъ только то, что цѣльнѣе въ этомъ мірѣ удерживаетъ и обозначаетъ типъ общей родовой національности, одинаково общей всѣмъ слоямъ. Если брать это опредѣленіе прямо, придется, конечно, исключить цѣлую массу произведеній и вычеркнуть изъ литературы „Записки охотника“, на что Григорьевъ, конечно-бы, не согласился. Какъ обобщеніе и, пожалуй, какъ тенденція, мысль Григорьева можетъ быть принята, но она, во всякомъ случаѣ и несмотря на свою кажущуюся широту, одностороння и однопредметна. Пускай народная литература въ тѣсномъ смыслѣ обязана своимъ происхожденіемъ болѣзненному факту, но вѣдь она сама по себѣ фактъ и такой-же фактъ и ея художественное воспроизведеніе. Значить, игнорируя цѣлую область литературы народныхъ типовъ, не чудные, не этнографическіе, а чисто творческо-психологическіе, Григорьевъ только противорѣчитъ себѣ. Прежде, чѣмъ узнать, общія или не общія черты изображаются художественной литературой, нужно обрисовать всѣ черты. И только тогда, когда онѣ явятся, можно ихъ разсорттировать и сказать, что вѣрно, что невѣрно, что общее, что не общее.

Самъ Ап. Григорьевъ говоритъ, что когда приходится говорить о литературѣ греческой, англійской, итальянской, испанской, даже нѣмецкой и французской, никому и въ голову не приходитъ спросить, народные-ли поэты Гомеръ и Софоклъ, Шекспиръ и Байронъ, Дантъ и Аріосто, Гете и Шиллеръ, даже Расинъ,

Мольеръ, Беранже. Отчего-же, какъ только мы, русскіе, беремъ за кого-либо изъ нашихъ поэтовъ, первый вопросъ, народенъ-ли онъ и въ какой степени народенъ? Что за тревожное исканіе своей народности? Есть-ли ему основаніе? Что оно доказываетъ? Съ другой стороны, если мы возьмемъ нашу прежнюю письменность, отъ Нестора до Посошкова, то никому даже и не явится вопросъ: народна-ли эта письменность? Въ-третьихъ, какія мысли и какой языкъ пойметъ и почувствуетъ полнѣе русскій человѣкъ? Тѣ-ли, которые онъ встрѣтитъ у Посошкова, или-же тѣ, которые найдетъ у цивилизованныхъ писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка? Наконецъ, почему самый неразвитый и необразованный нѣмецъ пойметъ и уможъ, и чувствомъ гораздо лучше Гете и Шиллера, чѣмъ кого-нибудь изъ своихъ древнихъ писателей? Поставивъ эти вопросы, Григорьевъ вовсе ихъ не разрѣшаетъ такъ, какъ можно было ожидать. Онъ на факты желаетъ отвѣчать фактами и цитируетъ нѣкоторыя мѣста изъ нашихъ прежнихъ письменныхъ памятниковъ, — мѣста, выбранныя необыкновенно удачно, такъ, напр., такое мѣсто о совѣщаніи Владиміра съ Святополкомъ о походѣ на половцевъ:

„Въ лѣто 6619 вложи Богъ Володимерю въ сердце, и нача глаголати къ брату своему Святополку, понужая его на поганья, на весну. Святополкъ-же повѣда дружинѣ своей рѣчь Володимерю: они-же рекоша: не время нынѣ погубити смерды отъ ролью. И посла Святополкъ къ Володимерю, глаголя: да быхомъ ся сняли и о томъ подумали быхомъ съ дружиною. Посланныи-же приидоша къ Володимерю и повѣдоша всю рѣчь Святополчу, и прииде Володимеръ и срѣтостася на Долобскѣ и сѣдоша въ единомъ шатрѣ — Святополкъ съ своею дружиною и Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью, и рече Володимеръ: брате! ты еси старѣй; почни глаголати, какъ быхомъ промыслили о русьской земли. И рече Святополкъ: брате! ты почни. И рече Володимеръ: како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хочешь погубити смерды и ролью смердомъ? Но се дивно ми, брате, иже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, еже на весну начнетъ смердь тотъ орати лошадыю тою, — и прѣхавъ половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту, и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мыслите?“ И рекоша вся дружина: право, во истину тако

есть. И рече Святополкъ: „се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою“, и посласта ко Давыдови Святославичю, велячи ему съ собою. И оставъ Володимерь и Святополкъ и цѣловастася, и поидоста на половцѣ...“

Эту выписку мы сдѣлали для того, чтобы указать яснѣе, въ чемъ ошибка Григорьева. Разсказъ, дѣйствительно, очень простъ и въ немъ есть много драгоценныхъ русскихъ чертъ, которыя и теперь сохранились въ народѣ. Сперва братья помолчали, потомъ каждый изъ нихъ сталъ отговариваться говорить первымъ. И мышленіе, и складъ рѣчи, и все тутъ чисто-русское, люди точно живые, и описаніе вполне художественное. Такъ-же мѣтокъ и языкъ Пососшкова, котораго приводитъ Григорьевъ, но только что-же изъ этого слѣдуетъ? Согласимся мы и съ тѣмъ, что языкъ Сумарокова и Новикова изящнѣе, проще и живѣе языка критическихъ статей нашихъ журналовъ. Но вѣдь языкъ библіи и Одиссеи еще сильнѣе и непосредственнѣе и дѣйствуетъ гораздо глубже. Мы-бы попросили Григорьева изложить разсказъ о совѣщаніи Святополка съ Владиміромъ теперешнимъ языкомъ съ подстрочною вѣрностью. Пускай онъ изложить съ тою-же подстрочною вѣрностью и библію, и Гомера,—получится-ли та-же гармонія языка и сила рѣчи? Пусть вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попробуетъ изложить языкомъ гѣтописей или славяно-библейскимъ хотя новѣйшій психологическій романъ Диккенса, Теккерея или „Мертвыя души“ Гоголя. Мы согласны, что теперешній языкъ не производит и не можетъ производить обаянія, но вѣдь это культурный фактъ и къ нему можно относиться только какъ къ факту. Святославъ и Владиміръ Мономахъ ни по понятіямъ, ни по языку, ничѣмъ не отличались отъ своей дружины и говорили не языкомъ мысли, а языкомъ чувства; теперь-же языкъ преимущественно языкъ мысли, потому что жизнь стала жизнью мысли. Непосредственность, по крайней мѣрѣ, въ своей односторонней формѣ, какъ въ библейскія времена, уже не существуетъ; воротиться къ ней невозможно; наслѣдство памяти, пріобрѣтенное человечествомъ тысячелѣтіями, уничтожить тоже нельзя. Въ нихъ-то и заключается цивилизація и прогрессъ. Зачѣмъ-же эти сожалѣнія и вздохи о прошломъ и стремленіе къ жизни чувствомъ? Или теперешнія чувства стали хуже? Нѣтъ, они не хуже. Или они грубѣе? Нѣтъ, они не грубѣе! Чувство нынче стало тоньше, какъ стала тоньше мысль. И

потому, что чувство и мысль стали тоньше, разнообразіе, приобрѣли множество оттѣнковъ, какихъ они не имѣли, сталъ разнообразіе и тоньше языкъ. Наши переводчики съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ очень хорошо знаютъ, какого труда стоитъ переводить разные оттѣнки европейскихъ чувствъ и мыслей на русскій языкъ. Вѣдь не явилось-бы у насъ 32,000 иностранныхъ словъ, если-бы русскимъ языкомъ, хотя-бы языкомъ Владиміра Мономаха, можно было переводить все, что европейцы думаютъ, чувствуютъ и говорятъ. Григорьевъ, конечно, правъ. что мы пишемъ и говоримъ дурно и многогѣчиво. Но вѣдь это вопросъ вовсе не народности и не вопросъ славянства, и не вопросъ того, чтобы Владиміръ Мономахъ относительно своего времени былъ культурнѣе, цивилизованнѣе и дальше, чѣмъ мы. Слѣдовательно, тѣмъ способомъ, какъ думаетъ разрѣшить вопросъ Григорьевъ, разрѣшить его нельзя. Правильная-же постановка заключалась-бы въ томъ, что достаточно-ли точно и опредѣленно мы выражаемъ свои мысли, охватываетъ-ли нашъ языкъ съ достаточною полнотою всѣ оттѣнки чувствъ и мыслей и такъ-ли относительно полно мы выражаемъ свою теперешнюю думу, какъ выражалъ ее хоть-бы Владиміръ Мономахъ? Тутъ, въ сущности, народъ не причемъ, и вопросъ не въ Владимірѣ Мономахѣ и Посошковѣ, а въ другомъ. Если Сумароковъ и Новиковъ выражали свои мысли и чувства сильнѣе и полнѣе, чѣмъ мы, зачѣмъ понадобился Владиміръ Мономахъ? Вѣдь англичане, американцы, французы и нѣмцы, которые, по словамъ Григорьева, понимаютъ Гете лучше, чѣмъ своихъ лѣтописцевъ, не станутъ искать поученія въ своихъ Несторахъ и Посошковыхъ. А отчего? Только оттого, что они теперь думаютъ и говорятъ гораздо лучше, чѣмъ думали и говорили ихъ предки. Чтобы быть доказательнымъ, Григорьевъ съ большимъ успѣхомъ могъ-бы сослаться на Демосфена, Цицерона, Берка, Генри Патрика, старика Питта, Брайта, Пальмерстона и, пожалуй, даже лорда Дерби. По крайней мѣрѣ, эта ссылка была-бы прогрессивной и вполне ясной, неводящей никого въ недоразумѣніе. Здѣсь вопросъ общій, а не частный, вопросъ не исключительно русскій или славянскій и не вопросъ чувства или національности, а вопросъ исключительно разсудочный, разрѣшаемый гораздо проще исторіей, чѣмъ смутнымъ мистицизмомъ.

Аполлонъ Григорьевъ никогда не договариваетъ до конца

и, указывая на фактъ, не даетъ ему никакого объясненія. Зато у Григорьева чувствуется бьющаяся любящая жилка, чувствуется какая-то ширь, что-то захватывающее какъ-будто очень глубоко. Но и это не больше, какъ оптический обманъ. Вся ширина и глубина Григорьева происходятъ оттого, что онъ въ сущности порывающійся энтузіастъ. Чѣмъ мысль туманнѣе, тѣмъ она всегда кажется шире, потому что у нея нѣтъ границъ, и читатель въ этомъ безграничномъ пространствѣ имѣетъ полную возможность пустить еще безграничнѣе свою собственную фантазію. Еще-бы не расшевелиться и не разогрѣться, еще-бы не мечтать о шири и просторѣ! Но когда отнесешься къ этому простору съ мѣрой пространства и времени, окажется, что въ немъ гораздо тѣснѣе и чувству, и мысли, что онъ парализуетъ чувство активной жизни и возбуждаетъ только чувство фантазіи и мечтательности. Это не дон-кихотство, какъ любилъ называть свои порывы Ап. Григорьевъ, а чистая обломовщина. Аполлонъ Григорьевъ, выставляя свое знамя народности, ни разу и ни въ чемъ не далъ ея осязательно, и читатель, чувствуя всю ширь григорьевскаго размаха, все-таки и до сихъ поръ не понялъ изъ его сочиненій, что такое народность и въ чемъ она заключается. Григорьевская народность вышла вродѣ фотографіи духовъ те-перешнихъ спиритовъ.

IV.

Есть у Григорьева статья о „Правдѣ и искренности въ искусствѣ“. Статья эта была написана по поводу вопроса, поставленнаго Хомяковымъ: имѣеть-ли право художникъ переноситься въ совершенно чуждыя ему состоянія духа, міросозерцанія и строя чувствованій? Григорьевъ говоритъ, что сущность этого вопроса, ядро его содержащаго, есть завѣтнѣйшій вопросъ настоящей минуты—вопросъ о правдѣ, вопросъ объ искренности отношенія художника къ жизни и объ искренности его таланта. Статья, какъ всѣ статьи Григорьева, написана съ широкимъ размахомъ, но въ сущности тоже указываетъ только на журавля въ небѣ. Григорьевъ говоритъ, что художникъ, какъ сынъ извѣстнаго вѣка, какъ членъ извѣстной церкви и членъ извѣстнаго народа, не можетъ

переноситься въ міросозерцаніе и строй чувствованій, чуждый ему „какъ таковому“. Только въ этомъ его правда, а иначе онъ придетъ къ фальши. Писатель не можетъ заставлять мыслить, вѣрить и чувствовать другихъ иначе, чѣмъ онъ самъ мыслить, вѣрить и чувствуетъ. Поэтъ долженъ самъ все то чувствовать и самъ долженъ быть въ состояніи все то сдѣлать, что чувствуютъ и дѣлаютъ выводимыя имъ лица. Если поэтъ не можетъ, такъ-сказать, олицетворить положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ своей души, не можетъ пережить въ себѣ всѣхъ ея процессовъ, онъ, конечно, не тронетъ и читателя. Шекспиръ носилъ въ своей душѣ слѣды всѣхъ тѣхъ чувствъ и дѣйствій, которыя онъ изобразилъ. Гёте, поэтъ личности, не могъ отрѣшиться отъ себя никогда и въ созерцаніе великихъ народныхъ событій всегда вводилъ свои личныя, мелочныя пружины. Въ „Коринской невѣстѣ“ Гёте не грекъ, а новый человекъ и протестантъ. Въ „Баядеркѣ“ Гёте опять не индеецъ-паптеистъ, а спинозистъ. Шиллеръ тоже оставался вѣренъ началу правды и протестантское отрицаніе старался осмыслить и узаконить въ какихъ-либо положительныхъ формахъ. Эти странныя мысли какъ-то неловко читать у Григорьева, обыкновенно стремящагося къ очень широкимъ обобщеніямъ. Но разгадку вопроса найти легко, потому что въ сущности ширина григорьевскаго размаха вовсе не такъ велика. Григорьевъ думаетъ, что если поэтъ или художникъ уходитъ въ чуждый ему міръ, то это не больше, какъ или напряженность, или капризъ сильнаго таланта, которому хочется попытать свои силы вездѣ, а иногда, какъ у Гейне, просто печальное послѣдствіе самолюбія. Вообще Григорьевъ не изъ поклонниковъ Гейне. Онъ находитъ, что у Гейне небольшой талантъ и что ему очень хотѣлось чѣмъ-нибудь выдѣлиться и обратить на себя вниманіе. Претензіи Гейне были, по мнѣнію Григорьева, гораздо больше его творческихъ силъ.

Григорьевъ доказываетъ, что если художникъ не увлекается ни капризомъ, ни самолюбіемъ, если онъ будетъ непосредственъ и искрененъ, то онъ всегда будетъ правдивъ и нравственъ. Слѣдовательно, вопросъ о правдѣ есть въ то-же время и вопросъ о нравственности. Вопросъ этотъ не новый. Одни мыслители отвергали нравственность въ художествѣ и считали искусство проводникомъ полезнаго въ моральномъ и общественномъ смыслѣ; дру-

гихъ такое опредѣленіе возмущало, и по родству искусства слова съ живописью, музыкой и ваяніемъ, которыя полезны быть не могутъ, они высказывали положенія, что искусство есть само себѣ цѣль и внѣ себя цѣли никакой не имѣетъ и имѣть не должно. Разбирая, кто и какъ стоялъ за это дѣленіе, Григорьевъ указываетъ на противорѣчія и говоритъ, что въ-концѣ-концовъ всѣ истинные художники видѣли въ искусствѣ великую, ввѣренную имъ, міровую силу, назначенную служить на пользу души человѣческой и пользу жизни общественной. Что-же касается протеста, то онъ явился отъ узкаго пониманія „той пользы матеріальной, которая выражается, на примѣръ, въ очищеніи улицъ, говоритъ Григорьевъ, — но не даетъ вообще жизнь духа, выраженіемъ которой служить искусство; безъ этихъ выраженій, безъ этихъ въ глазахъ поборниковъ полезности побасенокъ оледенѣла, омертвѣла-бы жизнь и человѣчество впадо-бы въ такое состояніе, въ которомъ самое очищеніе улицъ было-бы излишнимъ“.

Въ моменты непосредственнаго творчества, въ эпохи, на примѣръ, Данта, Шекспира, даже Мольера, никому не являлся вопросъ о разъединеніи въ искусствѣ элемента чистаго творчества и элемента общественнаго служенія. У каждаго изъ этихъ поэтовъ вошли въ ихъ произведенія всѣ національныя представленія, всѣ ихъ идеалы человѣческаго достоинства и величія, и только уже впоследствии возникъ вопросъ о раздѣленіи. Мысль о немъ явилась у нѣмцевъ и отъ нѣмцевъ она перешла къ намъ. Такъ-какъ этотъ вопросъ пришелъ къ намъ извнѣ, и именно въ эпоху сильнаго вліянія германскаго ученія объ искусствѣ, то значеніе его у насъ и не важно. Не важно оно потому, что въ самой натурѣ нашихъ писателей не лежало и не лежитъ рѣзкаго раздѣленія между художникомъ и человѣкомъ, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что жизнь наша крѣпко связана съ корнями, какъ ни старались разрубить эту связь различныя иноземныя вліянія, что у насъ есть завѣтные идеалы, есть свои, сложившіяся въ прошедшемъ и до сихъ поръ живущія въ настоящемъ созерцанія, что у насъ не кончился даже періодъ безличнаго, непосредственнаго творчества. Стало быть, съ раздвоеніемъ мы имѣемъ дѣло какъ съ теоріей, а не какъ съ жизнью.

И сейчасъ-же дальше Григорьевъ какъ-бы старается выпу-

таться изъ ловушки, которую самъ себѣ поставилъ всѣми этими разсужденіями. Сказавъ сначала „нравственность“, онъ затѣмъ заимѣняетъ ее словомъ „жизнь“. Но вѣдь если жизнь—нравственность, то и всякое изображеніе жизни будетъ нравственно, а какъ, въ то-же время, всякая жизнь провѣряется „идеаломъ“, то говорить „нравственность“ „жизнь“, въ сущности значитъ не сказать ничего. Жизнь жизни рознь и выраженіе выраженію рознь, говоритъ самъ Григорьевъ. У жизни есть не одно настоящее, а есть прошедшее и будущее, и только то въ ея настоящемъ существенно, что такъ или иначе, положительно или отрицательно связано съ прошедшимъ, что носитъ въ себѣ сѣмена будущаго. Такимъ образомъ, Григорьевъ не все жизненное считаетъ нравственнымъ, а только то, у чего есть будущее. По его словамъ, есть настоящее вполне безошибочное и есть настоящее, которое нужно разсматривать, какъ божье поущеніе. Это божье поущеніе въ настоящемъ, конечно, возникло изъ какого-нибудь поущенія предыдущаго. Но хотя оно явленіе и жизненное, оно, во всякомъ случаѣ, ошибка и въ немъ нельзя и не слѣдуетъ искать „соизволенія“ для искусства. Искусство должно осмысливать жизнь, опредѣлять явленія положительно или отрицательно, оно должно относиться къ жизни съ идеаломъ, съ свѣтомъ, озаряющимъ случайности, и каждой случайности или цѣлому ихъ ряду опредѣлять законное мѣсто. Этимъ путемъ искусство подходитъ къ явленіямъ жизни съ высшей нравственной мѣрой, сложенной изъ созерцаній коренныхъ, глубочайшихъ основъ и разумныхъ законовъ жизни.

Мы думаемъ, что довольно и этихъ указаній на мысль Григорьева, чтобы увидѣть, на-сколько въ дѣйствительности вовсе не широко и глубоко онъ мыслить и какъ даже путается понятія. То, что онъ говоритъ, могло-бы быть высказано критиками самыхъ противоположныхъ направлений. Но какъ въ то-же время известна основная тенденція Григорьева, то и становится совершенно ясной непоследовательность, въ которую онъ впадаетъ. Григорьева мы знаемъ, какъ проповѣдника непосредственности, какъ проповѣдника какого-то высшаго, мистическаго творчества, которому правда дается сама собою въ лицѣ особенныхъ избранниковъ. И вотъ тутъ-то и становится ясна сбивчивость понятій Григорьева. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что Дантъ, Шекспиръ и

вообще творцы и поэты времени, предшествовавшего XVIII столѣтїю, не разъединяли въ искусствѣ элементовъ чистаго творчества и элементовъ общественнаго служенія, выходили прямо изъ народныхъ представленій и въ нихъ черпали свои идеалы о человѣческомъ достоинствѣ и величіи. Потому онѣ говорятъ, что когда явилось разъединеніе, то оно пришло къ намъ извнѣ, отъ нѣмцевъ, а что у насъ будто-бы человѣкъ и художникъ не отличаются однимъ отъ другого, что мы еще до сихъ поръ творимъ непосредственно, по-просту, безлично, и раздвоеніе у насъ не больше, какъ теорія. Но въ то-же время Григорьевъ допускаетъ и божье поущеніе, допускаетъ уклоненіе въ настоящемъ, а, слѣдовательно, и въ прошедшемъ. и велитъ художнику осмысливать жизнь, понимать разомъ ея явленія, отличать положительное и отрицательное, всему опредѣлять мѣру и мѣсто и подойти къ явленіямъ съ высшею нравственною мѣрою, сложенною изъ созерцаній коренныхъ, глубочайшихъ основъ и разумныхъ законовъ жизни. Какъ-же поступитъ русскому писателю? Широко и красиво расписываетъ Григорьевъ его обязанности, но въ то-же время сбиваетъ его съ окончательнаго толку. Если мы живемъ въ періодъ непосредственнаго творчества и не обязаны ничего знать, ничего думать, то довольно написать то, что Богъ положитъ на душу, и это выйдетъ правда. Но какъ, по словамъ Григорьева, Богъ посылаетъ и поущенія, а Григорьевъ требуетъ, чтобы художникъ подходилъ къ явленіямъ жизни съ знаніемъ коренныхъ, глубочайшихъ основъ, то писателю, нежелающему поступить съ уклоненіемъ отъ законовъ, остается только развести руками и положить на-вѣки перо.

Мы вовсе не отрицаемъ, что должна гдѣ-нибудь существовать и абсолютная правда, непогрѣшимая, непреложная и истинная. Но какъ жизнь заключается только въ стремленіи къ ней, то считаемъ для писателей совершенно достаточнымъ, если они будутъ придерживаться очень хорошаго рецепта на этотъ счетъ Лессинга. Что-же касается Григорьева, то его постоянная ширь и паренье, можетъ быть, и обхватывающія душу священнымъ трепетомъ, порождаютъ въ мысляхъ только противорѣчіе. Съ одной стороны, Григорьевъ требуетъ непосредственности, съ другой—непремѣннаго знанія законовъ міровой нравственности. Григорьевъ смотритъ въ такой громадный телескопъ и въ такое от-

даленное пространство, видѣть которое не удалось еще до сихъ поръ ни одному астроному. Кому нужны эти недосыгаемые миллиарды въ туманѣ и у какого человѣка жизни достанетъ отваги идти въ такую даль? Вѣдь жить хочется, г. Страховъ, а вы намъ даете Ап. Григорьева, какъ непогрѣшимого мудреца, безъ котораго мы должны заблудиться.

И вотъ этотъ непогрѣшимый мудрецъ, говоря въ одномъ мѣстѣ, что нужно касаться вопросовъ по очереди, затѣмъ ставитъ на очередь своего журавля въ небѣ и перескакиваетъ черезъ пространство и время. Онъ обвиняетъ затѣмъ новыхъ писателей и указываетъ, напримѣръ, Шекспира, который великъ будто-бы только потому, что выразилъ собой народное мировоззрѣніе. Но вѣдь прежде всего Шекспиръ былъ великъ потому, что онъ былъ уменъ и разнообразенъ и зналъ человѣческую душу, какъ свои пять пальцевъ; а, во-вторыхъ, Шекспиръ даже и въ тѣ времена былъ соціально-политическій мыслитель. Этого издатель Ап. Григорьева, конечно, отрицать не будетъ. Что тогда было больше единства въ воззрѣніяхъ и люди меньше расходились и въ крупныхъ, и въ мелкихъ понятіяхъ и что они разошлись съ половины XVIII вѣка,—обстоятельство это Ап. Григорьевъ обходитъ и игнорируетъ. Какъ-бы писатель ни творилъ непосредственно, онъ всегда чадо времени, среды и обстоятельствъ. Этого не отрицаетъ и самъ Ап. Григорьевъ, который, можетъ быть, больше, чѣмъ кто-либо, чадо вліяній выростившаго его московскаго кружка. А вліянія кружка были не непосредственны. Когда члены его проводили цѣлыя ночи за спорами и изліяніями, когда они горѣли такой пылкой любовью къ Россіи и мечтали сдѣлать ее счастливой, вѣдь не непосредственность двигала ихъ мыслью и заставляла биться сердца, а мысли и идеи, факты русской жизни, былой и настоящей, и наша исторія, и исторія Запада, и исторія его идей, и критическое отношеніе къ тому, что совершалось и тамъ, и у насъ,—однимъ словомъ, цѣлая масса самыхъ многостороннихъ, мелкихъ и крупныхъ, знаній. Самъ Ап. Григорьевъ, какъ нравственный образъ и какъ критикъ, есть результатъ этихъ знаній, и если онъ вышелъ одностороненъ и однопредметенъ, то, конечно, только потому, что усвоилъ себѣ лишь факты одного, извѣстнаго порядка, отдалъ предпочтеніе однимъ передъ другими. Какъ искатель правды и истины Григорьевъ, конечно,

правъ. Но что такое истина? По единственному опредѣленію, которое о ней имѣется, истина есть то, что считается истиной въ данный моментъ. Другой дѣйствительной истины, осязательной, которую-бы можно взять въ руки и показать, на свѣтѣ не существуетъ. Если то, что большинствомъ принимается за истину, двигаетъ цѣлымъ обществомъ въ данный моментъ, то эту двигающую идею слѣдуетъ признать истиной, слѣдовало принять ее и Григорьеву, вѣрившему въ непосредственность и въ народную безошибочность. Но Григорьевъ такую истину отрицалъ, онъ хотѣлъ правды и истины абсолютной и, конечно, ее не нашелъ. Отрицая истину относительную, онъ обрушился и на проповѣдниковъ и искателей ее. Но истина абсолютная развѣ не та-же квадратура круга!

Порицая Жоржъ-Занда, Григорьевъ снова возвращается къ Шекспиру, Данту, Сервантесу и говоритъ, что въ эпохѣ неразорваннаго творчества художники не стануть, подобно Жоржъ-Занду, доискиваться ни у каеихъ „невидимыхъ“ высшихъ задачъ своего дѣла, т. е. высшихъ понятій личныхъ о добрѣ и злѣ и понятій о благѣ общественномъ. Эти понятія живутъ въ художникахъ крѣпкою, растительною жизнью, связанныя съ корнями почвы, на которой художникъ выросъ. Сила художника въ его вѣрѣ, и въ вѣрѣ не сознательной, а непосредственной. Безъ глубокой, нетронутой вѣры невозможны созданія такихъ образовъ, каковы образы Дантова ада, невозможенъ смѣхъ Сервантеса и Мольера, невозможна нравственная непогрѣшимость Шекспира. Прекрасно! Но развѣ Дантъ, Сервантесъ, Мольеръ, Шекспиръ владѣли безусловно истиной? Если безъ нея нельзя быть великимъ художникомъ, то почему-же Дантъ—великій писатель, хотя истины его—теперь не истины; отчего Рафаель—великій живописецъ, хотя чувства, одушевлявшія и вдохновлявшія его, уже теперь не составляютъ чувствъ господствующихъ? Григорьевъ не называетъ фальшью и напряженностью то, что ихъ одушевляло, и то, что они говорили, а между тѣмъ называетъ фальшью и напряженностью то, что писали Жоржъ-Зандъ и Гейне. Ясно, что у Григорьева въ глубинѣ его несознающей себя души сидитъ нѣчто, чего хотя и нельзя назвать елейностью, но что, однако, имѣетъ ее букетъ. И отъ этого Григорьевъ и впадаетъ въ противорѣчіе, признавая законность однихъ фактовъ и не до-

пуская законности другихъ, съ ними однородныхъ. Если въ нихъ выражается новое знаніе, новыя понятія, новыя идеи, колеблющія прежнюю непосредственность, онъ ихъ, пожалуй, и признаетъ, но въ сатирической, порицательной формѣ очень ясно намекаетъ на претящихъ ему писателей.

Такъ Григорьевъ говоритъ, что бывають блестящіе таланты, надѣленные въ высшей степени способностью усвоенія жизни, но которые, будучи случайно брошены въ эпохи мысли, отличающіяся крайнею разорванностью сознанія, являются въ литературѣ странными, блестящими, ни съ чѣмъ несвязанными метеорами. Дѣятельность такихъ талантовъ ослѣпительна, но она не носитъ въ себѣ живительнаго, теплаго начала, проходитъ безъ слѣда и отличается какою-то эгонистичностью, капризомъ, замкнутостью и холодомъ. Въ подобной дѣятельности всякое живое отношеніе къ идеалу подорвано, всякія основы разрушены, она мечется отъ предмета къ предмету, изъ сферы въ сферу безъ всякой опредѣленной цѣли, безъ всякой любви, ища одного только самоудовлетворенія, любя только сама себя и никогда не любя того явленія или того ряда явленій, къ которому она прилагается. Мѣсто поэтически-нравственной основы, выработанной въ себѣ художникомъ, заступаетъ иронія, совершенно, впрочемъ, безпредметная и безосновная. Все это говоритъ Григорьевъ о Гейне, хотя и не упоминаетъ его имени. Ну гдѣ-же тутъ абсолютная правда, которой молится Григорьевъ, зачѣмъ это непониманіе факта, можетъ быть, гораздо болѣе важнаго, чѣмъ представлялось Григорьеву? Онъ требуетъ положительныхъ идеаловъ и по личнымъ своимъ свойствамъ не могъ выносить, какъ онъ выражается, мукъ во всемъ сомнѣвающагося ума. Но развѣ это значитъ понимать правду жизни и законность ея выраженія даже въ чистомъ отрицаніи, когда безъ него невозможны никакіе положительные идеалы? Вѣдь и Шекспиръ, и Дантъ, и Мольеръ явились положительными творцами только послѣ предшествовавшаго отрицанія. Григорьевъ, поклоняющійся христіанскимъ идеаламъ, конечно, зналъ, что христіанство было отрицаніемъ язычества. Почему-же, допуская одно, онъ не допускаетъ другого? Почему, вѣруя только въ абсолютную правду, самъ ей этимъ противорѣчитъ?

Подобное-же отношеніе у Григорьева и къ Жоржъ-Занду. Онъ находитъ, что въ Зандѣ искусство являлось сомнѣвающимся въ

своемъ назначеніи и въ своихъ задачахъ. Правды своей собственной Зандъ никакой не имѣетъ, кромя относительной правды страстной природы, протестующей противъ условнаго,—правды, показывающей, что содержаніе жизни шире формъ, ее сковавшихъ. Но литература всегда имѣла и будетъ имѣть, по словамъ Григорьева, охранительное значеніе, и потому протестъ страстности не можетъ оставаться въ ней постояннымъ. Такимъ образомъ, допуская правду страсти, какъ минуты или нѣсколькихъ минутъ, Григорьевъ, отрицая ее, въ то-же время и допускаетъ. Но въ такомъ случаѣ что-же такое правда? Григорьевъ отвѣчаетъ на это, что искусство, какъ выраженіе правды жизни, не имѣетъ права ни на минуту быть неправдою. Въ правдѣ его искренность, въ правдѣ нравственность, въ правдѣ его объективность. И опять — что-же такое правда? Требованіе правды, отвѣчаетъ снова на этотъ вопросъ Григорьевъ,—становится все болѣе и болѣе лозунгомъ искусства, требованіе правды слышится во всемъ, слышится и въ сухомъ тонѣ, который искусство въ наше время принимаетъ изъ боязни впасть въ какую-либо напыщенность, правда и въ скупости порывовъ чувства, опять-таки изъ боязни фальшиво и противно расчувствоваться. Но подобная правда всегда нѣсколько принужденная и натянутая, она только доказательство, что художникъ не вѣритъ въ идеалъ, что онъ сомнѣвается, что у него нѣтъ убѣжденія. А если это такъ, а если художникъ является выразителемъ думы своего времени, если его сомнѣніе не одиночное, то на-сколько его правда перестаетъ быть правдой и что она такое: законъ или беззаконіе? Григорьевъ молчитъ и не даетъ никакого отвѣта.

Но мы-бы спросили у самого Григорьева—его дѣятельность была положительной или отрицательной, сомнѣвающейся или убѣждающей? Какую правду онъ сказалъ, какой аршинъ далъ онъ въ руки художникамъ? Зная, что міровые законы истиннаго, прекраснаго и благороднаго, выражающіеся въ извѣстныхъ ясныхъ идеалахъ, никому неизвѣстны, Григорьевъ допускаетъ бессознательное мышленіе и бессознательный инстинктъ истины. Психологически это вѣрно, если-бы только Григорьевъ не носилъ въ себѣ мистическаго чувства. Но допуская это въ творцахъ и художникахъ, онъ рядомъ съ ними ставитъ такихъ-же художниковъ и поэтовъ по чувству—критиковъ, и однимъ изъ нихъ является самъ. При такомъ раздѣленіи труда искусство творить непосредственно, а критика

должна указать ему его фальшь, неправду, отступление отъ требованій жизни. Но былъ-ли критикомъ въ этомъ смыслѣ Ап. Григорьевъ? Конечно, нѣтъ. Онъ былъ только человѣкъ ума, способнаго на сопоставленія, ума съ критическими залогоми, ума, спокойной объективности котораго мѣшали разныя предвзятости и елейность страстнаго, однопредметнаго и увлекающагося сердца. Требуя отъ художника *своего* и цѣльнаго мировоззрѣнія, Григорьевъ, однако, не имѣлъ никакого законченнаго представленія и подчинялся однимъ стихійнымъ вѣяніямъ, которыя его мучили и разрывали и уводили вспять.

Даже въ частныхъ оцѣнкахъ попадаетея на каждомъ шагу эта разрывчатость и вѣрное рядомъ съ невѣрнымъ. Я возьму для доказательства сужденія Григорьева о Гончаровѣ и о Фетѣ. Гончарова онъ называетъ „примѣчательно-яркимъ“ дарованіемъ, но дарованіемъ чисто-внѣшнимъ, безъ глубокой мысли въ задаткѣ, безъ истиннаго стремленія къ идеалу. „Обыкновенная исторія“, какъ говоритъ Григорьевъ, — произведеніе, отдѣланное въ частностяхъ и подробностяхъ, сухое до безжизненнаго догматизма по основной идеѣ, произведеніе, построенное въ видѣ самой искусственной аллегоріи. Много нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали въ романѣ явно-искусственную постройку. Впрочемъ, кромѣ таланта, „самая мысль произведенія Гончарова поразила большинство новизною, понравилась всѣмъ такъ-называемымъ практическимъ людямъ, которые всегда любятъ, когда бранятъ молодое поколѣніе за разныя стремленія, понравилась даже тѣмъ, которые косо посматривали на „Мертвыя души“ или издѣвались надъ ними; но, признаемъя откровенно, мы не думаемъ, чтобы самъ даровитый авторъ „Обыкновенной исторіи“ былъ доволенъ такимъ успѣхомъ своего произведенія“. Совершенно вѣрно! Говоря объ „Обломовѣ“, онъ называетъ Штольца татаринкомъ, хотя онъ и нѣмецъ, и, признавая въ Гончаровѣ талантъ, замѣчаетъ, что талантъ его неизмѣримо выше воззрѣній автора. Григорьевъ не дожилъ до „Обрыва“ и въ оцѣнкѣ его точно такъ-же-бы не ошибся, хотя, вдаваясь въ подробности, онъ, конечно, разошелся-бы съ тѣмъ лагеремъ, который называетъ лагерь теоретиковъ.

Но вотъ что онъ пишетъ по поводу Фета. „Что такое, на примѣръ, весь Фетъ въ его „Вечерахъ и ночахъ“, въ его многообразныхъ весеннихъ пѣсняхъ? спрашиваетъ Григорьевъ. — Онъ

весь какое-то дыханіе, какая-то нѣга, какая-то моральная истома.
Помните:

Шопоть, робкое дыханье,
Трели соловья...

„Это рядъ безконечныхъ, столь внутренно связанныхъ, столь необходимо слѣдующихъ одинъ за другимъ аккордовъ, что ихъ прервать нельзя. Стихотвореніе, которое не можетъ быть иначе прочтено, какъ однимъ дыханіемъ. Помните „Пчелъ“, томленіе, нѣгу, разлитую въ этомъ стихотвореніи, томящую, какъ знойный день, сладострастную безъ малѣйшихъ стремленій къ сладострастію“. Неужели это критика, неужели это оцѣнка, согласная съ тѣми началами, которыя самъ Григорьевъ указываетъ художникамъ, требуя отъ нихъ правды и служенія жизни?

V.

Есть еще у Григорьева одна статья, которую нельзя обойти. Статья эта „Взглядъ на современную критику и искусство“. Статью эту Григорьевъ начинаетъ тѣмъ, что ни одно явленіе словесности или письменности не можетъ никогда быть разсматриваемо въ одной его замкнутой отдѣльности. Всякое словесное явленіе возбуждаетъ въ мыслителѣ вопросы, весьма важные своею связью съ органическими плодами жизни. Что-бы ни отразило произведеніе, невольно задаешь себѣ вопросы, на-сколько, какъ и вѣрно или невѣрно произведеніе отражаетъ жизнь и связано съ насущными интересами и служить идеѣ или обществу.

Такъ-какъ всякое произведеніе отражаетъ дѣйствительность, то само собою должно было случиться, что критика, не только у насъ, но и вездѣ, пишетъ не собственно о произведеніяхъ, а по поводу ихъ, или, точнѣе, прямо идетъ къ жизненнымъ вопросамъ, поднятымъ или задѣтымъ художественнымъ произведеніемъ. Начавъ обращаться къ самой жизни, критика перестала быть художественной, и это явленіе Григорьевъ признаетъ вполне законнымъ и правильнымъ. Но дѣло въ томъ, что явились писатели, которые, по словамъ Григорьева, не имѣя чувства красоты и мѣры, обратили искусство въ орудіе готовой теоріи. Григорьевъ при этомъ цитируетъ выраженіе одного извѣстнаго публициста его времени и на-

зываетъ его воззрѣніе на искусство „яростнымъ тупоуміемъ“. Это яростное тупоуміе должно было вызвать реакцію и вызвало ее въ лицѣ тѣхъ, кто опять сталъ требовать отъ литературныхъ произведеній чистой художественности. Но и чистая художественность, и чистая, техническая критика, по словамъ Григорьева, совершенно невозможны, потому что ни критику, ни художнику отрѣшиться отъ жизни нельзя. И обязанность критика именно и заключается въ томъ, чтобы идти путемъ жизненнаго вопроса, углубляться въ корни его, въ причины того, почему не полно разрѣшенъ вопросъ или почему искусство уклонилось отъ правильнаго рѣшенія.

Выставивъ эти требованія, Григорьевъ, повидимому, приходитъ къ полному соглашенію съ тѣми, кого онъ обзываетъ теоретиками, тушинцами и людьми „яростнаго тупоумія“, а между тѣмиъ оказывается, что онъ именно противъ нихъ-то и ратуетъ. Современную критику искусства, которой держались противники Григорьева, онъ называетъ исторической, господствующей и единственно важной по значенію. Онъ, кажется, и самъ держится ея, и въ то-же время съ нею не согласенъ. Не согласенъ-же онъ съ нею потому, что усматриваетъ въ ней одинъ важный, существенный порокъ. А порокъ этотъ заключается въ самомъ историческомъ воззрѣніи. Историческое воззрѣніе, по мнѣнію Григорьева, совершенно равнодушно и безразлично къ нравственнымъ понятіямъ. Оно связано только съ мыслью о безграничномъ развитіи и потому не хочетъ знать начала его, а идеаль имѣетъ всегда только въ будущемъ. Поэтому всякую минуту міровой жизни оно принимаетъ переходною формой къ другой переходной-же формѣ. По мнѣнію Григорьева, отъ этого образуется бездонная пропасть, въ которую стремглавъ летитъ мысль безъ малѣйшей надежды за что-нибудь ухватиться и найти точку опоры. А такъ-какъ у мысли нѣтъ идеала, то ей остается одно—начинать ломку всего прошедшаго по законамъ произвольно выбранной минуты. Все прошедшее человѣчества, нежившее по теоретическому идеалу, отрицается и, выходя изъ принципа стремленія къ безконечному, критика кончаетъ грубымъ матеріализмомъ. Этого-бы не случилось, если-бы былъ готовый идеаль. Тогда-бы не было нужно ломать прошедшаго. Если-же идеаль поставленъ произвольно, то сегодняшнему кумиру приносится въ жертву все вчерашнее. Прилагая это воззрѣніе къ исторіи русскихъ критическихъ воззрѣній, Григорьевъ говоритъ, что неумудрено

„Дѣло“, № 9, 1876 г.

понять, въ силу чего Гоголю становится монументъ на обломкахъ статуи Пушкина, въ силу чего завтра столкнуть Гоголя и въ силу чего каждый новый критическій періодъ начинался постоянно уничтоженіемъ всей литературы въ пользу одного кумирчика. Чтобы осязательнѣе показать ошибки исторической критики, Григорьевъ прослѣживаеъ европейскія событія прошедшаго столѣтія. Онъ говоритъ, какъ медовыя рѣчи философовъ разразились рѣчами Дантона, какъ утопія Кондорсе погибла подъ сѣкирою утопіи монтаньяровъ, какъ утопіи монтаньяровъ грозила подземная утопія Марата и какъ въ видѣ реакціи явился Наполеонъ, начавшій всеобщую ломку исторіи.

Мы-бы хотѣли знать, что думалъ доказать этимъ Григорьевъ? Самъ-же онъ указываетъ постоянно смѣняющіеся и провѣряющіе другъ друга факты и воззрѣнія, которые только потому и приводятъ къ тому, о чемъ говоритъ Григорьевъ, что на свѣтѣ нѣтъ никакого готоваго идеала, и въ то-же время требуетъ, чтобъ идеаль этотъ, какъ готовый критерій, былъ и у исторіи, и у художниковъ, и у критиковъ. Если этого идеала нѣтъ, то произойдетъ непремѣнно путаница, которая можетъ привести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ и въ дѣйствительной жизни, и въ искусствѣ. Но что-же въ такомъ случаѣ дѣлать и кто ошибается: жизнь или Григорьевъ? Конечно, было-бы лучше, если-бы въ прошедшемъ столѣтіи не случилось нигдѣ никакихъ прискорбныхъ событій, если-бы въ Англіи не явился Кромвель, если-бы во Франціи не было ни Дантона, ни Робеспьера, ни Марата, если-бы добродѣтельная волшебница положила въ колыбель человечества готовый идеаль и съ готовымъ идеаломъ шло-бы оно по пути жизни, какъ съ волшебнымъ фонаремъ. Но вѣдь если этого не случилось? Если и въ исторіи русской мысли мы видимъ тоже постоянно смѣняющійся рядъ акцій и реакцій, если было время, когда мы поклонялись Державину, Хераскову, потомъ, когда явился на смѣну Карамзинъ, стали молиться ему, а старыхъ боговъ забыли, потомъ забыли Карамзина, потомъ молились Пушкину, затѣмъ Гоголю. Что дѣлать, когда и въ области знанія мы поступали точно также: молились нѣкогда Шевыреву и Погодину, потомъ забыли ихъ для западниковъ, потомъ и въ мысли западниковъ внесли поправки, а въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе начинаемъ погрѣшати руссофильствомъ? Если-бы Григорьевъ вникнулъ ближе во всѣ эти

факты, то онъ, конечно, пришелъ-бы къ выводу, что на свѣтѣ нѣтъ истины, а есть только стремленіе къ ней, и что изъ фактовъ исторіи другого вывода и сдѣлать невозможно. Но Григорьевъ, какъ ярый мечтатель и идеалистъ, не хочетъ знать никакой исторіи. Онъ перескакиваетъ черезъ время и пространство и требуетъ отъ жизни того, чего въ ней нѣтъ, но чего ему очень хочется, чтобы было. Какъ человѣкъ хорошихъ, мирныхъ чувствъ, Григорьевъ, конечно, долженъ былъ огорчаться, что на свѣтѣ дѣлается не такъ, какъ-бы ему хотѣлось, и чтобы найти примиреніе и выходъ, найти источникъ всеобщей мировой гармоніи, Григорьевъ дѣлаетъ умственное salto-mortale и обольщаетъ себя самой крайней мечтательностью.

Въ мірѣ гдѣ-то, конечно, должна быть правда и истина, не частная и относительная, а общая, долженъ быть и законъ гармоніи. Но ни этой истины, ни этой правды, ни этого закона гармоніи до сихъ поръ еще никто не открылъ. Григорьевъ, сдѣлавъ попытку новаго исканія, пришелъ къ мысли, что источникъ правды и истины заключается въ прекрасномъ, прекрасное-же сидитъ въ душѣ художника, а представителемъ художника является беллетристъ и критикъ. Геніальный писатель, по мечтательной теоріи Григорьева, созерцаетъ міръ не въ разорванномъ видѣ, а въ цѣльномъ. Геніальная натура носитъ въ себѣ будущее, она видитъ осязательно живую связь этого будущаго съ настоящимъ и прошедшимъ, знаетъ, что послѣдній шагъ прошедшаго ведетъ къ настоящему, что этого шага миновать нельзя, но нельзя на немъ и остановиться. Мѣрно, тихо, осторожно, чуждая слѣпого бунта противъ формъ, идетъ впередъ творческая сила, осмысливая только послѣдній шагъ стараго и выжимая изъ него оставшіяся сокъ. Въ примѣръ нормальной правильности такого поступательнаго движенія Григорьевъ указываетъ на Пушкина, который, начавъ „Русланомъ и Людмилой“, возвысился до „Капитанской дочки“ и „Бориса“. Гоголь, начавъ „Вечерами на хуторѣ“, дошелъ до „Шинели“. Островскій началъ съ „Своихъ людей“... Ужь, право, не знаешь, какъ принимать это странное сопоставленіе. Заведя рѣчь о цѣломъ мірѣ, о жизни, какъ совокупности всѣхъ явленій, и сдѣлавъ художника носителемъ священной, непогрѣшимой, вѣчной истины, Григорьевъ сводитъ вопросъ къ „Руслану и Людмилѣ“, къ „Капитанской дочкѣ“ и къ „Шинели“. Ясно, что Григорьевъ

евъ не могъ понимать тѣхъ, на кого онъ нападаетъ, потому что не могъ подняться до ихъ болѣе широкаго пониманія жизни. Григорьевскій идеалъ, пока онъ говоритъ въ общихъ фразахъ, дѣйствительно манитъ какой-то ширью; но когда, переставъ выражаться общими понятіями, Григорьевъ сходитъ въ факташъ, то вмѣсто титановъ, которыхъ обѣщалъ, даетъ пигмеевъ. Увѣряя, что руководящій идеалъ всегда существуетъ и можетъ быть потерянь только временно, что этотъ идеалъ всегда одинъ и тотъ-же и что онъ составляетъ норму души человѣческой, Григорьевъ ни однимъ намекомъ не даетъ вамъ понять этого идеала и ни одной черточкой не рисуеъ его такъ, чтобы вы его увидѣли. Въ то-же время Григорьевъ требуетъ, чтобы творцомъ истины являлся художникъ, о которомъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ работаетъ непосредственно, бессознательно, а въ другомъ, напротивъ, доказываетъ, что творить бессознательно невозможно и что „это фальшивое мнѣніе не выдерживаетъ никакой критики и недостойно даже серьезнаго опроверженія“. Сдѣлавъ художника творцомъ истины и идеала, Григорьевъ заставляетъ критику повѣрять художника и указывать его фальшь. Но какъ критикъ станетъ повѣрять фальшь носителя истины, когда ему самому истина Богомъ не дана? За что-же Григорьевъ такъ обрушивается на историческую критику и говоритъ, что у нея будто-бы нѣтъ никакого критерія, вслѣдствіе чего критика никому не нужна и въ нее перестала вѣрить публика, потому что критика сама себѣ не вѣрять? Запутавшись въ этихъ противорѣчіяхъ, Григорьевъ поневолѣ долженъ былъ придти къ безвѣрію мысли, опустить въ отчаяніи руки и признать себя никому ненужнымъ.

Вся ошибка Григорьева въ томъ, что онъ воображалъ, что есть на свѣтѣ готовая истина и что въ сей моментъ ее можно найти, если поискать. Истину эту онъ признавалъ абсолютною, относительной истины не допускалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, что выразителемъ неопибающей, вѣчной истины и носителемъ идеала является очищенная и просвѣтленная душа художника, по типу котораго должна формироваться и мировая душа. Вставъ на эту мечтательно-идеалистическую точку, Григорьевъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться фантазеромъ, и, что еще хуже и опаснѣе, фантазеромъ искреннимъ и убѣжденнымъ. Только въ этомъ причина, что Григорьевъ не былъ въ состояніи понять людей относительной

истины, которые точно также знали, что если безусловная истина и есть гдѣ-нибудь на свѣтѣ, то ея никогда и никому не найти, и сущность жизни заключается въ одномъ стремленіи къ ней, въ постоянныхъ поправкахъ ошибокъ мышленія. Отъ этого Григорьевъ не придавалъ никакого значенія переменѣ формъ жизни и не имѣлъ ни малѣйшаго политическаго чутья. Считаая историческихъ критиковъ неисходными отрицателями, Григорьевъ въ сущности былъ самый крайній отрицатель, потому что, отнимая всякую вѣру, которой онъ и самъ не имѣлъ, онъ отнималъ отъ человѣка возможность настоящаго, ибо не допускалъ стремленія. Этими онъ доводитъ тѣхъ, кто-бы хотѣлъ проникнуться его ученіемъ, до того-же состоянія безвѣрія и умственнаго аскетизма, въ которое впалъ самъ. Пускай люди исторической школы ошибались, пускай, поколѣніе за поколѣніемъ, люди исторической школы отрицали одни другихъ; но въ этомъ отрицаніи и въ постоянныхъ поправкахъ мысли и въ переменѣ формъ жизни или, по крайней мѣрѣ, въ стремленіи къ нимъ была жизнь, а Григорьевъ проповѣдывалъ смерть. И, что еще хуже, онъ проповѣдывалъ небытіе со всѣми признаками живого одушевленія и порывающей силы. Онъ парализовалъ всякій дѣятельный порывъ, всякую мысль, способную на активность, и создавалъ мечтательное безвѣріе въ настоящее и философское самоуглубленіе въ бесплодное исканіе того, чего нѣтъ. Понятно, что Григорьевъ былъ одинъ, что онъ не могъ оставить живого слѣда ни въ жизни, ни въ литературѣ, а если-бы его оставилъ, то, конечно, это не было-бы особеннымъ счастьемъ для Россіи. Поэтому мы не ошибемся, если назовемъ Григорьева послѣднимъ могиканомъ того злополучнаго направленія, которое породило славянофильство со всѣми его видоизмѣненными послѣдователями, несдѣлавшими для живого русскаго дѣла ничего дѣйствительно полезнаго, служившими ему отрицательно, и отъ которыхъ живая жизнь всегда отворачивалась и будетъ отворачиваться. Въ этомъ смыслѣ мы не особенно благодаримъ г. Страхова за изданіе сочиненій Григорьева, ибо думаемъ, что если-бы кому-нибудь изъ историковъ русской литературы понадобились статьи Григорьева, онъ нашелъ-бы ихъ тамъ, гдѣ онѣ печатались, а людямъ новой жизни и растущему поколѣнію онѣ едва-ли для чего-нибудь понадобятся.

Н. Языковъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

13 іюля 1876 г.

Все вниманіе мыслящей части парижскаго населенія обращено теперь, конечно, на событія на Балканскомъ полуостровѣ. Хотя въ своихъ письмахъ я избѣгаю касаться политическихъ вопросовъ, но на этотъ разъ вынужденъ сдѣлать исключеніе, такъ-какъ въ настоящее время парижское общественное мнѣніе преимущественно занято войной южныхъ славянъ съ турками и французскія воззрѣнія, несмотря на все еще существующую слабость Франціи, какъ военной державы, не могутъ не имѣть извѣстнаго значенія въ ряду тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образуется общественное мнѣніе всей Европы.

Усовершенствованное оружіе измѣнило на-столько результаты военныхъ дѣйствій, что размѣры, которыми публика привыкла въ прежнее время измѣрять значеніе событій, оказываются теперь слишкомъ ничтожными, а потому непригодными. Послѣднее время показало, что отъ выигрыша одного сраженія можетъ зависѣть судьба цѣлаго народа. Далекое-ли ушло отъ насъ то время, когда отъ небольшой искры, вспыхнувшей на югѣ Даніи, разгорѣлся тотъ пожаръ, который кончился Садовою и разгромомъ Франціи? Поэтому неудивительно, что всякій выстрѣлъ, хотя-бы онъ произведенъ былъ въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, заставляетъ содрогаться сердце французомъ и осматриваться по сторонамъ, все-ли у нихъ готово на случай вовлеченія и ихъ въ борьбу.

Несмотря, однакожь, на интересъ, возбуждаемый во всемъ парижскомъ населеніи борьбой славянъ съ турками; несмотря на то, что извѣстія съ театра войны занимаютъ парижанъ несравненно бо-

лѣе всякихъ другихъ фактовъ и событій, все-таки парижское общественное мнѣніе относится скорѣе сдержанно, чѣмъ страстно къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Туркамъ, по мнѣнію большинства парижанъ, слѣдовало быть умѣреннѣе, босвякамъ—терпѣливѣе, а сербамъ съ большимъ уваженіемъ относиться къ миролюбивымъ совѣтамъ покровительствующихъ державъ. И это говорятъ не тѣ парижскія газеты, которыя отуречились изъ своеобразныхъ видовъ, не тѣ брошюры, въ которыхъ князь Миланъ выставляется возмущившимся вассаломъ, а за сербскою арміею не признается даже правъ воюющей стороны; наконецъ, не та часть прессы, которая готова пожертвовать всѣми интересами человѣчности и цивилизаціи для торговыхъ выгодъ. Нѣтъ, такъ разсуждаетъ большинство, тѣмъ не менѣе относящееся сочувственно къ страданіямъ славянъ и отъ души желающее, чтобы было найдено средство облегчить ихъ несчастную участь, желающее даже оказать содѣйствіе въ пользу сербовъ. Человѣку, горячо сочувствующему угнетеннымъ славянамъ, конечно, досадно видѣть такую сдержанность, но французы отвѣчаютъ, что нельзя предвидѣть, чѣмъ окончится борьба, а положеніе Франціи таково, что ей надо быть очень осторожной. Европейская политическая сцена преисполнена внезапныхъ явленій и превращеній, ея подмостки испещрены провалами, между которыми приходится лавировать съ большою осмотрительностью. Бисмаркъ все еще волнуетъ здѣшнихъ политиковъ и внушаетъ имъ серьезныя опасенія.

Большинство парижанъ все-таки искренно сочувствуетъ „попыткѣ освобожденія, съ изумительнымъ геройствомъ предпринятой одною изъ благороднѣйшихъ человѣческихъ расъ“, какъ называетъ это большинство великодушную рѣшимость сербскаго народа. Въ одной газетѣ напечатано даже, „что французы недостойны были-бы носить свое имя, если-бы оставались безчувственными при зрѣлищѣ, достойномъ присутствія боговъ“. Единодушіе сербовъ вызываетъ восторженные отзывы въ нѣкоторыхъ органахъ парижской прессы. Авторы такихъ отзывовъ говорятъ, что надо имѣть слишкомъ извращенныя понятія, чтобы не видѣть великой стороны этого единодушнаго движенія. „Вотъ народъ, пишетъ Шарль Биго,—возстающій въ цѣломъ своемъ составѣ; это не метафора, не приблизительное выраженіе, а несомнѣнный фактъ: всѣ сербы, начиная отъ семнадцатилѣтнихъ юношей, спѣшатъ на защиту отечествен-

ныхъ границъ. Судебныя мѣста, школы, канцеляріи, мастерскія — закрыты: вся Сербія на ногахъ и отдаетъ себя въ распоряженіе военныхъ властей. Трудно найти войну, которая была-бы болѣе національною; ее признала необходимой народная скупщина и побудила князя принять ея отважное рѣшеніе, хотя онъ сильно и долго колебался, опасаясь неблагоприятнаго исхода борьбы. Эта священная война имѣетъ цѣлью не только безопасность отечественной территоріи, но и освобожденіе притѣсненныхъ единоплеменниковъ. Что можетъ быть выше этихъ цѣлей и благороднѣе средствъ. употребляемыхъ для достиженія ихъ!“ Нерѣдко приходится читать и еще чаще слышать уподобленіе сербскаго движенія тому энтузіазму, который въ 1793 году направилъ къ границамъ Франціи четырнадцать армій, образованныхъ изъ волонтеровъ и конскриптовъ. Нѣкоторые, въ пылу увлеченія, даже ставятъ выше этотъ порывъ незначительнаго, полуторамиліоннаго народа, рѣшающагося выставить такое войско, которое по своей численности превышаетъ всѣ существующія въ другихъ государствахъ пропорціи между арміею и населеніемъ.

„Какъ скоро духъ подобнаго увлеченія, говоритъ Биго въ заключеніе своей статьи, — проникаетъ всю народную массу, которая, силою своего энтузіазма, кажется какъ-бы оторванною отъ почвы, историкъ долженъ приготовиться быть свидѣтелемъ дѣйствительно великаго зрѣлища!“

Но даже при полномъ сочувствіи большинства французовъ сербскому народному движенію могутъ-ли сербы выйти изъ борьбы окончательно побѣдителями? И каковъ будетъ результатъ тѣхъ новыхъ осложненій, въ которыхъ запутались теперь временно забытыя восточныя затрудненія? Вотъ вопросы, на которыхъ безпрестанно останавливается здѣшняя періодическая печать. Надо отдать справедливость этой печати въ томъ отношеніи, что большинство ея органовъ смотритъ на турецкое владычество въ славянскихъ земляхъ какъ на дѣло, отжившее свой вѣкъ, съ которымъ такъ или иначе необходимо покончить. По мнѣнію большинства здѣшнихъ газетъ, обсуждающихъ предметъ безъ предвзятаго предубѣжденія, никакія турецкія побѣды не могутъ имѣть плодотворныхъ послѣдствій для самихъ турокъ и славянамъ суждено безусловно воспользоваться результатами столкновеній, потому что ихъ побѣда будетъ совпадать съ духомъ

исторіи и направленіемъ ' прогреса и цивилизаціи. Если-бы сербы даже были побиты, то самое пораженіе ихъ въ результатѣ должно тѣмъ или другимъ способомъ послужить къ перевѣсу олицетворяемаго ими историческаго начала. Когда шла борьба ищущей освобожденія Греціи противъ той-же Турціи или нынѣ сплотившейся Италіи противъ Австріи, то и греки, и итальянцы сначала терпѣли пораженія; но сила вещей, законъ исторіи, духъ времени взяли свое и въ-концѣ-концовъ греки и итальянцы восторжествовали, такъ-какъ дѣло ихъ было правое. То-же предстоитъ теперь и Сербіи.

Предположенія о необходимости образованія новыхъ независимыхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, впрочемъ, и въ прежнія времена всегда встрѣчались сочувственно во Франціи. Французы находятъ весьма естественнымъ и законнымъ то сочувствіе къ славянамъ, угнетаемымъ турками, какое теперь оказываетъ русскій народъ. Они говорятъ, что ихъ-бы удивило иное, менѣе страстное отношеніе русскаго народа къ борьбѣ славянъ съ турками, такъ-какъ дѣло турецкихъ славянъ Россія непремѣнно должна считать своимъ собственнымъ дѣломъ.

Любопытно вспомнить, какъ смотрѣли французы на положеніе Турціи во время борьбы турецкаго правительства съ египетскимъ пашею. Два извѣстные дѣятеля времени Люи-Филиппа болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ высказали свой взглядъ на турецкія дѣла, который можетъ быть примѣненъ и къ настоящимъ событіямъ. Приведу два отрывка изъ переписки, происходившей въ 1840 г. между Тьеромъ, въ то время министромъ, и французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, Гизо.

„Когда константинопольскіе султаны, писалъ Тьеръ, — потерявъ власть надъ находившимися въ ихъ зависимости провинціями, Молдавіею и Валахіею, а впоследствии и Греціею, должны были отступить отъ своихъ верховныхъ правъ, то какъ посмотрѣла на этотъ фактъ европейская политика? Пыталась-ли она, во вниманіе къ общему рѣшенію первенствующихъ державъ, которое поддерживалось русскими войсками и англійскимъ флотомъ, возвратить въ руки султана ту власть, которая отъ него отходила въ силу хода вещей? Никогда! Никто не пытался достигать цѣлей невыполнимыхъ. Никто не настаивалъ на сохраненіи турецкой власти въ дѣлѣ непосредственнаго управленія отдѣлявшимися провинціями.

Молдавія и Валахія оставлены были только въ вассальныхъ отношеніяхъ, а Греція освобождена безусловно. Было-ли это послѣдствіемъ несправедливости? Ни въ какомъ случаѣ. Сила вещей, несравненно болѣе настойчивая и безусловная въ своихъ рѣшеніяхъ, чѣмъ любое соглашеніе кабинетовъ, воспрепятствовала возстановленію какъ непосредственной власти турокъ въ Молдавіи и Валахіи, такъ и всякаго, даже косвеннаго вліянія ихъ на Грецію. Сама Высокая Порта только тогда достигла нѣкотораго спокойствія, когда рѣшилась уступить напору обстоятельствъ и пожертвовать своею властью. Въ чемъ-же заключались въ этомъ случаѣ виды правительства, поддерживавшихъ требованія возставшихъ населеній? Въ томъ, чтобы возстановить независимость тѣхъ частей турецкой имперіи, которыя изъ нея выдѣлялись, и удалить отъ нихъ излишне-тягостное вліяніе сосѣднихъ державъ. За невозможностью возстановить цѣлость распадающейся державы, европейскіе кабинеты всѣ свои заботы направили къ тому, чтобы упрочить самостоятельность выдѣляющихся частей и обезпечить независимость ихъ отъ сосѣдей“.

„Европѣ не суждено, отвѣчалъ Гизо, — преобразовать турецкую имперію. Никогда не сдѣлается эта держава правильною и живучею составною частью европейскаго политическаго порядка. Никогда Европа не примиритъ интересовъ шести миліоновъ христіанъ, притѣсняемыхъ тремя миліонами турокъ, не только тяготящихся своимъ ненавистнымъ игомъ надъ массою населенія, но и препятствующихъ этому населенію въ достиженіи тѣхъ цѣлей и той будущности, которыя составляютъ его историческую задачу. Когда та или другая часть этихъ христіанъ рѣшается на попытку достигнуть освобожденія и сложиться въ независимое государство, то Европѣ не приходится задаваться никакою другою цѣлью, какъ только изысканіемъ средствъ къ оказанію содѣйствія возставшимъ и поддержанію движенія ихъ тѣми или другими, общими или частными, политическими мѣрами. Возстановленіе независимости Греціи было первымъ шагомъ, который сдѣлала Европа въ силу этой программы. Французы, англичане, нѣмцы, русскіе, — однимъ словомъ, всѣ народы, дѣйствующіе подъ вліяніемъ общихъ началъ христіанства и цивилизаціи, не могли хладнокровно отнестись къ незначительной кучкѣ возмутившихся единовѣрцевъ, рѣшившихся послѣ вѣковыхъ страданій страхнуть съ себя иго, препятствовавшее имъ удержать за собою то мѣсто и

то имя, которое всегда принадлежало имъ въ ряду цивилизованныхъ націй. Этому явленію суждено, вѣроятно, повториться еще не разъ!“

Предусмотрительность французскихъ дипломатовъ очевидно оправдывается настоящими событіями. Слова Тьера и Гизо, написанныя тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, могутъ быть примѣнены къ борьбѣ, интересующей въ настоящую минуту всю французскую націю. И французское общественное мнѣніе въ отношеніи восточнаго вопроса нисколько не измѣнилось и отличается все тѣмъ-же характеромъ сочувствія къ ищущимъ освобожденія населеніямъ. На этомъ сходятся различныя политическія партіи; разница между ними та, что между республиканцами сочувствующихъ славянамъ болѣе, чѣмъ между монархистами и, только завзятые клерикалы отдають свои симпатіи туркамъ, вѣроятно, изъ желанія идти во слѣдъ своему пастырю, римскому папѣ, выразившему свое сочувствіе послѣдователямъ корана. Газеты, настойчиво противорѣчація другъ другу въ дѣлахъ внутренняго управленія, въ этомъ, привлекающемъ въ настоящую минуту общее вниманіе вопросѣ дѣйствуютъ согласно. Припадки туркофильства весьма рѣдки, кромѣ клерикаловъ, на сторонѣ турокъ стоятъ люди, боящіеся пуще всего пониженія курсовъ на биржѣ, ненавистники политики, во всеуслышаніе заявляющіе, что Франція была-бы счастливѣйшею страной въ мірѣ, если-бы французы не занимались политикою. „Гдѣ есть политика, тамъ никакихъ дѣлъ дѣлать невозможно“, — вотъ исходный пунктъ всѣхъ разсужденій этихъ господъ. Привыкая смотрѣть на всѣ міровыя событія изъ-за синихъ очковъ своихъ собственныхъ мелкихъ и будничныхъ интересовъ, эти люди, разумѣется, никогда не поймутъ значенія патріотическаго движенія. Всѣ ихъ заботы направлены къ наживѣ, а до всего остальнаго имъ нѣтъ дѣла.

По счастью, не всѣ такъ разсуждаютъ и дѣйствуютъ. Интеллигентная масса стоитъ выше этого уровня, а потому и въ сочувствіи ея всякому народному движенію, направленному въ смыслѣ общечеловѣческаго прогресса, нельзя сомнѣваться. И нѣтъ сомнѣнія, что сочувствіе французовъ къ геройскимъ усиліямъ славянъ будетъ усиливаться съ каждымъ днемъ.

20-го іюля.

Жара невыносимая. Нарядный и богатый Парижъ весь разъ-

ѣхался. Какъ только окончатся весеннія скачки, вся эта публика разѣзжается по дачамъ, водамъ и купаньямъ; остается въ городѣ только Парижъ дѣловой и работающій и наѣзжаетъ сюда масса иностранцевъ. Театры не привлекаютъ публики; нѣкоторые изъ нихъ даже совсѣмъ прекращаютъ свою дѣятельность на все каникулярное время; въ Булонскомъ лѣсу рѣдко встрѣчаются блестящіе экипажи. Во внутренней политикѣ происходитъ застой; въ версальскихъ собраніяхъ лишь изрѣдка выпадаетъ интересное засѣданіе, какими были, напримѣръ, засѣданія въ сенатѣ во время преній по поводу предложенныхъ министерствомъ и принятыхъ національнымъ собраніемъ измѣненій въ законѣ о преподаваніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Стоитъ жара и потону неудивительно, что веселящійся Парижъ, состоящій въ настоящую минуту на половину изъ иностранцевъ, оживаетъ только ночью. И какая жизнь кипитъ въ это время на бульварахъ, въ кофейняхъ и на публичныхъ балахъ! Конечно, и въ другихъ большихъ городахъ приходится ночью встрѣчаться съ лицами извѣстныхъ категорій, какъ, напримѣръ, съ журами, съ развратниками, съ игроками, наконецъ, съ исключительно добросовѣстными работниками, возстающими противъ того классическаго спокойствія, которымъ должна отличаться ночная тѣнь; и въ другихъ городахъ можно встрѣтить ночью на улицѣ воровъ и женщинъ, промышляющихъ развратомъ. Но только въ одномъ Парижѣ вы встрѣтите въ это время массу весьма добродѣтельныхъ, семейныхъ и покойныхъ людей, для которыхъ жизнь развлеченій и отдыха начинается въ 10 часовъ вечера и кончается въ 3 часа ночи.

Нѣсколько дней тому назадъ я зашелъ въ театръ Большой оперы послушать только-что поставленнаго „Фрейшюка“. Рядомъ со мною сидѣлъ въ креслахъ нѣмецъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидавшій поднятія занавѣса. Когда въ восемь съ половиною часовъ начался первый актъ, мой сосѣдъ оборотился ко мнѣ и сказалъ: „У насъ спектакль теперь уже кончается; пора-бы пойти поужинать и затѣмъ спать“. Въ Парижѣ вечеръ только-что начинался.

Въ Парижѣ всѣ вѣчно спѣшаютъ, что не иѣшаетъ, однакожъ, публикѣ всегда и вездѣ опаздывать, потому что всякій желаетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ ему позволяютъ его силы. Люди самые

праздныя кажутся здѣсь особенно занятыми и сильно утомленными. Праздношатающіеся и хорошенькія женщины—вотъ тѣ двѣ категоріи, которыя никогда не готовы во-время и всегда и вездѣ опаздываютъ. Для этой-то публики, часто подписывающей остальному міру свои капризы въ качествѣ законовъ, сочинены обѣды между семью и восемью часами вечера, спектакли не ранѣе девяти часовъ, балы въ полночь и ужины въ четыре часа утра. Засыпаетъ Парижъ только послѣ того, какъ продѣлаетъ весь этотъ репертуаръ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и еще одной характеристической особенности парижанъ: встаютъ здѣсь рано и съ 9-ти часовъ утра каждый сидитъ уже за своею работою.

Макбетъ, преслѣдуемый тѣнью Дункана, восклицаетъ: „Нѣтъ, сонъ меня оставилъ; Макбетъ убилъ свой сонъ, сонъ невинный, сонъ, прекращающій заботы, сонъ, успокоивающій челоуѣка послѣ томительнаго труда“ и т. д. Когда поживешь въ Парижѣ, въ особенности лѣтомъ, то кончаешь тѣмъ, что удивляешься, съ какой стати такъ расходился убійца Дункана изъ-за того, что онъ страдаетъ безсонницей. Кто здѣсь спитъ ночью? Развѣ вы спите? Развѣ я сплю? А между тѣмъ никто изъ насъ и не думалъ убивать никакихъ Дункановъ.

Еще мужчины, въ особенности пріѣзжіе, иногда сознаютъ себя побѣжденными въ этой постоянной борьбѣ со сномъ и подъ конецъ отдаютъ кесарево—кесареви. Но женщины, т. е. парижанки—никогда!

Дѣятельность хорошенькой женщины основана здѣсь на двойственной тираніи: сама она на-столько-же окована цѣпями, на-сколько оковываетъ ими своихъ обожателей. Хорошенькая женщина, принадлежитъ-ли она въ разряду *кокодетокъ* или *кокотокъ*, можетъ не обладать ни правильными чертами, ни вообще идеальной красотой, но шикъ у нея долженъ быть спеціальнѣйшій, заключающійся, между прочимъ, въ томъ, чтобы, несмотря на физическую усталость, непремѣнно принимать участіе въ извѣстныхъ явленіяхъ парижской жизни и тѣмъ самымъ приносить посильную жертву модѣ. Не въ томъ бѣда, что у женщины носъ курносый или ротъ неправильный: не это составляетъ репутацію женщины! Нѣтъ, необходимо принадлежать къ тому *tout-Paris*, который наполняетъ собою ложи при первыхъ театральныхъ представленіяхъ, присутствуетъ при скачкахъ и въ извѣстный часъ дня вы-

ѣзжаетъ въ нарядныхъ экипажахъ въ Булонскій лѣсъ. Необходимо, чтобы въ этой публикѣ знали не только личность вашу, но всё ваши связи, туалеты, экипажи, все теченіе вашей внутренней жизни и вашихъ сердечныхъ приключеній. Чтобы достигнуть этой извѣстности, женщиѣ необходима извѣстная гибкость, вкрадчивость, умѣнье обойти людей, воспользоваться случаемъ, — однимъ словомъ, такой закалъ, который придаетъ парижанкѣ типъ клоуна или ящера по силѣ, выдержкѣ и увертливости.

Какъ ни утомительна подобная жизнь, но она не утомляетъ живущихъ ею болѣе, чѣмъ спокойное прозябаніе гдѣ-нибудь въ провинціи или деревнѣ. Къ этой постоянной лихорадкѣ человекъ привыкаетъ, какъ къ неизбѣжному. Если въ провинціи люди рано тяжелѣютъ и становятся равнодушными ко всему окружающему, то это происходитъ главнымъ образомъ отъ скуки. Въ Парижѣ некогда скучать! Съ утра до ночи васъ преслѣдуетъ здѣсь масса интересовъ, занимающихъ вашъ умъ и воображеніе, и если они не вполне удовлетворяютъ ваши нравственныя и эстетическія потребности, то, во всякомъ случаѣ, держатъ постоянно разсудокъ въ напряженномъ состояніи, а воображенію задаютъ такую работу, отъ которой одинъ только шагъ къ общему опьяненію. Здѣсь нѣтъ нужды ни въ водкѣ, ни въ гашишѣ! Воздухъ, которымъ дышать въ Парижѣ, служитъ уже достаточно возбуждающимъ и опьяняющимъ средствомъ.

Втеченіи дня парижанинъ занятъ своимъ дѣломъ. Здѣсь трудно найти людей, незанимающихся какимъ-либо дѣломъ, непреслѣдующихъ какихъ-нибудь матеріальныхъ или нравственныхъ цѣлей. Обломовщинѣ нѣтъ мѣста въ Парижѣ. Но рядомъ съ жизнью дѣла парижанинъ увлекается и жизнью удовольствія. Работаютъ всё, развлекаются также. Парижанинъ спѣшитъ насладиться удовольствіями, чтобы выиграть больше времени для работы, а работу выполняетъ съ лихорадочною поспѣшностью, чтобы раньше отдаться развлеченію.

Въ Парижѣ дышется свободнѣе только ночью, въ особенности лѣтомъ. Счастливы тотъ, кто находитъ свободный часъ времени, чтобы отдохнуть и перемѣнить свои закаленные латы въ промежутокъ между двумя половинами дня. Сколько разъ приходилось мнѣ видѣть, что очень серьезные люди не имѣютъ времени захватить къ себѣ домой переодѣться и заранѣе посылаютъ свое

платье въ клубы или въ кофейню! Другіе, если и поспѣваютъ домой на нѣсколько минутъ, то спѣшатъ, переодѣваясь, или диктовать письма, или принимать лицъ, добывающихся свиданій съ ними, или, наконецъ, наскоро прочитывать тѣ книги, которыхъ нельзя не прочесть члену извѣстнаго парижскаго кружка.

Великосвѣтскій Парижъ развѣхался изъ столицы и въ ней царитъ теперь исключительно полусвѣтъ, заключающій въ себѣ особенную притягательную силу для иностранцевъ и преимущественно для русскихъ. Нельзя отвергать той истины, что если половина нашихъ соотечественниковъ наѣзжаетъ въ Парижъ за дѣломъ, то другая, и значительно большая, является сюда съ единственной цѣлью пожуировать. Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ на бульварахъ безпрестанно слышишь русскій языкъ, только и видишь, что людей, спѣшащихъ насладиться парижскими развлечениями. Въ среду вечеромъ въ такъ-называемомъ *Skating-Palace*, гдѣ охотники катаются на конькахъ не по льду, а по навощенному полотну, въ субботу—въ *Мабилѣ*, а въ воскресенье—въ *Буживалѣ*, что на Сенѣ, большинство публики иностранцы и между ними русскихъ—легіонъ.

Отцы наши восхищались типомъ парижской гризетки, граціозной танцовщицы на публичныхъ балахъ. Имя *Могадоръ*, прославившейся сперва какъ знаменитая танцовщица публичныхъ баловъ, а затѣмъ какъ литераторъ, было извѣстно всѣмъ. Гризетки были честныя женщины, самой *Могадоръ* приходилось часто голодать. Теперь не то. Гризетки исчезли и на публичные балы ѣздятъ не за тѣмъ, чтобы потанцовать отъ души и повеселиться: здѣсь происходитъ самая беззастѣнчивая купля и продажа. Танцы, конечно, не совсѣмъ изгнаны, но танцуютъ уже не желающіе, а нѣсколько наемныхъ паръ, обязывающихся за условленную плату, получаемую отъ содержателя заведенія, поддерживать типъ публичнаго бала, подъ именемъ котораго увеселительное мѣсто занесено въ полицейскіе списки. Сущность *Мабилы*, наприимѣръ, не въ тѣхъ нѣсколькихъ парахъ, которыя добросовѣстно выполняютъ въ тяжкую лѣтнюю жару принятую на себя хореграфическую роль, а въ совершенно иномъ. *Мабиль* наследовала роль *Пале-Рояля* и *бульваровъ*, служившихъ въ прежнее время центрами для выставки продажной женской красоты. Сюда съѣзжаются проститутки всѣхъ категорій и отгѣнковъ, напудрен-

ныя, нарумяненные, въ эксцентрическихъ туалетахъ. Что дѣлаютъ онѣ тамъ? Но лучше посмотримъ, какъ проводило время подобное-же общество почти сто лѣтъ тому назадъ, въ 1784 году. Описаніе его извлечемъ изъ корреспонденціи Гримма.

„Въ 9 часовъ вечера, пишетъ Гриммъ, — открываются блистательно освѣщенные галереи разныхъ Казино, Прадо, Тиволи и т. п. — этихъ новѣйшихъ капернаузовъ, въ которыхъ праздношатающееся юношество ищетъ удовольствія своему больному воображенію и развращеннымъ вкусамъ. Цѣлые ряды женщинъ, изощряющихся примѣнять моду дня до безвкусицы, метутъ своими хвостами полы и мостовую. Медленно двигаются онѣ то въ одну сторону, то въ другую, напрягая свое зрѣніе, точно испуганныя животныя, чтобы подмѣтить человѣка, который пожелалъ-бы ими поинтересоваться, подавая видъ, что ни на что не обращаютъ вниманія, и въ то же время съ жадностью слѣдя, гдѣ-бы высмотрѣть подходящую каждой изъ нихъ жертву.

„Эти женщины, рискующія своею репутаціею, сьумѣли измѣнить моды по образцу, принятому исключительно ими однѣми; здѣсь различаются два направленія: одно, мѣтящее преимущественно на возбудительную до варварства нарядность туалета, другое — на изысканную простоту, рѣдко встрѣчаемую даже въ болѣе достойныхъ уваженія сферахъ. Женщина выступаетъ павой, скользитъ точно змѣя, качается на устоѣ, представляемомъ фіжками, и мечетъ вызывающіе взгляды. Она представляетъ собою олицетвореніе скотской природы человѣка, противодѣйствующей элементамъ цивилизаціи. Вся красота ея въ этомъ случаѣ исходитъ изъ принципа зла, — принципа, всегда лишеннаго надлежащаго духовнаго закала, но иногда принимающаго видъ томительной нѣги, стремящейся стать меланхоліею. Взглядъ ея напоминаетъ взглядъ хищной птицы: та-же блудливость, та-же безпечная разсѣянность и та-же настойчиво-сосредоточенное на одномъ предметѣ вниманіе. Принадлежа къ подонкамъ общества и вынужденная вести постоянную борьбу и пускать въ ходъ всю свою болѣзненную хитрость, женщина въ такихъ условіяхъ становится безусловно цыганскимъ типомъ, проникающимъ чрезъ всѣ скважины ея нарядовъ, несмотря на всю красоту и иногда даже изящество ея внѣшняго облика“.

Хотя это описаніе грѣшитъ дидактическимъ тономъ моралиста,

пораженнаго постояннымъ прогрессомъ проституціи, но незнающаго, въ чемъ заключается причина этого печальнаго соціального явленія, однакожь нельзя не признать въ описаніи Гримма точнаго снимка съ дѣйствительности. Почти сто лѣтъ прошло съ того времени, которое онъ описывалъ, а типъ остается все тотъ-же самый. Пронеслось надъ нимъ нѣсколько поэтическихъ образовъ, вродѣ Мими Пенсонъ или Маргариты Готье, но образы эти остались рѣдкими исключеніями; женщина, искавшая приключеній въ Пале-Рояль, осталась тою-же женщиною, какъ сто лѣтъ тому назадъ; она перенесла только свою дѣятельность въ Мабиль, въ Буживаль и въ разные Скэтингъ-Ринги. Мало того, проституція съ каждымъ днемъ усиливается; съ нею не только спокойно сживаются, но начинаютъ интересоваться спеціально ея судьбами и даже подражать ея пріемамъ. Противъ этого общественнаго зла не принимается никакихъ мѣръ, а если онѣ и принимаются, то по большей части несоотвѣтственныя, унижающія человѣческое достоинство. Руководящіе классы старательно обходятъ причину этого соціального бѣдствія и примѣняютъ средства моральныя тамъ, гдѣ необходимы экономическія реформы. Вопросъ о проституціи принадлежитъ къ числу жгучихъ и, рано или поздно, Европа должна будетъ разрѣшить его въ раціональномъ смыслѣ.

3 августа.

Наши читатели, вѣроятно, знакомы съ преніями, происходившими въ версальскомъ сенатѣ по поводу оставленія за правительствомъ исключительнаго права выдавать дипломы окончившимъ курсъ студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ. Имъ извѣстно, какую печальную роль при этомъ разыграли бывший министръ народнаго просвѣщенія Валлонъ и остроумный профессоръ, теперь совершенно оклерикалившійся, Лабулэ. Всю свою жизнь поучали они въ университетѣ, считались либералами, однакожь у нихъ не хватило духу пойти въ разладъ съ католическимъ духовенствомъ; произнесенныя ими рѣчи и голоса, поданныя противъ министерскаго проекта, утвердили побѣду за орлеанскимъ епископомъ и его партіей.

Въ публикѣ настойчиво стали ходить слухи о перемѣнѣ въ министерствѣ. Нѣкоторыя газеты очень прозрачно намекали, что Лабулэ подаль голосъ за клерикаловъ въ надеждѣ получить ми-

нистерскій портфель. Однакожь, клерикалы ошиблись въ своихъ расчетахъ: министерскаго кризиса не послѣдовало, а Ваддингтонъ, несмотря на то, что проектъ его былъ отвергнутъ сенатомъ, а можетъ быть, именно потому, что противъ него возстали реакціонеры, — Ваддингтонъ сталъ еще болѣе популяренъ, чѣмъ былъ прежде.

Нѣсколько дней тому назадъ парижское юношество сдѣлало Ваддингтону овацію по поводу рѣчи, произнесенной имъ при раздачѣ наградъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя сказать, чтобы рѣчь министра поддакивала разгорячившимся въ политической борьбѣ страстямъ; напротивъ, онъ совѣтовалъ юношеству быть скромнѣе и трудолюбивѣе. Нельзя также признать за Ваддингтономъ особаго ораторскаго таланта. Своей популярностью онъ обязанъ не краснорѣчію, а тому, что съ принятіемъ имъ министерскаго портфеля стали постепенно приводиться въ исполненіе тѣ улучшенія, о которыхъ прежде велась рѣчь только на словахъ: онъ настойчиво идетъ къ осуществленію необходимыхъ послѣдовательныхъ реформъ, идетъ безъ всякихъ колебаній и полумѣръ. Онъ сумѣлъ добиться ассигновки на дѣло народнаго просвѣщенія 49 миліоновъ, тогда-какъ погибшая вторая имперія въ послѣдній годъ своего существованія тратила на этотъ предметъ высшую цифру — 25 миліоновъ.

Основанія реформъ, входящихъ въ программу Ваддингтона, были подробно выяснены имъ въ рѣчи, произнесенной передъ собраніемъ представителей ученыхъ обществъ, о которомъ я писалъ въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ. Еще пространнѣе изложены они въ рѣчахъ министра, сказанныхъ имъ въ бюджетной комисіи и затѣмъ въ палатѣ. Я остановлюсь нѣсколько на этихъ основаніяхъ; въ случаѣ проведенія ихъ въ жизнь, они несомнѣнно окажутъ значительное вліяніе на умственное развитіе французскаго общества.

Вѣрный програмѣ, высказанной передъ представителями ученаго сословія Франціи, Ваддингтонъ потребовалъ, чтобы въ нынѣшнемъ году было отстроено не менѣе тысячи помѣщеній для первоначальныхъ школъ, чтобы въ то-же время были приняты всѣ нужныя мѣры къ учрежденію значительнаго числа нормальныхъ учительскихъ семинарій и чтобы, такимъ образомъ, была подготовлена та почва, на которой долженъ осуществиться нетерпѣливо ожи-

даемый законъ объ обязательности первоначальнаго обученія. Относительно образованія гимназическаго, Ваддингтонъ остается вѣрнымъ духу и программѣ Жюль Симона; онъ настойчиво заявилъ о своемъ намѣреніи усилить преподаваніе новыхъ иностранныхъ языковъ, географіи и гимнастики. И во Франціи, наконецъ, ультра-классическое направленіе начинаетъ ослабѣвать. Къ сожалѣнію, Ваддингтону не удалось вырвать изъ рукъ клерикаловъ захваченное ими вліяніе на высшее образованіе.

Понятіе объ университетѣ, т. е. о школѣ, сосредоточивающей въ себѣ общее, универсальное преподаваніе всѣхъ человѣческихъ познаній, имѣетъ, какъ извѣстно, средневѣковое происхожденіе. Основаніемъ всякаго преподаванія, какъ и вообще всякихъ человѣческихъ познаній, почиталось „богословіе“. Еще до сихъ поръ въ стѣнахъ древнихъ университетовъ сохраняются надписи, въ которыхъ богословіе называется матерью всякой науки.

Отъ этого первоначальнаго всеобъемлющаго богословскаго элемента мало-по-малу отдѣлились факультеты „права“, „философіи“, а послѣдній во Франціи подраздѣлился на курсы чистой „науки“, т. е. математики, и „словесности“. Медицина, происхожденія арабскаго, искони вѣковъ антиклерикальная, случайно присоединилась къ факультетамъ богословскаго происхожденія. Въ настоящее время, если оставить чисто-богословское преподаваніе въ сторонѣ, существуютъ во Франціи факультеты четырехъ родовъ: два изъ нихъ, математическій и словесный, занимаются общимъ обученіемъ юношества, безъ подготовленія къ напередъ опредѣленнымъ спеціальностямъ, а другіе два готовятъ юристовъ и медиковъ.

Всѣ четыре факультета вѣстѣ во Франціи находятся только въ одномъ парижскомъ университетѣ; былъ еще другой такой университетъ въ Страсбургѣ; въ прочихъ-же университетахъ существуютъ только отдѣльные факультеты.

По плану Ваддингтона во Франціи должно быть четыре университета, имѣющіе каждый непремѣнно по четыре факультета: въ Парижѣ, въ Нанси, въ Ліонѣ и въ Бордо. Существующіе въ провинціальныхъ городахъ отдѣльные факультеты, конечно, не будутъ закрыты. Но легко предвидѣть, что если проектируемые университеты воспользуются тою свободою и тѣмъ развитіемъ, которыя входятъ въ программу министра, то многіе изъ отдѣльныхъ факультетовъ закроются сами собою, вслѣдствіе отвлеченія

ихъ интеллектуальныхъ силъ въ болѣе значительнымъ центрамъ. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы новые университеты дѣйствительно успѣли сплотиться, развиться и стать тѣми умственными средоточіями, принципомъ которыхъ увлекается Ваддингтонъ.

Существующіе факультеты юридическихъ и медицинскихъ наукъ по своей спеціальности представляются совершенно особыми школами, до извѣстной степени достигающими, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, той воспитательной цѣли, которою они задаются, и потому нетребующими немедленнаго преобразованія. Главное вниманіе Ваддингтона обращено поэтому на факультеты научные (математическіе) и словесные.

Въ настоящее время преподаванія въ строгомъ смыслѣ этого слова на этихъ факультетахъ во Франціи вовсе не существуетъ. Цѣль большинства професоровъ, читающихъ здѣсь лекціи, заключается не въ сообщеніи своихъ познаній учащимся, а въ произнесеніи пріятныхъ слуху, краснорѣчивыхъ рѣчей. Дѣйствительныхъ студентовъ на этихъ курсахъ бываетъ мало, а посѣщаетъ ихъ случайная публика, образуемая изъ ученыхъ, изъ любителей, наконецъ изъ лицъ, привлекаемыхъ въ аудиторію репутаціею лектора. Послѣдствіемъ этого является, разумѣется, пониженіе уровня преподаванія въ пользу ораторской способности, дающей лектору легкій успѣхъ, но несоотвѣтствующей цѣли преподаванія, если на нее одну обращается исключительное вниманіе преподавателя. При такомъ направленіи профессоръ, разумѣется, обнаруживаетъ желаніе блеснуть видными обобщеніями и оставляетъ разборъ подробностей въ сторонѣ. Онъ ищетъ рукоплесканій и популярности, а распространеніе познаній между слушателями отодвигаетъ на второй планъ. Словомъ, университетская аудиторія принимаетъ характеръ публичной лекціи или конференціи.

Такое направленіе и характеръ факультетской дѣятельности имѣетъ свое историческое происхожденіе, относящееся еще ко времени гибели первой имперіи.

Когда Наполеону I удалось захватить всю государственную власть въ свои руки, онъ успѣшилъ отказаться отъ всѣхъ программъ, выработанныхъ республиканскими дѣятелями по части улучшеній въ народномъ образованіи, и однимъ ударомъ уничтожилъ всѣ созданныя во время революціи заведенія. Эти заведенія иѣшали ему проводить въ жизнь излюбленные планы, потому что

учрежденіе ихъ было основано на ненавистномъ для него принципѣ народной свободы.

Однакожь когда пришлось замѣнять закрытыя учебныя заведенія другими, которыя все-таки соответствовали-бы существующей въ народѣ потребности въ образованіи, задача оказалась труднѣйшей, чѣмъ предполагалъ императоръ. Онъ убѣдился, что совершить государственный переворотъ или одержать нѣсколько воинскихъ побѣдъ легче, чѣмъ создать дѣйствительно плодотворный органическій законъ, который могъ-бы послужить основаніемъ общественному образованію.

Страстный почитатель дисциплины, поклонникъ іезуитовъ, Наполеонъ, вслѣдъ за закрытіемъ республиканскихъ школъ, увлекся мыслью создать подъ именемъ университета нѣчто вродѣ обширнаго свѣтскаго монашескаго ордена, сосредоточивающаго подъ своей опекой все юношество страны, подчиненное двойному вліянію—правительственнаго милитаризма и клерикальныхъ умствованій. По его мысли идеаль школы заключался въ такомъ заведеніи, которое представлялось-бы чѣмъ-то среднимъ между монастыремъ и казармою. Учащимся стали командовать по барабану, одѣли ихъ въ полу-военную форму и обучали маршировкѣ тихимъ и скорымъ шагомъ съ гораздо большею настойчивостью, чѣмъ древнимъ классикамъ и законамъ логическаго развитія человѣческой мысли; учителямъ въ то-же время захотѣли присвоить какой-то странный костюмъ, похожій не то на адвокатскую мантию, не то на монашескую расу, и съ тѣмъ вмѣстѣ готовы были требовать отъ нихъ обѣта холостой жизни и выполненія обязательныхъ религиозныхъ обрядовъ въ общемъ единеніи; съ наступленіемъ старости для нихъ подготавливалась жизнь въ богадѣльнѣ, которую предполагалось организовать на монастырскихъ началахъ. Изъ опубликованныхъ Ланфрѣ выдержекъ изъ корреспонденціи Наполеона съ министромъ народнаго просвѣщенія Фуркьеу оказывается, до какихъ странностей доводила замѣчательнаго полководца логическая послѣдовательность проводимыхъ имъ въ жизнь мыслей,—странностей, вызывавшихъ улыбку или досаду въ самихъ исполнителяхъ затѣй Наполеона, но противорѣчить ему никто не рѣшался.

Однакожь крайніе предѣлы, до которыхъ доходило наполеоновское мракобѣсіе, никогда не были осуществлены. Несмотря на все

свое самодурство, Наполеонъ понялъ, наконецъ, что всякому стѣсненію есть предѣлъ и что не годится идти въ разрѣзъ съ духомъ времени и едва выработавшимися новыми общественными началами. На практикѣ, законъ 1808 года уже не настаивалъ на общихъ молитвахъ учителей заведенія и объѣтъ безбрачія установленъ только въ видѣ опыта, весьма притомъ недолго продолжавшагося, для нѣкоторыхъ исключительныхъ должностей въ лицеяхъ. Тѣмъ не менѣе, если крайнія примѣненія наполеоновской фантазіи остались безъ осуществленія, то направленіе, одушевлявшее его созданіе, проведено было въ практическую жизнь.

Какъ уголъ паденія равенъ всегда углу отраженія, такъ и въ этомъ дѣлѣ реакція противъ наполеоновскихъ стѣсненій, съ паденіемъ первой имперіи, оказалась на-столько-же сильною, насколько напоръ предыдущей системы былъ рѣзокъ и томителенъ. Съ наступленіемъ реставраціи, французскій университетъ съ честію выполнилъ роль возстановителя мысли, которую старались заглушить, и на его кафедрахъ появились дѣятели, получившіе извѣстность: Ройе-Болларъ, Кузенъ, Вильменъ, Гизо, немного позже Мишле, Кине и другіе. Понятно, что эти талантливые профессора, въ силу событій принужденные въ стѣнахъ университета вести политическую пропаганду, невольно, даже помимо своего желанія, постепенно обратили профессорскую кафедру въ ораторскую трибуну.

Немудрено, что талантливые ораторы вызвали подражаніе въ другихъ профессорахъ и ораторскіе приемы получили право гражданства на лекціяхъ научнаго и словеснаго факультетовъ парижскаго университета. Противъ этихъ-то замашекъ, наносящихъ ущербъ успѣшности преподаванія, ратуетъ Ваддингтонъ. Университетская хартія 1815 года, дѣйствующая въ своихъ основныхъ чертахъ и до сихъ поръ, преобразила профессоровъ изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, какими они были при Наполеонѣ I, въ крайнихъ поклонниковъ всякаго обобщенія, подчасъ чрезмѣрно увлекающихся фразой.

Ваддингтонъ заявляетъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи пожертвовать приемами „высокаго“ преподаванія (*la grande leçon*) въ пользу болѣе скромной системы чтенія лекцій въ ограниченныхъ аудиторіяхъ, заключающихъ въ себѣ группы учащихся въ восемь, десять и до пятнадцати человекъ. Въ видахъ усиленія изученія

подробностей онъ проектируетъ учрежденіе при ординарныхъ профессорахъ значительнаго числа сотрудниковъ, изъ среды юныхъ докторовъ или магистровъ, которые занимались-бы дѣйствительно научнымъ разборомъ предмета и выясняли-бы подробности передъ самымъ ограниченнымъ числомъ слушателей. Принятіемъ этой мѣры министръ надѣется имѣть въ рукахъ дѣйствительное средство для образованія серьезно-подготовленныхъ научныхъ дѣятелей, изъ которыхъ талантливѣйшіе будутъ поступать на должности ординарныхъ профессоровъ. До сихъ поръ составъ университетскихъ профессоровъ пополнялся преимущественно изъ числа гимназическихъ преподавателей. Факультетская кафедра всегда считалась наградою за заслуги, принесенныя преподаваніемъ въ лицей или гимназіи. Иному преподавателю приходилось много лѣтъ ожидать возжелѣнной университетской кафедры. Легко понять, какъ трудно ему было подготовиться какъ слѣдуетъ для новой дѣятельности: разница большая между преподаваніемъ во второстепенной школѣ и университетскимъ.

По проекту Ваддингтона кандидатъ на профессорскую должность будетъ подготовляться въ университетѣ, на самомъ университетскомъ преподаваніи, состоя помощникомъ ординарнаго профессора. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ этихъ помощниковъ выработаются въ серьезныхъ и знающихъ профессоровъ. Но нѣкоторые даже изъ сторонниковъ ваддингтоновскаго проекта высказываютъ опасеніе, что профессора, пожалуй, возложатъ всю неблагодарную работу разбора подробностей на своихъ помощниковъ, а сами еще болѣе станутъ увлекаться приемами „высокаго“ преподаванія и вдадутся въ ту именно реторику, которую министру хотѣлось-бы устранить.

Создавая кружокъ профессорскихъ помощниковъ, Ваддингтонъ, однакожь, не допускаетъ принципа свободнаго преподаванія. Репетиторы или помощники (*maitres de conférences*) будутъ состоять на правительственной службѣ, получать жалованье изъ казны, а назначеніе въ должность—отъ министра; между этими чиновниками и такъ-называемыми въ германскихъ университетахъ привать-доцентами нѣтъ ничего общаго.

Въ Германіи привать-доцентомъ можетъ быть всякій, имѣющій докторскую или магистерскую степень, или даже просто кандидатъ, желающій заняться преподаваніемъ избраннаго предмета; для этого не нужно ни вступать въ государственную службу, ни полу-

чать казеннаго содержанія. Трудно предвидѣть, какой успѣхъ могли-бы имѣть во Франціи, при французскихъ нравахъ, подобныя свободныя преподаватели. Легко могло-бы случиться, что при немнѣннхъ постороннихъ средствъ къ жизни имъ часто пришлось-бы голодать.

Въ Германіи, если приватъ-доцентъ не лишень таланта, онъ всегда можетъ сгруппировать вокругъ себя значительное число слушателей и зарабатывать насущный хлѣбъ, а иногда даже достигнуть довольно обеспеченнаго положенія. Германскій студентъ свободенъ въ своемъ выборѣ между курсами приватъ-доцента и ординарнаго профессора, такъ-какъ цѣна въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковая и экзаменъ на ученое званіе зависитъ отъ профессора не больше, чѣмъ отъ доцента. При такихъ условіяхъ студентъ выбираетъ, разумѣется, того преподавателя, курсы котораго лучше, полнѣе, отчетливѣе. Между профессоромъ и доцентомъ существуетъ разница только въ томъ, что первый получаетъ казенное жалованье, а второй его не получаетъ.

Учрежденіе приватъ-доцентовъ привилось и принесло въ Германіи пользу только благодаря исключительной обстановкѣ общественной жизни въ германскихъ университетскихъ городахъ. Во Франціи такой обстановки нѣтъ и французы слишкомъ заражены духомъ бюрократизма, страсть къ полученію чиновничьяго мѣста во Франціи развита не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ. Если преподаватель и не долженъ уже соответствовать той военной, дисциплинарной мѣрѣ, которую прикладывалъ къ нему Наполеонъ I, то и частный дѣятель на профессорской кафедрѣ никогда не будетъ пользоваться во мнѣніи французовъ такимъ авторитетомъ, какъ лекторъ, считающійся на государственной службѣ и получающій жалованье отъ казны. Потому-то Ваддингтонъ и не рѣшается ввести во Францію германскую систему частныхъ приватъ-доцентовъ. Онъ опасается, что трудно будетъ находить желающихъ занимать эти обязанности, если должности этой не будетъ присвоено офиціальное положеніе и она не будетъ обеспечена жалованьемъ отъ казны.

18-го августа.

Сочувствіе къ славянамъ, сражающимся за свою свободу и цивилизацію противъ угнетенія и варварства, во Франціи съ

каждымъ днемъ увеличивается. Геройская рѣшимость сербскаго народа возбуждаетъ симпатію даже въ людяхъ холодныхъ, привыкшихъ ничему не удивляться, ничѣмъ не увлекаться. Что-же касается людей, постоянно ратующихъ во имя справедливости, во имя требованій цивилизаціи, — ихъ отношеніе къ дѣлу славянъ дѣлается все болѣе и болѣе страстнымъ. Я хочу обратить вниманіе моихъ читателей на одинъ выдающійся фактъ, очевидно показывающій, что во Франціи есть еще люди, способные увлекаться высшими нравственными порывами, — люди, еще неподдавшіе исключительному вліянію будничныхъ, мелкихъ и матеріальныхъ интересовъ. Я говорю о манифестѣ Виктора Гюго, только-что появившемся во многихъ изъ здѣшнихъ газетъ:

„Является необходимость, пишетъ Гюго, — обратить вниманіе европейскихъ правительствъ на фактъ, который самъ по себѣ такъ ничтоженъ въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что они не удостоиваютъ даже принять его къ соображенію. Фактъ этотъ — умерщвленіе цѣлаго народа. Гдѣ? Въ Европѣ. Есть-ли свидѣтели? Одинъ свидѣтель — цѣлый міръ. Видятъ-ли эти близорукія правительства этотъ фактъ? Нѣтъ, не видятъ...

„Слѣдуетъ называть предметы настоящими ихъ именами, пишетъ далѣе Гюго. — Умертвить человѣка въ глухомъ лѣсу — значитъ совершить убійство, умертвить цѣлый народъ — я полагаю, также убійство, также преступленіе, только гораздо болѣе значительное, — вотъ я вся разница! Развѣ важность преступленія уменьшается соразмѣрно степени ужаса, имъ наводимаго? Увы! это старый законъ, замѣченный уже въ исторіи. Убейте шесть человѣкъ — вы Тропманъ, убейте шестьсотъ тысячъ человѣкъ — вы можете вознестись на высшія ступени. Доведите дѣло рукъ вашихъ до ужасовъ — васъ будутъ бояться и, пожалуй, уважать. Доказательства — Варфоломеевская ночь, удостоившаяся благословенія Рима, драгонады протестантовъ, воспѣтыя Боскеэтомъ, наконецъ переворотъ 2 декабря, возбуждившій сочувствіе во многихъ мѣстахъ Европы!

„Пора-же, наконецъ, остановиться послѣ длиннаго ряда потрясающихъ ужасовъ... Мы приближаемся къ воскресенію призраковъ; послѣ папскаго силлабуса — выступаетъ на сцену корантъ; послѣ римскаго престола — высокая Порта. Остается выбрать, какой иракъ болѣе придется по вкусу: видя, какъ Римъ угощаетъ насъ сво-

ими средневѣковыми посланіями, Турція захотѣла угостить насъ тѣмъ-же!“

Легко понять значеніе этихъ сближеній: ужасы, потрясающіе нынѣ болгарскія провинціи, уподобляются подпольнымъ дѣйствіямъ клерикальной партіи внутри Франціи. Гюго, а за нимъ цѣлая партія видятъ въ томъ и другомъ одно общее начало, — начало мрака, возвращеніе къ средневѣковымъ порядкамъ.

„Намъ говорятъ, продолжаетъ Гюго, — что мы забываемъ о существованіи вопросовъ. Умертвить человѣка — называется преступленіемъ, умертвить народъ — вопросомъ. Всякое правительство имѣетъ свой вопросъ: Россія имѣетъ Константинополь, Англія имѣетъ Индію, для Пруссіи весь вопросъ — это Франція, для Франціи вопросъ — Пруссія!

„Но и человѣчество имѣетъ свой вопросъ; этотъ вопросъ важнѣе всѣхъ тѣхъ, которые озабочиваютъ Россію, Англію и Францію. Онъ заключается въ спокойствіи дитяти, зарожденнаго въ утробѣ матери. Въ этомъ вся будущность человѣчества“.

Изъ этихъ выдержекъ можно уже видѣть, до какой степени Гюго, а за нимъ и масса французской мыслящей публики возмущена тѣмъ, что дѣлается въ Турціи, — возмущена насиліями и варварствомъ турокъ. Сочувствіе къ славянамъ Балканскаго полуострова выражается теперь вездѣ; толки о геройской борьбѣ можно услышать на каждомъ шагу: на улицахъ, на бульварахъ, въ вагонѣ желѣзной дороги, въ великосвѣтской гостиной — вездѣ говорятъ о славянскомъ движеніи, и говорятъ съ сочувствіемъ и съ полнымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ или другимъ способомъ турецкому владычеству въ Европѣ долженъ наступить конецъ. Всякій мало-мальски мыслящій французъ теперь сознаетъ, что Турція въ этой борьбѣ представляетъ начало отсталое, грубое, а славянскіе народы — начало прогреса и движенія впередъ. Отсюда и всеобщее убѣжденіе, что окончательная побѣда должна остаться несомнѣнно за славянами.

Алексанръ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Братская помощь пострадавшим семействам Босніи и Герцеговины. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета. Спб., 1876 г.

Книга, о которой хотимъ мы поговорить съ нашими читателями, выходитъ въ свѣтъ подъ самымъ симпатичнымъ флагомъ — братской помощи несчастнымъ славянамъ, пострадавшимъ отъ ужасовъ турецкаго деспотизма. Въ виду этой прекрасной цѣли, мы, конечно, должны пожелать прежде всего настоящему изданію полнаго успѣха, который будетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и успѣхомъ заслуженнымъ, такъ-какъ книга составлена, вообще говоря, разнообразно и занимательно. Въ ней есть стихотворенія извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, гг. Некрасова, Полонскаго, Майкова, три весьма интересныя главы изъ повѣсти покойнаго М. В. Авдѣева и нѣсколько ученыхъ и публицистическихъ статей различнаго содержанія и характера. Такимъ образомъ, деньги, употребленныя на покупку этой книги, не будутъ, ни въ какомъ случаѣ, брошенными деньгами. Единства плана, выдержаннаго направленія, конечно, нѣтъ въ этомъ сборникѣ, но вѣдь странно было-бы и искать его въ случайномъ изданіи, куда внесли свою лепту литературные „добровольцы“ изъ разныхъ общественныхъ лагерей, которые сошлись только въ одномъ желаніи — пособить по мѣрѣ силъ жертвамъ опустошительной и безчеловѣчной войны.

Но выражая сочувствіе наше благой цѣли изданія, мы нисколько не обязываемся скрывать его недостатки или соглашаться съ мнѣніями добровольцевъ на томъ лишь основаніи, что даровому, молъ, коню въ зубы не смотрятъ. Даренный конь или недаренный, но если онъ предназначенъ для движенія, для ѣзды, а не для отдыха въ почетномъ стойлѣ, то долженъ обладать соотвѣтственными такому назначенію физическими качествами и ужъ, по меньшей мѣрѣ, не хромать на всѣ четыре ноги.

Такимъ неудавшимся подаркомъ является, на нашъ взглядъ, статья г. В. Ламанскаго: „Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ“. Статья эта помѣщена во главѣ сборника. выражаетъ собой какъ-бы руководящіе принципы славянскаго движенія, а потому мы и вправѣ предъявить къ ней требованія болѣе серьезныя, чѣмъ къ другимъ статьямъ, непретендующимъ на такое важное значеніе. Но эту же г. Ламанскаго не удовлетворяетъ, къ сожалѣнію, не только строгимъ, но даже и самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Авторъ задался довольно странною мыслью утѣшить славянъ тѣмъ, что Россія полезна для нихъ однимъ ужь существованіемъ своимъ на географической картѣ,—утѣшеніе крайне слабое для людей, гибнущихъ въ непосильной борьбѣ и ожидающихъ отъ насъ чего-нибудь посущественнѣе присылки географическаго атласа! Способъ доказательствъ, принятый г. Ламанскимъ, не менѣе страненъ, чѣмъ самая мысль, положенная въ основаніе эту да. Аргументація автора начинается издалека, если не съ яиць Леды, то, по крайней мѣрѣ, съ Симеона Болгарскаго и Стефана Душана; но убѣдительность ея отъ этого нисколько не выигрываетъ. Декартъ говорилъ нѣкогда: „я мыслю, значитъ я существую“; русскій-же философъ думаетъ какъ-разъ наоборотъ и изъ факта существованія заключаетъ о способности мышленія, объ умственной силѣ существующаго предмета. Построенныя на такой зыбкой почвѣ, всѣ историческія демонстраціи г. Ламанскаго колеблются и въ ту, и въ другую сторону, такъ-что въ концѣ-концовъ авторъ, вмѣсто того, чтобы доказать свой основной тезисъ: „Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ“, убѣждаетъ насъ въ совершенно противоположной мысли, а именно въ той, что на-сколько проблематична была польза, принесенная нами славянскимъ племенамъ, на-столько-же существенны и важны были услуги, оказанныя этими племенами Россіи въ моменты безпрестанныхъ столкновеній съ Оттоманскою Портою. Такъ, напр., изъ словъ г. Ламанскаго оказывается, что съ самыхъ древнихъ временъ Россія вызывала къ себѣ симпатіи южныхъ славянъ, что симпатіи эти со времени завоеванія Константинополя турками отлились въ форму мечтательной фикціи о перенесеніи христіанскаго царства съ грековъ на русскихъ, и что подобная фикція, распространяя суевѣрный страхъ между мусульманами, много способствовала на Востокѣ упроченію авторитета русскаго имени. „Нѣтъ! патетически восклицаетъ при этомъ г. Ламанскій,—мысль о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, отнюдь не была пустымъ, горделивымъ вымысломъ такъ-называемой у насъ московской кичливости и исключительности. Это была гигантская культурная и политическая задача, всемірно-историческій подвигъ, мысленно возложенный миліонами единовѣрцевъ и соплеменниковъ на великій русскій народъ и его державныхъ вождей. То, что Москва умѣла понять величіе этой идеи, всего

лучше говоритъ противъ ея косности и національной исключительности. Только великіе, всемірно-историческіе народы способны откликаться на міровыя задачи, воспринимать вселенскія идеи и отдаваться ихъ осуществленію". Но это патетическое восклицаніе нисколько не вяжется съ фактами и отнюдь не вытекаетъ изъ нихъ. Ни откуда не видно, чтобы Москва, за прогрессивность которой такъ горячо ратуетъ г. Ламанскій, восприняла „вселенскую идею" и „отдалась" ея осуществленію, тогда какъ, съ другой стороны, видно очень ясно, что славянскія племена, еще въ древнемъ періодѣ русской исторіи, были намъ вдвойнѣ полезны, не только своими политическими симпатіями, но и вліяніемъ своей письменности, получившей въ Болгаріи довольно значительное развитіе до принятія нами христіанства. Уроженцамъ Македоніи мы обязаны переводомъ книгъ священнаго писанія. Взамѣнъ этого Москва ничего не дала славянамъ, кромѣ нѣсколькихъ официальныхъ фразъ заступничества въ дипломатической перепискѣ съ турецкими султанами. Да и могла ли она серьезно приняться за выполнение „гигантской культурной задачи" — овладѣть Константинополемъ, — когда ей только-что впору было отбиваться, съ грѣхомъ пополамъ, отъ разрушительныхъ набѣговъ крымской орды, доходившей даже до кремлевскихъ стѣнъ? Въ новое время, когда Россія усилилась уже на-столько, что могла вступать въ единоборство съ турецкой имперіей, сочувствія южныхъ славянъ стали для насъ еще дороже, получивъ характеръ открытаго и прямого союза, который не мало облегчалъ намъ тяжелое бремя военныхъ операцій, но за который славяне расплачивались очень горько по окончаніи войны. Г. Ламанскій совершенно справедливо говоритъ, что „неизбѣжная для насъ борьба съ Турціею въ XVIII и въ половинѣ XIX вѣка была-бы намъ несравненно затруднительнѣе, если-бъ наши нынѣшніе единовѣрцы и соплеменники были всѣ истреблены или отуречены". Также справедливо полагаетъ онъ, что „слаба и безсильна была-бы современная Россія и по отношенію къ Германіи, если-бъ всѣ 20 слишкомъ миліоновъ славянъ Австріи и Пруссіи были теперь отмечены или истреблены на подобіе слабыхъ вѣтвей славянъ полабскихъ въ Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Помераніи". Спрашивается теперь: *чѣмъ-же* вознаградили мы славянъ за ихъ теплыя симпатіи, за ихъ кровныя жертвы, въ новый періодъ русской исторіи, когда силы наши удесятились сравнительно съ московскимъ царствомъ, и мы имѣли полную возможность не однимъ словомъ, но и дѣломъ поддержать идею славянскаго освобожденія и объединенія? Опять-таки ничѣмъ. Г. Ламанскій самъ добросовѣстно рассказываетъ, какую роль разыграли мы въ 1807 г., во время сенявинской экспедиціи въ Адриатическомъ морѣ, возбуждившей столько радужныхъ надеждъ въ славянскомъ населеніи Далматіи, Черногоріи и сосѣднихъ турецкихъ земель. Одинъ изъ образованнѣйшихъ сподвижниковъ Сенявина, прошедшій пѣшкомъ съ экипажемъ своего фрегата

изъ Триеста въ Россію, офицеръ русскаго флота Броневскій видѣлъ на мѣстѣ всю силу славянскихъ симпатій и въ особомъ межуарѣ, представленномъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, старался объяснить: какъ можно было-бы воспользоваться этими симпатіями для блага Россіи и самихъ славянскихъ племенъ. «Франція, писалъ онъ,—есть великій центръ, объединяющій (при Наполеонѣ I) итальянцевъ, испанцевъ, батавовъ и германцевъ. Россія есть нравственный центръ славянъ, которые, всюду томясь подъ чужимъ игомъ, выпускаютъ стоны, сдерживаемые только страхомъ, и ждутъ себя генія-освободителя. Видѣтъ съ тѣмъ Россія является слишкомъ слабою по отношенію къ грозной конфедераціи, управляемой Франціей. Россіи нужно обезпечить свое существованіе упроченіемъ новыхъ международныхъ отношеній, новою политикою и новыми союзами. Въ виду такихъ естественно сближающихся потребностей, само собою представляется нашъ интересъ отъ присоединенія къ нашимъ силамъ силъ славянскихъ. Воспользуются-ли этимъ или нѣтъ, тѣмъ не менѣе справедливо, что природа положила строгую раздѣльную границу между славянами и другими европейцами. Характеръ славянъ носить свой особый отпечатокъ, рѣзко отличающій ихъ отъ другихъ народовъ. Они никогда не сольются ни съ французами, ни съ нѣмцами, еще менѣе съ турками. По обстоятельствамъ они могутъ на время подчиняться иноплеменникамъ, но они никогда не перестанутъ мечтать о независимости, какъ это было впродолженіи столѣтій. Свидѣтели этому—чехи и моравцы, которые, послѣ трехсотлѣтняго присоединенія къ австрійскому дому, употребляютъ понынѣ слово «нѣмецъ» въ смыслѣ бранномъ и насмѣшливомъ. Эта упругость характера—лучшее ручательство будущей свободы всѣхъ славянъ. Такъ и наши мужественные предки освободились отъ татарскаго ига послѣ 250-ти-лѣтняго рабства. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ себя обманывать. Славяне, самихъ себя предоставленные, лишены денежныхъ средствъ, офицеровъ, артилеріи, непремѣнно будутъ побѣждены и только умножать свои несчастія. Такой исходъ былъ-бы несчастіемъ для Россіи. Ея потери отъ этого были-бы непоправимы, ибо приверженность къ ней этихъ народовъ и даже самый ихъ нейтралитетъ во время войны стоить большой арміи, ибо иначе надо было-бы имѣть таковую наготовѣ. Такимъ образомъ интересы Россіи требуютъ охраненія интересовъ славянъ, какъ для настоящаго, такъ и для будущаго. Довѣріе этихъ благородныхъ народовъ къ намъ есть священное достояніе. Ключъ къ нему долженъ быть переданъ потомству, если обстоятельства мѣшаютъ сдѣлать изъ него теперь означенное употребленіе. Если сущность современныхъ событій требуетъ образованія федеративнаго союза, основаннаго на лучшемъ сознаніи и болѣе прочномъ, чѣмъ это было до сихъ поръ, охраненіи интересовъ, то *федерация славянская представляется единственно естественнымъ союзомъ, который одинъ можетъ создать хорошую*

границу для Россіи и представить лучшій противовѣсъ усиленію Франціи“.

Но идея славянской федераціи, такъ основательно мотивированная Броневскимъ съ политической точки зрѣнія, не нашла себѣ отзыва въ русской дипломатіи и только въ виду наполеоновскаго нашествія и союза Австріи съ Франціей нѣкоторыя черты програмы Броневского повторились въ планѣ адмирала Чичагова и въ инструкціяхъ, данныхъ ему въ 1812 г., при отправленіи его главнокомандующимъ арміи въ Молдавію. Здѣсь тоже предполагалось образованіе славянской федераціи, но прежде всего имѣлось собственно въ виду „воспользоваться военнымъ духомъ народовъ славянскаго происхожденія: сербовъ, босняковъ, далматинцевъ, черногорцевъ, хорватовъ, иллировъ“. Однажды вооруженныя и организованныя, племена эти могли-бы, по мнѣнію русскихъ властей, много содѣйствовать нашимъ военнымъ операціямъ вмѣстѣ съ венграми, представлявшими тоже отличное средство безпokoить Австрію и ослаблять ея силы. Ополченіе, составленное изъ славянъ и венгерцевъ, при содѣйствіи нашихъ регулярныхъ войскъ, имѣло-бы своимъ назначеніемъ, съ одной стороны, предупредить враждебныя замыслы Австріи, а съ другой—произвести диверсію на правомъ крылѣ французскихъ владѣній. Цѣлью этой диверсіи противъ Франціи было-бы занятіе Вoснии, Далматіи и Хорватіи и обращеніе ихъ милицій на важнѣйшіе пункты адриатическаго побережья, какъ, напр., на Триестъ, Фиуме и пр., „дабы завязать, въ случаѣ надобности, сношенія съ англійскимъ флотомъ, подстрекать недовольство Тироля и Швейцаріи и втянуть ихъ мужественное населеніе въ общія дѣйствія противъ Наполеона“. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли адмиралу Чичагову предписывалось „употребить всевозможныя средства для возбужденія и привлеченія на нашу сторону славянскихъ населеній“. Такъ, напр., дозволялось ему „обѣщать“ (съ тѣмъ, чтобы не исполнить?) образованіе какого-то славянскаго королевства, раздавать денежныя пособія и ордена главнымъ славянскимъ начальникамъ и т. п. Но и этотъ фантастическій планъ, рассчитанный на союзное дѣйствіе такихъ несоединимыхъ элементовъ, какъ славяне съ одной стороны, а венгерцы и итальянцы — съ другой, не былъ приведенъ въ исполненіе и сохранился въ исторіи только за тѣмъ, чтобы, по справедливому замѣчанію г. Ламанскаго, „свидѣтельствовать о крайне небрежномъ и легкомысленномъ отношеніи нашемъ къ предмету, о полномъ незнакомствѣ съ внутреннимъ положеніемъ странъ и народовъ, которые у насъ хотѣли освободить“. „Независимость, свобода славянъ, говоритъ далѣе авторъ по этому поводу, — понималась единственно и исключительно въ смыслѣ политическомъ и притомъ въ духѣ господствовавшей въ то время въ Россіи государственной теоріи, т. е. чисто военно-полицейской. Съ точки зрѣнія этой теоріи народъ представляется толпой плательщиковъ, готовыхъ или способныхъ поступить въ

солдаты. Славяне рассматривались исключительно какъ вѣдншій матерiалъ, который, отнявъ у противника и тѣмъ ослабивъ его, можно употребить на свои надобности. Въ 1823 г. въ „обществѣ соединенныхъ славянъ“ вновь возникаетъ идея о республиканской федераціи изъ восьми славянскихъ колѣнъ, „безъ нарушенiя независимости каждаго колѣна“; но эта идея, которую г. Ламанскій атестуетъ, какъ наиболѣе легкомысленную, могла еще меньше расчитывать въ свое время на обще-славянское сочувствіе...

Выходитъ, что какъ ни кинь, все клинъ, и славянамъ остается расчитывать только на самихъ себя, на свои собственные силы, а не убаюкивать себя иллюзіями на содѣйствіе такихъ благодѣтелей, какъ наши славянофилы... Ужь ихъ-то не за что благодарить славянамъ и Г. Ламанскій сдѣлалъ-бы гораздо лучше, если-бы, извлекиши правильный выводъ изъ сообщенныхъ имъ-же фактовъ, указалъ русскому обществу, что теперь наступила, наконецъ, минута, когда мы можемъ заглядить наши прежнія ошибки, вступить энергически за нашихъ старыхъ союзниковъ и доброжелателей, помочь имъ свергнуть невыносимый гнетъ азіятской орды и вернуть къ себѣ на этомъ пути ихъ охлаждающія симпатіи. Но у г. Ламанскаго „умысль другой тутъ былъ“. Настоящій моментъ пробужденiя дѣятельнаго сочувствiя къ славянамъ пока зался ему удобнымъ для того, чтобы возобновить старую распрю между славянофилами и западниками, — распрю, уже давно „взвѣшенную судьбою“, и, возобновивъ ее, узурпировать, такъ-сказать, весь смыслъ современнаго движенiя въ пользу несуществующаго и навсегда похороненнаго славянофильскаго доктринерства. Въ концѣ своей статьи г. Ламанскій проповѣдуетъ намъ, что главными виновниками безучастнаго отношенiя къ славянамъ были наши такъ-называемые западники — и консерваторы и либералы, безъ различiя, — и что свѣтъ возсіалъ у насъ только тогда, когда славянофилы сочинили свою теорію о гнѣенiи Запада и о провиденціалномъ назначенiи Россіи. По мнѣнію г. Ламанскаго, славянофильская доктрина есть такая всепроникающая, всепобѣждающая сила, что она совершенно перелыцела и русскую жизнь, и русскую литературу: передъ нею все склонается, все пасуетъ, и она завладѣваетъ всѣми нитями движенiя, то какъ общепризнанная сила, то „аки тать въ ноци“. Если не вѣрите, читатель, то послушайте самого г. Ламанскаго. „Славянофилы, говоритъ онъ, — съ самаго появленiя своего до настоящей минуты (да гдѣ ихъ искать въ настоящую-то минуту?) имѣли и имѣютъ какъ *видимое и признаваемое, такъ и скрытое*, но одинаково сильное вліяніе и на всѣ новѣйшія, многочисленныя развѣтвленiя стараго консервативнаго и либеральнаго нашего европейскаго направленiя. Они были дружески связаны съ Жуковскимъ, гр. Блудовымъ. Теперь нѣтъ, строго говоря, ни одной сколько-нибудь европейски-образованной русской

партіи, которая, часто сама того не зная и даже искренно увѣренная, что она открываетъ Америку, вноситъ какъ нѣчто новое въ свой символъ вѣры какіе-нибудь урывки изъ ученія лсдей, которыхъ ея представители обы-ваютъ и отсталыми, и вредными“. Въ этой характеристикѣ г. Ламанскій беретъ произвольно только одну сторону дѣла, а о другой, ему неподходящей, вовсе умалчиваетъ, чѣмъ и приводитъ въ заблужденіе читателей. Нѣтъ спора, что славянофильская партія въ русской литературѣ, въ лицѣ крупнѣйшихъ ея представителей—Хомякова, К. Аксакова и И. Кирѣевскаго, имѣла свое значеніе и свое влияние на развитіе нашего общественнаго міросозерцанія, но ея роль далеко не была такъ побѣдо-носна и рѣшительна, какъ это кажется увлеченному взору г. Ламанскаго. Не говоря о такихъ „пестрыхъ“ славянофилахъ, какъ, напр., гг. Шевыревъ и Погодинъ, всегда остававшихся раболѣпными слугами господствующаго порядка, — въ чистокровномъ славянофильствѣ замѣчалась очень сильная струя протеста, и оно, можно сказать, имѣло успѣхъ и силу по-стольку, по-скольку находилось въ оппозиціи противъ современнаго ему строя вещей. Но протестуя вѣско и горячо противъ недуговъ современнаго общества, славянофилы впадали сами въ очень вредныя иллюзіи, въ фанатическія преувеличенія, въ апофеозу древне-русскаго быта, въ которомъ они старались затушевать весьма непривлекательныя и даже отвратительныя черты. Въ добавокъ къ этому, они не отличались публицистическимъ тактомъ и статьи ихъ нерѣдко имѣли такую окраску, что эффектъ, производимый ею, едва-ли былъ желателенъ для самихъ авторовъ статей. За приѣромъ ходить не далеко. Въ томъ-же сборникѣ помѣщена статья К. Аксакова: „О современномъ человѣкѣ“, которая, отъ начала до конца, представляетъ собой одну сплошную публицистическую ошибку. Въ обществѣ, гдѣ личность только начинала складываться и формироваться, гдѣ она была подавлена и крѣпостнымъ правомъ, и бюрократическимъ гнетомъ, Аксаковъ вздумалъ доказывать, что „начало личности есть *истинное начало*, какъ скоро личность не отречется отъ себя“, что „ослабленіе истинно-общественнаго начала въ человѣкѣ *разнузда*ло его личность и довело его до страшной современной порчи“, что отъ чрезмѣрнаго развитія личности у насъ появились будто-бы какіе-то „щеголи убѣжденія“,—и это въ то время, когда объ *убѣжденіяхъ* говорилось шопотомъ, въ тѣсномъ лишь кругу немногихъ опаль-ныхъ людей! Также несвоевременны и безтактны были нападки на „общественно-политическія сдѣлки“, которые дурно или хорошо удерживали въ Европѣ крайнія выходы произвола, налагая на него хоть какую-нибудь узду. И всѣ эти безтактности сопровождаются невоздержною худлою на Петра Великаго и западную Европу, якобы сгнившую подъ корень. Появись такая статья во времена Бѣлинскаго, онъ, безъ сомнѣнія, устроилъ-бы ей подобающій пріемъ, и былъ-бы правъ въ своемъ ожесточеніи.

Намъ говорятъ, что въ основѣ славянофильскихъ увлеченій лежало искреннее чувство любви къ народу; но развѣ этой любви къ народу было меньше у Бѣлинскаго и такъ-называемыхъ западниковъ? Развѣ западники не возставали, даже энергичнѣе славянофиловъ, противъ всякихъ невзгодъ, тяготѣвшихъ надъ этимъ народомъ? Даже сочувствіе къ славянамъ, сознаніе племенного родства съ ними, надежда на будущее высокое развитіе славянскаго міра выражаются у западниковъ (напр., въ обществѣ „соединенныхъ славянъ“) съ неменьшею силою, чѣмъ у записныхъ славянофиловъ. Разница только въ томъ, что западники, прежде, чѣмъ толковать о нашей вселенской миссіи, о „гигантскихъ культурныхъ задачахъ“, совѣтовали намъ записаться хорошенько западно-европейскимъ образованіемъ, кое-какими европейскими формами общественной жизни, а затѣмъ уже шествовать на выполненіе своей миссіи безъ крѣпостного ядра на ногахъ... Говорятъ еще, что славянофилы открыли и возлюбили русскую сельскую общину и что они крѣпко стояли за надѣленіе крестьянъ землею при развязкѣ крѣпостного вопроса. Но сельская община возвеличена впервые даже не западникомъ, а истиннымъ нѣмцемъ, барономъ Гакстгаузеномъ; ту-же сельскую общину и надѣленіе крестьянъ землею отстаивалъ, какъ извѣстно, „Современникъ“, неимѣвшій ничего общаго съ славянофильствомъ...

Съ освобожденіемъ крестьянъ, съ введеніемъ другихъ реформъ нынѣшняго царствованія, теоретическіе споры между славянофилами и западниками какъ-то постепенно угасали сами собою и ужъ, во всякомъ случаѣ, утратили ту живучесть и тотъ интересъ, которыми отличались они въ сороковыхъ годахъ. На почвѣ практическихъ государственныхъ преобразованій невозможно было обходиться безъ европейскихъ образцовъ, и даже самые слабоумные люди не рѣшились-бы, напр., отстаивать преимущества нашего древняго „повального обыска“ предъ европейскимъ судомъ присяжныхъ. Не славянофильская партія одолѣвала при этомъ своихъ враговъ, незамѣтно прививая къ нимъ свои взгляды на вещи, но, наоборотъ, сама она распускалась и таяла въ наплывѣ новыхъ идей, подъ давленіемъ новыхъ общественныхъ условий. Дошло уже до того, что „Бесѣда“ г. Юрѣва, — послѣдній, по времени, органъ славянофиловъ, — строго осуждала „безумное“ желаніе стараго славянофильства захватить и поглотить всѣ славянскія племена, напирала уже больше на идею славянской федераціи, не восхищалась окаменѣлою тупостью древне-русскаго быта и не только не враждовала съ Европою, но не разъ высказывала взгляды, заимствованные изъ свѣжихъ европейскихъ источниковъ и подцвѣченные сильнымъ демократическимъ оттѣнкомъ. Профессоръ Градовскій проповѣдывалъ позитивизмъ въ социальныхъ наукахъ, — опять-таки вопреки старой славянофильской метафизикѣ, — а профессоръ О. Миллеръ забрался даже въ такую ересь, что подаль руку примиренія Бѣлинскому и въ самомъ Базаровѣ, въ этомъ яростнѣйшемъ „отрицателѣ“, нашелъ

симпатичныя черты и сталъ оборонять его отъ наветовъ московской журналистики. Это новое направленіе „Бесѣды“ не ускользнуло, въ свое время, отъ вниманія прессы и одинъ изъ тогдашнихъ журнальных обозрѣвателей выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „Предвзятая идея не совсѣмъ чужда „Бесѣдѣ“ и она, даже выхваляя въ сущности хорошія вещи, все приравливаетъ ихъ къ извѣстному углу зрѣнія, все озирается назадъ, какъ, напр., въ статьѣ г. Миллера, на авторитеты Хомякова и Кирѣевского... Но сила вещей ломаетъ все-таки узенькія рамки патріархальнаго ученія, и оно, волей-неволей, дружится съ теоріями, которыя, въ-концѣ-концовъ, несомнѣнно принесутъ ему побѣду. Пржняго заскорюзлага славянофильства уже нѣтъ, а новое, если оно не жаждетъ остановиться на полдорогѣ, сольется рано или поздно съ тою или другою фракціею либеральной партіи. По крайней мѣрѣ, по многимъ насущнымъ вопросамъ современной жизни славянофилы вотируютъ нынѣ, говоря парламентскимъ языкомъ, заодно съ либералами. Такъ, напр., по вопросу объ учебной реформѣ „Бесѣда“ отстаиваетъ естественныя науки, „какъ орудіе общаго воспитанія“, и заимствуетъ свои аргументы у тѣхъ-же писателей, къ которымъ прибѣгали въ этой распрѣ и наши либеральные журналы. Обрусеніе нашего западнаго края,—въ той формѣ, въ которой оно проводится на практикѣ,—также точно не пользуется симпатіей „Бесѣды“. (См. „Новое Время“, 1872 г., № 52.) По прекращеніи „Бесѣды“, славянофилы наши нигдѣ не высказывались, какъ партія, какъ организованная фракція общественнаго мнѣнія, и только немногіе разсѣянные голоса ихъ раздаются то въ духѣ стараго славянофильства, то въ тонѣ обевропеившейся „Бесѣды“. Такъ, напримѣръ, въ той-же „Братской помощи“, гдѣ г. Ламанскій упорствуетъ въ старыхъ славянофильскихъ традиціяхъ, г. О. Миллеръ примирительно лобзаетъ тѣни Бѣлинскаго и Рылѣва. Маститые-же славянофилы, тѣ, кажется, совсѣмъ расширились съ литературою и, посвятивъ себя на служеніе мажонѣ въ разныхъ банкахъ, получаютъ, однако, за свои труды не излюбленными ими «куньими мордками», а государственными кредитными билетами новѣйшаго фасона.

Итакъ, г. Ламанскій совершенно напрасно гальванизировалъ въ своемъ этюдѣ трупъ умершаго славянофильства; редакція-же „Бесѣды“, помѣщая его этюдъ, напрасно вредитъ тому единодушію, съ которымъ всѣ образованные русскіе люди, уже позабывшіе старыя клички „славянофила“ и „западника“, жертвуютъ славянскому дѣлу и своими матеріальными избытками, и своею дорогою кровью...

Въ память Юрія Федоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины. Съ приложеніемъ портрета. Спб. 1876 г. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета.

Еще Фон-Визинъ сѣтовалъ въ оны дни, что мы не живемъ въ такихъ общественныхъ условіяхъ, „когда витія большую дверь къ славѣ отворяютъ и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но претурою, архонціями и консульствами вознаграждается“. Затѣмъ, сравнивая судьбу нашихъ витій съ судьбою древнихъ ораторовъ, дарованіямъ которыхъ открытъ былъ широкій просторъ, Фон-Визинъ присовокуплялъ: „Демосфень и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были-бы риторы не лучше Максима Тиранина, а Прокоповичъ, Ломоносовъ и проч. въ Афинахъ и Римѣ были-бы Демосфены и Цицероны“. Почти такую-же мысль выразилъ и Пушкинъ, сказавъ о Чаадаевѣ, что онъ „въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Афинахъ—Периклъ“, а въ градѣ С.-Петербургѣ является простымъ гусарскимъ офицеромъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ высказаны были эти мнѣнія, положеніе нашихъ витій, нашихъ общественныхъ дѣятелей немного улучшилось, и намъ все еще приходится вспоминать и сѣтованія Фон-Визина, и шутивную характеристику, сдѣланную своему другу Пушкинымъ.

Вспоминается все это и въ виду свѣжей могилы Ю. Ф. Самарина, съ теоретическими взглядами котораго можно было не соглашаться, но котораго нельзя было не уважать за его сильное, выдающееся дарованіе и за гражданскую честность — качество, столь рѣдко встрѣчающееся въ наши смутные дни. «Самаринъ, справедливо сказалъ о немъ князь А. И. Васильчиковъ, — въ послѣдней половинѣ своей жизни былъ по преимуществу общественный дѣятель, и стараясь выразить какъ можно полнѣе и вѣрнѣе значеніе его дѣятельности, я позволю себѣ сказать, что *главное чувство, которое его воодушевляло, была любовь къ народу*. Но я спѣшу остановиться на этихъ словахъ и ихъ объяснить, потому что эти выраженія: „общественный дѣятель“, „любовь къ народу“ меня самого нѣсколько смущаютъ. Они такъ часто употребляются всеу, такъ часто примѣняются къ мелкимъ людямъ и мелочнымъ дѣламъ, что я не смѣлъ-бы ихъ привести, говоря о Самаринѣ, если-бъ могъ найти другія, болѣе точныя слова для выраженія своей мысли. Но Самаринъ былъ въ наше время, въ нашемъ современномъ обществѣ дѣйствительный дѣятель въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова, не изъ тѣхъ, которые только держатъ рѣчи и сочиняютъ проекты, но изъ другихъ, которые и словомъ, и дѣломъ, своими познаніями и умомъ, своимъ участіемъ къ про-

буждающейся общественной жизни принесли дѣйствительную пользу отечеству и своей братіи, не только меньшей, но и большей. Точно также я долженъ оговориться и при выраженіи: „любовь къ народу“, ибо эту любовь на словахъ исповѣдуютъ всѣ и сама по себѣ она даже входитъ въ составъ официальныхъ добродѣтелей всякаго гражданина и составляетъ ходячую монету, на которую разбиваются очень мелкія, а иногда и фальшивыя чувства. Но въ Самаринѣ это чувство не служило, какъ у многихъ, рекламой для популярности: нѣтъ, оно было, во-первыхъ, вполне сознательное, во-вторыхъ, безпристрастное и, въ-третьихъ, въ высшей степени безкорыстное... Здѣсь мы разумеѣмъ не ту пошлую корысть, которая не должна-бы прельщать людей богатыхъ, какъ Самаринъ, но другую, на которую люди всѣхъ классовъ, и высшихъ, и среднихъ, очень падки, — это властолюбіе и честолюбіе. Для удовлетворенія этихъ чувствъ, людямъ даровитымъ, какъ Самаринъ, и притомъ поставленнымъ по рожденію на высшихъ ступеняхъ общества, нужно немного, небольшого усилія надъ собой, надъ своею совѣстью: нужно только пожертвовать нѣкоторой частью своихъ убѣжденій, уступить болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, духу или духамъ, вѣющимъ съ извѣстныхъ сторонъ,—и только. Все остальное приходитъ само собою, когда, повторяемъ, человѣкъ обладаетъ, какъ въ данномъ случаѣ, и умственными, и матеріальными, и свѣтскими средствами и связями. Вотъ этого-то Самаринъ во всю свою жизнь сдѣлать не сумѣлъ, и, совершивъ или принявъ участіе, едва-ли не самое вліятельное, въ совершеніи такихъ великихъ дѣлъ, какъ освобожденіе крестьянъ въ Россіи или введеніе новаго положенія въ Польшѣ, онъ уходилъ всякій разъ въ пріютъ частной жизни, гдѣ опять предавался не праздности свѣтской жизни, но послыннымъ и плодотворнымъ своимъ трудамъ въ скромномъ званіи члена дворянскихъ и земскихъ собраній, гласнаго городской думы и члена училыщнаго совѣта“.

«Этими чертами—такъ заключилъ кн. Васильчиковъ свою характеристику—далеко, разумеется, не исчерпывается, но, я смѣю думать, нѣсколько обрисовывается характеръ общественной дѣятельности Самарина. Я прошу, мм. гг., позволенія остановиться на этомъ краткомъ, далеко не полномъ очеркѣ. Эти простые слова стоили мнѣ большихъ душевныхъ усилій. Рана, нанесенная русскому обществу преждевременной смертью Самарина, слишкомъ свѣжа, чтобы ее раскрывать глубже, и я боюсь, чтобы при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ не нашлись еще и другія явны, о которыхъ лучше, да и надо умолчать. Но нельзя не пожалѣть—не о покойномъ Самаринѣ. онъ исполнилъ честно передъ русской землей свой христіанскій и человѣческій долгъ,—но надо пожалѣть о томъ обществѣ, гдѣ не находятъ себѣ мѣста и голоса такой человѣкъ, какъ Юрій Федоровичъ Самаринъ».

Эта исполненная такта и достоинства рѣчь справедливо очерчиваетъ

важнѣйшую заслугу Самарина передъ русскимъ обществомъ: его горячую, испытанную любовь къ народу и посильное служеніе нашему развивающемуся самоуправленію. Самаринъ былъ, дѣйствительно, сильный характеръ, безкорыстный дѣятель и весьма замѣчательный ораторъ, прекрасно владѣвшій и мыслью, и словомъ. Интересна также рѣчь свящ. Ключарева, рисующая намъ нравственную личность Самарина съ ея неустаннымъ исканіемъ добра, правды и внутреннего совершенства. Всѣ другія рѣчи представляютъ уже гораздо меньшій интересъ и воспроизводятъ слабо и отрывочно тѣ самыя характеристическія черты, которыя полнѣе и глубже указаны въ личности Самарина названными ораторами. Но есть въ книжкѣ и такія ораторскія произведенія, которыя своею неуѣстною услужливостію сильно напоминаютъ крыловскую басню: „Пустынный и медвѣдь“. Такъ, напр., г. Григорій Градовскій, бывший фельетонистъ „Голоса“, воспользовался удобнымъ случаемъ напомнить публикѣ о своемъ собственномъ достославномъ служеніи въ юго-западномъ краѣ, причемъ не безъ внутреннего удовольствія сопоставилъ это служеніе съ дѣятельностію Самарина въ томъ-же краѣ. Самаринъ и Градовскій! Сопоставленіе, конечно, лестное... для г. Григорія Градовскаго, но отнюдь не для Самарина, котораго слѣдовало пощадить уже потому, что онъ самъ не можетъ отстраниться отъ безцеремоннаго союзника. Такъ-же неуѣстной показалась намъ и попытка г. Каринскаго возбудить, въ своемъ напыщенномъ витійствѣ, полемику противъ современнаго «утилитарнаго направленія мысли». Метафизическая система мышленія, которую, какъ славянофилъ, исповѣдывалъ Самаринъ, вовсе не составляетъ его достоинства, его литературной или общественной заслуги; по крайней мѣрѣ, добрая половина русскихъ мыслящихъ людей не согласится въ этомъ случаѣ съ г. Каринскимъ. Съ своей метафизической точки зрѣнія Самаринъ нападалъ, напр., на новѣйшую педагогику за то, что она не поддерживаетъ, не культивируетъ „чувство ужаса, неизвѣстно откуда западающее въ душу ребенка“, и воображаетъ „вопреки опыту всѣхъ временъ и народовъ (?), будто-бы вопросъ о происхожденіи грома, молніи и паровъ ближе къ человѣку, раньше въ немъ возникаетъ, чѣмъ вопросы о разумѣ и совѣсти“. У новѣйшей педагогики, конечно, не мало грѣховъ, но едва-ли кто-нибудь, близко знакомый съ дѣломъ воспитанія, поставитъ ей въ вину, что она не насикуетъ дѣтскихъ головокъ несвоевременными метафизическими и отвлеченными размышленіями, а предпочитаетъ начинать процесъ умственного развитія съ объясненія видимыхъ и доступныхъ явленій природы.

Но всѣхъ безтактнѣе оказался г. Кояловичъ, который, начавъ съ глумленія надъ «модными петербургскими воззрѣніями», окончилъ свою рѣчь нижеслѣдующими странными не и приличными запросами: «У насъ существуетъ анти-государственное направленіе, которое какъ-бы систематически каждый годъ сказывается печальными явленіями. Для борьбы съ этимъ направ-

леніем славянофилы обладаютъ могущественнымъ оружіемъ. Кто серьезно славянофилъ, тотъ непремѣнно признаетъ существующія основы нашего государственнаго устройства и врагъ ихъ ломки... Почему-же эти вѣрные слуги русской земли и русскаго государства не стоятъ въ этой борьбѣ впереди другихъ въ государственной и общественной средѣ? Почему не стоялъ впереди другихъ и покойный Юрій Федоровичъ? Далѣе. Мы страдаемъ отъ сильнаго распространенія у насъ невѣрія. Если борьба съ этимъ зломъ не должна быть дѣломъ официальной профессіи, если она должна быть живымъ дѣломъ всего русскаго общества, то опять удивительно, почему и въ этой борьбѣ не стоятъ впереди славянофилы?.. Неужели можно думать, что съ тѣмъ и другимъ зломъ могутъ справиться такъ-называемые наши западники? Они ихъ развѣ усилиять, потому что стоять на той-же почвѣ, на которой выросли и наши социалисты, и наши атенсты».

Ужь если васъ, г. Кояловичъ, приспичило воевать съ пугалами, которыя вовсе не такъ страшны, какъ вы ихъ малюете, и не грозятъ еще покуда погубить русскую землю, то вы и отправляйтесь въ походъ, подъ вашимъ собственнымъ знаменемъ, пригласивъ для компаніи Виктора Ипатьевича Аскоченскаго. Самаринъ-же никогда и никого не сражалъ тѣмъ оружіемъ, которое вы ему такъ не кстати навязываете, и находилъ для своей борьбы другіе объекты, болѣе реальныя, чѣмъ фантомы, нарисованныя вашимъ разстроенымъ воображеніемъ.

Исторія тверскаго княжества. В. С. Борзаковскаго. Спб. 1876.

Россійская наука въ послѣднее время замѣтно очищается и процвѣтаетъ. Давно-ли процвѣли у насъ гг. Аристовъ, Самоквасовъ, Незеленовъ, и вотъ является новый кринь, г. Борзаковскій, издавшій свою толстую, многоученую „Исторію тверскаго княжества“. Въ послѣднее время у насъ появилось много восторженныхъ поклонниковъ провинціальной литературы, которые облизываются, какъ передъ манной небесной, передъ всѣмъ, что печатается въ провинціи или о провинціи. Однажды мы были въ Воронежѣ, въ книжномъ магазинѣ. Книгопродавецъ съ какою-то сіяющею улыбкою подалъ намъ книжку въ розовой оберткѣ: „Слова и рѣчи протоіерея Н. Острогжскъ. 1874“. Я сразу понялъ, что книгопродавецъ хотѣлъ похвастаться тѣмъ, „что, дескать, и мы не стекломъ утираемся, и у насъ, въ Острогжскѣ, писатели есть.“ — „Что-же, покупаютъ эту книгу?“ спросилъ я. — „Острогжскіе сильно покупаютъ“. — „Вѣроятно, хорошія проповѣди?“ — „Нѣтъ, дрянъ, а покупаютъ, потому — лестно, что и въ Острогжскѣ книги выходятъ начали.“ — „Еще дестяѣе, конечно, для провинціаловъ, когда мѣстные сочинители начинаютъ

заниматься исторіей ихъ губерніи или города и затѣмъ печатають труды свои. На какую высоту поднялась уже провинціальная историческая наука, показываетъ превосходный трудъ г. Борзаковского, который хотя и изданъ въ Петербургѣ, но посвященъ исторіи провинціи. О серьезности этого труда читатель можетъ судить по слѣдующимъ образцамъ, взятымъ нами изъ этой книги: „Деревня *Городище*, тверского уѣзда, при рѣкѣ Тверцѣ, восемь верстъ отъ Твери, 50 человекъ; деревня *Городище*, тверского уѣзда, при колодцахъ, 22 версты отъ Твери, 60 человекъ; село *Городище*, калезинскаго уѣзда, при рѣкѣ Волгѣ, 4 версты отъ Калезина, 10 человекъ“ и т. д., и т. д. (стр. 13.) Цѣлыя страницы заняты подобными перечисленіями мѣстностей, такъ-какъ авторъ изслѣдуетъ главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какіе города входили въ составъ тверского края и каковы были его границы (стр. 20.) Онъ подробно опредѣляетъ не только границы края, но и границы каждаго уѣзда, даже каждой волости, слѣдя за постепеннымъ ихъ историческимъ измѣненіемъ, такъ что его книгу можно назвать *исторіею о границахъ*. Впрочемъ, онъ подробно рассказываетъ и вообще исторію тверского края, а чтобы дать понятіе о томъ его разказа, мы приведемъ слѣдующій образецъ. „Въ 1330 году епископомъ Твери былъ поставленъ Феодоръ, который черезъ 10 лѣтъ умеръ, именн^о въ 1341 г. Его преемникомъ былъ также епископъ съ именемъ Феодора, неизвѣстно въ которомъ году посвященный. Этотъ епископъ, Феодоръ II, въ тверскомъ соборномъ храмѣ Преображенія Господня „сотвори двери мѣдныя“. Не говорится, чтобы эти двери были сдѣланы иностранными мастерами; значить, ихъ дѣлали свои собственные, тверскіе мастера. Въ 1359 г. Феодоръ оставилъ епископію и удалился въ Отрочъ монастырь, гдѣ и умеръ въ 1366 году и былъ погребенъ въ малой церкви Введенія, тамъ-же, гдѣ и владыко Андрей“, и т. д. (стр. 207.) Въ такомъ родѣ г. Борзаковский рассказываетъ всю исторію тверского края. Онъ не упустилъ никакой само-малѣйшей подробности и въ добавокъ ко всему снабдилъ свою книгу, во-первыхъ, приложеніями, во-вторыхъ, обширнѣйшими и многоученѣйшими примѣчаніями, которыхъ 1,263 штуки. Каждый вопросъ, каждую мелочь онъ разсматриваетъ и обсуждаетъ, по крайней мѣрѣ, съ семидесяти точекъ зрѣнія и старается освѣтить всевозможными предположеніями, какія только могутъ придти въ голову подобному ученому. Вотъ, напр., рассказывая объ одномъ изъ татарскихъ нашествій, онъ говоритъ: „*вѣроятно*, Тверь была тогда еще плохо укрѣплена. *А можетъ быть*, Ярославъ, боясь нападенія на Тверь изъ сосѣднихъ новгородскихъ владѣній, отправилъ свое семейство въ Переяславль. Лѣтопись не говоритъ о разореніи именно тверского княжества, но вообще отзывается, что татары шли на всю Суздальскую землю, а потому *должно полагать*, что въ тверской области татары много разорили. Въ 1254 году Ярославъ убѣждалъ изъ Твери. Изъ лѣтописи не видно, что заставило его такъ поступить; *можетъ быть*, Александръ, выгнавши одного брата, захотѣлъ отнять удѣлъ у другого. *Во всякомъ*

случай, причина должна быть важная. *По всей вѣроятности*, дѣлью его бѣгства была не Ладога, а Швеція... *Вѣроятно*, теперь-же Ярославъ вывезъ изъ ордынскаго плѣна и своихъ дѣтей... *По всей вѣроятности*, въ тверской землѣ съ притѣснителями было поступлено такъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ... *Можетъ быть*, новгородцы были не довольны своимъ прежнимъ княземъ, а *можетъ быть*, они выгнали его потому, чтобы избѣжать ссоры съ новымъ великимъ княземъ. *Впрочемъ*, лѣтописецъ замѣчаетъ: „выгнаше новгородцы князя, занѣ князь еще малъ баше“... Касательно торговыхъ пошлинъ сказано, что князь *можетъ* брать по двѣ векши съ воза; *можетъ быть*, прежніе князья дѣлали попытки брать съ новоторжцевъ болѣе, чѣмъ съ новгородцевъ, а *можетъ быть* наоборотъ“ (стр. 71—76.) И всѣ свои собственныя изслѣдованія авторъ излагаетъ постоянно въ такой формѣ: „*можетъ быть такъ, а можетъ быть совершенно наоборотъ; впрочемъ*, лѣтописецъ прямо говорить... *но, съ другой стороны*, принимая во вниманіе, что... необходимо, повидимому, *предположить, что, хотя* у Карамзина и приведено свидѣтельство... *но* по изслѣдованіямъ Европеуса оказывается...“ И послѣ такой эквилибристики, послѣ столькихъ предположеній, авторъ въ приложеніяхъ къ своей книгѣ дѣлаетъ еще новыя гипотезы: „можно, говорить, еще присоединить догадку насчетъ обстоятельствъ“, но при этомъ нужно замѣтить“ и т. д. (стр. 247)! Мало того, за приложеніями слѣдуютъ примѣчанія, въ которыхъ онъ дѣлаетъ новыя предположенія: „по всей вѣроятности“, говорить, овъ и т. д. (примѣчанія, стр. 40)! Словомъ, все обслѣдовано тутъ подробно, хотя авторъ не дѣлаетъ никакихъ своихъ собственныхъ обобщеній. Какъ только дѣло касается какого-нибудь общаго вывода, онъ дѣлаетъ только выписки изъ Соловьева, Аристовъ и т. д. Вотъ, напр., вопросъ касается того, кто такіе были *житые люди*? Г. Борзаковскій рѣшаетъ его такъ: „Бѣляевъ такъ объясняетъ названіе житыхъ людей... Соловьевъ говорить... Г. Сергеевичъ приходитъ къ такому заключенію... Костомаровъ объясняетъ такимъ образомъ“... Затѣмъ авторъ дѣлаетъ свой выводъ, что „невозможно опредѣлить положеніе этого класса“ (стр. 233—234)! Нѣкоторые-же изъ частныхъ выводовъ и обобщеній г. Борзаковскаго въ высшей степени основательны; такъ, напр., мы до сихъ поръ думали, что при раскопкѣ древнихъ кургановъ легко отличать находящіяся въ нихъ кости животныхъ отъ человѣческихъ, но г. Борзаковскій убѣдилъ насъ, что это не такъ легко, и, ссылаясь на Европеуса, показалъ, что если найдешь въ какомъ-нибудь курганѣ кости, то умозаключай отсюда: сіи кости, *можетъ быть*, человѣческія, а *можетъ быть* и животнаго (стр. 3.) „По извѣстіямъ арабовъ, „весь“ не посѣщала страны болгаровъ, потому что когда они туда приходили. то, хотя-бы это было среди лѣта, измѣнялся воздухъ такъ, что даже растенія гибла“. Обыкновенный смертный, объясняя такую легенду, увидитъ въ ней, конечно, ту мысль, что страна весей казалась арабамъ мѣстомъ самаго ужаснаго холода. Но г. Борзаковскій — не обыкновенный

смертный, а магистрантъ; онъ, по всей вѣроятности, на какую-нибудь университетскую кафедру избирается, и потому объясняетъ эту легенду такъ: „истинная причина такого разсказа, вѣроятно, заключалась въ томъ, что болгаре не хотѣли, чтобы иностранные купцы, приходящіе въ ихъ городъ, узнали, за какую ничтожную цѣну они покупали отъ весей шѣховые товары“ (стр. 4)! Немного только странно то, что древніе арабскіе путешественники были такъ глупы, что вѣрили каждой нелѣпой сказкѣ, въ лживости которой они имѣли возможность убѣдиться собственными глазами. Ужели они были менѣе умны, чѣмъ большинство нашихъ новоявленныхъ ученыхъ?.. Названіе *Твери* авторъ сначала объясняетъ по Татищеву и производитъ его отъ слова *твердь*, или укрѣпленіе, но, съ другой стороны, принимая во вниманіе, что Тверь была заложена на рѣкѣ *Тверци*, допускаетъ, и что, вѣроятно, новгородцами было основано поселеніе при устьѣ Тверцы, которое отъ имени рѣки и получило свое названіе“ (стр. 17—18.) Какъ вамъ угодно, значить, и такъ, и этакъ можно. Очень хорошо. Г. Борзаковскій описываетъ даже фizioноміи древнихъ тверскихъ князей, и такъ-какъ портретовъ ихъ вовсе не было, то онъ руководствуется иконописными какъ-называемыми *подлинниками*. „Мала сѣдинка: борода со Власіеву, шапка на главѣ, шуба на немъ багоръ, отворотъ куній.—Сѣдина мала. Плѣшивъ. Борода аки Михаила черниговскаго. На главѣ шапка.—Сѣдина мала, плѣшивъ, на головѣ шапка“ (стр. 113.)

По своимъ ученымъ приемамъ г. Борзаковскій не подходитъ ни къ одному изъ современныхъ историковъ, кромѣ развѣ того архиваріуса, который составилъ *Исторію одного города*, изданную Щедринымъ, и неизвѣстно почему до сихъ поръ непредставленную на полученіе степени, по крайней мѣрѣ, магистра. Нынѣшніе магистранты и докторанты оставили прежній хорошій обычай предлагать къ своимъ диссертациямъ такъ-называемые тезисы; вслѣдствіе этого рецензенту сплошь и рядомъ трудно, иногда даже невозможно добиться, о чемъ это толкуетъ ученый мужъ? Г. Борзаковскій составилъ диссертацию въ 30 листовъ самаго плотнаго шрифта, но мы рѣшительно не понимаемъ, въ чемъ именно заключается сущность разсказанной имъ исторіи тверского княжества, какія его главныя положенія, какіе новые выводы, къ которымъ онъ пришелъ? Онъ разсказываетъ, что въ древнія времена тверской край былъ чуть не землею, текущею молокомъ и медомъ (стр. 9—11.) Но потомъ, по мѣрѣ развитія „цивилизаци“, дѣла пошли что день, то хуже. Междоусобицы постоянно разоряли край, а въ добавокъ къ нимъ татарскіе погромы. Самая Тверь то-и-дѣло горѣла. Въ 1276 году Тверь выгорѣла вся, осталась только одна церковь. Въ 1282 году Тверь опять погорѣла. Въ 1295 году Тверь снова сгорѣла вся. Въ 1298 году, на святой недѣлѣ, въ субботу, ночью загорѣлись „сѣни надъ Михаиломъ Ярославичемъ и сгорѣлъ весь его дворъ, но самъ князь Михаилъ пробудился и выкинулся со своею княгинею въ окно, а сѣни были полны спавшихъ княжатъ и боярченковъ, и много было стражи, и никто

ничего не слышалъ. Нѣкоторые успѣли спастись, другіе-же сгорѣли, также погибла въ огнѣ вся княжая казна, золото, серебро, оружіе, одежды“. Въ 1316 году горѣлъ тверской Кремль. Въ 1318 году сгорѣла половина города, въ томъ числѣ шесть церквей. Въ 1327 году сгорѣлъ княжескій теремъ. Въ 1375 году москвичи сожгли посадъ и нѣсколько церквей. Въ 1405 году сгорѣло 100 дворовъ и церковь. Въ 1413 году сгорѣла часть крѣпостной стѣны, одна церковь и княжескій дворъ со множествомъ всякаго запаса. Въ 1414 году сгорѣла вся Тверь. Въ 1443 году сгорѣла часть Кремля и множество дворовъ. Въ 1449 году сгорѣлъ весь городъ безъ остатка, „а зажгли его Ростопчины дѣти, Иванко да Степурка“. Въ 1465 году былъ новый огромный пожаръ. Въ 1483 году сгорѣла цѣлая улица. Въ 1484 году сгорѣло четыре церкви, монастырь и 80 дворовъ (стр. 22.) Кромѣ пожаровъ и воевавшихъ между собою князей, которые то-и-дѣло ходили на Тверь, чтобы „положить ее пусту“, край то-и-дѣло страдалъ отъ голода и мора. „Въ 1407 году летаще черви бѣли, отъ полудени граде къ полунощи идяше, преходяше рѣки, поля и жито, и на лѣсы сидяше и пояде и посуши древо ельное, того ради и *скора*, рекша бѣлка, вся изгибе, не имья кормися въ сухѣхъ дрѣвѣ“. Въ 1408 году въ волостяхъ ржевскихъ былъ моръ на людей съ хоркотою. Въ 1409 году была большая дороговизна всякаго хлѣба, множество народа умерло съ голода, а „житопродавцы“ разбогатѣли. Въ 1417 году, былъ моръ „зѣло страшень“ въ Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ и Твери. Моръ былъ такъ силенъ, что живые не успѣвали погребать мертвыхъ, здоровые не успѣвали ухаживать за больными. Предъ страхомъ смерти люди давали многіе обѣты и во многихъ мѣстахъ въ одинъ день срубали, ставили и святили такъ-называемыя *обиденныя* церкви. Въ 1419 году опять былъ сильный моръ въ тѣхъ-же мѣстахъ и вообще по всей русской землѣ; народу умерло такъ много, что во многихъ мѣстахъ некому было убрать хлѣбъ. Послѣ мора въ сентябрѣ пошелъ снѣгъ, за тѣмъ настали морозы, а потомъ оттепель; насталь голодъ и уцѣлѣвшіе отъ мора стали умирать отъ голода. Въ 1421 году опять былъ всеобщій голодъ; бѣли лошадей, собакъ, кошекъ, кротовъ, падалъ и даже людей. Въ Москвѣ оковъ (т. е. кадь) ржи стоила 1 руб. 50 коп. (по нынѣшнему счету 4 р. 50 к.), въ Костромѣ 2 р. (по нынѣшнему 6 р.), въ Нижнеи 6 р. (по нынѣшнему 18 р.). Во многихъ мѣстахъ народу перемерло столько, что „и числа вѣсть“, по выраженію лѣтописца. Въ 1424 году въ Литвѣ и по всей русской землѣ начался моръ „желѣзою и охаркъ кровью“. Въ 1424 году моръ въ Колинѣ. Въ 1425 году сильный моръ въ Твери, отъ котораго умеръ и великій князь съ сыномъ. Въ 1426 году новый моръ въ Твери. Въ 1427 году сильный моръ „прыщемъ“ во всѣхъ русскихъ городахъ. Въ 1431 году сильный голодъ по всей русской землѣ. Въ 1436, 1442, 1443 неурожай и голода, а въ 1448 году моръ на людей и животныхъ (стр. 237.) Несомнѣнно, что всѣ подобныя бѣдствія посылаются за грѣхи, а такъ-

какъ нынѣ ихъ гораздо меньше, чѣмъ прежде, то несомнѣнно, что наши прадѣды грѣшили гораздо больше, чѣмъ мы. Вотъ единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ магистерской диссертациі г. Борзаковскаго Благодаримъ и за это!

Сочиненія А. Михайлова. Томъ VI. С.-Петербургъ, 1875.

О прозаическихъ сочиненіяхъ г. Михайлова уже говорилось въ „Дѣлѣ“. Въ VI томѣ собранія его сочиненій заключаются преимущественно переводныя и оригинальныя стихотворенія г. Михайлова.

Наше время, повидимому, не особенно благопріятствуетъ поэзіи; по крайней мѣрѣ, она спустилась изъ прежнихъ заоблачныхъ предѣловъ на землю и получила реальный, практическій характеръ. Еще недавно русскіе поэты воспѣвали только веземныхъ дѣвъ, чириканье воробьевъ, луну, розу и любовь. Но всѣ эти темы давно уже заброшены и поэты по-возможности стараются теперь отвѣчать на земные вопросы. Нынче, какъ говоритъ г. Михайловъ, —

Почуявъ близость возрожденья,
Завидѣвъ издали разсвѣтъ,
На-встрѣчу жизни и движенья,
Стремится истинный поэтъ.

Жизнь и движеніе выставили такія задачи, что поэтамъ приходится говорить о томъ-же, о чемъ говорятъ прозаики. Эта прозаичность задачъ должна была неминуемо подѣйствовать и на самый характеръ поэтическаго творчества; но, съ одной стороны, какъ-бы расширивъ его задачи, она выстѣ съ тѣмъ ослабила производимое имъ впечатлѣніе. Прежнія темы, гдѣ приходилось обращаться больше къ неопредѣленнымъ чувствамъ, были гораздо благодарнѣе и на тему субъективныхъ чувствъ—любви, ненависти, ревности, душевныхъ томленій,—можно было говорить гораздо больше и даже занимательнѣе, чѣмъ на сухія темы современныхъ вопросовъ.

Пережѣна темъ обнаружилась на Западѣ и у насъ; вездѣ новые вопросы смѣнили старые и гражданское содержаніе поэзіи вытѣснило прежнія пѣсни любви. Несмотря, однако, на общую пережѣну тона, поэзія западныхъ гражданскихъ пѣвцовъ по своему содержанію отличается отъ поэзіи нашихъ пѣвцовъ, на-сколько русскіе вопросы и русскія стремленія отличаются отъ вопросовъ, стремленій и поведенія Европы. Мы думаемъ воспользоваться стихотвореніями г. Михайлова, чтобы сдѣлать маленькую параллель между тѣмъ, что поетъ Европа, и между тѣмъ, что можетъ пѣть Россія.

Изъ европейскихъ поэтовъ у г. Михайлова помѣщены переводы Л. Пфау, Фрейлиграта, М. Гартмана, Линга, Воденштедта, Коппе, А. Петефи, Барри Корнуэля. Изъ всѣхъ этихъ поэтовъ Петефи, конечно, придаетъ самый яркій

цвѣтъ переводному отдѣлу г. Михайлова. Петефи преимущественно національный поэтъ, поэтъ энергическаго чувства, поэтъ борьбы, которому неизвѣстенъ упадокъ нравственныхъ силъ. Свою способность на борьбу онъ употребляетъ какъ средство для возбужденія энергіи своей родины. Петефи не прочь поговорить и о бѣдности, и о страданіи; онъ подчасъ и шутитъ, но его пронія всегда со слезой, въ ней всегда чувствуется задушевность: если онъ на минуту иногда и отдается шуткѣ, то сейчасъ-же принимаетъ серьезное лицо. Говоря, напримѣръ, о томъ, какъ въ канунъ новаго года всѣ хозяева кончаютъ расчеты и приходы съ расходами, Петефи такъ сопоставляетъ людей, у которыхъ есть что считать, съ людьми, которымъ считать нечего:

У нихъ мѣшки богатствомъ полны,
У насъ любовью грудь полна...
Намъ вмѣсто нищенскихъ сокровищъ
Нужда богатая дана...

Эта нужда плететь свою сѣть и запутываетъ еще больше бѣдняка, а между тѣмъ жить хочется...

Прошедшій годъ встрѣчалъ я
Одинъ въ углу своемъ,
А нынче, слава-богу,
Сидимъ мы здѣсь вдвоемъ.
Дѣла, пожалуй, дальше
Пойдутъ такимъ путемъ:
Черезъ годъ втроемъ мы будемъ,
А тамъ и четверомъ.

„Но шутки прочь предъ лицомъ больного“, прерываетъ себя внезапно Петефи, и говоритъ, что умирающій годъ, этотъ добрый нашъ другъ, ужъ не вернется къ намъ снова

И свѣтлыми не подарить насъ днями.

Да, кончина года—великій мигъ; много хоронитъ онъ упованій и надеждъ, много сулитъ въ будущемъ, и каждый ищетъ въ немъ чего-то и отнесется къ нему съ благоговѣнной, чуть не религіозной торжественностью:

Неволью лучшій изъ людей
Въ подобный мигъ спѣшить замкнуться
Отъ всякихъ дразгъ въ душѣ своей.
Прощаетъ онъ не только другу,
Но и врагу прощаетъ онъ...
О, чудный подвигъ, неужели
Тебя свершить я принужденъ!

Но это иронія. Петефи очень хорошо знаетъ, что ему не свершить „чуднаго подвига“. Во „тѣмъ“, въ которой живетъ поэтъ, кроткимъ чувствовалъ какъ-то мало мѣста; съ ушедшей весной жизни тревоги лѣта унесли всѣ чудные цвѣты и рой чудныхъ сновъ, и въ теперешнихъ снахъ поэта—

..... не листьевъ сладкій шелестъ,
А вой грозы проносится, шума...

И когда въ этой тѣмъ порой забудеть свою скорбь поэтъ и придетъ
ему на память его родная Венгрія —

Я вижу въ ней испорченное племя,
Къ паденію стремящійся народъ.
Я съ злобою хватаю мечъ... Но тщетно!
О родинѣ рыдаю только я...

Родина и борьба за ея счастье составляютъ главное содержаніе поэзіи
Петефи; чувство его постоянно колеблется между любовью къ тому, что
служить его родинѣ, и ненавистью къ тому, что не служить ей.

Нѣтъ такого мѣста въ Венгріи просторной.
Гдѣ-бы нашей крови не было слѣда;
Но великихъ предковъ каждый слѣдъ упорно
Мы спѣшимъ закрасить всюду краской черной,
Краскою позора, краскою стыда.

И этой краскою позора и краскою стыда красятъ повсюду калѣки-
внучата, только нагло хвастающіеся подвигами своихъ отцовъ, старой сла-
вою своей родины, блескомъ ея былыхъ дней. Что-жь, и наши дѣти бу-
дутъ хвастать нами? спрашиваетъ Петефи. Нѣтъ, они постыдятся вспоми-
нать своихъ отцовъ и на судъ потомства посмотрятъ равнодушно, довольны-
тѣмъ, что добыли себѣ насущный хлѣбъ.

Въ лѣтописяхъ міра первыя страницы
Венгры занимали въ старыя года,
А теперь мы стали лишней пятой спицей.
Ползавшій предъ нами плюетъ въ наши лица...
Родина, не смыть намъ твоего стыда!

Чтобы заставить родину смыть свой позоръ, Петефи съ болью подни-
маетъ надъ нею свой бичъ, думая хоть имъ разбудить трусовъ.

Да, мой бичъ не дрогнетъ, пусть отъ боли льется
Слезъ потокъ горячій, пусть свершу я путь
Посреди проклятій,—я дождусь: забьется
Сердце у народа или надорвется
У меня отъ муки долголѣтней груди.

И всегда, о чемъ-бы ни говорилъ Петефи, онъ всегда говоритъ о своей
родинѣ; онъ старается воодушевлять ее и самъ воодушевляетъ себя на
энергію и жизнь. Въ стихотвореніи „Двѣ сестры“ Петефи говоритъ, какъ
одна изъ нихъ спасаетъ его своею безпечной веселостью, воодушевляетъ
въ минуты малодушнаго страха и безвѣрія, и рѣчь ея, полная невырази-
мой ласки, гонить, какъ сонъ, всякую навѣянную бѣду. Но у этой пре-
красной любимицы поэта есть еще ворчливая старшая сестра, которая по-
стоянно вторгается въ его домъ и гонить прочь его любимицу.

Гонимая старую суровой,

Несчастливая уходитъ вся въ слезахъ,
Но въ часъ ночной въ ея объятыхъ снова
Слова любви мнѣ слышатся въ потьмахъ.

Онѣ весь міръ обходятъ, вызывая
Слова любви и ропотъ укоризни, —
Ихъ имена: надежда молодая
И ветхая дѣйствительная жизнь.

И Петефи, боясь этой дѣйствительной жизни, боясь своего „родного города“, въ которомъ скучены лачуги и роскошныя палаты, гдѣ каждый камень служитъ для него живой хроникой миноваго и гдѣ, однако, его засосетъ пошлость дѣйствительности, — бѣжить отъ городского гама

Въ избы мужиковъ.

Природа представляеть для него обновляющую силу; въ ней только поются его лучшія пѣсни и создаются молитвы все за ту-же милую и дорогую ему родину. „Моя молитва“ едва-ли не лучшее стихотвореніе Петефи въ переводѣ г. Михайлова. Но не о себѣ хочетъ молиться поэтъ послѣ долгихъ лѣтъ, что онъ не склонялъ колѣнъ передъ Богомъ:

Господь, дай мнѣ... но нѣтъ, сначала дай отчизнѣ,
Народу моему пошли, Господь, скорѣй...
Но что-жь желать странѣ, переносящей въ жизни
Такое множество чреватыхъ скорбью дней?
Ее къ гибели ведутъ ея страданья,
Ей смерть грозитъ, — но ты могучею рукой
Пересоздай ее скорѣй до основанья...
Я говорю: услышь, Создатель, голосъ мой!

Чего просить себѣ? Дай доброе сознанье
Мнѣ въ спутницы да быстрого коня,
Чтобъ вихремъ къ ней меня носилъ онъ на свиданье,
И лавровъ я прошу побольше отъ тебя:
Не думай, что хочу чело вѣнчать я ими,
Нѣтъ, нужны мнѣ они, чтобъ сытъ былъ конь лихой
Безъ сѣна и овса хотъ лаврами моими.
Я говорю: услышь, Создатель, голосъ мой!

Петефи отличается мужественной и вѣстѣ съ тѣмъ нѣжной поэзіей. Для него привязанность къ отчизнѣ и „женская чистѣйшая любовь“ — двѣ самыя яркія звѣзды небеснаго свода. Если-бы Богъ, говоритъ онъ, — обратившись къ нему, какъ къ сыну, позволилъ выбрать смерть, какую онъ пожелаетъ, онъ-бы хотѣлъ, чтобы осенній день былъ тихъ и ясенъ и чтобы онъ угасъ, какъ осенняя природа, тихо, незамѣтно,

Чтобъ, какъ птица, пѣснью лебединой
Огласилъ я воздухъ въ этотъ мигъ,
Чтобъ волшебный звукъ дошелъ до неба,
Чтобъ въ сердца людскія онъ проникъ.

Чтобъ во слѣдъ за смолкнувшею пѣснью

Поцѣлуй закрылъ уста мои —
 Поцѣлуй твой, добрая подруга,
 Достоянье лучшее земли.

Но если-бы ему не удалось умереть этой лучшей смертью, смертью любви и общаго примиренія, если-бы Богъ отказалъ ему въ просьбѣ, то пусть придетъ борьба весны, пускай зацвѣтетъ она кровавыми цвѣтами на груди бойцовъ.

Пусть гремятъ восторженно надъ полямъ
 Сотни трубъ—сраженій соловьи—
 И пускай цвѣтокъ кровавой смерти
 Разцвѣтетъ тамъ на моей груди.

Пусть склонюсь безъ силы я на землю,
 Но чтобъ вздохъ послѣдній мой исчезъ
 Подъ твоимъ лобзаніемъ, свобода,
 Достоянье лучшее небесъ.

Наиболѣе капитальную вещь въ переводахъ г. Михайлова составляетъ поэма Петефи „Шальго“. Содержаніе этой поэмы еще разъ указываетъ на разницу того матеріала, который вдохновляетъ русскихъ и западныхъ поэтовъ. Поэма рассказываетъ преданіе XIV вѣка, когда надъ Венгріей царилъ глухая ночь, когда край разрывали партіи и когда междуцарствіе вызвало внутреннія смуты, разбой, грабежъ, кулачное право. Поэма „Шальго“, повидимому, не имѣетъ политическаго характера; въ ней просто рассказанъ случай нападенія владѣтеля Шальго на замокъ Геде. Геде былъ убитъ, замокъ его разграбленъ и вмѣстѣ съ награбленными сокровищами была уведена и его молодая, красивая жена. Наступилъ дѣлежъ. Сыновья владѣльца Шальго хотѣли раздѣлить все пополамъ, но какъ-же поступить съ прекрасной плѣнницей? Братья заспорили, взялись даже за мечи; но въ это время вошелъ отецъ, и, узнавъ въ чемъ дѣло, назвалъ ихъ „мальчишками“ —

Изъ-за такихъ ненужныхъ мелочей
 Готовы вы въ пылу убить другъ друга,
 И сѣдете просить, чтобъ я рѣшилъ
 Вашъ глупый споръ, — просать меня! Прекрасно,
 Вотъ я его рѣшу въ одну минуту:
 Никто изъ васъ владѣть не будетъ ею,
 Ни ты, ни онъ... Красотку молодую
 Возьму я самъ, возьму одинъ я въ жены!*

Конечно, у сыновей опустились мечи и они не посмѣли противорѣчить своему грозному отцу. А что-же прекрасная Перенна? На слова старика, что неволей или волей она должна сдѣлаться его женою, она отвѣтила: „согласна“.

И былъ отвѣтъ рѣшительный и страшный,
 Казалось, въ немъ суровый ангелъ смерти
 Своей приговоръ изрекъ ея устами:
 „Послѣдній часъ насталъ тебѣ, Компольти!“

Одинъ изъ сыновей Компольти, на котораго Перенна произвела особенное впечатлѣніе, уже ранѣе дѣлалъ попытку объясненія ей въ любви. Послѣ „согласна“ она призвала его къ себѣ и отъ нея онъ услышалъ вопросъ:

„Скажи, меня любилъ ты въ самомъ дѣлѣ,
Иль тотъ порывъ былъ вспышкой мимолетной,
На мигъ одинъ блеснувшимъ огонькомъ?
И если ты любилъ меня сначала,
То любишь-ли по прежнему теперь?“
„Да, я люблю, Давидъ воскликнулъ страстно,—
Люблю тебя, какъ любить ключъ долину,
Люблю тебя, какъ звѣзды любятъ небо...
А ты? Скажи, ты любишь-ли взаимно?
И чѣмъ любовь я заслужить могу?“
„Чѣмъ? Средство есть, звучалъ Перенны шопотъ:—
Твой братъ убилъ мнѣ мужа. Твой отецъ
Желааетъ быть вторымъ жонгъ супругомъ,
Но я къ нему питаю отвращенье,
Такое-же, какъ и къ убійцѣ мужа...
Ты преданъ мнѣ? Веди-же на свободу
Меня отъ нихъ... Когда отца и брата
Ты умертвишь - я сдѣлаюсъ твоей!“

Преданіе весьма поэтически и неожиданно кончаетъ эту драму. Убійца сошелъ съ ума и, схвативъ Перенну, бросился съ ней съ утеса. Опустѣлый разбойничій замокъ, точно пустое гнѣздо ворона, стоялъ безмолвно на своемъ утесѣ,

Въ долинахъ-же народъ бѣжалъ отъ вѣтра,
Который дулъ со стороны Шальго.

Несмотря на содержаніе, повидимому, общее, „Шальго“, какъ и остальные произведенія Петефи, проникнуто патріотическимъ чувствомъ. Компольти и всѣ обитатели Шальго изображаютъ ту распущенность и личное своекорыстіе, которое пользовалось бѣдствіемъ отечества для грабежа и наживы. Но такимъ является Геде. Честный Симонъ Геде

Не знаетъ сна: заботы патріота
Отъ глазъ его отпугиваютъ сонъ,

И онъ занятъ думами

Объ участи измученной страны.

Конечно, это не помѣшало патріоту погибнуть, но и народное проклятiе легло вѣчнымъ клеймомъ на убійцѣ.

Не можемъ, чтобы не обратить вниманіе читателя еще на одну прекрасную вещь Петефи: „Мои пѣсни“.

Одинокій часто ночью я мечтаю
И, Богъ вѣсть, куда я душой залетаю.
Быстрою стрѣлою надъ родимымъ краемъ,
Надъ землей, надъ міромъ съ нею ны летаемъ...

Но занявшись мечтами и думами о себѣ, о своей будущности, о красотахъ, о любви, Петефи внезапно останавливаетъ свой личный лиризмъ:

Свой стаканъ съ венгерскимъ я держу рукою,
А народа руки скованы судьбою.

И чѣмъ громче празднуетъ свой пиръ свобода, тѣмъ слышнѣе поэту, какъ бряцаютъ кандалы народа. И скорбь и мука наполняютъ его душу и пѣсни его льются сами, не свѣтлыя, радостныя, а такія-же мрачныя и зловѣщія, какъ тучи на небѣ. И вотъ въ негодованіи поэтъ восклицаетъ:

Но рабы-народы много такъ выносятъ!
Кандалы не скоро эти люди сбросятъ,—
Ждутъ они, когда-то вздумается Богу
Ржавчиной разрушить цѣпи по-немногу.
Сердце полно гнѣвомъ, пѣсни льются сами
И, какъ стрѣлы молній, блещутъ предъ врагами.

Мы, кажется, дѣлали слишкомъ щедрый выписки, но дѣлали ихъ именно потому, чтобы читатель не изъ нашихъ словъ, а лично могъ-бы почувствовать характеръ музы Петефи и достоинство перевода г. Михайлова, потому что переводомъ его онъ посвящаетъ свои главные силы. Остальные переводы, кромѣ Барри Корнуэля, имѣютъ характеръ какъ-бы случайности и не даютъ такого полного нравственнаго образа поэтовъ, какъ переводы Петефи. Впрочемъ, и тутъ тенденція переводчика остается тою-же и при выборѣ пьесъ онъ руководствуется одними и тѣми-же мотивами. Патриотическая поэзія, отличающаяся мужествомъ и силою, энергіей и готовностью на борьбу,—вотъ тѣ мотивы, которые подсказываютъ г. Михайлову, что нужно и чего не нужно переводить. Возбуждая силу и энергію, г. Михайловъ словами своихъ любимыхъ поэтовъ учить и сосредоточенію силы въ гордомъ молчаніи и въ замкнутости. Ты отъ всѣхъ свою любовь, чтобы не возмущался ея миръ, говоритъ онъ словами Пфау; пусть все, что живетъ въ твоей груди, будетъ въ ней скрыто; сноси свои печали, не выдавая ихъ даже взглядомъ, скрой свою скорбь и свои радости, чтобы ихъ не осквернила злоба, и начнетъ-ли въ груди твоей ныть сердце—молчи.

... Отъ гнета крѣпнетъ сила.

Подобную-же мысль высказываетъ и Петефи, негодуя на постыдныя слезы жалующагося малодушія, бесполезно изливающагося ропотомъ.

Теперь довольно слезъ! Да будетъ эта грудь
Страною сказочной, гдѣ горе и невзгоды
Волшебный кругъ замкнетъ на будущіе годы,
И къ выходу для нихъ на вѣкъ отрѣжетъ путь.

Прекраснѣйшее стихотвореніе, на которое мы обратимъ вниманіе читателя, частью по мысли поэта, частью по переводу, дѣйствительно очень хорошему, есть „Слово“ Воденштедта. Въ природѣ все свершается круговоротомъ. И горный источникъ, бѣгущій въ рѣки и море, вернется опять во всеобщемъ движеніи къ своей колыбели и всему живущему въ мірѣ дано назначеніе

обновлять себя. Все живетъ и дышетъ, чтобы цвѣсти и затѣмъ увянуть, и увянуть, чтобъ снова цвѣсти и рости.

Но жизнь дать созданью
 Цвѣтущему вѣчно
 И чуждому смѣны,—
 Затеплить то пламя,
 Которое можетъ,
 Сверкая, какъ солнце,
 Во вѣкъ не угаснуть,
 Согрѣть наше сердце,
 Возвысить намъ душу,—
 Способно лишь слово,
 Предвѣчною правдой
 Рожденное въ мѣръ.

Къ болѣе серьезнымъ и выдержаннымъ переводамъ принадлежатъ переводы изъ Барри Корнуэля. Переведены г. Михайловымъ драматическія сцены: „Жертва“, „Людовикъ Сфорца“, „Разбитое сердце“, „Средство побѣждать“, „Жуанъ“. Переводы драматическихъ сценъ отличаются особенной тщательностью отдѣлки, чистотой и правильностью языка и большей поэтичностью стиха. Въ мелкихъ переводахъ изъ Петефи и другихъ у г. Михайлова иногда попадаются, такъ-сказать, прозаическія фразы, которыхъ въ драматическихъ сценахъ, правда, было и легче избѣгнуть, во-первыхъ, потому, что не приходилось имѣть дѣла съ рифмой, а во-вторыхъ, потому, что не приходилось говорить о хлѣбѣ и тому подобныхъ чисто-земныхъ и прозаическихъ предметахъ. Напримѣръ, въ драматическихъ сценахъ „Жертва“ вы видите садъ близъ Ганга, индусовъ, жрецовъ, индускій храмъ, жертвоприношеніе; въ остальныхъ сценахъ изображаются также *психологическіе* моменты, а не экономическіе; дѣйствуетъ развитая нравственная мощь, люди, какъ Жуанъ, которымъ можно пробавляться любовью, ненавистью ревностью и тѣми высшими страстями, которыя хотя, съ одной стороны, и поражаютъ своею силой, но вмѣстѣ съ тѣмъ отталкиваютъ и своею мелочностью. Напримѣръ, Жуанъ, ревнуя свою жену и подозрѣвая ее въ измѣнѣ, высказываетъ цѣлый рядъ какихъ-то страшныхъ чувствъ; въ порывѣ возмущеннаго негодованія онъ заставляетъ мальчика цѣть пѣсни любви, но не сладенькой, а жгучей, какъ страсть, полной безумія, которая сушитъ и сжигаетъ сердце. Онъ говоритъ ему:

...Пой бѣшеную ревность,
 Отчаянье, сомнѣнье, мрачный гнѣвъ.
 Пой мнѣ о томъ, что женщиной любимой
 Обмануть ты, что ты сошелъ съ ума
 И сдѣлался убійцею...

И затѣмъ, когда Жуанъ убиваетъ жену, оскорбивъ ее предварительно названіемъ „развратницы“, убитая говоритъ ему, что юноша, котораго она любила,—братъ ея, бѣглець, спасавшійся отъ инквизиціоннаго суда... Ко-

нечно, положеніе Жуана ужасно, положеніе истинно драматическое, выходъ изъ котораго—или смерть, или съумасшествіе, или нравственное потрясеніе, окончательно убивающее человѣка... Пока въ людяхъ живутъ чувства, въ болѣе сильной степени клокотавшія въ Жуанѣ, имъ будутъ понятны и подобныя драматическія положенія, имъ будетъ понятно и подобное душевное состояніе; они будутъ усматривать въ немъ даже и величіе извѣстной нравственной силы, потому что сами неспособны—и слава-богу—быть Жуанами и Отелло. Мы нисколько не отрицаемъ драматизма подобныхъ положеній, но чтобы они были понятны современному человѣку, ему нужно рисовать Жуановъ, Отелло, Сфорцъ и вообще людей тѣхъ минувшихъ вѣковъ, когда царили понятія и чувства нынче неизвѣстныя и вымирающія. Если-бы поэтъ или романистъ вздумалъ поставить въ положеніе Жуана современнаго героя, то едва-ли-бы драматизмъ его положенія возбуждалъ въ нему особенное участіе. Участіе возбудила-бы въ немъ жертва, а не убійца; но читая „Жуана“ Барри Корнуэля, вы сочувствуете жертвѣ менѣе и несчастнымъ мученикомъ томящей и грызущей ревности является Жуанъ. Конечно, во всемъ можно найти хорошую сторону, потому что „нѣтъ худа безъ добра“. Но мы все-таки думаемъ, что поэзія не оказываетъ особенныхъ услугъ человѣчеству, если даетъ описаніе такихъ психологическихъ процессовъ, которые въ настоящее время не могутъ служить руководящимъ указаніемъ для прогреса чувства. Современная жизнь требуетъ иныхъ сюжетовъ, требуетъ иного подъема духа и питается уже инымъ воздухомъ. При всѣхъ достоинствахъ такихъ вещей, какъ „Жуанъ“, какъ-бы онѣ ни захватывали васъ глубоко, какъ-бы ни болѣла ваша душа за героя, вы если и не почувствуете въ самый моментъ чтенія, что ваши чувства отвлекаются отъ живого міра въ какой-то другой міръ, окончившійся безвозвратно, то почувствуете это, окончивъ чтеніе. Старая жизнь, которую васъ заставляютъ переживать, точно становится перегородкой между вами и вашимъ настоящимъ. Она превращается въ какую-то поэзію историческаго прошлаго, такихъ изжитыхъ моментовъ души, для которыхъ не существуетъ будущаго. Если-бы подобная историческая поэзія читалась, какъ отрицательная параллель, мы-бы ее понимали. Но обыкновенному читателю самая художественность изложенія и глубина психическаго анализа не столько помогаетъ, сколько вредить, и въ сущности даетъ пищу такимъ чувствамъ, которымъ-бы лучше вымирать. Однимъ словомъ, поэзія этого рода отвлекаетъ вниманіе читателя въ другую сторону и дѣйствуетъ консервативнымъ образомъ на его мысли и чувства. Если-бы духъ времени и такъ-называемая сила вещей не заставляли человѣка идти невольнo въ иномъ направленіи и не давали-бы его душевнымъ способностямъ иного строя, то поэзія отжившихъ формъ жизни и отживающихъ личныхъ отношеній являлась-бы силою разлада. Лиризмъ новаго времени—совѣтъ иной лиризмъ. Онъ не хочетъ знать личныхъ скорбей поэта и не хочетъ знать личныхъ скорбей Жуановъ; ему нужны личные скорби за страдающаго ду-

шою челоуѣка, за скорби страдающаго челоуѣчества. Такимъ лирикомъ былъ, напримѣръ, Гейне, который не сушилъ передъ читателемъ своего бѣлья, но для котораго личнымъ горемъ было только общее горе. Если гражданскіе мотивы второстепенныхъ поэтовъ иногда вызываютъ ироническую улыбку, то это происходитъ только оттого, что они не умѣютъ обобщить своихъ чувствъ и выставляютъ подъ видомъ общихъ чувствъ свои микроскопическія личныя радости и печали. Противъ этой-то поэзіи и возсталъ новая реальная критика. Въ своемъ рѣзкомъ отрицаніи она пришла даже къ тому, что готова была совсѣмъ не допускать рифмованнаго слова. Но въ этомъ протестѣ нужно видѣть не протестъ противъ поэзіи и поэтического мышленія, не протестъ противъ тѣхъ чувствъ, которыя создаютъ скорбящее поэтическое творчество, но протестъ исключительно противъ содержанія поэзіи. Чувства останутся чувствами и ихъ нельзя вычеркнуть изъ души; поэтическій языкъ останется навсегда лучшимъ языкомъ для выраженія душевныхъ состояній, потому что только съ его краткостью, силой и мѣткостью возможно выражать захватывающимъ образомъ душевныя состоянія. Прозаическій языкъ отличается отъ поэтического своею длиннотою и тѣмъ, что онъ обращается преимущественно къ разуму, не желая отступать отъ законовъ логики. Поэтическій-же языкъ не хочетъ знать логики разсудка и бьетъ въ самое сердце. И чѣмъ онъ бьетъ сильнѣе, чѣмъ онъ глубже шевелитъ душу, чѣмъ онъ возбуждаетъ большую энергію чувствъ и порывы благородства, тѣмъ онъ будеть и поэтичнѣе. Пока живутъ люди чувствомъ, не исчезнетъ ни поэзія, ни языкъ поэзіи, и пережѣна можетъ произойти лишь въ содержаніи поэтического творчества, а не въ томъ, что челоуѣческія чувства и страсти перестанутъ или вовсе выражаться, или-же будутъ заявляться логическими построеніями.

То, что мы говорили, мы вовсе не говорили въ видѣ упрека г. Михайлову за его переводы изъ Барри Корнуэля. Напротивъ, мы хотѣли только объяснить общій характеръ тѣхъ требованій, которыя наше время предъявляетъ поэзіи. Что-же касается г. Михайлова, то изъ приведенныхъ нами выписокъ, на которыя мы намѣренно не поскупились, читатель оцѣнитъ самъ достоинство его переводовъ и не найдетъ наши слова преувеличенными, если мы причислимъ его къ числу нашихъ лучшихъ переводчиковъ. Можно было-бы пожалѣть только о томъ, что г. Михайловъ какъ-будто-бы раскидался въ богатомъ выборѣ, какой представляли ему западные поэты, и недостаточно сосредоточился на своей личной тенденціи или не далъ въ болѣе полныхъ переводахъ одного поэта. Но если, съ одной стороны, разбросанность теряетъ свою концентрическую силу, за то, съ другой, она даетъ большее многообразіе. Можно сказать, что г. Михайлову одинаково удаются и чисто-лирическія вещи, и сатира, особенно если въ ней есть отбѣнокъ добродушнаго юмора; но лучше всего выходятъ у него сердечныя пьесы драматическаго содержанія, проникнутыя торжественностью.

Оригинальная поэзія г. Михайлова отличается тѣмъ-же общимъ характеромъ, но на ней лежитъ печать русской жизни, а потому и по содержанию, и по силѣ она не представляетъ той рельефности, которою по историческимъ и другимъ причинамъ отличается западная поэзія. Чувствуется въ ней печать нашего времени, печать, наложившая на всѣхъ насъ клеймо, что-то говорящее о заѣдающихъ насъ противорѣчіяхъ, что-то парализующее наши силы, что-то толкающее насъ стремительно впередъ, то внезапно подрѣзывающее крылья и заставляющее опускать руки. Въ очень хорошемъ стихотвореніи „Моя судьба“ г. Михайловъ, возбуждая энергію чувствъ, говоритъ:

„Ты призванъ въ міръ работать и бороться!
 Не уставай открыто биться съ зломъ,
 Покуда грудь отъ мукъ не разорвется.
 Или, какъ рабъ, безмолвствуй подъ бичомъ“.

А въ слѣдующемъ за нимъ „Передъ грозой“ мы читаемъ:

Еще не грянулъ громъ и молнія не блещетъ,
 Еще зловѣщю все полно тишиной,
 И, можетъ быть, гроза промчится стороною, —
 Но грудь моя уже и ноетъ, и трепещетъ.

И я теперь стою съ сознаниемъ безсилія!
 Меня уже страшитъ и близость непогодъ
 И, вѣрно, въ страшный часъ волненій и невзгодъ
 Я ощушу совѣмъ надломленные крылья.

Въ „Диссонансахъ“ мы читаемъ, что насъ будятъ жизненные грозы и что борьба за мѣдные гроши дѣлаетъ насъ все мельче и черствѣе, что сами людскія слезы перестаютъ уже насъ трогать и всею своею борьбой

Хотимъ купить мы только право
 Не умереть на мостовой.

При всей кажущейся ничтожности подобной борьбы, у насъ даже для нея недостаетъ нравственного мужества и закрадывается подчасъ сонливніе.

„Что-жь будетъ съ нами, если въ насъ
 И для такой борьбы съ годами
 Погибнетъ прежнихъ силъ запасъ!“

И въ минуты такого сомнѣнія человѣку является мысль о смерти, не потому, чтобы она примирила все и разрѣшила что-нибудь, но потому, что въ могилѣ если и не будетъ счастья, то смерть дастъ намъ вѣчный миръ.

И злѣйшій врагъ насъ не разбудитъ
 Для новыхъ пытокъ и невзгодъ.

Но развѣ это отвѣтъ?

Ты плачешь? Ты ждала отъ неба
 Иныхъ наградъ, иныхъ даровъ, —
 Не кровью купленного хлѣба,
 Не мѣста между мертвецовъ?

Я самъ не ждалъ такой развязки,
 Мнѣ точно также жизнь моя
 Лгала, рассказывая сказки,
 И я ей вѣрилъ, какъ дитя!

И даже нынче, въ тѣмъ постылой,
 Подчасъ готовъ повѣрить я,
 Что надо мной хоть предъ могилой
 Займется счастья заря.

И это плачущее безсиліе, искавшее жизни и надломившее силы и пытающее себя бесплодной надеждой, что „хотя передъ смертью займется счастья заря“, чувствуетъ еще глубже свое безсиліе, перебирая свое прошлое и пытаясь найти хоть нѣсколько радостныхъ дней. И его личное, и его общее кажутся ему только путемъ паденій, въ которомъ погибали его лучшія, благія стремленія. Что-же можетъ такое безсиліе отвѣтить на призывъ о помощи другимъ? И вотъ оно отвѣчаетъ имъ: „не зовите насъ напрасно, мы не въ силахъ никому помочь, мы не можемъ васъ вывести на дорогу спасенія, не можемъ дать никакого облегченія, не можемъ спасти отъ невзгодъ.“

Мы себя не спасли, горемычные,
 Погубили надежды и страсть
 И порывы любви неприличные,
 И бредемъ мы, какъ тѣни безличныя,
 Отдаваясь сомнѣнныиъ во власть.
 Мы привычки своей не оставили
 Вѣчно нянчиться съ жизнью былой:
 Свое горе мы всюду ославили,
 Но не поняли скорби чужой.

Но если насъ преимущественно колеблетъ сомнѣніе, если такъ часто мы отдаемся то толкающему насъ впередъ порыву, то опускаемъ руки, чувствуя свое безсиліе помочь своему „брату“, если мы не можемъ сомкнуться, то не всякому дано право кинуть въ насъ камень:

Но горькимъ словомъ осужденья
 Въ насъ можетъ бросить только тотъ,
 Кто вынесъ голода мученье,
 Въ работѣ проливая потъ.

Поэзія г. Михайлова отличается именно тѣмъ искреннимъ лиризмомъ, по которому онъ не напускаетъ на себя искусственного героизма и чаще даетъ избившуюся, изболѣвшую душу, невѣрующую въ личное будущее счастье и въ своемъ прошломъ видящую больше порывъ молодыхъ мечтательныхъ силъ и неосуществившихся грезъ. Но что это за грезы?

Эти грезы о счастья твоемъ,
 Мать-отчизна моя дорогая,
 Служать мнѣ путеводнымъ огнемъ,
 Одинокій мой путь озаряя.

Ради нихъ я съ зарею встаю,
 Ради нихъ выношу я невзгоды,
 Ради нихъ до сихъ поръ я люблю
 Молодые, отважные годы.

Не знаемъ, въ томъ-ли именно тенденція поэзіи г. Михайлова, какою мы ее изображаемъ, но, по крайней мѣрѣ, мы прочитали въ ней то, что говоримъ, и, судя по общему складу теперешней жизни и теперешнему движенію мысли, едва-ли лирическая поэзія и можетъ дать что-нибудь другое. Измученный прошлой борьбой, усталый, рвавшийся нѣкогда впередъ боець чувствуетъ, что молодые порывы его обманули и самая надежда уже меркнетъ. Для него и новый годъ, былой „новый другъ“, приносившій прежде такъ много упованій, уже утратилъ все свое значеніе. Новый другъ, котораго мы такъ радостно встрѣчали каждый годъ, уже на-столько извѣрился для насъ, на-столько онъ листъ по листу обрывалъ наши надежды, на-столько онъ не далъ ничего, что сулилъ, что развѣ дитя можетъ вѣрить еще ему впередъ, можетъ радоваться ему, можетъ чего-нибудь отъ него ожидать и надѣяться.

Брось о счастья, о радостяхъ сказки,
 И не лги, какъ другіе друзья,
 Расточавшіе лживыя ласки,
 Чтобъ сгубить безоружнымъ меня.

Въ стихотвореніи „Пророкъ“ проводится, однако, иная мысль:

У сыновней колыбели
 Мать въ слезахъ молилась Богу,
 Чтобы сынъ къ высокой цѣли
 Избралъ честную дорогу.

И вотъ явился ангелъ и изрекъ, что сынъ кончить свой тернистый путь пезапятнавымъ, что загремятъ его глаголы надъ грѣшнымъ міромъ, но и его, какъ всѣхъ пророковъ, оттолкнуть люди и напрасно въ зимній день онъ будетъ просить угла и корки хлѣба. Мать поразили слова ангела и она стала просить пощады. Тогда тотъ-же благодатный голосъ сказалъ ей, чтобы она закалила въ сынѣ волю и научила его нести съ любовью крестъ и проклинать, какъ святотатство, всѣ богатства, добываемыя кровью. Ребенокъ выросъ и пошелъ впередъ своимъ тернистымъ путемъ, а когда мать, подавленная бременемъ мученья, порой роптала на свою судьбу, сынъ успокоивалъ ее, что они не пали подъ ношей крестной, не пали передъ врагами, и что когда-нибудь „надъ ними прояснится глубокой мракъ“. „Гдѣ-же ты черпалъ эти силы безграничнаго терпѣнья?“ спрашиваетъ мать.

Сынъ-же бодрый и веселый,
 Мать свою лаская нѣжно,
 Отвѣчалъ на вздохъ тяжелый
 Ей съ улыбкой безмятежной:

„Да не ты-ль меня, родная,

Научила вѣрить твердо,
 Что проходить буря злая
 И за ней приходитъ ведро?*

Поэзію г. Михайлова мы-бы назвали по-преимуществу лирической и констатирующей личное душевное состояніе каждаго изъ насъ. Если хотите, онъ не касается особенно общихъ скорбей, но за то тѣмъ полнѣе даетъ характеристику современнаго нашего душевнаго строя и тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя выпали на долю нашего поколѣнія.

Кромѣ лирическаго отдѣла, есть у г. Михайлова и поэмы, въ которыхъ онъ изображаетъ еще недавно господствовавшій и царившій строй жизни, теперь окончательно надломленный; подчасъ вдается онъ въ иронію, но его иронія всегда съ отбѣвкомъ грусти и въ ней чувствуется тотъ-же мотивъ который проходитъ и въ его лирическихъ стихотвореніяхъ.

Сочиненія и переводы А. Тархова. Спб., 1876 г.

Это на-столько невинная книжонка, что ее можно-бы было оставить безъ всякаго разбора. Десятка два мелкихъ стихотвореній, среди которыхъ попадаются стишки вродѣ слѣдующей эпиграмы, неизвѣстно на кого написанной:

Гдѣ только подлость есть, Создатель!
 Тамъ онъ, навѣрно, предсѣдатель.

Отрывокъ изъ какого-то письма, писаннаго плохой прозой и еще болѣе плохими стихами. Невообразимо плохой переводъ дрянной повѣсти, имѣющей только одно достоинство — краткость. Вотъ все, что составляетъ „сочиненія и переводы“ г. А. Тархова. Разбирать тутъ нечего. Но содержаніе этой книжки до того наивно, до того пошло, что мы не могли не заподозрить ея автора въ какихъ-нибудь затаенныхъ цѣляхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ надеждою на успѣшную распродажу книги, съ желаніемъ сдѣлаться при помощи изданія этой книжки извѣстнымъ литературнымъ дѣятелемъ. Подобныя книжки не могутъ имѣть никакого сбыта; подобныя писатели не могутъ стяжать ничего, кромѣ насмѣшекъ. Для этого не стоило, конечно, печатать свои произведенія. Вслѣдствіе этого мы и заподозрили г. А. Тархова въ томъ, что при изданіи этой книжонки онъ руководствовался какими-нибудь тайными цѣлями. Эти цѣли такъ и остались-бы для насъ тайною, если-бы мы не прочли въ этой книжкѣ стихотворенія, начинающагося словами:

Подъ кровлей Гимназіи Первой
 Съ тобой мы три года живемъ.

Эти слова намъ показались странными. Неужели эта книжка написана

вчерашнихъ гимназистовъ? Но какъ-же можетъ гимназистъ быть на-столько безграмотнымъ, чтобы написать, наприѣръ, подобныя фразы: „*чего вамъ сказать?*“ (24 стр.), „*я горестъ я готовъ забыть*“ (26 стр.), „*я вотъ теперь какъ-бъ въ покаянье*“ (30 стр.), въ это мгновеніе *взошелъ* слуга“ (165 стр.) и т. д. Но этого мало: гимназистъ долженъ-бы былъ имѣть хотя нѣкоторое понятіе о стихосложеніи и, вѣроятно, не написалъ-бы стиховъ вродѣ слѣдующихъ:

Я самъ-бы умереть хотѣлъ,
 Когда-бъ сулило мнѣ только горе
 Грядущаго загадочное море (31 стр.)

Нѣтъ, подобная безграмотность и подобное незнаніе простыхъ правилъ стихосложенія, какъ намъ кажется, могли явиться только умышленно. Вѣроятно, авторъ этой книжки очень не любитъ нынѣшнія классическія гимназіи и потому вздумалъ показать публикѣ, какія понятія выносятся изъ этихъ учебныхъ заведеній воспитанники, получающіе аттестаты зрѣлости. Цѣль довольно ехидная и, если-бы мы повѣрили ему на-слово, что онъ въ 1874 году былъ еще подъ кровлей „гимназіи первой“, то мы пришли-бы въ ужасъ. Книжка безграмотна отъ первой до послѣдней строки; стихи—ужасающіе по своей нелѣпости; въ провѣ виднo полнѣйшее незнаніе русскаго языка; знанія литературы тоже нѣтъ, какъ это видно изъ того, что составитель книжонки, повидимому, не знаетъ даже лермонтовскаго перевода одного изъ стихотвореній Гете, которое, вслѣдствіе своего невѣжества, и переводитъ самъ слѣдующими виршами:

На вершинахъ типшина,
 Въ воздухѣ спокойно,
 И ни въ полѣ, ни въ лѣсу
 Птицы не поютъ. Невольно
 Все кругомъ уснуло
 Отъ полдневной духоты...
 Подожди хотя немного,—
 Отдохнешь, мой другъ, и ты.

Но злостный противникъ современныхъ гимназій не удовольствовался тѣмъ, что представилъ этого воспитанника „гимназіи первой“ безграмотнымъ, незнающимъ иностранныхъ языковъ и русской литературы человѣкомъ. Нѣтъ, онъ представилъ его человѣкомъ недалекимъ и неразвитымъ лишеннымъ внутренняго жара, какихъ-бы то ни было серьезныхъ идей, пониманія общественныхъ вопросовъ и природы, занятымъ только своимъ собственнымъ я, подписывающимъ подъ каждымъ своимъ виршамъ годъ, мѣсяцъ и день ихъ созданія и препровождающимъ всѣмъ своимъ друзьямъ свои собственныя изображенія съ посвященіями вродѣ слѣдующаго:

Подъ кровомъ гимназіи первой
 Съ тобой мы три года живемъ, —
 А дружбы, товарищъ, прихѣрной
 Какой мы залогъ унесемъ?
 Позволь мнѣ, въ минуту прощанья,

Портретъ и невзвучный мой стихъ
Оставить залогомъ сознанья
Къ тебѣ отношеній моихъ.

И такихъ портретовъ, и такихъ виршей, какъ видно изъ его книжки, онъ роздалъ много.

Да, это злая насмѣшка надъ воспитанниками гимназій. Мы могли-бы только огорчаться за этихъ людей, за будущность общества, въ которомъ будутъ жить и дѣйствовать подобные люди, если-бы мы повѣрили на слово г. А. Тархову, что онъ былъ въ 1874 году воспитанникомъ „гимназій первой“. Но мы, къ величайшему своему удовольствію, имѣемъ основаніе думать, что г. А. Тарховъ старичекъ довольно почтенныхъ лѣтъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ языкъ сочиненій г. А. Тархова. Какой-же юноша даже изъ воспитанниковъ классическихъ гимназій могъ-бы написать подобныя фразы: „я не дамъ отвѣта на дерзновенну рѣчь твою“ (12 стр.), „шептала мое имя твой *гласъ*“ (14 стр.), „вамъ горя въ *сей* жизни фальшивой не мало придется узнать“ (16 стр.), „*отвѣтствуй* поскорѣй“ (25 стр.), „*младое* поколѣнье“ (32 стр.), „но жребіи *различны* намъ даны“ (тамъ-же), „жаловаться на это не *подобаетъ* *гордой* дамѣ“ (стр. 157), „я всегда сожалѣю о потерѣ, которую *претерпѣла*“ (стр. 159), „для меня она только орудіе, *при посредствѣ котораго* Эдвинъ Кастертонъ пріобрѣлъ богатство, *безъ котораго* лордство было-бы смѣшное бремя“ (стр. 161), и т. д., и т. д. Вѣдь это слогъ „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“! Теперь уже давно такъ не пишутъ. Слогъ—это человѣкъ, и потому мы смѣло предполагаемъ, что г. А. Тарховъ довольно почтенный старецъ. Воспитанникъ современной гимназій, конечно, не могъ-бы такъ писать. Вѣдь не могло-же его знакомство съ русскою литературою ограничиться однимъ знакомствомъ съ произведеніями временъ Державина и Карамзина. Подобную нелѣпость трудно-бы предположить. Да и какой-же юноша, имѣющій претензію быть поэтомъ, могъ-бы написать подобныя строки:

Въ стихахъ вы этихъ не найдете
Мечты безумной никогда,
Къ чему безумныя мечтанья
Во время юношескихъ дней?

Каждый юноша очень хорошо знаетъ, что юность именно тѣмъ-то и хороша, что у нея есть „безумныя мечтанья“ вѣсто разсчетовъ о тепленькомъ мѣстечкѣ, о выгодной карьерѣ, о богатой невѣстѣ, о выслугѣ передъ начальствомъ. Юноша, незнававшій никогда этихъ „безумныхъ мечтаній“ является сухимъ и холоднымъ эгоистомъ, прониравливымъ дѣльцомъ, однимъ изъ тѣхъ Молчалиныхъ, которые блаженствуютъ на свѣтѣ, но никогда не бываютъ великими гражданами, оставляющими по себѣ долговѣчную добрую память въ своемъ обществѣ. Чтобы понять цѣну этихъ „безумныхъ мечтаній“, стоитъ только вспомнить великое стихотвореніе великаго поэта:

Si demain, oubliant d'éclorre,
 Le jour manquait, et bien! demain
 Quelque fou trouverait encore
 Un flambeau pour le genre humain.

Конечно, этотъ безумецъ не будетъ однимъ изъ господъ Тарховыхъ. Тарховыхъ, впрочемъ, я не заботятъ подобныя исканія какого-нибудь „свѣточа“ для человѣчества. Ихъ занимаютъ болѣе мелкіе вопросы. „На дняхъ прочелъ я отраднѣю вещь, пишетъ тотъ господинъ Тарховъ, произведенія котораго мы разбираемъ: — въ Англіи поднятъ вопросъ объ изгнаніи со сцены всякой безнравственности, какъ-то: неприличныхъ костюмовъ и проч. Давно-бы пора, а то здѣсь какъ-то я смотрѣлъ „Зеленый Островъ“ — вся эта пьеса глупа и пошла, а публикѣ очень нравится, публика рукоплещетъ. Вотъ *одинъ* изъ дѣйствующихъ лицъ *ударилъ другою дѣйствующаго лица* по шляпѣ — плоская шутка!.. Ну а театр? спросите вы; — театръ рукоплещетъ!.. Бѣдная Россія!!“ Видите-ли, господа Тарховы убѣждены, что стоитъ поставить на сцену по городовому съ бляхой за номеромъ такимъ-то, чтобы направлять какъ слѣдуетъ жесты актеровъ, и нравственность Россіи будетъ спасена. Конечно, подобныхъ взглядовъ не можетъ выпести юноша изъ современной гимназіи и не за это даютъ тамъ аттестаты зрѣлости; вѣдь это взгляды князей Мещерскихъ, господъ Аскоченскихъ и тому подобныхъ старцевъ, сердитыхъ на все молодое, на все новое, на все свѣжее. Если-бы мы имѣли хотя какое-нибудь основаніе подозрѣвать претивное — подозрѣвать, что г. А. Тарховъ обязанъ, дѣйствительно, своимъ развитіемъ, своими взглядами, своимъ невѣжествомъ современной русской гимназіи, то мы только могли-бы воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ: „бѣдная Россія!“ Но, къ счастью, намъ, какъ кажется, удалось доказать, что это почтенный, но негодующій старецъ, написавшій злостную сатиру на молодое поколѣніе, про которое онъ говоритъ:

Безъ вѣры въ жизнь, безъ вѣры въ Бога,
 Съ туманнымъ будущимъ вдали
 Мы въ путь собираемся идти...
 За нашу молодежь съ ничтожнымъ идеаломъ
 О, страшно, страшно мнѣ...

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ *).

Мысль о первобытномъ состояніи человѣчества современна началу цивилизаціи. Какъ жили люди въ древности, было-ли тогда лучше или хуже, чѣмъ теперь,—эти вопросы волновали человѣка еще на низшихъ ступеняхъ развитія, но втеченіи долгихъ тысячелѣтій умъ человѣческій, сбитый многими нелѣпостями съ прямого пути къ истинѣ, рѣшалъ эти вопросы совершенно несогласно съ дѣйствительностью. Вплоть до начала новѣйшей цивилизаціи, вплоть до XVI вѣка нашей эры, человѣчество, начиная отъ полудикой, невѣжественной черни и кончая величайшими свѣтилами науки и философіи, жило въ убѣжденіи, что въ древности было несравненно лучше, что міръ день ото дня становится хуже и хуже, люди грѣховнѣе и недолговѣчнѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти мнѣнія имѣли фактическое основаніе и относительную вѣрность, именно тогда, когда они относились къ дикарямъ, всегда страдающимъ отъ столкновеній съ народами болѣе сильными и цивилизованными. Вымирающіе индѣйцы сѣверной Америки имѣютъ полное основаніе сожалѣть о давно минувшемъ золотомъ вѣкѣ, когда жизнь была лучше, чѣмъ теперь, когда у нихъ были лучшіе за-

*) Начало цивилизаціи, Дж. Лѣбока, 1875. — Доисторическія времена, Лѣбока, 1876. — Древнѣйшая исторія учрежденій, Г. Мэна, 1876. — Первобытная собственность, Лавелз, 1875. — Деревенскія общины Востока и Запада, Мэна, 1874. — Первобытная культура, Тэйлора, 2 т., 1871 — 1873. — Доисторическій бытъ человѣчества, Тэйлора, 1869. — *Urgeschichte der Menschheit*, von Caspari, 2 B., 1873. — *Anthropologie der Naturvölker*, v. Waitz, 6 B., 1859—1873. — *Der Mensch in der Geschichte*, v. Bastian, 3 B., 1861. — *Die Rechtsverhältnisse der versch. Völker der Erde*, v. Bastian, 1872. — *Maine, Ancient Law*, 1866. — *Der Fetischismus*, v. Fr. Schultze, 1871. — *Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung*, v. Hellwald, 1875.

коны и начальники и менѣе грубые нравы. Даже полудикій камчадалъ можетъ утверждать, что свѣтъ идетъ все хуже и хуже, люди вымираютъ и портятся, пища становится меньше, такъ-какъ охотничья собака, медвѣдь и сѣверный олень уходятъ отсюда въ инныя страны, гдѣ жизнь счастливѣе. Но идея регресса господствовала у всѣхъ, у самыхъ сильныхъ и счастливыхъ народовъ древняго міра, и ея нельзя объяснять одними подобными основаніями. Люди древности знали только настоящее и не имѣли данныхъ, чтобы понять его дѣйствительныя отношенія къ прошедшему и будущему. Вслѣдствіе органическаго стремленія къ счастью, съ одной стороны, и вслѣдствіе неудобствъ, неустройствъ, несчастій, съ другой, древній человѣкъ ставилъ идеаль своего благополучія и нравственнаго совершенства не въ будущемъ, котораго онъ не могъ понимать, не въ настоящемъ, которымъ онъ былъ недоволенъ, а въ прошедшемъ, которое мифологія рисовала въ самомъ розовомъ свѣтѣ и на которое онъ переносилъ свое обычное уваженіе къ старости. Парсы обращаются къ счастливому времени царя Ийма, когда люди и животныя были безсмертны, источники и деревья никогда не высохали, пища не истощалась, не было ни холода, ни жары, ни зависти, ни старости. Буддисты вспоминаютъ вѣкъ прекрасныхъ воздушныхъ существъ, которыя не имѣли ни пола, ни грѣха, ни нужды въ пищѣ, до той несчастной минуты, когда они, впавъ во зло, были осуждены питаться рисомъ, рождать дѣтей, строить жилища. Съ этого времени люди постепенно и непрерывно дѣлались хуже и хуже. Царь Шетіа сказалъ первую ложь, и граждане, услыхавъ объ этомъ и не зная, что такое ложь, спрашивали, какая она—бѣлая, черная или голубая. Человѣческая жизнь становилась короче и короче, и король Мага-Сара, послѣ короткаго, 250,000-лѣтняго царствованія, началъ уже сѣдѣть!.. Наблюденія надъ жизнью народовъ и данныя историческихъ памятниковъ нерѣдко наталкивали людей на мысль, что первобытные люди жили плохо. Баснословныя лѣтописи Перу изображаютъ первыхъ людей въ совершенно дикомъ, несчастномъ состояніи. Хроника китайцевъ рассказываютъ, какъ ихъ древніе предки жили въ пещерахъ, одѣвались листьями, ѣли сырое мясо, пока, наконецъ, при мудрыхъ, божественныхъ правителяхъ не научились добывать огонь, строить хижины и т. д. Поэтъ Лукрецій въ прекрасныхъ стихахъ описывалъ широкобостное, отважное,

необузданное племя первобытныхъ людей, ведущихъ жизнь дикихъ звѣрей, побѣждающихъ послѣднихъ каменьями и тяжелыми дубинами, незнающихъ ни огня, ни одежды, пожирающихъ жолуди и дикія ягоды. Но всѣ представленія не подрывали идеи регресса, а въ большинствѣ случаевъ даже служили ей. Возвысившись изъ ничтожества, человѣкъ, по этимъ сказаніямъ, жилъ сначала счастливо, но золотой вѣкъ продолжался не долго, и затѣмъ все пошло къ худшему. Теорія регресса живетъ въ необразованной толпѣ до настоящаго времени и даже находитъ себѣ защиту у образованныхъ теоретиковъ извѣстнаго сорта. Но есть еще другая, чрезвычайно интересная вѣтвь этой теоріи, развившаяся, какъ результатъ компромиса между идеей регресса и стремленіемъ человѣка къ счастію. Идеаломъ стойковъ была жизнь, согласная съ природой; этотъ идеалъ много содѣйствовалъ развитію римской доктрины естественнаго права, т. е. права, основаннаго на вѣчныхъ, справедливыхъ законахъ природы. Но гдѣ-же дѣйствительно существуетъ такое право? Его нѣтъ въ настоящемъ, но оно жило и дѣйствовало въ тотъ золотой вѣкъ, когда люди наслаждались благами и радостями естественнаго состоянія. Реставрація этого права—задача общественнаго развитія. Эта теорія совершенно преобразовала римскіе законы и не переставала вліять на жизнь вплоть до новѣйшаго времени. Во имя ея средневѣковые французскіе короли освобождали крѣпостныхъ рабовъ, во имя ея Руссо отрицалъ цивилизацію, американцы составляли свою декларацію независимости, французы провозглашали принципы 1789 года.

Идеи, развившіяся на представленіи объ естественномъ состояніи людей, продолжаютъ жить и дѣйствовать, но самое представленіе давно уже разрушено наукой. Еще въ XVI вѣкѣ представитель новаго знанія, Бэконъ, рѣшительно заявилъ, что золотой вѣкъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, и эта идея сдѣлалась основнымъ мотивомъ новой исторіи. Наука не находила въ древности ничего, что-бы оправдывало вѣру въ золотой вѣкъ, а блаженное естественное состояніе людей въ дикой жизни, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывалось варварскимъ и жалкимъ. Ислѣдованія болѣе и болѣе убѣждали, что чѣмъ дальше уходило человѣчество отъ своего первобытнаго состоянія, тѣмъ болѣе оно совершенствовалось, и еще Гиббонъ своею смѣлою кистью набросалъ картину

прогрессивнаго развитія цивилизаціи, вполне сходную въ своихъ основныхъ чертахъ съ современной теоріей прогресса. „Открытія древнихъ и новѣйшихъ мореплавателей, говоритъ онъ, — и исторія или преданіе наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ представляютъ *человѣка-дикаря* нагимъ умственно и тѣлесно, неизбѣющимъ ни законовъ, ни искусствъ, ни идей. Изъ этого отверженнаго состоянія онъ постепенно возвысился до власти надъ животными, до искусства оплодотворять землю, переплывать океаны, измѣрять небеса. Его успѣхи были неправильны и разнообразны, безконечно медленные въ началѣ и постепенно возрастающіе съ удвоенною скоростью... Опытъ четырехъ тысячъ лѣтъ долженъ увеличить наши надежды и разсвѣять наши опасенія; мы не можемъ опредѣлять, до какой высоты можетъ подняться *человѣчество* въ своемъ движеніи къ совершенству, но можемъ съ увѣренностью полагать, что ни одинъ народъ, если только не измѣнится самая природа земли, не возвратится къ прежнему варварству. Общественныя усовершенствованія могутъ являться въ тройномъ видѣ.

- 1) Поэтъ или философъ освѣщаетъ свой вѣкъ или страну усиліями одного ума; но эти высшія способности ума или воображенія — явленія рѣдкія и самостоятельныя, и гений Гомера, Цицерона или Ньютона возбуждалъ-бы меньше удивленія, если-бы онъ былъ созданъ волею государя или уроками учителя.
- 2) Благодѣянія законодательства и политическихъ учрежденій, торговли и промышленности, искусствъ и наукъ болѣе прочны и постоянны, и многія отдѣльныя личности могутъ, по воспитанію и образованію, сдѣлаться способными двигать впередъ интересы общества, каждый въ своемъ кругѣ занятій. Но этотъ общій порядокъ есть дѣло искусства и труда, и весь сложный механизмъ можетъ разрушиться отъ времени или отъ насилія.
- 3) Къ счастью для *человѣчества*, полезныя или, по крайней мѣрѣ, болѣе необходимыя искусства могутъ не требовать для своего выполненія высокихъ талантовъ или общаго подчиненія, не требовать власти одного или союза многихъ. Каждая деревня, каждая семья, каждый отдѣльный *человѣкъ* долженъ всегда обладать умѣньемъ и желаньемъ поддерживать употребленіе огня и металовъ, разведеніе и прирученіе домашнихъ животныхъ, способы охоты и рыболовства, начала мореплаванія, простые способы воздѣлыванія хлѣба и другихъ питательныхъ сѣмянъ и производство простыхъ механическихъ про-

мысловъ. Талантливость одного лица и развитость цѣлаго общества могутъ погибнуть, но эти крѣпкія растенія переживаютъ бурю и пускаютъ несокрушимый корень въ самую неблагоприятную почву. Туча невѣжества затмила блестящіе дни Августа и Траяна и варвары ниспровергли законы и дворцы Рима. Но коса, изобрѣтеніе или эмблема Сатурна, еще продолжаетъ каждый годъ собирать жатвы Италіи, а человѣческія жертвоприношенія лестригоновъ никогда уже не возобновлялись на берегахъ Кампаньи. Со времени перваго открытія искусствъ, война, торговля и религиозная ревность распространили среди дикарей Стараго и Новаго Свѣта эти неоцѣненные дары, которые затѣмъ распространялись болѣе и болѣе и уже никакъ не могутъ погибнуть. Мы можемъ, слѣдовательно, успокоиться на томъ отрадномъ заключеніи, что каждый вѣкъ, переживаемый міромъ, увеличилъ и еще увеличиваетъ дѣйствительное богатство, счастье, знаніе и, быть можетъ, нравственность рода человѣческаго“. Основныя мысли этой теоріи подтверждаются всей новѣйшей наукой и вошли въ общее сознаніе образованнаго меньшинства. Но хотя наука, съ одной стороны, признаетъ, что возвращеніе человѣчества, какъ въ цѣломъ, такъ и по частямъ, въ дикое, первобытное состояніе положительно невозможно, съ другой стороны, та-же наука доказываетъ, что самыя цивилизованныя народы далеко еще не освободились отъ очень многихъ понятій, обычаевъ, недостатковъ самой варварской первобытной жизни. Что человѣчество прогрессируетъ, это несомнѣнно; но такъ-же несомнѣнно, что до сихъ поръ прогрессъ его никогда не бывалъ всестороннимъ. Старое держится упорно; даже теряя подъ вліяніемъ новой жизни свой первоначальный смыслъ, оно продолжаетъ, иногда втеченіи тысячелѣтій, господствовать надъ умами людей своею первобытною формою. Это явленіе совершенно параллельно подобному-же феномену въ органической жизни, гдѣ у самца, напр., мы видимъ ни на что ненужные ему остатки сосцовъ и т. д. Это—*переживаніе*, явленіе чрезвычайно интересное и даже практически полезное при изученіи первобытной жизни.

Въ жизни, въ строгомъ смыслѣ, ничего нѣтъ бессмысленнаго. Каждый обычай, каждое вѣрованіе, каждый обрядъ, каждая церемониальная фраза, каждая мелкая подробность въ архитектурной постройкѣ или въ костюмѣ, утверждаясь въ жизни, имѣютъ свой смыслъ, свое значеніе. Входя во всеобщее употребленіе, они

укореняются въ человѣческомъ умѣ такъ прочно, что даже въ то время, какъ первоначальная идея ихъ исчезаетъ изъ людской памяти, первобытная форма ихъ упорно держится въ жизни, получая другой смыслъ, другое значеніе, а иногда сохраняясь вслѣдствіе одной только своей вѣковѣчной давности. Вся наша жизнь, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, полна такими пережившими остатками первобытной культуры. Въ русскихъ деревняхъ, напр., въ сѣверныхъ губерніяхъ, вы сплошь и рядомъ передъ средними окнами верхняго этажа увидите нѣчто вродѣ балкона, такого узенькаго, что на немъ не помѣстится и ребенокъ; на этотъ балкончикъ вовсе нѣтъ ни хода, никакого отверстія изъ комнаты, и онъ, не имѣя практическаго значенія, служитъ лишь пережившимъ, атрофированнымъ остаткомъ настоящаго балкона. На татарскихъ кладбищахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вы увидите надгробные памятники, имѣющіе видъ маленькаго домика. Значенія этой формы вамъ не объяснить ни одинъ татаринъ, но объяснить первобытное міросозерцаніе, въ силу котораго считалось необходимымъ строить на могилахъ для душъ покойниковъ помѣщенія, которыя, начиная съ грубаго первобытнаго шалаша, развились до массивныхъ, вѣковѣчныхъ пирамидъ египетскихъ фараоновъ, а въ своей измѣненной, пережившей формѣ являются даже на нашихъ кладбищахъ въ видѣ часовень и склеповъ надъ могилами знатныхъ и богатыхъ людей. Взгляните на вашъ костюмъ — и въ немъ вы найдете, что почти половина его деталей не имѣетъ никакого практическаго смысла и принадлежитъ къ пережившимъ остаткамъ. Фальшивые карманы, фальшивые обшлага, пуговицы, посаженные на мѣстахъ, гдѣ нечего застегивать, — все это остатки настоящихъ кармановъ, настоящихъ пуговицъ, которыя что-нибудь застегивали. На шеѣ у васъ узенькая ленточка, предохраняющая ни отъ вѣтра, ни отъ холода и служащая только пережившимъ остаткомъ шейнаго платка. Шейный платокъ имѣлъ сначала одно гигиеническое значеніе, пережившая форма его, современный галстухъ, имѣетъ лишь значеніе украшенія и приличія. Эполеты и погоны офицеровъ служатъ нынѣ знакомъ ранга, а въ своей первобытной формѣ это были просто наплечники, предохранявшіе плечо отъ удара саблей или топоромъ. Всѣ обычай обхожденія, всѣ формы вѣжливости обыденной жизни — ничто иное, какъ пережившія формы первобытныхъ церемоній, бывшихъ въ употребленіи при обращеніи

съ первобытными государями. У дикарей Отанги до сихъ поръ вождю воинственнаго племени воздаются божескія почести и послѣ одержанной имъ побѣды приносятся ему наравнѣ съ божествомъ человѣческія жертвы. Въ знакъ покорности подобному владыкѣ нѣкоторые дикари до сихъ поръ еще подставляютъ свою шею подъ ногу того, кому подчиняются, на что намекаетъ и довольно употребительное выраженіе— „повергнуть враговъ къ подножію ногъ своихъ“. Это первобытное паденіе ницъ, говоритъ Спенсеръ, сопровождалось цѣлованіемъ ногъ (которое до сихъ поръ употребляется относительно папы) и „выражало готовность быть попранымъ, составляло попытку смягчить гнѣвъ, говоря знаками: топчи меня, если хочешь“. Постепенно смягчаясь, сокращаясь и распространяясь все на большее и большее число лицъ, эта церемонія перешла черезъ нѣсколько посредствующихъ формъ и, наконецъ, выразилась въ поклонѣ мужчины и въ присѣданіи женщины, которые суть пережившія сокращенныя формы первобытнаго паденія ницъ, на которое намекаетъ даже обычная вѣжливая фраза поляка: *надамъ до ногъ*. Выраженія вѣжливости, вродѣ *милостивый государь, государь, вашъ покорный слуга* и т. д.—тоже пережившія формы обращеній, имѣвшихъ нѣбогда буквальный смыслъ и относившихся только къ самымъ высовопоставленнымъ личностямъ. Къ тому-же разряду первобытныхъ остатковъ относятся всѣ старинные обряды и церемоніи, начиная съ какой-нибудь свадебной обстановки русскаго крестьянина и кончая торжественными церемоніями при приѣмѣ иностранныхъ пословъ во дворцахъ Стамбула или Пекина. У весьма многихъ народовъ свадебный обрядъ представляетъ борьбу жениха съ родственниками невѣсты, старанія послѣдней скрыться и убѣжать отъ суженаго, поимку и насильственный увозъ ея женихомъ, ея плачъ о томъ, что похитители увлекаютъ ее на чуждадную сторону, и т. д. Эти пережившіе остатки сохранились по мѣстамъ въ такой цѣлости, что по нимъ мы можемъ изучать первобытный способъ заключенія брака посредствомъ насильственнаго умыканія. Въ дѣтскихъ и народныхъ играхъ мы встрѣчаемъ новый разрядъ пережившихъ явленій. Луки и стрѣлы давно уже вышли изъ практическаго употребленія, но сохраняются до сихъ поръ въ видѣ дѣтскихъ игрушекъ. Въ народной шотландской игрѣ парни берутъ другъ друга за хохолъ и спрашиваютъ: „хочешь-

ли быть моимъ?" Это ничто иное, какъ пережившій остатокъ стариннаго символическаго обряда, сопровождавшаго принятіе въ феодальное подданство. На Готландѣ помнятъ до сихъ поръ, что древнее приношеніе въ жертву дикаго кабана въ новѣйшее время перешло въ игру, въ которой молодые парни наряжаются въ маскарадныя костюмы, чернятъ и раскрашиваютъ себѣ лица, между тѣмъ какъ кабана изображаетъ мальчишъ, завернутый въ мѣхъ, поставленный на скамейку и держащій во рту пучекъ соломы, представляющій собою кабанью щетину. Всѣ предразсудки, всѣ преимѣющіе, повидимому, никакого смысла суевѣрные обряды вполнѣ объясняются закономъ переживанія. Напр., въ Шотландіи, Индіи, Камчаткѣ въ народѣ держится суевѣрное мнѣніе, что не слѣдуетъ спасать утопающаго человѣка, такъ-какъ онъ непременно сдѣлаетъ вредъ своему спасителю. Это пережившій остатокъ древняго воззрѣнія, по которому утопающій считался схваченнымъ водянымъ божествомъ; спасать его—значило вырывать добычу изъ самыхъ когтей водяного духа и призывать на себя мщеніе послѣдняго.—У многихъ народовъ считается необходимымъ прибѣгать къ извѣстнымъ предохранительнымъ средствамъ при зѣвотѣ. Тиролюскій крестьянинъ, зѣвая, креститъ свой ротъ; индусъ сжимаетъ большой и еще другой палецъ и нѣсколько разъ произноситъ имя какого-нибудь бога; мусульманинъ при зѣвотѣ прикрываетъ ротъ лѣвой рукой и говоритъ: „Аллахъ, укрой меня отъ проклятаго сатаны!“ Все это остатки первобытнаго вѣрованія въ злыхъ духовъ, которые при зѣвотѣ могутъ проникать во внутренность человѣка и мучить его. Гаданіе, магія, хиромантія, снотолкованіе, всѣ эти отупляющія умъ человѣческой и вредныя суевѣрія, вся эта неизмѣримая масса пережившихъ остатковъ первобытной жизни и первобытныхъ вѣрованій существуетъ въ силу того-же историческаго закона, по которому я ежедневно повязываю шею узенькой, ни на что непригодной ленточкой, а англійскій канцлеръ казначейства сидитъ въ парламентѣ на шерстяномъ мѣшкѣ, смыслъ котораго можетъ объяснить только ученый историкъ.

Въ органической жизни мы видимъ не только существованіе выродившихся, потерявшихъ всякое функціональное значеніе формъ и органовъ, но и *атавизмъ*, временной поворотъ къ старымъ, выродившимся формамъ; напр. отъ совершенно европейскихъ по на-

ружности родителей неожиданно рождается нѣчто вродѣ негритенка, и оказывается, что въ числѣ ихъ предковъ, часто отдаленныхъ, былъ негръ. Тотъ-же законъ дѣйствуетъ въ развитіи культуры, въ которомъ мы видимъ не только *переживаніе*, но и *оживаніе*, атавизмъ первобытныхъ вѣрованій, отношеній, вкусовъ. Къ числу самыхъ поразительныхъ явленій этого разряда принадлежитъ новѣйшій спиритизмъ, низводящій Сведенборга до уровня сибирскаго шамана и ниспускающій миліоны просвѣщенныхъ американцевъ на степень умственного развитія краснокожихъ. Понятія спиритовъ въ существенныхъ своихъ чертахъ вполне сходны съ понятіями о духахъ дикарей. Подобно послѣднимъ, они считаютъ міръ духовъ точной копіей земного міра. Одинъ умершій уже спиритъ, Тустановскій, пресерьезно убѣждалъ меня, что въ духовномъ мірѣ были и крѣпостное право, и винные откупа, только они уничтожены немного раньше, чѣмъ у насъ. Представленія о душахъ спиритовъ и дикарей также вполне тождественны. „Какъ колдунъ варварскихъ племенъ, говоритъ Тэйлоръ, — лежатъ въ летаргіи или во снѣ въ то время, когда ихъ души отправляются въ далекія странствованія, такъ точно въ разказахъ новѣйшихъ спиритовъ люди нерѣдко остаются въ безчувственномъ состояніи, пока ихъ тѣни посѣщаютъ отдаленныя мѣста, откуда онѣ приносятъ извѣстія и гдѣ сообщаются съ живыми людьми. Духи живыхъ и мертвыхъ, души Штрауса и Карла Фогта такъ-же, какъ души Августина и Иеронима, призываются медиумами въ отдаленныя кружки спиритовъ“. Шумъ и постукиванье, производимыя духами на спиритскихъ сеансахъ, въ полномъ ходу и въ дикой жизни. Писаніе духовъ мы видимъ въ Китаѣ. Галюцинаціи летанія по воздуху, которымъ подвержены многіе спириты, играютъ важную роль въ вѣрованіяхъ дикарей и т. д.

Переживаніе и оживаніе оказываютъ чрезвычайно важное пособіе при изученіи первобытной культуры. Эти обычаи, суевѣрія, церемоніи, игры, уцѣлѣвшія впродолженіи тысячелѣтій, даютъ чрезвычайно много матеріала для научнаго реставрированія древней жизни. Не меньше матеріала доставляетъ намъ и этнографія дикихъ народовъ, находящихся на той ступени развитія, съ которой цивилизованное человѣчество сошло уже много тысячъ лѣтъ назадъ. Въ дикой жизни мы можемъ въ качествѣ очевидцевъ наблюдать и жизнь гомеровскихъ циклоповъ, и быть, о кото-

ромъ говорятъ самыя древнія легенды Китая. Если въ нашей цивилизованной жизни мы встрѣчаемъ множество пережившихъ остатковъ того, что существуетъ въ полной силѣ у дикарей, то въ жизни послѣднихъ мы находимъ множество такихъ-же остатковъ самаго древняго быта. Дикари, большею частью, не имѣютъ историческихъ преданій, которыя замѣняются у нихъ легендами и мифическими сказаніями. Но за то въ послѣднихъ можно найти множество частности, отлично характеризующихъ умственное, матеріальное и социальное положеніе первобытнаго человѣчества. Наука только недавно открыла, напр., что человѣкъ жилъ на землѣ еще въ то время, когда на ней существовали мамонты; между тѣмъ легенды индѣйцевъ и одинъ древній мексиканскій рисунокъ сохранили память объ этомъ времени въ такомъ точномъ изображеніи „великой лоси“, которое могло быть составлено только людьми, видѣвшими живого мамонта. Филологія, геологія, антропология и въ особенности историческая археологія въ послѣднее время сдѣлали также очень много для рѣшенія вопроса о происхожденіи и развитіи первобытной культуры. Независимо отъ переживаній и оживаній, въ нашей цивилизованной жизни существуетъ много явленій, поясняющихъ развитіе первобытнаго человѣка. Доисторическія времена не даромъ называются дѣтствомъ рода человѣческаго. Дикари, во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно похожи на нашихъ дѣтей, и, наблюдая послѣднихъ, мы, по аналогіи, многое можемъ понять и уяснить въ жизни первыхъ. Въ нашихъ психическихъ болѣзняхъ мы находимъ также многое, что разъясняетъ намъ нѣкоторыя стороны первобытной культуры. Матеріаловъ и пособій для изученія, такимъ образомъ, много, но исторія культуры начинается только разрабатываться и превращаться въ положительную науку. Ей суждено играть, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важную роль въ умственномъ развитіи человѣчества. „Для двигателей всего здраваго и преобразователей всего ложнаго, говоритъ Тейлоръ, — этнографія можетъ быть вдвойнѣ полезной. Она можетъ запечатлѣть въ человѣческихъ умахъ идею послѣдовательнаго развитія, которая, не уменьшая ихъ уваженія къ предкамъ, побудитъ ихъ продолжать эту работу съ тѣмъ большей энергіей, что масса свѣта въ мірѣ вообще увеличилась, и тамъ, гдѣ нѣкогда блуждали ошущью толпы варваровъ, цивилизованные люди часто могутъ уже идти впередъ, ясно видя свой путь передъ собою. Болѣе трудная и иногда даже

весьма тяжелая задача этнографіи состоитъ въ указаніи остатковъ грубой древней культуры, обратившихся во вредныя суевѣрія, и въ произнесеніи имъ смертнаго приговора. Но и это дѣло, хотя и менѣе возвышенное, существенно необходимо для блага человѣчества. Такимъ образомъ, въ одно и то-же время, способствуя прогрессу и уничтожая препятствія къ нему, наука культуры является наукой реформы по-преимуществу^а.

Извѣстное сочиненіе Тэйлора переведено уже на русскій языкъ. Но, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, оно едва-ли можетъ получить значительную популярность въ массѣ нашего общества. Ему сильно вредитъ излишняя скрупулезность изложенія. Оно читается не такъ легко, какъ, напр., книга Бокля, тѣмъ болѣе, что русскій переводъ очень тяжелъ и мѣстами рѣшительно неуклюжъ. Кромѣ того, Тэйлоръ остороженъ въ своихъ выводахъ до педантизма, хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ пускается въ черезчуръ смѣлыя и поверхностныя обобщенія. Мы намѣрены воспользоваться здѣсь его книгою и другими новѣйшими сочиненіями, чтобы познакомить читателя съ современнымъ положеніемъ вопроса о происхожденіи и развитіи первобытной культуры.

I.

Орудія, пища, жилье, одежда.

Въ незавидномъ положеніи находился первобытный человѣкъ при добываніи себѣ пищи, при защитѣ своей жизни отъ животныхъ. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы онъ былъ значительно сильнѣе нынѣшнихъ людей. Напротивъ, мускульная сила увеличивается по мѣрѣ развитія цивилизаціи, и образованный европеецъ поднимаетъ большую тяжесть, чѣмъ грубый дикарь. Нѣсколько разъ дѣлались сравнительные опыты съ динамометромъ и оказывалось въ среднемъ-выводѣ, что

тасманецъ поднимаетъ	50,6	килограммовъ.
новоголандецъ . . .	50,8	„
мозамбикскій негръ . .	57,1	„
тиморезецъ	58,7	„

сандвичанинъ . . .	58,3	килограмъ.
французъ . . .	69,2	"
англичанинъ . . .	71,4	"

Но сравнительная слабость мускуловъ вознаграждается ихъ неутомимостью. Дикарь, въ случаѣ нужды, можетъ гораздо дольше европейца ходить, плавать, работать, часто терпя при этомъ голодъ и жажду. Скоростью бѣга, мѣткостью и ловкостью дикари изумляютъ путешественниковъ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе ихъ несравненно сильнѣе и впечатлительнѣе, чѣмъ у европейца. Австраліецъ, негръ, индѣецъ узнаютъ по слѣду ноги не только племя, но и личность оставившаго этотъ слѣдъ. Многіе арабы видятъ по слѣду, чей верблюдъ прошелъ, былъ-ли онъ съ сѣдокомъ или безъ сѣдока, съ большимъ-ли выюкомъ и т. д. Дикарь видитъ на небѣ гораздо больше звѣздъ, чѣмъ мы, и въ этомъ отношеніи европейецъ можетъ сравняться съ нимъ только съ помощью телескопа. Абипонецъ и карайбъ различаютъ посредствомъ одного обонянія бѣлаго, негра и американца. Индѣйцы прежде выслѣживали обоняніемъ и дичь, и враговъ. Негры отличаются тѣмъ-же. Сила физическихъ чувствъ дополняется ловкостью и хитростью. Южные островитяне подъ водой отыскиваютъ раковины, гоняются за рыбами и вытаскиваютъ ихъ на своихъ пальцахъ, воткнутыхъ въ ихъ глаза. Австраліецъ ложится на скалу подъ солнцемъ съ рыбой въ рукѣ и притворяется спящимъ; птица, соколъ или воронъ, не замѣчая въ немъ движенія, бросается на рыбу, но въ то мгновеніе, какъ хочетъ схватить ее, австраліецъ ловитъ птицу и жаритъ ее. Эскимось ушелъ уже впередъ въ дѣлѣ усовершенствованія этой первобытной охоты на птиць. Онъ строитъ себѣ маленькую лачужку изъ снѣга съ отверстіемъ, сѣвозъ которое онъ просовываетъ руку и овладѣваетъ птицей, прилетѣвшей на положенную вблизи приманку. Такимъ образомъ, съ помощью своихъ острыхъ чувствъ, хитрости и ловкости первобытный дикарь могъ добывать себѣ пищу. Жизнь въ тепломъ климатѣ доставляла ему возможность, даже при неудачной охотѣ, существовать растительною пищею. Дивій медъ, устрицы, рыба, которой даже въ населенныхъ странахъ бываетъ по временамъ такъ много, что ее сколько угодно можно ловить руками, доставляли значительную поддержку для его существованія. Падалъ тоже нерѣдко была его пищею, и въ

настоящее время многіе дикари подолгу кормятся трупами животныхъ, напр., китовъ, выброшенныхъ на берегъ морскими волнами. Но при всемъ томъ положеніе человѣка было шаткое и онъ чаще дѣлался добычею, чѣмъ находился въ положеніи счастливаго охотника. У него не было ни такой силы, ни такихъ естественныхъ орудій, какъ у крупныхъ животныхъ. Что онъ могъ противопоставить хоботу слона, когтямъ льва, смертоносной пасти акулы и крокодила, рогамъ буйвола? Независимо отъ этихъ естественныхъ преимуществъ, животныя обладали и нѣкоторою искусственной культурой. Бобры, медвѣди, птицы строили себѣ постоянныя жилища, а нѣкоторые виды употребляютъ даже различныя искусственныя орудія. Слоны рвутъ древесныя вѣтви и пользуются ими, какъ опахаломъ. Обезьяны употребляютъ дубины, защищаются отъ нападеній бросаньемъ палокъ и камней, раскалываютъ орѣхи круглыми камнями и т. д. Не лучше были и орудія первобытнаго человѣка. У него не было ни лука, ни стрѣлы, какъ не было ихъ до новѣйшаго времени у австралійцевъ или тасманійцевъ, которые, во время посѣщенія ихъ Кукомъ, не имѣли ни жилищъ, ни платья, ни лодокъ, ни гарпуновъ; единственное ихъ орудіе состояло въ шестѣ, заостренномъ съ одного конца; питались-же они главнымъ образомъ раковинами. Шестъ, дубина, камень — вотъ были первичныя орудія для защиты и нападенія. Они были крайне несовершенны, но ихъ недостатки восполнялись тою иѣткостью, которою до сихъ поръ отличаются дикари. Индѣецъ насквозь пробиваетъ своей стрѣлой лошадь и буйвола. Австраліецъ за тридцать шаговъ убиваетъ голубя метательнымъ копьемъ и сражается подъ водой съ акулою съ однимъ только ножикомъ въ рукѣ.

Дубина и простой камень, служившіи и молотомъ, и метательнымъ орудіемъ, не могли удовлетворять всемъ потребностямъ первобытнаго дикаря. Постепенное усовершенствованіе ихъ, какъ это подробно показывается Клемъ, совершалось путемъ подражанія животнымъ, подбора и приспособленія предметовъ природы. Чтобы показать, до какой степени древнѣйшее развитіе военныхъ искусствъ могло зависѣть отъ подражательной способности человѣка, Фоксъ указываетъ на аналогію въ способахъ веденія войны у животныхъ и у людей; животныя имѣютъ оборонительныя средства въ своихъ шкурахъ, щитахъ, чешуѣ; наступательныя — колющее оружіе въ рогахъ, ударяющее въ копытахъ, отравленное

въ жалѣ и т. д.; у нихъ есть свои военные стратагеми—бѣгство, засады, аванпосты и т. д. Все это воспроизвель чловѣкъ и постепенно развилъ до степени утонченнаго искусства.

Камни и кости животныхъ дали ему матеріалъ для усовершенствованія своихъ орудій. Появились кремневые ножи, каменные топоры и наконечники стрѣлъ, иголки изъ рыбьихъ костей, сверлящіе инструменты изъ оленьяго рога и т. д. Все это или вовсе не обдѣлывалось, а употреблялось въ натуральномъ видѣ, или же обдѣлывалось, выравнивалось, заострялось посредствомъ простаго откалыванья. Это каменный вѣкъ необточенныхъ инструментовъ, представителей котораго уже нѣтъ на землѣ и съ которыми знакомить насъ только одна историческая археологія. Раскопки, сдѣланныя въ пещерахъ южной Франціи, показываютъ, что люди той эпохи были охотники и рыболовы, не имѣли никакихъ домашнихъ животныхъ, даже собакъ, но дѣлали себѣ грубыя украшенія, шили костяными иголками съ ушками и украшали свои костяныя издѣлія не только волнообразными высѣчками, но и рѣзбою животныхъ, сдѣланною съ замѣчательнымъ искусствомъ и вкусомъ. Способъ приготовленія каменныхъ орудій теперь вполне ясенъ для археологовъ. Джонъ Ивэнсъ, напр., успѣлъ воспроизвести самыя тонкіе образцы орудій посредствомъ ударовъ камня, давленія кускомъ оленьяго рога, распиливанья пластинкой изъ кремня, буровленія посредствомъ палки и песка, тренія о поверхность камня. Инструменты были плохи и малочисленны, но несовершенство ихъ вознаграждалось громадною тратою времени на работу. Въ южной Америкѣ въ древности самыя твердые камни, напр., изумруды, обдѣлывались въ форму просверленныхъ и высѣченныхъ цилиндровъ, имѣвшихъ подобіе плодовъ и животныхъ. Форма придавалась имъ просто посредствомъ тренія, а сверленіе дѣлалось такъ: къ твердому камню приставляли заостренный, неразвившійся листокъ диваго подорожника и вертѣли имъ руками, пока съ помощью воды и мелкаго песку не просверливали камня. Такая работа продолжалась годы. Просверливаніе цилиндровъ, носимыхъ князьками этихъ племенъ, занимало иногда продолжительность жизни двухъ чловѣкъ. Когда русскіе пришли въ Камчатку, то туземцы имѣли только такіе каменные и костяные инструменты, что для выдалбливанья ими лодки требовалось три года, а для корыта—годъ. Но какъ ни трудна была работа, она все-таки не замирала на

одной степени и постепенно подвигала впередъ усовершенствованіе орудій. За каменнымъ вѣкомъ необточенныхъ инструментовъ слѣдовала эпоха обточенныхъ каменныхъ орудій, представляющая собою несомнѣнный прогрессъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый родъ этихъ орудій свидѣтельствуетъ о постепенномъ развитіи людей. Первобытный молотокъ, напр., это овальный голышъ, который держать просто рукой. Затѣмъ этотъ голышъ является съ искусственными выемками, для того, чтобы обвязать его кругомъ ивовымъ прутомъ, который служить рукояткою. Наконецъ, въ голышѣ стали дѣлать сквозную дыру для рукоятки. Нѣкоторыя изъ орудій, принадлежащихъ этой эпохѣ развитія человѣчества, замѣчательны въ такой степени, что многіе, на основаніи ихъ, дѣлали предположеніе, что владѣвшіе ими дикари находятся въ состояніи упадка сравнительно съ древней эпохой, когда они были гораздо болѣе цивилизованы и благодаря только этой цивилизаціи могли изобрѣтать такія орудія. Таковъ бумерангъ, австраійское метательное орудіе, которое можетъ измѣнять въ воздухѣ линію своего направленія и, достигнувъ цѣли, снова возвращаться къ бросившему. Ученые долго не могли объяснить этихъ свойствъ бумеранга и удивлялись уму его изобрѣтателей, которые, конечно, дошли до него не теоретическимъ путемъ, а случайно, постепенно подвигаясь къ нему отъ метательнаго копья и палицы.

Каменный вѣкъ обточенныхъ инструментовъ обнималъ собою очень долгую эпоху. Въ Европѣ къ нему относится не только цивилизація свайныхъ построекъ, но остатки его въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., въ Ирландіи, сохранились до позднѣйшаго времени. Многіе сибирскіе инородцы до русскаго завоеванія, Америка и Австралія до ихъ открытія оставались въ каменномъ вѣкѣ, орудія котораго постепенно смѣнялись металлическими и нерѣдко долго удерживались въ жизни, какъ освященные временемъ и наиболѣе пригодныя для религіозныхъ церемоній. Евреи совершали обрѣзаніе острыми камнями и рѣзали животныхъ каменными ножами, египтяне съ помощью послѣднихъ бальзамировали трупы и т. д. Переходъ отъ каменныхъ орудій къ металлическимъ совершился, благодаря обилію во многихъ мѣстностяхъ мѣдныхъ рудъ и такой ковкости послѣднихъ, что ихъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ обдѣлывать въ инструменты, не расплавляя, какъ это еще сравнительно недавно дѣлали индѣйцы сѣверной Амери-

ки. Но мѣдныя орудія держались не долго. Случайныя прибавки олова къ расплавленной мѣди указали превосходство надъ послѣдней бронзы, которая въ Греціи господствовала еще въ эпоху троянской войны, хотя уже и вытѣснялась постепенно желѣзомъ, — металомъ болѣе прочнымъ, но гораздо менѣе удобнымъ для выплавки иковки.

Замѣна деревянныхъ, костяныхъ и каменныхъ орудій металлическими могла совершиться лишь въ то время, когда искусство добыванія огня и многосторонняго приложенія его къ житейскимъ потребностямъ стояло уже на довольно высокой степени развитія, сравнительно съ первою эпохою жизни человѣчества. Существовали-ли когда-либо народы безъ огня — этотъ вопросъ интересовалъ умы втеченіи долгихъ тысячелѣтій и болѣею частію рѣшался утвердительно, причемъ въ мифической періодъ мысли изобрѣтеніе огня приписывалось Прометеемъ или другимъ необыкновеннымъ существамъ, а въ позднѣйшее время, напр., у Плинія, — случаямъ и наблюдательности обыкновенныхъ смертныхъ. Извѣстія о народахъ безъ огня были въ большомъ ходу до позднѣйшаго времени. Положимъ, что всѣ эти извѣстія не выдерживаютъ критики, какъ это доказываетъ Тэйлоръ, но осторожность послѣдняго при рѣшеніи упомянутаго вопроса переходитъ въ совершенный педантизмъ. Все доказываетъ постепенность человѣческаго развитія изъ низшихъ формъ, а поэтому преданія о народахъ безъ огня и о народахъ, знакомыхъ съ огнемъ, но неумѣвшихъ добывать его, имѣютъ несомнѣнное историческое основаніе, хотя и могутъ быть отвергаемы относительно тѣхъ племенъ, къ которымъ они прилагались рассказчиками, обличаемыми Тэйлоромъ въ недостовѣрности. Огонь, какъ и орудія, не былъ, конечно, самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ человѣка. Онъ не похищали его съ неба, какъ Прометей, — небо и земля сами дали его въ огнѣ вулкановъ, въ пламени, зажженномъ молніей, въ самовозгораніи дерева подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей или тренія древесныхъ вѣтвей одна о другую во время сильнаго вѣтра. Туземцы Вандименовой земли рассказываютъ, что предки ихъ получили огонь съ неба и сохраняли его, нося съ собою горящія головни; когда послѣднія гасли, то дикари искали глазами, не подымается-ли гдѣ дымъ отъ огня другой партіи, или-же старались отскрывать и раздуть тлѣющіе остатки своего недавно погасшаго огня. Подобныхъ извѣстій не

мало, и они вполне подтверждаются обычаем поддержанія постоянного священнаго огня, — обычаемъ, естественно развившимся изъ этихъ обстоятельствъ, существующимъ у нѣкоторыхъ дикарей, напр., у индѣйцевъ, и сохранившимся въ своей пережившей формѣ даже въ обществахъ высокой культуры, напр., въ Римѣ и въ Перу. Въ послѣднемъ случаѣ огонь хранился точно также ради его священной древности, какъ огонь, добытый первобытнымъ способомъ, употреблялся даже въ Европѣ вплоть до новѣйшаго времени для особенно важныхъ цѣлей, напр., для прекращенія скотскаго падежа, или пережившія каменные орудія употреблялись для жертвоприношеній и обрѣзанія. Что же касается первобытнаго способа добывать искусственный огонь, то онъ состоялъ въ треніи двухъ кусковъ дерева и имѣлъ длинную исторію, начавшуюся треніемъ двухъ необдѣланныхъ деревяшекъ и кончившуюся изобрѣтеніемъ очень сложныхъ деревянныхъ огнивъ. Высѣканіе огня изъ минераловъ — болѣе поздняго происхожденія, хотя и встрѣчается у многихъ дикарей.

Огонь значительно возвысилъ человѣка надъ животными, доставивъ ему возможность важныхъ улучшеній въ своей матеріальной обстановкѣ и прежде всего въ способѣ приготовленія пищи. Пока онъ не вошелъ въ употребленіе, люди жили въ томъ-же положеніи, какъ въ недавнее еще время обитатели острововъ Факаафо, у которыхъ не найдено никакихъ слѣдовъ огня и повареннаго искусства. Первымъ способомъ горячаго приготовленія пищи было, конечно, жаренье ея прямо на кострѣ, потомъ въ печахъ, которыя прошли черезъ нѣсколько фазисовъ развитія. Люди сначала не дѣлали печей, а пользовались готовыми уже для этой цѣли предметами. Жители Андаманскихъ острововъ, напр., сохраняютъ постоянно глѣбующійся огонь въ пустыхъ деревьяхъ, въ которыхъ они и жарятъ своихъ маленькихъ свиней и рыбу. Туземцы Африки съ той-же цѣлью превращаютъ въ печи муравейники, а островитяне Великаго Океана готовятъ пищу въ ямахъ, въ которыя кладутъ ее вмѣстѣ съ раскаленными камнями. Вареніе пищи явилось только съ усовершенствованіемъ посуды, которая первоначально состояла изъ корки тыевы, скорлупы кокосовыхъ орѣховъ и т. п. естественныхъ предметовъ, а потомъ перешла къ плетенымъ изъ вѣтвей корзинамъ, выдолбленнымъ изъ дерева корытамъ, мѣхамъ, сдѣланнымъ изъ желудка и шкуръ животныхъ, и

т. д. Пища, приготовляемая въ этихъ сосудахъ, варилась посредствомъ положенныхъ въ нихъ раскаленныхъ камней. Чтобы сдѣлать эту посуду огнеупорною, ее начали обмазывать глиной, послѣ чего ее можно было уже прямо ставить на огонь для кипяченія налитой въ нее жидкости. Когда-же оказалось, что для этой цѣли достаточно глины, то явилось искусство дѣлать глиняную посуду. Гончарное колесо, впрочемъ, не было извѣстно ни въ каменномъ, ни въ бронзовомъ вѣкѣ, и посуда дѣлалась посредствомъ накладыванія слоевъ глины на наружную сторону раковины или коры какого-нибудь плода. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и очевидная форма тыквы, столь часто встрѣчаемая въ глиняныхъ сосудахъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга частей свѣта.

Относительно своего жилища первобытный человѣкъ былъ безпомощнѣе многихъ животныхъ, не только муравьевъ, пчелъ и бобровъ съ ихъ постройками, но даже птицъ съ ихъ гнѣздами. Говоря точнѣе, онъ не имѣлъ жилища, а спалъ на деревьяхъ, въ ямахъ, пещерахъ и т. д. Такъ почти живутъ до сихъ поръ бушмены, которые, не имѣя постоянныхъ ночлеговъ, отдыхаютъ въ ямахъ, прикрывая ихъ древесными вѣтвями, въ разсѣлинахъ скалъ, въ кустарникахъ, въ которыхъ они устраиваютъ себѣ настоящія гнѣзда. Впрочемъ, у нихъ уже появились жалкіе шалаши и хижины. Первобытный шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей и коры, съ развитіемъ скотоводства и ткацкаго ремесла, замѣнился палаткой. юртой изъ звѣриныхъ шкуръ. Болѣе прочныя жилища появляются съ развитіемъ осѣдлости. Они уже строятся изъ дерева и между прочимъ имѣютъ цѣлью безопасность обитателей ихъ отъ враговъ и хищныхъ звѣрей. Негры фертитъ и индѣйцы на Ориноко строятъ свои жилища на деревьяхъ и, взобравшись въ нихъ по лѣстницамъ, на ночь поднимаютъ послѣднія къ себѣ наверхъ. Болѣе этого распространенъ способъ строить жилища на сваяхъ, какъ это дѣлаютъ малайскія племена, дикари Новой Гвиней и др., и какъ дѣлали это въ древности пеніане, описанные Геродотомъ. „Ихъ жилища, говоритъ онъ,—строятся такимъ образомъ: на высокихъ сваяхъ, расположенныхъ среди озера, дѣлается помость, имѣющій сообщеніе съ берегомъ только посредствомъ одного узенькаго моста. Сваи, поддерживающія этотъ помость, вбиты общими силами всѣхъ жителей, которые опредѣляли по-

томъ, что каждый мужчина, вступающій въ бракъ, долженъ вбить три сваи на каждую свою жену. У нихъ по нѣскольку женъ. Каждый мужчина имѣеть на упомянутомъ помостъ свою хижину со спускомъ къ озеру. Чтобы дѣти ихъ не падали въ воду, они привязываютъ ихъ веревкою за ноги. Своихъ лошадей и вьючный скотъ они кормятъ рыбой, которой такъ много, что, опустивъ въ озеро пустую корзину, немного погодя вытаскиваютъ ее полной рыбою. Свайныя постройки, которыхъ такъ много открыто и изслѣдовано въ послѣдніе годы, особенно въ Швейцаріи, показываютъ, что и европейцы прошли черезъ ту-же ступень развитія, на какой находились въ древности Геродотовы пегіане и находятся еще до сихъ поръ многіе дикари. Отдаленный отъ насъ періодъ европейскихъ свайныхъ построекъ продолжался тысячелѣтія, и разрабатываемые остатки ихъ показываютъ намъ, какъ медленно, но постепенно и непрерывно развивались ихъ жители, какъ они отъ грубыхъ каменныхъ орудій доходили до изящныхъ издѣлій изъ бронзы, болѣе и болѣе приручали животныхъ, развивали земледѣліе, совершенствовали свое платье, переходя отъ звѣриныхъ шкуръ къ матеріямъ изъ растительныхъ и шерстяныхъ тканей, заводили обширную торговлю. Въ началѣ этого періода страпа была населена малочисленными дикими племенами, а въ концѣ его—уже довольно развитымъ, могущественнымъ народомъ.

Исторія матеріальной культуры свидѣтельствуетъ о постепенномъ прогрессивномъ развитіи человѣка. Но это развитіе шло чрезвычайно медленно, шагъ-за-шагомъ, съ большими затрудненіями. Достигнувъ какого-нибудь усовершенствованія, люди нерѣдко не доводили его до конца и долго не могли сдѣлать самаго незначительнаго прибавленія къ нему. На Целебесѣ, напримѣръ, гдѣ бамбуковые дома легко наклоняются въ сторону отъ господствующаго западнаго вѣтра, туземцы нашли, что если укрѣпить нѣсколько изогнутыхъ стволовъ по сторонамъ дома, то онъ упадетъ. Поэтому они выбираютъ самыя изогнутыя деревья, не попадая на мысль, что укрѣпленные въ косвенномъ направленіи прямыя жерди достигали-бы той-же самой цѣли. Они прошли половину дороги къ устройству подпорки и пока остановились. Но, несмотря на такую медленность роста первобытной матеріальной культуры, развитіе ея шло непрерывно и постепенно усиливаясь и въ наши дни достигло, наконецъ, чрезвычайной быстроты.

II.

ОСНОВЫ УМСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.

Наши предки назвали германцевъ *нѣмцами*, т. е. нѣмыми людьми, потому, конечно, что германцы, не зная ихъ языка, объяснялись съ ними посредствомъ жестовъ, какъ это дѣлаютъ глухонѣмые и всѣ дикари въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами, языкъ которыхъ имъ неизвѣстенъ. Эти разговоры жестаи породили множество извѣстій о нѣмыхъ народахъ; но исторія относитъ всѣ эти извѣстія къ области мифовъ; она не знаетъ племень безъ языка, нѣмыхъ народовъ. Языкъ есть даже у животныхъ... Но чѣмъ ниже стоитъ человѣкъ по своему развитію, тѣмъ бѣднѣе словарь его, тѣмъ болѣе онъ употребляетъ въ разговорѣ жестовъ и тѣлодвиженій, замѣняющихъ собою слова. Языкъ бразильскихъ пурисовъ и коровдасовъ такъ бѣденъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ перемѣнъ окончаній, никакой конструкціи, которая замѣняется жестаи рукъ и рта. Чтобы сказать: *я пойду съ лѣсъ*, индѣецъ говоритъ: *лѣсъ идти*, и потомъ, вытянувъ губы на подобіе свиного рыла, указываетъ ими по направленію къ лѣсу. Для словъ *сегодня, завтра, вчера* онъ употребляетъ только слово *день*, дополняя остальное знаками. Чтобы сказать *вчера*, напр., онъ говоритъ *день* и потомъ указываетъ рукою назадъ. Подобныхъ племень еще не мало на землѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ, подобно арапаносамъ сѣверной Америки, такъ нуждаются въ жестахъ для передачи своихъ мыслей, что не могутъ въ тежотѣ разговаривать другъ съ другомъ. Подобно глухонѣмымъ, съ которыми дикари бесѣдуютъ довольно свободно, они, какъ между собой, такъ и съ иностранцами, могутъ посредствомъ однихъ только жестовъ вести довольно сложные разговоры. Вотъ, напр., разсказъ *жестаи* индѣйскаго охотника. „Рано утромъ я сѣлъ на лошадь, поскакалъ галопомъ, перескочилъ оврагъ, потомъ съ горы спустился въ долину, гдѣ не было воды, примѣтилъ бизоновъ, погнался за ними, убилъ изъ нихъ трехъ, содралъ шкуру, положилъ мясо на лошадь, опять сѣлъ на нее и возвратился домой“. Или вотъ путешественникъ встрѣчаетъ индѣйца и спрашиваетъ его жестаи: „не видѣлъ-ли ты шесть повозокъ, запряженныхъ быками, трехъ мексиканцевъ,

трехъ американцевъ и еще одного человѣка верхомъ на лошади?“ Для этого онъ сначала указываетъ на индѣйца, что значить *ты*, потомъ на его глаза — *видѣлъ*; затѣмъ поднимаетъ всѣ пальцы правой и одинъ лѣвой руки — *шесть*, дѣлаетъ изъ пальцевъ подобіе движущихся колесъ — *повозки*; прикладываетъ руки по обѣимъ сторонамъ своей головы, изображая рога — *быки*; описываетъ знаками птицу, какъ называются *мексиканцы*, и проводитъ тремя пальцами по своему лбу, что значить „три бѣлыхъ брови“ или „три блѣдныхъ лица“ — *три американца*. Наконецъ, посредствомъ тѣхъ-же пальцевъ онъ изображаетъ человѣка, галопирующаго верхомъ на лошади — *одного всадника*. Языкъ жестовъ раздѣляется на два класса, которые употребляются отдѣльно или вмѣстѣ. Во-первыхъ, предметы обозначаются указываніемъ или взглядомъ на нихъ, во-вторыхъ — подражаніемъ дѣйствіямъ или посредствомъ картинъ въ воздухѣ. Послѣдній, наиболѣе усовершенствованный способъ выраженія служитъ уже переходною ступенью къ языку словъ. Чтобы представить воду, напр., индѣецъ какъ-бы черпаетъ ладонью и пьетъ изъ нея. *Рѣку* онъ изображаетъ тѣмъ-же знакомъ и потомъ разводитъ руками, ладонями вверхъ, представляя этимъ обширную поверхность. Этотъ знакъ перешелъ въ языкъ западныхъ американцевъ, называющихъ рѣку *водоной* (а drink) отъ глагола *пить* (to drink), а Миссисипи — *огромный водоной*. Всѣ языки полны подобныхъ выраженій, служащихъ только переводомъ на слова первобытныхъ жестовъ. Напр., *смотреть сквозь пальцы*, *закрывать глаза на ваши недостатки*, *сытъ по горло* и т. д. — ничто иное, какъ такіе жесты, выраженные словами. Языкъ словъ несомнѣнно развился въ значительной степени изъ языка жестовъ, но предположеніе о безусловномъ господствѣ послѣдняго въ первобытномъ состояніи человѣчества было-бы неосновательнымъ. Даже глухонѣмые употребляютъ для выраженія своихъ мыслей нѣкоторые звуки, а у животныхъ звуковой языкъ развитъ до значительной степени совершенства. Людское племя поэтому никогда не могло быть безусловно нѣмымъ и жесты служили ему, хотя и въ значительной степени, только дополненіемъ къ звуковому способу выраженія чувствъ и мыслей. Развитие языка состояло въ развитіи членораздѣльности звуковъ, въ изобрѣтеніи новыхъ словъ и въ замѣнѣ ими жестовъ.

Человѣческій языкъ на своей низшей, доступной наблюденію, ступени очень бѣденъ звуками. Гуроны не имѣютъ губныхъ буквъ, нѣкоторые индѣйцы Колумбѣи не могутъ произносить *б*, *ф*, *кси*, *д*, *п*, *в*; въ перувіанскомъ языкѣ не было *б*, *д*, *ф*, *г*, *с*, *и*, *кси*; китайцы и многіе негры не произносятъ *р*; туземцы Новой Зеландіи не имѣютъ слѣдующихъ звуковъ: *b*, *c*, *d*, *f*, *g*, *j*, *l*, *q*, *s*, *v*, *x*, *y*, *z*; португальцы, открывшіе Бразилію, замѣтили, что у туземцевъ нѣтъ ни *f*, ни *l*, ни *г*, почему и назвали ихъ народомъ, неимѣющимъ ни *f*ѹ, ни *leu*, ни *geu*, — ни вѣры, ни закона, ни короля. Не имѣя многихъ ясныхъ и опредѣленныхъ звуковъ, свойственныхъ развитымъ языкамъ, дикари употребляютъ не мало такихъ звуковъ, которые не могутъ быть вовсе выражены буквами европейскихъ алфавитовъ и походятъ на звуки, издаваемые животными. Таковы, напр.; звуки прищелкивающіе, клохчущіе, булькающіе, хрюкающіе, которыми богаты языки готтентотовъ, негровъ, индѣйцевъ и т. д. Сходство первобытныхъ языковъ съ звуковымъ способомъ выраженія животныхъ не ограничивается этимъ. У животныхъ одинъ и тотъ-же звукъ; лай, напр., имѣетъ разное значеніе, смотря по интонаціи, по модуляціи музыкальной высоты своей. То-же самое видимъ мы и въ тѣхъ человѣческихъ языкахъ, которые наиболѣе сохранили свой первобытный характеръ. Благодаря интонаціи, 450 коренныхъ китайскихъ словъ имѣютъ 1,200 значеній. Въ сіамскомъ языкѣ *hā* значитъ искать, *hā* — чума, *hā* — пять; въ дагомейскомъ языкѣ *so* — палка, *só* — лошадь, *sò* — громъ и т. д. Бѣдные звуками, первобытные языки бѣдны и словами, что зависитъ отъ бѣднаго запаса идей первичнаго человѣка и его малоспособности къ отвлеченному мышленію. У многихъ дикарей нѣтъ, напр., такихъ словъ, какъ *дѣвица*, *любовь*, *милый*, *благодарность* и т. д. Словъ, выражающихъ общія понятія, тоже нѣтъ. У индѣйцевъ, напр., много названій разныхъ видовъ дуба, но слова *дубъ* нѣтъ. У туземцевъ Бразиліи нѣтъ такихъ, напр., терминовъ, какъ *цвѣтъ*, *тонъ*, *родъ*, *духъ* и т. д. У тасманійцевъ нѣтъ словъ *дерево* (хотя есть названія всѣхъ деревьевъ), *жесткій*, *мягкій*, *теплый*, *длинный*, *короткій* и т. д. вмѣсто *твердый* тасманіецъ говоритъ — *какъ камень*, вмѣсто *круглый* — *какъ шаръ* или *какъ луна*.

Въ языкахъ цивилизованныхъ народовъ словъ очень много, —

въ китайскомъ, напр., 40,000, въ англійскомъ словарѣ Вебстера 70,000. Но большая часть этихъ словъ — производныя отъ первоначальныхъ словъ или корней, которыхъ считается въ китайскомъ 450, въ еврейскомъ 500, въ санскритскомъ около того же. „Это обстоятельство, говоритъ Максъ Мюллеръ, — чрезвычайно упрощаетъ вопросъ о происхожденіи языка... Послѣдній оказывается вовсе не такимъ чуднымъ орудіемъ, которое служить живымъ изображеніемъ цѣлаго міра, даетъ форму утонченнымъ чувствованіямъ нашей души и тѣла, самымъ выпреющимъ мечтамъ нашего воображенія, способно располагать въ точной перспективѣ прошлое, настоящее и будущее и бросать на все разнообразныя оттѣнки достовѣрности, сомнительности, случайности“. Происхожденіе значительной части упомянутыхъ первобытныхъ словъ или корней объясняется очень просто. Это звуки, подражающіе звукамъ тѣхъ предметовъ, которые опредѣляются ими, — крикамъ, вою, топоту, треску, сврипу, стуку, визгу и т. д. Таковы, напр., *кукушка* (cuckoo, coucou, kuckuk), *квакать* (quack, caqueter, quaken), *чирикать* (chirp, zigren), *ворковать* (coo, gousouler, gurren), *рычать* (roar, rugir, brüllen), *хохотать*, *хихикать*, *свистѣть*, *шипѣть*, *хлопать*, *визжать*, *стукъ*, *мычанье*, *дребезжать*, *плевать* и т. д., и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова подобнаго происхожденія несходны между собой въ разныхъ языкахъ, или потому, что въ одномъ языкѣ они образовались описаннымъ выше способомъ, а въ другомъ иначе, или же потому, что звуки, давшіе имъ начало, не обладаютъ рѣзкою опредѣленностью, не могутъ быть вполне точно воспроизведены человѣческимъ голосомъ и поэтому подражаніе имъ разнообразится у разныхъ племенъ. Но при всемъ томъ множество словъ этого разряда очень сходны между собой въ языкахъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ. Такъ, напр., *колоколь* по-якамски *квалааквалаалъ*, по-іолофски *валвалъ*; *нѣмой* у африканскихъ племенъ — *муму*, *имаму* и т. д., у фиджійянъ — *номо*, на языкѣ киче — *мемз* и проч. Многія изъ этихъ подражательныхъ коренныхъ словъ происходятъ отъ междометій, выражающихъ собою то или другое состояніе человѣческаго чувства и стоящихъ наравнѣ съ нечленораздѣльными звуками животныхъ. Такъ, напр., *издохъ*, выражаемый одинаково на всѣхъ почти языкахъ (по-іолофски *hhihhe*, по-латыни *heu*, по-англійски *heigho*, по-коптски *ouae*,

по-осетински *voу*) даетъ глаголъ вздыхать и множество производныхъ. *Oile*, звукъ плача женщинъ на островахъ Фиджи, даетъ глаголъ *oile* — оплакивать, сѣтовать. Простые, наиболѣе удобные для произношенія, короткіе звуки *па, та, ма* и *на* послужили во всемъ мѣрѣ началомъ названій отца и матери съ ихъ производными. Большая часть этихъ названій вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ *папа, тятя* и *мама*; но во многихъ языкахъ эти названія замѣняются одно другимъ: по-чилійски, напр., *папа* — мать, по-тлатсканайски *мама* — отецъ; русское *няня* соотвѣтствуетъ санскритскому *папа* — мать, яванскому *піпі* — дѣдъ, испанскому *піпа* — дитя, миланскому *піпіп* — постель. Такимъ образомъ, извѣстное чувство выражается посредствомъ извѣстныхъ, наиболѣе гармонирующихъ съ нимъ звуковъ. Хотя физиологія и филологія еще далеки отъ научнаго объясненія этого процесса образованія словъ, неизмѣняющаго подражательнаго происхожденія, но не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутыя слова произошли именно такимъ способомъ, остающимся до сихъ поръ неразъясненнымъ.

Развитіе письменности или способа передачи словъ и мыслей писанными знаками совершалось по тому-же методу, какъ и развитіе языка. Дикіе народы считаютъ письмо и чтеніе своего рода волшебствомъ. Когда отаитяне увидѣли, что миссіонеры обмѣниваются другъ съ другомъ своими мыслями посредствомъ какихъ-то бумагъ, испещренныхъ какими-то знаками, то, удивляясь столь искусному волшебству, они прикладывали письма къ ушамъ, слушая, что говорятъ они. Гренландцы также думали, что читающіе повторяютъ только то, что таинственнымъ голосомъ говоритъ имъ книга. Но въ такое изумленіе приводитъ дикаря только усовершенствованный, позднѣйшій видъ письменности, начатки которой рано встрѣчаются въ исторіи развитія. Письменность началась фигурнымъ или картиннымъ способомъ передачи мыслей, образцы котораго мы можемъ видѣть у всѣхъ дикарей и въ древнихъ изображеніяхъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ на скалахъ Америки, Сибири, Австраліи и т. д. Для объясненія характера этого письма достаточно привести переданный фигурами, на обнаженной отъ коры соснѣ, слѣдующій коротенькій индѣйскій рассказъ. На правой сторонѣ рисунка представлены двѣ лодки; въ одной изъ нихъ находится полосатая акула, въ другой — мифическое животное, называемое мѣднохвостымъ медвѣдемъ. На лѣвой сторонѣ изображе-

ны бѣгущими отъ лодокъ медвѣдь и шесть акулъ. Значеніе картины то, что „два охотника, изъ которыхъ одинъ назывался Мѣднохвостымъ Медвѣдемъ, а другой—Акулой, отправились въ двухъ лодкахъ на охоту и убили медвѣдя да шесть акулъ“. Нѣкоторые виды этого письма могутъ быть понятны только самому ограниченному кругу читателей, такъ-какъ они служатъ не способомъ передачи заключающагося въ нихъ смысла, который можетъ быть и неизвѣстенъ заранѣе, а только средствомъ напоминанія извѣстнаго. Письма и заклинанія индѣйцевъ сѣверной Америки, напр., произносятся или поются наизусть, но для пособія пѣвцу дѣлаются фигурныя изображенія на палочкахъ или древесной корѣ, для напоминанія порядка и содержанія стиховъ. Такъ, напр., изображеніе человѣка съ двумя знаками на груди и четырьмя на бедрахъ напоминаетъ пѣвцу, что въ этомъ мѣстѣ должно пѣть слѣдующіе стихи: „два дня ты долженъ поститься, мой другъ, четыре дня сидѣть въ безмолвіи“. Числа изображались сначала тоже фигурнымъ способомъ, который до сихъ поръ удержался въ римскихъ цифрахъ I, II, III. Сосчитавъ до десяти, многіе дикари ставятъ знакъ креста, что сохранилось до сихъ поръ въ китайскомъ и римскомъ цифроначертаніи; въ первомъ десяти изображалось +, а во второмъ знакомъ X, половина котораго, V, обозначаетъ пять. Какъ ни несовершенна эта первобытная форма письменности, но при господствѣ ея возможно было уже возникновеніе картографіи и письменныхъ памятниковъ, служащихъ лѣтописями, календарями, памятными книгами и т. д. Образцомъ этихъ памятниковъ могутъ служить счетныя бирки, которыя до сихъ поръ еще употребляются нашими крестьянами. Нѣкоторыя дикія племена пользуются подобными-же бирками для записыванія на нихъ посредствомъ разнообразныхъ надрѣзовъ своихъ покупокъ, продажъ, долговъ и т. д. На Сандвичевыхъ островахъ сборщики податей употребляли вмѣсто реестра длинную веревку съ навязанными на нее меньшими веревками и раковинами. У многихъ дикихъ племенъ Азіи, Африки, Австраліи и Америки существуютъ подобныя-же орудія записыванія, если можно такъ выразиться, цифръ и фактовъ. Китайцы въ древности тоже употребляли веревочный снарядъ, разнообразно расположенные узлы котораго замѣняли собой буквы, а весь онъ служилъ вмѣсто записной книги. Этотъ снарядъ,—первобытную, пережившую форму

котораго мы можемъ видѣть даже въ современной жизни, въ узлахъ, навязываемыхъ на платкѣ, для напоминанія, напр., о предметахъ, которые слѣдуетъ купить на базарѣ, — этотъ снарядъ былъ доведенъ до возможнаго совершенства въ Перу, гдѣ онъ назывался *квипосомъ*. Квипосъ состоитъ изъ толстой главной веревки и привязанныхъ къ ней на извѣстныхъ разстояніяхъ тонкихъ веревокъ. Последнія большею частію разнаго цвѣта, для обозначенія разныхъ родовъ предметовъ. Веревка краснаго цвѣта обозначала солдатъ, желтаго цвѣта — золото, зеленаго — хлѣбъ и т. д. Такимъ образомъ велись финансовыя счеты, списки войскамъ, отчеты о сраженіяхъ, даже хроники наиболѣе замѣчательныхъ событій, законовъ, указовъ. Въ каждомъ городѣ были особые чиновники, которые вели эти узловыя списки, хранили ихъ и толковали, доводя эту систему постоянной практикой до замѣчательной степени совершенства.

Фигурное письмо и квипосообразныя снаряды долго могли удовлетворять всемія интеллектуальнымъ и общественнымъ потребностямъ древней жизни, въ которой очень рано мы находимъ даже и начатки картографіи. Эскимосы, индѣйцы, киргизы могутъ чертить карты знакомыхъ имъ мѣстностей. Туземцы Таити тоже составляютъ карты для иноземныхъ посѣтителей. Картографическое искусство, какъ и вообще фигурное письмо, достигло своего высшаго развитія въ Египтѣ, Мексикѣ и Перу. Въ этихъ странахъ окончательно совершился переходъ первобытнаго фигурнаго письма къ гіероглифамъ и фонетической системѣ. Переходъ этотъ, впрочемъ, начался еще въ дикой жизни. Виргинскіе индѣйцы, напр., обозначали время извѣстными гіероглифическими знаками, которые рисовались на кожахъ, хранившихся у жрецовъ. Годъ прибытія европейцевъ, напр., былъ обозначенъ лебедемъ, извергающимъ изо рта огонь и дымъ. Бѣлый цвѣтъ птицы и ея жизнь на водѣ служили знакомъ блѣднолицыхъ людей и ихъ прибытія по морю, а огонь и дымъ напоминали объ огнестрѣльномъ оружіи пришельцевъ. Но эти гіероглифы служили для напоминанія, а не для *чтенія*. Чтеніе возможно сдѣлалось только съ переходомъ къ фонетическому фигурному письму, какое мы видимъ въ Египтѣ и Мексикѣ. Египетскіе гіероглифы раздѣляются на два класса. Одни изъ этихъ изображеній имѣютъ фигурное значеніе, напр., фигура лошади значитъ лошадь; другіе-же читаются фонетически, напр.,

фигура ремня, по-египетски m-s, служить знакомъ для звука m-s. По мексиканской азбукѣ, слово *теокалтланъ* (мѣсто дома божія) изображалось сложнымъ изображеніемъ губъ (*те*), дорожки (*о*); дома (*кал*) и зубовъ (*тлан*). Этотъ способъ письма, до сихъ поръ употребляющійся въ своей пережившей формѣ въ новѣйшей жизни, именно въ видѣ шарадъ, — перешелъ въ болѣе удобную систему буквъ, нефигурныхъ знаковъ, служащихъ для обозначенія сложныхъ звуковъ или слоговъ, и простыхъ звуковъ.

Искусство счисленія, составляющее одну изъ основъ цивилизаціи, развилось тѣмъ-же путемъ, какъ и всѣ другія отрасли послѣдней. „Всѣ основныя истины науки о числѣ, говоритъ Миль, — опираются на свидѣтельствъ чувствъ: онѣ доказываются опытомъ нашихъ глазъ и нашихъ пальцевъ, что всякое данное количество предметовъ, напр., 10 шаровъ, можетъ разъединеніемъ и воссоединеніемъ представить нашимъ чувствамъ всевозможныя группировки чиселъ, сумма которыхъ равна десяти. Всѣ усовершенствованные методы обученія дѣтей арифметикѣ основываются на знакомствѣ съ этимъ фактомъ“. Но до того, чему теперь можно научить ребенка втеченіи нѣсколькихъ недѣль, первобытное человѣчество доходило путемъ опыта впродолженія долгой эпохи своего младенчества. До сихъ поръ многія племена стоятъ до того низко въ этомъ отношеніи, что буквально „двухъ перечесть не умѣютъ“, по пословицѣ. Въ языкѣ ботокудовъ только три цифры—1, 2 и мною, равно какъ и у тасманійцевъ. Туземцы Бразиліи считаютъ только до 3, дальше-же слѣдуетъ мною. Большинство дикарей Австраліи считаютъ только до 5 и самые развитые изъ нихъ— до 20. „Сосчитать десять, говоритъ одинъ путешественникъ, — эскимосу трудно, а пятнадцать для многихъ положительно невозможно“. Если спросить эскимоса о числѣ его дѣтей, то онъ, обыкновенно, сначала смѣшается, потомъ начнетъ считать по пальцамъ, посоветуется съ своей женой, которая иногда заспоритъ съ нимъ о числѣ своихъ ребятъ, хотя-бы ихъ было не болѣе 4 или 5. Когда нумерація начнетъ идти далѣе двухъ, то числительныя не составляютъ отдѣльнаго слова для каждой цифры, а образуются просто посредствомъ повторенія двухъ или трехъ словъ. Одно австралійское племя, напр., подобно множеству другихъ дикарей, считаетъ до шести такимъ образомъ:

Одинъ	—	нетать.
Два	—	несъ.
Три	—	несъ-нетать.
Четыре	—	несъ-несъ.
Пять	—	несъ-несъ-нетать.
Шесть	—	несъ-несъ-несъ.

Такой дикарь можетъ считать и нѣсколько дальше, но уже не съ помощью словъ, а при пособіи какихъ-нибудь матеріальныхъ предметовъ, которые могли-бы служить опорой и воплощеніемъ его слабой мысли. Тутъ помогаютъ дикарю его собственные члены. Подобно тому, какъ мѣры длины произошли отъ руки (*локоть*) и ноги (*футъ*), такъ и первобытный счетъ былъ основанъ на пальцахъ, какимъ мы находимъ его до сихъ поръ у большинства культурныхъ народовъ. Этотъ счетъ не только развиваетъ числительную способность, но и даетъ возможность выражать цифры словами, уже имѣющимися въ скудномъ языкѣ. Сосчитавъ до 5, дикарь говоритъ *одна рука*; 6—*одинъ на другой рукъ* и т. д. до 10; это число передается выраженіемъ *обѣ руки* или *полчеловѣка*. Для обозначенія 11 вытягиваются обѣ руки и одна нога съ словами *одинъ на ногу* и т. д. до 15, что передается словами *цѣлая нога*; 16—*одинъ на другой нога*; 20—*цѣлый человѣкъ*; 21—*одинъ на руку другого человѣка*; 100—*пять человѣкъ* и т. д. Такой предметный счетъ, служащій уже признакомъ развитыхъ сравнительно племенъ, основывается не на однихъ пальцахъ. Для этого употреблялись въ первобытныя времена и посторонніе предметы. Слово *calculation* (вычисленіе, счетъ) указываетъ на первоначальное искусство считать посредствомъ кремней, *calculi*. На то-же указываетъ и мексиканскій счетъ, въ которомъ слово *тель* (камень) служило означеніемъ цифръ; напр., *центель*, 1, значить собственно одинъ камень, 3 *етель*,—три камня и т. д. Малайцы говорятъ не просто *одинъ*, са, а *одинъ камень*, савату; яванцы — *одно зерно*, саваджи, нисы—*одинъ плодъ*, сумбуа, и т. д. Маркизцы, вслѣдствіе обыкновенія связывать плоды хлѣбнаго дерева по четыре въ пучекъ, говорятъ вмѣсто 4—*пучекъ*, пона. Такимъ-же образомъ составились юрубское 40—„связка“, маорисское 100—„вязанка“ и мн. др. Во множествѣ языковъ слово *пять* происходитъ отъ

названія руки. Зулусы начинаютъ считать съ мизинца лѣвой руки. потомъ, „кончивъ руку“, т. е. насчитавъ 5, переходятъ къ большому пальцу правой руки, и, такимъ образомъ, слово *берущій большой палецъ* становится числительнымъ шесть; а слово *указатель*, какъ называется указательный палецъ, превращается въ числительное 7. Въ нѣкоторыхъ языкахъ выраженіе 2 происходитъ отъ слова *крыло*. Первобытное значеніе многихъ числительныхъ теперь уже забыто, но изъ приведенныхъ примѣровъ читатель можетъ понять процессъ образованія ихъ. Нумерическія системы произошли тѣмъ-же путемъ. Счетъ по пальцамъ одной руки до 5 и затѣмъ по пальцамъ другой руки породилъ пятичную, квинарную систему, какую мы видимъ, напр., у полинезійцевъ, считающихъ такъ: 1, 2, 3, 4, 5, 5—1, 5—2 и т. д. Счетъ при помощи обѣихъ рукъ до десяти и далѣе десятками далъ десятичную систему, въ которой цифры свыше 10 составляются посредствомъ прибавленія къ 10 всѣхъ по порядку первыхъ цифръ: одиннадцать—10—1, пятнадцать 10—5, двадцать два 20—2 и т. д. Двудесятичная система, происшедшая отъ первобытнаго счета до 20 по пальцамъ рукъ и ногъ, до сихъ поръ еще употребляется отчасти во французскомъ языкѣ. въ которомъ 4 раза 20 (*quatre-vingts*) значитъ 80; 4 раза 20 и 13 (*quatre-vingts-treize*) 93 и т. д.

При всей бѣглости этого журнальнаго очерка, читатель можетъ видѣть, что человѣческая культура началась съ самыхъ грубыхъ и несовершенныхъ формъ. Умъ первобытнаго человѣка, этотъ факторъ прогресса, также вполнѣ соответствовалъ характеру своихъ произведеній. Онъ не обладалъ на-столько силой и энергіей, чтобы сразу сдѣлать человѣка вѣнцомъ созданія. „Мышленіе для большинства дикарей весьма трудно, говоритъ одинъ африканскій путешественникъ; — если ихъ спрашиваютъ о чемъ-нибудь невещественномъ, то они скоро жалуются на утомленіе и *головную боль*“. „Умъ туземцевъ, говоритъ по поводу индѣйцевъ другой путешественникъ, — находится вообще въ сонномъ состояніи, и если вы зададите имъ какой-нибудь новый для нихъ вопросъ, то вы должны будете повторять его до тѣхъ поръ, пока умъ дикаря не пробудится“. „Я часто разспрашивалъ негровъ, рассказываетъ Мунго Паркъ, — что дѣлается съ солнцемъ ночью и видимъ-ли мы одно и то-же солнце или разныя каждое утро; но оказалось, что они считаютъ

эти вопросы глупыми. Предметъ казался имъ недоступнымъ для человѣческаго пониманія; они никогда не старались сдѣлать какую-нибудь догадку или составить гипотезу по этому вопросу". Выслушавъ объясненія Доброцгофера о красотѣ звѣзднаго неба, заставляющей предположить всесовершеннаго фактора ея, абипонцы отвѣчали: „мой отецъ, наши дѣды и предки смотрѣли только на землю и заботились только о травѣ да водѣ для лошадей. Что же происходить на небѣ и кто царствуетъ надъ звѣздами, о томъ они не думали". Однакожь, на основаніи этихъ данныхъ невозможно заключать объ абсолютной бездѣятельности и слабости ума дикаря. Онъ дѣйствуетъ, но понемногу, съ большими отдыхами, и только у натуръ исключительныхъ проявляется въ такой силѣ, что возбуждаетъ очень широкіе вопросы и добивается отвѣта на нихъ. Коль скоро вопросъ какъ-нибудь рѣшенъ, дикарь успокоивается на этомъ рѣшеніи, утомленный непривычнымъ для него напряженіемъ умъ впадаетъ въ апатію и не только не старается провѣрить рѣшенной задачи, но часто даже не доводитъ ея рѣшенія до конца. Вотъ что рассказываетъ Леженъ о канадскихъ туземцахъ. „Я спросилъ у нихъ, отчего происходитъ затмѣніе луны и солнца? Они отвѣчали, что луна затмѣвается оттого, что беретъ на руки своего сына, который и заслоняетъ отъ насъ ея свѣтъ. — Если у луны есть сынъ, стало быть она замужняя? спросилъ я. — Да, сказали они, — ея мужъ — солнце, который ходитъ весь день, а она всю ночь, и если онъ затмѣвается или темнѣетъ, это значитъ, что и онъ беретъ иногда на руки своего сына отъ луны. — Да ни луна, ни солнце не имѣютъ рукъ, говорилъ я имъ. — Ты ничего не понимаешь: они постоянно держатъ передъ собой натянутые луки, вотъ почему и не видно ихъ рукъ. — Въ кого-же они хотятъ стрѣлять? — А мы почему знаемъ!" Этой-же апатіей ума объясняется и то обстоятельство, что у дикарей такъ слабо стремленіе къ чему-нибудь лучшему, чѣмъ наличныя данныя ихъ жизни. „Жители полярныхъ странъ, говоритъ Вайцъ, — не стремятся къ югу, чтобы улучшить свое положеніе, какъ обитатели жаркаго и вреднаго климата не стараются перемѣнить своего мѣста жительства на болѣе благоприятное... Въ какой-бы крайней бѣдности ни жило извѣстное племя, оно все-таки считаетъ свою страну и свой образъ жизни лучшими всѣхъ другихъ... Первобытный человѣкъ вполне до-

волень собой и своей участію, въ то время какъ среди цивилизованныхъ народовъ такъ рѣдко можно найти кого-нибудь довольнаго“. Лѣнь и бездѣятельность — идеаль дикаря, и только настоящая нужда заставляетъ его трудиться на-столько, чтобы удовлетворить своимъ настоящимъ потребностямъ. Онъ не заботится объ отдаленномъ будущемъ и начинаетъ думать о немъ лишь тогда, когда оно сдѣлается настоящимъ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, онъ чистый ребенокъ. Одинъ индѣецъ говорилъ бѣлому: „ахъ, мой братъ, ты никогда не узнаешь счастья ни о чемъ не думать и ничего не дѣлать; послѣ сна это первое блаженство. Таковы были мы отъ рожденія, таковы будемъ и послѣ смерти“. Потомъ, высказавъ свое презрѣніе къ неустанной дѣятельности бѣлыхъ, онъ продолжалъ: „мы, напротивъ, живемъ только настоящимъ; прошедшее ничто иное, какъ дымъ, разсѣваемый вѣтромъ; будущее-же—но гдѣ оно? оно еще не пришло и, можетъ быть, мы его не увидимъ. Будемъ-же наслаждаться нынѣшнимъ днемъ, завтра онъ уже будетъ далеко отъ насъ!“ Подчиненный вполне вліяніямъ природы и настоящей минуты, дикарь, подобно ребенку, не имѣетъ никакого постоянства въ своемъ характерѣ. Читая путешественниковъ, удивляешься противорѣчію ихъ показаній о характерѣ натуральныхъ племенъ. Одни описываютъ ихъ добрыми и искренними, другіе—жестокими и коварными, одни—дѣятельными, другіе—лѣнивыми и т. д. Большая часть подобныхъ противорѣчій объясняется именно невыработанностью характера этихъ народовъ, мало способныхъ къ самоопредѣленности дѣйствій и быстро переходящихъ изъ одного состоянія въ другое подъ давленіемъ внѣшнихъ вліяній. Чикитосы, люди довольно добродушные, продаютъ часто даже своихъ дѣтей за прельстившую ихъ бездѣлицу. Караибы продаютъ все гораздо дешевле натошакъ, утромъ, чѣмъ вечеромъ. Ричардсонъ рассказываетъ о догрибскихъ индѣйцахъ, что ни щедрой платой и ничѣмъ нельзя было заставить ихъ акуратно доставлять посылаемые съ ними письма. „Малѣйшее затрудненіе, желаніе поѣсть дичины или внезапное побужденіе посѣтить какого-нибудь друга заставляли ихъ откладывать исполненіе порученія на неопредѣленное время“. „Полинезійцы, говоритъ Герландъ,—вполнѣ зависятъ отъ своихъ душевныхъ движеній. Цѣлныя общества могутъ внезапно переходить отъ самой шумной радости къ самой глубокой печали, если

они вспомнить случайно о чемъ-нибудь горестномъ, и наоборотъ“.

„Они, говоритъ Кукъ, — подобно дѣтямъ, всегда готовы выражать свое сильно возбужденное чувство слезами, которыя такъ-же скоро и забываются, какъ у дѣтей. Они никогда не стараются скрывать своихъ чувствованій и всегда находятся подъ вліяніемъ настоящего, какъ-бы часто оно ни измѣнялось“.

Человѣкъ имѣетъ въ своемъ сознаніи только то, что онъ извѣдалъ на опытѣ. Кругъ-же опыта дикаря очень ограниченъ. Что знаетъ, напр., эскимось? Онъ видитъ только снѣгъ, ледъ, эскимосовъ, онъ имѣетъ только чувственныя представленія объ ѣдѣ, снѣ. половомъ актѣ и т. д. У дикаря очень мало знаній. Спиксъ и Марціусъ не нашли, напр., у индѣйцевъ никакихъ слѣдовъ понятія о воздухѣ. Петербургское библейское общество не могло перевести даже *Отче нашъ* на чукотскій языкъ за неимѣніемъ въ послѣднемъ многихъ словъ для выраженія понятій, заключающихся въ этой простой молитвѣ. На языкѣ гоговъ Индустана вовсе нѣтъ эпитетовъ, выражающихъ нѣжность. Въ одномъ изъ богатѣйшихъ языковъ сѣверной Америки, алгоквинскомъ, въ XVII вѣкѣ миссіонеры не нашли слова *любить*. У нѣкоторыхъ дикарей до сихъ поръ нѣтъ такихъ обыденныхъ словъ и понятій, какъ *дѣвица*, *вѣрность*, *благодарность* и т. д. Слабость мышленія дикаря рѣзко проявляется въ его неспособности обобщать свои представленія. Алгоквинцы, напримѣръ, не имѣютъ общаго названія *дубъ*. Въ языкахъ бразильскихъ племенъ нѣтъ словъ для выраженія понятій *цветъ*, *тонъ*, *полъ*, *родъ*, *духъ*, *растеніе*, *животное* и т. д. У многихъ индѣйцевъ есть особыя названія для ноги человѣка, собаки, ворона и проч., но нѣтъ общаго слова *нога*. Въ натурномъ состояніи у человѣка слабъ анализъ. онъ не можетъ раздѣлять, классифицировать, обобщать своихъ представленій; онъ часто не отличаетъ даже своихъ сновидѣній и мечтаній отъ дѣйствительности и совершенно отождествляетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже смѣшиваетъ часть и цѣлое, какъ мы видимъ въ колдовствѣ, въ этомъ пережившемъ остаткѣ первобытнаго міросозерцанія. Во всѣхъ частяхъ свѣта чародѣи добываютъ очески волосъ своего врага, обрѣзки ногтей, остатки его пищи и другія части его тѣла или выдѣленій, чтобы посредствомъ ихъ повредить самому человѣку. Вредъ, сдѣланный части, напр., сожженіе ея, считается достаточнымъ для причиненія вреда

цѣлому, въ составъ котораго входила эта часть. Если хотите нанести вредъ какому-нибудь человѣку, то положите на порогъ его одежду, произнесите надъ нею его имя, и когда потомъ вы будете бить эту одежду, то вашъ врагъ будетъ чувствовать каждый ударъ точно такъ-же, какъ если-бы онъ наносился по его собственному тѣлу. Имя—это часть человѣка и посредствомъ его съ послѣднимъ можно сдѣлать что угодно. Поэтому-то, изъ боязни вѣдовскихъ чаръ, дикари и скрываютъ свое имя отъ всякаго чужого человѣка. Точно также первобытный умъ не въ состояніи отдѣлать окончательно изображеніе отъ оригинала. Свою тѣнь, свое отображеніе въ водѣ первичный человѣкъ считалъ своимъ двойникомъ, своей душой. Дикари до сихъ поръ приходятъ въ ужасъ, если кто вздумаетъ снять съ нихъ портретъ. Намѣреніе срисовать ихъ можетъ обратить ихъ въ бѣгство или довести до такого ожесточенія, что они готовы убить рисовальщика. Имѣть у себя портретъ кого-нибудь—все равно, что имѣть въ своемъ распоряженіи оригиналъ. По первобытному воззрѣнію, между предметомъ и его изображеніемъ существуетъ дѣйствительная связь, и извѣстное дѣйствіе, совершенное надъ изображеніемъ, отражается вполне на оригиналѣ. На этомъ основаны многоразличные способы волшебства, посредствомъ которыхъ человѣку можно причинить болѣзнь, страданіе, смерть, сожигая или прокалывая его изображеніе, истребляя его волосъ и т. д. Часть отождествлялась съ цѣлымъ, подобіе считалось тожествомъ, слѣдованіе явленій одно за другимъ—ихъ причинной связью. Логика въ эпоху дѣтства рода человѣческаго была совершенно другая, чѣмъ теперь, и съ помощью этой логики человѣкъ долго не могъ опредѣлить своихъ истинныхъ отношеній къ природѣ. Онъ не понималъ ни природы, ни самого себя, и не предчувствовалъ тѣхъ могучихъ силъ, которыя таились въ немъ и постепенно, незамѣтно возвышали его надъ природой.

С. Шанковъ.

(Окончаніе будетъ.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Сосредоточенное вниманіе Европы на борьбу Сербіи съ Турціей. — Гдѣ искать окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса?—Можетъ-ли мечъ разрубить этотъ гордіевъ узелъ? Роль Франціи въ событіяхъ Балканскаго полуострова. — Политика невмѣшательства, предписываемая осторожностью. — Положеніемъ, принятымъ различными государствами въ крымскую войну, обуславливаются дальнѣйшія событія. — Опасенія французовъ. — Болезни инициативы. — Недовѣріе къ приближеннымъ маршала Мак-Магона. — Посредственный уровень французской администраціи. — Симпатіи большинства французскаго народа къ сербамъ. — Клерикалы сочувствуютъ туркамъ. — Воззваніе Виктора Гюго. — Вліяніе клерикаловъ на французскую политику по восточному вопросу. — Мнѣніе „Journal des Débats“ о брошюрѣ Гладстона. — Апатія и своекорыстіе французской буржуазіи. — Причины политики удаленія. — Несостоятельность французской магистратуры. — Неожиданныя послѣдствія несмѣяемости судей. — Склонность французскихъ судей къ произнесенію обвинительныхъ приговоровъ. — Суды исправительной полиціи. — Политическій характеръ французской полиціи. — Франція можетъ подняться только поднятіемъ нравственнаго уровня своей магистратуры.

I.

Событія Балканскаго полуострова по-прежнему сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе Европы. Образованное меньшинство съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдитъ за развитіемъ борьбы, предпринятой ничтожной горстью славянскаго населенія противъ громадной турецкой имперіи и превратившейся въ упорную и отчаянную войну; въ массахъ европейскаго населенія, особенно въ Англии, послѣ злодѣйствъ, совершенныхъ турками въ Болгаріи, возбуждено чувство состраданія къ несчастнымъ жертвамъ и чувство глубочайшаго отвращенія къ ихъ палачамъ. Телеграфныя проволоки по всѣмъ направленіямъ Европы работаютъ дѣятельно, дипломатическія сношенія ведутся энергично, отовсюду стекаются во-

лонтеры на помощь Сербіи и Черногоріи, готовые жертвовать собой и своимъ состояніемъ освобожденію угнетеннаго населенія. Лучшіе люди Европы, Гарibaldi, Гладстонъ, В. Гюго, Дж. Брайтъ, Дж. Россель и др. подняли свой благородный голосъ въ защиту слабого и оскорбленнаго народа. Такимъ образомъ, крошечное возстаніе, вспыхнувшее назадъ тому болѣе года въ Босніи и Герцеговинѣ, разрослось въ событіе обще-европейское, осложненное такими политическими элементами, исходъ которыхъ теперь трудно предвидѣть.

Но какъ-бы громко ни говорили пушки *за* или *противъ* восточнаго вопроса, разрѣшеніе его будетъ зависѣть не отъ нихъ. Не на моравскихъ берегахъ, не подъ стѣнами Подгорицы, не въ потокахъ человѣческой крови надо искать его окончательнаго разрѣшенія. Центръ тяжести этого запутаннаго и жгучаго вопроса всецѣло лежитъ въ дальновидномъ и искреннемъ отношеніи къ нему европейскихъ государствъ. Отъ нихъ зависѣло и зависить остановить бесполезное кровопролитіе и возвратить миръ не только славянскимъ населеніямъ, но, можетъ быть, и всей Европѣ. Они уже давно могли убѣдиться, что полумѣры и разные паліативы, прилагаемые старой традиціонной политикой къ восточному вопросу, не измѣняютъ ни на іоту его вѣчно-тревожнаго характера, возбуждающаго антагонизмъ между европейскими правительствами и убаюкивающаго совершенно ложными надеждами Оттоманскую Порту. Единственный краеугольный камень, на которомъ можетъ быть заложенъ прочный миръ—это независимость славянъ, возвращеніе имъ тѣхъ человѣческихъ правъ, за которыя они уже такъ давно борются съ своимъ исконнымъ врагомъ. Историческія судьбы народовъ имѣютъ свои неизмѣнные законы, нарушеніе которыхъ такъ-же отзывается вредно на человечествѣ, какъ нарушеніе физиологическаго закона на отдѣльномъ лицѣ. Никто не думаетъ оспаривать въ теоріи, что освобожденіе славянъ отъ турецкаго ярма—фактъ неизбѣжный, исторически-неотразимый, который рано или поздно долженъ осуществиться, а между тѣмъ европейская дипломатія прячетъ его подъ сукно и обходитъ его прямую постановку разными канцелярскими изворотами. Она лицемеритъ въ дѣлѣ, которое требуетъ полной откровенности, и этимъ лицемеріемъ еще болѣе усложняетъ и затемняетъ ясную, какъ солнце, задачу. Вѣдь только благодаря дипломатическому двоедушію, въ

второмъ съ такимъ безстыдствомъ признается лордъ Биконсфильдъ въ своихъ послѣднихъ объясненіяхъ, тимокскія долины залиты сербской кровью и Болгарія превращена въ кучу развалинъ и человѣческихъ череповъ. Дизраэли еще въ прошломъ маѣ могъ остановить однимъ почеркомъ пера эти ужасныя событія, но онъ допустилъ ихъ, и вдругъ, перешагнувъ черезъ лужи грязи и крови съ развязностію площаднаго гаера, признается, что онъ возвращается къ той-же миролюбивой политикѣ, въ которой его приглашали раньше; онъ самъ сознается въ томъ, что Европа не только могла предупредить войну, избавивъ и себя, и балканскихъ славянъ отъ многихъ и многихъ печальныхъ послѣдствій, но она могла-бы своимъ авторитетомъ сдѣлать ее невозможною не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто-же обманывается въ томъ, что Турція находится наканунѣ своей смерти? Ея жизненныя силы давно изсякли, а искусственнаго подержанія ихъ, гальванизации трупа недостаточно для того, чтобы возстановить разложившееся тѣло. Это понимаютъ не только въ Европѣ, но и въ Турціи, и потому всякое сопротивленіе европейскому давленію со стороны Порты было-бы невозможно. Но для того, чтобы дѣйствовать на Оттоманскую Порту энергически и безъ задней мысли, необходимо было полное согласіе европейскихъ правительствъ и умѣнье отрѣшиться отъ традиціонной рутинны. Мы видѣли уже, какую роль играла Англія въ современномъ движеніи славянъ, какъ отнеслась къ нему Австрія, а теперь посмотримъ, что могла и хотѣла сдѣлать въ этомъ вопросѣ Франція.

Въ послѣдніе два мѣсяца въ газетахъ нерѣдко приходилось встрѣчать вопросъ: что намѣрена предпринять Франція въ виду грозныхъ событій на Балканскомъ полуостровѣ?

Отвѣчать на такой вопросъ было не трудно. Франція не хотѣла, да и не могла предпринять ничего рѣшительнаго, такъ-какъ, при ея слабости, голосъ ея не могъ имѣть особаго значенія. Она не успѣла еще залечить ранъ, причиненныхъ войной съ нѣмцами, не успѣла еще встать на ноги. Политическія сдѣлки въ послѣднее время совершались безъ ея содѣйствія и если ее не всегда обходили и спрашивали ея мнѣнія, то дѣлали это только изъ простой деликатности, памятуя ея бывшее значеніе. „Нѣтъ

болѣ Европы!“ вскричалъ Бейстъ послѣ заключенія версальскаго договора. Было-бы правильнѣе, если-бъ онъ сказалъ: „Нѣтъ болѣ Франціи!“ и прибавилъ: „а также и Австріи!“ Шестъ мѣсяцевъ тому назадъ прусскія газеты провозгласили: „Нѣтъ болѣ Англіи!“ Но Англія вскорѣ доказала, что она существуетъ, и выказала такую громадную энергію, какой въ ней давно уже не подозрѣвали. Нельзя предполагать, что она сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ была шесть мѣсяцевъ тому назадъ, однакожь, рѣшилась стать противъ трехъ сильныхъ державъ; ее не остановила даже возможность неравной войны. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ союзниковъ Англія была-бы побѣждена; она это очень хорошо понимала, но она знала также, что Европа не готова къ войнѣ, что всѣ чувствуютъ взаимное недоувѣріе другъ къ другу, а потому никто не рѣшится начать борьбу изъ опасенія измѣны своихъ союзниковъ, чему новѣйшая исторія представляетъ не мало примѣровъ. Недоувѣріе лежитъ въ основѣ дипломатической дѣятельности нашего времени, а отсутствіе какихъ бы то ни было руководящихъ принциповъ составляетъ характеристическую черту государственныхъ людей переживаемой нами эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли представить себѣ что нибудь пошлѣе поведенія такого политическаго фигляра, какъ Дизраели, а между тѣмъ онъ стоитъ во главѣ управленія самымъ вліятельнымъ и могущественнымъ народомъ. Его шутовскія рѣчи, его *безчестное* отношеніе къ восточному вопросу, его крайняя близорукость въ пониманіи самыхъ элементарныхъ политическихъ задачъ ставятъ его ниже всякой посредственности, а между тѣмъ онъ даетъ тонъ и направленіе событіямъ. Его презираютъ, но его слушаютъ, надъ нимъ глумятся, но ему подчиняются. А это возможно только въ томъ случаѣ, когда ни у кого нѣтъ ни искренняго отношенія къ дѣлу, ни твердаго принципа для дѣятельности. И сами дипломаты прекрасно знаютъ, какъ легко возбудить ненависть одного народа къ другому, какъ трудно разсчитывать на самыя торжественныя обѣщанія. Можно-ли забыть классическую неблагодарность Австріи, которую проявила она во время восточной войны 1853—56 годовъ? Франко-итальянской войнѣ съ Австріей предшествовали комплименты, съ которыми обратился Наполеонъ III къ австрійскому посланнику во время новогодняго приѣма. Войны: австро-прусская противъ Даніи; Пруссіи противъ Австріи; Франціи противъ сѣверной Германіи начаты противъ желанія населеній этихъ странъ,

а кончилися онѣ возбужденіемъ страшной, ненависти однихъ народовъ противъ другихъ. Если націи легко мѣняютъ свое мнѣніе, то правительства должны мѣнять его еще съ большей легкостью. Здѣсь кстати привести извѣстный анекдотъ, рассказанный однимъ изъ членовъ итальянскаго правительства. Въ 1870 году, тотчасъ послѣ объявленія Франціей войны Германіи, король Викторъ-Эмануиль, убѣжденный, что французская армія одержитъ побѣду, выразилъ желаніе оказать помощь сильнѣйшему, т. е. Франціи. Но генераль Говонъ, только-что вернувшійся изъ Берлина и основательно изучившій сольферинскую и садовскую кампаніи, былъ убѣжденъ, что выиграетъ Пруссія, а не Франція. Онъ высказалъ свое убѣжденіе королю, но Викторъ-Эмануиль остался при своемъ мнѣніи. Говонъ былъ счастливѣе въ своихъ переговорахъ съ министрами; ихъ онъ убѣдилъ на-столько, что Селла, тогдашній министръ-президентъ, рѣшительно объявилъ, что пока онъ будетъ министромъ, Италія не вмѣшается въ войну. Селла сталъ настойчиво убѣждать короля отказаться отъ желанія помочь Франціи. Викторъ-Эмануиль, выведенный изъ терпѣнія сопротивленіемъ министра, рѣзко оборвалъ его намекомъ на суконную фабрику, обогатившую Селлу.

— Вы воображаете, что зная толкъ въ сукнахъ, вы непогрѣшимы и въ политикѣ, сказалъ король.

— Прошу извинить меня, ваше величество, но я рѣшаюсь замѣтить вамъ, что комерція и политика не расходятся такъ рѣзко между собою, какъ вы полагаете. И въ той, и въ другой прежде всего надо остерегаться ошибочныхъ спекуляцій и воздерживаться отъ необдуманныхъ рѣшеній. Къ своему рѣшенію министерство пришло послѣ зрѣлаго обсуждения. Но если мы потеряли довѣріе вашего величества, намъ остается только просить объ увольненіи насъ въ отставку.

— Я не требую вашей отставки и не приму ея, отвѣчалъ Викторъ-Эмануиль, удивленный твердостью министра и уже нѣсколько поколебленный разговоромъ съ Говономъ.

Послѣ Седана король призвалъ къ себѣ Говона.

— Вы были правы, сказалъ онъ. — Но жаль, что вы слабо настаивали на своемъ мнѣніи. Тогда мы имѣли еще время обратиться противъ Франціи и отнять у нея Савойю и Ниццу.

Франція не можетъ позволить себѣ роскошь имѣть собственную

политику. Она не может открыто искать дружбы никакой державы изъ опасенія возбудить вражду нѣсколькихъ другихъ. Она по необходимости должна справляться, какого мнѣнія держится Бисмаркъ въ томъ или другомъ вопросѣ; она не увѣрена, что канцлеръ германской имперіи оставилъ свое намѣреніе нанести ей новый ударъ, если представится къ тому удобный случай; а предлогъ къ войнѣ всегда найти не трудно.

Сербія готовилась объявить войну Турціи; каждый день можно было ожидать, что загремятъ пушки. Двѣ великія державы выразили очевидно свои симпатіи: Россія къ Сербіи, Англія къ Турціи. Что-же думала Франція? Карикатура, напечатанная въ „Шаривари“, прекрасно выразила настроеніе, господствовавшее въ то время во Франціи. Богъ Марсъ, застегивая португеею и держа въ рукахъ каску, даетъ слѣдующій совѣтъ своему старинному другу Франціи:

„Сударыня, вскорѣ вы услышите большой шумъ. Онъ васъ не касается и потому оставайтесь спокойны, у себя дома, закройте только плотнѣе окна и двери“.

Франція вняла дружескому совѣту и выполнила его въ точности. Ей тѣмъ легче было это исполнить, что большинство ея населенія, невѣжественное въ географіи, плохо понимало, о комъ идетъ рѣчь. Не преувеличивая можно утверждать, что изъ 36-миліоннаго населенія Франціи едва-ли 6 миліоновъ могутъ сказать, что Сербія находится въ Европѣ, а не въ Азіи, гдѣ-то тамъ за Китаемъ. О болгарахъ знаютъ болѣе; французское простонародье считаетъ болгаръ народомъ полудикимъ, предающимся содоміи. Такіе слухи о болгарахъ были распространены католическимъ духовенствомъ еще въ средніе вѣка; держатся они до сихъ поръ потому, что католическое духовенство, недовольное неудачей своихъ, не дешево ему стоившихъ попытокъ къ окатоличенію Болгаріи, не желаетъ опровергать этихъ возмутительныхъ слуховъ. О туркахъ французы знаютъ нѣсколько болѣе. Они познакомились съ турками со времени крымской войны. Они расскажутъ, что турки не вѣрятъ ни въ Іисуса Христа, ни въ Богородицу; что турки не ѣдятъ свинины и что у cadaго изъ нихъ по три и по четыре жены. Они расскажутъ, что французы въ союзѣ съ англичанами защищали турокъ отъ русскихъ; что эта война, со-

проводившаяся большими трудностями, доставила имъ много славы, но очень мало выгоду, и пр.

Управляющіе классы Франціи рѣшили, что имъ слѣдуетъ быть какъ можно сдержаннѣе: „Не будемъ вмѣшиваться въ эту борьбу, которая насъ нисколько не касается“. Парламентъ разошелся; законодатели и управители Франціи развѣхались по деревнямъ охотиться и отдыхать. Къ министру иностранныхъ дѣлъ, Деказу, явилась депутація, состоящая изъ представителей всѣхъ партій, съ просьбой дѣйствовать какъ можно сдержаннѣе и осторожнѣе.

— Не беспокойтесь, отвѣчалъ министръ,—я хорошо знаю, къ чему обязываетъ насъ наше исключительное положеніе.

Правду сказать, депутація не чувствовала особаго довѣрія къ герцогу Деказу, какъ извѣстно, играющему на биржѣ, что вовсе не служитъ гарантіей сдержанности и осторожности. Но таково было общее настроеніе, что даже эти отрицательныя качества министра не представляли опасности, и депутація откланялась, увѣренная, что Деказъ не рискнетъ на инициативу, а поплетется въ хвостѣ у тѣхъ, на сторонѣ которыхъ болѣе шансовъ къ успѣху.

Итакъ, Франція рѣшилась остаться безучастной къ событіямъ, волновавшимъ всю остальную Европу; она предоставляла остальнымъ великимъ державамъ рѣшать восточный вопросъ безъ ея содѣйствія. Между тѣмъ отъ разрѣшенія восточнаго вопроса въ ту или другую сторону зависитъ будущее всей Европы. Всѣ событія послѣднихъ 25 лѣтъ объясняются положеніемъ, которое приняли различныя державы съ того момента, какъ императоръ Николай, въ извѣстномъ разговорѣ своемъ съ лордомъ Сеймуромъ, поставилъ вопросъ о наслѣдованіи „больному человѣку“. Припомнимъ факты.

Англія, въ то время управлявшаяся лордомъ Пальмерстономъ, преслѣдовавшимъ эгоистическую политику, отказалась отъ сдѣланныхъ ей предложеній и вспыхнула война. Наполеонъ III только что произвелъ государственный переворотъ, возбудившій къ нему ненависть всей либеральной Европы; онъ вымаливалъ себѣ у всѣхъ дворовъ принцессу въ замужество и получилъ отказъ вездѣ, даже отъ третьестепенныхъ владѣтельныхъ домовъ. Желая во что-бы то ни стало добиться признанія со стороны законныхъ государей другихъ странъ, Наполеонъ III съ жадностью ухватился за пред-

ложене, сдѣланное ему Пальмерстономъ, и винулся въ войну противъ Россіи, не изъ вражды къ императору Николаю, а, напротивъ, въ надеждѣ быть признаннымъ Россіей. Наполеону III, посредствомъ государственнаго переворота завладѣвшему трономъ, было необходимо признаніе со стороны главы священнаго союза, а этого, какъ ему казалось, онъ могъ достигнуть только послѣ успѣшной кампаніи. Съ французской арміей и съ англійскимъ флотомъ онъ имѣлъ основаніе рассчитывать на побѣду. Однакожь, побѣда была возможна только въ такомъ случаѣ, если Пруссія и Австрія не окажутъ дѣятельной помощи Россіи. Императоръ Николай могъ рассчитывать на Пруссію, гдѣ царствовалъ его зять, Фридрихъ-Вильгельмъ; могъ рассчитывать на императора Франца-Иосифа, который былъ обязанъ ему своимъ спасеніемъ въ 1849 году. Но нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ, терявшійся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не оправдалъ довѣрія къ нему императора Николая; онъ не пошелъ далѣе нейтралитета. Австрія приняла угрожающее положеніе; она готова была даже объявить войну Россіи, но въ рѣшительный моментъ ее взяло раздумье и она удержалась. Она предпочла вооруженный нейтралитетъ и возбуждала неудовольствіе противъ себя какъ въ той, такъ и въ другой изъ враждовавшихъ сторонъ. Если-бъ она приняла сторону Россіи, Пруссія, которая столько-же уважала ее, сколько и боялась, присоединилась-бы къ ней; три соединенныя арміи были-бы несравненно сильнѣе англо-французской арміи и побѣда, по всей вѣроятности, осталась-бы на ихъ сторонѣ, а побѣжденный Бонапартъ удалился-бы изъ Франціи, что послужило-бы къ ея пользѣ, избавивъ ее отъ послѣдовательной двадцати-лѣтней деморализаціи. Австрія тоже осталась-бы въ выигрышѣ. Не проиграла-бы она и тогда, если-бъ объявила себя противъ Россіи. Но не рѣшаясь идти ни за, ни противъ, она навлекла на себя вражду обѣихъ сторонъ и дорого поплатилась за свое колебаніе. 1-го января 1859 года Наполеонъ III внезапно обратился противъ нея. Во время войны, стоившей Габсбургамъ Ломбардіи, Англія оставалась спокойной зрительницей, Пруссія не пошевелила пальцемъ, Россія равнодушно смотрѣла на пораженіе своей бывшей союзницы и выражала свое сочувствіе французамъ.

Наступила война Пруссіи и Италіи противъ Австріи въ 1866 году. Война эта была начата съ согласія Наполеона III, обѣ-

щавшаго Бисмарку при свиданіи въ Біарицѣ пассивный нейтралитетъ. Австрія была раздавлена, но ни Англія, ни Россія не вступились за нее.

Послѣдовалъ разгромъ Франціи въ 1870 году. Англія пріятно улыбалась, видя поражение своего союзника въ войнахъ съ Россіей, Китаемъ и Мексикой. Императоръ Францъ-Іосифъ подумывалъ было воспользоваться случаемъ отплатить за Садову, но Андраши убѣдилъ его, что лучше оставаться хладнокровнымъ зрителемъ и этимъ отомстить за Мадженту и Сольферино. Россія оставалась нейтральной и можно было думать, что она двинетъ свои войска въ Богемію и Галицію, если Австрія предприметъ наступательныя дѣйствія противъ Пруссіи.

Вслѣдъ за подписаніемъ франкфуртскаго трактата Франція вынуждена была согласиться на пересмотръ парижскаго трактата, заключеннаго послѣ крымской войны. Этимъ согласіемъ Франція признала, что крымская война была предпринята ею безъ всякаго соображенія съ здравымъ смысломъ. Оставшаяся безъ союзниковъ, Великобританія не рѣшилась представить возраженій и, скрѣпя сердце, подписала согласіе на уничтоженіе акта, стоившаго ей много крови и денегъ. Такимъ образомъ, крымская война, отнявшая жизнь у сотенъ тысячъ русскихъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и турокъ, какъ на поляхъ битвъ, такъ еще болѣе въ госпиталяхъ отъ тифа и диссентеріи, привела только къ непомятому увеличенію государственныхъ долговъ. Единственными видимыми результатами ея остались: развалины Севастополя, громадныя богатства, пріобрѣтенныя во время этой войны нѣкоторыми спекулянтами, казнокрадами, и звучный титулъ, герцогъ де-Малаховъ, данный самому посредственному генералу, теперь уже умершему.

Послѣ всѣхъ этихъ войнъ, послѣ всѣхъ принесенныхъ жертвъ соперники въ крымскую войну по-прежнему стоятъ другъ противъ друга, такъ-какъ причины взаимнаго соперничества остались тѣ-же, положеніе почти не измѣнилось. Только на первомъ планѣ въ политикѣ теперь стоитъ бисмарковская Германія, тогда-какъ въ крымскую войну Пруссія занимала почти второстепенное положеніе. Къ которой сторонѣ пристанетъ Бисмаркъ? До сихъ поръ всѣ выдающіяся событія современной политики объяснялись секретнымъ договоромъ, будто-бы заключеннымъ между князьями Бисмаркомъ и Горчаковымъ.

Но предположеніе о существованіи такого договора пошатнулось послѣ того, какъ неуспѣхъ извѣстныхъ нотъ, подписанныхъ Горчаковымъ, Андраши и Бисмаркомъ, нисколько не огорчилъ канцлера германской имперіи, какъ извѣстно, крайне самолюбиваго и настойчиво добивающагося успѣха тому дѣлу, за которое онъ берется. Бисмаркъ очень хладнокровно принялъ извѣстіе объ отказѣ Англій одобрить коллективную ноту, точно онъ подписалъ эту ноту изъ желанія сдѣлать угодное князю Горчакову, котораго она особенно интересовала, но нисколько не касалась Германіи. „Пусть себѣ препираются вволю, пусть дерутся, казалось, думалъ онъ, — рѣшеніе дѣла будетъ зависѣть отъ меня. Кто помѣшаетъ мнѣ прирѣзать къ германской имперіи нѣмецкія земли Австріи и Тироль? Кто воспрепятствуетъ мнѣ захватить Бельгію, а у Франціи оттягать Фландрію и Бургундію? Я могу взять то или другое — что мнѣ болѣе понравится. Пусть отвѣтственность за событія падаетъ на Англію и Россію, я-же буду спокойно ожидать исхода борьбы, въ полной увѣренности, что извлеку изъ нея все, что будетъ возможно“.

Та-же дума, вѣроятно, занимаетъ и всю Германію, привыкшую думать мыслями канцлера. Но всѣ другія націи не могутъ относиться къ дѣлу такъ спокойно; онѣ желаютъ созванія конгресса который положилъ-бы копецъ борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ, оказывающей вредное вліяніе на торговлю и разоряющей промышленность, не говоря уже о той мрачной перспективѣ эпидемій, которая угрожаетъ Европѣ по окончаніи этой ужасной войны. Однакожь, инстинктъ подсказываетъ имъ, что въ политикѣ, какъ и въ частной жизни, если дѣло доходитъ до объясненій, они нерѣдко кончаются ссорой и враждой. Далѣе, мировыя сдѣлки въ большинствѣ случаевъ бывають невыгодны для слабѣйшей стороны. Къ тому-же старые союзы разорваны, а новыхъ не заключено. Каждый у себя, каждый за себя, каждый противъ всѣхъ, и горе тому, кто упадетъ въ борьбѣ, — таковъ девизъ современной политики. Твердо стоять на ногахъ только Германія и Россія. Англія держала себя гордо, говорила рѣшительно, но почва, на которой она стоитъ, недостаточно крѣпка. Прочія націи дрожатъ за свою судьбу и не знаютъ, на что рѣшиться, въ виду постоянно усложняющихся обстоятельствъ.

Болѣе всѣхъ опасаются не маленькія государства, какъ Швей-

царя, Бельгія, Голандія и Данія, а Франція и Австрія. И это неудивительно. Франція до сихъ поръ еще не оправилась отъ войны съ нѣмцами и своей гражданской борьбы. Австрія, какъ мы достаточно уяснили въ прошлой хроникѣ, страдаетъ отъ своей анти-славянской политики и затрудненія ея такъ велики, что ей очень трудно будетъ найти выходъ изъ нихъ. Франція боится на что-нибудь рѣшиться. Вотъ разительный тому примѣръ. 11 августа. накануне распущенія палаты, вліятельнѣйшіе изъ сенаторовъ и депутатовъ, Тьеръ, Гамбета, Фавръ, Дюпра, Гонто-Биронъ и др., собрались у министра иностранныхъ дѣлъ потолковать о томъ положеніи, какого слѣдуетъ держаться Франціи въ восточномъ вопросѣ. Они хотѣли избѣжать запроса въ палатѣ и министерской рѣчи, которая будетъ выслушана Европой съ любопытствомъ и принята къ свѣденію. Разговоръ зашелъ о европейскомъ конгрессѣ. Деказь заявилъ, что съ разныхъ сторонъ ему дѣлали предложеніе, чтобы Франція взяла на себя инициативу умиротворенія Востока. Въстало того, чтобы порадоваться, что Франціи снова стали придавать значеніе, депутаты высказали, что это лестное предложеніе внушаетъ имъ горькія опасенія; что Франція еще неспособна играть первую роль въ такомъ сложномъ дѣлѣ. Принимая на себя отвѣтственность при разрѣшеніи чужихъ затрудненій, она сама можетъ встрѣтиться съ такими затрудненіями, которыя повлекутъ за собой войну, а она къ войнѣ совершенно не готова. Депутатія потребовала, чтобы герцогъ Деказь далъ обѣщаніе удерживаться отъ всякаго почина и дѣйствовать согласно со всѣми державами, — лучше сказать, ничего не предпринимать и соглашаться непремѣнно съ большинствомъ. И если-бы измѣнившіяся, въ силу какой-нибудь случайности, обстоятельства потребовали измѣненія политики, то министръ долженъ спеціально для этого дѣла созвать палаты и дѣйствовать по ихъ указанію.

Между строкъ въ словахъ сенаторовъ и депутатовъ можно было прочесть, что они болѣе всего опасаются, что въ случаѣ новой войны фельдмаршалу Мольте Франція должна будетъ противопоставить маршала Мак-Магона, въ послѣднюю войну доказавшаго, что его военная репутація равняется нулю. Онъ относился къ своему дѣлу съ халатной распущенностію. Наканунѣ сраженія подъ Вертомъ онъ не имѣлъ никакого понятія о положеніи непріятеля. Движеніе къ Седану было капитальнѣйшей ошибкой кампаніи

1870—1871 годовъ. „Рѣшительно не понимаю, какъ могло это случиться (т. е. движеніе къ Седану), говоритъ генералъ Вимпфенъ.—Никто не скажетъ, что герцогъ маджентскій лишень ума. Я не знаю другого человѣка, который умѣлъ-бы такъ хорошо устранять свои собственныя дѣла, какъ маршалъ Мак-Магонъ. Но, по совѣсти, я не могу считать его человѣкомъ способнымъ; онъ теряется и дѣлаетъ невообразимые промахи каждый разъ, какъ дѣло коснется общественныхъ интересовъ“.

Нѣкоторые изъ членовъ депутаціи дѣлали довольно прозрачныя намеки, что ихъ пугаетъ диктаторская власть, которой пользуется маршалъ Мак-Магонъ. Но о чемъ-же они думали, когда вручали ему эту власть? Будь онъ побѣдителемъ, можно-бы, пожалуй, извинить ихъ увлеченіе, но онъ былъ побѣжденнымъ, виновникомъ седанской катастрофы (сваливать всю вину на одного Наполеона III едва-ли умѣстно; маршалъ Мак-Магонъ былъ облеченъ властію главнокомандующаго и могъ дѣйствовать самостоятельно); увлекаться, слѣдовательно, было нечѣмъ. А теперь они опасаются, что маршалъ можетъ злоупотребить своей огромной властію, которую они-же ему дали! Такъ всегда бываетъ, когда общество, объятое паническимъ страхомъ, бросаетъ свои судьбы въ руки спасителя отъ анархіи, а не спасается отъ нея само, собственной инициативой. Большою частію и страхъ бываетъ призрачный, такъ-какъ, по зрѣломъ размышленіи впоследствии, оказывается, что не изъ чего было кипятиться, что ужасы существовали только въ воображеніи.

„Если-бы еще Мак-Магонъ былъ одинъ, съ нимъ было-бы легко войти въ соглашеніе“, говорятъ люди, опасющіеся его огромной власти. Но его окружаютъ Алезакъ, Воге, Аркуръ, Ламиро, Сиссе, Дюкро, — однимъ словомъ, вся „Grande Ecurie“, какъ называли свиту маршала Мак-Магона въ то время, какъ онъ былъ алжирскимъ губернаторомъ; маршалъ легко подчиняется вліянію каждаго изъ своихъ приближенныхъ, а большинство изъ нихъ, въ свою очередь, находится подъ вліяніемъ іезуитовъ и ханжей, что не мѣшаетъ имъ вести разгульную жизнь. Съ такими людьми, дѣйствительно, трудно поладить людямъ противнаго лагера.

При томъ недовѣріи, которое возбуждаютъ приближенные маршала Мак-Магона, понятно, какое сильное впечатлѣніе должна была произвести отставка военнаго министра, генерала Сиссе, ко-

тому маршалъ довѣрялъ больше всѣхъ другихъ министровъ. Причина этой отставки была приписана неудовольствію военного министра на рѣчь полковника Ланглуа, который тщательно провѣрилъ бюджетъ военного министерства на 1877 годъ и нашелъ въ немъ много неточностей. Такъ оказывается, что жалованье требуется для пяти маршаловъ (маршалъ получаетъ 30,000 франковъ въ годъ), между тѣмъ въ военномъ календарѣ значится на службѣ во французской арміи всего 4 маршала: Мак-Магонъ, Барагъ д'Илье, Канроберъ и Лебефъ. Кто-же пятый маршалъ? Ужь не Базенъ-ли, осужденный на смерть за измѣну въ Мэцѣ, но помилованный тѣмъ-же Мак-Магономъ? Ланглуа нашелъ также, что Сиссе своей собственной властью увеличилъ на 3,550,000 франковъ жалованье нѣкоторымъ офицерамъ, приближеннымъ маршала и самого военного министра. Такой самоуправный образъ дѣйствія военного министра навѣрное произвелъ-бы скандалъ во всякой другой странѣ. Въ Германіи, напримѣръ, противъ него первымъ подалъ-бы свой голосъ Мольтке, противникъ системы протекцій въ арміи, но во Франціи на всякія подобныя злоупотребленія смотрять сквозь пальцы. Бюджетная комисія, правда, не прошла молчаніемъ этой „ошибки“ военного министра; предсѣдатель ея, „ужасный“ Гамбета, обратился съ слѣдующей рѣчью къ виновнику ошибки:

„Припомните, г. Сиссе, что статья 6-я конституціоннаго закона 25 февраля 1875 года гласить слѣдующее: „Министры отвѣтственны каждый отдѣльно за свои личныя дѣйствія“. Вы, г. Сиссе, позволили себѣ, вопреки закону, своей властью измѣнить норму жалованья; вы позволили себѣ, безъ разрѣшенія палаты увеличить бюджетъ значительной суммой въ 3½ миліона франковъ. Если кассиръ какого-нибудь учрежденія, получающій 3,000 франковъ жалованья, передастъ кому-нибудь по ошибкѣ 500 франковъ, то эти 500 франковъ будутъ вычтены изъ его жалованья. Слѣдовало-бы съ васъ взыскать излишне израсходованную сумму, но на этотъ разъ комисія ограничится представленіемъ палатѣ о наложеніи на васъ штрафа въ 3,000 франковъ...

Чей-то голосъ (перебиваетъ.) Лучше назначить 30 су.

Гамбета. Позвольте докончить мою рѣчь... Итакъ, мы находимъ, что во имя справедливости и равенства всѣхъ передъ закономъ, ваши дѣйствія, г. Сиссе, достойны порицанія и вы должны будете заплатить штрафъ въ 3,000 франковъ... Что-же ка-

сается добавочнаго жалованья, назначеннаго вами противозаконно, то, не жалая огорчать офицеровъ, мы утверждаемъ эту прибавку и на будущій годъ...“

Сиссе. Три тысячи франковъ! Ну что-жь, я ихъ заплачу.

Конечно, и Гамбета, и Сиссе говорили нѣсколько иными словами, но смыслъ ихъ рѣчей былъ именно таковъ. Такъ-то во Франціи замазываютъ теперь всякія злоупотребленія изъ боязни сдѣлать непріятное тому или другому лицу. Теорія уступокъ въ настоящее время во Франціи доведена до послѣдней крайности.

Сиссе вышелъ въ отставку, конечно, не изъ-за этихъ 3,000 франковъ. Изъ-за такого пустяка нельзя-же разставаться съ человѣкомъ, который втеченіи почти шести лѣтъ занимался организаціей французской арміи. Онъ исполнялъ всѣ тѣ обязанности, которыя въ Берлинѣ раздѣлены между двумя лицами: Мольтке и Роономъ. Какъ и они, онъ долженъ былъ преобразовать французскую армію какъ въ тактическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Тьеръ ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и Сиссе, въ свою очередь, всегда совѣтовался съ Тьеромъ. Также точно Мак-Магонъ постоянно обращался за совѣтомъ къ Сиссе; Сиссе тоже прибѣгалъ къ совѣтамъ маршала-президента. Всѣ партіи одинаково считали Сиссе необходимымъ и между ними было рѣшено избѣгать нападковъ на военнаго министра. Ураганъ смель Тьера, Броули, Бюффе, но не тронулъ Сиссе; перемѣнилось послѣдовательно нѣсколько министерствъ, но Сиссе былъ непремѣннымъ членомъ каждаго изъ нихъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, консервативныя газеты, до сихъ поръ постоянно провозглашавшія Сиссе самымъ способнѣйшимъ военнымъ человѣкомъ во Франціи, холодно заявили, что послѣ продолжительнаго разговора Сиссе съ маршаломъ Мак-Магономъ, бывшаго наканунѣ, военный министръ подалъ въ отставку. Эта неожиданная отставка удивила всѣхъ; стали доискиваться причины ея и, наконецъ, узнали слѣдующее: у старика Сиссе есть старинная любовница, нѣмка, къ которой онъ очень привязанъ. Она захватила въ военномъ министерствѣ на свой пай подрядъ на поставку лошадей для нѣкоторыхъ полковъ французской арміи. Эта госпожа скупала бракованныхъ и выслужившихъ срокъ

лошадей виртембергской арміи и съ хорошимъ барышемъ перепродавала ихъ во французскую. Замѣчательно, что тѣ самыя консервативныя газеты, которыя прославляли Сиссе за его дѣятельность и талантъ, стали утверждать теперь, что Сиссе получилъ отставку потому, что „онъ недостаточно способенъ выполнить преобразованіе французской арміи“. Очень мило это слово „недостаточно“, примѣненное къ тому человѣку, котораго онѣ сами шесть лѣтъ считали способнѣйшимъ изъ французскихъ генераловъ.

Такимъ образомъ, по причинѣ-ли „недостаточной способности“ или-же, что еще хуже, по причинѣ цотаканія лихоимству и злоупотребленіямъ, Сиссе получилъ отставку. Вы думаете, онъ совершенно удалился отъ дѣлъ и поселился въ своемъ имѣніи, что сдѣлалъ-бы на его мѣстѣ всякій министръ, уволенный при подобныхъ обстоятельствахъ въ какой-угодно европейской странѣ? Если вы такъ думаете, значитъ вы плохо знаете „прекрасную французскую администрацію, которой завидуетъ вся Европа“, по выраженію Тьера. Сиссе тотчасъ-же получилъ мѣсто, съ хорошимъ жалованьемъ и большимъ значеніемъ. По словамъ „Defense“, клерикальной газеты, органа архіепископа Дюпанлу, правительство хотѣло дать Сиссе мѣсто посла, потомъ передумало и назначило его корпуснымъ командиромъ. Любопытно, что правительство признаетъ генерала неспособнымъ и поручаетъ ему командованіе значительной военной силой. Кто-же будетъ виноватъ, если французская армія, имѣя неспособныхъ командировъ, будетъ снова разбита въ случаѣ столкновенія ея съ германской арміей, находящейся подъ командой весьма способныхъ генераловъ?

„Во Франціи, пишутъ въ одной оппозиціонной газетѣ по поводу перемѣщенія Сиссе, — чиновникъ, оказавшійся неспособнымъ исполнять свою должность, получаетъ другое мѣсто. Случается, его повышаютъ. Какой-нибудь столоначальникъ безъ толку 20 лѣтъ печатаетъ бумагу. Послѣ такого продолжительнаго опыта начальство убѣждается, что онъ вполне неспособенъ къ серьезной дѣятельности. Его увольняютъ? Нѣтъ, онъ назначается начальникомъ отдѣленія. „Могли-ли мы поступить иначе? отвѣчали министры 4-го сентября, когда ихъ упрекали за то, что они оставили на службѣ бонапартистскихъ генераловъ.—Какія другія должности могли мы предложить имъ?“ Французы слишкомъ ужъ нѣжны; мы боимся обидѣть человѣка, всю свою жизнь дѣлавшаго одиѣ глупости; онъ

въ нашихъ глазахъ имѣть право на снисхожденіе; удерживая за нимъ мѣсто, мы знаемъ, что онъ еще много напортитъ, но все-таки не рѣшаемся поступить иначе... Большая часть высшихъ административныхъ мѣстъ занята у насъ людьми неспособными; открывается вакансія—мы замѣщаемъ ее новой неспособностью; въ нашей администраціи царитъ самая узкая посредственность и мы не рѣшаемся впустить въ нее болѣе живой, болѣе способный элементъ“.

Эти совершенно справедливыя разсужденія показываютъ, что моральный уровень французской администраціи очень не высокъ. Поэтому неудивительно, что общественное мнѣніе тревожно относится къ вопросу, какое положеніе должна принять Франція въ виду событій на Балканскомъ полуостровѣ; оно требуетъ, чтобы французское правительство оставалось въ сторонѣ; оно готово примириться съ печальной истиной, что Франція, строго придерживаясь принципа невмѣшательства въ восточномъ вопросѣ, вступаетъ въ рангъ второстепенныхъ государствъ, какъ Голандія или Бельгія. Оно готово съ этимъ примириться, потому что отъ вмѣшательства не ожидаетъ для себя ничего добраго.

Слухъ о томъ, что Тьеръ будетъ президентомъ предполагаемаго европейскаго конгресса, нисколько не польстилъ французамъ. Въ противникахъ Тьера онъ вызвалъ только сильное раздраженіе. Бонапартисты и приверженцы партіи, имѣющей такихъ представителей, какъ Брולי, Бюффе и Батби, стали кричать, что предложеніемъ президентства Тьеру наносится оскорбленіе Мак-Магону. Они стали преслѣдовать Тьера сарказмами и не постыдились провозгласить, что Тьеръ не больше, какъ пассивное орудіе князя Горчакова. Они припомнили неудачную дипломатическую кампанію Тьера къ европейскимъ дворамъ въ 1870 году. Враги Тьера воспользовались этимъ случаемъ, конечно, для того, чтобы наговорить ему побольше неприятностей, но вообще всѣ партіи были согласны въ одномъ, что Франціи удобнѣе воздержаться отъ всякаго участія въ предполагаемомъ конгрессѣ и что президентство на конгрессѣ естественнѣе всего предложить Италиі, болѣе заинтересованной въ событіяхъ на Востокѣ, чѣмъ Франція. Италья-

янское правительство дѣлало уже въ Константинополѣ представленіе въ пользу инсургентовъ Босніи и Герцеговины. Злые языки утверждаютъ, что итальянское правительство, вмѣшиваясь, руководилось не одной гуманностью, какъ оно само утверждало. Не даромъ итальянскіе шовинисты доказываютъ, что Боснія и Герцеговина составляютъ часть Иллиріи; что Иллирія голова, а Боснія и Герцеговина — тѣло; при этомъ они вскользь упоминаютъ, что Иллирія когда-то была соединена съ венеціанской республикой, слѣдовательно и съ Италіей. Сами итальянцы сочувственно отнеслись къ этому предложенію. „Италія, говоритъ министерская газета „Diritto“, — съ честью выполнить роль, ей предназначенную“.

Возраженія французовъ противъ предоставленія Франціи предсѣдательства на европейскомъ конгрессѣ сводятся къ двумъ главнымъ мотивамъ: „Мы не хотимъ, чтобы нашъ представитель сидѣлъ рядомъ съ княземъ Бисмаркомъ и ухаживалъ за нимъ“, говорятъ одни. „Мы не желаемъ, чтобы нашъ представитель противорѣчилъ князю Бисмарку, который ищетъ подходящаго предлога, чтобы снова повести германскія войска на Францію“, утверждаютъ другіе. Которымъ изъ этихъ мотивовъ руководится большинство — сказать трудно. Чтобы не обидѣть самолюбіе французовъ, предположимъ, что первымъ.

II.

Страна можетъ быть поставлена въ необходимость слѣдовать политикѣ невмѣшательства и доводить до крайней степени свою сдержанность, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время Франція по восточному вопросу, но, такъ или иначе, она должна проявлять свои симпатіи. Интересно рѣшить, которая изъ враждующихъ сторонъ, турки или славяне, останавливаетъ на себѣ симпатіи французскаго народа.

Можно сказать навѣрное, что ни одна страна въ Европѣ не относится такъ безучастно къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ Франція. Управляющіе классы перебиваютъ свое грязное бѣлье, имъ нѣтъ дѣла ни до чего, что находится внѣ ихъ кружковыхъ интересовъ. Буржуазія занимается этими событіями на-столько, на-сколько они обязываютъ вліянія на биржу;

пролетаріатъ тоже не даетъ себѣ труда отнести къ нимъ внимательнѣе; крестьянство. почти все безграмотное, невѣжественное, едва-ли имѣетъ понятіе, что на Балканскомъ полуостровѣ совершается дѣло первостепенной важности. Въ Англіи газеты наполнены извѣстіями съ театра войны; событія на Балканскомъ полуостровѣ возбуждаютъ оживленную полемику. Злодѣйства турокъ въ Болгаріи вызвали негодованіе во всей странѣ. Англичане взялись за дѣло съ своей обычной энергіей; въ разныхъ мѣстахъ государства собираются митинги, выражающіе свое порицаніе министерству Дизраели, которое старалось увѣрить страну, что извѣстія объ ужасахъ въ Болгаріи преувеличены и что тамъ все обстоитъ благополучно. На митингахъ говорятъ рѣчи первостепенные государственные люди. Гладстонъ и лордъ Джонъ Россель издають брошюры, въ которыхъ требуютъ предоставленія полной автономіи Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ. Всѣ оттѣнки либеральныхъ партій и часть консервативной выражаютъ свои симпатіи угнетеннымъ славянамъ и съ отвращеніемъ относятся къ этому зловонному, издыхающему трупу, около котораго не брезгаютъ ухаживать только Дерби-Биконсфилдъ. Наконецъ, общественное мнѣніе Англіи громко требуетъ отчета у министерства, созванія парламента, и едва-ли мы ошибемся, если предскажемъ, что въ-концѣ-концовъ торійское министерство на-долго похоронить въ Англіи торійскую партію.... Не то во Франціи. Прислушавшись къ толкамъ французовъ, можно подумать, что Турція лежитъ отъ Парижа на нѣсколько тысячъ верстъ далѣе, чѣмъ отъ Лондона.

Однакожь, какъ ни молчаливы французы относительно событій на Балканскомъ полуостровѣ, можно утвердительно сказать, что изъ 10 человекъ, слѣдящихъ за этими событіями, 7 симпатизируютъ сербамъ, 3—туркамъ. Вся демократическая партія съ перваго-же дня борьбы высказалась за независимость Босніи, Герцеговины и Болгаріи и всѣхъ тѣхъ провинцій турецкаго государства, которыя пожелали-бы пріобрѣсти независимость. Правду сказать, большинство этихъ доброжелателей славянъ имѣетъ смутное понятіе о боснякахъ или болгаряхъ; его очень мало занимаютъ вопросы о расахъ, религіяхъ, языкахъ; высказывая свои симпатіи, оно не думаетъ о томъ, чтобы сдѣлать угодное Англіи или Россіи; оно симпатизируетъ угнетеннымъ по принципу. Если когонибудь изъ нихъ и одолѣвали сомнѣнія, то ихъ разрушило пись-

мо Гарибальди, въ которомъ онъ требоваль сочувствія Европы къ возставшимъ славянамъ. „Мы желаемъ того-же. чего хочетъ Гарибальди“, говорили парижскіе рабочіе. страстно привязанные къ герою итальянской независимости, помогавшему французамъ въ ихъ войнѣ съ Германіей.

Влерикалы, наоборотъ, явились защитниками турокъ. Папа и римская курія приняли сторону убійць и разбойниковъ противъ христіанъ, ислама противъ схизматиковъ (какъ они называютъ послѣдователей греческой церкви.) Вліяніе католическаго духовенства очень сильно еще во Франціи, потому-то пропорція сочувствующихъ туркамъ (3 на 10) такъ велика. Не будь патерскаго внушенія, мы убѣждены, что на сторонѣ турокъ не оказалось-бы даже одной десятой части французскаго народа. Реакціонеры во Франціи всегда идутъ рука-объ-руку съ католическимъ духовенствомъ, и на этотъ разъ все реакціонное сочувствуетъ туркамъ и ругаетъ славянъ.

Замѣчательно, что чѣмъ радикальнѣе газета, тѣмъ ярче и страстнѣе выражается ея сочувствіе сербамъ. Такъ радикальнѣйшая изъ республиканскихъ газетъ, „Droits de l'homme“, высказываетъ свои симпатіи въ самомъ страстномъ тонѣ. „Republique française“ относится уже холоднѣе, также и „Temps“, хотя обѣ сочувствуютъ сербамъ, а не туркамъ. Обѣ эти газеты стараются попасть въ тонъ буржуа-республиканцамъ, которые относятся довольно безучастно къ геройской рѣшимости балканскихъ славянъ завоевать себѣ независимость. Англійская буржуазія дѣйствуетъ иначе. Вначалѣ борьбы она явно симпатизировала туркамъ. Но разоблаченія, сдѣланныя газетой „Daily-News“ и американскимъ консуломъ Скайлеромъ насчетъ возмутительныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Болгаріи турками и черкесами, побудили ее перейти на противоположную сторону и отдать свои симпатіи славянамъ. Болгарскіе ужасы ни на минуту не потревожили олимпійскаго спокойствія французской буржуазіи. Много видовъ пришлось ей видѣть и у себя дома. Что для нея значилъ пожаръ болгарскихъ городковъ и деревень, когда она смотрѣла на пожаръ Парижа, видимый на 50 верстъ въ окружности? Могла-ли привести ее въ дрожь вѣсть объ убійствѣ 12,000 болгаръ, когда она безъ содраганія видѣла гибель 30,000 парижанъ? Ея хладнокровіе въ виду ужасныхъ сценъ, совершившихся передъ ея глазами въ Па-

рижѣ во время междоусобной войны, изумило Бисмарка и онъ сказалъ: „Право, французы болѣе жестоки, чѣмъ краснокожіе!“ Французская буржуазія до такой степени зарылась въ своею эгоизмѣ, что даже потеряла способность понимать значеніе словъ: „жалость“ и „гуманность“. Ей кажется, что успѣхъ сербовъ, черногорцевъ и болгаръ можетъ нанести ущербъ ея личнымъ интересамъ; — такъ чего-же ихъ жалѣть, пусть погибаютъ! Нечего и говорить, что клерикальная буржуазія твердитъ: „если папа высказался противъ славянъ, какъ-же мы будемъ имъ сочувствовать?“ „Journal des Débats“, органъ буржуазіи, изумляется, что англійскіе либералы Брайтъ, Россель, Гладстонъ, что „Times“, органъ Сити, на-столько лишены здраваго смысла, что не могутъ понять, что движеніе балканскихъ славянъ есть движеніе чисто-революціонное, что оно исключительно дѣло международныхъ революціонныхъ комитетовъ...

Съ одинаковымъ любопытствомъ мы слѣдили за двумя газетами: „Figaro“ и „Journal des Débats“. Органъ иезуитовъ, кокетокъ и жюкей-клуба, „Figaro“, идетъ въ авангардъ реакціи. Эта газета поставила себѣ цѣлью забавлять свою публику во что-бы то ни стало и не брезгаетъ никакими средствами. Совсѣмъ другое назначеніе имѣлъ „Journal des Débats“, Несторъ реакціи, газета академіи и высшей буржуазіи, оракулъ управляющихъ классовъ. И между тѣмъ какъ часто сходятся въ своихъ выводахъ эти обѣ, съ перваго взгляда совершенно различныя газеты!

Мы не станемъ заниматься сопоставленіемъ этихъ двухъ газетъ — не стоитъ труда. Лучше поставимъ рядомъ критическій разборъ буржуазнаго органа „Journal des Débats“ брошюры Гладстона и обращеніе замѣчательнаго поэта Виктора Гюго къ возбужденію симпатій французскаго народа къ угнетеннымъ славянамъ.

„Достаточно пробѣжать брошюру Гладстона, пишетъ „Journal des Débats“, — чтобы убѣдиться въ томъ, что она внушена духомъ партіи и потому написана наскоро, въ возбужденномъ состояніи; въ ней говорятъ исключительно страсти главы партіи, желающаго увлечь за собой въ борьбу своихъ сторонниковъ. Здѣсь нечего искать холоднаго разума и политической воздержности государственнаго человѣка, сохраняющаго даже въ оппозиціи сдержанность выраженій, при отсутствіи которой легко надѣлать много непоправимыхъ ошибокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ г. Гладстонъ весь „дѣло“, № 9, 1876 г.

отдался религиозной полемикѣ, онъ сталъ рѣзокъ, нетерпимъ и запальчивъ — качества, увы! всегда отличающія полемикъ теологовъ. Онъ не спорить, а осуждаетъ; онъ потерялъ критическую способность въ выборѣ своихъ аргументовъ. Все ему пригодно, лишь-бы служило подтвержденіемъ его тезиса, служило обвиненіемъ народа, на который онъ прогнѣвался... Люди, провозглашавшіе священную войну противъ исламизма, забываютъ, что исламизмъ, въ свою очередь, можетъ поднять священную войну противъ христіанства. Раздуваютъ пламя пожара, но будутъ-ли въ состояніи погасить его? Въ Азіи исламизмъ господствуетъ; вызванный на борьбу, онъ явится грозной силой. Справедливо говорить „Memorial Diplomatique“, что раздражать мусульманскій фанатизмъ опасно; мусульмане искренно вѣрують и многочисленны. Сила-же движенія панславизма греческой церкви скорѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная; въ немъ гораздо болѣе политической, чѣмъ религиозной тенденціи; оно находится въ рукахъ Россіи, которая можетъ остановить его всегда, когда захочетъ... Требования Гладстона съ перваго взгляда кажутся болѣе благоразумными, чѣмъ желанія демократовъ, требующихъ изгнанія турокъ изъ Европы; но если тщательно анализировать ихъ, то нельзя не убѣдиться, что Гладстонъ желаетъ довести дѣло до того-же результата.. Осуществленіе его желаній приведетъ къ беспощадной войнѣ расъ и религій... Гладстонъ, правда, не говоритъ вмѣстѣ съ лордомъ Росселемъ: „безразлично, кто будетъ властвовать въ Турціи: русскіе, англичане, итальянцы или французы, лишь-бы турки были изгнаны“, но, увлеченный законнымъ негодованіемъ при чтеніи описаній жестокостей турокъ въ „Daily News“ и въ донесеніи Скайлера, онъ разразился памфлетомъ, который подниметъ страсти и не только не облегчитъ, но усилитъ затрудненія и помѣшаетъ умиротворенію вражды. Было-бы гораздо лучше, если-бъ онъ сдержалъ свое негодованіе и хладнокровно изучилъ положеніе вопроса; тогда онъ предложилъ-бы практическое разрѣшеніе существующихъ затрудненій, достойное его партіи и его страны...

„Считаемъ нужнымъ замѣтить страстнымъ филантропамъ, что, взывая къ мести противъ случайныхъ жестокостей, они добьются полнѣйшаго разрушенія Турціи, а паденіе Турціи повлечетъ за собой опасныя послѣдствія для всей Европы. Австро-венгерское правительство распадется; исламизмъ, доведенный до отчаянія,

поднимется въ трехъ частяхъ свѣта; въ Индіи произойдегь возмущеніе, начнется рѣзня въ Сиріи; двѣ цивилизаціи вступятъ между собой въ гигантскую борьбу... А Россія начнетъ осуществлять мечту Петра Великаго. Да, филантропы наивно служатъ орудіемъ панславизма... Не споримъ, англійское правительство должно отплатить за жестокости въ Болгаріи; должно потребовать гарантій, чтобы онѣ болѣе не возобновлялись. И если г. Гладстонъ и его послѣдователи, такъ краснорѣчиво защищающіе угнетенныхъ, будутъ требовать только этого, мы присоединяемся къ нимъ. Никакое правительство, никакой народъ не имѣетъ права безучастно смотрѣть на нарушеніе человѣческихъ правъ и злодѣйства. Но здѣсь надо остановиться и не забывать, что существуетъ большая разница между варварскимъ подавленіемъ мятежа въ Болгаріи и законной местию противъ вѣроломнаго нападенія, произведеннаго на Турцію сербами“.

А вотъ что говоритъ Викторъ Гюго въ своей статьѣ: „За Сербію“.

„Является необходимость обратить вниманіе европейскихъ правительствъ на фактъ, который, въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, самъ по себѣ такъ ничтоженъ, что они не удостоиваютъ даже принять его къ соображенію. Фактъ этотъ — умерщвленіе цѣлаго народа. Гдѣ? Въ Европѣ. Есть-ли свидѣтели? Одинъ свидѣтель — цѣлый міръ. Видятъ-ли эти близорукія правительства этотъ фактъ? Нѣтъ, не видятъ...“

„Мы удивимъ европейскія правительства заявленіемъ, что они забываютъ о томъ, что преступленіе, кѣмъ-бы оно ни было совершено, всегда преступленіе; что правительству также, какъ и частному лицу, не дозволяется совершать убійство; что европейскія государства, считая себя солидарными, отвѣтственны за поступки, совершаемые однимъ изъ нихъ; что если какое-нибудь правительство совершаетъ дикое насиліе, то съ нимъ слѣдуетъ поступить по его заслугамъ. Передъ нашими глазами убиваютъ, жгутъ, грабятъ, душатъ отцовъ и матерей, продаютъ дѣвочекъ и мальчиковъ; тѣхъ-же малютокъ, которыхъ нельзя продать, разрубаютъ саблѣй на - двое; сожигаютъ цѣлыя семьи въ ихъ домахъ. Въ городѣ

Батакъ изъ девятидесячнаго населенія оставлено въ живыхъ только 1,300 человекъ. Трупы валяются непогребенными и разложеніе ихъ производитъ заразу. Сообщимъ европейскимъ правительствамъ, что варвары разрѣзываютъ животы беременнымъ женщинамъ, насилуютъ дѣвушекъ. Эти ужасы совершаются передъ глазами европейскихъ правительствъ, которые однимъ своимъ жестокимъ могли-бы помѣшать ихъ совершенію. Дикари, производящіе эти злодѣяства, — ужасны, но еще ужаснѣе цивилизованные люди, допускающіе ихъ.

„Настало время возвысить голосъ. Вездѣ пронесся крикъ негодованія. Но говорятъ, что все это преувеличено.

„Да, преувеличено. Городъ Батакъ разрушенъ не въ нѣсколько часовъ, а въ нѣсколько дней; сожжено не 200, а 99 деревень; не всѣ женщины изнасилованы, не всѣ дѣвушки проданы, нѣкоторыя спаслись; ребенокъ, котораго перекидывали съ пика на пикъ, въ дѣйствительности былъ поднятъ на остріѣ штыка, и т. д., и т. д.

„Слѣдуетъ называть предметы настоящими ихъ именами. Умертвить человѣка въ глухомъ лѣсу — значитъ совершить убійство, умертвить цѣлый народъ — я полагаю, также убійство, также преступленіе, только гораздо болѣе значительное, — вотъ и вся разница! Развѣ важность преступленія уменьшается соразмѣрно степени ужаса, имъ наводимаго? Увы! это старый законъ, замѣченный уже въ исторіи. Убейте шесть человекъ — вы Тропиканъ, убейте шестьсотъ тысячъ человекъ — вы можете считаться героемъ, великимъ полководцемъ. Доведите дѣло рукъ вашихъ до ужасовъ — васъ будутъ бояться и, пожалуй, уважать. Доказательства — Варфоломеевская ночь, удостоившаяся благословенія Рима, драгонады протестантовъ, воспѣтыя Боскюэтомъ, наконецъ, переворотъ 2 декабря, возбудившій сочувствіе во многихъ мѣстахъ Европы!

„Пора-же, наконецъ, остановиться послѣ длиннаго ряда потрясающихъ ужасовъ... Мы приближаемся къ воскресенію призраковъ. Послѣ папскаго силлабуса — выступаетъ на сцену коранъ; послѣ римскаго престола — высокая Порта. Остается выбрать, какой иракъ болѣе придется по вкусу: видя, какъ Римъ угощаетъ насъ своими средневѣковыми посланіями, Турція захотѣла угостить насъ тѣмъ-же.

„Пора остановиться. Когда-же, наконец, окончатся страдания этой героической нации.“

„Но намъ скажутъ: вы забываете о существованіи вопроса. Умертвить человѣка — называется преступленіемъ. Умертвить народъ — вопросомъ. Всякое правительство имѣетъ свой вопросъ: Россія — Константинополь, Англія — Индію, Франція — Пруссію, Пруссія — Францію.“

„Мы отвѣтимъ, что человѣчество имѣетъ свой вопросъ; этотъ вопросъ важнѣе тѣхъ, которые озабочиваютъ Россію и Англію. Онъ заключается въ спокойствіи дитяти, зарожденнаго въ утробѣ матери.“

„Здѣсь вся будущность.“

„Свѣтлая будущность наступитъ, несмотря на всѣ старанія замедлить ея наступленіе. Самыя преступленія служатъ ей на пользу...“

Викторъ Гюго заключаетъ свою статью мечтой о всеобщемъ мирѣ и братствѣ народовъ.

Ретроградныя газеты отнеслись съ ироніей и враждебно къ этому манифесту Виктора Гюго. Болѣе всѣхъ потѣшалась газета „Monde“, которая не задолго передъ тѣмъ съ возмутительнымъ цинизмомъ издѣвалась надъ страданіями несчастныхъ болгаръ. Эта зѣрная служительница силлабуса, эта жалкая подстага клерикаловъ, получающая внушенія изъ Ватикана, нагло замѣтила, что убитые болгары — не католики, слѣдовательно, нечего ихъ жалѣть; они бунтовщики, а съ бунтовщиками церемониться не приходится.

Вся остальная пресса отнеслась къ статьѣ Виктора Гюго съ энтузіазмомъ.

Вліяніе словъ Виктора Гюго, конечно, не малое; симпатіи большинства французскаго народа принадлежать славянамъ, это несомнѣнно; но несомнѣнно также, что во французской политикѣ по восточному вопросу преобладаетъ вліяніе клерикальное и небольшой, но могущественной партіи, органомъ которой служатъ „Journal des Débats“. Меньшинство, даже ничтожное по своей численности, бываетъ иногда много сильнѣе огромнаго большинства. Французскіе управляющіе классы привязаны къ statu quo, рели-

гловному, политическому и экономическому; всякое измѣненіе въ социальномъ строѣ кажется имъ опаснымъ для ихъ господства. Они опасаются, и не безъ основанія, что если осуществятся на Балканскомъ полуостровѣ тѣ реформы, о которыхъ идетъ рѣчь, то можетъ случиться, что Франція скажетъ, что и ей не мѣшаетъ воспользоваться такой-же свободой, какая дана Турціи. Если турецкій народъ будетъ огражденъ отъ злоупотребленій власти шейхъ-уль-ислама и улемовъ, то почему-же, въ самомъ дѣлѣ, французамъ не попытаться свергнуть иго католическаго духовенства, которое съ каждымъ днемъ усиливается? Не надо забывать, что въ послѣднее время во Франціи клерикалы несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Испаніи, не говоря уже объ Италіи. Политическое тѣло, какъ и всякое другое, руководится инстинктомъ самосохраненія. Онь-то и побуждаетъ французскую буржуазію на каждую попытку къ реформѣ, какъ внутри, такъ и внѣ страны, отвѣчать: „pop rommain!“ Это невозможно, рѣшительно невозможно!

Французская буржуазія стоитъ гораздо ниже великобританской, которая несравненно менѣе скептически и разочарована, и потому болѣе податлива и жизненна. Жизненность политическихъ тѣлъ измѣряется ихъ способностью къ реформамъ; чѣмъ менѣе они способны ихъ воспринимать, тѣмъ скорѣе они приближаются къ своему разложенію. Что не способно приспособляться къ требованіямъ среды, медленно, но непрерывно измѣняющейся, идетъ къ разложенію и должно погибнуть. Природа и исторія осуждаютъ на смерть все то, что не имѣетъ болѣе воли, т. е. то, что не имѣетъ силы прогрессировать посредствомъ вѣчнаго обновленія. А что разъ осуждено на смерть, то не замедлитъ погибнуть и исчезнуть.

Французскій народъ въ своемъ большинствѣ симпатизируетъ сербамъ, однакожь, не захочетъ рискнуть въ ихъ пользу на войну съ турками. Меньшинство французовъ — клерикалы и партія, органомъ которой служитъ „Journal des Débats“, — ненавидитъ сербовъ и не чувствуетъ сердечной привязанности къ туркамъ, однакожь, ихъ ненависть не простирается до того, чтобы они захотѣли удовлетворить ее войной. Это меньшинство порицаетъ политику петербургскаго правительства на Востокѣ, но изъ-за нея не захочетъ расходиться съ Россіей, съ которой пламенно желаетъ остаться въ тѣсной дружбѣ, тайно надѣясь на союзъ съ нею,

если въ будущемъ Германія вздумаетъ вторгнуться во Францію. Къ тому-же французское правительство разсчитываетъ потребовать пересмотра франкфуртскаго трактата, по примѣру Россіи, потребовавшей пересмотра парижскаго трактата. Изъ страха, чтобы передовая партія не захватила власть въ свои руки, французскіе управляющіе классы предпочитаютъ политику удаленія, если можно такъ выразиться, во внѣшнихъ сношеніяхъ, т. е. „моя хата съ краю, ничего не знаю“; нигъ милѣ всего *statu quo* какъ у себя дома, такъ и за-границей, даже въ Турціи, гдѣ положеніе стало невыносимымъ, невозможнымъ, гдѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раскрывается неизлечимая язва, заразившая весь внутренній организмъ отжившаго свое время исламизма. Какъ-бы ни маскировала дипломатическая Европа эту язву, какъ-бы ни замазывала ее своими палліативами, но она не избѣжитъ рѣшенія вопроса, такъ торжественно поставленнаго передъ ней: варварство или цивилизація? Насиліе или право? Жизнь или смерть угнетеннаго, торжество или паденіе угнетателя? И если Европа не разрѣшитъ этого вопроса спокойно и миролюбиво, то она принуждена будетъ разрѣшать его среди потоковъ своей собственной крови...

III.

Можно было-бы покончить на этомъ нелестномъ для Франціи заключеніи о ея политикѣ. Но одинъ вопросъ родитъ другой; сдѣланный отвѣтъ возбуждаетъ новый вопросъ. Намъ кажется, что наши читатели спрашиваютъ насъ: „Неужели политика удаленія будетъ еще долго господствовать во Франціи? Не составляетъ-ли она только послѣдствіе ужасной войны, вынесенной Франціей? И не приближается-ли ея конецъ? Посмотрите, вездѣ во Франціи земледѣлецъ ведетъ свой плугъ по той нивѣ, которая недавно была полемъ сраженія, обильная жатва произрастаетъ на землѣ, взрытой ядрами и бомбами. Хорошіе результаты, которые далъ земледѣльческій и фабричный трудъ, возвратили Франціи значительную долю контрибуціи, уплаченной ею Германіи. Раны зацелились, погибшихъ солдатъ замѣнили ихъ дѣти, на сцену выступаетъ новое поколѣніе, которое, по всей вѣроятности, будетъ слѣ-

довать идеальнъ прогресса. Націи имѣютъ свою зиму, но за зимой обыкновенно слѣдуетъ весна“.

Мы знаемъ, что націи могутъ пользоваться очень продолжительной жизнью. Нація, прожившая двадцать вѣковъ, не можетъ погибнуть отъ одной потерянной битвы, за пораженіемъ можетъ послѣдовать побѣда. Правда, случалось, что разложившіяся націи исчезали почти внезапно; но даже ни одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ Франціи не станеть утверждать, что она находится именно въ такомъ положеніи. Случается также, что нація, которую считаютъ погибшею, переживала только ния. Галло-римская нація находилась въ такомъ положеніи, когда приняла ния французской, навязанное ей ордами франковъ, которые рассыпались по всей странѣ и захватили лучшія земли. Франки, несмотря на то, что были господами, ассимилировались съ туземнымъ населеніемъ, расплылись въ его массѣ, были поглощены ею. Волѣзны націй могутъ продолжаться цѣлые вѣка, — исторія среднихъ вѣковъ служить лучшимъ тому доказательствомъ, — но приходитъ выздоровленіе и наступаетъ періодъ такого здоровья, какое только можетъ быть у обширныхъ коллективныхъ тѣлъ, гдѣ нельзя обойтись безъ уклоненій въ той или другой части организма. Здоровье Франціи теперь весьма незавидное, однакожь, нельзя сказать, что она приближается къ гибели, хотя отсутствие живительнаго солнца, дающаго силу и энергію организму, говорить не въ ея пользу. Выше мы констатировали фактъ узкой посредственности французской администраціи и ея невысокаго моральнаго уровня. Ослабленіе энергіи проникло и въ войско, гдѣ администрація страдаетъ тѣми-же недостатками, какъ и въ другихъ отрасляхъ общественной службы; между тѣмъ даже въ самыхъ деспотическихъ странахъ правительства прилагаютъ особенную заботу о повышеніи уровня военной администраціи, и въ томъ случаѣ, когда на гражданскую не обращается никакого вниманія. Какъ свѣдуша въ географіи своей страны французская военная администрація, видно изъ недавняго случая съ Сиссе. кстати сказать, узнавшаго о своемъ увольненіи изъ газетъ рагѣ, чѣмъ онъ получилъ о томъ официальное сообщеніе. Онъ находился въ Контрессевилѣ, на морскомъ купаньѣ, и не зналъ, что идутъ толки о томъ, что онъ уже подалъ въ отставку. Онъ, конечно, изумился, что ему не было прислано никакой депеши, онъ не зналъ, въ

чешь дѣло, пока въ нему не пріѣхалъ адъютантъ маршала. Оказалось, что маршалъ, не желая довѣрить почтѣ или телеграфу свое сообщеніе отправилъ его съ своимъ адъютантомъ. Офицеръ главнаго штаба не зналъ, гдѣ находится Бонтресевиль, попалъ не на ту желѣзную дорогу, на которую слѣдовало, и сдѣлалъ много верстъ лишняго пути. Во время послѣдней войны очень многіе изъ офицеровъ французской арміи отличались такимъ-же незнаніемъ своей страны, какъ этотъ достойный офицеръ главнаго штаба, адъютантъ президента республики.

Во время своего президентства Тьеръ слѣдовалъ идеаламъ 1840 года, когда онъ рѣшительно возсталъ противъ четвернаго союза, Англии, Россіи, Пруссіи и Австріи, въ защиту Мехмеда-Али, что, впрочемъ, окончилось дипломатическимъ пораженіемъ Франціи. Тьеръ увлекался также директоріей, но смѣнившее его правительство Бролья и ему подобныхъ реакціонеровъ хотѣло возвратить Францію къ временамъ королей изъ дома Капетовъ. Нынѣшній составъ національнаго собранія и въ особенности сената страдаетъ отсутствіемъ энергіи и неспособенъ къ инициативѣ. Конечно, существуютъ ростки лучшаго будущаго Франціи, но они такъ глубоко зарылись въ почву, что ихъ почти совсѣмъ незамѣтно. Ничто еще явно не предзнаменуетъ начала весны.

Но гдѣ причина такого безплодія? Она очевидна для всякаго. Франція, не измѣнивъ своихъ нравовъ, не измѣнила ни своихъ законовъ, ни своихъ учреждений; она не хотѣла измѣнять своихъ законовъ и учреждений для того, чтобы не мѣнять нравовъ. А каковы эти нравы, наши читатели знаютъ изъ нашихъ статей объ управляющихъ классахъ во Франціи. Въ нашихъ статьяхъ, касающихся Франціи, мы довольно подробно говорили объ арміи, флотѣ, католической церкви, клерикальномъ и конгрегационистскомъ народномъ образованіи; мы только довольно рѣдко касались судебной администраціи.

Положеніемъ суда въ странѣ опредѣляется степень ея развитія. Ни одно государство, даже какое-нибудь дагомейское, не можетъ обойтись безъ суда: хорошая или дурная юстиція или, по крайней мѣрѣ, формы ея, но она непремѣнно существуетъ вездѣ. Но гдѣ нѣтъ истинной юстиціи, гдѣ она притворна, тамъ нѣтъ настоящей жизни, а только ея подобіе. Уяснивъ себѣ,

как отправляется во Франціи правосудіе, мы опредѣлимъ причину ея болѣзни. Существуетъ мнѣніе, что французы не умѣютъ уважать свои законы и свой судъ и въ этомъ отношеніи стоятъ далеко ниже англичанъ и нѣмцевъ. Мнѣніе это справедливо; однакожь, фактъ этого неуваженія можно объяснить и такъ: если французы оказываютъ мало уваженія своему суду и законамъ, значитъ и судъ, и законы страдаютъ важными недостатками. Нельзя сказать, чтобы французскіе законы не имѣли устрашительнаго характера; напротивъ, ни одно изъ европейскихъ законодательствъ не отличается такой строгостью и обиліемъ репрессій, какъ французское. Неосторожное слово, обращенное къ судѣ, отправляющему свои обязанности, карается двумя годами тюремнаго заключенія. Обстановка французскаго суда тоже разсчитана скорѣе на устрашеніе, чѣмъ на возбужденіе уваженія. Къ тому-же французская магистратура считаетъ себя непогрѣшимой и законъ такъ обставилъ судопроизводство, что трудно исправлять ея ошибки. Напомнимъ извѣстное дѣло Лезюрка. Это старина, но вотъ новое. Одинъ бѣдняга, по имени Тиссо, обвинялся въ поддѣлкѣ. Несмотря на самое рѣшительное отрицаніе несчастнаго, несмотря на множество фактовъ, говорящихъ въ пользу его невиновности, судъ осудилъ его на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ. Вскорѣ случайно былъ открытъ дѣйствительный виновный и Тьеръ помиловалъ Тиссо, точно этотъ бѣднякъ былъ дѣйствительно виновенъ. Однакожь, его все-таки лишили на десять лѣтъ гражданскихъ правъ, какъ помилованнаго отъ каторги. Да какъ-же это такъ? съ изумленіемъ спроситъ читатель. Во Франціи все возможно, ибо тамъ утверждаютъ, что если „судебное опредѣленіе вошло въ силу“, измѣнить его нельзя, хотя-бы здравый смыслъ, логика и невинность обвиненнаго требовали этого измѣненія.

Французскіе судьи несмѣняемы во имя того принципа, что судья, свободный отъ страха потерять мѣсто, будетъ безпристрастиѣе въ своихъ приговорахъ. Французы наивно думали, что если они избавятъ своихъ судей отъ внѣшняго давленія, то они преобразуются въ безупречныхъ Катоновъ. Но на практикѣ оказывается, что Катоновъ безупречныхъ что-то слишкомъ мало, а судей, пользующихся несмѣняемостію для злоупотребленія своею властью, слишкомъ много. Несмѣняемость, принятая, какъ огражденіе отъ пристрастныхъ приговоровъ судьи, привела только къ тому, что

новые несмѣняемые французскіе судьи стали отличаться, пожалуй, еще большей пристрастностью, чѣмъ прежніе смѣняемые. Несмѣняемость также нисколько не ослабила погони судей за повышеніемъ. Судья не можетъ быть уволенъ, но правительство всегда можетъ склонить его на свою сторону обѣщаніемъ прибавки содержанія. Судьи въ этомъ отношеніи подобны зубчатымъ колесамъ, которые могутъ вертѣться впередъ, но не назадъ. Несмѣняемость очень немногимъ изъ французскихъ судей придавала мужество, а желаніе повышенія гораздо чаще развивало въ нихъ трусость. Въ теоріи судья повинуется только своей совѣсти, на практикѣ-же онъ повинуется генеральному прокурору, находящемуся въ полной зависимости отъ министра юстиціи. Французскій судья, котораго вы считаете вылитымъ изъ бронзы, въ большинствѣ случаевъ самый податливый и заискивающій изъ чиновниковъ. Огромная привилегія, которой онъ пользуется, нисколько не дѣлаетъ его независимымъ; напротивъ, скорѣе развиваетъ въ немъ чувство подслуживанья.

Кардиналъ Боншозъ тщеславится тѣмъ, что выдресировалъ паторовъ своей епархіи такъ, что они повинуются ему съ такой-же точностью, съ какой солдаты исполняютъ приказанія своего полковника. Подчиненные Тролонга, Бароша, Делянгла и Дюфора не менѣе дисциплинированы; они не болѣе, какъ простые чиновники, какъ орудіе въ рукахъ буржуазіи. Генеральный прокуроръ отвѣтственъ за всѣхъ членовъ судебныхъ мѣстъ, ему подвѣдомственныхъ, которые, въ сущности, только его помощники, какой-бы рангъ они ни занимали. Онъ не только даетъ инструкціи генеральнымъ адвокатамъ, но даже требуетъ, чтобы они сказали свою рѣчь въ томъ, а не другомъ смыслѣ, даже подсказываетъ имъ цѣлыя фразы и отдѣльныя выраженія. И если онъ замѣтитъ, что генеральный адвокатъ (находящійся на правительственной службѣ) не держится мнѣній своего начальника, онъ имѣетъ право взять другаго товарища или самъ замѣщаетъ его для произнесенія обвинительной рѣчи. Генеральный прокуроръ, безусловно распоряжающійся генеральными адвокатами своего округа, обязанъ руководствоваться мнѣніемъ министра, который во всякое время можетъ замѣнить генеральнаго прокурора, по его мнѣнію, несоотвѣтствующаго видамъ правительства, другимъ лицомъ, болѣе приверженнымъ къ правительственной политикѣ. По теоріи

лицо судебного вѣдомства независимо, на практикѣ-же отъ него требуется только повиновеніе, какъ отъ чиновника, находящагося на службѣ правительства.

Генеральный прокуроръ соотвѣтствуетъ полковнику, министр юстиціи—военному министру. Независимость товарища прокурора въ отношеніяхъ его съ генеральнымъ прокуроромъ соотвѣтствуетъ независимости подполковника въ служебныхъ отношеніяхъ его къ полковнику. При такихъ отношеніяхъ властей немудрено, что приговоры бывають пристрастны и страдаетъ, конечно, слабый, а не сильный.

Среди множества судовъ во Франціи—гражданскаго, уголовного, исправительнаго, апелляціоннаго, кассаціоннаго, военнаго, административнаго—тичето вы будете искать суда настоящаго, такого суда, гдѣ царствовала-бы справедливость, гдѣ право было-бы дѣйствительно правомъ, а не фикціей его. Каждый судъ исполняетъ правосудіе по-своему; законъ отягощаетъ правосудіе множествомъ излишнихъ подробностей, въ которыхъ можно потеряться, какъ въ лѣсу. Судью уважають, это правда, но только потому, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи судебнаго пристава и жандарма. что онъ власть или, скорѣе, одна изъ властей. Во Франціи всякій маленькій чиновникъ—власть, и какой-нибудь полевой сторожъ, имѣющій право составлять протоколы, въ своемъ муравейникѣ пользуется такимъ-же авторитетомъ, какъ министр юстиціи въ своемъ обширномъ вѣдомствѣ. Жандармъ въ деревушкѣ играетъ ту-же роль, какъ префектъ въ главномъ городѣ департамента. Во времена управления правительства моральнаго порядка, представляемаго знаменитымъ триумвиратомъ Бролья, Вале и Ватби, меру въ южныхъ департаментахъ достаточно было опоясаться трехцвѣтнымъ шарфомъ, чтобы имѣть право стрѣлять въ танцоровъ и танцорокъ, вздумавшихъ танцевать въ воскресенье во время обѣдни. Сент-омерскій су-префектъ, окруженный мѣстной знатью, отдалъ приказъ стрѣлять по несчастномъ сумасшедшемъ, который, желая избѣжать леченія душами, взобрался на крышу одного дома. Су-префектъ самъ выстрѣлилъ въ этого несчастнаго: къ счастію, онъ былъ плохой стрѣлокъ и только ранилъ, а не убилъ бѣднягу. Къ чести Франціи, этого слишкомъ ревностнаго возстановителя порядка предали суду, но судьи, припомнивъ, что онъ отличился въ день вступленія версальскихъ войскъ въ возму-

тившійся Парижъ, присудили его всего къ 20 франкамъ штрафа. Если-бъ су-префектъ, не имѣя разрѣшенія на охоту, стрѣлялъ въ зайца, а не въ человѣка, онъ подвергся-бы большей карѣ, во всякомъ случаѣ у него конфисковали-бы ружье.

Въ массѣ противорѣчивыхъ постановленій, которыми руководствуется французскій судъ при опредѣленіи приговоровъ, трудно добиться какого-нибудь толка. Поэтому судъ въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ по собственному разумію, причемъ на опредѣленіе наказаній сильно вліяютъ чисто-внѣшнія причины. Опредѣляя преступленіе Росселя, его обвинили въ измѣнѣ и переходѣ къ непріятелю, совершенно игнорируя, что онъ самимъ Трошю былъ назначенъ въ парижскую національную гвардію и потому имѣлъ право находиться при своемъ баталіонѣ, остававшемся въ Парижѣ. Цѣлая масса парижанъ въ 1871 году была разстрѣляна безъ суда. Пусть-бы выказывали излишнюю суровость и пристрастіе военные суды — суды чрезвычайные, но тѣмъ-же рвеніемъ къ истребленію отличались и дѣйствовавшіе въ то время гражданскіе суды. Не правы-ли французы, утверждая, что правосудіе у нихъ обращается въ средство избавиться отъ своихъ политическихъ противниковъ? Французская юстиція ничто иное, какъ торжествующая сила. Эту именно идею выразилъ художникъ Пичіо въ своей картинѣ „Торжество порядка“. Французскіе адвокаты, въ своихъ рѣчахъ, уснащенныхъ метафорами, очень рѣдко взываютъ къ вѣсамъ богини правосудія; они предпочитаютъ обращаться къ ея мечу. И французская юстиція мало заботится о томъ, чтобы чаши вѣсовъ стояли ровно; ей нужна кара, только одна кара. Съ того времени, какъ судья обратился въ простого чиновника, судъ сталъ машиной, производящей штрафы и мѣсяцы тюремнаго заключенія. Въ Чикаго существуетъ фабрика сосисекъ; свинья входитъ въ зданіе живая и черезъ очень короткое время выходитъ изъ него въ видѣ сосисекъ. Какъ ни странно сравненіе подобной фабрики съ такимъ высокимъ учрежденіемъ, какъ французскій судъ, но и французскій гражданинъ, входя въ зданіе суда, черезъ очень короткое время выходитъ изъ него чѣмъ-то вродѣ сосиски. Французскіе судьи считаютъ своей непрежѣнной обязанностью обвинять; между ними не мало такихъ, которые тщеславятся тѣмъ, что они приговорили на много мѣсяцевъ тюремнаго заключенія или осудили на смерть. Изъ опасенія потерять свое значеніе такіе господа избѣгаютъ

произнесенія оправдательнаго приговора. Сколько партіонной неа-
висти и вражды должна была пережить Франція, чтобы люди,
считающіеся просвѣщенными, могли додуматься до такихъ чудо-
вищныхъ убѣжденій!

Въ древности каждый городъ имѣлъ свой палладіумъ, т. е. святилищу, хранимую въ таинственномъ углу храма, большую частію въ подземномъ помѣщеніи. Профаны не имѣли доступа въ это святилище, охраняемое старшими изъ жрецовъ. Но вотъ подступилъ къ городу непріятель; несмотря на отчаянное сопротивленіе его защитниковъ, городъ взятъ и отданъ на разграбленіе торжествующему побѣдителю. Понятно, побѣдитель стремится проникнуть въ святилище, надѣясь найти тамъ сокровище, но вмѣсто ожидаемыхъ грудъ золота и серебра, онъ натывается тамъ на бронзовыхъ и деревянныхъ болванчиковъ, на идоловъ самой топорной работы. Такое-же разочарованіе испытываетъ профанъ, войдя въ святилище французской юстиціи, узрѣвъ палладіумъ государства и ознакомившись съ частной жизнью французскихъ судей. Онъ предполагалъ, что увидитъ достойныхъ, ученыхъ, добрыхъ, безкорыстныхъ, серьезныхъ и справедливыхъ людей; онъ вѣрилъ, что люди, отправляющіе правосудіе, лучшіе между гражданами... и узнаетъ, что книги, признанныя непристойными, брошюры, осужденныя, какъ оскорбляющія нравственность, находятся въ бібліотекахъ тѣхъ самыхъ судей, которые ихъ осудили; что у нихъ-же находятся значительныя колекціи безнравственныхъ гравюръ и фотографій. Мы привели эти факты потому, что знаемъ, какое соотношеніе имѣетъ частная жизнь съ общественной дѣятельностью. Частная жизнь объясняетъ общественную дѣятельность и наоборотъ. Было-бы хорошо, если-бъ во всѣхъ французскихъ депутатахъ и судьяхъ можно было примѣнить слѣдующій діалогъ, прочитанный нами въ „Шаривари“.

— Папа, депутатъ и достопочтенный — одно и то-же, не правда-ли?

— Иногда.

Въ сожалѣнію, не только иногда, но даже очень рѣдко случается такое счастливое соединеніе!

Но будемъ судить французскую магистратуру не по частной жизни ея представителей, а по фактамъ ихъ публичной дѣятельности. Попробуйте просидѣть во французскомъ судѣ цѣлое засѣданіе при разборѣ уголовного дѣла — и чувство справедливости не

разъ въ васъ возмутится очень сильно. Приводятъ обвиняемаго, блѣднаго, худого, истощеннаго, потерявшаго силы отъ долгаго предварительнаго заключенія, которому подвергъ его судебный слѣдователь. Дебаты открываются чтеніемъ обвинительнаго акта, при составленіи котораго главнымъ образомъ разсчитывалось на возбужденіе недовѣрія къ обвиняемому, тщательно подобраны факты, служащіе къ обвиненію, и намѣренно опущено все, что можетъ его оправдать или, по крайней мѣрѣ, облегчить его участь. Потомъ президентъ приступаетъ къ допросу подсудимаго и ведетъ его въ оскорбительномъ и угрожающемъ тонѣ; обвиняемый долженъ отвѣчать скромно, тономъ смиренной покорности, иначе ему грозитъ суровая кара. Этимъ допросомъ желаютъ добиться не истины, а только спутать, довести до полной потери энергіи несчастнаго пациента, который, весь въ поту, наконецъ, сдается побѣжденнымъ и уже не пытается защищать себя. Если-же обвиняемый выдерживаетъ стойко направленное на него нападеніе, если онъ сохраняетъ хладнокровіе и ловко отражаетъ направленные на него удары, чѣмъ показываетъ, что онъ человѣкъ не совѣтъ обыкновенный, президентъ обрываетъ его словами: „Довольно!“ или „Молчите!“ „Судъ не нуждается болѣе въ вашихъ объясненіяхъ!“ Недавно республиканскаго депутата Рувье, по случайному сходству его съ другимъ лицомъ, предали суду, обвиня въ оскорбленіи нравственности въ публичномъ мѣстѣ. Даже изъ слѣдствія, произведеннаго пристрастно, была очевидна невинность Рувье, однакожь въ обвинительномъ актѣ было собрано все, что могло съ большими натяжками послужить къ его обвиненію; актъ былъ написанъ самымъ оскорбительнымъ тономъ. Рувье былъ оправданъ, но какую пытку онъ вынесъ во время чтенія обвинительнаго акта и судебного слѣдствія! Всѣ эти факты кажутся неправдоподобными англичанину, привыкшему къ достойнымъ и спокойнымъ формамъ своего судопроизводства, гдѣ прежде всего обращается вниманіе на факты, служащіе оправданіемъ подсудимому, гдѣ въ подсудимомъ уважается человѣкъ и къ нему президентъ относится деликатно и человѣчно. Англичанинъ не понимаетъ, какъ можетъ французская юстиція такъ мало уважать самую себя и человѣка, котораго она посадила на скамью подсудимыхъ. Видѣтъ во всякомъ обвиняемомъ непременно негодя можетъ только человѣкъ или совсѣмъ черствый, или-же необладающій высокимъ нравственнымъ

уровнемъ, забывающій, что, подъ вліяніемъ тяжкихъ обстоятельствъ, можетъ иногда свихнуться и нравственный человекъ; наконецъ, что на скамью подсудимыхъ можно попасть по ошибкѣ или по небрежности судебного слѣдователя, нежелавшаго или неумѣвшаго расслѣдовать точно фактъ предполагаемаго преступленія.

Французскіе судьи питаютъ непріязнь въ присяжнымъ, которые часто руководятся гуманностью и если есть возможность оправдать обвиняемаго, оправдываютъ его, а то объявляютъ, что онъ заслуживаетъ снисхожденія; въ обоихъ случаяхъ они дѣлаютъ неудовольствіе судьямъ, всегда подающимъ голосъ за обвиненіе. Въ виду этого судьи широко пользуются правомъ, предоставленнымъ имъ закономъ, выбирать изъ списка присяжныхъ тѣ фамиліи, которыя имъ нравятся. Какъ широко пользовался судъ этимъ правомъ отвода можно судить по тому, что въ Парижѣ во время второй имперіи изъ 400,000 человекъ, которые по закону имѣли право быть присяжными, подверглись исключенію изъ списка 398,000 человекъ; почти всѣ они были исключены по политической неблагонадежности. Немного-же оставалось затѣмъ въ Парижѣ благонадежныхъ гражданъ, т. е. ревностныхъ бонапартистовъ!

У судей есть еще другой способъ отстранять обвиняемаго отъ суда присяжныхъ. Подведя „преступленіе“ подъ рубрику „преступокъ“, они отсылаютъ обвиняемаго въ судъ исправительной полиціи. „Тамъ подсудимаго непремѣнно обвинять“, думаютъ они, и этимъ мотивомъ объясняется ихъ кажущаяся снисходительность. Въ судахъ исправительной полиціи судьи судятъ по собственному произволу, рѣдко заглядывая въ законы, къ которымъ они питаютъ недовѣріе и родъ непріязни. Приговоры ихъ, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ суровы, несоразмѣрны съ судимымъ преступкомъ.

На приговоры судовъ исправительной полиціи оказываютъ сильное вліяніе тайныя инструкціи французской полиціи. Каковы-же могутъ быть инструкціи французской полиціи, если она пользуется весьма дурной славой! Французская полиція, заключающая въ своемъ составѣ шпионовъ и агентовъ-подстрекателей, до крайности испорчена; всякое злоупотребленіе легко сходитъ ей съ рукъ и она

широко пользуется правомъ безнаказанности. И такая-то полиція неразрывно связана съ судомъ, составляетъ часть французской магистратуры! Прибавьте къ этому, что французская полиція—политическая по-преимуществу. Либераламъ, желавшимъ имѣть просто муниципальную полицію, префекты — Буатель и Пьетри во время второй имперіи, Дюваль и Рено во время республики — отвѣчали, что полиція неполитическая не болѣе, какъ утопія, и что муниципальная, судебная и политическая полиціи должны сосредоточиваться непремѣнно въ одномъ и томъ-же учрежденіи. Смыслъ такого заявленія будетъ еще понятнѣе, если мы скажемъ, что въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, 100,000 человекъ служатъ вольными или невольными агентами полиціи.

Такова французская магистратура, по своей дисциплинѣ и организаціи приближающаяся однимъ концомъ къ арміи, другимъ къ полиціи. Причины порчи ея во время второй имперіи не устранены и до сихъ поръ. Французская юстиція служитъ орудіемъ партій; она стала покорнымъ слугою политики. Благодаря адвокатамъ, захватившимъ власть 4 сентября, благодаря Тьеру, и въ особенности Брולי, Вюфе и, наконецъ, Дюфору, французская магистратура до сихъ поръ остается бонапартистскою по-преимуществу. Высшія судебныя мѣста до сихъ поръ заняты членами ненавистныхъ для французовъ смѣшанныхъ комисій. На высшихъ судебныхъ мѣстахъ сидятъ Рауль Дюваль и Бигорнъ де-Ложанъ, прославившіеся своей ревностью въ смѣшанныхъ комисіяхъ, т. е. такихъ учрежденіяхъ, для которыхъ не существовало справедливости; они поражали противниковъ второй имперіи, приписывая имъ небывалыя преступленія. Ихъ задачей было обвинять во что-бы то ни стало и они не церемонились обвинять.

Но довольно. Понятно теперь, почему французы мало уважаютъ свой судъ. Не уважая судей, могутъ-ли они уважать отправляемое этими судьями правосудіе?

Съ другой стороны, французы не могутъ подняться и вступить въ новую эру своего существованія именно потому, что они не вѣрятъ болѣе въ свое правосудіе. Говорятъ, что прусскій школьный учитель одержалъ побѣду подъ Садовой. Можно прибавить

къ этому, что французскіе адвокаты и судьи потеряли сраженіе подъ Седаномъ. Причина этого пораженія чисто-моральная; она продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ и мѣшаетъ французамъ подняться изъ униженія и занять въ европейскомъ совѣтѣ то мѣсто, на которое даютъ Франціи право ея географическое положеніе, плодородіе ея почвы, численность и развитость ея населенія. Франція не поняла, что народы гибнутъ отъ господствующаго у нихъ неправосудія; она не можетъ понять, что народъ снова поднимается только правосудіемъ.

М. Траге.

КТО НАШИ РУКОВОДИТЕЛИ?

I.

Что „всякій куликъ свое болото хвалить“ и находить его лучше всѣхъ другихъ болотъ—это нисколько неудивительно; напротивъ, совершенно естественно и понятно; но чтобы кулики считали себя превосходнѣе всѣхъ другихъ птицъ, а болота свои ставили превыше облакъ небесныхъ—объ этомъ странномъ самовосхваленіи мы узнаемъ въ первый разъ отъ куликовъ „Голоса“. Базалось-бы, кто не знаетъ ихъ настоящаго достоинства, кто не оцѣнилъ всей прелести той лужи, изъ которой они такъ самоувѣренно поднимаютъ свой разнокалиберный писекъ, но имъ, повидимому, нѣтъ никакого дѣла до того, что думаютъ о нихъ другіе, и они выдаютъ свой писекъ за руководящія мнѣнія, а себя — за Гладстоновъ. Это наивное самоуслажденіе было-бы, конечно, очень извинительно птицамъ, которымъ трудно дожидаться чьей-нибудь посторонней похвалы, и мы первые промолчали бы объ немъ, но кулики серьезно начинаютъ увѣрять насъ, что только отъ нихъ и можно позаимствоваться руководящими принципами и что они де-святъ „лучшіе въ наилучшемъ изъ міровъ“.

„Было время, размышляетъ анонимный журнальный обозрѣватель „Голоса“, — когда толстыя книжки ежемѣсячныхъ журналовъ составляли *главное питательное блюдо въ нашей духовной пищѣ*, когда новой книжки любимаго публикою журнала многочисленные читатели ожидали съ нетерпѣніемъ и, при ея появленіи, набрасывались на нее съ аппетитомъ сильно-проголодавшагося человѣка. Было такое время — и прошло; то было время, когда *преобладающее вліяніе въ нашей умственной жизни* принадлежало изданіямъ ежемѣсячнымъ. Теперь-же и число ихъ значительно

уменьшилось (радуйтесь гг. газетчики: на вашей улицѣ праздник!), и умственные силы, работающія въ нихъ, стали замѣтно слабѣе, и интересъ публики къ нимъ охладѣлъ. Объяснять упадокъ нашихъ толстыхъ журналовъ однимъ только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдніе годы получила у насъ громадное развитіе ежедневная печать, что къ участію въ газетахъ перешли наши главныя умственныя силы (т. е. гг. Краевскій, Градовскій, Суворинъ, Скабичевскій, Ларошъ и т. д., и т. д.) и что газеты завладѣли общественнымъ вниманіемъ и отбили первый постъ у своихъ старшихъ братьевъ, воспользовавшись измѣнившимися вкусами публики, — было-бы, по нѣкоторымъ причинамъ, не вполне основательно“.

Еще-бы признать послѣднее объясненіе основательнымъ! Газеты „воспользовались измѣнившимися вкусами публики“, газеты подлаживаются подъ требованія улицы, газеты дрожатъ за каждый пятачокъ, попавшій не въ ихъ лавочку, и ради этого пятачка устраиваютъ „примѣрныя битвы“ между собою и пишутъ сами себѣ рекламы, превосходящія своимъ цинизмомъ всѣ зазыванія Кача и Иоганна Гофа, — еще-бы съ такимъ объясненіемъ примирилась гордыня, обуявшая, не въ добрый часъ, г. Краевского! И вотъ „Голосу“ понадобилось другое объясненіе, къ которому онъ подходитъ величавой и самодовольной поступью, запасшись примѣрами, яко-бы почерпнутыми изъ англійской журнальной практики. Въ Англии, разсуждаетъ „Голосъ“, — существуетъ раздѣленіе журнального и газетнаго умственного труда, которое приноситъ „громадную пользу“ умственному развитію общества. Журналы даютъ серьезныя, капитальныя статьи по всѣмъ вопросамъ, которыми въ данный моментъ интересуется англійское общество; журналы устанавливаютъ по этимъ вопросамъ правильныя точки зрѣнія; газеты-же... газеты-же, по мнѣнію „Голоса“, разгрызаютъ роль флюгеровъ, повертываясь „то въ ту, то въ другую сторону“, подъ дуновеніемъ случайныхъ обстоятельствъ и страстей минуты. „Нерѣдко газетъ нѣтъ ни времени, ни возможности всесторонне обсудить предметъ, невзначай (почему-же непременно невзначай? развѣ всѣ общественные вопросы съ потолка падаютъ?) начавшій живо интересоваться общественное мнѣніе... Отношеніе летучаго листка къ подобнаго рода явленіямъ (да вольно-жь вамъ брать только явленія подобнаго рода!) можетъ быть только

страстное и потому одностороннее... Газеты поднимают вопрос, **разжигают** его, твердят объ немъ безъ умолку, когда общественное вниманіе имъ занято, причежь, *не стѣсняясь, дозволяютъ себѣ впадать въ противорѣчія съ самими собою, — кто-же станетъ справляться съ тѣмъ, что газета говорила за мѣсяцъ или хотя-бы и за недѣлю раньне?**

Мы не будемъ разбирать, на-сколько эта картина англійской журналистики соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не будемъ доказывать, что „Голосъ“ увлекся своимъ собственнымъ портретомъ, ибо между англійскими публицистами есть не мало такихъ, для которыхъ ни одинъ серьезный общественный вопросъ не слетаеъ „незначай“ и которые, прежде, чѣмъ вступить на литературное поприще, запасаются и солидными свѣденіями, и разностороннимъ образованіемъ, а главное примыкаютъ къ той или другой политической партіи, т. е. выступаютъ на общественную арену съ ясно-опредѣлившимся міросозерцаніемъ, неспособнымъ вилять въ разныя стороны. Довазывать все это было-бы излишне, такъ-какъ прелиминарныя разсужденія „Голоса“ являются не сами себѣ цѣлью, а служатъ только пропилеями для слѣдующаго заключительнаго вывода: „Что касается нашей русской періодической печати, то и газеты, и журналы поставлены у насъ въ иное положеніе. Газеты должны принимать въ соображеніе, что, кромѣ нихъ, другихъ средствъ для вразумленія о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ громадная масса читателей не знаетъ и даже не имѣетъ. *Одно уже это обстоятельство должно заставлятъ наши газеты быть осмотрительнѣе и серьезнѣе въ своихъ сужденіяхъ* (согласны, но посмотримъ, что изъ этого выйдет!), а затѣмъ, рядомъ съ собственно газетнымъ матеріаломъ, онѣ обязаны предлагать читателямъ и вещи болѣе серьезныя, и работы болѣе основательныя, чѣмъ требующіяся отъ листка, котораго жизнь ограничивается однимъ днемъ. Оттого и сфера дѣйствія нашихъ газетъ обширнѣе, и *вліяніе ихъ значительнѣе, чѣмъ въ Англии или Германіи* (вотъ и знай нашихъ куликовъ!) *). Въ сравненіи

*) Не согласятся-ли эти скромныя птицы хоть съ тѣмъ общезвѣстнымъ фактомъ, что англійская газета читается во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, гдѣ только существуетъ англійскій языкъ, и сообщаетъ своимъ читателямъ свѣденія со всѣхъ концовъ міра;—ну, а васъ кто знаетъ далѣе Ветлуги или Кобелякъ? И кому вы нужны

съ этимъ значеніемъ газетъ, вліяніе ихъ старшихъ братьевъ, нашихъ толстыхъ журналовъ, *равняется почти полному ничтожеству*. И въ самомъ дѣлѣ, когда и кто справлялся о томъ, что думаютъ они о вопросахъ, которыми занато наше общество? И предлагаютъ-ли наши журналы усилія свои къ разъясненію этихъ вопросовъ?“

Далѣе, приѣмляя общую формулу къ частнымъ явленіямъ, но выдѣляя изъ нихъ, „по весьма понятнымъ причинамъ“, „Отечественныя Записки“, столь близкія нѣжному сердцу г. Краевского, журнальный хроникеръ „Голоса“ начинаетъ востить всѣ существующіе у насъ ежемѣсячные журналы, причемъ особое вниманіе оказываетъ „Дѣлу“. Особенно провинились мы передъ „Голосомъ“ нашими политическими обозрѣніями. „Ежемѣсячная политическая хроника „Дѣла“, говоритъ нашъ строгій и неумытный судія, — составляетъ, какъ надо полагать, не въ Петербургѣ и даже не въ Россіи, а всего вѣроятнѣе во Франціи: она подписывается какииъ-то М. Триго. Зачѣмъ редакціи русскаго журнала, для объясненія съ русской публикой по вопросамъ политическимъ и социальнымъ, необходимымъ оказался сначала *весьма пошлый французъ Жакъ Лефрэнъ* (позвольте вамъ замѣтить, наипрекраснѣйшія птицы въ мірѣ, что этотъ пошлый французъ гораздо болѣе извѣстенъ всей образованной Европѣ, чѣмъ вы вашему болоту. Извините, если мы не пускаемся съ вами въ болѣе подробныя объясненія на этотъ счетъ; у васъ есть, какъ увѣряетъ „Недѣля“, вовсе не европейская замашка сажать въ будку того, кто вамъ не по душѣ), а потомъ тоже французъ Триго, — это дѣло почтенной редакціи, въ которое, конечно, никому иѣшаться не слѣдуетъ. Но...“ и т. д. „Французскій публицистъ, пишущій изъ Парижа для русскаго журнала, *можетъ быть и умнѣе, и большими возможностями обладать свѣденіями* (бездѣлица: и умнѣе, и съ большими свѣденіями!), чѣмъ русскій публицистъ, дышашій воздухомъ своего отечества, но онъ всегда останется французомъ: для него всегда будутъ незнакомы и непонятны чувства, понятія, стремле-

за предѣлами вашего собственнаго болота? Ужь если вы, съ вашими корреспондентами, просмотрѣли такой фактъ, какъ злодѣйства турокъ въ Болгаріи, и узнали о нихъ изъ „Daily News“, то съ чего-же вы взяли думать, что „вліяніе ваше значительнѣе“ англійскихъ газетъ?

нiя, а иногда и слабости того общества, для котораго предназначаются его писанiя. Если онъ знающiй и толковный человекъ, то, конечно, онъ можетъ умно разсказать и объяснить то, что происходитъ въ его отечествiи; онъ можетъ доставить вѣрныя свѣдѣнiя. Но, можетъ быть, *къ сожалѣнiю* (о чемъ тутъ сожалѣнiе?), не одно это требуется отъ публициста. Чтобы умѣть говорить понятно для своихъ читателей, онъ долженъ быть живымъ членомъ того общества, къ которому онъ принадлежитъ, раздѣлять ихъ чувства (чьи? общества? хорошо согласованiе словъ!), ихъ стремленiя, понимать ихъ слабости. Если обсужденiе нѣкоторыхъ социальныхъ вопросовъ и можетъ еще обходиться безъ національной окраски, то этого ужъ никакъ нельзя сказать о всякихъ политическихъ вопросахъ, въ которыхъ бывають замѣшаны народныя чувства, народныя интересы или хоть-бы народныя предубѣжденiя. Доказательства на лицо: скажите, не коробятъ-ли русскаго человека сужденiя о балканскихъ славянахъ, высказываемыя въ англiйскихъ и нѣмецкихъ газетахъ (такихъ *коробящихъ* сужденiй достаточно появилось и въ русскихъ газетахъ), даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторы этихъ сужденiй, повидимому, не расположены туркофильствовать? Можемъ-ли мы понять то отношенiе, въ какомъ стоитъ къ восточному вопросу вся неславянская Европа? Нечего, поэтому, удивляться, если все, что говоритъ о восточномъ вопросѣ иноземный политическiй хроникеръ журнала „Дѣло“, не можетъ имѣть для нашей публики ни малѣйшаго значенiя, *не можетъ дать ей ни одной руководящей идеи, а если и даетъ ее кому-нибудь, то совершенно ошибочную*“.

Ухъ, читатель, позвольте поставить точку и перевести духъ на маленькомъ абзацѣ! Краснорѣчiе „Голоса“ дѣйствуетъ столь изнурительно, что его возможно принимать лишь маленькими дозами, да и то черезъ часъ по ложкѣ.

II.

Вышеприведенныя цитаты—надо согласиться, крайне безтолковыя и очень дурно изложенныя даже съ синтаксической стороны—показываютъ уже, какъ велики притязанiя нашихъ газетчиковъ и какъ мало соотвѣтствуютъ такимъ притязанiямъ дѣйствительныя

достоинства и способности этих господъ. Не взните на маломъ почтенный читатель: къ участию въ газетахъ перешли, по инициативѣ „Голоса“, „наши главные умственные силы“: вліяніе русскихъ газетъ стало значительнѣе, чѣмъ въ Англіи и Германіи; онѣ „осмотрительнѣе и серьезнѣе въ своихъ сужденіяхъ“, чѣмъ англійскія газеты, вертящіяся по прихоти вѣтра; онѣ, худенькія на видъ, подобно тощимъ фараоновымъ коровамъ, пожрали толстые ежемѣсячные журналы; онѣ, наконецъ, даютъ намъ такія „руководящія идеи“, каковыхъ не въ силахъ измыслить ни одинъ умный и обладающій большими свѣденіями иностранный публицистъ. Дальше этого, кажется, не можетъ пойти ничье самохвальство и самониціе; дальше этого пошелъ только титулярный совѣтникъ Поприщинъ, возмнившій себя королемъ испанскимъ, но попавшій, какъ извѣстно, вовсе не на испанскій престолъ. И притомъ какова послѣдовательность: „Голосъ“ признаетъ за идеалъ англійскіе журналы, въ которыхъ даются серьезныя, фактическія, чуждыя односторонности политическія статьи, и упрекаетъ насъ за то, что мы избрали сотрудникомъ по политическому отдѣлу человека европейски-образованнаго, европейски-развитаго, непричастнаго „предубѣжденіямъ и слабостямъ“ нашихъ журнальныхъ лоскутныхъ рядовъ, въ которыхъ на главномъ прилавкѣ возсѣдаетъ г. Краевскій. Вѣдь только отъ лоскутныхъ рядовъ и можно ожидать такой добросовѣстности, которой отличается „Голосъ“: онъ безъ церемоніи разругалъ всѣ наши ежемѣсячные журналы, но умолчалъ объ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ матеріальномъ успѣхѣ которыхъ г. Краевскій заинтересованъ по контракту, а не проблематически, какъ г. Лихачевъ въ „Новомъ Времени“, — заинтересованъ именно только въ матеріальномъ успѣхѣ, но не въ содержаніи и направленіи журнала, которыя опредѣляются или, по крайней мѣрѣ, опредѣлялись до сихъ поръ другими лицами, независимо отъ редакціи „Голоса“.

Посмотримъ, однако, поближе, какія такія „умственные силы“ подвизаются нынѣ въ нашихъ газетахъ и что за „руководящія идеи“ даютъ онѣ русскому обществу, неожиданно-негаданно попавшему къ нимъ подъ опеку?

Одного книгопродавца, издавашаго на своемъ вѣку многое множество дѣтскихъ книжонокъ, блестящихъ только своими переплетами, спросили какъ-то: къ кому изъ литераторовъ обращается онъ

за содѣйствіемъ въ своей издательской дѣятельности. „Ни къ кому-сь! скромно, но лукаво улыбаясь, отвѣтствовалъ книгопродавецъ. — Мнѣ *литераторы* не нужны-сь, у меня есть *свои люди*, которымъ я и заказываю строчить книжки для красивенькихъ переплетовъ. Скажу вамъ даже: съ литераторами, съ настоящими литераторами, бѣда-сь! Народъ они самолюбивый, обидчивый, все о какихъ-то убѣжденіяхъ да взглядахъ толкуютъ, спорятъ, ломаются, а *свои люди* — народъ простой, безхитростный: что имъ ни закажешь, все настрочатъ, живо, скорехонько да еще по дешезымъ цѣнамъ-сь. Нѣтъ, въ нашемъ торговомъ дѣлѣ свои люди куда способнѣе!“ Это признаніе сердцевѣда-книгопродавца весьма характерно, и оно невольно пришло намъ въ голову теперь, послѣ хвастливыхъ увѣреній „Голоса“. Мы имѣемъ очень сильныя основанія думать, что „свои люди“, строчащіе живо и скоро, невозбуждающіе при этомъ никакихъ непріятныхъ вопросовъ о взглядахъ и убѣжденіяхъ, люди безобидные и на все согласные, переселились en masse въ наши большія и малыя газеты, и что ихъ-то именно и слѣдуетъ разумѣть подъ несоотвѣтственною кличкою „нашихъ главныхъ умственныхъ силъ“. Дѣйствительныя, несомнѣнныя умственные силы русской литературы, писатели, выработавшіе себѣ опредѣленную систему взглядовъ и извѣстные съ этой стороны публикѣ. — эти писатели всѣ наперечетъ, но не имъ принадлежитъ преобладающій голосъ и руководящее вліяніе въ нашей газетной прессѣ. Такіе люди не дешево поступаются своими убѣжденіями, не продаютъ ихъ съ аукціоннаго торга, не повинуются рабски магическому жезлу комерсанта-издателя и вообще составляютъ препятствіе для легкаго поворачиванія газеты „то въ ту, то въ другую сторону“. Попадая случайно въ эти изданія, они чувствуютъ себя въ неловкомъ, угнетенномъ положеніи между „своими людьми“, и очень скоро приходятъ въ столкновеніе съ самодурствомъ, непониманіемъ или явнымъ торгашествомъ газетнаго комерсанта. Мы говоримъ, конечно, не о газетахъ вообще, не о газетномъ дѣлѣ въ принципѣ, но только о русскихъ газетахъ и притомъ въ настоящій моментъ ихъ существованія. Какъ-бы ни извращалъ „Голосъ“, *rouge besoins de sa cause*, положеніе европейской журналистики, но мы знаемъ довольно твердо, что въ Европѣ газета (за исключеніемъ „Figaro“, сдѣлавшагося притчей во языцѣхъ, и ему подобныхъ, прямо продажныхъ листовъ) слу-

жить или политическимъ знаменемъ для организовавшейся партіи, или проводникомъ новыхъ понятій и убѣжденій, еще только прокладывающихъ себѣ дорогу къ политическому господству; на этомъ основаніи европейскія газеты, и французскія, и англійскія, всегда окрашены однимъ цвѣтомъ, всегда держатся опредѣленной программы дѣйствій, и ихъ случайныя противорѣчія, уклоненіе отъ однажды выраженной мысли являются не болѣе, какъ перемѣною фронта въ борьбѣ или напередъ рассчитанной диверсіей въ непріятельскій лагерь. О политическомъ значеніи нашей прессы, о русскихъ партіяхъ, конечно, и говорить нечего (эти ужасы могутъ мерещиться только больному воображенію кн. Мещерскаго); но наши газеты могли-бы и помимо этого значенія приносить пользу обществу распространеніемъ здравыхъ и честныхъ понятій, послѣдовательнымъ проведеніемъ какой-нибудь опредѣленной программы, обусловленной идеями и убѣжденіями, а не капризными ввусами или денежными расчетами издателей. Мы помнимъ, что подобныя попытки производились съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и въ нашей газетной прессѣ, но то было время, а теперь настало другое. Если ужъ объ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ говорить не безъ основанія, что они безцвѣтны и вялы, хотя дѣйствительно умственные силы все-таки продолжаютъ держаться въ нихъ и кидаются въ объятія гг. Полетики, Баймакова и Трубникова, — то что-же сказать о нашихъ газетахъ, которые, не замѣчая своей жалкой пустоты и ничтожности, принимаютъ еще такой самодовольный, обличительный тонъ вопреки умному совѣту басни: „чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?“ Книжку „Русскаго Вѣстника“ вы все-таки отличаете отъ „Вѣстника Европы“ или „Отечественныхъ Записокъ“ не по одной лишь оберткѣ, но по качеству и направленію статей; теперь возьмите-же пачку нашихъ газетъ, сотрите въ нихъ заглавія и подписи и потомъ потрудитесь отличить „Биржевыя Вѣдомости“ отъ „Финансоваго Обзорнія“ или „С.-Петербургскія Вѣдомости“ отъ „Голоса“; потрудитесь сказать, гдѣ оканчивается г. Краевскій и начинается г. Трубниковъ или г. Градовскій? И если-бы по какимъ-нибудь несповѣдимымъ судьбамъ типографіи перепутали заглавія газетъ, поставивъ вмѣсто „Голоса“ „Новое Время“, а вмѣсто „Новаго Времени“ „Голосъ“, то кто-бы отличилъ ихъ по внутреннему со-

держанію, по направленію ихъ идей? Въ послѣднее время, когда патріотизмъ сдѣлался выгоднымъ товаромъ для нашей журнальной лавочки, утратилось даже всякое различіе между большою и маленькою прессою, которая тоже, „позабывъ свое служеніе“ и бросивъ „метлу“ дворника, начала пускаться въ литературу и политику. И маленькая пресса нисколько не глуше большой, хотя гг. Баймаковъ, Краевскій и Полетика и смотря на нее съ высоты своего величія, да и по части невѣжества и малограмотности она едва-ли представитъ больше образчиковъ, чѣмъ сколько представила ихъ большая пресса для коллекціи г. Драгоманова въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Молвы“. Говоря коротко, будущій историкъ русской прессы придетъ въ недоумѣніе при видѣ современной массы газетнаго хлама, непроникнутаго даже тѣмъ единствомъ взглядовъ, которое встрѣчалось въ нашей журналистикѣ еще въ первой четверти текущаго столѣтія. Сбивчивый тонъ, рѣзкія противорѣчія, недомысліе, арлекинады и буффонады всякаго рода—вотъ что бросится ему безпощадно въ глаза и онъ пожалѣетъ о томъ состояніи общества, которое довольствовалось такимъ печатнымъ соромъ...

Примѣровъ всего вышесказаннаго можно бы, пожалуй, и не приводить для внимательнаго читателя. Кто далъ себѣ трудъ наблюдать, хотя-бы съ недѣлю, за „меньшею братією“ нашей журналистики, такъ неудержимо рвущейся въ братію большую, кто потратилъ время на чтеніе, за этотъ періодъ, любой газеты, тотъ знаетъ, что мы ничего не преувеличили въ нашемъ отзывѣ. Но чтобы не дать никому права обвинять насъ въ голословности, мы припомнимъ наиболѣе крупныя факты, подтверждающіе нашъ отзывъ, и очертимъ фیزیономію самыхъ видныхъ газетъ. Что такое, напр., представляютъ собой „Виржевыя Вѣдомости“, какъ не случайный сбродъ литературныхъ *жильцовъ*, которые завтра-же могутъ разбрестись въ разныя стороны, отыскавъ для себя болѣе удобныя или выгодныя помѣщенія? Что привело ихъ къ г. Полетикѣ и что удерживаетъ ихъ у него подъ командой? Солидарность стремленій, единство взглядовъ, что-ли? Да объ этомъ смѣшно и говорить, и всѣхъ больше будутъ смѣяться надъ этимъ наивнымъ предположеніемъ сами жильцы меблированныхъ комнатъ г. Полетики. Какая-жь тутъ солидарность взглядовъ, если, въ одномъ и томъ-же номерѣ газеты, г. Полетика воспѣваетъ благодѣтельное

влияніе биржевого ажіотажа, нашей акціонерной эксплуатаціи. а Заурядный Читатель (эмигрировавшій изъ „Отечествен. Записокъ“ безъ особаго ущерба для этого журнала) предаётся маниловской грусти о господствѣ у насъ золотого кумира и биржевыхъ дѣльцовъ? О нравственной связи между сотрудниками „Биржевыхъ Вѣдомостей“ можно судить уже по тому факту, что стояло только г. Суворину распрощаться съ г. Полетикой и завести свою газету, какъ онъ изъ даровитаго писателя мгновенно разжалованъ въ бездарнаго крикуна, исполненнаго самыхъ злокачественныхъ пороковъ. Такая-же точно метаморфоза произошла и съ г. Боборыкинымъ послѣ того, какъ онъ пересталъ помѣщать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ свои статьи и фельетоны. Столько-же плотный литературный составъ обнаруживается и въ другихъ нашихъ ежедневныхъ газетахъ, и понятно отсюда, что ихъ фізіономія нѣсколько напоминаетъ тѣ политическія карикатуры, въ которыхъ изъ змѣй, младенцевъ и другой мозаики складывается портретъ историческаго лица, или, еще ближе, тѣ, которыхъ человѣческой обликъ, повернутый другой стороною, изображаетъ уже ослиную голову...

III.

Соединяя въ себѣ столько разнородныхъ, случайныхъ и даже нерѣдко враждебныхъ элементовъ, съ трудомъ устанавливающихъ между собою *modus vivendi*; отдавая предпочтеніе „своимъ людямъ“, литературной богемѣ, предъ серьезными и образованными писателями, — наши газетныя редакціи и не могутъ, если-бы даже захотѣли, отъликаться дружно и послѣдовательно на общественныя событія, не въ силахъ сдѣлаться дѣйствительными, а не самозванными руководителями общественнаго мнѣнія. Какой, въ самомъ дѣлѣ, откликъ можетъ давать литературный органъ или, точнѣе, *органъ* съ испорченными трубами, съ поломаннымъ механизмомъ, съ нескладнымъ темпомъ, наигрывающій одновременно и итальянскую арію, и „Сударыня-барыня, пожалуйста ручку“?

Возьмемъ, напр., хоть тотъ-же восточный вопросъ, на которомъ травить насъ „Голосъ“, убѣдительно доказывая, что иностранецъ Триго, будь онъ семи пядей во лбу, не стоитъ мизинца туземнаго

политика, настрачивающаго передовую статью въ русской газетѣ,— не стоитъ потому, что никогда не можетъ вѣрно понять „великихъ политическихъ вопросовъ, въ которыхъ замѣшаны народныя чувства“. И что-же мы видимъ? Такъ-какъ національныя чувства у людей сколько-нибудь развитыхъ и порядочныхъ никогда не отходятъ слишкомъ далеко отъ чувствъ общечеловѣческихъ, то вышло, что „пошлый французъ“ Триго, ставъ на широкую, общечеловѣческую точку зрѣнія, съумѣлъ горячѣе и сочувственнѣе отнестись къ судьбѣ славянъ, изнывающихъ подъ игомъ азіатскаго деспотизма, чѣмъ проникнутый „национальными чувствами“ туземный политикъ „Голоса“. Г. Триго, касаясь неоднократно славянскаго вопроса, какъ въ Турціи, такъ и въ Австріи, раскрывалъ вполне все безобразіе турецкаго управленія, всѣ ошибки австрійскаго дуализма, и съ искреннимъ доброжелательствомъ относился къ будущности славянскаго міра, которому суждено, рано или поздно, освободиться отъ сковывающихъ его политическихъ цѣпей. Но г. Триго не ограничивается однимъ политиканствомъ, одними дипломатическими соображеніями, и никогда не забываетъ вопросовъ соціальной справедливости, правильнаго общественнаго устройства. „Всей этой политикѣ, говоритъ онъ въ своей іюльской хроникѣ,—мы предпочитаемъ исторію, а всей этой дипломатіи — истину. Среди всѣхъ страстей и противорѣчій мы стараемся отыскать вещь очень рѣдкую, однакожь, существующую—справедливость, пытаемся найти гуманность“. На этомъ основаніи г. Триго видѣлъ въ возстаніи Босніи и Герцеговины не одинъ политическій, но также и соціальный вопросъ, который совершенно ускользнулъ отъ вниманія русскихъ газетчиковъ. „Что именно вызвало возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ?“ спрашивалъ г. Триго въ послѣдней книгѣ „Дѣла“ за 1875 г. и отвѣчалъ на это: „Возмутительныя злоупотребленія, которыя безваканно совершали *они*, поземельные собственники и чиновники вмѣстѣ, по большей части славянскаго происхожденія, принявшіе мусульманство для того, чтобы ихъ самихъ менѣе притѣсняли, а они, въ свою очередь, могли-бы свободнѣе притѣснять другихъ. Истиннымъ освободителемъ Босніи и Герцеговины будетъ не тотъ, кто завоюетъ имъ у турокъ административную автономію, но тотъ, кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавитъ ихъ отъ произвола *они*, т. е. совершитъ подобную-же великую реформу, какая совершена въ Россіи 19 февраля

1861 года“. Та точка зрѣнія, на которой стоитъ г. Триго, не исключаетъ ни политической, ни національной стороны вопроса. но обнимаетъ ихъ собою и приводитъ въ гармонію съ требованіями соціальной справедливости.

Какъ-же посмотрѣлъ на этотъ „великій вопросъ“ туземный политиканъ „Голоса“? Прежде всего и болѣе всего ему захотѣлось прикинуться дипломатомъ, до тонкости знающимъ всѣ тайны европейскихъ кабинетовъ, глубоко посвященнымъ во всѣ мельчайшія соображенія Бисмарка и Андраши. Кто посвящалъ „Голосъ“ въ эти тайны, — это ему одному извѣстно, но посвящали его, во всякомъ случаѣ, плохо, и онъ, въ своей дипломатической боязливости, изумлялся и отчаянно махалъ руками даже тогда, когда настоящіе дипломаты очень спокойно смотрѣли на событія. Но и размахиваніе руками не было самостоятельнымъ, а заимствованнымъ у г. Суворина. Если послѣднему и „въ сонномъ видѣніи“ не снилось преобразиться въ такого яростнаго патріота, то г. Краевскому и на яву никогда не грезилось, что *можно и должно* быть патріотомъ безжездно.

„Національнаго чувства“ въ „Голосѣ“ обнаружилось гораздо меньше, чѣмъ дипломатическихъ поползновеній. Какъ только генералъ Черняевъ отправился въ Сербію, г. Градовскій-Гамма бросилъ ему вслѣдъ кличку „кондотьеръ“, причѣмъ, какъ „аблакать“, подвелъ даже статью закона, въ силу которой русскій подданный, самовольно поступающій на службу въ другое государство, *можетъ быть лишенъ правъ состоянія*. Безобразіе этой выходки трудно было что-нибудь и придумать, и мы удивляемся даже, какъ такой многоопытный журналистъ, какъ г. Краевскій, допустилъ ее на страницы „Голоса“: этимъ онъ сильно повредилъ своему изданію и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Вѣдь тутъ уже не только о національномъ чувствѣ, о народныхъ симпатіяхъ, но даже о простомъ журнальномъ тактѣ, объ обыденныхъ приличіяхъ заговаривать совѣстно. Мы никогда не сочувствовали журнальной дѣятельности г. Черняева (замѣтимъ, однако, что по славянскому вопросу „Русскій Міръ“ всегда бралъ очень энергическую и справедливую ноту), мы боролись противъ этого направленія, сколько могли и умѣли; но мы сочли-бы стыдомъ для себя переносить это несочувствіе даже на такой шагъ генерала Черняева, какъ его самоотверженна

служба сербскому народу. Фельетонистъ-же „Голоса“ неспособенъ былъ ни сообразить, ни почувствовать предосудительность своей выходки,—и это, впрочемъ, совершенно понятно для насъ. Г. Градовскій—человѣкъ на всѣ руки; сначала онъ служилъ по найму у князя Мещерскаго и съ неистовствомъ выдался на г. Краевскаго и всѣхъ его присныхъ, затѣмъ перешелъ на службу къ г. Краевскому и предложилъ ему такія-же сомнительныя услуги, которыя редакторъ „Голоса“ не побрезгалъ принять. „Русскій Миръ“, по своему направленію, близокъ къ „Гражданину“; значитъ, и г. Черныаева нужно преслѣдовать на всѣхъ путяхъ его, чтобы сдѣлать угодное г. Краевскому... Такова логика всѣхъ подобныхъ писаекъ, которымъ некогда думать о своихъ писаніяхъ,—которые не учились даже размышлять объ общественныхъ вопросахъ, а строчать себѣ да строчать въ угоду своимъ патронамъ, да и какамъ патронамъ!—которые, ложась спать, сами не знаютъ, откуда подуетъ вѣтеръ и о чемъ имъ придется говорить завтра.

Первая нелѣпая выходка „Голоса“ не была, далеко, послѣднею. Передозы статьи въ тонѣ дипломатической мудрости, разныя подозрительныя корреспонденціи изъ Бѣлграда, тенденціозныя телеграммы дополнили дурное впечатлѣніе и оттолкнули отъ „Голоса“ значительную часть читающей публики. На этомъ опасномъ пунктѣ „Голосъ“ встрѣтился съ конкurreнціей „Новаго Времени“, у котораго обазались тоже свои Гладстоны, вроде г. О. Миллера. Двѣ конкурирующія лавочки не могли, конечно, ужиться въ ладу. „Новое Время“ первое начало дѣлать нападки на „Голосъ“, возмнивъ себя неизмѣримо выше его. Оно долго подавливало г. Краевскаго на разныхъ промахахъ и обмолвкахъ, долго допекало язвительными шуточками. „Голосъ“ самонадѣянно молчалъ и дѣлалъ видъ, что онъ, какъ журнальный слонъ, „совсѣмъ не примѣчаетъ“ лая моськи. Но вотъ, однако, на разносной продажѣ онъ имѣлъ случай убѣдиться, что моська заѣдаетъ слона... „Голосъ“ не стерпѣлъ. Разносная продажа—это не какой-нибудь „славянскій братъ“, это не мифическій журавль въ небѣ, но такая достолюбезная синица, о которой стоитъ похлопотать и поспорить, стоитъ снзойти до полемики съ „Новымъ Временемъ“, до союза съ „Петербургской Газетой“. „Да, водевилъ есть вещь, а прочее все—гиль“. И вотъ война началась.

Богъ брани вдохновилъ г. Краевского. Въ бюро „Международнаго телеграфнаго агентства“ (извѣстно, что агентствомъ этихъ управляетъ редакторъ „Голоса“) хранилось письмо г. Лихачева, въ которомъ онъ, прося о доставленіи телеграммъ „Новому Времени“, присовокупляя, что онъ „матеріально заинтересованъ“ въ изданіи этой газеты. Быть матеріально заинтересованнымъ въ газетѣ— не значитъ еще быть ея издателемъ, внушителемъ или редакторомъ: все это вещи очень различныя, и г. Краевскій лучше другихъ понимаетъ эту разницу. И все-таки онъ ухватился за этотъ случай, какъ за необыкновенный криминалъ, началъ лазить по чужимъ карманамъ и конторкамъ и инквизиторски допытываться: кто и на что тратитъ свои деньги? Какъ и почему г. Лихачевъ является *внушителемъ* „Новаго Времени“?—такъ что мы невольно подумали, ужь не обратилъ-ли „Голосъ“ свое телеграфное агентство въ бюро сыщиковъ.

Если-бы между „Голосомъ“ и „Новымъ Временемъ“ не упалъ лакомый кусокъ розничной продажи, г. Краевскій, конечно, никогда не полѣзъ-бы въ бумажникъ къ г. Лихачеву и предоставилъ-бы ему сколько угодно тратиться на изданіе непопулярной и приносящей убытокъ газеты. Письмо г. Лихачева не имѣло-бы никакихъ послѣдствій, кромѣ своевременной доставки телеграммъ въ редакцію „Новаго Времени“ и полученія за нихъ должной платы. Но въ данномъ случаѣ изъ письма г. Лихачева возникъ цѣлый *corpus delicti*, и „Голосъ“, изощряя свои способности обвинителя, пустился доказывать, что г. Суворинъ есть только подставное лицо, но что въ сущности редакторомъ и издателемъ „Новаго Времени“ является г. Лихачевъ, который служитъ, молъ, товарищемъ предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда и, въ этомъ санѣ, можетъ имѣть прямое вліяніе на судьбу печати. Развивая эту фантазію, „Голосъ“ не стѣснился даже перепечатать и размазать своими примѣчаніями бессмысленную сплетню, пущенную въ ходъ Григоріемъ Градовскимъ, будто-бы г. Лихачевъ кому-то и гдѣ-то угрожалъ, что онъ „запретить „Русское Обзорѣніе“ на пять лѣтъ“. (Эка цаца! да его и безъ запрещенія едва-ли кто-нибудь читаетъ.) Григорій Градовскій, распуская эти сплетни, — за которыя г. Лихачевъ можетъ притянуть его къ суду, — рекламируетъ, хотя не безъ риска, свою убогую газету; но „Голосъ“ могъ-бы посовѣститься распро-

странять выдумки, роняющія только того, кто къ нимъ прибѣгаетъ. Г. Краевскій не можетъ не знать, что вопросъ о приостановкѣ или запрещеніи періодическаго изданія *никогда* еще не доходилъ до разсмотрѣнія суда и что распорядителемъ судебъ печати является у насъ главное управленіе по дѣламъ печати и въ рѣдкихъ случаяхъ комитетъ министровъ, а вовсе не судебное вѣдомство. И послѣ этого у „Голоса“ хватаетъ духу читать наставленія г. Суворину: „не сплетничайте, не лгите, не развращайте читателя скандалами“ и пр. Врачу, исцѣлся самъ!

Таковы наши литературныя кумушки, мечтающія руководить общественнымъ мнѣніемъ!

IV.

Той-же дорожкой шествуетъ и „Новое Время“, которому, конечно, и въ сонномъ видѣніи не снилось, гдѣ раки зимуютъ... Г. Суворинъ слишкомъ храбро утверждаетъ, что сотрудники его газеты „спѣлись между собою“ такъ, что будто-бы и не нуждаются въ руководителѣ: это самообольщеніе особенно вредно для молодой газеты, которая и времени еще не имѣла организовать вполне удовлетворительно. Лучше было-бы скромно признаться, что составъ редакціи требуетъ измѣненій и пополненій; тогда публика могла-бы чего-нибудь ожидать въ будущемъ, а теперь, при печальномъ самообольщеніи г. Суворина, читателю остается лишь повторить дантовскій стихъ „Оставь надежду навсегда“. Быстрый успѣхъ „Новаго Времени“ вовсе не служитъ доказательствомъ, что публика видитъ въ немъ больше журнальнаго цемента, единства взглядовъ и убѣжденій чѣмъ въ другихъ газетахъ. Не трудно замѣтить съ перваго взгляда, что газета страдаетъ именно недостаткомъ внутренней организации, что почти всѣ отдѣлы ея наполняются болѣе или менѣе случайнымъ матеріаломъ, въ которомъ нѣтъ и слѣдовъ журнальнаго направленія. По части увеселительнаго и легкаго матеріала конечно, „Новое Время“ далеко опередило всѣхъ своихъ конкурентовъ; и мы посовѣтовали-бы ему нейти дальше этого, не вдаваться въ славяно-русскій шовинизмъ; не звонить громкими фразами, не вызывать на бой всю Европу и не придирааться къ мнѣніямъ, вполне добросовѣстнымъ, но несовпадающимъ съ ка-

„Дѣяс“, № 9, 1876 г.

мертономъ газеты легкаго поведенія... Это не ея ума дѣло... Такимъ неудержимымъ, захлебывающимся фразерствомъ отличается въ послѣднее время г. Орестъ Миллеръ. Втеченіи одной недѣли онъ два раза принимался на столбцахъ „Новаго Времени“ (№№ 157 и 162) потѣшаться надъ западною Европою, которая, въ своемъ нравственномъ *міеніи*, является „злою мачихою славянъ“, обозвалъ огуломъ всѣхъ англичанъ торгашами и мошенниками, — причесть наивно удивился, что англійская печать не поторопилась воспроизвести этихъ милыхъ терминовъ, — и превознесъ наше сочувствіе славянамъ, какъ такой актъ, въ которомъ „мы сознали себя, наконецъ (послѣ тысячелѣтняго-то существованія?), какъ общество, какъ народъ, самостоятельной силой“. Какъ все это старо и неумно, какъ напоминаетъ хвастливыя патріотическія вирши, наводнявшія нашу литературу передъ крымской войной! Казалось-бы, г. Миллеръ могъ понять, что Дизраели не есть Англія и что даже самое лучшее правительство не можетъ вполне выражать чувствъ и мнѣній своего народа; онъ видитъ, если только можетъ что-нибудь видѣть, что въ Англіи также негодуютъ на звѣрства турокъ, какъ и у насъ, что въ Сербіи англійскій легионъ, подъ предводительствомъ Мак-Ивера, сражается на-ряду съ русскими волонтерами за свободу славянъ, что народное движеніе въ Англіи развивается въ огромныхъ размѣрахъ и грозитъ свергнуть министерство Дизраели; онъ знаетъ все это и, тѣмъ не менѣе, швыряетъ въ цѣлую націю своими комическими ругательствами, развязно толкуетъ о гніеніи Запада, развязно махаетъ своимъ картоннымъ мечемъ, или, какъ школьникъ, показываетъ языкъ, вступая съ милордами въ переписку.

„Я горько скорблю о томъ, говоритъ на митингѣ Лоу, членъ бывшаго англійскаго министерства, — что эти молодые народы, завоевывающіе свою свободу съ такими опасностями, смотрятъ на Россію, какъ на свою избавительницу, а насъ считаютъ своими противниками“. Политику Дизраели онъ называетъ, съ англійской смѣлостью выраженія, „безумной политикой“. Что-же касается турецкихъ звѣрствъ, которыя будто-бы встрѣчаются равнодушно во всей Англіи, то вотъ какъ отзывается объ нихъ на другомъ митингѣ самъ глава бывшаго министерства — Гладстонъ: „Нѣтъ того преступника во всѣхъ европейскихъ тюрьмахъ нѣтъ того людоеда южныхъ морей, кровь которыхъ не возмути-

лась-бы и не вскипѣла при разсказахъ о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи; они останутся несмываемымъ стыдомъ Турціи, — и да покроется вѣчнымъ позоромъ человѣческій родъ, если туркамъ оставятъ отпертую дверь для повторенія хотя слабаго подобія подобнымъ-же звѣрствамъ“. Наконецъ, въ своей недавно-вышедшей брошюрѣ Гладстонъ предлагаетъ подробный политическій планъ, который имѣетъ цѣлью „изгнать турецкую администрацію не только изъ Босніи и Герцеговины, но и изъ Болгаріи“ и тѣмъ „возстановить честь Британіи, которая была скомпрометирована прискорбными событіями нынѣшняго года“. Какъ все это похоже на безчестіе и торгашество!

„Голосъ“ (№ 252), правда, увѣряетъ, что брошюра Гладстона составляетъ, молъ, „повтореніе или сокращеніе статей“, которыми наполнялись столбцы этого изданія; но хорошо и то что бывшій премьеръ образумился и пришелъ въ чувство, понюхавъ нашатырнаго спирта изъ стеклянки г. Краевского. Да простить-же ему Создатель литературныя похищенія у „Голоса“, которыя, впрочемъ, приводятъ на память извѣстную эпиграму:

„Я разорился отъ воровъ!“

— Жалѣю о твоёмъ я горѣ.

„Укралъ пувъ моихъ стиховъ“...

— Жалѣю я о ворѣ!

Г. Миллеру, можетъ быть, досадно, что Гладстонъ и Лоу не могутъ сейчасъ-же смѣнить „жида“ Дизраели (у насъ уже и кличка „жида“ пошла въ ходъ!); но подождите, юный публицистъ! У Англіи есть свои, выработанныя вѣками политическія формы, и если онѣ замедляютъ иногда рѣшеніе дѣлъ, то, согласитесь, имѣютъ, однако, и свои неосцѣненные выгоды...

Н. Мизантроповъ.

Въ редакцію журнала „Дѣло“ поступили слѣдующія пожертванія въ пользу славянъ Балканскаго полуострова:

Отъ Елены Дмитриевны Сапожниковой изъ Владимір. губ.	25 р.
„ Е. Мартыновскаго изъ Вознесенска.	25 „
„ В. Н. Баркова изъ с. Воскресенскаго, Ниж. губ.	3 „
„ С. Рыш—ло.) Изъ ста- 5 „ ницы — 50 к.
„ Фельдшера Алексѣева	
„ Жены отставнаго солдата Арины Черпинево) Царской. — 50 „
„ Х. У. З.	
„ П. П. Петина изъ Козлова	3 „
„ М. Е. Голембіовской, надзирательницы 2-хъ-клас- снаго училища, изъ Владиміра Волинской губ.	6 „
„ Ученицъ православ. и евреекъ того-же училища	2 „
„ Бориса Степановича Бородина.	10 „
Итого. 80 р. 60 к.	
А съ прежде поступившими (см. № 8 „Дѣла“)	157 „
Всего. 237 р. 60 к.	

Редакція „Дѣла“ искренно благодаритъ своихъ подписчиковъ за ихъ пожертванія. Деньги отправлены въ Бѣлградъ, на имя преосв. Миталла, съ просьбой дать имъ наилучшее назначеніе; о полученіи ихъ отцомъ Миталломъ будетъ объявлено въ слѣдующей кн. „Дѣла“.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. ШЕРРА. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигіены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступательной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигіены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины. Лж. Ст. Милл. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милл. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 30 к.

р Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюль Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одичъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лягьева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ войны до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Мертвая петля, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

Переводъ съ итальянскаго, около 35 печатныхъ листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ пересыл. 2 р. 30 коп.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДВЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

- Литературный трудъ въ Россіи. Историческій очеркъ. *С. С. Шапкова.*
Темная ночь. Стихотвореніе. *П. Быкова.*
Тревожныя мѣста. (Окончаніе.) . . . *П. И. Огородникова.*
Черноземныя поля. Романъ въ двухъ частяхъ. (Окончаніе первой части.) *Ев. Л. Маркова.*
Сынъ. (Поэма изъ Ф. Коппе.) *А. Михайлова.*
Израиль воинствующій. Недѣля у дагестанскихъ евреевъ. (Гл. I—III.) *В. И. Немировича-Данченко.*
Забытое кладбище. Стихотвореніе. . . *Л. Граве.*
Даниель Деронда. Романъ изъ современной англійской жизни. (Гл. XXXI—XXXVII.) *Джорджа Эмота.*
Больное сердце. Стихотвореніе. . . . *Я. Старостина.*
Наши окраины. Апатія юга. *Д. Л. Мордовцева.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Еще о просвѣтительной неумѣлости. *Н. Языкова.*
Литературное попури. (Статья третья.) *П. Никитина.*
Новыя книги.
Татуированіе. *Э. Р.*
На страждущихъ славянъ! *С. Ш.*
Внутреннее обозрѣніе. *Н. Ш.*
Политическая и общественная хроника. *М. Трило.*
Приглашеніе о пожертвованіи въ пользу славянъ отъ Редакціи журнала „Дѣло“.
Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

- Гигіеническія условія брака . . . *В. О. Португалова.*
Смерть стараго вивѣра. Стихотвореніе.
(Изъ Т. Лидса.) *А. Константинова.*
Израиль воинствующій. Недѣля у да-
гестанскихъ евреевъ. (Гл. IV—
V.) *В. И. Немировича-Данченко.*
Осенняя элегія. Стихотвореніе. . . *И. З. Сурикова.*
Даніель Деронда. Романъ изъ совре-
менной англійской жизни. (Гл.
XXXVIII—XLIX.) *Дж. Эліота.*
Бѣшенная лощина. Романъ. Часть I.
(Гл. I—VI.) *П. Лѣтнева.*
Кай Муцій Сцевола. Драматическія
сцены. (Изъ Т. Лидса.) . . . *А. Константинова.*
Что спасаетъ Турцію? *А. М.*
Черноземныя поля. Романъ. Часть II.
(Гл. I—III.) *Е. Л. Маркова.*
Мать. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) *А. Михайлова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Пророкъ славянофильскаго идеализма. *Н. Языкова.*
Парижскія письма *Анонима.*
Новыя книги.
Развитіе первобытной культуры. (Ст.
первая.) *С. С. Шаликова.*
Политическая и общественная хро-
ника. *М. Трио.*
Кто наши руководители? *Н. Мизантропова.*
Пожертвованія въ пользу Славянъ, посту-
пившія въ Редакцію „Дѣла.“

1
ВО ЗСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ
ИПОЛИТА НЪЕВО.

Переводъ съ итальянскаго, около 35 печатныхъ листовъ. Цѣна
безъ пересыл. 2 р.; съ пересыл. 2 р. 30.

РУССКІЯ
ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ
(Женщины до-петровской Руси.)

Д. Л. Мордовцева. Спб. 1874 г. Осталось незначительное
число экземпляровъ. Цѣна 2 р. 75 к.; съ перес. 3 р. 25 к.

ОСНОВЫ ДЛЯ УХОДА
ЗА ПРАВИЛЬНЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ
МЫШЛЕНІЯ И ЧУВСТВА.

М. ЗЕЛЕНСКАГО.

Томъ I, цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкой во всѣ города Россіи 4 р.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала
„Дѣло“ въ 1877 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) объ ин-
ститутѣ Тюднума.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1877 ГОДУ

ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ СЛѢДУЮЩИХЪ МѢСТАХЪ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Исключительно въ Главной конторѣ журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ указанныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя ответственной за исправную и своевременную высылку журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Вся Европа, Египетъ и Соединенные Штаты — 19 руб.; остальная Америка — 25 руб.; Азія 24 руб..

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 295